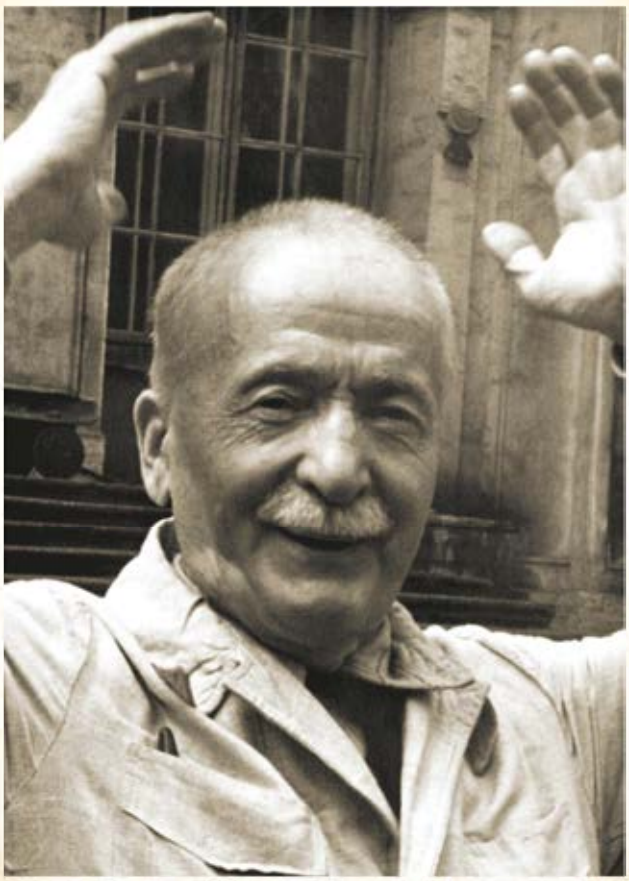
Г. Э. Щеглов



ХРАНИТЕЛЬ

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА МОРОЗОВА

МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ
им. Святителя Кирилла Туровского

Г. Э. Щеглов

ХРАНИТЕЛЬ.
Жизненный путь
Федора Михайловича Морозова

Минск
«ВРАТА»
2012

УДК 7.01(470)+929 Морозов
ББК 85.101(2)
Щ33

Допущено к изданию Издательским советом Белорусского Экзархата Русской Православной Церкви (решение № 706 от 08.02.2012)

Рецензент: протоиерей Федор Кривонос, доцент Минских Духовных Академии и Семинарии, кандидат богословия

Щеглов, Г. Э.
Щ33 Хранитель. Жизненный путь Федора Михайловича Морозова / Г. Э. Щеглов. – Минск: ВРАТА, 2012. – 366 с., [73] л. цв. ил. : ил.

ISBN 978-985-6912-06-4.

Книга посвящена жизни Ф. М. Морозова (1883–1962) – искусствоведа, коллекционера, археолога, самоотверженно занимавшегося сбережением памятников искусства и старины, в частности церковных. Человек необычной и непростой судьбы, Морозов оказался причастен ко многим ярким событиям своего времени: был на фронтах Первой мировой и Гражданской войн, пережил Ленинградскую блокаду и пр. В любых обстоятельствах он неизменно оставался преданным главному делу своей жизни – сбережению культурного достояния России.

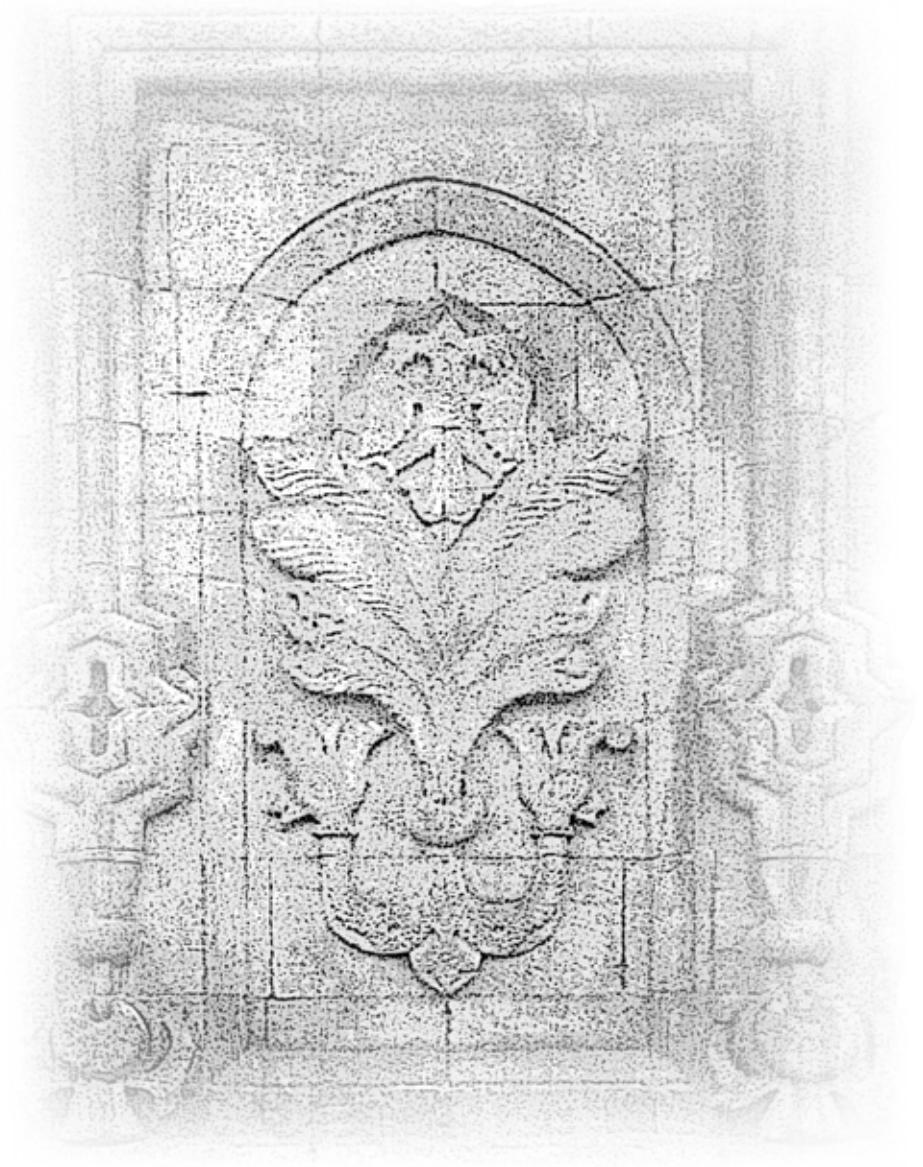
Книга написана на основе многочисленных архивных источников. Рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей культуры, охраной памятников искусства и старины России, музейным делом, а также историей Русской Православной Церкви и Первой мировой войны.

УДК 7.01(470)+929 Морозов
ББК 85.101(2)

На обложке:
Ф. М. Морозов во дворе Зимнего дворца. Июль 1959 г.
(Из личного архива Анатолия Алексеевича Иванова (Санкт-Петербург)).

ISBN 978-985-6912-06-4

© Щеглов Г. Э., 2012
© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург: три фотографии



Посвящаю эту книгу моей матери
Ларисе Константиновне Щегловой

ОТ АВТОРА

Мое постоянное стремление – охранить, зарегистрировать для ученых исторический материал, где бы я его не встретил, и если вижу, что с ним обращаются грубо, вступаю в защиту.

Ф. М. Морозов

Во время работы над этой книгой мне часто приходилось слышать от знакомых, интересующихся исследованием, одни и те же вопросы: «Кто такой Федор Морозов? Чем вызвано желание написать о нем книгу?»

Если ответить на первый вопрос кратко, то можно сказать, что Ф. М. Морозов – подвижник отечественной культуры. Об этом и книга. А вот почему я решил писать о своем герое, поделюсь в предисловии.

Личность его впервые заинтересовала меня при знакомстве с монографией «Александро-Невская лавра, 1713–1913»[1], где в жизни обители начала XX столетия обращает на себя внимание необычная деятельность послушника Федора Морозова. Здесь же встречаются и первые печатные сведения о нем: «С 1904 или 1905 года в лавре, в свите владыки-митрополита, появился послушник Федор Михайлович Морозов. Он учился в реальном училище, но вследствие смерти родных должен был выйти из 5 класса и поступил в контору Семянниковского завода. Одиночество и религиозность привели его в лавру. Склонность к науке, книге и старине привела его в Археологический институт, который он и посещал, оставаясь в лавре»[2]. Далее мы узнаем, что инициативный и энергичный послушник Федор устроил в лавре церковно-археологический музей – Древлехранилище – и содействовал научной организации лаврского архива. Подобная деятельность монастырского послушника была для своего времени явлением насколько необычным, настолько и выдающимся, поэтому и привлекла мое внимание. Тогда же подспудно возникло желание узнать дальнейшую судьбу этого человека.

Следующая моя «встреча» с Ф. М. Морозовым произошла во время работы над исследованием о Серафимовских лазаретах, организованных в годы Первой мировой войны на пожертвования преподавателей духовно-учебных заведений Российской империи. Первый лазарет был организован в августе 1914 года для Западного фронта. В его состав вошли пять санитаров – студентов-добровольцев, в числе которых оказался и Ф. М. Морозов, в то время вольнослушатель Петроградского университета. Почти полгода он проработал в лазарете,

---

[1] *Рункевич С. Г.* Александро-Невская Лавра, 1713–1913 / Ист. исслед. д-ра церков. истории С. Г. Рункевича. – СПб.: Синод. тип., 1913. – 17+999+62+45 с. – 277 снимков.

[2] *Рункевич С. Г.* Александро-Невская Лавра, 1713–1913. – СПб.: Лига Плюс, 1997. – С. 666.

расположившемся в Минске в стенах местной духовной семинарии. В феврале 1915 года Морозов вернулся в Петроград и вскоре отправился в составе второго Серафимовского лазарета на Кавказский фронт. В одном из печатных отчетов отмечалась его энергичная деятельность по устройству пункта питания, где он даже взял на свой счет часть расходов по оборудованию помещения.

Чем больше в процессе исследования встречалось информации о деятельности Морозова в лазарете, тем сильнее становилось желание узнать его дальнейшую судьбу. Поначалу, признаться, было мало надежды разыскать сведения о таком «маленьком» человеке, чья судьба в годы военных и революционных потрясений могла сложиться самым непредсказуемым образом и легко затеряться в водовороте гражданской смуты. Однако постепенно выяснилось, что Федор Михайлович прожил довольно долгую и плодотворную жизнь. В 1920-е годы он занимался охраной памятников старины в Киеве, где организовал на основе Киево-Печерской лавры музейный городок, позволивший спасти от разрушения многие церковные историко-культурные ценности. Вернувшись в Ленинград, Ф. М. Морозов стал сотрудником Музейного фонда, затем научным сотрудником Русского музея и, наконец, сотрудником Государственного Эрмитажа, которому отдал почти тридцать лет своей жизни. Все эти годы он вел огромную работу: благодаря его особой способности обнаруживать никем до него не замеченные памятники многие музеи Петербурга обогатились ценными экспонатами. Немало шедевров искусства Морозов спас от разграбления. Сегодня спасенные им вещи составляют целые фонды – огромные комплексы исторических памятников в таких хранилищах, как Эрмитаж и Русский музей!

В 1960 году известный журналист Лев Любимов писал: «Имена многих наших советских ученых, которым мы обязаны многочисленными находками и их изучением в годы созидания советского Эрмитажа, почти или полностью забыты. Мы перед ними в долгу»[3].

Полагаю, что пришло время отдавать старые долги. Настоящая книга – дань памяти одному из скромных тружеников науки, внесшему свою лепту в формирование многих уникальных коллекций крупнейших музеев России и Украины.

***

Хочу выразить искреннюю благодарность за помощь, оказанную мне в процессе написания и издания книги: архимандриту Иоасафу (Морза) (Жировичи), протоиерею Михаилу Рукалю (Минск), Александру и Ксении Артюховичам

[3] *Любимов Л.* Среди сокровищ Эрмитажа // Новый мир. – 1960. – № 5. – С. 206.

(Петербург), Владимиру Егоровичу Самохину (Москва), Владимиру Вячеславовичу Берсеневу (Петербург), Александру Сергеевичу Панкееву (Киев), Сергею Александровичу Панову (Петербург), Эльвире Давидовне Арсеньевой (США), моей супруге Ольге Валерьевне Щегловой, священнику Александру Ионову (Москва), сотрудникам Государственного Эрмитажа Борису Викторовичу Сапунову, Ирине Николаевне Ухановой и др.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГРМ – Архив Государственного Русского музея

АГЭ – Архив Государственного Эрмитажа

ГАКО – Государственный архив Киевской области

ГРМ – Государственный Русский музей

ИИМК РАН – Института истории материальной культуры Российской академии наук

ИИФЭ НАН Украины – Институт искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Т. Рыльского Национальной академии наук Украины

ИРЛИ РАН – Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской академии наук

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ОР ГТГ – Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи

ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки

ПФА РАН – Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

РГАКФД – Российский государственный архив кинофотодокументов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РГИА – Российский государственный исторический архив

РА ИИМК РАН – Рукописный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук

Св. – святой

ЦГАВО – Центральный государственный архив высших органов государственной власти Украины

ЦГАКФФД СПб – Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга

ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

ЦГИАУК – Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве

ГЛАВА 1
ЛАВРСКИЙ ПОСЛУШНИК

Сирота

В 20–40-е годы XX века Россия вследствие военных, экономических и социальных потрясений понесла огромный культурный урон. Множество ценнейших памятников прошлого оказалось разрушено, разграблено, вывезено за границу. Особенно много погибло и пострадало произведений религиозного искусства. И если бы не исключительная деятельность специальных организаций и отдельных лиц, занимавшихся их сбережением, урон мог бы быть еще большим. Одним из деятелей, самоотверженно трудившихся на поприще охраны культурного достояния, оказался Федор Михайлович Морозов.

Родился он в Петербурге 7 февраля 1883 года у незамужней девушки Любови Ананьевны Морозовой и считался незаконнорожденным ребенком. Мать его, крестьянка села Сушигориц Весьегонского уезда Тверской губернии, приехала в столицу, по всей видимости, в поисках заработка. Здесь она и стала матерью. На третий день после рождения, 9 февраля, младенца крестили в соборе Введения во Храм Пресвятой Богородицы – полковой церкви лейб-гвардейского Семеновского полка – с именем Федор в честь святого великомученика Феодора Стратилата, память которого праздновалась накануне. Восприемниками новокрещеного стали крестьянин деревни Ланна Тверского уезда и губернии Арсений Петров и дочь петербургского ремесленника – девица Зинаида Васильевна Ефимова.

Петербург, будучи административным, интеллектуальным и промышленным центром обширной империи, притягивал со всех ее уголков массы людей, искавших богатства, положения, известности, образования и просто работы. Но далеко не все находили здесь то, на что рассчитывали. Одних столица принимала с распростертыми объятиями, предоставляя всевозможные блага жизни, других, каковых было большинство, напротив, встречала с холодным безразличием, безжалостно вытесняя на обочину жизни.

Для приезжего простолюдина в Петербурге было очень непросто устроиться и удержаться, но еще сложнее – выбиться в люди. Чаще всего, вместо лучшей доли, многие находили здесь безвременную кончину от непосильного труда, нищеты и болезней. Впрочем, эти «маленькие» люди надеялись, что если не они сами, то, быть может, их дети увидят лучшую жизнь. И действительно к некоторым судьба оказывалась благосклонной. Именно так случилось и с Федором Морозовым…

Определением С.-Петербургской казенной палаты младенец Федор был оставлен при матери с присвоением ему отчества «Михайлов» и фамилии «Морозов»[4]. Приписали его к городскому мещанскому обществу. Сделать, однако, это было не совсем просто. По существующим правилам в Петербурге,

[4] ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 15. Д. 3329. Л. 3.

Москве, Царском Селе, Гатчине, Павловске, Ораниенбауме, Петергофе, Стрельне и Кронштадте незаконнорожденные дети не могли приписываться к мещанскому сословию без согласия мещанских обществ. Для их приписки требовалось одобрение шести благонадежных граждан-домохозяев и согласие мещанской управы. Возможно, о необходимых формальностях позаботился неизвестный отец, а может быть, просто нашлись добрые люди.

В советское время Федор Михайлович в анкетах и автобиографиях почему-то указывал, что родился в Новгороде. Возможно, он хотел скрыть принадлежность к мещанскому сословию, о котором также умалчивал, неизменно указывая в документах, что происходил из крестьян[5]. Но, может, были и какие-то другие причины…

Образование свое Федор начал в четырехклассном городском Рождественском училище[6], затем перешел в реальное училище, но «вследствие смерти родных» вынужден был уйти из пятого класса. Оставив учебу, Морозов поступил на службу в контору Семянниковского литейно-механического завода, выпускавшего военные корабли, паровозы, металлургическую продукцию. Однако одиночество и религиозность привели его в Александро-Невскую лавру, куда он поступил послушником в 1904 году[7].

Вскоре на юношу обратил внимание Петербургский митрополит Антоний (Вадковский), архиерейский дом которого находился на территории лавры. Он приблизил Федора к себе, сделав иподьяконом[8]. «Жизнь моя довольно странная, – писал позднее Морозов одному из знакомых, – вечный от юности я скиталец, рано я потерял своих родных и промыслом Божиим, как-то случайно, попал к добрейшему Владыке Митрополиту, принявшему во мне близкое отеческое участие. Его строгая жизнь воспитала и во мне строгое отношение к жизни и понятие ее. Я начал работать над собой, силясь выбраться “в люди”, всюду насмешки и только никому незаметная ласка Владыки постоянно ободряла меня в работе»[9].

С того времени Морозова все чаще можно было видеть рядом с митрополитом. Он сопровождал его при богослужениях, выполнял поручения келейного характера. Бывал с владыкой и на церковных мероприятиях в присутствии Высочайших особ, куда допускался не всякий и то по особому разрешению. 6 января 1905 года в праздник Крещения Господня послушник Федор сопровождал митрополита Антония, приглашенного возглавить богослужение в Зимнем дворце. Ежегодно в этот день в царской резиденции устраивался Крещенский парад с участием множества военных и гражданских лиц. Но в 1905 году его

[5] В дореволюционных документах Ф. М. Морозов всегда значился как петербургский мещанин.
[6] РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1913 г.). Д. 70. Л. 18 об.
[7] *Рункевич С. Г.* Александро-Невская Лавра, 1713–1913. – СПб.: Лига Плюс, 1997. – С. 666.
[8] **Иподиакон** – церковнослужитель в Православной Церкви, главным образом, прислуживающий при архиерее во время его священнодействий.
[9] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 40 об.

совершали с особым размахом. Яркое религиозное действо должно было стать выражением веры и надежды на лучшее на фоне горьких неудач русско-японской войны. С утра в залах Зимнего дворца выстроились воинские части и флотские экипажи со знаменами и штандартами. В Концертном зале собрались министры, сенаторы, почетные опекуны, чины Императорского двора, блиставшие орденами и золотым шитьем мундиров.

Пока в придворной церкви совершалась литургия, несколько полурот пехотных дивизий образовали шпалерами поперек набережной путь, по которому должна была проходить процессия к Иордани на Неве для совершения чина водосвятия. Рядом выстроился хор военной музыки Преображенского полка. Тысячи горожан плотной стеной наполнили Дворцовую набережную по обе стороны солдатского коридора.

После литургии государь в окружении блистательной свиты, предшествуемый духовенством и митрополитом, направился из Зимнего дворца к Неве. Там над иорданской прорубью возвышалась временная часовня в виде обширной шатровой сени на круглом красного сукна помосте, увенчанная голубым с золотыми звездами куполом и крестом[10].

Началась торжественная служба. Когда митрополит при пении праздничного тропаря погрузил в воду крест, по сигналу ракеты загремел орудийный салют с Петропавловской крепости и пушек на Стрелке Васильевского острова. Но по недосмотру одно из орудий оказалось заряжено картечным снарядом. Крупные пули осыпали фасад Зимнего дворца и павильон у иордани. К счастью, никто не пострадал, легко ранило лишь городового по фамилии Романов. Одна из пуль упала прямо у ног Николая II. Морозов видел, о чем сам впоследствии рассказывал, как государь поднял пулю, осмотрел, что-то сказал стоявшим поблизости и бросил ее на лед[11]. Самодержец отнесся к происшествию с удивительным спокойствием, как, впрочем, и большинство окружающих, но вид у него был грустный. По окончании молебна Николай приложился к кресту и принял окропление святой водой. После того как были окроплены знамена и штандарты полков, крестный ход возвратился во дворец. Уже на обратном пути государю доложили, что в стволе одного из орудий оказался забытый картечный заряд. Однако происшествие произвело на публику самое тяжелое впечатление. Никто тогда не верил в случайность, все были убеждены, что это покушение на государя, исходящее из среды войск[12]. Событие это врезалось в память послушнику Федору на всю жизнь.

Хотя проведенное официальное расследование и не обнаружило злого умысла, а император в конечном итоге снисходительно отнесся к инциденту,

---

[10] *Сидоренко Леонид*. Крещенский парад Империи // Санкт-Петербургские ведомости. – 2005. – № 6. – С. 5.
[11] Из воспоминаний Анатолия Алексеевича Иванова (Санкт-Петербург).
[12] *Сидоренко Леонид*. Крещенский парад Империи // Санкт-Петербургские ведомости. – 2005. – № 6. – С. 5.

Крещенский парад в последующие годы носил уже более скромный характер. Да и в Зимнем дворце Николай II стал бывать гораздо реже.

Документально известен и другой случай, когда Морозов прислуживал при богослужении в Высочайшем присутствии. В мае 1907 года митрополит Антоний был приглашен в Большой Петергофский дворец для служения в присутствии членов царской фамилии молебна по случаю юбилея Императорского Православного Палестинского общества. Уведомляя о своем приезде обер-гофмаршала Императорского двора графа П. К. Бенкендорфа, митрополит сообщал, что с ним во дворец прибудут дьяконы Исаакиевского кафедрального собора Петр Кузнецов и Василий Фомин, а также послушник Александро-Невской лавры Федор Морозов[13].

Неся иподьяконское и другие монастырские послушания, Федор, между тем, проявлял склонность к книгам и науке, интересовался предметами старины. С первых же лет пребывания в лавре стал присматриваться к различным вышедшим из употребления церковным предметам, начав собирать их как памятники старины «в одно помещение». А нужно заметить, что в ризницах и кладовых лавры хранилось немало предметов, имевших громадный исторический интерес и археологическую ценность. Но, к сожалению, многие из них, особенно не имевшие богослужебного употребления или использовавшиеся крайне редко, находились в забвении, пылились и уничтожались временем. Морозов не раз высказывал митрополиту Антонию идею о создании в обители церковно-археологического музея, куда можно было бы поместить лаврскую старину, сделав ее доступной для обозрения и изучения. И хотя мысль эта находила у владыки сочувствие, свое воплощение она получила не сразу. Несмотря на то что митрополит являлся священноархимандритом обители, согласие на устройство музея должен был дать еще и Духовный собор лавры, состоящий из наместника и других начальствующих лиц монастыря. Но здесь, видимо, полной поддержки не было. Владыка же, будучи человеком исключительно деликатным, не хотел оказывать никакого давления своим авторитетом на лаврскую братию. Ситуация в отношении устройства музея изменилась тогда лишь, когда наместником в феврале 1909 года стал архимандрит Феофан (Туляков)[14]. Это был человек обра-

[13] РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1584. Л. 13.

[14] **Феофан** (Василий Степанович Туляков; 25.02.1864–04.10.1937) – митрополит. Сын потомственного почетного гражданина Санкт-Петербурга. Образование начал в Петербургском коммерческом училище, однако по совету Московского митрополита Макария (Булгакова) перешел в богословские классы духовной семинарии, которую окончил в 1885 г. Продолжил учебу в Петербургской духовной академии (1885–1889), магистр. В академии предполагал принять монашество, однако по совету святителя Феофана Затворника до времени воздержался от пострига. Поселился в имении матери, где почти 15 лет занимался сельским хозяйством и изучал труды церковных писателей-аскетов. В 1905 г. поступает в Александро-Невскую лавру. 11 октября 1905 г. пострижен в монашество, с 21 октября – иеродиакон, с 22 октября 1905 г. – иеромонах. С 16 января 1907 г. заведовал одним из имений лавры. С 5 ноября 1908 г. – архимандрит, 16 ноября назначен членом Духовного собора лавры и заведующим Серафимо-Дивеевским скитом. С 1 февраля 1909 г. – наместник Александро-Невской лавры. С 31 мая 1915 г. – епископ Кронштадтский, викарий Петроградской епархии. С 6 июля 1916 г. – епископ Калужский, с 16 сентября 1927 г. – архиепископ Псковский и Порховский. 12 ноября 1935 г. назначен митрополитом Горьковским и Арзамасским. Арестован 25 июля 1937 г., 4 октября – расстрелян.

зованный, окончивший духовную академию и украшенный ученой степенью. В лавру он поступил чуть позже Морозова, однако, будучи уже мужем зрелым, скоро удостоился пострига и рукоположения в священный сан.

Поддержав идею послушника Федора, архимандрит Феофан, соблюдая формальность, подал митрополиту Антонию рапорт с предложением собрать все имеющиеся в обители предметы старины в одно помещение, классифицировать их, описать и сделать доступными для обозрения и изучения. 17 апреля 1909 года митрополит утвердил предложение об образовании в лавре археологического музея. Под его устройство было предоставлено помещение в северо-западной башне монастырского каре, где незадолго до этого размещалась лаврская библиотека и ризница.

Приступая к организации музея, Духовный собор лавры обратился за помощью к Устроительному комитету Всероссийского съезда художников, чтобы тот оказал содействие в оценке и подборе вещей для экспозиции, а также ее пополнении в будущем. 1 июня члены комитета во главе с его председателем графом А. А. Голенищевым-Кутузовым осмотрели часть помещений, в которых хранились предметы церковно-археологического и исторического значения. Через несколько дней граф уведомил Духовный собор о «полной готовности» Устроительного комитета помочь лавре. Но так как началось каникулярное время и члены съезда стали разъезжаться, в работе музейной комиссии приняли участие лишь те, кто остался в Петербурге.

С первых же дней к организации музея самым активным образом подключился секретарь Устроительного комитета – художник Андрей Андреевич Карелин (1866–1928). Известен он был не только как талантливый живописец и портретист, но и как замечательный организатор, сыгравший исключительную роль в устройстве Нижегородского художественного и исторического музея. Его опыт и знания оказались теперь как нельзя кстати. Поэтому именно он стал главным консультантом при организации нарождающегося музея.

Первым делом Карелин вместе с наместником архимандритом Феофаном, экономом лавры архимандритом Филаретом и послушником Федором Морозовым осмотрел помещение для будущего музея, сделав первые прикидки по организации экспозиции. Помещение, по его мнению, оказалось весьма подходящим. Находилось оно на втором этаже башни, занимая в высоту два яруса с хорами и стеклянным куполом, так что свет в него падал сверху. Имевшиеся здесь старые библиотечные шкафы также представлялись вполне пригодными для размещения экспонатов. Нужно было лишь несколько переделать их, о чем Карелин тут же дал соответствующие рекомендации. Затем осмотрели картины, различные вещи, четыре кареты, обследовали кладовые.

Прежде чем начать организацию экспозиции, в помещении необходимо было произвести ремонт, чем и занялся архимандрит Филарет. Будучи членом Духовного собора лавры, он с самого начала отнесся к устройству музея

благожелательно. Это был человек добрый, отзывчивый, умевший ладить с людьми, чуждый всякой мелочности и имевший к тому же широкие взгляды. В 1893–1900 годы он служил иеромонахом на броненосном крейсере «Память Азова», побывал у берегов Греции, Японии, Китая, многое повидал и пережил. Поэтому неслучайно после возвращения в лавру он вскоре был назначен братским духовником[15]. Для музея отец Филарет старался сделать все, что было в его силах, так что дело стало живо продвигаться.

19 июня в лавру пригласили А. В. Щусева, И. А. Фомина и В. А. Покровского для консультации по поводу покраски стен музея.

По результатам предварительных работ Устроительный комитет Всероссийского съезда художников провел 1 июля в обители специальное заседание, посвященное организации музея. Состоялось оно в покоях наместника под председательством графа А. А. Голенищева-Кутузова и при участии членов комитета: А. Н. Бенуа, В. Т. Георгиевского, В. А. Покровского, И. А. Фомина, А. В. Щусева, А. А. Карелина и Н. И. Верхотурова.

Прежде всего было отмечено огромное церковное, научное, общекультурное и художественно-воспитательное значение будущего музея. По мнению специалистов, музею предстояло стать духовной сокровищницей церковно-религиозных предметов, «никогда не могущих для православных утратить своего священного значения». Уже само его существование должно было оградить от уничтожения и отчуждения «по неведению» предметы старины, обеспечив их хранение, почитание и изучение. Новый церковно-археологический музей должен был приобрести особое значение для питомцев духовных академии и семинарии, настоятелей церквей, а с культурной точки зрения «стать многоценным откровением» для ювелиров, резчиков, художников, производителей парчи и тканей, вышивальщиц и других мастеров, черпающих в старинных образах вдохновение для создания новых предметов церковного обихода.

Члены Устроительного комитета подчеркивали, что, несмотря на молодой возраст лавры, насчитывающей всего 200 лет, она обладает религиозными, историческими и художественными предметами в таком количественном и качественном отношении, что даже их более чем достаточно для организации замечательного церковно-археологического музея[16]. Было еще раз отмечено, что предоставленное помещение прекрасно подходит для его устройства, и предложен план размещения шкафов, крупных предметов и пр. Полную же классификацию и каталогизацию экспонатов предлагалось провести осенью, когда в Петербург съедутся все члены Устроительного комитета и Съезда художников.

Высказывалось также пожелание, чтобы лавра обратилась к благочинным и настоятелям петербургских церквей с предложением присылать в музей имеющиеся у них церковно-археологические предметы, при невозможности устроить

[15] РГИА. Ф. 815. Оп. 14 (1910 г.). Д. 417. Л. 19 об.–22.
[16] РГИА. Ф. 792. Оп. 1. Д. 15. Л. 6.

у себя подобные музеи. Вместе с тем специалисты настоятельно советовали обзавестись церковно-археологическими метриками, собранными Императорской Академией художеств в 1874 году и содержащими сведения о зданиях и содержимом всех российских церквей. Хранились метрики в Императорской Археологической комиссии[17]. Кроме того, было рекомендовано возобновить рассылку по церквям Санкт-Петербургской епархии чистых метрик, чтобы лаврский музей имел полные современные сведения о движимом и недвижимом инвентаре церквей в историко-статистическом отношении. Вместе с тем было обещано, что для обогащения музея экспонатами Учредительный комитет примет зависящие от него меры. В заключение члены комитета выразили признательность «за просвещенное содействие» наместнику лавры архимандриту Феофану и послушнику Федору[18].

Собрание это, видимо, должно было подбодрить лаврское начальство в деле организации музея и развеять всякие сомнения, так как его устройство требовало определенных материальных затрат.

После этого работа пошла уже полным ходом: архимандрит Филарет занимался хозяйственными вопросами, а чисто музейными – Морозов с Карелиным. Последний довольно часто посещал лавру, давая различные советы и указания: относительно устройства экспозиции, переделки шкафов, подвески паникадила, изготовления и покраски тумб и подиумов под экспонаты, и прочего, и прочего и прочего. За точным выполнением всех рекомендаций следил послушник Федор, поддерживая постоянный контакт с художником. Сохранились письма Морозова к А. А. Карелину, из которых можно видеть, насколько тесно шло между ними общение, как обустраивался музей, какие возникали трудности…

Вот, например, что писал 5 июля послушник Федор Андрею Андреевичу: «Осмеливаюсь Вас беспокоить своим частым к Вам обращением. 1. С завтрашнего дня приступают к окраске. Вы хотели дать некоторые указания относительно ее; 2. Привезли балку для люстры: – хорошо, если бы Вы уделили времечко зайти к нам в Лавру завтра и дать, согласно Вашему желанию, указания. Буду ждать до 12 часов дня. Извиняюсь, что сам лично не зашел Вас приветствовать с днем Вашего Ангела, т. к. днем служили на Сенной в церкви, а вечером уехал для служения в Сергиеву пустынь. Шлю еще раз наилучшие пожелания, желаю счастья, здоровья, осуществления Ваших добрых начинаний для блага родины и Вашей дорогой семьи»[19]. А вот отрывок из другого письма: «Глубокоуважаемый Андрей Андреевич. Прошу Вас, если у Вас найдется время, пожаловать к нам; посмотреть, так ли устроено и обставлено в помещении Музея, завтра, но только желательно быть бы после 4-х часов вечера, в любое время; я дома буду»[20].

[17] Морозов вскоре получил метрики в Археологической комиссии, а также «письменные указания» насчет их (РГИА. Ф. 792. Оп. 1. Д. 15. Л. 4 об.).
[18] РГИА. Ф. 792. Оп. 1. Д. 15. Л. 7.
[19] Там же. Л. 43–43 об.
[20] Там же. Л. 46.

Помогает восстановить картину событий и сохранившийся отчет о ходе работ по устройству музея. Все это дает возможность представить, как в общих чертах обстояло дело.

16 июля Карелин передал наместнику список недостающих в музее портретов императоров и митрополита, однако, имеющихся в других помещениях лавры. На следующий день под его руководством окончательно расставили шкафы и установили на подиум кровать Петра Великого, представлявшую любопытный исторический памятник. На этой кровати державный основатель лавры отдыхал во время посещения обители в страстные седмицы, куда приезжал говеть перед Пасхой. Сделана она была из черного дуба, декорированного золоченой резьбой. В головах, в оригинальной резьбе, имелись инициалы святого Александра Невского. Сохранились также перины, одеяло и наволочка из красного штофа, их отдали для реставрации в Новодевичий монастырь. Над кроватью Морозов в тот же день повесил, как символ начала экспозиции, образ Спасителя.

К 23 июля ремонт помещений музея был полностью завершен, сняты леса, вывезен мусор и вымыты полы. На следующий день начался перенос предметов и картин из старой ризницы.

Между тем проявлялось все более враждебное отношение к музею и его устроителям со стороны лаврского ризничего – архимандрита Геннадия (Никифорова). Он как-то болезненно воспринял «посягательство» музея на имущество лаврских ризниц и кладовых. Из писем Морозова к Карелину видно, что отношения с ним были напряженные: ризничий противился выдаче отобранных для музея вещей, настраивал некоторых из старшей братии против его организаторов, и особенно против послушника Федора. Порой архимандрит Геннадий игнорировал даже распоряжения наместника, так что приходилось прибегать к авторитету митрополита[21].

В конце июля архимандрит Феофан (Туляков) подал владыке Антонию рапорт с просьбой назначить хранителем музея архимандрита Филарета, а его помощником – Федора Морозова. «Принимая во внимание усердие и интерес, с которым послушник Морозов выполнял мои поручения по организации музея, я считаю для себя необходимым ходатайствовать пред Вашим Высокопреосвященством о назначении послушника Морозова помощником хранителя музея», – писал наместник[22]. Вместе с тем он просил разрешения выдать шнурованную книгу из Духовного собора лавры для записи всех поступающих в музей вещей, а также «разрешить теперь же перенести в музей все те предметы, которые не имеют другой ценности, кроме историко-археологической и находятся в настоящее время в разных местах лавры»[23].

[21] РГИА. Ф. 792. Оп. 1. Д. 15. Л. 31, 33.
[22] РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1909 г.). Д. 98. Л. 5.
[23] Там же.

Несмотря, однако, на резолюцию митрополита: «Предположения, в сем рапорте изложенные, привести в исполнение», архимандрит Геннадий отказался выдавать многие предметы ризницы, ссылаясь, видимо, на неопределенность требований. Тогда Карелин вынужден был просить графа А. А. Голенищева-Кутузова изложить в письме наместнику перечень предметов крайне желательных для музея. 9 апреля такое письмо было написано и передано архимандриту Феофану. В нем указывались следующие предметы: три фельдмаршальских жезла; трость Петра I и трость Екатерины II; жалованные Высочайше архиерейские посохи; митры драгоценные (без крестов наверху); митра, жалованная императором Александром I (с крестом наверху); Евангелия старые и старинные с художественными окладами, не употребляемые из-за тяжести при богослужении; гребни архиерейские; складень в виде Царских дверей; кресты и панагии; панагия в виде ордена Св. Александра Невского; все вещи, находящиеся в малых витринах; святые образы, редкие и жалованные; образ “Моление о чаше” – подарок папы Пия IV Екатерине Великой[24]; подарок президента Франции Эмиля Лубе; образ-благословение Екатерины II; подарок королевы Виктории; шкапик резной из кости со всем в нем находящимся; сервиз жалованный; предметы, жалованные прежним архипастырям, не употребляющиеся или редко употребляющиеся; царственная мантия; архиерейская мантия; великокняжеская шапка Св. Александра Невского; архиерейские облачения не употребляющиеся или редко употребляющиеся при богослужении; старинные орлецы; кадила; подсвечники; церковная посуда; антиминсы; воздухи; шитые иконы; престольные облачения – жалованные, возлагавшиеся на раку Св. Александра Невского; лампада с горнего места; картины; портреты; витрины для мелких предметов; подаренная Петру I резная икона; складни. При этом оговаривалось, что те предметы, которые понадобятся для богослужения, могут на время извлекаться из музея[25]. «Таким образом, – заключал граф, – музей лавры только тогда будет поставлен в полную высоту, когда он сосредоточит в себе все вышеперечисленное, не касаясь предметов митрополичьих покоев и церковного обиходного имущества»[26].

Вместе с тем он подчеркивал, что сосредоточение перечисленных предметов крайне желательно по примеру древлехранилищ Москвы и Киева, «где помещенные предметы огромной ценности находятся в полной доступности для ежедневного осмотра всеми желающими, без всякого риска относительно их сохранности»[27].

«Даяния народа, отдельных лиц, Высочайшие дары, – писал граф, – должны быть доступны для свободного обозрения, изучения и почитания, что привлечет еще большие вклады; ни питомцы Духовной Семинарии, ни Духовной Академии

[24] Образ украшала золотая риза с бриллиантами, и особенно замечательна на ней была превосходная изумрудная камея с изображением святой Магдалины.
[25] РГИА. Ф. 792. Оп. 1. Д. 15. Л. 11–12.
[26] Там же. Л. 13.
[27] Там же. Л. 12.

не имеют пока возможности детально знакомиться с предметами высшего качества из Лаврских ценностей; иногородние и иностранцы не могут получать никакого понятия о том, чем обладает Лавра; члены Духовных съездов лишены возможности почерпнуть знания, проистекающие из знакомства с вышеперечисленными предметами»[28].

Письмо это послужило основанием для более определенного распоряжения ризничему, и в тот же день наместник сообщил А. А. Карелину, что перечисленные предметы в начале сентября будут переданы музею.

12 августа Морозов начал развешивать портреты и картины в нижней части музея. В эти же дни перевезли «вещи из кладовой», при этом обнаружились две картины «Цветы» и три походных иконостаса, один из которых принадлежал императору Александру I. Одновременно с этим Морозов начал расстановку икон на хорах. К 16 числу он завершил развешивание портретов царственных особ, вмонтировал в стену два бра, развесил отреставрированные лампады, люстру, четыре декоративных Серафима, пейзаж П. П. Вейнера и пр. Имеющееся в помещении электрическое освещение послушник Федор решил использовать довольно оригинальным образом: установить лампочки в висячих лампадах. Их насчитывалось более полторы сотни, и все они отличались разнообразием форм, стилей и материалов.

20 августа Морозов вместе П. П. Вейнером и А. А. Карелиным выезжал в киновию Александро-Невской лавры для осмотра ее ризницы. Основана киновия была в 1820 году митрополитом Михаилом (Десницким) на землях, пожалованных монастырю еще Петром I. В ней имелось три храма (один домовый), надвратная шатровая колокольня, каменные келейные корпуса и пр. В киновии для музея был отобран целый ряд старинных предметов, которые Морозов через несколько дней перевез в лавру.

Все свободное от иподьяконского послушания время он проводил в музее: продолжал развешивать картины, надгробные бронзы, устанавливал шкафы и раскладывал в них предметы.

28 августа в лавру для съемки экспонатов музея был приглашен знаменитый петербургский фотограф К. К. Булла. Правда, с ним, судя по письмам, возникли позже какие-то трения.

31 августа Морозов предпринял по антикварным магазинам поиски недостающих в музее портретов царственных особ. В магазине Семенова на Вознесенском проспекте он присмотрел портрет Марии Федоровны и люстру.

В сентябре устройство экспозиции шло, в основном, на втором ярусе музея – хорах. Там поместили: Александровские царские двери, части старинного иконостаса, жалованный Екатериной II покров на раку Св. Александра Невского, серебро, золотые медали, Высочайшие рескрипты, дипломы, грамоты,

[28] РГИА. Ф. 792. Оп. 1. Д. 15. Л. 12.

исторический план лавры, антиминсы, резные кресты, иконы и пр. Чтобы отобрать иконы для музея, приезжал В. И. Успенский, а известный иконописный мастер Матвей Васильевич Тюлин распределил их по школам. Позже приезжал и В. Т. Георгиевский – «уговориться о постепенном осмотре икон».

6 сентября во время встречи с митрополитом по поводу нужд музея Морозов между прочим поднял вопрос об организации в лавре исторического и церковно-археологического братства[29]. К сожалению, реакция на это предложение владыки неизвестна.

18 сентября А. А. Карелин и В. Т. Георгиевский устанавливали в новой ризнице отдел драгоценностей музея.

21 сентября в покоях наместника состоялось очередное заседание Устроительного комитета в составе: П. П. Вейнера, В. Т. Георгиевского, А. А. Карелина, А. К. Фаберже и барона Н. Н. Врангеля. Во время собрания архимандриту Феофану был передан протокол, составленный после осмотра драгоценностей.

26 сентября в музее все было окончательно развешено и «водворен порядок». Для консультаций приезжал П. П. Вейнер.

До ноября Морозов продолжал заниматься, нередко в присутствии А. А. Карелина, размещением предметов в шкафах и витринах. Кое-что художник передавал музею из личной коллекции[30]. «Если Вы находите удобным и облегчит Вас, – писал Карелину в одном из писем послушник Федор, – то передайте с Василием (служитель мой) шапку Александра Невского и если что еще есть у Вас музейного не нужного для Вас…»[31]. В другом письме Морозов просил: «Будьте добры передайте сему посланцу ковер и те вещи, которые для Вас не понадобятся, и загромождают Ваше помещение, и если можно, так и доску для медалей»[32].

Кроме прочего, Карелин написал для музея несколько живописных полотен, в частности портрет императора Николая II с семейством и два портрета митрополита Антония (Вадковского), один из которых сохранился и находится ныне в Государственном Эрмитаже. Написал Карелин картину и для архимандрита Филарета, однако сюжет ее неизвестен.

13 ноября музей посетил митрополит Антоний. Экспозиция произвела на него очень хорошее впечатление, и на следующий день он передал в музей целый ряд предметов[33]. Это было уже не первое его пожертвование. Еще в сентябре владыка передал из своего собрания портрет митрополита Палладия (Раева) и портретную группу архипастырей, присутствовавших в 1884 году на пяти-

[29] РГИА. Ф. 792. Оп. 1. Д. 15. Л. 17.

[30] В дар лаврскому музею А. А. Карелин среди прочего передал: две деревянные вставки-свечи эпохи Александра I и две лампады конца XVII в.

[31] РГИА. Ф. 792. Оп. 1. Д. 15. Л. 36–36 об.

[32] Там же. Л. 39.

[33] Среди предметов, переданных митрополитом Антонием, были гравюрный портрет императора Петра I (художник Жан-Марк Наттье, гравер Е. Чемезов), фарфоровые вазы с восковыми цветами и др.

десятилетнем юбилее архиерейской хиротонии Петербургского митрополита Исидора (Никольского)[34].

В том же месяце в лаврском музее побывал Варшавский архиепископ Николай (Зиоров), передав туда «точную копию» гвоздя, которым распинали Христа (хранился в Риме), крестик из римских катакомб святого Каллиста и светильник, наподобие находимых в развалинах Помпеи и Геркуланума[35].

В последних числах декабря 1909 года состоялось неофициальное открытие лаврского музея, названного Древлехранилищем. Впрочем, незначительные работы по его обустройству все еще продолжались. Официальное же открытие решили приурочить к посещению музея великой княгиней Марией Павловной – президентом Императорской Академии художеств.

Еще во время подготовительных работ послушник Федор составил краткую опись экспонатов музея, на основе которой решили издать иллюстрированный каталог, чем Морозов и занялся. Уже в начале января каталог был отдан в печать, в типо-литографию Н. С. Егорова, неплохо печатавшую иллюстрированные издания. «Егорову выдано 150 руб. для печатания каталога, – писал Морозов 6 января Карелину, – посему задержки в печатании его, я думаю, быть не может и к августейшему посещению каталоги, хоть несколько, будут напечатаны.

Андрей Андреевич, не напечатать ли на первом листе каталога “Ея Императорскому Высочеству Великой Княгине Марии Павловне в память посещения и открытия (Церковно-археологического Музея) Древлехранилища Лавры 12–13 января 1910 г.” или иначе, измените текст, одним словом, Вы лучше в этом найдете надобность и как; если это возможно, надо будет написать. Хорошо бы это сделать на нескольких экземплярах, как то: Государю Императору, Государыням Императрицам и для кого еще Вы найдете необходимым… Это мое лишь предположение, всецело предоставляю и покорнейше прошу об этом подумать, ведь это не составит лишних расходов, набрать две строчки. <…> Красное сукно и ковры в нашем распоряжении на день приезда Великой Княгини»[36].

Как видно из письма, Марию Павловну ожидали в лавру 12–13 января, однако ее визит в эти дни по каким-то причинам не состоялся.

В середине января каталог лаврского Древлехранилища увидел свет[37]. Описание отделов Морозов предварил краткой историей возникновения музея, а также жизнеописанием святого благоверного князя Александра Невского. Согласно каталогу музей состоял из XXI отдела и насчитывал 1500 номеров по инвентарной описи, причем под одним номером нередко числилось несколько десятков единиц хранения. Отделы I и IX посвящались святому благоверному князю Александру Невскому (иконы, картины, шитье, регалии, орденские знаки).

[34] РГИА. Ф. 792. Оп. 1. Д. 15. Л. 17.

[35] Древлехранилище Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. 1712–1910 гг. Краткая опись. – СПб., 1910. – С. 82, 109–110.

[36] РГИА. Ф. 792. Оп. 1. Д. 15. Л. 50–50 об.

[37] Древлехранилище Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. 1712–1910 гг. Краткая опись. – СПб., 1910. – 116 с., с ил.; 1 л. ил.

Среди предметов особого внимания заслуживала пелена, покрывавшая некогда раку святого в городе Владимире, с очень редким изображением Александра Невского в схиме. Существовало, кажется, еще только одно подобное изображение – образ святого князя, хранимый во Владимире в архиерейской ризнице, вышитый опальной царевной Прасковьей Соловой, женой царевича Иоанна Иоанновича, убитого Грозным. Ценнейшим экспонатом была и великокняжеская шапка (горностаевая тулья, гранатовый бархатный верх, перекрещенный золотым позументом с серебряным позолоченным крестом наверху), возложенная Петром I на раку святого князя при перенесении его мощей в 1724 году в Александро-Невский монастырь.

II и III отделы Древлехранилища составляла коллекция портретов всех русских коронованных особ, Петербургских митрополитов и архиепископов. IV отдел был посвящен антиминсам[38]. Следует отметить, что лаврский музей обладал, пожалуй, единственной не только в России, но и в Европе, уникальной коллекцией антиминсов (до 2000): самый древний датировался 1456 годом. Для обозрения, конечно, были выставлены не все экспонаты, а лишь наиболее замечательные по рисункам и старине.

V–VII отделы составляли кресты, иконы, складни, образки; VIII – священные изображения в декоративно-прикладном искусстве[39]; X и XI – церковная утварь и облачения, главным образом времен императриц Елизаветы Петровны, Екатерины II, императоров Александра I и Николая I; XII – пожертвования Высочайших особ как церковного, так и бытового характера; XIII – нумизматическая коллекция разнообразных старинных монет, орденов и медалей; XIV отдел составляла небольшая рукописная коллекция Евангелий, Апостолов и сборников XIV–XVI веков.

В XV и XVII отделах была представлена коллекция старинных царских жалованных грамот, императорских рескриптов на имя Петербургских иерархов по делам монастыря и епархии, а также некоторые архитектурные чертежи, планы и модели. XVI отдел составляли живописные полотна, в основном на религиозные сюжеты[40], XVIII – чем-либо замечательные надгробные памятники или их фрагменты, перенесенные с лаврских кладбищ, XIX–XXI отделы – различные предметы: лампады, подсвечники, люстры, бра, ковры, детали и фрагменты иконостасов, резные позолоченные рамы и пр.[41]

---

[38] **Антиминс** (греч. αντιμήνιον – вместопрестолие) – четырехугольный, из льняной или шелковой ткани плат, на котором в современной практике изображается положение Христа во гроб и по углам изображения четырех евангелистов, а на верхней стороне вшивается частица святых мощей. Антиминс, как и престол, освящается архиереем. Он кладется на престол под Евангелие, завернутый в особую пелену, называемую илитоном. На антиминсе совершается освящение Святых Даров. В России Московским собором 1675 г. установлено – на каждом престоле обязательно иметь антиминс.

[39] Среди экспонатов этого отдела имелась картина кисти В. Л. Боровиковского «Спаситель во гробе» (1758 г.).

[40] В этом отделе имелась картина В. Л. Боровиковского «Дети императора Павла Петровича у престола, охраняемого архангелом Михаилом».

[41] Древлехранилище Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. 1712–1910 гг. Краткая опись. – СПб., 1910. – С. 13–115.

Древлехранилище считалось как бы отделением лаврских ризниц и библиотеки. Часть не поступивших в него старинных облачений, а также Евангелия, панагии, кресты, митры, посохи и другие предметы церковно-исторического и археологического значения хранились в ризнице, так как выдавались при богослужениях[42].

Некоторые предметы (иконы, картины), принадлежащие музею, временно не были включены в экспозицию, поскольку находились на реставрации.

Несмотря на то что музей уже был открыт, работы в нем все еще хватало. В одном из январских писем Морозов писал Карелину о том, что приобрел в музей книгу для посетителей в сафьяновом переплете, завершил нумерацию антиминсов, установил книги по местам и пр.[43]

11 марта 1910 года Александро-Невскую лавру посетил сербский король Петр, сопровождаемый свитой и генералом К. К. Максимовичем. Первым делом венценосный гость навестил митрополита Антония. В сенях митрополичьего дома короля встретил наместник лавры и другие представители старшей братии. Владыка ожидал гостей в зале, где, как только они появились, архиерейский хор запел сербский гимн. Во время беседы митрополит Антоний благословил короля иконой и поднес ему альбом с видами лавры и каталог музея. Из митрополичьих покоев король в сопровождении владыки прошел в Свято-Троицкий собор, поклонился раке с мощами святого Александра Невского, затем осмотрел «миллионную» сень из малахита над плащаницей и другие достопримечательности. Морозов надеялся, что королю покажут Древлехранилище, однако старшая братия отговорила митрополита, сославшись на нежелание утомлять гостя. Из собора все вернулись к митрополичьим кельям, где у подъезда монарх простился с владыкой, приняв святительское благословение[44].

Морозов ужасно огорчился, что королю не показали музей. В тот же день в расстроенных чувствах он писал А. А. Карелину: «Сегодня вылилось все зло, вся интрига, конечно ризничего и присных с ним, в отговоре посещения Королем Музея (нашли неудобным обременять его…)?! Король был у митрополита, был в соборе и только. Теперь вообразите, какое порицание – ехидные насмешки мне в глаза – сыплются от этих господ и ими подосланных. Враждебное отношение их к музею Вам известно, следовательно, картина всего – понятна. Я обращаюсь к Вам, с наипокорнейшей просьбой, ради защиты интересов Музея: устройте скорое посещение его нашей единственной покровительницей и примирительницей с нашими врагами… Королю Владыка, единственный сочувствующий, поднес Каталог, король с интересом рассматривал его. Все это я пишу под впечатлением – дурным по отношению к недоброжелателям. Подробнее расскажу при встрече»[45].

[42] Древлехранилище Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. 1712–1910 гг. Краткая опись. – СПб., 1910. – С. 5.

[43] РГИА. Ф. 792. Оп. 1. Д. 15. Л. 38.

[44] О пребывании сербского короля в России // Церковные Ведомости. – 1910. – № 12. – С. 559.

[45] РГИА. Ф. 792. Оп. 1. Д. 15. Л. 30 об.

Единственной «покровительницей и примирительницей», конечно же, была великая княгиня Мария Павловна. Ее посещения ждали еще с сентября минувшего года. Это была умная, волевая, образованная и любознательная женщина, окружавшая себя выдающимися людьми и имевшая обширную переписку со многими видными деятелями Европы. Вместе с тем она занимала исключительное положение в придворном обществе. Даже императрица Александра Федоровна, по свидетельству современников, побаивалась ее и старалась держаться подальше. Придворный чиновник генерал А. А. Мосолов вспоминал: «Не существовало в Петербурге двора популярнее и влиятельнее, чем двор великой княгини Марии Павловны, супруги Владимира Александровича»[46].

Морозов очень надеялся, что визит великой княгини придаст Древлехранилищу определенный статус, в какой-то мере оградит музей от недоброжелателей и позволит развивать его в дальнейшем.

Уже на следующий день после посещения лавры сербским королем, Карелин известил Морозова, что визит великой княгини намечен на 16 марта. Ее приезд должен был засвидетельствовать окончание трудов Устроительного комитета Всероссийского съезда художников по организации лаврского музея и одновременно стать официальным актом его открытия. Узнав эту радостную новость, Морозов предложил совершить в день приезда Марии Павловны освящение музея, хотя этого и не предполагалось. Чтобы «особенно не затруднять Великую княгиню и не морозить», он предлагал отслужить молебен за час до ее приезда. «Если же Великая Княгиня пожелает присутствовать на молебствии, – писал он Карелину, – то молебен может начаться немного раньше, так чтобы Великая Княгиня прибыла к концу молебствия, таким образом, отстоит часть молебна, а затем остальное время уйдет на акт и обозрение Древлехранилища»[47]. В том же письме он советовал предложить княгине одеться теплее, так как в музее было довольно холодно: «…это мы привыкли, нам кажется тепло».

Накануне визита Марии Павловны в лавре побывал корреспондент «Петербургской газеты», которому А. А. Карелин с Морозовым показали музей, ответив на вопросы о его возникновении и устройстве. На следующий день, 16 марта, газета опубликовала статью о лаврском Древлехранилище, известив читателей, что в три часа дня состоится его торжественное открытие, «после чего этот редкий по своим историческим сокровищам музей» станет доступным для обозрения публики[48].

Мария Павловна не пожелала присутствовать при освящении Древлехранилища, поэтому молебен был отслужен в помещении музея в 12 часов. В три часа дня она пожаловала в лавру вместе с великой княгиней Марией Александровной

[46] *Мосолов А., генерал*. При дворе императора. – Рига: Изд. «Филин», [1938]. – С. 54.
[47] РГИА. Ф. 792. Оп. 1. Д. 15. Л. 23.
[48] В древлехранилище Свято-Троицкой Александро-Невской лавры // Петербургская газета. – 1910. – № 73. – С. 3.

герцогиней Саксен-Корбург-Готской в сопровождении шталмейстера Н. Н. Гартонга, князей П. А. Кропоткина и Д. Б. Голицына, графов П. С. Шереметева и М. Н. Граббе. Высоких гостей встретили представители старшей лаврской братии: архимандриты Евгений, Филарет и др. Затем все проследовали в Древлехранилище, где А. А. Карелин и послушник Федор показывали экспозицию, сопровождая своими разъяснениями. Об иконах рассказывал В. Т. Георгиевский. Во время осмотра в музей прибыл митрополит Антоний. Здесь же присутствовали члены Устроительного комитета Всероссийского съезда художников и много разных гостей. К сожалению, сразу же выявился главный недостаток музея – теснота помещения, а также плохое естественное освещение. Впрочем, последний изъян компенсировался искусственным светом. Особенно эффектно выглядело, когда ярко вспыхивала то та, то другая из множества развешенных драгоценных лампад[49].

Более двух часов великие княгини осматривали редкости музея и ризницы. Морозов все время неотступно сопровождал Марию Павловну. Он не только рассказывал о музее, но и делился своими планами по его развитию. Лично для него этот день стал своеобразным триумфом!

Все увиденное произвело на Марию Павловну глубоко отрадное впечатление. В рескрипте на имя митрополита Антония она писала: «Ваше благословение созданию такового учреждения положило незыблемое начало правильному научному обереганию церковных исторических и художественных предметов Лавры в созданной сокровищнице, общедоступно обслуживающей ныне цели как религиозного, так и художественного просвещения, при особенном значении последнего не только для лиц, посвятивших себя искусству вообще, церковностроительству в особенности, но и для духовенства, а также для питомцев духовных учебных заведений»[50].

Открытие Древлехранилища стало заметным событием в культурной жизни Петербурга. Столичная пресса живо откликнулась на него, высказав немало лестных и даже восторженных отзывов в адрес нового музея.

Авторы публикаций отмечали достоинства музея, качество и высокий профессионализм организации экспозиции[51], обращали особое внимание на предметы, связанные с именами Александра Невского и Петра I, дивились богатейшему собранию антиминсов и пр. «Особое внимание, – писала газета «Свет», – привлекает единственное в мире по богатству собрание старинных антиминсов, невероятно мелкая резьба по перламутру и по мамонтовой кости архангельских поморов, богатейшие образцы парчи и священных одеяний. Много редчайших предметов С.-Петербургских иерархов, много икон, три из которых представляют

[49] Открытие древлехранилища в Александро-Невской лавре // С.-Петербургские Ведомости. – 1910. – № 61. – С. 2.

[50] РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1909 г.). Д. 98. Л. 68–68 об.

[51] В древлехранилище Свято-Троицкой Александро-Невской лавры // Петербургская газета. – 1910. – № 73. – С. 3.

уники. Перечислить все заслуживающее внимание, – значило бы переписать каталог музея»[52]. Так же и по мнению «С.-Петербургских Ведомостей» подробная оценка всего собранного в Древлехранилище «потребовала бы целой книги»[53].

Устройство церковно-археологического музея в монастырских стенах действительно явилось событием исключительным и едва ли не единичным. Ничего подобного в русских обителях не встречалось, хотя в них находилось множество ценнейших реликвий прошлого, составлявших целые пласты культурного наследия. Уцелев в бурных перипетиях минувших столетий, это культурное богатство чаще всего пропадало из-за безразличия, забвения, неумения сберечь, невостребованности, невежества или просто от бедности. К сожалению, немалое равнодушие к церковному культурно-историческому наследию проявляло само духовенство. Известно множество случаев, когда уникальные по архитектуре старинные храмы бесцеремонно перестраивались или совершенно разрушались, чтобы освободить место для новых построек, древние иконы и росписи бездарно записывались, редкой работы церковная утварь из драгоценных металлов переплавлялась, церковные архивы сжигались, разбазаривались или распродавались на бумажных рынках. Подобные факты давали повод к многочисленным нареканиям со стороны светских деятелей. Не случайно в 1860 году поэт А. К. Толстой писал в сердцах своему другу – российскому императору Александру II: «Именно духовенство – отъявленный враг старины, и оно присвоило себе право разрушать то, что ему надлежит охранять, и насколько упорно оно в своем консерватизме и косно по части идей, настолько оно усердствует по части истребления исторических памятников. Что пощадили татары и огонь, оно берется уничтожить»[54].

Конечно, духовная власть старалась предпринимать определенные меры к охране церковной старины. Однако вопрос ее сбережения все еще оставался открытым, хотя и имел уже более чем полувековую историю. Несмотря на то что еще в XVIII веке в этом направлении появлялись отдельные распоряжения Святейшего Синода, более или менее комплексно высшая церковная власть стала подходить к проблеме лишь со второй половины XIX века. Причем первой инициативу, как правило, проявляла власть светская, подталкивая духовное ведомство к определенным шагам в деле сбережения церковной старины. Так, под влиянием пожеланий императора Николая I Святейший Синод весной 1853 года разослал по епархиям циркуляр с распоряжением составить описи церковного имущества по всем монастырям, соборам, древнейшим и значительнейшим церквям, для чего предписывалось создать особые комиссии. В Петербурге же был создан под председательством Казанского архиепископа

[52] Открытие древлехранилища Александро-Невской лавры // Свет. – 1910. – № 72. – С. 3.
[53] Открытие древлехранилища в Александро-Невской лавре // С.-Петербургские Ведомости. – 1910. – № 61. – С. 2.
[54] *Толстой А. К.* Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 4. – М., 1969. – С. 295.

Григория (Постникова) особый комитет из пяти членов[55] «с целью приведения в известность монастырского и церковного достояния и охраны от растраты и порчи замечательных или по своей ценности или по особенному значению в церковно-историческом и археологическом отношениях памятников русского благочестия». На комитет возлагалась обязанность просмотра описей церковных ризниц, доставляемых в Синод. Приступив к работе, комитет, однако, не довел дело до конца: постепенно его члены выбыли, следы их работ исчезли, и к концу 1868 года в Петербурге не осталось ни одного из них. Вместе с тем прекратили существование и епархиальные комитеты. В том же году к вопросу сбережения церковной старины Синод привлек специалистов Комиссии по разбору и приведению в порядок дел, хранящихся в Синодальном архиве, передав на их суждение составленные в епархиях описания церковных и монастырских ризниц. Комиссия высказалась «за восстановление деятельности исчезнувших епархиальных комитетов», считая это одной из существенных мер по охране памятников церковной старины. С этого времени Архив Святейшего Синода и архивная при нем Комиссия стали выполнять главную направляющую роль в этой области. Впрочем, дело это вскоре вышло из ведения Церкви и стало предметом обсуждения на созываемых каждые три года археологических съездах. Так, в 1869 году первый археологический съезд передал вопрос об охране памятников старины в особую комиссию, а в 1871 году второй археологический съезд постановил передать его в Министерство народного просвещения. Однако образованная при министерстве в 1876 году специальная межведомственная комиссия выработала проект охраны памятников старины, который успеха не имел. Дело остановилось на 20 лет…

В 1895 году директор петербургского Археологического института профессор Н. В. Покровский и управляющий синодальным Архивом А. Н. Львов составили проект устава общества охраны церковной старины при С.-Петербургской духовной академии. Проект, впрочем, не получил развития, так как в его реализации невозможно было обойтись без непосредственной поддержки Святейшего Синода[56].

С декабря 1898 года вопрос охраны церковных древностей снова обсуждался в синодальной архивной Комиссии. После его всестороннего рассмотрения Комиссия единодушно приняла положения доклада А. Н. Львова: а) об учреждении при Святейшем Синоде особой центральной церковно-археологической Комиссии или Совета, который состоял бы из представителей разных отраслей археологии, объединял бы, поддерживал и руководил делом охраны памятников

[55] Кроме архиепископа Григория (Постникова) в состав комитета входили: епископ Макарий (Булгаков), архимандрит Иоанникий (Руднев), игумен Макарий (Миролюбов), К. С. Сербинович и Войцеховский.

[56] Пятидесятилетие высочайше учрежденной комиссии по разбору и описанию архива Св. Синода 1865–1915. Ист. записка. – Пг.: Синод. тип., 1915. – С. 86–87.

старины в епархиях и служил бы для научно-теоретической разработки всех церковно-археологических вопросов, как возникающих при рассмотрении дел подобного рода в Синоде, так и вызываемых практикой жизни, и б) о постепенном открытии в каждой епархии епархиальных церковно-археологических комитетов с обязательством *устраивать при них церковно-археологические музеи*[57], а для письменных памятников – епархиальные исторические архивы. Для детальной разработки указанных положений образовали особую подкомиссию под председательством графа С. Д. Шереметева в составе: сенатора А. Г. Вишнякова, протоиерея М. И. Горчакова, Н. П. Кондакова, Г. И. Котова, А. Н. Львова, Н. В. Покровского, С. Г. Рункевича, А. И. Соболевского, Н. В. Султанова и делопроизводителя К. Я. Здравомыслова. Подкомиссии было указано, что круг ведения предполагаемых к учреждению органов должен будет на первых порах заключаться только в охране и научной разработке письменных и вещественных памятников церковной старины, не исключая и памятников зодчества[58]. В результате подкомиссия выработала и опубликовала записку «О мерах к сохранению и разработке вещественных и письменных памятников, находящихся в духовном ведомстве». Положения записки обсуждались 11 и 29 марта 1899 года в заседаниях Комиссии, однако работа остановилась вследствие кончины ее председателя академика А. Ф. Бычкова, одного из главных инициаторов дела. Уже при новом председателе С. Д. Шереметеве вопрос обсуждался в декабре 1900 и в январе 1901 года, но неожиданный уход графа с должности председателя, а затем последовавшая вскоре кончина А. Н. Львова послужили поводом для резолюции обер-прокурора Синода на журнале Комиссии – «с делом охраны памятников приостановиться»[59].

Спустя пять лет обсуждение вопроса вновь оживилось. 2 марта 1906 года на заседании синодальной архивной Комиссии заслушивался доклад профессора Н. В. Покровского «О мерах к сохранению памятников церковной старины»[60]. В докладе после исторической справки о положении этого дела автор приходил к выводу о необходимости учреждения центрального комитета охраны памятников церковной старины при Святейшем Синоде и местных епархиальных комитетов[61]. Доклад был принят Комиссией и предложен тогдашним обер-прокурором князем А. Д. Оболенским Святейшему Синоду «для принципиального решения вопроса об охране памятников церковной старины». В свою очередь Синод, признавая возбуждение данного вопроса благовременным, поручил архивной Комиссии

[57] Выделено мной. – *Г. Щ.*

[58] РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 191. Л. 407–408 об.

[59] *Здравомыслов К.* О мерах к охранению вещественных и письменных памятников родной старины // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1906. – № 8. – С. 394.

[60] *Покровский Н. В.* О мерах к сохранению памятников церковной старины // Христианское чтение. – 1906. – № 4. – С. 471–498.

[61] Заседание членов Высочайше учрежденной комиссии по разбору и описанию Синодального Архива // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1906. – № 10. – С. 513.

разработать подробный проект всех необходимых мероприятий[62]. Комиссия собрала тогда почти всех проживавших в Петербурге видных представителей археологии[63] и выработала проект «Положения об Архивно-Археологической Комиссии при Святейшем Синоде и о церковно-археологических комитетах в епархиях». Весной 1909 года проект этот был одобрен и утвержден Синодом[64].

Таким образом, инициатива послушника Федора Морозова по организации церковно-археологического музея в стенах Александро-Невской лавры оказалась весьма актуальной и своевременной. Однако идея эта нашла воплощение не в силу решений высшей церковной власти, а благодаря, главным образом, личной поддержке митрополита Антония (Вадковского), человека высококультурного и близкого науке, в прошлом профессора Казанской духовной академии. Между тем имелись опыты и не столь счастливые. За несколько лет до устройства лаврского Древлехранилища нечто подобное пытался организовать в Кирилло-Белозерском монастыре иеромонах Антоний (Александров), собравший довольно большую коллекцию церковных и бытовых древностей. Его собранием заинтересовался петербургский Археологический институт. Поскольку коллекция хранилась частью в келье собирателя, а частью под лестницей и на чердаке, институт ходатайствовал перед Синодом об отведении для собранных раритетов какого-либо помещения (в монастыре в это время пустовал Никоновский домик, где жил когда-то опальный патриарх). По широкому замыслу отца Антония в Кирилло-Белозерском монастыре должен был разместиться центральный музей края, а в других монастырях епархии – его отделения.

Однако настоятель монастыря Кирилловский епископ Иоанникий (Дьячков) был недоволен монахом-краеведом, жаловался на его «своеволие» и «неблаговидные поступки» (самовольные отлучки, просрочки отпусков, прием в келье посторонних лиц). С его слов архиепископ Новгородский Гурий (Охотин) ответил на запрос обер-прокурора, что настоятель монастыря не против открытия музея в стенах обители, но музей этот должен находиться в ведении монастырского начальства, а средства, необходимые для его устройства и содержания, следует изыскивать помимо монастыря. Кроме того, Иоанникий настаивал на удалении из монастыря самого собирателя древностей. И действительно, тот вскоре был перемещен в Филиппо-Ирапскую пустынь. Дальнейшая судьба иеромонаха Антония и его коллекции неизвестна. Известно лишь, что он не оставил занятий краеведением[65].

---

[62] *Ростовский А.* О сохранении памятников старины // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1908. – № 26. – С. 1228.

[63] В разработке проекта принимали участие академик Н. П. Кондаков, профессора Н. В. Покровский, Н. И. Веселовский, Н. В. Султанов, А. А. Дмитриевский, Д. В. Айналов, Н. П. Лихачев, И. Е. Евсеев, хранитель императорского Эрмитажа Я. И. Смирнов, член императорской Археологической комиссии А. А. Спицын, наблюдатель церковно-приходских школ В. Т. Георгиевский, архитекторы Л. Н. Померанцев, М. Т. Преображенский, Г. И. Котов, А. В. Щусев, археолог А. А. Титов и все члены синодальной архивной Комиссии.

[64] *Здравомыслов К.* Пятидесятилетие Высочайше утвержденной Комиссии по описанию Архива Святейшего Синода // Приложение к Церковным Ведомостям. – 1915. – № 49. – С. 2449–2450.

[65] *Зырянов П. Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. – М.: Вербум-М, 2002. – С. 172.

Как видим, почин послушника Федора оказался более счастливым.

Несмотря на официальное завершение Устроительным комитетом работ по организации лаврского музея, в его жизни все еще продолжал принимать участие А. А. Карелин. «Очень рад Вашему посещению Музея, – писал художнику 21 марта Морозов. – Жду Вас сегодня в 3 часа дня и членов Общества Архитекторов, – вообще всех, кто направляется в Музей по Вашему указанию. Большое спасибо за нового жертвователя. От Епископа Вениамина поступает какая-то древняя икона и пергаментная гравюра.

Музей открыт ежедневно, кроме канунов праздничных дней, от 2-х до 4-х часов дня»[66].

Следует добавить, что музей был доступен посетителям не только ежедневно, но и бесплатно.

По-возможности Карелин старался оказывать молодому музею всяческую помощь. В частности, он обещал отрекомендовать послушника Федора директору Императорского Эрмитажа графу Д. И. Толстому, чтобы Морозов мог при необходимости обращаться к нему с разными вопросами, касающимися Древлехранилища. Еще во время его устройства Карелин обращался к графу с просьбой классифицировать один из экспонатов. Такая потребность могла возникнуть и в будущем, поэтому нужно было познакомить Морозова с Д. И. Толстым. Но так сложилось, что послушник Федор сам познакомился с ним. Произошло это в начале апреля, когда Морозов встречался в Эрмитаже с хранителем А. К. Марковым, известным нумизматом, которому приносил для атрибутирования монеты. Неожиданно увидев в одном из залов Д. И. Толстого, он «с чувством страха и решимости» подошел к графу и обратился со словами: «Ваше Сиятельство, позвольте от лица администрации вновь устроенного Древлехранилища Лавры преподнести “Краткую опись” его…»[67]. Морозов поблагодарил графа за оказанную ранее консультацию и затем обратился с новой просьбой, касающейся музея.

«Личность графа мне очень понравилась, – делился послушник Федор с А. А. Карелиным, – он любезен, приветлив… Просил нашу просьбу к Эрмитажу и Музею имени Имп[ератора] Алек[сандра] III (общее учреждение) выразить письменно на Его имя (он просил даже не делать этой просьбы чересчур официальной, допускает ее выразить даже на бумаге в форме обыкновенного письма) и тогда он даст нам официальную бумагу, с которой мы могли бы свободно производить съемки, слепки и т. п. копирования), а также эта бумага даст возможность и свободный доступ посещения разных отделов близких к нашей цели…

Завтра в 3 часа буду в Общ[естве] Л[юбителей] Д[ревней] Пись[менности], как Вы говорили, перескажу Вам поподробнее, т. к. здесь в письме я не совсем точно выражаюсь под давлением мног[их] впечатлений…»[68].

---

[66] РГИА. Ф. 792. Оп. 1. Д. 15. Л. 26.
[67] Там же. Л. 25.
[68] Там же. Л. 25 об.

Следует сказать, что назначение архимандрита Филарета хранителем лаврского музея имело чисто формальный характер. Хотя он как эконом и принимал участие в его устройстве, душой всего дела был, конечно же, Морозов. Именно ему принадлежала первоначальная идея организации музея, именно он принял активнейшее участие в его устройстве, и именно он после открытия Древлехранилища следил за его состоянием, принимал посетителей, продолжал заниматься экспозицией[69]. Однако монастырская психология того времени не могла допустить, чтобы музеем заведовал простой послушник, нужно было более «авторитетное» лицо. Вот и назначили отца Филарета – человека почтенного и уважаемого. Таковы были «правила».

Между тем деятельность послушника Федора по организации музея сыграла определяющую роль в его дальнейшей судьбе. На лаврского собирателя обратили внимание профессора петербургского Археологического института, особенно его директор профессор Н. В. Покровский. Морозову предложили учиться в институте, и он был принят туда, несмотря даже на недостаточный образовательный ценз[70]. Так в 1910 году Федор Морозов стал вольнослушателем Археологического института.

Открыт институт был в 1878 году стараниями историка-юриста Н. В. Калачова, а развитие получил уже под управлением Н. В. Покровского, одного из лучших и любимых учеников академика Ф. И. Буслаева. Со временем умелое руководство и серьезный научный авторитет Покровского утвердили широкую популярность института в археологических кругах. За три десятилетия существования это учебное заведение дало России множество полезнейших работников на поприще отечественной археологии и истории, привило в русском обществе уважение к памятникам старины, реально и заметно послужив делу ее охраны. И если в первые годы число слушателей института насчитывало единицы, то уже в начале XX века – сотни[71].

Учебный курс распределялся на два года и включал следующие дисциплины: 1) наука об архивах с практическими занятиями по разбору архива, составлению карточного инвентаря, регистров и т. д.; 2) палеография общая, и в особенности русская, с практическими занятиями по чтению древних актов; 3) нумизматика; 4) метрология; 5) археология общая – древневосточная; 6) юридические древности; 7) церковные древности. При институте имелась довольно богатая библиотека и музей, издавался журнал «Вестник археологии и истории». Помимо лекций, преподаваемых ежедневно с 10 до 12 часов утра, проходили специальные вечерние занятия (еженедельно) для рассмотрения работ исторических и археологических обществ, критического разбора новых сочинений, бесед

[69] Древлехранилище Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры // Приходский Священник. – 1911. – № 20. – С. 7–8.
[70] РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1913 г.). Д. 70.
[71] *Миронов А. А.* Из жизни археологических учреждений // Исторический вестник. – 1913. – № 6. – С. 1101.

по вопросам археологии и истории и т. п. Кроме того, ежемесячно проводились публичные заседания, на которых читались рефераты и проводились беседы. По окончании двухлетнего курса выпускники сдавали экзамены и, в случае успешного их прохождения, получали аттестаты, становясь действительными членами или членами-сотрудниками института.

Существенным изъяном в жизни Археологического института являлось отсутствие собственных помещений. Размещался он в небольшой нанимаемой в частном доме квартире, далеко недостаточной ни для аудитории, ни для библиотеки, ни для исторического архива. Впрочем, это неудобство вполне компенсировалось той душевной атмосферой, которая царила в институте. С самого начала его существования между учащимися и педагогами, во многом благодаря Н. В. Покровскому, сложились и вошли в традицию простые, сердечные отношения, единодушие и открытость[72]. Институт жил одной дружной семьей.

Слушатели Археологического института представляли собой людей самых разных профессий, звания, образования и возраста. С Морозовым на одном курсе учились священники, офицеры, служащие, преподаватели средних учебных заведений, выпускники и студенты высших учебных заведений. Вместе с ним училась княжна Ксения Николаевна Шаховская, в то время преподавательница женских гимназий Ведомства учреждений императрицы Марии[73].

С большим усердием и воодушевлением приступил Морозов к занятиям в институте. Помимо приобретения знаний, для него открылась здесь замечательная возможность к знакомству и общению с разными интересными людьми…

Лаврский архив

Учеба Морозова в Археологическом институте принесла пользу не только ему, но и лавре. Это касалось научного оборудования монастырского архива.

В феврале 1911 года заведующий Древлехранилищем архимандрит Филарет вместе с послушником Федором подняли перед наместником вопрос о передаче под архив двух комнат в новом здании ризницы, где расположилась также и лаврская библиотека. Это были кабинет библиотекаря и читальный зал, остающиеся по какой-то причине «без всякого пользования». Прежнее же помещение архива они просили уступить для расширения Древлехранилища, в котором вместе с тем предполагали устроить постоянное отопление. Судя по всему, инициатива этих преобразований исходила от Морозова. Как только вопрос о новом помещении под архив начал решаться в положительную сторону, он немедля подал наместнику рапорт о желательности приведения «в должный порядок» самого архива.

[72] *Миронов А. А.* Из жизни археологических учреждений // Исторический вестник. – 1913. – № 6. – С. 1101.
[73] ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 348.

Прежде всего Морозов указал на то, что в 1912 году исполнится 200 лет со дня основания Александро-Невской лавры, что, несомненно, «в сердцах истинных сынов России вызовет горячий интерес к ее истории: не только со стороны обыкновенных людей, но особенно со стороны отдельных ученых исследователей, целых ученых обществ и учреждений». Этот интерес обязательно приведет их, в первую очередь, в лаврский архив. Однако в связи с этим возникал вопрос: в каком положении находится архив лавры, и «может ли он удовлетворить всем потребностям быстрого ознакомления с его документами»? Ответ Морозов давал однозначный: «К великому сожалению должны будем констатировать тот факт, что настоящее положение архивного материала не может удовлетворить скорой работе исследователя; оно даже затрудняет и те скромные требования, какие предъявляет к нему Канцелярия Духовного Собора»[74].

Чтобы исправить положение, Морозов просил наместника исходатайствовать у митрополита разрешение на приведение лаврского архива в должный порядок. Для этого он предполагал составить правильную опись всех документов и дел, систематизировать их хронологически, а для быстрого пользования делами составить карточный каталог и вообще устроить архив в соответствии со всеми правилами правительственных архивов. Для выполнения необходимых работ он предлагал пригласить слушателей старшего курса Археологического института, теоретически уже знакомых с архивоведением, «которые с рвением и любовью к родной старине изъявляют желание приложить все свои знания и труды в разборе лаврского архива»[75]. Он указывал, что всеми работами любезно согласились руководить директор института профессор Н. В. Покровский и профессор института кафедры архивоведения А. П. Воронов. «В обеспечение правильного хода работ и вознаграждение, – писал послушник Федор, – за весь колоссальный труд слушателей Института, которое удовлетворит материальные нужды работников, необходимо ассигновать 600 рублей». Морозов выражал несомненную уверенность, что под руководством Покровского и Воронова лаврский архив станет образцовым хранилищем русской письменности XVIII–XIX веков и «чрез это в ученом мире прольется новый свет в славной истории святых обителей России»[76].

В это время лавра действительно готовилась к празднованию 200-летнего юбилея, хотя вопрос о том, в каком именно году следует его отмечать, все еще оставался открытым. В архивной записке «О начале Невского монастыря» содержались три даты, каждая из которых могла бы считаться первоначальной. Первой упоминался 1710 год, когда император Петр I, осмотрев место у речки Черной, впадающей в Неву, повелел быть здесь монастырю во имя Святой Живоначальной Троицы. Следующей датой был 1712 год, когда заложили

[74] РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1911 г.). Д. 98. Л. 1–1 об.
[75] Там же. Л. 1 об.
[76] Там же.

деревянную Благовещенскую церковь. Последней значилась дата 25 марта 1713 года – время освящения Благовещенского храма в Высочайшем присутствии. За разъяснением недоуменного вопроса лаврское начальство еще в 1910 году обратилось к доктору церковной истории С. Г. Рункевичу. Сопоставив многочисленные документы синодального и лаврского архивов, историк пришел к выводу, что юбилейной надо считать дату 25 марта 1713 года[77]. Впрочем, не все соглашались с этим, продолжая настаивать на предшествующей дате.

Итак, доводы Морозова относительно состояния лаврского архива действительно звучали убедительно. Наместник лавры архимандрит Феофан поддержал ходатайство и передал его на утверждение митрополиту Антонию. Вместе с тем был поднят вопрос о назначении архивариусом преобразуемого архива библиотекаря лавры архимандрита Амвросия, а его помощником – послушника Федора. 7 апреля владыка Антоний утвердил все предложения, благословив доброе начинание[78].

В это же время получил некоторое развитие еще один замысел Морозова, а именно идея организации на территории лавры церковно-исторического музея Санкт-Петербургской епархии. Эту мысль послушника Федора митрополит Антоний предварительно предложил на обсуждение двух съездов епархиального духовенства. Каждый раз настоятели с полным сочувствием высказывались по поводу передачи в предполагаемый музей соответствующих предметов из церковных ризниц и кладовых. Заручившись поддержкой епархиального духовенства, митрополит пообещал предоставить под музей обширное помещение юго-западной монастырской башни с прилегающими к ней уже отремонтированными помещениями. Вскоре эта новость от Морозова дошла до великой княгини Марии Павловны, которая не преминула выразить владыке Антонию глубокую признательность. «Я не могу не полагать, – писала она, – полной успешности полезнейшему завершению начатых по Вашим благословениям трудов и обретаю успокоение за грядущую сохранность высокоценной художественной местной епархиальной предметной церковной старины, которая послужит учреждению обширнейшего нового музея, прозорливо намеченного к учреждению <…> Вами, насущно необходимого для полноты специального религиозно-художественного образования»[79]. Мысль о религиозно-художественном образовании Мария Павловна высказала неслучайно. Древлехранилище лавры уже довольно активно посещалось учащимися различных учебных заведений Петербурга.

Итак, предполагалось, что Александро-Невская лавра станет настоящим центром сбережения церковной старины Петербургской епархии. По крайней мере, начало этому было уже положено. Морозов даже планировал предпринять

[77] *Щеглов Г. Э.* Степан Григорьевич Рункевич (1867–1924). Жизнь и служение на переломе эпох. – Минск: ВРАТА, 2008. – С. 248–249.
[78] РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1911 г.). Д. 98. Л. 6.
[79] РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1909 г.). Д. 98. Л. 68 об.–69.

для собирания памятников старины экспедицию по монастырям и храмам Санкт-Петербургской и Новгородской епархий и другим местам. Однако вернемся пока к лаврскому архиву.

Некоторое время понадобилось для того, чтобы перенести и разместить дела архива в новом помещении. Впрочем, приступить к их упорядочению сразу не представлялось возможным. Слушатели Археологического института в конце учебного года были чрезвычайно загружены, а впереди предстояли каникулы. Поэтому работы в лаврском архиве начались лишь 12 сентября. Участвовало в них 25 человек, включая Морозова. Практически все участники были одновременно студентами университета или духовной академии. Работой, как и планировалось, руководили профессора Н. В. Покровский и А. П. Воронов. Занятия велись группами и проходили с 9.30 до 21.30 – каждая группа занималась по четыре часа в день. Описание дел производилось так: каждый получал связку дел, содержащую от 30 до 40 тетрадей разной величины и стопку особых карточек, в которых записывал краткое содержание каждого дела с указанием его номера, начала и конца делопроизводства, количества листов, имен лиц, фигурирующих в деле, и географических названий. Таким образом, каждая карточка представляла хотя и краткое, но довольно емкое описание всего дела.

Однако уже в первые дни работ выяснилось, что документы в делах расположены безо всякой системы и имеющиеся к ним описи неверны. Это, естественно, делало разбор и описание архива крайне затруднительным. Так, например, на обложке могло быть написано «Дело об отпуске служителей и выдаче им паспортов», а при просмотре оказывалось, что здесь же помещались дела и об отдаче в аренду домов и земель, и о рыбной ловле. Вот почему поиски какого-либо дела, требуемого канцелярией Духовного Собора или другими учреждениями, оставались зачастую безуспешными. Становилось очевидным, что разбор архива потребует гораздо больше времени и сил, а следовательно, и средств. Ассигнованных первоначально на это денег было явно недостаточно. Разбору подлежало 812 папок (400 папок XVIII в. и 412 папок – XIX в.). На опись и разбор каждой папки одному работнику требовалось два-три дня, при условии работы по четыре часа в день. Новая смета составляла теперь 2772 рубля 50 копеек (400 папок XVIII в. по 4 рубля, 202 папки XIX в. по 3 рубля и 210 папок XIX в. по 2 рубля 25 копеек)[80], превышая первоначальную смету почти в пять раз.

Об этом наместник сообщил митрополиту Антонию, который распорядился выделить необходимые средства. К концу зимы 1912 года работы по составлению описи и карточного каталога лаврского архива были завершены. Оставалось лишь подобрать карточки по алфавиту за все годы и напечатать их (слушатели Археологического института разместили карточки отдельно за каждый год)[81].

[80] РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1911 г.). Д. 98. Л. 9–9 об.

[81] *Рункевич С. Г.* Александро-Невская Лавра, 1713–1913. – СПб.: Лига Плюс, 1997. – С. 667.

Для карточного указателя по совету С. Г. Рункевича изготовили оригинальное бюро собственного его изобретения, такое, какое находилось у историка дома, только с небольшими изменениями. Смысл изобретения заключался в том, что в одном предмете, для экономии пространства, соединялось четыре предмета мебели: бюро для карточек, шкаф с полками, письменный стол для работы стоя и письменный стол для работы сидя[82]. Чтобы ознакомиться с конструкцией оригинального бюро, Морозов специально ездил на квартиру Рункевича на улицу Кабинетскую 17.

Когда в архиве все окончательно устроили, он, по замечанию специалиста-современника, по внутреннему порядку, блеску и чистоте «живо напоминал аптеку»[83]. Но надо сказать более, лаврский архив теперь отвечал всем требованиям устройства западноевропейских архивов[84].

Следует отметить, что научное оборудование лаврского архива стало событием не менее важным, чем устройство Древлехранилища. Хранившиеся в архиве документы были тесно связаны с церковной и гражданской историей времен становления Российского государства при Петре I и ее последующих периодов. Таким образом, содержание архива имело не только местное историческое значение в смысле материала для истории лавры и Петербурга, но и общероссийский характер. Тем не менее лаврский архив, как это часто встречалось в монашеских обителях, еще в конце XIX века находился в заброшенном состоянии. Дела его хранились в беспорядке, и многие от сырости, царившей в помещении, наполовину истлели. Вступивший в 1898 году на Петербургскую кафедру митрополит Антоний (Вадковский) сразу же обратил внимание на плачевное состояние архива. Он распорядился о переносе дел в сухое помещение и составлении их описи. В 1900 году архив уже был размещен в отапливаемых комнатах и имел инвентарную опись[85].

Но лишь благодаря деятельности послушника Федора Морозова лаврский архив стал доступен широкому кругу исследователей. Вместе с тем, учитывая общее плачевное положение архивов духовного ведомства, содержавших исторические источники последних двух столетий, усердие Морозова оказало большую услугу архивному делу вообще. Следует сказать, что, как и в деле охраны церковной старины, вопрос с церковными архивами еще только становился на твердую почву. До этого же дело обстояло так, что археографическое достояние Церкви, не имея надлежащего попечения, подвергалось порче и безвозвратно исчезало. Было известно немало фактов гибели ценнейших архивных комплексов. Так, например, бесследно исчезли хранившиеся некогда в архиве Московской дикастерии (затем консистории) дела времен русского патриаршества.

[82] НИОР РГБ. Ф. 257 (Рункевич С. Г.). К. 12. Д. 19. Л. 5.
[83] Там же. Л. 1.
[84] РГИА. Ф. 797. Оп. 83. III отд. IV ст. (1913 г.). Д. 179. Л. 3.
[85] *Щеглов Г. Э.* Степан Григорьевич Рункевич (1867–1924). Жизнь и служение на переломе эпох. – Минск: ВРАТА, 2008. – С. 127–128.

В Нижегородском Печерском монастыре находился в ужасном состоянии обширный архив старых духовных дел; архив Харьковской духовной консистории хранился в сыром помещении; Орловский архив – в тесном помещении, и ему угрожала печальная участь; архив Новгородской консистории уже в 1880-х годах подвергался разгрому, и целые груды его продавались на Петербургском рынке; архив Костромской духовной консистории, очень ценный, сгорел в 1880-х годах. Нечего уже было говорить о старых монастырских и приходских архивах: большинство их уходило на бумажные рынки или хранилось на чердаках и в сырых подвалах. Архивы духовного ведомства – консисторские, монастырские, приходские – безотлагательно нуждались в упорядочении: помещения их большей частью были малопригодны и тесны, описей удовлетворительных не имелось, не было и подходящих людей, которые могли бы заниматься ими. Лишь начавшие создаваться в 1880-е годы в некоторых городах ученые архивные комиссии стали обращать внимание и на некоторые консисторские архивы. Но сил и средств этих комиссий было крайне недостаточно. «Архивы духовного ведомства, – писал в 1906 году профессор Н. В. Покровский, – открытое поле для деятельности будущих архивистов и любителей церковной старины»[86].

Благоприятные перемены, произошедшие благодаря послушнику Федору в судьбе архива Александро-Невской лавры, не остались без внимания и положительной оценки специалистов. В это время в обители уже не первый год работала под руководством С. Г. Рункевича комиссия по описанию дел лаврского архива за время царствования Петра I. В ее состав входили, например, такие профессионалы, как К. Я. Здравомыслов, Б. Н. Жукович, Н. В. Нумеров, состоявшие членами Комиссии по описанию и приведению в порядок дел архива Святейшего Синода. Они искренне приветствовали почин послушника Федора. Став помощником архивариуса, Морозов получил возможность чаще общаться с этими специалистами, был в курсе работ, с кем-то, возможно, завел дружбу. Это были люди интересные и весьма знающие, у которых было чему поучиться не только в профессиональном плане, но и в смысле отношения к делу, к жизни. Вообще надо сказать, Морозову везло с людьми, с которыми сводила его судьба. Именно благодаря их благотворному влиянию он смог сформироваться и как личность, и как профессионал.

Добрейший профессор

Одним из замечательных людей, сыгравших немаловажную роль в жизни Ф. М. Морозова, стал профессор Илья Александрович Шляпкин (1858–1918) – историк русской литературы, археолог и палеограф. С ним Морозов сблизился

[86] *Покровский Н. В.* О мерах к сохранению памятников церковной старины // Христианское чтение. – 1906. – № 4. – С. 481.

в годы учебы в Археологическом институте, где профессор читал лекции по «вещевой палеографии» (эпиграфике). Это был известный человек в научных кругах своего времени, признанный академический авторитет, успешно сочетавший разностороннюю научную деятельность с широкой преподавательской деятельностью. Помимо Археологического института, Шляпкин читал лекции в Петербургском университете, Военно-юридической академии, Учительском институте, Александровском лицее и других столичных учебных заведениях. Как педагог, он пользовался, по воспоминаниям современников, «неизменной симпатией молодежи», будучи мягким, отзывчивым и добросердечным человеком.

Кроме всего прочего, И. А. Шляпкин был известен как страстный коллекционер и библиофил. Он собрал уникальную библиотеку редких книг, которая хранилась у него дома в родном селе Александровском на Белоострове. По воспоминаниям М. Сперанского, дом этот «представлял своего рода домашний музей», и хозяин жил в нем «среди изумительных книжных сокровищ, окруженный предметами искусства, редкостями и просто вещами, каждая из которых имела свою “историю”»[87]. Дом этот часто посещала студенческая молодежь, пользуясь гостеприимством добродушного профессора. Нередко бывал там и Ф. М. Морозов. Обстановка профессорского дома с его уникальной библиотекой производила на него неизгладимое впечатление. «Ваш дом с библиотекой, куда бывало, когда входишь, невольный благоговейный трепет овладевает; входишь в мир души, мыслей человека мыслящего и так хочется быть там вечно… и Вы лишь входите сюда, как царь, как победитель стоящий выше всего окружающего – делается страшно и чувствуешь свое ничтожество, готов плакать… но вспомнишь, что выше всего есть Бог творец этих мыслей, которые посланы для облагораживания душ человеческих, и станет легче», – писал Морозов, вспоминая впоследствии свои приезды в Александровское[88].

Вообще, белоостровский дом-дача профессора был местом действительно замечательным. Приезжавших гостей хозяин нередко встречал в каком-нибудь оригинальном костюме. Он мог выйти, например, в голубой сатиновой рубахе, подпоясанной широким турецким поясом, и высоких сапогах, или в красной в пестрый горох блузе ниже колен и длинных брюках, или еще в каком-нибудь не менее оригинальном наряде. Недаром над дверями его передней красовалась латинская пословица: «À chaque baron sa fantaisie» (У всякого барона своя фантазия. – *Г. Щ.*). Добродушный Шляпкин обожал всякого рода шутки и оригинальности. Но «бароном» он никогда не был. Будучи выходцем из крестьянской среды и добившись всего исключительно своим трудом и талантом, он всегда оставался очень доступным и простым человеком. Шляпкин любил величать себя «крестьянином-профессором».

---

[87] *Сперанский М.* Профессор Илья Александрович Шляпкин [Некролог] // Научные известия. – М., 1922. – С. 329.

[88] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 28.

Показывая гостям дом, он первым делом, как правило, вел их в молельню, где находились наиболее интересные экспонаты из его коллекции древностей. Помещалась молельня под лестницей в мезонине и представляла собой маленькую продолговатую комнату в одно окно с узорчатой деревянной решеткой. В ней стоял запах ладана, и присутствовало известное настроение, как, впрочем, и во всем доме профессора. Следует заметить, что Илья Александрович был довольно религиозен и любил молитву. Православная Церковь для него была живой созидательной силой. «Там дух есть», – говаривал он[89]. Вещи, на которые в молельне Шляпкин обращал особое внимание посетителей, были: кресты, между которыми висели два крохотных, сохранившихся предположительно еще со времен крещения Руси, другие – XI–XII веков; старообрядческие наперсные кресты «поповские» и «безпоповские»; символические и аллегорические иконы; раскрашенная деревянная статуя «Христос Страждущий» из Великого Устюга. Статуя эта, довольно грубой, «топорной», работы, поражала силой экспрессии как в лице, так и самой позе. Скорбные глаза, из которых словно текли кровавые слезы, капли крови, выступившие из-под тернового венца, как бы распухшие и запекшиеся от жгучей жажды губы, сгорбленная, изможденная под бременем страданий фигура – все это производило большое впечатление, особенно на самого профессора. После показа он обычно просил побыстрее закрыть статую, которая всегда стояла закрытой, объясняя: «Неприятно все-таки, господа, вы же понимаете, сильное впечатление»[90].

Здесь же, в молельне в шкафу, хранились рукописи и другие предметы, среди которых хрустальные и стеклянные кубки, фляга и чарки с Петровским вензелем и орлом его времени, бывшие, возможно, даже на Петровских ассамблеях. В специальных ларцах сберегались остатки одежды из старинных тканей, папки с образцами владимирских золотых и серебряных кружев и плетений разных сортов. Демонстрируя их, хозяин позволял посетителям примерять их даже на себя, сам при этом показывая пример.

Из молельной профессор обычно вел посетителей в гостиную, где, указывая на некоторые картины, рассказывал их историю или значение. Затем показывался кабинет, где хозяин первым делом повествовал историю письменного стола, за которым работал Белинский в редакции «Телескоп», погодинского дивана и некоторых надежденских коллекций. Затем Шляпкин доставал из стола папки с рукописями, автографами и письменами великих людей, позволяя все это свободно брать в руки и рассматривать даже в укромных уголках. В отношении доверия к людям профессор был очень порядочен и даже благороден. В его кабинете, например, висел плакат: «Книг из библиотеки не просить», а между тем, он сам частенько привозил студентам редкие книги, рукописи и давал их

[89] *Буш В. В.* Илья Александрович Шляпкин. (Некролог). – Пг.: Тип. Рос. Академии Наук, 1920. – С. 15.
[90] ОР РНБ. Ф. 326 (Казанович Е. П.). Д. 18. Л. 20 об.–21 об.

на дом, едва даже зная в лицо тех, кому давал. Шляпкин всегда позволял гостям свободно разгуливать по всему дому и смотреть, что кому хотелось. Такой он был человек.

Демонстрацию предметов из своей коллекции профессор обычно сопровождал рассказами о том, как они к нему попали. Например, деревянного «Иисуса сидящего» он просто-напросто выкрал с чердака монастыря во время всенощного бдения, в чем ему помог чуть ли не казначей или хранитель ризницы. Так как статую надо было проносить мимо молящейся публики и монастырской братии, ее накрыли покрывалом. «Это на случай, если бы нас окликнули, – пояснял профессор. – Дурно, мол, сделалось человеку, и все тут. Ну да, слава Богу, все сошло благополучно». Некоторые вещи, вроде старого оружия, бердышей, пищалей, домашней утвари и некоторых крестов продал ему за бесценок какой-то старик, который, заразившись примером ученых копателей, захотел стать археологом и самостоятельно занялся раскопкой курганов. За советами и консультациями он обращался к Шляпкину, а когда собрал за время раскопок старинные предметы, то продал их своему «руководителю». Надеждинскую коллекцию профессор задешево купил на аукционе благодаря тому, что дал взятку в 300 рублей кому-то из распорядителей торгов. Естественно, аукцион был проведен в интересах Шляпкина. Покупает он, например, письменный стол, а пристав говорит: «К столу полагается две подушки», и велит положить очень редкие диванные подушки итальянской работы XVI или XVII века с вышитым золотом папским гербом. Или, после распродажи крупных вещей объявляет: «Аукцион окончен. Все оставшиеся мелочи положите с вещами господина Шляпкина, их нечего считать»[91].

Поездки на Белоостров всегда оставляли в душе Ф. Морозова яркие и радостные впечатления. Здесь, в непринужденной домашней обстановке, он узнавал много интересного и полезного. Временами на шляпкинской даче собиралось немало гостей, как например на Пасху и Рождество: учащаяся молодежь, бывшие ученики, заглядывали «солидные» и с «именами». В такие дни хозяин с утра и до самого вечера всецело принадлежал гостям. Велись разговоры на книжные темы, показывались рукописи и автографы, редкие книги. Между гостями завязывались знакомства. Здесь, например, Морозов сдружился с Петром Антоновичем Горчинским[92]. Представляя своим знакомым послушника Федора, Шляпкин обычно рекомендовал его как человека «очень полезного и знающего»,

[91] ОР РНБ. Ф. 326 (Казанович Е. П.). Д. 18. Л. 20 об.–21 об.

[92] **Горчинский Петр Антонович** (1889–1937) – филолог. Родился в г. Вильно в русской семье. В 1916 г. окончил историко-филологический факультет Петроградского университета, оставлен в университете при кафедре русской литературы. Ученик профессора И. А. Шляпкина. В 1913–1918 гг. заведовал семинарской библиотекой по русской словесности, а в 1922 г. преобразовал ее в кабинет русской литературы. С 1924 г. доцент, а затем профессор кафедры русской литературы. С 1926 по 1930 г. – директор Фундаментальной библиотеки Ленинградского госуниверситета. Преподаватель русского языка Военно-медицинской академии РККА. Арестован 27 сентября 1937 г. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 21 октября 1937 г. приговорен по ст. 58-6-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в Ленинграде 30 октября 1937 г.

но «необычайно скромного и застенчивого». Именно таким Морозов и оставался всю жизнь. Эти черты отмечали многие знавшие его люди.

Постепенно общение с профессором вылилось в теплые, сердечные отношения. Благодарный за внимание к себе, Морозов охотно выполнял разные его поручения научного характера: фотографировал для профессора музейные экспонаты, изображения из книг[93], переписывал старинные рукописи, делал выписки. Подобная деятельность была полезна и для самого Морозова, так как давала практический навык работы со старинными документами, их научного оформления. Впрочем, услугами послушника Федора пользовался не только И. А. Шляпкин. Обращался к нему, например, Борис Львович Модзалевский – известный генеалог, библиограф, литературовед-пушкинист, стоявший у истоков создания Пушкинского дома. Он уже давно занимался выявлением и комментированным изданием архивных документов, касающихся известных русских деятелей и писателей. К Морозову исследователь обратился с просьбой поискать в архиве Канцелярии столичного митрополита документы по делу отставного штабс-капитана В. Ф. Митькова, в котором фигурировала скандальная поэма Пушкина «Гавриилиада». Такие документы действительно нашлись. Это были два письма, написанные Петербургскому митрополиту Серафиму (Глаголевскому) статс-секретарем Н. Н. Муравьевым и военным генерал-губернатором столицы П. В. Голенищевым-Кутузовым. Модзалевский опубликовал их в сдвоенном XVII–XVIII выпуске издания «Пушкин и его современники»[94]. Причем не преминул указать, что документы разыскал Ф. М. Морозов. За помощью к послушнику Федору обращались и другие исследователи.

Весной 1912 года подходила к завершению учеба Морозова в Археологическом институте. Проучившись благополучно весь двухлетний курс, у самого финала, во время выпускных экзаменов, он столкнулся с неприятностью, которая чуть было не повлияла на его дальнейшую судьбу. 20 апреля он провалил экзамен по исторической географии у профессора С. М. Середонина[95]. Получить в таком случае свидетельство об окончании института в этом году он уже не мог. Что делать дальше, как быть, Морозов не знал. Все его мечты и планы на будущее рушились. Расстроенный и совершенно растерянный, он обратился за помощью к добрейшему И. А. Шляпкину, который пообещал переговорить с экзаменатором по поводу изменения аттестации.

В томительном ожидании результатов Морозов писал Илье Александровичу: «Полюбил я историю прошлого и памятники искусства его. И вот Господь привел меня почти благополучно свершить мое учение под Вашим

[93] *Сохор Т. Е.* Владимир Константинович Мясоедов: письма другу // Вопросы отечественного и зарубежного искусства. Вып. 6. Искусство Древней Руси и его исследователи. Сборник статей / Под ред. Вал. А. Булкина. – СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та, 2002. – С. 228.

[94] *Модзалевский Б.* К истории «Гавриилиады» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. XVII–XVIII. – СПб.: Тип. Импер. Академии Наук, 1913. – С. 74–76.

[95] ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 348. Л. 26 об.

высокопросвещенным руководством и других, направивших мое стремление к изучению старины, в особенности церковной, на правый путь – но на самом конце благополучного исхода учения какая-то невидимая сила не выпускает меня на свободу, свободного труда священной археологии. Здесь не вина экзаменатора, а слабость ума бороться с отвлеченными мыслями именно тогда, когда надо быть сосредоточенным в одном. Главное, малоопытность. Я привык на реальной работе, а не той, какой требует ученая кабинетная работа, – я мало к этому подготовлен – я могу давать, разыскивать материал, но не собирать и составлять связь историческую… Все это я высказываю к тому, чтобы Вам сказать, как много значит для меня окончание Института. Теперь именно потому, что вся судьба моя решается и зависит в устройстве в будущем всего, от пока еще благополучно здравствующего митрополита. Пока он жив (а дни его почти сочтены), я могу дерзать и провести чрез него заветные мысли устройства Епархиального церковного музея Санкт-Петербурга, устройства Церковного музея Новгорода и произвести экспедицию по монастырям и храмам Санкт-Петербургской, Новгородской и других епархий местам. В этом есть насущная потребность скорого выполнения задуманного. Окончание дает мне лишь право в этом – да и небесполезно окажется может быть для некоторых исследователей церковной старины… Если не затруднит Вас, на Ваше содействие и участие во мне одна надежда»[96].

Не дождавшись пока никаких результатов, Морозов 8 мая подал на имя директора института прошение, в котором просил разрешения «держать переэкзаменовку по Исторической географии осенью текущего 1912 года»[97]. Между тем вопрос решился без переэкзаменовки. Неизвестно, как и о чем говорил Шляпкин с Середониным, но тот согласился изменить аттестацию. Видимо, не обошлось и без вмешательства Н. В. Покровского, также благоволившего Морозову.

14 мая состоялся торжественный выпуск слушателей Археологического института[98]. Вместе со всеми получил свое заветное свидетельство об окончании, а также знак института и Ф. М. Морозов. Квалификацию он имел археолога-музееведа и архивиста, с присвоением звания члена-сотрудника института. Время показало, что люди, принявшие участие в его судьбе, не ошиблись. Действительно, не имевший склонности к аналитической, «кабинетной» научной работе, он оказался чрезвычайно полезен науке как собиратель и хранитель. Именно в эти годы Ф. М. Морозов становится членом Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины[99], основанного в 1909 году по

[96] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 40 об.–41 об.

[97] ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. 326. Л. 52.

[98] Торжественный акт проходил в присутствии заместителя министра народного просвещения В. Т. Шевякова, директора института Н. В. Покровского, профессора Н. И. Веселовского и др. Согласно отчету в 1912 г. институт окончили со званием действительного члена 24 слушателя, со званием сотрудников – 10 человек, в том числе два члена Государственной думы. В конце акта профессор Н. М. Каринский прочел доклад о псковской письменности XV в.

[99] Отчет о деятельности общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1912 год. – СПб.: Тип. Сириус, 1913. – С. 55.

инициативе группы авторов и сотрудников знаменитого журнала «Старые годы». Среди членов Общества были такие видные деятели, как граф П. Г. Апраксин, А. Н. Бенуа, барон Н. Н. Врангель, князья Гагарины и Горчаковы, П. П. Гнедич, И. Э. Грабарь, А. Ф. Кони, Е. Е. Лансере, С. К. Маковский, князья Оболенские, П. П. Покрышкин, Н. К. Рерих, К. К. Романов, В. В. Суслов, П. Ю. Сюзор, А. В. Щусев и др. Общество ставило целью: препятствовать разрушению, поддерживать и способствовать сохранению в России всех памятников, имеющих художественную или историческую ценность, независимо от эпохи их создания. Архитектурные постройки, памятники кладбищ, картины, бронза, фарфор, скульптура, гравюры, предметы художественной промышленности – все это, составляющее культурное достояние России, подлежало сохранению и защите. Свою основную деятельность оно видело в «реставрации, охране, регистрации, фиксации памятников архитектуры», а также в самой широкой пропаганде «для развития в массах уважения и любви к предметам старины и искусства». Общество публиковало специальные брошюры и художественные издания, устраивало лекции и выставки. В случае угрозы гибели каких-либо памятников искусства и старины оно вступалось в их защиту как ходатайством перед соответствующими ведомствами и учреждениями, так и путем воззваний к общественности в газетах и журналах[100]. Следует обратить внимание, что именно в таком ключе впоследствии и старался действовать Ф. М. Морозов. Цели Общества сразу стали близки ему – человеку, всегда с особым благоговением относившемуся к предметам старины. Сделавшись однажды его членом, Морозов до конца жизни оставался преданным и деятельным его последователем, даже когда само Общество прекратило существование.

В конце мая 1912 года Морозов вместе с группой слушателей и выпускников Археологического института принял участие в экскурсионной поездке в Псков, где в течение нескольких дней происходило знакомство с местными памятниками старины[101]. Подобного рода поездку институт организовывал не впервые. В минувшем году была совершена пятидневная экскурсия в Новгород и его окрестности[102]. Позднее состоялась экскурсия в Старую Ладогу. Поездки эти, в которых обычно участвовало 40–45 человек, проходили всегда оживленно и весело, оставляя светлые воспоминания. Морозов всегда путешествовал со своим неразлучным спутником – фотоаппаратом, много снимал. Сохранился даже его фотоальбом из псковской поездки.

Сразу же после окончания Археологического института Морозов, понимая важность дальнейшего образования, стал хлопотать о поступлении вольнослушателем на историко-филологический факультет Петербургского университета. В этом ему содействовал, главным образом, все тот же профессор И. А. Шляпкин,

[100] *Жуков Ю. Н.* Сталин: операция «Эрмитаж». – М.: ВАГРИУС, 2005. – С. 25–26.
[101] ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 331. Л. 3.
[102] Там же. Д. 312. Л. 3–4.

а с оплатой лекций обещал помочь митрополит Антоний. Духовный собор лавры также не находил «каких-либо препятствий к допущению» Федора Морозова к слушанью лекций. Благодаря ходатайству Шляпкина вопрос о зачислении его в университет решился положительно.

Между тем еще одно событие чрезвычайно занимало в это время Морозова. Он собирался в заграничную поездку – в Рим! – на III Международный конгресс классической археологии. Командировался он туда от Древлехранилища и Археологического института вместе с его директором Н. В. Покровским и профессором И. А. Шляпкиным, которому, по всей видимости, и был обязан этой «честью». Конгресс должен был проходить с 26 сентября по 3 октября, но представители Археологического института планировали задержаться еще на некоторое время в Европе для ознакомления с памятниками древнехристианского искусства и музейным делом.

Можно представить, с каким воодушевлением ожидал предстоящую поездку Морозов. «Мною уже взят заграничный паспорт и теперь жду с нетерпением 14 сентября, – писал он в середине августа профессору Шляпкину. – Не знаю, как быть с проездным билетом по заграничным дорогам? Где их брать?» Так как поездка предполагалась достаточно продолжительная, нужно было найти средства на дорогу и проживание. За помощью Морозов обращался к кому только мог, и к концу августа уже был «совсем готов» к путешествию. Денег он, как считал, собрал достаточно. Кроме того, по его просьбе епископ Никандр (Феноменов) написал письмо начальнику Православной миссии в Риме с просьбой устроить послушника Федора у себя в помещении. Это давало возможность сэкономить на жилье. С собой Морозов планировал взять фотоаппарат форматом 9×12 со всеми необходимыми для съемки материалами.

Пока шла подготовка к поездке, Морозов, по просьбе И. А. Шляпкина, ходил в Императорскую Академию наук, где переписывал старинные пьесы из рукописи А. А. Бахрушина. На эту рукопись Бахрушинского театрального музея Шляпкин обратил внимание во время проходившей весной 1912 года выставки «Ломоносов и Елизаветинское время». В рукописи оказалось несколько пьес, которые ученый отнес к началу XVIII века. Шляпкин захотел издать эти литературные памятники, но, не имея времени для длительных и кропотливых занятий в Академии, попросил Ф. М. Морозова заняться их перепиской. Отсылая профессору в конце августа часть уже переписанной пьесы царевны Натальи Алексеевны «Комедия о Ксенофонте и Марии», Морозов писал: «Надеюсь эту комедию окончить до отъезда; останется еще комедий 3; за этой комедией следует – “О десяти мудрых девах”. Мне все кажется, что я списываю те, которые, быть может, для Вас не так спешно необходимы? Очень жаль, что не дают книгу на дом – тогда бы давно закончил списывание»[103].

[103] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 3.

Готовя впоследствии к изданию эти пьесы, Шляпкин решил присоединить к ним отрывки пьес, представлявшихся в театре царевны Натальи Алексеевны, опубликованных им в 1897 году, так как издание это стало библиографической редкостью. Кроме того, из своего собрания № 232 профессор планировал присоединить неизвестную до этого пьесу XVIII века о свадьбе гаера. Впрочем, довести до конца начатое дело Шляпкин не успел – пьесы были изданы его коллегами в 1921 году уже после смерти Ильи Александровича[104].

В Рим!

Наступил, наконец, долгожданный день – 14 сентября, когда Ф. М. Морозов с профессорами отправился в Рим. Туда на конгресс съехались ученые из многих стран мира. Больше всего было, конечно, итальянцев, затем французов, немцев и др. Общее число участников составило более 1000 человек. Русских на этот раз приехало меньше, чем на предыдущие конгрессы: I-й в Афинах (1905 г.) и II-й в Каире (1909 г.). Связано это было с тем, что в российских университетах в это время в самый разгар входил учебный процесс, и многим профессорам было неудобно прерывать только что начавшиеся занятия.

Кроме представителей Петербургского Археологического института из России на конгресс прибыли профессор Петербургского университета М. И. Ростовцев, старший хранитель Императорского Эрмитажа Е. М. Придик, профессор Московского университета В. К. Мальберг, профессор Б. А. Тураев, члены Московского археологического общества И. Н. Бороздин и И. К. Линдеман, представитель Казанского университета Н. К. Горталов, профессор Варшавского университета П. Н. Черняев. Здесь, в Риме, Ф. М. Морозов имел прекрасную возможность не только лично познакомиться с этими видными представителями русской археологии, но и пообщаться с ними в непринужденной обстановке.

Накануне открытия конгресса для его участников был назначен прием в интернациональном художественном клубе.

В день открытия – 26 сентября – археологов приветствовали римский городской голова, министр народного просвещения Италии, председатель распорядительного комитета Ричи. Каждый участник конгресса получил тессеру (carte d'admission) для бесплатного посещения римских музеев, галерей и катакомб, а также специальную медаль, с изображением на одной стороне богини Ромы с латинской надписью по краям окружности: Terrarum dea gentiumque Roma, на другой – волчицы, ласкающей Ромула и Рема, с итальянской надписью под изображением: III Congresso archeologico internazionale. Roma MXMCII.

[104] *[Шляпкин И. А.]*. Старинные действа и комедии Петровского времени, извлеченные из рукописей и приготовленные к печати И. А. Шляпкиным // Сборник Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук. Т. XCVII, № 1. – Пг.: Академ. 12-я гос. тип., 1921. – [4], 212 с.

Сразу же после официального открытия начались ученые заседания, закипела интенсивная работа в многочисленных и разнообразных секциях. Морозов, в основном, участвовал в работе секции христианского искусства, которую возглавил профессор Н. В. Покровский. Однако по отзыву И. Н. Бороздина она была представлена «весьма скудно». Из прочитанных в секции немногочисленных сообщений он отметил лишь доклады Грацио Марукки о новейших исследованиях римских катакомб и монсеньора Булича о раскопках в Салоне.

К сожалению, не совсем удачным в организации конгресса оказалось время, отведенное на чтение докладов – с 9 до 12 и с 14 до 16–17 часов. Дело в том, что как раз в это время были открыты музеи, художественные галереи и катакомбы. А так как участники конгресса получили туда бесплатный доступ, то многие спешили воспользоваться такой возможностью. Это приводило к тому, что при чтении одних докладов аудитории были полны, а при чтении других оказывались почти пустыми. Если бы доклады были перенесены на вечернее время, когда участники конгресса практически ничем не были заняты, то работа в секциях проходила бы гораздо эффективней. Кроме того, в первые дни из-за большого объема рефератов проходило слишком много параллельных заседаний. Часто в один и тот же час, но в разных секциях, читалось несколько одинаково интересных для многих докладов. Так что «ревностный конгрессист», по воспоминаниям И. Н. Бороздина, вынужден был «буквально разрываться на части, с одного заседания поспевая на другое», а в промежутках посещая музеи[105].

Впрочем, названные недочеты не умаляли научного значения конгресса. Докладов было прочитано немало, и среди них много необычайно интересных.

Помимо самостоятельного посещения римских музеев и памятников, участники конгресса пользовались также специально организованными осмотрами и экскурсиями. Весьма запоминающимся стал осмотр Палатина с его новейшими раскопками, организованный их руководителем Бони. Осмотру предшествовала интереснейшая лекция самого ученого-археолога, увлекательно и образно рассказавшего о последних находках. Любопытной оказалась и прогулка по катакомбам Домициллы, проходившая под руководством известного специалиста по христианской археологии Марукки, ученика и преемника знаменитого Росси. Запоминающимся стал осмотр в Ватиканском музее новонайденных этрусских предметов. Сами же этрусские усыпальницы во всей грандиозности предстали перед участниками конгресса во время специальной экскурсии в Цере – священный город этрусков. Поездка эта, занявшая целый день, вылилась в настоящую триумфальную процессию. Длинная вереница запряженных мулами экипажей, причудливо разукрашенных национальными флагами и гирляндами из цветов и зелени, торжественно двигалась от железнодорожной станции Пало до деревни Черветри. В самом Цере жители устроили участникам экскурсии восторженную

[105] *Бороздин И. Н.* Международный археологический конгресс в Риме // Древности. – 1914. – Т. 24. – С. 276.

встречу с музыкой, дети раздавали цветы, старшина города издал манифест, уведомлявший местных обывателей о прибытии ученых гостей, и сам встретил их приветственной речью с балкона ратуши. Затем гостям показали место раскопок этрусских могил – своеобразных курганных сооружений. Раскопанные не так давно многочисленные погребальные камеры поражали своей необычайностью. Среди них находилась и знаменитая усыпальница Регулини Галасси, относимая к X–IX векам до Рождества Христова.

Если экскурсия в Цере знакомила с загадочным миром этрусков, то с классическим периодом римского государства археологи познакомились во время поездки в город Остию – древнеримскую гавань. Путешествие туда оказалось не менее занимательным. Участники экскурсии добирались до места сначала по железной дороге, потом на автомобилях, затем переправлялись на пароме через Тибр и, наконец, шли пешком, предводимые конным проводником с флагом в руках. В Остии действительно было что посмотреть. За последнее время здесь раскопали много интересного: форум, театр, храм Митры, отдельные частные дома, некрополь и пр. На стенах некоторых зданий сохранились образцы фресковой живописи и удивительнейшие мозаики[106].

3 октября, во второй половине дня, состоялось заключительное заседание конгресса, подводились итоги работы секций, выражалась благодарность всем участникам. В свою очередь гости благодарили хозяев – итальянцев. От лица русской делегации прекрасную речь произнес профессор М. И. Ростовцев. На том же заседании были определены место и время следующего конгресса: IV конгресс решено было созвать в Алжире весной 1915 года. Вечером римский городской голова устроил для участников прощальный вечер в залах Капитолийского музея.

Надо сказать, что недостатка в приемах и угощениях в честь участников конгресса не было. Еще в дни его работы министр иностранных дел устроил для гостей роскошный раут с концертным отделением, составленным из пьес лучших композиторов. Кроме того, делегаты из России были радушно приняты русским посланником в Риме А. Н. Крупенским[107].

После закрытия конгресса некоторые из участников приняли предложение организационного комитета поучаствовать в платных экскурсиях. Было предложено три варианта: 1) четырехдневная экскурсия в Неаполь, Помпеи, Кумы и Пестум, стоимостью 90 лир с персоны (ок. 34 руб.); 2) восьмидневная экскурсия по тем же городам с добавлением Локр (Италия) и Мессины (Сицилия), стоимостью 220 лир (ок. 82 руб.); 3) двенадцатидневная экскурсия, кроме уже названных мест, включала еще ряд сицилийских городов – за 332 лиры (ок. 125 руб.). Однако экскурсия состоялась только по первому маршруту, так как на

[106] *Черняев П. Н.* Третий Международный конгресс классической археологии в Риме. [Отчет о заграничной командировке]. – Варшава: Тип. Варшавского учеб. окр., 1913. – С. 22–24.

[107] *Черняев П. Н.* Третий Международный археологический конгресс // Гермес. – 1912. – № 19. – С. 492.

другие не набралось необходимого числа желающих. Это объяснялось тем, что для многих продолжительные экскурсии оказались просто не по карману, а кроме того, сказывалась усталость, накопившаяся за время работы конгресса. Всего записалось около 40 человек, среди них были Покровский, Шляпкин и Морозов.

На следующий день после закрытия конгресса участники экскурсии выехали в Неаполь. К сожалению, пребывание там оказалось недолгим, так как экскурсанты прибыли в город уже в середине дня и смогли лишь бегло осмотреть музеи.

Следующим местом посещения стали Кумы. В эту местность археологи отправились из Неаполя в конных экипажах. Такой способ передвижения оказался намного интересней и содержательней, чем в вагоне несущегося поезда: можно было все неспешно рассмотреть. Погода стояла жаркая, безветренная. Но, несмотря на палящее солнце и дорожную пыль, все были счастливы, и, сидя в ландо, созерцали окрестности: «склоны гор, по которым раскинулись фруктовые сады с заведениями для выделки виноградных вин, бирюзовое море, приютившиеся у подножия гор селения и серые береговые скалы»[108].

Вскоре по выезде из Неаполя миновали красивую виллу под названием «Утоление печали», где находилась предполагаемая могила поэта Вергилия. Затем была часовая остановка в приморском городке Путеолы. Здесь когда-то сосредоточивалась вся александрийская и испанская торговля с Италией. Поблизости от Путеол находилось имение Цицерона, где оратор писал свои «Quaestiones Academicae», и где был погребен император Адриан, умерший в Баях. Калигула соединил Путеолы с Баями плавучим мостом, и Нерон особенно любил это место. Синдик города водил экскурсантов по молу, восторженно и увлекательно рассказывая об историческом прошлом этих мест. В стороне возвышался Мизенский мыс, служивший местом стоянки римского флота на Терренском море. Между Мизеном и Путеолами виднелись Баи, любимая дачная местность древнеримской знати, расположенная в изумительном месте и богатая целебными минеральными источниками. Сюда съезжалось для купания много иностранцев, и здесь все было устроено для увеселений. Вблизи Бай находилось Лукринское озеро, богатое рыбой и устрицами. В голубой дали вырисовывались окутанный дымкой Сорренто-городок (родина поэта Торквато Тассо) и остров Капри, где провел последние семь лет своей затворнической жизни император Тиберий. Здесь на молу в Путеолах вспоминались и замыслы Нерона покончить со своей матерью и жениться на Поппее, и хитроумный план Аницета, и многое другое, о чем так драматично повествует Тацит. И действительно, здесь разыгрывалась великая трагедия имперского Рима, и происходили крупные события мировой истории.

[108] *Черняев П. Н.* Третий Международный конгресс классической археологии в Риме. [Отчет о заграничной командировке]. – Варшава: Тип. Варшавского учеб. окр., 1913. – С. 28.

Направляясь далее к Кумам, экскурсанты проследовали мимо Авернского озера и пещеры кумской Сивиллы, воспетой Вергилием:

Так из пещеры гостям возвещала Кумская жрица
Грозные тайны судьбы – и священные вторили своды…

В Кумы, располагавшиеся на вершине крутой горы, экскурсия прибыла в два часа дня, пройдя остаток пути через тенистые виноградники. Когда-то здесь обосновалась и процветала древнегреческая колония, но теперь это была довольно пустынная местность. В Кумах сохранились развалины храма Аполлона, остатки старой стены и интересная мозаичная надпись на полу с именем восстановителя храма. В древности многие известные римляне имели здесь виллы, но со временем Кумы пришли в упадок и оказались почти забыты. О них вспоминали лишь под влиянием вдохновенных стихов Вергилия.

Обратно в Неаполь археологи проехали берегом моря, любуясь окрестностями, озаренными лучами заходящего солнца[109].

На следующий день предстояло посетить Помпеи. Погода выдалась особенно хорошая: с моря дул приятный, легкий бриз, земля была легко орошена ночным дождем. Музей и старые развалины пришлось осмотреть довольно бегло, так как было мало времени и руководитель экскурсии профессор Спинаццола торопился поскорее показать новые раскопки с их открытиями. Здесь взору удивленных археологов предстала дивная стенная живопись на античные религиозные сюжеты. Затем экскурсанты осмотрели частные дома с металлическими решетками на окнах, с дверями, запертыми на замок или полуоткрытыми, с балконами и столовыми, устроенными в верхних этажах и т. д.

Когда время, отведенное для осмотра помпейских развалин, истекло, членов экскурсии пригласили на обед, данный в их честь неаполитанским городским управлением. Столы были накрыты на несколько сот человек в огромной помпейской базилике. «Обстановка была совершенно необыкновенная, – вспоминал одни из участников, – единственная в своем роде: вблизи, совсем рядом, дымился тот самый Везувий, который когда-то залил лавой все только что осмотренное нами, заживо похоронил множество людей, и даже теперь нельзя было не признавать его грозной силы; воспоминания о страшном прошлом неотвязно лезли в голову, несмотря на настоящую торжественную минуту»[110].

Рассаженные по национальностям, гости не могли удержаться от того, чтобы хоть вполголоса не высказать друг другу впечатлений от всего увиденного. Необычайно приподнято чувствовал себя профессор Н. В. Покровский. Свой первый труд «О происхождении христианской базилики» он издал в 1877 году, неоднократно посетив перед тем и эту базилику. И вот теперь именно в ней он как бы отмечал 35-летие своей научной деятельности.

---

[109] *Черняев П. Н.* Третий Международный конгресс классической археологии в Риме. [Отчет о заграничной командировке]. – Варшава: Тип. Варшавского учеб. окр., 1913. – С. 29–30.

[110] *Черняев П. Н.* Третий Международный археологический конгресс // Гермес. – 1912. – № 19. – С. 497.

Обед завершился красивыми речами. От лица русских археологов говорил профессор И. А. Шляпкин, упомянувший о дружественных связях русских с итальянцами, о их заслугах перед Россией, о давних симпатиях между двумя нациями. Речь была встречена с энтузиазмом и долго несмолкающими аплодисментами.

Поздно вечером археологи вернулись в Неаполь, а ранним утром, наскоро выпив кофе, отправились на железнодорожный вокзал, чтобы ехать в Пестум. Это был последний экскурсионный день. «Восходящее солнце озаряло своими яркими лучами вершины гор, покрытые зеленью, и зеркальную поверхность лениво плещущего утреннего моря; в воздухе было свежо, рыбаки торопливо тянули свои сети, паруса колыхавшихся судов белели в морской дали, день начинался дивным утром, и покидать Неаполь в это чудное время было как-то особенно грустно», – вспоминал профессор П. Н. Черняев[111].

В Пестум прибыли только через три часа, так как поезд двигался не особенно быстро и часто останавливался. С вокзала археологи немедленно отправились осматривать величественные руины древних храмов. Пестум – древняя Посидония – являлся колонией сибаритов, основанной в 524 году до Рождества Христова. Впоследствии город потерял независимость, а вместе с ней эллинский характер и греческое имя. Осмотрев храмы, базилику, древнюю дорогу с сохранившимися следами колес (колей) и остатки древних зданий, участники экскурсии собрались на железнодорожном вокзале. Здесь они вынуждены были распрощаться друг с другом. Отсюда одни отправились обратно в Рим, чтобы ехать затем к себе на родину, другие решили продолжить уже сами по себе дальнейшее путешествие по городам Великой Греции и прибрежным местам Сицилии[112].

Покровский, Шляпкин и Морозов вернулись в Рим. Послушник Федор от всего увиденного в дни экскурсий был в несказуемом восторге. В сравнении со своими старшими спутниками он все видел впервые. Между тем впереди его ожидало еще не одно увлекательное путешествие…

Как уже говорилось, представители петербургского Археологического института планировали задержаться в Европе еще на несколько месяцев. План дальнейших поездок намечал профессор Н. В. Покровский. В Италии он бывал уже не раз, прекрасно знал ее важнейшие памятники, многие из которых – древнехристианского периода – специально изучал во время продолжительных остановок в Риме. Поэтому он поставил специальную задачу: «помимо участия в занятиях и научных экскурсиях съезда, пересмотреть в Италии церковно-археологические открытия последних лет и затем ближе ознакомиться с теми

[111] *Черняев П. Н.* Третий Международный конгресс классической археологии в Риме. [Отчет о заграничной командировке]. – Варшава: Тип. Варшавского учеб. окр., 1913. – С. 35.
[112] Там же. – С. 37.

из христианских памятников Италии, которые имеют более близкое отношение к нашему древнерусскому церковному искусству»[113]. Между тем Покровский не мог не показать своим спутникам более обстоятельно Римские катакомбы, Латеранский и Ватиканский музеи, коллекцию Кирхера, памятники древней архитектуры и мозаики, миниатюры ватиканских и флорентийских рукописей и пр.

Здесь Морозов, под руководством Покровского и Шляпкина, смог довольно основательно изучить иконографию катакомбного периода и византийское искусство. Кроме того, он полтора месяца посещал курсы в Германском археологическом институте в Риме, что при довольно сносном знании немецкого и французского языков позволило ему обогатить свои знания достижениями европейской науки.

Морозов впоследствии рассказывал, что в Риме он побывал даже на аудиенции у папы Пия X, однако обстоятельства и подробности этого посещения Римского понтифика неизвестны[114].

Затем были незабываемые поездки по городам Италии, Германии, Австрии, во время которых Ф. Морозов повидал Венецию, Равенну, Флоренцию, Милан, Сиену, Пизу, Монако, Ниццу, Берлин, Мюнхен, Дрезден, Гослар, Гильдесгейм, Гальберштадт, Вену и др. Вместе с изучением древних памятников и византийского искусства он знакомился с постановкой музейного и архивного дела в крупнейших галереях и музеях Европы. Везде, где бы ни был, он старался все самое интересное запечатлевать на фотоаппарат, так что к концу поездки составилась довольно обширная коллекция снимков.

Побывал Морозов с профессорами и в Сан-Ремо – на курорте, давно облюбованном русскими. Там он познакомился с некоторыми членами комитета по постройке городского православного храма, потребность в котором уже давно ощущалась тысячами приезжающих сюда на отдых русских людей. Возглавляли комитет обер-прокурор Синода В. К. Саблер, граф Б. С. Шереметев, граф В. И. Таллевич, Т. Деберо, А. М. Суханина, Г. Э. Тилло и Торнаторэ. В его состав также входили некоторые настоятели зарубежных церквей: священники Николай Аквилонов (Ментон), Николай Остроумов (Копенгаген), Владимир Левицкий (Флоренция). Будущий храм предполагалось освятить в честь святой великомученицы Екатерины и преподобного Серафима Саровского. Однако профессор И. А. Шляпкин убедил руководителей комитета назвать храм, в первую очередь, во имя Христа Спасителя, и затем уже в честь выбранных святых. Морозов в это время завязал знакомство с входившей в состав строительного комитета писательницей Анной Матвеевной Суханиной, двоюродной сестрой архитектора А. Щусева. Уже вернувшись в Россию, он некоторое время поддерживал с ней переписку, посылал фотографии.

---

[113] *Покровский Н.* Из поездки по Италии // Светильник. – 1913. – № 4–5. – С. 3.

[114] *Сапунов Борис.* Он всегда кого-то или что-то спасал… // Конкуренция и рынок. – 2008. – № 37 (март). – С. 86.

За границей Ф. М. Морозов провел более трех месяцев, получив незабываемые впечатления и основательно обогатив свои знания. Впрочем, поездка омрачилась известием о смерти митрополита Антония (Вадковского), скончавшегося после продолжительной болезни 2 ноября 1912 года. Из жизни ушел самый близкий в то время для Морозова человек, его неизменный покровитель и духовный наставник. Похоронили митрополита на братском кладбище Александро-Невской лавры. Именно туда и поспешил послушник Федор, вернувшись в Россию, чтобы пропеть «Вечную память…» дорогому человеку и тихо поплакать у засыпанной снегом могилы. Не суждено ему было больше прислуживать старцу-митрополиту и слышать его ободряющие ласковые слова. Он снова осиротел…

Новгородская старина

Вернувшись в Россию, Морозов приступил к слушанию лекций в Петербургском университете. К этому времени уже четко определился круг его научных интересов, которому он остался верен до конца жизни, – это были главным образом вопросы истории культуры Византии и Древней Руси. В университете Морозов сразу сблизился с профессором Дмитрием Власьевичем Айналовым (1862–1939) – искусствоведом, заслужившим трудами по византийскому и древнерусскому искусству европейскую известность. Именно его Морозов всегда называл своим учителем. Сам Д. В. Айналов был учеником Н. П. Кондакова, связанный через него с традицией русской науки, идущей от академика Ф. И. Буслаева.

3 января 1913 года Ф. М. Морозов с профессором Айналовым и другими его учениками принял участие в торжественном открытии Новгородского церковно-археологического общества и организованного при нем Древлехранилища. Проходили торжества в новом епархиальном доме, названном в честь его устроителя Новгородского архиепископа Арсения (Стадницкого) Арсеньевским. Среди почетных гостей были видные представители ученого мира: профессор Киевской духовной академии и университета Св. Владимира С. Т. Голубев, доктор славянской филологии А. И. Яцемирский и профессор А. А. Дмитриевский, в то время секретарь Православного Палестинского общества. Торжество открытия прошло в традиционном духе – с церковными молитвами, речами, докладами, поздравлениями, пожеланиями и угощениями. На следующий день гости-ученые осматривали Древлехранилище, расположившееся в одной из комнат Арсеньевского дома. Хотя оно было пока еще невелико, однако имело в своей коллекции иконы довольно редкого письма. К сожалению, многие из них, до того как попали в музей, «были в забросе, покрыты слоями вековой пыли и

грязи», некоторые были записаны и переписаны. Прежде чем поместить иконы для обозрения, их предварительно отреставрировал известный мастер Григорий Осипович Чириков. Среди представленных особо замечательными были иконы Спаса Нерукотворного кисти Симона Ушакова и Святителя Николая с чудесами (1529 г.). С наиболее ценных в художественном отношении образов Ф. М. Морозов сделал снимки[115]. Следует отметить, что был он здесь человеком далеко не случайным и не новым, хорошо знал владыку Арсения и некоторых членов молодого церковно-археологического общества. Более того, сама идея устройства церковного музея в Новгороде принадлежала именно ему. Сотрудничество Морозова с местными представителями началось, по всей видимости, в мае 1911 года, во время пятидневной экскурсии, организованной Археологическим институтом. После этого Морозов еще не раз бывал в Новгороде, в частности с профессором Н. В. Покровским, много фотографировал. Именно изобилие и уникальность новгородских памятников церковной старины подвигли его к идее устройства музея. Мысль эта нашла живой отклик в лице архиепископа Арсения, уделявшего большое внимание сохранению церковных памятников. По его инициативе уже велись работы по реставрации собора Ферапонтова монастыря и так называемого Лихудовского корпуса. Активное участие преосвященный принял в XV Всероссийском археологическом съезде, проходившем в июле–августе 1911 года в Новгороде, выступив с докладом «О современном состоянии собора Св. Софии в Новгороде». Естественно, что он не мог не поддержать идею организации церковно-археологического музея.

Общался Морозов с владыкой Арсением не только как спутник столичных профессоров, но и сам лично. Известно, что в январе 1912 года архиепископ Арсений вместе с послушником Федором Морозовым привозил на заседание Русского археологического общества серебряные кратиры (причастные чаши с двумя ручками) XI–XII веков из новгородского Софийского собора. В этом заседании молодой искусствовед В. К. Мясоедов сделал о кратирах доклад[116].

После открытия новгородского Древлехранилища послушник Федор и в дальнейшем продолжал принимать участие в его обустройстве, скорее всего под руководством Д. В. Айналова[117]. К сожалению, подробных сведений о деятельности Морозова в Новгороде выявить не удалось. Нет никаких упоминаний о его работе в отчетах Новгородского церковно-археологического общества, не встречается информации и в дневниках архиепископа Арсения. Воспринимался скромный лаврский послушник, видимо, слишком «маленьким» человеком, недостойным упоминания. Да и вся честь по устройству новгородского Древле-

[115] *Голубев С.* Торжество открытия Новгородского Церковно-Археологического Общества и древлехранилища при нем // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1913. – № 2. – С. 99–104.

[116] *Сохор Т. Е.* Владимир Константинович Мясоедов: письма другу // Вопросы отечественного и зарубежного искусства. Вып. 6. Искусство Древней Руси и его исследователи. Сборник статей / Под ред. Вал. А. Булкина. – СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та, 2002. – С. 228–229.

[117] ПФА РАН. Ф. 737. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.

хранилища досталась тогда, по «традиции», архиепископу Арсению. Так было принято… А между тем профессор Д. В. Айналов, довольно тесно сотрудничавший с Новгородским церковно-археологическим обществом с первых дней его существования, свидетельствовал впоследствии, что Древлехранилище устроил Морозов[118].

15 января 1913 года Ф. М. Морозов участвовал в торжествах по случаю 35-летия Петербургского археологического института и одновременно 35-летия научной деятельности его директора Н. В. Покровского: именно он прочитал 15 января 1878 года первую лекцию в институте.

К семи часам вечера залы института наполнились участниками торжеств. Кроме преподавателей и слушателей собрались многие выпускники, среди гостей были генералы, адмиралы, высокопоставленные чиновники, представители ученых обществ и учебных заведений, духовенство, известные профессора, журналисты. Из иерархов присутствовали архиепископ Антоний (Храповицкий) и архиепископ Сергий (Страгородский) – почетные члены института. В семь часов вечера владыка Антоний в сослужении многочисленного духовенства совершил благодарственный молебен, в завершение которого сказал речь о заслугах института.

Затем под гром аплодисментов на кафедру поднялся главный виновник торжества – Н. В. Покровский. Он сделал интереснейшее сообщение о своей ученой командировке вместе с профессором И. А. Шляпкиным и Ф. М. Морозовым на археологический конгресс в Рим. Красочно описал поездки в Неаполь, на раскопки в Помпеи, затем в Венецию и Сиену, поведал о новейших открытиях в области церковной археологии[119]. Перед громадной аудиторией прошли бесчисленные световые картины, демонстрируемые Морозовым, специально заказанные им к торжеству из своего фотоархива.

После выступления были зачитаны многочисленные поздравительные адреса и телеграммы. От института Н. В. Покровскому была преподнесена медаль с его портретом, специально выбитая в честь юбиляра. Слушатели и почитатели подарили громадный групповой снимок (около полутора метров в длину) – «всех наличных в Петербурге бывших и нынешних слушателей института», а также большой набор серебряных столовых приборов «в старинном стиле» и роскошный букет роз[120]. Было много и других ценных подарков и подношений.

Растроганный юбиляр благодарил всех, жалуясь лишь на то, «что, участвуя в 65 обществах и учреждениях, он, как следует, не может посвятить им сил»[121].

«Симпатии в самых широких кругах общества настолько окрепли к институту, что его юбилей поистине явился грандиозным торжеством», – писала

[118] ПФА РАН. Ф. 737 (Айналов Д. В.). Оп. 1. Д. 75. Л. 1.
[119] ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 377. Л. 135.
[120] Там же. Л. 136.
[121] Там же. Л. 135.

вскоре одна из петербургских газет[122]. «Крупнейшей заслугой института является то, – писалось в другой газете, – что он пробудил в русском обществе интерес к родной старине, много подвинул вперед дело изучения подлинной России, в особенности учреждением в различных городах целой сети ученых архивных комиссий, связанных с институтом самыми тесными узами, объединил в деле служения русской науке много лучших имен»[123]. О юбилее писали газеты «Петербургский Листок», «Новое Время», «Биржевые Ведомости», «Петербургская газета», «Речь», «Вечерние Биржевые ведомости», «Молва Русская» и др.

В начале 1913 года в русской церковной жизни произошло весьма значимое событие – Россию впервые за последние 250 лет посетил один из пяти Восточных патриархов, глава Антиохийской Церкви Григорий IV. Приехал он по приглашению императора Николая II на всероссийские торжества 300-летия Дома Романовых. 20 февраля патриарх прибыл в Петербург, посетив в тот же день Александро-Невскую лавру. 22 февраля он вторично побывал в обители, где в его честь Петербургский митрополит Владимир (Богоявленский) устроил торжественный обед. В этот день в митрополичьих покоях собрались приветствовать высокого гостя видные русские иерархи, крупные церковные и светские чиновники[124]. Сохранилось несколько архивных фотографий, запечатлевших визит патриарха в лавру. Почти на всех снимках среди немногочисленных лиц, близко окружавших гостя, мы видим Федора Морозова: у ворот лавры и на общих фото в покоях митрополита. Вообще на лаврских фотографиях начала XX века, сохранившихся в фондах Петербургского архива кинофотофонодокументов, можно нередко встретить Ф. М. Морозова. Это говорит о том, что для своего невысокого статуса послушника он занимал в монастыре заметное место. Его положение действительно выглядело довольно привилегированным. Учась в Археологическом институте, а затем в университете, послушник Федор имел возможность часто и подолгу бывать за стенами обители, чего большинство насельников, даже при большом желании, не могло себе позволить. Благоволение к нему митрополита и отчасти лаврского начальства, общение и дружба с представителями ученого мира, даже увлечение фотоделом представлялись в глазах братии явлением весьма необычным, странным и даже подозрительным. Естественно, это не могло не вызывать зависти и недоброжелательного отношения со стороны некоторых. И вот «необъяснимость» такого положения Морозова порождала в его адрес различные нелепые сплетни[125]. То, что он был человеком одаренным, деятельным, усердным, трудолюбивым, благодаря чему и смог обратить на себя внимание, развиться, выдвинуться, в расчет не бралось. Зависть всегда слепа, поэтому силится не столько объяснить чужой успех,

[122] ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 377. Л. 135.

[123] Там же.

[124] Прибытие и пребывание в С.-Петербурге блаженнейшего патриарха Антиохийского Григория IV // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1913. – № 9. – С. 405–411.

[125] Из воспоминаний Бориса Викторовича Сапунова (Санкт-Петербург).

сколько очернить его. Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Еще премудрый изрек: «Видел я также, что всякий труд и всякий успех в делах производят взаимную между людьми зависть» (Еккл. 4. 4). До Морозова доходили сплетни, огорчали его, но ничего с этим поделать он не мог.

В начале апреля послушник Федор обратился к митрополиту Владимиру (Богоявленскому) с ходатайством о возвращении в лавру взятого из нее некогда по недосмотру антиминса XII века. Речь шла о самом древнем известном русском антиминсе, обнаруженном в 1854 году в новгородской соборной церкви Святителя Николая на Ярославовом Дворище. Антиминс хранился на среднем столбике под напрестольной доской. Как свидетельствовала надпись, Новгородский архиепископ Нифонт освятил его в 1149 году (6657 году от сотворения мира). Уникальную находку по распоряжению митрополита Новгородского и Петербургского Исидора (Никольского) передали на хранение в ризницу Александро-Невской лавры. Позже ее там осматривал, составив описание и сделав фотографический снимок, академик И. И. Срезневский[126].

В 1864 году к митрополиту Исидору обратился Полтавский епископ Иоанн (Петин) с просьбой дать ему какой-нибудь древний «дониконовский» антиминс для единоверческой церкви. Откликаясь на просьбу, митрополит предписал лаврскому ризничему архимандриту Митрофану «взять из хранилища в лаврской ризнице один древний антиминс, освященный до патриарха Никона» и отправить Полтавскому епископу. Хотя в ризнице Александро-Невской лавры хранилось немало старинных антиминсов дониконовской эпохи, ризничий почему-то решил отослать древнейший из них, а именно – антиминс XII века. В документе по этому поводу архимандрит Митрофан записал: «Отправлен древний святой Антиминс, освященный Нифонтом, Архиеп. Новгородским в 6600 году от сотворения мира»[127]. Очевидно, что ризничий совершенно не понимал ценности хранившегося в лавре древнего церковного памятника. Ничем другим его поступок объяснить нельзя. К сожалению, подобное равнодушие к церковной старине среди насельников русских монастырей было не редкостью. Известно, что в XIX и начале XX века немало коллекционеров, ловко пользовавшихся простотой и невежеством монахов, разъезжало по монастырям, в особенности северным, даром или за бесценок приобретая древние иконы, книги и другие предметы старины. В то же время многое старинное и драгоценное просто выбрасывалось или сжигалось, как «ненужное» и «лишнее»[128].

Как бы то ни было, но с 1864 года следы этого древнего памятника затерялись. В 1890-х годах по ходатайству профессора И. А. Шляпкина Императорская Археологическая комиссия предприняла попытки разыскать в Полтавской

[126] *Срезневский И. И.* Антиминс 1149 г. // Христианские древности и археология. – 1862. – Т. I. Кн. 3. – С. 1–4.
[127] *Морозов Ф. М.* Антиминс 1149 (6657) года. – Пг.: Тип. М. А. Александрова, 1915. – С. 1.
[128] *Шавельский Георгий, протопресвитер.* Русская Церковь пред революцией. – М.: Изд. «Артос-Медиа», 2005. – С. 328.

епархии местонахождение антиминса. С этой целью Полтавскому преосвященному была направлена просьба оказать содействие в поисках столь редкого памятника старины. Однако последовал ответ, что такого антиминса в епархии не имеется. Неудачная попытка отыскать антиминс дала повод некоторым предположить, что он исчез бесследно, как, например, об этом высказывался профессор Н. В. Покровский.

Узнав из статьи академика И. И. Срезневского о существовании некогда в ризнице Александро-Невской лавры древнейшего антиминса и из лекций профессора И. А. Шляпкина, что он находился в Полтавской епархии, Ф. Морозов задался целью «во что бы то ни стало выяснить его местонахождение». Как он сам вспоминал, ему неоднократно приходилось беседовать об этом древнем памятнике с профессорами Покровским и Шляпкиным. Однако на его расспросы о том, где бы мог находиться «этот наиценнейший памятник», он всегда слышал «глубокое сожаление о безвестно исчезнувшем» раритете[129]. В 1911 году, занимаясь приведением в порядок лаврского архива, Морозов к «невыразимой радости» обнаружил подлинный документ о передаче антиминса в Полтавскую епархию. О своем открытии он поспешил сообщить Н. В. Покровскому, который, кажется, сомневался даже в том, что антиминс туда вообще передавался. Немедля профессор обратился с письмом к Полтавскому архиепископу Назарию (Кириллову), в котором просил командировать духовное лицо для осмотра антиминсов на престолах единоверческих церквей Полтавской епархии, дав подробное описание древнего памятника. На этот раз ответ Полтавского преосвященного обрадовал ученых. Владыка Назарий сообщил, что антиминс XII века, освященный Новгородским архиепископом Нифонтом, действительно имеется в епархии и находится на престоле теплой единоверческой церкви великомученика Георгия в посаде Крюкове города Кременчуга. Вместе с отношением на имя профессора Н. В. Покровского владыка прислал фотографию, которая и подтвердила идентичность антиминса. 30 марта 1913 года полтавский Церковно-археологический комитет отправил Н. В. Покровскому аналогичное подтверждение.

Таким образом, сомнений больше не оставалось: древнейший антиминс цел! Теперь следовало оградить его от всяких случайностей. С этой целью Морозов и обратился через архимандрита Феофана (Тулякова) к митрополиту Владимиру с докладной запиской. В ней он, в частности, писал, что Древлехранилище лавры «не должно отвечать за вольный или невольный грех архимандрита Митрофана» и поэтому «столь редкий памятник церковной древности должен быть возвращен в лавру, в Древлехранилище, где он более будет сохранен, чем в глуши Полтавской епархии»[130]. Митрополит согласился с доводами послушника Федора и со своей стороны сделал представление в Святейший Синод о возвращении

[129] РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1913 г.). Д. 84. Л. 3 об.

[130] *Морозов Ф. М.* Антиминс 1149 (6657) года. – Пг.: Тип. М. А. Александрова, 1915. – С. 3.

антиминса в лавру. Хотя вопрос был практически решен, необходимо было все же соблюсти форму и дождаться официального синодального определения.

Несбывшийся проект

Продолжал Морозов поднимать также вопрос об учреждении в лавре церковного музея Санкт-Петербургской епархии. К сожалению, со смертью митрополита Антония он лишился главного покровителя, поэтому замысел его так и оставался пока лишь благим намерением. Лаврское же начальство в большинстве своем не симпатизировало этой идее, не желая, по-видимому, нести расходы по устройству и содержанию еще одного музея. Впрочем, послушник Федор не терял надежду и продолжал предпринимать в этом направлении определенные усилия. Теперь он обратился за содействием к великой княгине Марии Павловне. В начале мая 1913 года она как президент Императорской Академии художеств направила официальное письмо митрополиту Владимиру. Прежде всего великая княгиня отметила особое значение основанного при его предшественнике, митрополите Антонии, Древлехранилища, обслуживающего духовные, научные и художественные запросы посетителей и «образцово сохраняющего высокоценные художественные и исторические предметы»[131]. «Вслед за открытием лаврского Древлехранилища, – писала она, – почивший Первосвятитель предполагал принять меры и к сохранению предметов музейного характера, изъятых из повседневного употребления при богослужениях из храмов С.-Петербургской епархии»[132]. Великая княгиня напомнила, что для устройства епархиального музея митрополит Антоний даже отремонтировал обширное помещение юго-западной башни обители. Кроме того, она отметила, что духовенство епархии на двух съездах поддержало идею устройства музея, и лишь внезапный недуг, а затем кончина лишили почившего владыку возможности осуществить столь насущный проект.

Далее Мария Павловна выражала надежду, что митрополит Владимир проявит заботу «о сохранении и оберегании драгоценных предметных памятников художественно-исторической церковной старины» и о создании высоконаучного церковно-археологического музея Санкт-Петербургской епархии, по образцу московской Патриаршей ризницы. «Я уверена, – писала она, – что по положении Вашим Высокопреосвященством первого краеугольного камня будущей новой сокровищницы церковного искусства, обретется всем просвещенным и ученым миром успокоение за грядущую сохранность местной художественной епархиальной старины, которая послужит учреждению музея, насущно необходимого для полноты специального религиозно-художественного образования»[133]. Мария

[131] РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1913 г.). Д. 113. Л. 1.
[132] Там же.
[133] Там же. Л. 1 об.

Павловна подчеркивала, что, организовав новый церковный музей при наличии уже имеющегося Древлехранилища, Петербургская епархия даст всем наглядный пример оберегания церковной исторической и художественной старины. Княгиня также указывала, что начатые уже Ф. М. Морозовым работы по регистрации предметов старины Петербургской епархии «являются ценным материалом для будущего епархиального музея», заслуживая дальнейшей энергичной поддержки. Великая княгиня сообщала, что принимавшие участие в организации Древлехранилища члены Всероссийского съезда художников по отделу Русская старина и ее охрана выражают готовность и впредь приложить свои труды и знания при создании епархиального музея. Вместе с тем она подводила к мысли, что было бы хорошо приурочить учреждение музея к 200-летию Александро-Невской лавры и годовщине 300-летия Царственного Дома Романовых.

Письмо Марии Павловны митрополит Владимир передал на рассмотрение Духовного собора лавры. 31 июля монастырское руководство приняло решение: просить митрополита сообщить великой княгине, что Духовный собор, «искренне сочувствуя делу собирания и научного сохранения художественных памятников церковной старины, находящихся в разных местах С.-Петербургской епархии, к сожалению, лишен возможности предоставить для предполагаемого С.-Петербургского Епархиального Церковно-Исторического Музея какое-либо помещение, за неимением такового у Лавры в настоящее время»[134]. Ознакомившись с этим решением, митрополит Владимир наложил резолюцию: «Найти помещение для Музея в Лавре в высокой степени желательно»[135]. Однако на этом дело и закончилось.

Почему лаврское начальство уклонялось от предоставления помещения для предполагаемого музея, с достоверностью сказать трудно. Но все-таки, кажется, что проблема была в нежелании тратить на это дело средства. Известно, что при годовом обороте примерно в полмиллиона рублей Александро-Невская лавра в эти годы расходовала очень мало на благотворительные и просветительские цели, лишь около 4–5 % от всего оборота[136]. Но, возможно, были и другие причины.

Поездка в Москву

10 мая послушник Федор Морозов в составе лаврской делегации выехал в Москву для участия в торжествах прославления в лике священномучеников патриарха Московского и Всея Руси Ермогена. Впервые в жизни он стал свидетелем такого грандиозного церковного празднества. Нередко ему уже приходилось бывать на разных многолюдных и пышных торжествах, но подобного видеть ни прежде, ни впоследствии более не доводилось.

[134] РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1913 г.). Д. 113. Л. 6.
[135] Там же.
[136] *Зырянов П. Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. – М.: Вербум-М, 2002. – С. 210.

Прославление святителя-мученика должно было состояться 12 мая. К этому дню, совпавшему с 300-летием со времени его кончины, в Москву съехались верующие со всех концов России. Торжества собрали людей различных званий, сословий и положения, от сиятельных князей и княгинь до самых убогих нищих. Правда, не было императорской семьи, находившейся в то время в Германии на бракосочетании Виктории Луизы-Прусской[137].

Прибывавшие отовсюду многочисленные паломники спешили в Успенский собор Кремля, чтобы поклониться мощам патриарха Ермогена. Бесконечная вереница богомольцев тянулась к гробнице святителя, специально устроенной ко времени прославления. Изготовлена она была «на собранные средства» из золоченой чеканной бронзы мастерами знаменитой ювелирной фирмы И. П. Хлебникова. Рака имела вид возвышающегося надгробия с иконописным изображением лежащего во гробе святителя с крестом и Евангелием в руках.

Не иссякал поток богомольцев и к месту кончины патриарха – в маленькую сырую комнатку с крошечным окошком, находящуюся в подземелье Михайловского собора Чудова монастыря. Именно здесь томился великий стоятель за Церковь и Русь и здесь он предал дух свой Богу, Которому остался верен до гроба.

К вечеру, накануне прославления, в Московский Кремль стали стекаться крестные ходы из Новоспасского монастыря, Епархиального дома и некоторых московских храмов. Собрались они на Царской и Сенатской площадях, где должны были совершаться всенощные бдения для многочисленных богомольцев.

Во время всенощного богослужения из Большого Успенского собора состоялся крестный ход, представлявший собой необычайно величественное зрелище. Над бесчисленным морем голов возвышались хоругви, хрустальные Корсунские кресты, Казанская икона Божией Матери из Казанского собора, икона преподобного Дионисия и большая икона святителя Ермогена работы В. М. Васнецова. Кремлевские храмы и колокольня Ивана Великого были чудно иллюминированы разноцветными фонариками. Кроме того, на фасаде колокольни светилась огромная надпись: «Радуйся, священномучениче Ермогене, Российския земли великий заступниче!» А внизу горели сотни тысяч свечей в руках верующих.

Во время шествия крестного хода некоторые в народе опускались на колени, и все пламенно молились и плакали от радости, словно дети. Разноцветные огни, звон колоколов, громогласное пение, звуки военной музыки, молитвенные воздыхания, возгласы ликования – все это соединилось в один великий хвалебный гимн новоявленному святому[138].

После богослужения Кремль всю ночь был переполнен народом. Всюду слышались пасхальные песнопения и величания святителю. На площадях перед иконами священномученика Ермогена служились молебны. В эту ночь произошло несколько исцелений по молитвам к святителю, ставших для многочисленных

[137] *Фирсов С.* Николай II: Пленник самодержавия: в 2 т. – СПб.: Вита Нова, 2009. – Т. 1. – С. 431.

[138] Дни светлого торжества в Москве // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1913. – № 21. – С. 965–970.

свидетелей знаменательным подтверждением святости нового русского чудотворца. К сожалению, не все случаи удалось зафиксировать, но два из них сделались известны многим. Исцеление получил мальчик лет восьми Николай Савельев. С двухлетнего возраста он болел туберкулезом костей. Дважды лечился в больнице, однако врачи признали его случай безнадежным. Когда мальчик пришел в Успенский собор на костылях и после усердной молитвы приложился к раке святителя Ермогена, то почувствовал заметное облегчение и из собора уже вышел без костылей. Другой мальчик, с раннего детства болевший «полным расслаблением», совершенно не мог ходить. Его принесли в собор на полотенце, и когда приложили к гробу святого, ребенок стал на ноги и самостоятельно пошел из храма, подпираясь лишь палочкой[139]. Все, кто были свидетелями этих исцелений, славили Бога и Его угодника, а многие от умиления плакали.

В воскресенье, 12 мая, в Успенском соборе совершилась Божественная литургия, возглавляемая Антиохийским патриархом Григорием IV. За богослужением, как и накануне, пел хор синодальных певчих в костюмах наподобие старинных боярских кафтанов, специально сшитых к торжествам по эскизам В. М. Васнецова. В Кремль к этому времени собралось около двухсот тысяч богомольцев. После литургии во всех храмах Москвы под несмолкаемый колокольный звон были отслужены молебны святителю Ермогену, и в Московском Кремле снова совершен крестный ход, в котором приняли участие более 20 архиереев. Все духовенство шествовало в белых облачениях. Около 400 священников и 300 дьяконов и псаломщиков казались со стороны громадной белой лентой. Впереди духовенства шли почти две сотни хоругвеносцев в форменных кафтанах. По пути следования крестного хода стояли шпалерами войска Московского военного округа со знаменами и музыкой. При приближении процессии войска брали «на караул», военные оркестры играли «Коль славен наш Господь в Сионе», а десятки тысяч богомольцев пели величание святителю Ермогену. Весь путь был усыпан свежей зеленью и цветами[140]. Казалось, сама природа радовалась всеобщей радостью, и солнце так дивно играло лучами на святых иконах и хоругвях. Пройдя Спасские ворота, крестный ход проследовал на Красную площадь. На лобном месте патриарх Григорий прочитал по-славянски Евангелие и благословил собравшихся богомольцев воздвизальным крестом. Никольскими воротами священная процессия вернулась в Успенский собор, где у гробницы святителя Ермогена молебное пение завершилось громогласным многолетием. Колокольный звон по Москве не смолкал до самого вечера[141].

Вспоминая эти события, архиепископ Никон (Рождественский) писал, что они являли собой картину, «которой не представить никакому воображению,

[139] Дни светлого торжества в Москве // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1913. – № 21. – С. 971.
[140] Там же. – С. 271–274.
[141] *Никон [Рождественский], архиепископ.* На память о светлом торжестве // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1913. – № 21. – С. 938.

которая не поддается никакому описанию…»[142]. И другой очевидец вторил ему: «Эта умилительная, вдохновляющая духовная картина не изгладится до гробовой доски из памяти всех тех, кто Божьим Промыслом был здесь»[143].

И действительно, торжества произвели на Федора Морозова неизгладимое впечатление. Из Москвы он вернулся необычайно вдохновленным. Его душа была полна возвышенными переживаниями, которые еще долго согревали сердце.

Лаврские торжества

В июле и августе Ф. Морозов занимался ремонтными работами в Древлехранилище. Кроме того, он много времени проводил в лаврском архиве, «добывая сведения» для С. Г. Рункевича, завершавшего в то время историю Александро-Невской лавры к ее 200-летию. Издание готовилось к юбилейному дню – 30 августа, когда Церковь отмечает память перенесения из Владимира в Петербург мощей святого благоверного князя Александра Невского. За написание истории С. Г. Рункевич взялся по просьбе Духовного собора лавры и лично митрополита Антония (Вадковского) в начале 1912 года. Учитывая огромную занятость историка на службе в Синоде, в Учебном комитете, в Предсоборном совещании и разных комиссиях, времени в его распоряжении оказалось не так уж много. Только благодаря исключительной работоспособности и научному багажу Рункевич справился с задачей. Хотя труд его уже подходил к завершению, времени все же не хватало, и поэтому историк обратился за помощью к Морозову.

Монография С. Г. Рункевича, написанная главным образом на основе материалов лаврского, а также синодального, государственного и других архивов, подводила итог всем исследованиям и описаниям Александро-Невского монастыря. В результате исследование составило большого формата книгу объемом более тысячи страниц, богато иллюстрированную. Значительную помощь Рункевичу в подборе изобразительного материала оказал Киевский митрополит Флавиан (Городецкий), предоставивший возможность пользоваться своей обширной коллекцией портретов архиереев синодального времени. Часть фотоматериалов историк заимствовал в архиве Синода, часть приобрел у известных столичных фотографов, в основном фотоработы К. К. Буллы, а часть «новых фотографий» ему любезно предоставил послушник Федор[144].

---

[142] *Никон [Рождественский], архиепископ.* На память о светлом торжестве // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1913. – № 21. – С. 938.

[143] Дни светлого торжества в Москве // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1913. – № 21. – С. 970.

[144] *Щеглов Г. Э.* Степан Григорьевич Рункевич (1867–1924). Жизнь и служение на переломе эпох. – Минск: ВРАТА, 2008. – С. 264.

В начале книги среди немногих лиц, которым С. Г. Рункевич выражал благодарность за помощь в ее составлении, значилось и имя Федора Морозова. Ему автор уделил внимание и в самой книге, когда писал об устройстве лаврского архива и Древлехранилища. Так имя простого послушника оказалось увековеченным на страницах самого фундаментального литературного памятника, посвященного истории Александро-Невской лавры. И еще, именно организация в лавре церковно-археологического музея и научное оборудование архива дали основание историку писать, что лавра «после долгого перерыва» стала «на путь научно-просветительного служения Церкви»[145].

Незадолго до юбилейных торжеств наместник лавры подал митрополиту Владимиру рапорт о представлении послушника Федора к Высочайшей награде. Высоко оценивая его «выдающуюся деятельность» по устройству Древлехранилища, приведению в порядок лаврского архива, а также помощь, оказанную при подготовке издания истории лавры, он ходатайствовал о награждении Морозова «подарком из Кабинета Его Императорского Величества – золотыми часами»[146]. Ознакомившись с рапортом, митрополит спросил, какую награду хотел бы получить сам Федор: «…золотые часы с государевым гербом или медаль?» Вопрос митрополита наместник передал Морозову, который с детской наивностью, как сам признавался, ответил, что желательно было бы получить золотую медаль, «но никак не серебряную», так как ее «всякий может иметь». В случае же невозможности этого он готов был согласиться и на часы[147]. Между тем наместник заметил ему, что получение золотой медали займет много времени, а вот золотые часы получить можно гораздо быстрее, что более желательно для приурочения награды к 30 августа. Не решившись сразу дать окончательный ответ, Морозов поспешил обратиться за советом по этому «жизненному вопросу» к профессору И. А. Шляпкину. Суть вопроса состояла в следующем: что скорее даст право на последующие награды, часы или медаль, какая бы она ни была? Неизвестно, что ответил профессор, но Морозов был представлен к награде золотыми часами. Рассматривался даже вариант о награждении его орденом Святого Станислава 3-й степени, но почему-то не получил дальнейшего движения[148].

30 августа – в день памяти перенесения мощей святого благоверного князя Александра Невского – Свято-Троицкая Александро-Невская лавра праздновала 200-летний юбилей. День этот, всегда отмечавшийся в столице с особой торжественностью, на этот раз вылился в еще более впечатляющее празднование. Погода выдалась чудная – теплая и ясная. С раннего утра совершились первые литургии. В девять часов загудел большой колокол: встречали Петербургского митрополита Владимира – священноархимандрита лавры. Владыка Владимир вместе с Московским митрополитом Макарием (Невским), архиепископами

[145] *Рункевич С. Г.* Александро-Невская Лавра, 1713–1913. – СПб.: Синод. тип., 1913. – С. 169.
[146] РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1913 г.). Д. 70. Л. 18 об.
[147] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 10.
[148] РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1913 г.). Д. 70. Л. 20 об.

Сергием (Страгородским), Арсением (Стадницким), Владимиром (Сеньковским), Никоном (Рождественским), епископами Алексием (Молчановым), Анастасием (Александровым), Антонином (Грановским) и целым сонмом духовенства совершил молебен перед ракой с мощами святого Александра Невского.

После молебна стали ожидать крестный ход, который в это время двигался от Исаакиевского собора с чудотворными иконами Тихвинской Божией Матери и Спаса Нерукотворного, направляясь по Малой морской улице и Невскому проспекту в лавру. По пути к нему присоединилось духовенство Казанского собора с чудотворным образом Казанской Божией Матери. К 11-ти часам крестный ход подошел к лавре. В нем участвовало более ста священнослужителей во главе с Нарвским епископом Никандром (Феноменовым). За духовенством следовали Александровские кавалеры, сенатор Н. П. Гарин, управляющий капитулом Императорских орденов К. М. Злобин, церемониймейстер Юрьев, секретарь церемониальной части князь Кантакузен, синодальные чиновники и многочисленные петербуржцы. При приближении крестного хода к обители ему навстречу вышел крестный ход из лавры. Лаврская процессия, сверкающая «золотыми» ризами, слилась с «серебряной» лентой городского крестного хода и все направились к Троицкому собору, где ожидал почетный караул рослых стариков – дворцовых гренадеров в парадной форме. Торжественно звонили колокола. Принесенные в собор чудотворные иконы установили на солее на особых аналоях. Началась Божественная литургия.

После богослужения городской крестный ход с чудотворными иконами под звон лаврских колоколов отправился обратно в Исаакиевский собор. Десятки тысяч людей шли и стояли по пути его следования. А в митрополичьих покоях в это время состоялся праздничный обед для высшего духовенства и высоких гражданских и военных чинов. В течение всего дня народ наполнял лавру, беспрерывно служились молебны у раки святого князя.

На следующий день в покоях митрополита с утра начался прием поздравлений и многочисленных депутаций, подносивших иконы, альбомы и адреса. Принимал их митрополит Владимир в присутствии синодального обер-прокурора, некоторых иерархов и старейшей братии лавры. После этого лаврские празднества завершились[149].

Уже в сентябре Федор Морозов получил золотые часы из Кабинета Его Императорского Величества – награду весьма почетную и исключительно редкую для простого монастырского послушника. Оплачивался этот ценный подарок самой лаврой и обошелся ей в 150 рублей[150].

Через две недели после юбилейных торжеств в обитель вновь съехались архиереи и представители столичного духовенства, на этот раз для погребения экзарха Грузии Иннокентия (Беляева). Похоронили его, согласно завещанию,

[149] Празднование двухсотлетия Александро-Невской лавры // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1913. – № 36. – С. 1606–1611.
[150] РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1913 г.). Д. 70. Л. 31.

на братском кладбище рядом с близким другом и учителем – митрополитом Антонием (Вадковским).

23 ноября в лавре традиционно отмечалась память святого благоверного князя Александра Невского. Однако в 1913 году в связи с 650-летием со дня кончины святого этот день решили ознаменовать еще и внецерковным торжеством. В воскресенье, 24 ноября, в лавре было устроено закрытое, только для специально приглашенных лиц, собрание, посвященное святому князю – небесному покровителю Петербурга. Состоялось оно в обширной лаврской трапезной, особо украшенной к этому дню. В «красном» углу, среди лавров и пальм, в ореоле электрического освещения поместили хранящееся в лаврском музее древнее шитье, изображавшее святого Александра Невского в схиме. Рядом находилось и другое изображение князя – в рыцарском и великокняжеском одеянии. Перед иконами теплились лампады. Под изображениями на особом столике лежала, взятая также из Древлехранилища, великокняжеская корона святого князя, возложенная на его гробницу в 1724 году императором Петром I при перенесении мощей в Петербург. Вблизи экспозиции стояла лекторская кафедра, украшенная гирляндами из зелени и цветов. В подготовке торжества самое активное участие принимал послушник Федор Морозов.

Собрание получилось многолюдное и весьма представительное. Присутствовали Петербургский митрополит Владимир (Богоявленский), Киевский митрополит Флавиан (Городецкий), Московский митрополит Макарий (Невский) и некоторые из находящихся в столице архиереев[151]. Присутствовала лаврская братия во главе с наместником, царский духовник протоиерей Николай Кедринский, настоятели петербургских церквей, профессора духовной академии, преподаватели столичных духовно-учебных заведений, чины центральных учреждений духовного ведомства и близкие лавре военные и светские лица.

Перед собравшимися были прочитаны два доклада: доктором церковной истории С. Г. Рункевичем – о государственной деятельности святого Александра Невского[152], и профессором И. А. Шляпкиным – об иконографии святого князя. Оба выступления послушник Федор Морозов сопровождал световыми картинами, демонстрируя их с помощью «волшебного фонаря» – оптического прибора для проецирования на экран небольших изображений. Изготовленные специально для торжественного вечера, световые картины особенно эффектно проиллюстрировали доклад Шляпкина. В заключение своей речи профессор высказал пожелание, чтобы впредь было принято изображать святого Александра Невского не в рыцарских доспехах и мантии, как это делалось до этого, а в древнерусском княжеском одеянии, притом на коне, наподобие святого Георгия Победоносца. Если последнее замечание для православной иконографии являлось спорным, так как изображение святого Георгия на коне отображает

[151] Юбилейное собрание в лавре // Петербургский листок. – 1913. – № 324. – С. 9.

[152] *Рункевич С. Г.* Святой благоверный великий князь Александр Невский и его государственная деятельность на пользу родной земли // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1913. – № 47. – С. 2162–2169.

определенный момент из его жития, то первое очень скоро нашло применение у художников-археологов.

Во время собрания митрополичий хор под управлением известного регента Ивана Яковлевича Тернова, «со свойственным ему художественным искусством», исполнил песнопения из службы святому князю. Закончилось собрание воодушевленным пением гимна[153].

Доклады С. Г. Рункевича и И. А. Шляпкина, сопровождаемые световыми картинами, произвели на участников вечера огромное впечатление. Еще долго лаврская братия жила воспоминаниями об услышанном и увиденном. «Речь Ваша на собрании в память Св. Александра Невского, – писал вскоре Морозов профессору Шляпкину, – произвела глубокое впечатление не только на начальство, архиерея, но и на всю братию; они живут в настоящее время лишь воспоминаниями о Вас и о ней»[154]. Поздравляя через месяц Шляпкина, находившегося на отдыхе в Италии, с наступающим Новым годом, Морозов писал: «Шлю Вам свой сердечный привет из родной Вам России, из обители Св. Троицы, где еще жив Ваш светлый образ в сердцах обитателей, которым Вы раскрыли глаза, как надо правильно представлять образ небесного их покровителя Св. Александра Невского»[155].

Следует сказать, что юбилейное чествование святого князя произвело большое впечатление не только в церковной среде, но и всколыхнуло патриотические настроения в широких общественных кругах столицы, оживив образ этого древнерусского витязя. Вскоре по почину археолога Л. Н. Целепи сформировалась идея отдать дань государственным заслугам Александра Невского перед русской землей, устроив ему в Петербурге памятник, наподобие памятника святому князю Владимиру в Киеве. За разработку проекта взялся совет Общества ревнителей истории[156].

24 ноября 1913 года для послушника Федора Морозова стало знаменательно еще одним событием. Именно в этот день в лавру вернулся один из редчайших памятников русской церковной старины – антиминс, освященный Новгородским архиепископом Нифонтом. Согласно синодальному постановлению он поступал на хранение в Древлехранилище Александро-Невской лавры, а вместо него в Полтавскую епархию для единоверческой церкви передавался антиминс XVI века.

О вновь найденном древнем антиминсе Морозов в 1914 году сделал доклад в Русском археологическом обществе в Отделении русской и славянской

[153] День памяти св. благоверного великого князя Александра Невского // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1913. – № 49. – С. 2296–2297.

[154] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 11.

[155] Там же. Л. 12.

[156] День памяти св. благоверного великого князя Александра Невского // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1913. – № 49. – С. 2297.

археологии[157]. Позднее он по совету профессора С. Ф. Платонова написал об антиминсе статью, которая в 1915 году была опубликована в «Записках Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества», а затем вышла отдельным изданием в виде брошюры с прекрасными снимками[158]. В ней рассказывалось, где и когда был найден древний памятник, как «потерян» и обретен вновь. Автор дал краткую историческую справку об антиминсах вообще, а затем сделал подробный научный анализ исследуемого экспоната. В частности, большое внимание уделялось датировке антиминса, так как в надписи, указывающей год освящения, буква, обозначающая десятичное число, стерлась. Морозов провел этот анализ с большим знанием дела, что говорило о высоком профессионализме его как исследователя.

«Мне остается вкратце упомянуть о значении найденного антиминса, – писал он в заключении. – Как древнейший церковно-археологический памятник, он имеет бесспорное значение, являясь самым древним из сохранившихся до нашего времени антиминсов. Многие спорные до сих пор в церковной археологии вопросы, при наличности данного памятника, должны получить теперь свое окончательное разрешение. Если, например, раньше можно было спорить о том, всегда ли или не всегда антиминсы употреблялись с частицею св. мощей, то теперь для всякого должно быть очевидным, что мощи не обязательная их принадлежность.

Как памятник древнерусской письменности, наш Антиминс также имеет свое значение, пополняя собою скудные, единичные ряды новгородских памятников XII-го века, особенно датированных. Если нам дорога каждая сохранившаяся из седой древности буква, то тем более должен быть предметом особого внимания ученых и наш Антиминс, сохранивший нам довольно значительный (сравнительно) письменный отрывок.

Наконец, наш Антиминс важен как исторический памятник. Называя Юрия Долгорукого – сыном Мономаховым, он тем самым бесспорно устанавливает, что уже в половине XII-го века за Владимиром утвердилось прозвание его Мономахом. А раз это так, то мы получаем новое освещение вопроса о так называемых “Дарах Мономаха”, – легенде, по общему мнению ученых, происхождения XV–XVI века»[159].

Свое исследование Морозов посвятил «незабвенной памяти высокопреосвященнейшего митрополита Антония Петроградского и Ладожского», которого любил, и памятью о котором дорожил. Однако в советское время именно из-за этого посвящения Федор Михайлович никогда не упоминал брошюру в списке

[157] РА ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 416. Л. 29.
[158] *Морозов Ф. М.* Антиминс 1149 (6657) года. – Пг.: Тип. М. А. Александрова, 1915. – [2], 13 с., 2 л. ил. (Отт. из Записок Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, 1915. – Т. 11).
[159] Там же. – С. 11–12.

своих печатных трудов, предпочитая ссылаться на публикацию в «Записках Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества». Новое время диктовало свои правила.

Пополнение Древлехранилища

Следует отметить, что антиминс являлся не единственным памятником церковной старины, попавшим в Древлехранилище благодаря послушнику Федору. Известно, что туда он передал еще один ценнейший раритет – молдавскую епитрахиль шитья начала XV века, найденную им в Старой Ладоге[160]. О ней, так же, как и об антиминсе, Морозов написал небольшое исследование, которое, правда, осталось в рукописи.

Как мог, послушник Федор старался пополнять лаврский музей новыми экспонатами. В начале 1913 года он вел переговоры с Императорской Академией художеств о передаче Древлехранилищу материалов афонских экспедиций Петра Ивановича Севастьянова (1811–1867) – путешественника и собирателя историко-культурных памятников, объехавшего в 1850-е годы почти все страны Западной Европы, Египет, Сирию, Палестину, Алжир и др. Его собирательская деятельность совпала с оживлением в русском обществе интереса к Византийскому искусству как первоисточнику для возрождения древнегреческих традиций церковного искусства. В 1854 году Святейший Синод под влиянием записки императора Николая I об изыскании мер к охранению церковных древностей России, а также их научному описанию и изготовлению с них рисунков, предпринял шаги к основанию научного музея христианской иконографии и к снаряжению художественно-археологической экспедиции на Афон. Вскоре личное предприятие П. И. Севастьянова стало официальным, и ему поручили отснять наиболее интересные произведения афонской иконописи. Помогать путешественнику должны были специалисты Академии художеств – художники, фотографы, архитекторы. В результате состоялись две экспедиции на Афон (1857 и 1859 гг.) с целью запечатлеть все, что окажется достойным внимания в афонских обителях. В итоге была собрана уникальная коллекция рукописей и церковной утвари, сделано много рисунков и снимков с икон, скульптур и других памятников искусства. Одних только прорисей оказалось выполнено около 300.

Привезенные материалы выставлялись в залах Академии художеств в Петербурге и получили высокую оценку ученых и признательность со стороны церковной и светской власти. Впоследствии П. И. Севастьянов передал большую часть коллекции в Москву в новооткрытый Румянцевский музей, заложив тем

[160] ПФА РАН. Ф. 737. Оп. 1. Д. 75. Л. 2.

самым первое в России музейное собрание христианских древностей. Казалось, что это собрание ожидала плодотворная научная судьба, но, увы, интерес к нему в обществе постепенно сошел на нет. Со временем и остальные части коллекции, хранившиеся в музеях, как не подходящие к общему их собранию, перекочевали в кладовые.

Посещая музеи Академии художеств, послушник Федор Морозов всякий раз пытался узнать судьбу Севастьяновского собрания. И вот однажды хранитель академического музея сообщил ему, что это собрание у них еще цело и находится в кладовой. Лаврский следопыт упросил хранителя показать его. Проведенный в кладовую, он увидел «большую груду свитков различного формата». Это были скрутки калек с цветными прорисями, сделанными экспедицией Севастьянова. Здесь же находилось несколько небольших ящиков, о содержимом которых Морозов не преминул полюбопытствовать. Открыв один из них, он увидел «аккуратно сложенные гипсовые слепки с резьбы по слоновой кости, исключительно христианских сюжетов», из музеев западной Европы, выполненные специальной экспедицией, командированной на Запад в конце 1850-х годов[161].

После посещения музейной кладовой у Морозова возникла мысль просить Академию художеств передать материалы из Севастьяновского собрания в Древлехранилище лавры. Ранее ему неоднократно приходилось беседовать об этой коллекции с профессорами Н. В. Покровским и Д. В. Айналовым, которые очень ценили ее как исключительно важную в научном отношении. Поэтому своей задумкой он, в первую очередь, поделился именно с ними. Оба профессора с полным сочувствием приветствовали идею и «находили вполне целесообразным хранение этого собрания именно в Древлехранилище лавры, как пополняющее пробелы в полноте истории иконописи»[162]. Когда Морозов обратился в Академию художеств с просьбой передать Севастьяновское собрание, ему ответили согласием, но с условием, что право собственности останется за Академией. Это было общим требованием, согласно которому Академия художеств передавала различным музеям принадлежащие ей художественные произведения. Выговаривалось оно как охранительная мера. Если, например, в учреждении, которому передавались предметы, пропадала в них надобность или они небрежно хранились, Академия имела право взять их обратно[163].

Пытался Ф. Морозов заполучить для лаврского музея и кое-что из обширной коллекции почившего псковского собирателя Федора Михайловича Плюшкина (1837–1911). В январе 1914 года он обратился с письмом к директору Императорского Эрмитажа графу Д. И. Толстому с просьбой предоставить Древлехранилищу «некоторые из памятников церковной древности, находящиеся в собрании Ф. М. Плюшкина, приобретенного Русским Музеем Императора

[161] РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1909 г.). Д. 98. Л. 79 об.
[162] Там же. Л. 80.
[163] Там же. Л. 80.

Александра III»[164]. Граф занимал должность товарища управляющего Русским музеем (управляющим был великий князь Георгий Михайлович), поэтому Морозов и обратился именно к нему.

Следует сказать, что среди многочисленных и разнообразнейших собраний Ф. М. Плюшкина было множество предметов церковной старины. В собрании имелась коллекция редких богослужебных книг, в том числе старинных Евангелий, множество книг сектантских и древнего, дониконовского, письма. Среди икон замечательными были: каменный образ Спаса «с мокрою бородой», за который московские старообрядцы предлагали Плюшкину 14 тысяч рублей; икона «Верую» в лицах; иконы Спаса и святителя Николая Чудотворца, резанные на камне; редкий образ святителя Дмитрия Ростовского строгановского письма; иконы святителя Николая Чудотворца на бересте; иконы из черного дуба и слоновой кости; множество запрещенных икон; целая коллекция изображений святого Христофора с песьей головой; образы святых, размещенные в соответствии с болезнями, от которых они помогают; иконы, имеющие отношение к русской демонологии, – святого Никиты, наказывающего беса, искушения святых, видения, мучения грешников в аду и т. п. Любопытен был «образ», принадлежавший некогда печальной памяти Настасье Минкиной – любовнице графа А. А. Аракчеева. Эта известная истязательница крестьян приказала изобразить себя… в виде Богоматери! В собрании Ф. М. Плюшкина имелись старинные паникадила, распятия, дарохранительницы с воздухами, церковные облачения, створцы, архиерейские посохи, четки, вериги, древние брачные венцы и многое другое. Впечатляла огромная коллекция крестов, начиная с драгоценных наперсных, в том числе и панагий, и кончая маленькими тельниками, найденными на дне реки Псковы. Вообще церковно-археологическая коллекция Ф. М. Плюшкина не уступала богатейшим монастырским собраниям[165]. В свое время Морозов неоднократно бывал в Плюшкинском доме-музее в Пскове и хорошо знал не только его собрания, но и самого собирателя, с которым вел переписку. Известно, что буквально за несколько дней до смерти Плюшкин писал в лавру послушнику Федору о сделанных им новых приобретениях для своего музея[166].

Еще при жизни псковский коллекционер начал переговоры с Русским музеем императора Александра III о передаче туда собранных им «сокровищ». Однако затянувшиеся переговоры ни к чему не привели. С Плюшкина лишь взяли обещание не передавать коллекцию в чужие руки, а сохранить ее для правительственного учреждения. В свою очередь собиратель получил «категорическое обещание», что все его собрание будет приобретено казной. И действительно, вскоре после его смерти в заседании совета министров под председательством П. А. Столыпина, между прочим, рассматривался вопрос о покупке

[164] РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1926 г. Д. 260. Л. 70.
[165] *Алексеев В. А.* Ф. М. Плюшкин и его музей // Исторический вестник. – 1916. – № 7. – С. 187.
[166] Там же. – С. 181.

музея Плюшкина правительством. Совет министров признал желательным не выпускать коллекцию за границу и внести в Государственную Думу законопроект о приобретении плюшкинского собрания в государственную собственность. С этого времени в Псков стали наведываться комиссии для осмотра Плюшкинского музея. Осенью 1911 года администрация музея императора Александра III командировала для детального осмотра и оценки коллекции свою весьма представительную комиссию[167]. Внимательно осмотрев всю коллекцию, комиссия оценила ее в 80 тысяч рублей, что многие, и прежде всего наследники собирателя, считали очень заниженной ценой. Однако и такая сумма испугала правительство, так что оно отказалось покупать весь музей, пожелав приобрести лишь некоторые отделы за 60 тысяч. Но на таких условиях сделка состояться не могла. После этого в Псков приехал комиссионер Британского музея антиквар Коген и, осмотрев только часть коллекции, сразу предложил 175 тысяч рублей. Однако и эта сделка не состоялась из-за нежелания Когена соблюсти некоторые формальности, требуемые наследниками Ф. М. Плюшкина. В конце концов, правительство приобрело все собрание за 100 тысяч рублей для музея императора Александра III. Вещи по-прежнему оставались в Плюшкинском музее, однако теперь он был неузнаваем. После осмотров комиссий все в нем было перерыто, перевернуто вверх дном, некоторые вещи разбиты, некоторые поломаны, и от прежнего внешнего вида музея остались лишь одни воспоминания да фотографии[168].

И вот, когда, наконец, определился владелец коллекций, Ф. М. Морозов обратился к управляющему Русским музеем Александра III в надежде получить что-нибудь из церковных предметов для Древлехранилища. Начавшиеся переговоры, впрочем, так ничем и не завершились.

Некоторые предметы в дар лаврскому музею поступали от учреждений и частных лиц. Так, в феврале 1911 года Архив Святейшего Синода передал в лаврский музей: оловянные потир, дискос и тарелку, а также большой деревянный крест, обложенный с лицевой стороны перламутром (с выгравированным изображением распятого Христа и другими сюжетами)[169]. В том же году целый ряд предметов церковной старины пожертвовал лаврскому музею настоятель греческой посольской церкви архимандрит Софроний (Дука). Журнал «Старые годы», сообщая о новых приобретениях музея, отмечал наиболее интересные: маленький, слегка попорченный, образ Спасителя греческого письма XV–XVI

[167] В состав комиссии вошли: А. К. Марков (монеты), академик С. Ф. Ольденбург (восточный отдел), барон Н. Н. Врангель (картины и миниатюры), С. Н. Тройницкий (часы, табакерки и трубки), Г. Г. Якобсон (естественно-исторические коллекции), Н. В. Покровский и К. К. Романов (иконы и церковная археология), Н. М. Могилянский (этнография), Э. Э. Ленц (оружие), Фаберже (драгоценности), Б. А. Тураев (египетские древности), В. И. Срезневский (рукописи и старопечатные книги), В. А. Егунов (книги и гравюры) и А. А. Спицын (археология и каменный век).

[168] *Алексеев В. А.* Ф. М. Плюшкин и его музей // Исторический вестник. – 1916. – № 7. – С. 194–196.

[169] РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1909 г.). Д. 98. Л. 61.

веков, греческий обрядовик XV века с заставками, вышитый чехол на потир XVII века, оловянную чашу со своеобразным орнаментом, епитрахиль и пр.[170]

В 1913 году некий петербуржец Михаил Иванович Михаилов пожертвовал Древлехранилищу два десятка довольно ценных русских серебряных монет XIX века[171]. Примерно тогда же протоиерей Гатчинского реального училища Александр Калачев передал в музей пару поручей красного шелка с золотой вышивкой (греческой работы XVIII в.). На поручах сохранились изображения: на одной – Богоматери, на другой – архангела Гавриила, составлявшие вместе сюжет Благовещения[172]. В мае 1914 года из Входо-Иерусалимской (Знаменской) церкви, которая находилась на углу Невского и Лиговского проспектов, в Древлехранилище поступила икона XVIII века святого мученика Артемия с клеймами[173].

Всякий раз, когда кто-то передавал что-либо в Древлехранилище, Морозов непременно обращался к Духовному собору лавры с просьбой написать от имени обители благодарственное письмо жертвователю.

Кое-что для музея можно было приобрести и у частных лиц, однако лаврское начальство не очень-то желало тратиться на вещи не совсем для него понятные. Одно дело дать согласие на создание музея, другое – нести расходы на его пополнение. Сообщая как-то профессору И. А. Шляпкину о старинной рукописной книге, принесенной в лавру каким-то торговцем, Морозов писал: «Лично был бы очень рад приобрести этот памятник 18 века богословской литературы, но не имею средств, а музей, для которого приобретение предметов зависит от лаврского [начальства], вряд ли дождется этой милости для себя со стороны их, и вот храня сию рукописную книгу я пожелал попытаться обратиться к Вам с предложением: не находите ли нужным приобрести для себя эту книгу. Торговец просит за книгу ок. 25–30 р., а может быть и уступит»[174].

Конечно, все могло бы складываться несколько иначе, будь жив митрополит Антоний. При нем Морозов еще мог рассчитывать на пополнение музея предметами за счет сумм из лаврских капиталов. Так, например, в мае 1910 года Духовный собор согласился выделить деньги на приобретение для музея картины художника В. В. Полякова, изображающей посещение в 1902 году президентом Франции Эмилем Лубе Александро-Невской лавры. На полотне

---

[170] Известия за месяц // Старые годы. – 1911. – № 11. – С. 48–49.

[171] Список пожертвованных серебряных монет: 1) российский рубль 1805 г.; 2) рубль 1799 г. с надписью «не нам не нам а имени Твоему»; 3) монета с портретом императора Николая I и надписью вокруг «Николай I Император и Самодержец всероссийский», на обороте изображен памятник Николаю I, стоявший на Исаакиевской площади в Петербурге, а кругом надпись «Повелением Императора Александра II всея России самодержца, июня 25 дня 1859 года»; 4) коронационный рубль императора Александра III; 5) коронационный рубль императора Николая II; 6) рубль в память 300-летия Дома Романовых, 1613–1913 гг.; 7) серебряный жетон с надписью: «Коронование в Москве 1856 г. А II»; 8) жетон с надписью: «Коронование в Москве в сентябре 1801 г. А I»; 9) 12 серебряных монет по 20 копеек 1812, 1817, 1818, 1820, 1821, 1823, 1838, 1839, 1840, 1847, 1848, 1849 гг.

[172] РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1909 г.). Д. 98. Л. 90.

[173] Там же. Л. 94.

[174] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 6 об.

был запечатлен момент, когда президент вместе с митрополитом Антонием, в окружении свиты и сонма монахов, шествовал по аллее из собора в митрополичьи покои. Картина была интересна для музея тем, что именно во время этого визита Эмиль Лубе поднес митрополиту золотой эмалевый крест с топазовым изображением головы Спасителя работы известного парижского ювелира Рене Лалика. Крест этот теперь хранился в лаврском музее. Но митрополита Антония уже не было в живых и к нуждам Древлехранилища теперь относились в лучшем случае безучастно. Даже архимандрит Феофан мало чем мог помочь…

Грозовые тучи

Начало 1914 года встретило Морозова приятным известием. 3 января Новгородское церковно-археологическое общество избрало его своим действительным членом[175]. Примечательно, что в тот же день почетными членами общества были избраны профессора Н. В. Покровский, И. А. Шляпкин и С. Ф. Платонов, с которыми послушник Федор тесно общался в последние годы.

…Зима и весна 1914 года прошли для Морозова в обычных занятиях: Древлехранилище, лаврский архив, лекции в университете. В это время профессор Н. В. Покровский, готовивший к публикации обширную статью о памятниках псковской церковной старины для молодого московского журнала «Светильник» (1913–1915), обратился к Морозову за фотографиями из их совместной псковской поездки. Так как журнал, специально посвященный «религиозному искусству в прошлом и настоящем», богато иллюстрировался, профессору понадобились фотоматериалы. Его статья, снабженная многочисленными иллюстрациями, вышла в июньском сдвоенном номере[176], а через некоторое время – отдельной брошюрой[177]. «Мне было очень приятно видеть свой труд, – делился Морозов с И. А. Шляпкиным. – Вся иллюстрация книги состоит из мною сделанных фотографических снимков. Жаль, что Н. В. не указал под ними автора снимков, а подписал лишь под одним, “вид на Детинец”, снимке менее всех удачном и мало ценном для книги»[178].

Это был уже не первый раз, когда Н. В. Покровский обращался к Морозову за фотоматериалами к своим публикациям. Годом ранее в «Светильнике» вышла

[175] Новгородская церковная старина. Труды Новгородского церковно-археологического общества. Т. 1. – Новгород: Губ. тип., 1914. – С. XLIX.

[176] *Покровский Н. В.* Заметка о памятниках псковской церковной старины // Светильник. – 1914. – № 5–6. – С. 5–41.

[177] *Покровский Н. В.* Заметка о памятниках псковской церковной старины. – М.: Изд. журн. «Светильник», 1914. – 39 с.; 23 л. ил.

[178] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 15 об.

его статься о поездке в Италию, также иллюстрированная снимками, большую часть которых составляли фотографии Морозова[179].

К этому же времени относится завершение послушником Федором совместно с С. Г. Рункевичем рукописи «Архив Александро-Невской лавры», представлявшей опись всех дел архива. Труд готовился к изданию, но по обстоятельствам времени так и не увидел свет[180].

На смену привычной мирной жизни надвигалось другое время – Россия стояла на пороге колоссальных потрясений. В начале лета 1914 года на политическом горизонте Европы стали собираться грозовые тучи, разразившиеся вскоре мировой войной. 15 июня в боснийском городке Сараево малолетний сербский националист Гаврило Принцип убил наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда. Это убийство, организованное группой сербов, принадлежавших к конспиративной организации «Молодая Босния», послужило поводом к началу военного конфликта. Подстрекаемое Берлином австро-венгерское правительство 10 июля предъявило Сербии ультиматум, оскорблявший ее национальное достоинство и посягавший на ее суверенитет. Несмотря на то что Сербия согласилась выполнить условия ультиматума, Австро-Венгрия объявила ей войну. В ответ на это правительство России начало общую мобилизацию. В тот же день Германия потребовала отменить мобилизацию и, после того как царское правительство отказалось выполнить это требование, объявила 19 июля войну России. События эти мгновенно всколыхнули русское общество, вызвав небывалый патриотический подъем. В крупных городах прошли спонтанные манифестации с портретами государя, национальными флагами, транспарантами в поддержку братской единоверной Сербии.

«Если откроется война, – писал Ф. М. Морозов 19 июля профессору Шляпкину, – я пойду и принесу себя в жертву ради родины и любви к ближним. Эта война освободительная; пора стряхнуть гнет иуды-австрийца и дать свободно дышать угнетенным славянам. Господи, благослови и дай мудрость нашему Монарху и мужество и сил нашей армии в эту искупительную годину!!!»[181] Вместе с тем он сетовал на бездействие духовенства, а особенно лавры: «Казалось бы, теперь и надо придти навстречу народу, благословить его, подбодрить в эту тяжелую минуту. Теперь нужен Святитель Гермоген и Архимандрит Дионисий[182]. Ведь в лавре почиет святой покровитель столицы Святой Благоверный Великий Князь Александр Невский, Князь который неоднократно, как Вам известно, вставал на защиту и Пскова и Новгорода – почему не призовет

[179] *Покровский Н.* Из поездки по Италии // Светильник. – 1913. – № 4–5. – С. 3–15.
[180] ПФА РАН. Ф. 737. Оп. 1. Д. 75. Л. 1.
[181] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 13.
[182] Имеются в виду герои Смутного времени, святые – патриарх Московский и Всея Руси Ермоген и архимандрит Дионисий, настоятель Троице-Сергиевой лавры, сыгравшие выдающуюся роль в освобождении России от иноземной интервенции. – *Г. Щ.*

лавра народ к гробнице святого покровителя стольного града и вместе с ним не вознесет теплые, искренние молитвы благословения России на выступление ее в защиту угнетенных сербов. Это возвысит и лавру в глазах народа. Что же дремлет она? Какие-нибудь организации союзов, вроде “Русского народа”, для вызывания патриотизма устраивают же крестные ходы, собрания, возглавляемые первосвятителями, а здесь общее государственное дело, дело не на живот, а на смерть, и духовенство инертно, Архиерей разъезжает, Митрополит успокаивает свои нервы, 20[-го] едет на свою родину на побывку и 28[-го] участвует в торжествах прославления Святителя Питирима – непостижимо и обидно за такое положение и ведение дел правителей церковных. Я готов идти к ним на помощь в организации религиозной манифестации – если это надо. Я готов помочь в организации из монахов ополчения и устройстве лазаретов – монахов обратить в братьев милосердия, пусть они, пока еще нет войны, учатся ухаживать за больными – не все им петь “аллилуйя”. В их сознании не должно быть страха смерти, ибо они отреклись от мира ради мира. Сколько монахи проводят время для себя – всех их надо призвать и заставить лечить, ухаживать за больными во время войны… На завтра меня пригласили принять участие в работах по приемке санитаров. Я выразил готовность быть полезным, если смогу, занятия не мешают быть в лавре»[183].

На следующий день, 20 июля, Высочайший манифест возвестил о вступлении России в войну с Германией. В считанные дни в военный конфликт втянулись основные европейские государства. Главными союзниками России стали Англия и Франция, а противниками – Германия и Австро-Венгрия. Всего в военных действиях приняли участие 38 государств с населением около миллиарда человек.

Так началась невиданная до этого по масштабу мировая война, унесшая и искалечившая неимоверное число человеческих жизней.

Брат милосердия

С объявлением войны Морозов, как и говорил, сразу же стал хлопотать об устройстве в Красный Крест братом милосердия. Ему очень хотелось попасть на фронт, на передовую, куда влекли высокие идеалы жертвенной христианской любви. «В этом вижу самый лучший путь искупления земных грехов и долг христианина в годину испытаний», – писал он И. А. Шляпкину.

Новый царский духовник протоиерей Александр Васильев, с которым Морозов был хорошо знаком, помог ему записаться в лазарет, организуемый ректором Петроградской духовной академии епископом Анастасием (Александровым)[184].

[183] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 13 об.–14 об.
[184] Там же. Л. 15 об.

Лазарет этот предполагалось устроить и содержать на пожертвования преподавателей духовно-учебных заведений империи. По этому поводу преосвященный Анастасий обратился с особым представлением в Синод. Ректор академии докладывал, что по дошедшим до него сведениям служащие некоторых духовно-учебных заведений предлагают оборудовать на процентные отчисления из своего жалования эвакуационный лазарет, который бы располагался «ближе к театру военных действий». Ввиду этого владыка ходатайствовал перед Синодом об учреждении специального комитета Красного Креста духовно-учебных заведений по оказанию помощи больным и раненым воинам российской армии. Уже через несколько дней комитет был образован[185], а его председателем назначен архиепископ Финляндский и Выборгский Сергий (Страгородский).

Немедленно преосвященный Сергий обратился к руководству всех духовно-учебных заведений Российской империи с запросом: 1) готовы ли служащие вверенных им учебных заведений жертвовать на нужды военного времени процентное отчисление из своего ежемесячного содержания и сколько именно процентов; 2) какая приблизительно сумма в месяц составится из таковых отчислений и 3) согласны ли служащие передать пожертвования на организацию и содержание лазарета, который мог бы носить название «летучий (или постоянно-стационарный) имени преподобного Серафима Саровского». При этом пояснялось, что имя великого молитвенника Русской земли выбрано потому, что объявление Германией войны России совпало с днем прославления преподобного – 19 июля.

Корпорации духовно-учебных заведений откликнулись с удивительным единодушием и готовностью к пожертвованиям. Уже с первых дней в комитет стали поступать отчисления, которые сразу же уходили на организацию лазарета.

Так как лазарет формировался в стенах столичной духовной академии, то именно она и приняла основное участие в его комплектовании. Персонал лазарета состоял из двух врачей, заведующего хозяйством и шести сестер милосердия. Предполагалось, что по санитарной части будут работать десять «братьев милосердия» из числа студентов-добровольцев духовной академии. Однако охотников, пожелавших трудиться в Серафимовском лазарете, набралось всего пять человек: студент III курса духовной академии Вячеслав Егоров (будущий митрополит Гурий), студент II курса академии Владимир Панасюк, вольнослушатель университета Федор Морозов, выпускник кадетского корпуса Сергей Занфиров и воспитанник VII класса Петроградской окружной гимназии Павел

[185] Комитет учредили в следующем составе: председатель – архиепископ Финляндский и Выборгский Сергий (Страгородский), товарищ председателя – епископ Ямбургский Анастасий (Александров), члены: ректор Петроградской духовной семинарии протоирей В. А. Мартинсон, член Учебного комитета при Святейшем Синоде архимандрит Неофит, председатель совета Исидоровского епархиального женского училища протоиерей А. К. Бургов, почетный член Петроградской духовной академии протоиерей К. И. Ветвеницкий, начальница Петроградского Исидоровского училища С. С. Тимофеева, член Учебного комитета В. Н. Самуилов, профессора Петроградской духовной академии И. С. Пальмов и Н. В. Покровский, смотритель Александро-Невского Антониевского духовного училища А. А. Аргентов и библиотекарь Петроградской духовной академии С. А. Родосский.

Зеньковский[186]. Все они прослушали специальный медицинский курс и прошли стажировку в больницах.

Первоначально лазарет предполагалось разместить в Вильно в одном из монастырей, однако «по указанию властей» его направили в Минск, где он должен был развернуться на 50 кроватей в помещениях местной духовной семинарии.

Вечером 9 сентября 1914 года Серафимовский лазарет духовно-учебных заведений Российской империи отбывал из Петрограда с особым поездом в Минск. Почти весь день Морозов провел на Витебском вокзале, наблюдая за погрузкой в вагоны лазаретного имущества[187]. К вечеру он вернулся в лавру, затем к урочному времени пошел в корпус духовной академии, где отряду Серафимовского лазарета устраивались торжественные проводы.

В шесть часов вечера в академической церкви собрались обер-прокурор В. К. Саблер, члены Учебного комитета при Святейшем Синоде во главе с председателем архиепископом Сергием (Страгородским), профессора академии с семьями, студенты, весь отъезжавший санитарный отряд и др.

Преосвященный Сергий совместно с епископами Кирионом (Садзагеловым) и Анастасием (Александровым) в сослужении со священствующими профессорами и студентами академии совершили напутственный молебен. По воспоминаниям очевидца: «Совершенно особое, трудно поддающееся передаче настроение невольно овладевало всеми присутствующими в эти знаменательные моменты в храме столичной академии»[188]. Настроение, охватившее тогда молящихся, нашло выражение в речи, сказанной после молебна владыкой Сергием. В частности он говорил о внутренней настроенности, которая должна воодушевлять деятельность лазаретного персонала в его работе. «Мало быть исполнительным и самоотверженным, – говорил владыка, – необходимо сохранить без ослабления и омрачения любовь к страждущим, нежную сердечную отзывчивость к их страданиям… Ни одна нотка раздражительности, нетерпеливости, равнодушия не должна прорываться ни в действии, ни в слове, ни в жесте, ни во взгляде… Нужно не только облегчить телесные страдания страждущих воинов, – необходимо вносить в их душу отраду и утешение, вливать в них бодрость и христианскую радость… Да будет примером для них преподобный Серафим, именем коего назван лазарет…»[189]. После этого владыка Сергий благословил врачебно-санитарный отряд Владимирской иконой Божией Матери, присланной Петроградским митрополитом Владимиром через наместника Александро-Невской лавры архимандрита Феофана, а затем от себя лично – образом преподобного

[186] Состав этапного лазарета духовно-учебных заведений и отбытие его к месту деятельности // Церковный Вестник. – 1914. – № 38. – С. 1139.

[187] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-д. Л. 154.

[188] Напутствие и проводы этапного лазарета духовно-учебных заведений Российской Империи во имя преподобного Серафима Саровского Чудотворца // Церковный Вестник. – 1914. – № 33. – С. 1126.

[189] *С. З[арин]*. Этапный лазарет духовно-учебных заведений Российской Империи во имя преподобного Серафима, Саровского Чудотворца // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1914. – № 38. – С. 1649–1650.

Серафима Саровского. Ректор академии епископ Анастасий благословил отъезжающих иконой Божией Матери «Умиление», перед которой обычно молился преподобный Серафим. Обер-прокурор Святейшего Синода В. К. Саблер в благословение отряду лазарета и воинам, которые будут находиться у него на излечении, передал крестики[190].

В актовом зале академии приглашенный фотограф К. К. Булла снял членов комитета Красного Креста духовно-учебных заведений вместе с персоналом лазарета, а затем всех присутствующих на проводах.

На вокзал Варшавской железной дороги отряд провожали ректор академии владыка Анастасий, инспектор профессор С. М. Зарин, профессор И. С. Пальмов, библиотекарь С. А. Родосский, студенты академии, родственники и знакомые отъезжающих. В напутствие владыка сказал, что, «подавая медицинскую помощь, персонал лазарета должен относиться одинаково внимательно и предупредительно и к своим раненым воинам, и к братьям зарубежной Руси, и к полякам, – всюду внося радость и утешение, даже и туда, где витает смерть…». Когда поезд тронулся, все присутствующие запели: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое…» Владыка Анастасий со слезами на глазах произнес прерывающимся голосом: «Благословение Господне на вас…», – и благословлял отъезжающих до тех пор, пока поезд совершенно не скрылся из виду[191].

Уезжая, Морозов еще не знал, что монастырская жизнь его заканчивалась навсегда. В лавре он будет бывать еще не раз, но уже эпизодически. Впрочем, жизнь монастырская, насколько можно судить, мало удовлетворяла его. Не только потому, что, будучи натурой деятельной и энергичной, он не имел склонности к уединенной, созерцательной жизни, но и потому, что не находил примера для своих христианских идеалов. Морозов духовно сформировался под влиянием митрополита Антония (Вадковского), считавшего, что «дела милости и любви выше молитвы и поста»[192]. Как и его духовный наставник, послушник Федор был идеалистом. Он искал деятельной любви, служения, но его возвышенные порывы не встречали у окружающих отклика, а все больше насмешки. Пока был жив митрополит Антоний, Морозов еще имел в нем нравственную опору и поддержку, но после его смерти – духовно осиротел.

Следует сказать, что собственно монашеская жизнь в русских обителях в то время едва теплилась. Если женские монастыри еще представляли собой отрадное явление, совмещая молитву с широкой благотворительной и просветительной деятельностью, то в мужских монастырях подобного было мало. Преуспевая в хозяйственных делах и благосостоянии, они все дальше отдалялись от святоотеческих заветов. Хотя еще оставались отдельные подвижники

[190] *С. З[арин]*. Этапный лазарет духовно-учебных заведений Российской Империи во имя преподобного Серафима, Саровского Чудотворца // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1914. – № 38. – С. 1649–1650.

[191] Напутствие и проводы этапного лазарета духовно-учебных заведений Российской Империи во имя преподобного Серафима Саровского Чудотворца // Церковный Вестник. – 1914. – № 33. – С. 1127.

[192] *Вадковский М. В.* Мои воспоминания о митрополите Антонии // Исторический вестник. – 1916. – № 2. – С. 491.

духа и благочестия, основная масса черноризцев все же далека была от тех идеалов, к которым призывало их звание. «Много, слишком много у нас монастырей, а иноков-то, настоящих иноков – много ли в них? Их надобно искать с фонарем Диогена! – с горечью констатировал Вологодский епископ Никон (Рождественский). – Жизнь монастырская едва прозябает, о духовной жизни в собственном смысле мало имеют понятия. Идут в обители не ради Иисуса, а ради хлеба куса»[193].

Когда пришла война, Ф. М. Морозов не смог оставаться в стенах монастыря, где, как ему казалось, жизнь замерла. Он увидел свое призвание в деятельной помощи истекающему кровью ближнему. Ради этого и решил пренебречь комфортной и мирной обстановкой лавры, любимым делом, учебой, сменив подрясник послушника на гимнастерку и халат санитара.

Ночной эшелон увозил его теперь в неизвестное будущее, туда, где начиналась другая – военная жизнь…

[193] *[Никон (Рождественский), епископ]*. Светильники гаснут. (Из дневника епископа) // Приходское чтение. – 1910. – № 6. – С. 119.

Александро-Невская лавра. Вид на Свято-Троицкий собор (справа) и церковь Св. Федора Новгородского и Николая Чудотворца со стороны Никольского кладбища. Фотография ателье Буллы, 1913 г. (ЦГАКФФД СПб. Д-16691)

Митрополит Антоний (Вадковский) с причтом и мирянами у входа в Троицкий собор Александро-Невской лавры. Иподьякон с книгой (крайний слева) – послушник Федор Морозов. Фотография ателье Буллы, до 1910 г. (ЦГАКФФД СПб. Д-7229)

Митрополит Антоний (Вадковский) с иподьяконами в день празднования 50-летия его освящения Исаакиевского собора.
Слева от митрополита – послушник Федор Морозов.
Фотография ателье Буллы, 30 мая 1908 г. (ЦГАКФФД СПб. Д-7227).

Крещенский парад. Торжественная церемония у Иордани на Дворцовой набережной.
Фотография ателье Буллы, 6 января 1908 г. (ЦГАКФФД СПб. Д-14239)

Александро-Невская лавра. Фасад Митрополичьего дома.
Фотография ателье Буллы, 1913 г. (ЦГАКФФД СПб. Д-16700)

Александро-Невская лавра. Участники церемонии выноса плащаницы в Страстную пятницу проходят мимо Духовского корпуса лавры. Послушник Федор Морозов несет митру.
Фото Буллы, 1913 г. (ЦГАКФФД СПб. Г-699, Г-697)

Александро-Невская лавра. Внешний вид юго-западной башни Древлехранилища в Семинарском корпусе.
Фотография ателье Буллы, конец 1909 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-11611)

Послушник Федор Морозов и художник А. А. Карелин в помещении музея Александро-Невской лавры.
Фото К. К. Буллы, 1909 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-18845)

Художник А. А. Карелин во время работы над портретом митрополита Антония (Вадковского) на хорах музея Александро-Невской лавры. Справа от полотна – послушник Федор Морозов.
Фотография ателье Буллы, осень 1909 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-12193)

Портрет митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского).
Художник А. А. Карелин, 1909 г. Картина хранится в Государственном Эрмитаже

Кровать Петра I в музее Александро-Невской лавры.
Фото К. К. Буллы, 1909 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-11610)

Стенд с экспонатами в музее Александро-Невской лавры.
Фото К. К. Буллы, 1909 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-18870)

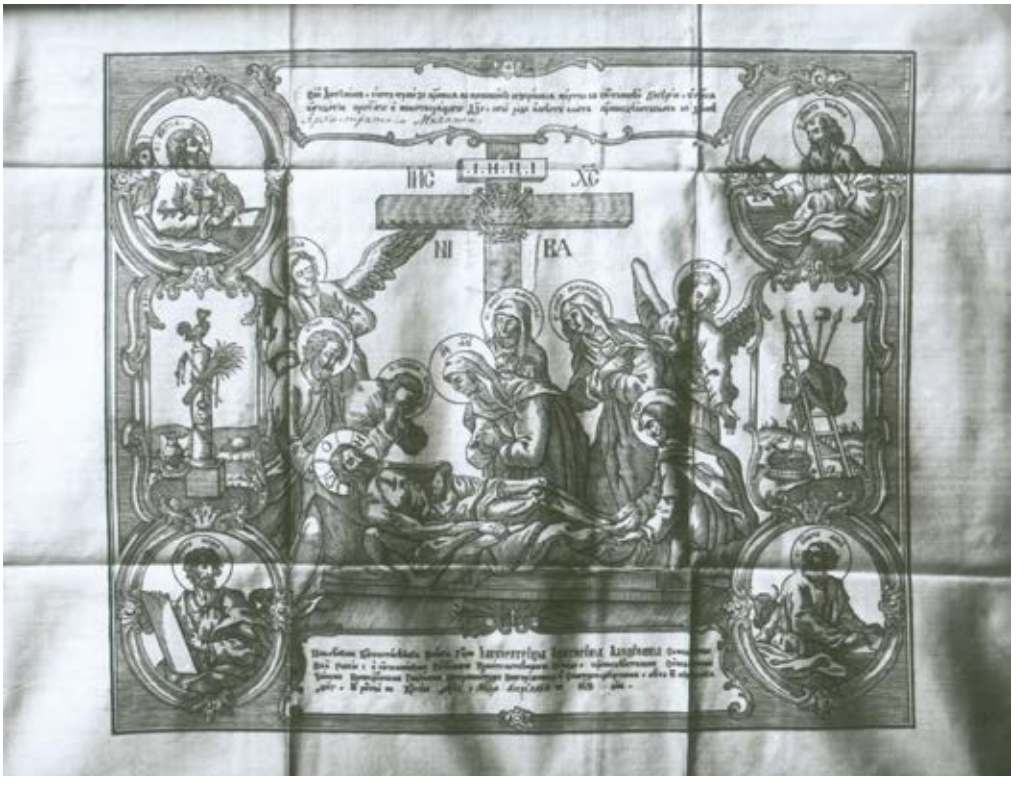
Музей Александро-Невской лавры. Обеденный сервиз.
Фото К. К. Буллы, 1909 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-18846)

Музей Александро-Невской лавры. Евхаристический набор: чаша, звездица, дискос и два блюдца
(произведение императорского фарфорового и стеклянного завода имени Александра I).
Фото К. К. Буллы, 1909 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-18866)

Музей Александро-Невской лавры. Церковные древности.
Фото К. К. Буллы, 1909 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-18851)

Архимандрит Геннадий (Никифоров) и Федор Михайлович Морозов
в помещении новой ризницы Александро-Невской лавры.
Фотография ателье Буллы, 1913 г. (ЦГАКФФД СПб. Д-12130)

Музей Александро-Невской лавры. Грамота императора Александра I.
Фото К. К. Буллы, 1909 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-18874)



Музей Александро-Невской лавры. Антиминс, освященный при императрице Екатерине Алексеевне.
Фото К. К. Буллы, 1909 г. (ЦГАКФФД СПб. Г-1260)

Музей Александро-Невской лавры. Пелена с изображением святого благоверного князя Александра Невского, покрывавшая некогда его раку в городе Владимире.
Фото 1913 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-12182)

Послушник Федор Морозов в помещении музея Александро-Невской лавры.
Фотография ателье Буллы, 1913 г. (ЦГАКФФД СПб. Ж-243)

Великие княгини Мария Павловна и Елизавета Маврикиевна с митрополитом Антонием и группой духовенства у входа в Древлехранилище Александро-Невской лавры. Справа от Марии Павловны послушник Федор Морозов.
Фотография ателье Буллы, 16 марта 1910 г. (ЦГАКФФД СПб. Г-1217)

Александро-Невская лавра. Великая княгиня Мария Павловна в сопровождении послушника Федора Морозова подходит к главному подъезду Митрополичьего дома.
Фотография ателье Буллы, 16 марта 1910 г. (ЦГАКФФД СПб. Г-1214)

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский)
напротив старинного иконостаса на хорах Древлехранилища лавры.
Фото К. К. Буллы, конец 1909 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-11603)

Профессора и слушатели Археологического института в Александро-Невской лавре.
Четвертый справа во втором ряду – Федор Михайлович Морозов.
Фотография ателье Буллы, 1911–1913 гг. (ЦГАКФФД СПб. Е-18813)

Послушник Федор Морозов за работой в архиве Александро-Невской лавры.
Фотография ателье Буллы, 1913 г. (ЦГАКФФД СПб. Д-12125)

Директор Петербургского Археологического института Николай Васильевич Покровский.
Фото Я. В. Штейнберга, 1913 г. (ЦГАКФФД СПб. Д-18808)

Участники празднования 35-летия императорского Археологического института в Санкт-Петербурге.
Слева в первом ряду – Федор Михайлович Морозов.
Фотография ателье Буллы, 15 января 1913 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-13090)

Памятная медаль, поднесенная Н. В. Покровскому в честь 35-летнего юбилея
(изображение предоставлено фирмой «Знакъ»)

Псков. Представители Петербургского Археологического института на развалинах старой крепости во время экскурсии.
На каменной кладке стоит Ф. М. Морозов.
Фото из альбома Ф. М. Морозова, май 1911 г.

Братия Александро-Невской лавры во главе с архиепископом Антонием (Храповицким) у лаврских ворот встречает Антиохийского патриарха Григория IV. Иподьякон с патриаршим предносным крестом – послушник Федор Морозов. Фотография ателье Буллы, 20 февраля 1913 г. (ЦГАКФФД СПб. Д-16693)

Александро-Невская лавра. Патриарх Антиохийский Григорий IV в окружении духовенства и чиновников. Второй в третьем ряду справа – послушник Федор Морозов. Фотография ателье Буллы, февраль 1913 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-13433)

Александро-Невская лавра. Патриарх Антиохийский Григорий IV в окружении русских иерархов и лаврской братии в трапезной лавры. Крайний слева во втором ряду – послушник Федор Морозов.
Фотография ателье Буллы, февраль 1913 г. (ЦГАКФФД СПб. Ж-242)

Профессор Илья Александрович Шляпкин за столом с поздравительным адресом, преподнесенным по случаю 30-летнего юбилея его научной и преподавательской деятельности.
Фотография ателье Буллы, 1912 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-18533)

Праздник Крещения Господня. Духовенство Александро-Невской лавры выходит из Троицкого собора «на Иордань».
Справа от епископа – послушник Федор Морозов (с митрополичьим жезлом).
Фотографии ателье Буллы, январь 1908 г. (ЦГАКФФД СПб. Г-14035, Г-1434)

Митрополит Владимир (Богоявленский) в сопровождении духовенства Александро-Невской лавры входит на Никольское кладбище. Справа от митрополита – послушник Федор Морозов.
Фото К. К. Буллы, 2 мая 1913 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-11605)

№ 121 5

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

1913 г. ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГАЗЕТА № 37.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

ЕЖЕДНЕВНО

ТЕЛЕФОНЪ

ТЕЛЕФОНЪ

Конторы

РЕДАКЦІЯ

ПОЛГОДА СО ДНЯ КОНЧИНЫ МИТРОПОЛИТА АНТОНІЯ (2-ГО МАЯ 1913 ГОДА).

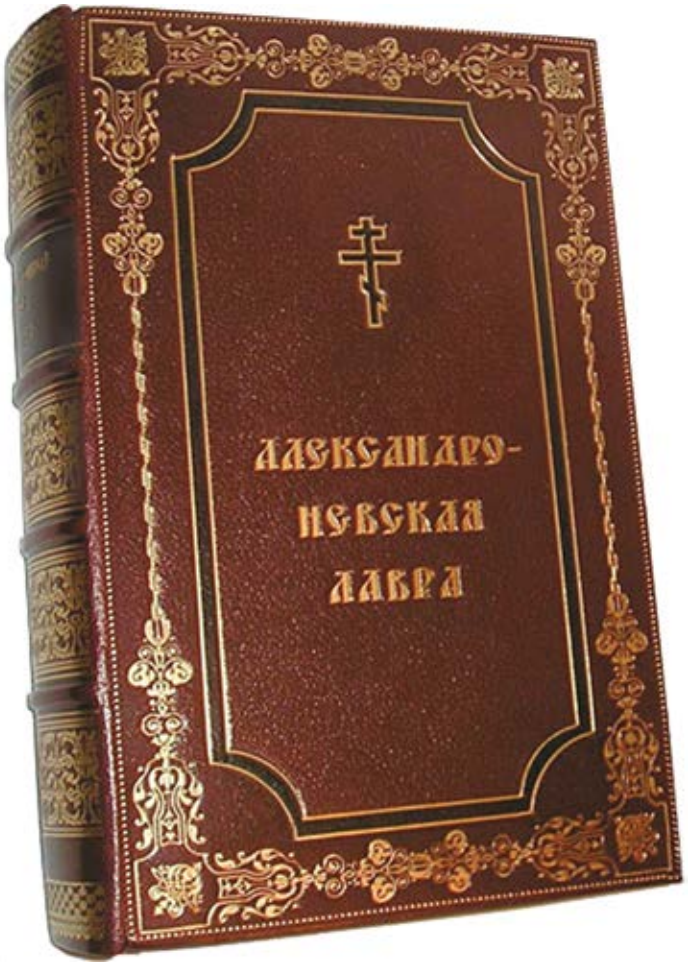
Духовенство Александро-Невской лавры, во главѣ съ митрополитомъ с.-петербургскимъ и ладожскимъ Владиміромъ, слѣдуетъ на кладбище къ могилѣ покойнаго митрополита Антонія.

(Съ фот. К. К. Булла).

Митрополит Владимир (Богоявленский) и группа духовенства на похоронах Экзарха Грузии архиепископа Иннокентия (Беляева) в Александро-Невской лавре. Второй справа от митрополита – послушник Федор Морозов. Фотография ателье Буллы, сентябрь 1913 г. (ЦГАКФФД СПб. Д-17611)

Толпы ликующих манифестантов на Дворцовой площади перед Зимним дворцом в ожидании чтения царского манифеста. Фотография ателье Буллы, 20 июля 1914 г. (ЦГАКФФД СПб. Д-484)

Степан Григорьевич Рункевич



Дорогому профессору Ивану Александровичу Шляпкину приношу свое сердечное, первое, труд в области археологии. Автор 1916. 20/V

Ѳ. Морозовъ.

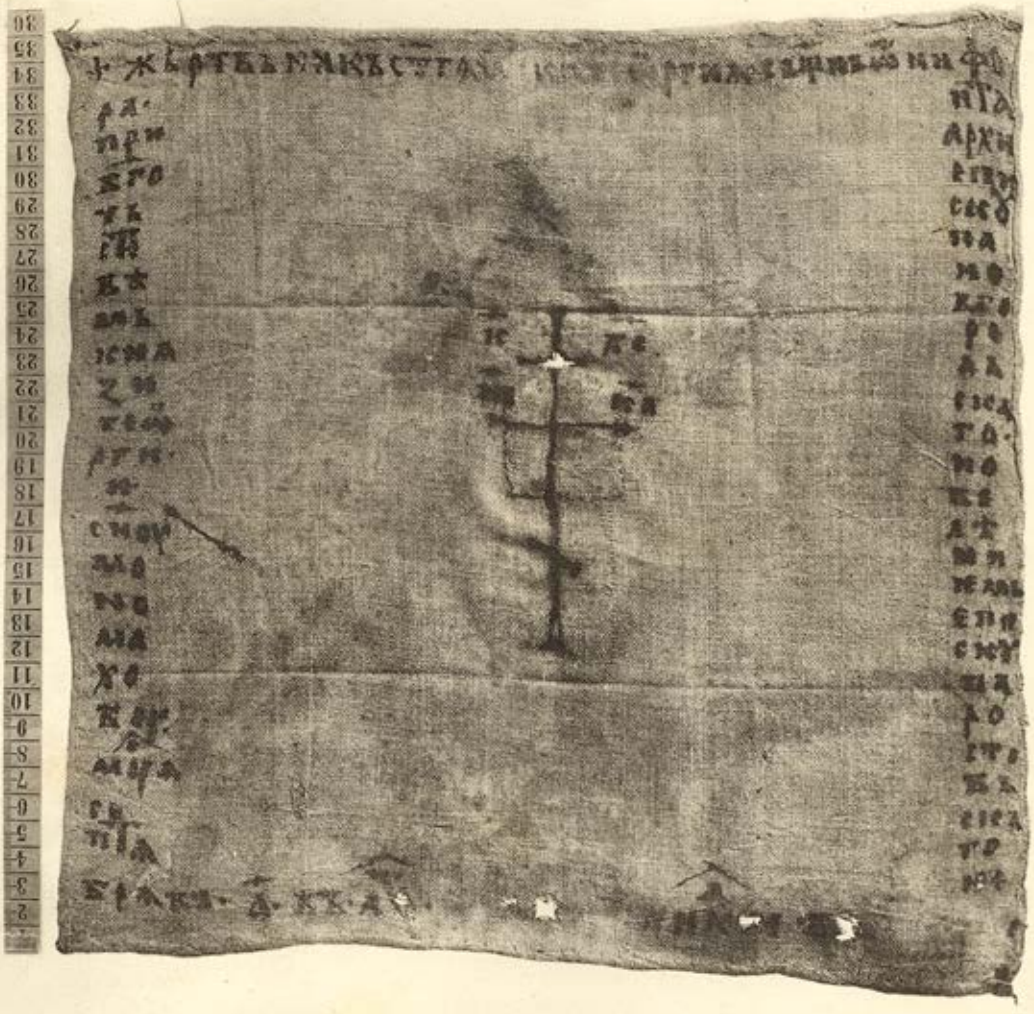
АНТИМИНСЪ

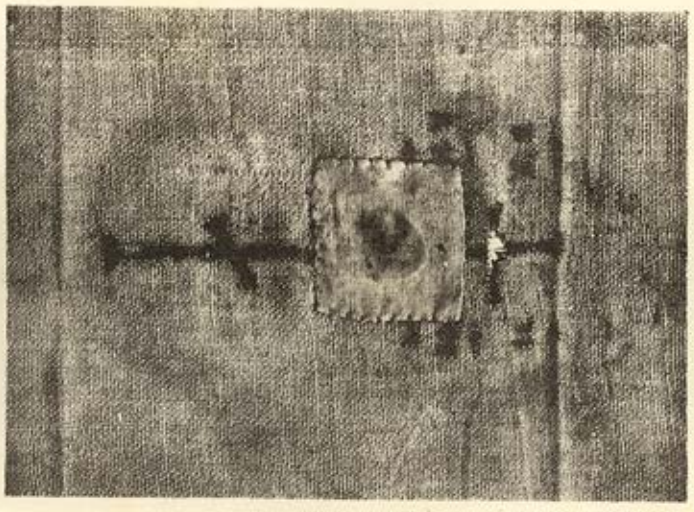
1149 (6657) года.

(Съ двумя таблицами).

БИБЛІОТЕКА № 16205 39 И. А. ШЛЯПКИНА

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. А. Александрова (Надеждинская, 43).
1915.





Антиминсъ 6657 (1149) года.

Митрополит Владимир (Богоявленский)

Архиепископ Сергий (Страгородский)

Фасад здания Санкт-Петербургской духовной академии.
Фото 1900-х гг.

Отряд Серафимовского лазарета и члены комитета Красного Креста
духовно-учебных заведений Российской империи в день отъезда лазарета в Минск.
Фотография ателье Буллы, 9 сентября 1914 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-1417)

Отряд Серафимовского лазарета перед отправкой в Минск. Второй слева во втором ряду – Федор Морозов.
Фотография ателье Буллы, 9 сентября 1914 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-1418)

Старший врач 1-го Серафимовского лазарета иеромонах Николай (Муравьев) и санитар-доброволец Федор Морозов.
Фотография ателье Буллы, 9 сентября 1914 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-1419)

ГЛАВА 2
НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ

Минск

А дорога все шла, бесконечная как война, ведь все военные дороги – тупики.

В. Б. Шкловский

Поздним вечером 11 сентября врачебно-санитарный отряд Серафимовского лазарета прибыл в Минск. Ночью старший врач лазарета иеромонах Николай (Муравьев) отправил в комитет телеграмму: «Встречены любовью и вниманием Минского святителя, заботами ректора и корпорации»[194]. Однако выделенные для лазарета семинарские помещения персонал смог занять лишь на вторые сутки.

Несмотря на то что в городе уже имелось много лечебных заведений, лазарет здесь оказался очень востребован, поэтому его сразу же развернули не на 50, а на 75 коек. Причем имелась возможность при необходимости расшириться еще больше. Помещения лазарета расположились в основном на втором этаже семинарского корпуса и первоначально включали семь палат для больных и раненых (одна для офицеров), операционную, перевязочную, аптеку, кладовую, ванную, две столовые, жилые комнаты для врачей, сестер милосердия и санитаров. Помещения оказались просторными, светлыми, с прекрасной электрической вентиляцией. Персонал расселился в комнатах на первом и втором этаже. Кухню, кладовую и покойницкую устроили в подвале.

Для укомплектования палат и жилых комнат администрация семинарии предоставила 85 коек, 100 матрасов, 202 подушки, 40 ночных столиков. Между тем многое пришлось приобретать на месте. На складах Красного Креста закупили шкафы для инструментов, операционные столы, офицерские кровати, кое-какие вещи для перевязочной, кухни, столовой и пр. Понадобилось также проводить в помещения электрические звонки, в ванной комнате устанавливать кипятильник, ванны, приспособление для мытья тяжелораненых. Ко всему прочему пришлось ремонтировать привезенные из Петрограда прикроватные столики, так как в дороге часть их разбилась, и на всех попортилась краска[195]. Одним словом, первое время занимались обустройством.

17 сентября в присутствии высоких военных чинов и представителей губернской власти состоялось торжественное открытие и освящение лазарета. Однако первые больные и раненые поступили в него лишь в первых числах октября[196]. Так началась для Федора Морозова работа в военно-медицинских учреждениях.

Впрочем, в Минске его ожидало разочарование. Здесь он не нашел той деятельности, к которой стремился. Серафимовский лазарет оказался, по сути, тыловым лечебным заведением – вдали от передовой. Раненых в него доставляли

---

[194] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 81.
[195] Там же. Л. 87.
[196] Там же. Л. 87–88.

немного, в основном больных. Кроме того, старший врач привлек студентов-санитаров к канцелярской работе, которой оказалось чрезвычайно много. Человеку со стороны трудно было даже представить, что в этапном лазарете понадобится столько бумажной работы. Требовалось составлять всевозможные отчеты: раз в день, раз в неделю, раз в две недели, раз в месяц. Необходимо было регистрировать поступающих и выписывающихся, писать просьбы, требования, запросы, ответы, все виды похоронных свидетельств, свидетельства относительно души и имущества, хозяйства и довольствия, свидетельства входящим и выходящим, и прочее, и прочее, и прочее. При этом многие документы готовились в нескольких экземплярах для разных инстанций. Подобные требования были и у хозяйственной части: к складам, Красному Кресту, разным торговцам, отчеты о зарплатах и всех сопутствующих счетах и т. д. Одним словом, нельзя было и шагу ступить, чтобы остался он незаписанным.

И вот вместо оказания помощи истекающему кровью солдату, как мечтал Морозов, приходилось целыми днями большей частью просиживать над заполнением всевозможных бумаг. Естественно, что от такого «служения» душа его скорбела.

Любопытные штрихи к портрету Морозова и некоторые сведения о его деятельности в Минске дает известный еврейский поэт Саул Черниховский, служивший в Серафимовском лазарете младшим врачом. В 1941 году он издал в Иерусалиме небольшой сборник рассказов автобиографического характера, ряд из которых относится ко времени его службы в минском лазарете. Правда, написаны рассказы на иврите[197].

Черниховский с симпатией пишет о Морозове и даже посвящает ему несколько страниц в одном из рассказов. Поэт сообщает, что Морозов, не желая заниматься канцелярской рутиной, настоял, чтобы его освободили от этой работы. Он избрал для себя другую деятельность – просветительскую, «дававшую ему душевное удовлетворение» – занялся небольшой библиотекой, которую еще в Петрограде подготовил для лазарета Учебный комитет при Святейшем Синоде из книг и брошюр назидательного характера. Но вся эта литература без дела лежала на лазаретном складе. Тогда Морозов составил ее каталог и стал выдавать раненым. В свободное от дежурств время он ходил по палатам от кровати к кровати и одним, кто хотел, оставлял книги, другим, по желанию, – садился и читал вслух. Регулярно он делал сообщения о положении в стране и на фронтах, черпая информацию из местных газет и периодических изданий, присылаемых Учебным комитетом. Чтения эти всегда собирали много слушателей. Особый интерес вызывали военные сводки. С началом войны многие газеты, откликаясь на читательский спрос, стали издавать «Экстренные приложения», содержавшие исключительно лишь «Сводку штаба Верховного главнокомандующего». Этим

[197] Рассказы С. Г. Черниховского переведены супругой автора О. В. Щегловой (Александровой).

достигалось то, что новая сводка на пять-шесть часов опережала столичные газеты. Экстренные приложения издавали и некоторые минские газеты. Получив свежий номер «экстры», Морозов старался как можно скорее ознакомить с ее содержанием раненых и больных воинов. Новости быстро разлетались по палатам, особенно о крупных успехах русского или союзнического оружия, вызывая огромное оживление.

В свою очередь, из бесед с ранеными Морозов узнавал о жизни на фронте. Каждый новый поступавший в лазарет, кроме тяжелораненых, конечно, непременно становился объектом расспросов. Особенно охотно солдаты рассказывали о своих ранениях, забывая даже про боль, пережитый страх и страдания. Иной сидит, осунувшись, с мучительным выражением на лице, а спросят его: «Как тебя зацепило?», как вдруг оживится и начнет незатейливый рассказ о бое, о германцах, о ранении. Вот ефрейтор 8-го Московского Гренадерского полка Тимофей Котяев, ранен в руку под Ново-Александрией; рядовой 161-го пехотного Александропольского полка Биляалетдин Зейнулин, получил ранение в бедро под Вислой; вот рядовой 182-го Гороховского полка Сергей Каракулин, ранен в правую ступню на реке Сан; бомбардир 3-й Гренадерской бригады Никифор Гришин, ранен в кисть левой руки у Красненки; штаб-трубач 50-й артиллерийской бригады Александр Кузилов, ранен в правую голень у Павловиц[198]. И у каждого своя история, свои переживания…

Вместе с тем наряду с драматическими и геройскими повествованиями встречались и довольно курьезные истории. Так, например, Морозов во время одного из дежурств стал свидетелем рассказа, поведанного рядовым Лейзеровичем – юным малорослым евреем с «нежным лицом». Поступил он в лазарет с жалобой на боль в плече. Но так как все врачи оказались заняты, Лейзеровича без предварительного осмотра сразу определили в палату. Лишь во время вечернего обхода доктор С. Г. Черниховский принялся выяснять, что с ним случилось:

– Долго ты болеешь?

– Нет, господин врач, только третий день.

– Что с тобой?

– Я не могу, это значит, левое плечо, не могу двигать им, болит.

– У тебя был жар?

– Я не знаю.

– Раньше была боль в плече?

– Нет, никогда.

– Ты прибыл из окопов?

– Нет, только это сейчас шел с моим эшелоном, по пути… В окопе я пока не был.

Лейзерович прибыл в Серафимовский лазарет прямо с поезда, который перевозил его на фронт.

[198] РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778. Л. 16–17 об.

– И все-таки, может, ты лежал на земле? – продолжал расспрашивать Черниховский.

– Да, господин врач, я лежал на земле.

– И от этого болит плечо?

– От этого, да, точно от этого.

Это он сообразил верно, что плечо болит после лежания на земле… И Лейзерович рассказал, что на земле лежал всего несколько минут, может только минуту, но тотчас вскочил и пошел.

Черниховский пытался выяснить, было ли место, на котором он лежал, сырым, или он лежал близко к воде, и вообще – как оказался лежащим на земле, если ехал на поезде, как рассказывал.

И тогда юный солдат поведал, что же с ним приключилось:

– Я, то есть две последние роты полка, стрелковый полк номер шестнадцать, мы ехали позавчера в поезде около станции и остановились ночевать. Нам нужно было ждать там всю ночь. Собрались местные к поезду и начали разговаривать с парнями. И местные рассказали, что в то утро летали немецкие летчики и бросали бомбы. Они остались лежать в поле, недалеко отсюда, всего две-три версты. Тогда парни захотели посмотреть, какие они – бомбы, и двое из них пошли смотреть; примкнул к ним и я. И когда мы уже отдалились от станции в поле, натолкнулись на большое стадо, и на нас напали собаки, сильные, наглые и страшные, а пастухи далеко отсюда. Собаки напали на нас, и мы оказались в беде… Мы вертелись во все стороны…

Лейзерович рассказывал, и все находившиеся в палате, слушали историю, как трое русских солдат – «героев», совершавших путь на фронт, – повернули тыл, все трое, – к их стыду! – и начали убегать со всех сил и на всех парах, пока не отстали от них пастушьи собаки. Во время этого бегства рядовой Лейзерович повалился на землю, растянувшись во всю длину своего маленького роста, – отсюда у него и было право утверждать, что лежал он на земле. Когда он вернулся в вагон поезда, плечо не слушалось…

Черниховский вспоминал, что давно не смеялись так во второй палате, как смеялись в тот раз: «Смеялись сестры, смеялся дежурный солдат, что стоял на входе в палату, смеялся брат милосердия, библиотекарь лазарета, смеялись все раненые»[199].

Помимо библиотеки и чтений, Морозов еще большее душевное удовлетворение получал в перевязочной, где по собственной инициативе занимался обработкой ног прибывавших в лазарет больных и раненых. «Не было в теле поступающих солдат чего-либо более уродливого, чем ступни ног – по виду и по запаху, – писал Черниховский. – Потому что ноги отекают от большого хождения,

[199] *טשרניחובסקי שאול [Черниховский Саул].* שלשים ושלשה ספורים [Тридцать три рассказа]. – תל-אביב: הוצאת שוקן [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. – С. 178–180.

и также нет возможности их помыть»[200]. Каждый поступавший в лазарет солдат в первую очередь препровождался в ванную комнату, откуда выходил вымытым и побритым. Только ступни всегда оставались в неважном состоянии. Грязь с них, конечно, смывалась, но ноги оставались распухшими, желтовато-бледными, с болезненными натоптышами и мозолями на ступнях. Так вот, Морозов, как брат милосердия, нашел для себя занятие в том, что обрабатывал солдатам больные ноги, которыми никто специально не хотел заниматься. Он стал «любителем» этого дела и «занимался с усердием самыми вонючими ногами» – сидел и скоблил. «Как будто скоблил картофель на кухне, – писал Черниховский, – найдя для этой работы наиболее подходящий нож, – нож крепкий, предназначенный для резания гипсовых повязок»[201]. Занимался он этим делом изо дня в день, пока не приводил больные ноги в порядок. Чтобы облегчить Морозову работу, Черниховский придумал для него специальную мазь с химическим элементом, разъедающим плоть. Мазь эта накладывалась на ночь вместе с повязкой на больные ноги для размягчения затвердевших тканей.

Поэт вспоминал, что когда он в послеполуденные часы видел в просторной перевязочной уединенную фигуру Морозова в медицинском халате среди «своего войска», ему казалось, что тот «наслаждается» своей работой. «Но, возможно, мне так только казалось», – добавлял он.

Еще Черниховский пишет, что Морозов очень любил свой знак об окончании Археологического института и всегда носил его на груди. Ему нравилось, что он внешне походил на знак выпускника Военно-медицинской академии, и кто не знал, принимал его за медика.

Во второй половине октября Серафимовский лазарет взбудоражили два чрезвычайных известия. Первое было особенно важным для Морозова. 19 числа из Петрограда пришла телеграмма о том, что лазарету предстоит переместиться ближе к театру военных действий, в связи с чем предполагается преобразовать его в подвижной и передать в непосредственное распоряжение В. М. Пуришкевича, в то время начальника санитарного поезда[202].

Другое известие поступило на следующий день после получения телеграммы. Минский губернатор официально уведомил отца Николая (Муравьева) о том, что 22 октября в Минск прибудет император Николай II, который посетит некоторые лечебные заведения города, в том числе и Серафимовский лазарет. Губернатор просил подготовить все к Высочайшему визиту, а также украсить семинарскую лестницу коврами и цветами.

Для минчан приезд государя являлся событием исключительным, особенно в столь тревожное время. С лихорадочной поспешностью жители бросились украшать город, чтобы придать ему как можно более торжественный

---

[200] *טשרניחובסקי שאול [Черниховский Саул]*. שלשים ושלשה ספורים [Тридцать три рассказа]. – תל-אביב: הוצאת שוקן [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. – С. 203.

[201] Там же. – С. 204.

[202] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 129.

и праздничный вид. Дома, балконы, витрины, перекрестки улиц расцветились национальными флагами, гирляндами зелени, транспарантами, цветными тканями, коврами, портретами государя и царствующего дома. Городские власти соорудили красивые арки: у Александровского вокзала, на углу Губернаторской и Захарьевской улиц, у здания городской управы, на углу Соборной площади, у Полицейского моста и в других местах. На арках красовались надписи: «Добро пожаловать, Великий Государь!», «Слава Русскому Царю!», «Боже, Царя храни!», «Царствуй на славу нам!», «Царствуй на страх врагам!», «Слава русскому воинству!» Ко дню приезда монарха город буквально «потонул в красивом нарядном уборе». Особенно пышно украсили Александровский вокзал: полы в зале первого класса устлали коврами, обставили тропическими растениями и живыми цветами[203]. Не менее усердно к монаршему визиту готовились и в Серафимовском лазарете. Два дня там царила суета. У всего персонала было приподнятое и возбужденное настроение.

Ровно в десять часов утра 22 октября императорский поезд прибыл в Минск. В здании вокзала Николай II принял представителей военного и гражданского ведомства, депутации крестьян, мещанского общества, минской еврейской общины и др. После окончания приема государь под звон колоколов городских храмов проследовал на автомобиле в кафедральный собор, где его встретил епископ Митрофан с сонмом духовенства. В соборе отслужили краткий молебен, после чего Николай II поклонился Минской иконе Божией Матери, приняв в подарок небольшую ее копию. Затем он посетил лазарет Красного Креста имени императрицы Марии Федоровны в доме губернатора и госпиталь на Комаровке. Однако в Серафимовском лазарете государь, очевидно по недостатку времени, не появился, к крайнему огорчению персонала и раненых. В час дня он покинул Минск.

После отъезда Николая II в городе состоялись грандиозные патриотические манифестации, с портретами монарха и национальными флагами. Во главе манифестантов шли учащиеся местных учебных заведений. Многотысячные толпы в течение нескольких часов ходили с пением народного гимна и молитвы «Спаси, Господи, люди твоя» по улицам Минска. При встрече горожане восторженно спрашивали друг друга: «Видели?! Вы видели государя?!!» Вечером в городе была зажжена великолепная иллюминация, на улицы снова вышли толпы народа, и до поздней ночи повсюду слышалось пение гимна и крики «ура»[204].

Морозова, наверно, не столько огорчило непосещение Серафимовского лазарета государем, его он видел уже не раз, сколько то, что не подтвердилось известие о перемещении лазарета в прифронтовой район. Из каких-то личных соображений отец Николай начал хлопотать о том, чтобы лазарет оставили на месте. Еще перед отправкой в Минск он подал на имя великой княжны Татьяны Николаевны прошение с просьбой взять лазарет под свое августейшее

[203] Памятная Книжка Минской губернии на 1915 год. – Мн., 1914. – С. 82.
[204] Там же. – С. 86–89.

покровительство. Тогда, в частности, он писал: «Отряд едет в Минск, но всякую минуту он готов двинуться на передовые позиции и все мы с радостью готовы положить свою жизнь за нашего Обожаемого Монарха, Его Царственную Семью и дорогую Родину»[205]. Теперь же отец Николай не хотел отказываться от той комфортной обстановки, которой пользовался лазарет в стенах Минской духовной семинарии. Уже в середине октября секретарь императрицы Александры Федоровны граф Я. Н. Ростовцев уведомил его, что государыня и великая княжна Татьяна согласились принять Серафимовский лазарет под покровительство последней. Таким образом, старший врач получил возможность решать при необходимости некоторые вопросы, касавшиеся лазарета, минуя комитет Красного Креста духовно-учебных заведений. На следующий день после посещения Минска императором отец Николай спешно засобирался в Петроград, исхлопотав аудиенцию у великой княжны Татьяны, которая приняла его 27 октября в Царском Селе[206]. Вскоре после этого визита Главное управление Российского общества Красного Креста приняло решение о переименовании Серафимовского лазарета из подвижного в этапный[207]. Это означало, что он пока должен был оставаться в Минске…

К тому времени лазарет развернулся уже на 100 коек, число палат было увеличено до девяти, устроена новая дежурная комната, расширена перевязочная. Но несмотря на это, сколько Морозов ни пытался занять себя работой, свободного времени все равно оставалось довольно много, хотя отец Николай в отчетах писал, что лазарет загружен и персонал переутомлен. Возможно, это было и так, но для энергичного Морозова дел не хватало. Не привыкший сидеть сложа руки, он употреблял свободные часы для ознакомления с местными памятниками старины: осматривал минские храмы и святыни, посещал церковный историко-археологический музей, размещавшийся в Юбилейном доме. Впрочем, церковные памятники в Минске были, в основном, католические и униатские, мало интересовавшие Морозова. Его внимание привлекли лишь несколько старинных рукописей, хранившихся в музее: одна угро-влахийская, другая – на церковно-славянском языке с местным наречием, а также пергаментные грамоты с вислыми печатями в деревянных кустодиях[208]. Познакомившись с кем-то из здешних любителей старины, Морозов предложил сделать в Минском церковно-археологическом обществе доклад. Приблизительно в январе 1915 года он сделал сообщение о древних Новгородских памятниках, проиллюстрировав его световыми картинами (150 снимков), привезенными из Петрограда. «Минчанам очень понравилось мое сообщение…, – писал он профессору Шляпкину, – они сроду не видели такого искусства, особенно шитья, и мои снимки совершенно их

[205] РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778. Л. 1.

[206] Там же. Л. 13.

[207] О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 2. – С. 66.

[208] **Кустодия** – металлический, костяной, деревянный и т. п. футляр (коробочка) для защиты от повреждения навесных печатей на старинных грамотах. Кустодии обыкновенно бывали или при печатях большого размера, или при тех актах, которые предназначались для частного употребления.

поразили. <…> Если есть возможность быть полезным для раненых, я стараюсь быть духовно полезен вообще, для ближних»[209]. Присутствовавший во время доклада Минский епископ Митрофан попросил автора повторить свое выступление для учащихся духовной семинарии и женского епархиального училища.

Несколько раз Морозов организовывал чтение «из русской истории» со световыми картинами и для раненых Серафимовского лазарета. Но все же, как ни старался, он не мог найти в Минске деятельности, соответствующей своим душевным устремлениям и энергии, и от того томился. Его все время влекло на передовую, в гущу событий, где была особенная нужда в помощи и сострадании. «Мне очень хочется выбраться из минских болот, – писал он И. А. Шляпкину. – Работы за последнее время мало, а мне хочется работать. Ехать на войну, жертвовать всеми личными интересами, стремиться все время быть занятым одною лишь мыслью – помощи раненым братьям – вот дело всего. Или на войне или дома, а жить в благоустроенном лазарете, с полным комфортом, лучше чем дома, в такое тяжелое время даже предосудительно, стыдно. А в Минске жизнь именно такова, особенно за последнее время. Здесь надо искать работы, а не работа ищет работника. Я не хвалю себя. Устройством чтений для раненых и занятый местными памятниками старины я кое-как заполнял свободное время от лазаретных занятий. Но долго так будет? Чтения надоедают, что выдумать еще? Решил лучше ехать в Петроград, заняться прежней работой, может быть, приготовлюсь к какому-нибудь экзамену в Университете (Западной литературе о Гете), да как-нибудь, с помощью друзей, устроюсь в лазарет, а если Бог пошлет, из Петрограда легче, все же, попасть на позиции, куда меня влечет желание. Там, я чувствую, пригожусь более. Моя расторопность там пригодна и я не страшусь смерти, смерти или за славу родины, или за делом милосердия к ближним истекающим кровью, – невинных страдальцев за честь родины; ради них я готов жертвовать всем и жертвую, тому Бог свидетель…»[210].

Профессор И. А. Шляпкин, пожалуй, был единственным, с кем Морозов в это время поддерживал переписку. Не имея родственников, он мог переписываться только со знакомыми, да и то лишь с теми, кто желал этого. «Совсем меня все покинули, – писал Морозов профессору, – но вот Ваше письмо меня ободрило, порадовало». В своем сиротском положении он особенно ценил сложившиеся теплые отношения со Шляпкиным и его семьей. В письмах он всегда справлялся о самочувствии Ильи Александровича, его супруги, общих знакомых, делился радостями и невзгодами, старался, как и прежде, чем мог быть полезным профессору. Так, например, Шляпкин попросил раздобыть для своей коллекции какие-либо военные трофеи и непременно желал иметь «кайзеровскую» каску. «До сих пор я Вам еще не добыл каски, – извинялся Морозов в одном из писем, – но меня обнадежили, что достанут. Самому никак не случалось видеть. Ездил в Гродно, но не видел пленных немцев. А если встречались

[209] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 19.
[210] Там же. Л. 21 об.–22.

каски, то поломанные. Для Вас есть штык австрийский. Винтовок германских мало, а если есть, то за них запрашивают 15–18 рублей. Во всяком случае, что возможно приобрету»[211].

Уехать из Минска в Петроград и «начать заниматься» Морозов предполагал в феврале. Вместе с тем его волновал слух о призыве льготников. Он хотел «работать на поле битвы» братом милосердия, а не рядовым, считая, что в таком случае лучше поступить в военное училище[212]. Впрочем, пока это был всего лишь слух. Еще он в глубине души надеялся, что лазарет все же переведут ближе к фронту. Однако во второй половине февраля по ходатайству комитета духовно-учебных заведений Главное управление Российского общества Красного Креста приняло решение о переименовании Серафимовского лазарета из этапного в постоянный с предписанием находиться в Минске до конца войны[213].

Оставаться в тыловом лечебном заведении Ф. М. Морозов более уже не видел смысла и 3 марта 1915 года подал иеромонаху Николаю (Муравьеву) прошение об увольнении из состава лазарета. «Расстройство здоровья лишает меня возможности продолжить службу», – писал он, но, видимо, это был лишь формальный предлог. В тот же день отец Николай подписал прошение, выдав удостоверение «относительно усердного прохождения службы в лазарете»[214].

6 марта Ф. М. Морозов покидал Минск. Со своими пожитками он отправился на Виленский вокзал. Здание и перрон были полны народу. Около касс толпились огромные очереди. Повсюду виднелись серые шинели военных, толкался всякий люд, чиновники, сестры милосердия, особенно много беженцев, и все с узлами, корзинами, чемоданами, дорожными мешками. Даже в залах первого и второго класса невозможно было найти места, чтобы присесть, а в третьем – сплошная масса солдат, рабочих, женщин, детей, стариков. Многие сидели и лежали на заплеванном полу. Отовсюду раздавались гомон, смех, пение под гармошку. Где-то истошно плакал ребенок. На перроне и вовсе едва можно было протиснуться – там царили давка и неразбериха. Каждый поезд отходил переполненным, а народу не убавлялось.

С началом войны подобная картина на вокзалах крупных городов наблюдалась практически по всей стране. Создавалось впечатление, что вся Россия всполошилась и куда-то ехала. Десятками лет люди сидели дома, не мечтая даже выбраться в ближайший губернский город. И вдруг – снялись с насиженных мест и поехали кто куда: из Петрограда в Тифлис, из Казани в Варшаву, из Варшавы в Киев… Кто-то ехал на фронт, кто-то с фронта, многие разыскивали по госпиталям сыновей, мужей, братьев, отцов, многих война выгнала из их жилищ и они искали пристанища на чужбине. Сбережения, откладываемые по рублику десятками лет, теперь вынимались из сберегательных касс и тратились на железнодорожные билеты, проживание в чужих городах и меньше всего на еду.

[211] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 22 об.
[212] Там же. Л. 19.
[213] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 158.
[214] Там же. Д. 247-с. Л. 194.

С трудом Морозов протиснулся к поезду и забрался в вагон третьего класса. Раздался свисток кондуктора, паровоз ответил гудком и рванул состав: вагоны вздрогнули и, ударяясь друг о друга, подались вперед. Поезд медленно покатил, прибавил ходу, и вот уже колеса застучали: в Петроград, в Петроград, в Петроград…

Через несколько дней отец Николай (Муравьев) направил в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений ходатайство о награждении Ф. М. Морозова серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте[215]. Однако ходатайство это было лишь принято к сведению.

На Кавказский фронт…

Еще в феврале 1915 года комитет Красного Креста духовно-учебных заведений Российской империи начал организацию подвижного лазарета для Кавказского фронта. Ему, также как и минскому, присвоили имя преподобного Серафима Саровского. Кроме того, по особому ходатайству лазарет был принят под августейшее покровительство цесаревича Алексея Николаевича[216].

Узнав о формировании нового лазарета, отправляющегося на Кавказ, Морозов в надежде, что будет работать на передовой, попросился в его состав. Вместе с ним туда же записался и его товарищ по 1-му Серафимовскому лазарету – Сергей Занфиров[217]. Сделать это было нетрудно, так как в состав комитета Красного Креста духовно-учебных заведений входил профессор Н. В. Покровский, да и председатель, архиепископ Сергий (Страгородский), прекрасно знал лаврского послушника Федора. К тому же Морозов хорошо зарекомендовал себя во время работы в Минске, о чем сообщал в комитет иеромонах Николай. А он, между прочим, был очень недоволен некоторыми студентами-санитарами, давшими повод уже в первом отчете писать, что «поведение их шокирует лечебное заведение»[218].

Комплектованием кавказского Серафимовского лазарета занимался студент IV курса Петроградской духовной академии француз граф Александр дю-Шайла, человек весьма незаурядный. Морозов был знаком с ним, кажется, еще раньше. Переехав в свое время в Россию и живя в Петербурге, дю-Шайла, движимый религиозным искательством, часто встречался с духовными деятелями, в том числе и с митрополитом Антонием (Вадковским). Именно по совету владыки он в 1909 году снял дачу около Оптиной Пустыни, где прожил девять месяцев, близко общаясь с монастырскими старцами.

Предполагалось, что в формируемом лазарете дю-Шайла займет должность заведующего хозяйством, однако незадолго до отправки на Кавказ он

[215] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 50.

[216] О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 2. – С. 67.

[217] **Занфиров Сергей Николаевич** – сын капитана (из дворян Херсонской губернии), выпускник кадетского корпуса.

[218] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-р. Л. 89 об.

отказался. В комитете Красного Креста духовно-учебных заведений в это время планировалось организовать передовой санитарный транспорт имени Серафима Саровского для Юго-Западного фронта, возглавить который и предложили графу.

К концу марта состав 2-го Серафимовского лазарета окончательно сформировался. Возглавил его доктор медицины Вениамин Александрович Белиловский, служивший прежде врачебным инспектором города Пскова. В отряд также вошли: младший врач – доктор медицины Афинского университета Феофилакт Константинович Феофилактос; заведующий хозяйством – чиновник Василий Васильевич Шишов[219]; сестры милосердия петроградской Свято-Троицкой общины Домникия Карашевич (старшая сестра), Анна Иодко, Ольга Храповицкая, Анна Браве, Елизавета Клипперсон и монахини Псковского женского монастыря Виталия (Егорова) и Евлогия (Михайлова). Морозова в состав лазарета зачислили агентом для поручений, а С. Н. Занфирова – старшим санитаром. При лазарете имелся и духовник – студент IV курса Петроградской духовной академии иеромонах Иннокентий (Тихонов)[220], хороший знакомый Морозова, так же, как и он, выпускник Археологического института.

Снова в стенах духовной академии организовали проводы, но уже не так многолюдно и представительно. Война стала восприниматься более обыденно, патриотический восторг заметно поугас. Отъезжающих молитвенно напутствовал митрополит Владимир. На Николаевский вокзал вместе с другими провожающими поехал епископ Анастасий. Так же, как и полгода назад, он стоял и благословлял отходящий поезд.

Второй Серафимовский лазарет отбыл из Петрограда в ночь на 30 марта. Путь лежал через Москву, Курск, Новочеркасск в Петровск, откуда поезда, огибая вдоль каспийского побережья Кавказский хребет, через Дербент и Баку направлялись в Тифлис – главный центр тыла Кавказской армии.

Юг России Морозову был совсем неведом и поэтому дал много ярких красок для новых впечатлений, тем более что там уже наступила настоящая весна. Кавказ сразу очаровал его своими чудесными видами, хотя они и уступали, по его мнению, италийским. А вот Каспийское море, напротив, показалось невзрачным. «Оно не те впечатления дает, которые я уже испытал при виде

[219] До назначения в Серафимовский лазарет В. В. Шишов служил помощником делопроизводителя мобилизационного отдела Главного управления Российского общества Красного Креста.

[220] **Иннокентий** (Борис Дмитриевич Тихонов; 22.05.1889–29.10.1937) – архиепископ. Родился в г. Иркутске. Окончил Томскую духовную семинарию, С.-Петербургскую духовную академию (1911–1915) со степенью кандидата богословия и Археологический институт. В 1913 г. пострижен в монашество и рукоположен в сан иеромонаха. В 1914 г. был духовником в подвозном автомобильном перевязочном отряде; в 1915 г. духовник при 2-м Серафимовском лазарете. В 1915–1916 гг. состоял профессорским стипендиатом Петроградской духовной академии при кафедре Церковной археологии. В 1917 г. поступил в число братии Александро-Невской лавры. В 1918 г. назначен правителем дел Духовного Собора лавры. С 1919 г. занимал должности в Русском отделении Академии истории материальной культуры. В 1921 г. возведен в сан архимандрита. 28 февраля 1922 г. хиротонисан во епископа Ладожского, которым значился до декабря 1922 г., когда был осужден на 2 года ссылки в Архангельский край. В 1923 г. осужден на 2 года ссылки в Туркестан. В 1925 г. осужден на 3 года в Соловецкий лагерь, затем снова находился в ссылке. В 1930 г. назначен епископом Благовещенским. В 1931 г. осужден на 3 года лагерей. 19 сентября 1932 г. уволен на покой. После отбытия заключения 19 октября 1933 г. назначен епископом Старорусским, викарием Новгородской епархии. С января 1937 г. – архиепископ Харьковский. С 23 марта 1937 г. – архиепископ Винницкий. В октябре 1937 г. арестован и в ноябре расстрелян.

Адриатического и Средиземного морей, – писал он из Петровска профессору Шляпкину. – Здесь мертво оно – мало чувствуется мощи моря, оно там, в Италии, дышало своими приливами – здесь этого нет. Вода мутная, зеленая…» Тем не менее для Морозова здесь все было ново, все занимало его – природа, люди. Профессиональным глазом археолога он сразу обратил внимание на многочисленные курганы, встречавшиеся после Ростова вдоль железной дороги, и даже успел сделать несколько снимков. На станциях он наблюдал «любопытные типы кавказцев», беседовал с солдатами идущих с Кавказского фронта эшелонов. Дух у них был бодрый. О военной кампании на Кавказе солдаты отзывались как о спорте, и воспринимали ее не как войну, а просто как «карательную экспедицию». Внимание всех более занимал Западный фронт, германцы[221].

8 апреля Серафимовский лазарет прибыл в Тифлис, где вынужден был задержаться на некоторое время. Здесь персонал лазарета представился главноуполномоченному Красного Креста на Кавказском фронте – камергеру Высочайшего двора Льву Викторовичу Голубеву (1875 – после 1920), через которого решались все вопросы, связанные с деятельностью учреждений, работающих под флагом Красного Креста. Это был средних лет упитанный человек, с бритым румяным лицом и черными на выкате глазами, походивший, по замечанию современника, на «увенчанного гроздьями Силена». С ним персоналу Серафимовского лазарета, и в частности Ф. М. Морозову, предстояло в будущем еще не раз общаться по самым разным вопросам. А сейчас нужно было укомплектовать лазарет санитарами, обеспечить повозками, лошадьми, палатками и другими предметами, которые не успели приобрести в Петрограде вследствие спешной отправки[222]. Так получилось, что основные хлопоты об этом легли на плечи Ф. М. Морозова не только потому, что он состоял агентом для поручений, но и потому, что заведующий хозяйством В. В. Шишов с первых же дней показал себя человеком бездеятельным. Но вскоре выяснилось, что в Тифлисе очень трудно достать все необходимое для доукомплектования лазарета. Приходилось чуть ли ни каждый день ходить в санитарное управление и буквально выпрашивать каждую вещь. Здесь практически невозможно было достать ни хороших лошадей, ни обоза, ни белья, ни многого другого. А время шло…

Впрочем, остановка в Тифлисе дала любознательному Морозову много интересного и полезного. Он решил воспользоваться свободным временем для обозрения города – достопримечательностей и древностей. При этом он не просто осматривал памятники, а делал фотоснимки и даже гипсовые слепки небольших фрагментов декора. К сожалению, древний Тифлис к тому времени мало сохранил старины. Все храмы, начиная с Сионского собора, были перестроены, древнего от них остался лишь один план. Внутри Сионский собор так

[221] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1828. Л. 11.

[222] Обзор деятельности учреждений, состоящего под Высочайшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны, Российского Общества Красного Креста на Кавказском фронте за май, июнь и июль месяц 1915 года. – Тифлис: Электропечатня Тифлисской № 2 тюрьмы, 1915. – С. 52.

же не имел древностей, все было новое: фрески, иконы, иконостас. Одним только грузины гордились, это митрой экзарха, но и та была ценна лишь каменьями. Вот хранившийся в Сионском соборе крест святой Нины – Просветительницы Грузии – действительно являлся большой реликвией. Сделан он был из толстой виноградной лозы и обвит, согласно преданию, волосами подвижницы. Длину имел около 90 сантиметров и ширину – чуть больше 50. Осмотрев реликвию детально, Морозов пришел к выводу, что это собственно не крест, в привычном смысле, а верхняя часть посоха святой Просветительницы. Если крест когда и был, заключил он, то о нем остались лишь воспоминания. Действительно, следы слома в нижней части креста свидетельствовали о том, что он имел некогда большую длину. Однако это нельзя было увидеть простому паломнику, так как крест был обернут парчой и вложен в окованный чеканным серебром киот. Очевидно, Морозову крест показывали в открытом виде.

«Здесь армяне и грузины стараются придать большую древность даже поздним храмам, а истинные древности хранить не умеют, – писал он профессору И. А. Шляпкину. – Жаль, что музеи закрыты, предметы древности из них вывезены в Москву»[223]. И было о чем сожалеть: в тифлисских музеях действительно имелись замечательные собрания. Наибольший интерес, конечно, представлял Кавказский музей, однако его закрыли еще до войны в связи с постройкой нового здания. Интересен был и Церковный музей Грузинской епархии, устроенный при Сионском соборе. Но, увы…

Зато тифлисские антикварные магазины армян и персов изобиловали «предметами старины» – подделками. Наверное, нигде нельзя было встретить такого количества подделок, как здесь.

Побывал Ф. Морозов и в Мцхете, где на него огромное впечатление произвел монастырь. Общаясь с местными священниками, он узнал, что практически у каждого из них имеются древние пергаментные рукописи на грузинском языке, старинные Евангелия и другие церковные книги. Ему показывали эти реликвии, но снимать не давали. Один священник, служивший в храме, построенном Платоном Иоселиани и в нем погребенном, показал Морозову две древние рукописи: одну с «интересными заставками и миниатюрами», а другую «очень интересную» пергаментную. В разговоре священник сказал о первой рукописи: «...если мне денег не дадут, то за дешевку отдам в Музей кавказских древностей». А про пергаментную заявил, что завещал положить рукопись ему под голову в гроб. Услыхав такие речи, Морозов не сдержался и сказал, что тот посягает на большое преступление: «Век Вам будет проклятие за погибель столь великой цены». Он советовал священнику подарить рукопись в музей, а для себя разрешить сделать с нее фотографии. Однако тот снять не позволил. «И сколько подобных батюшек хранят у себя древности, скрывая от глаз посетителя и тая при церкви, краденое, если не ими самими, то предками из храма», – отмечал он с горечью[224].

[223] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 42 об.
[224] Там же. Л. 42 об.–43.

Как-то раз Морозов наблюдал, как по одной из тифлисских улиц вели партию пленных турок. Его совершенно поразило то, что они были больше похожи на оборванцев, чем на солдат. Картину эту он не преминул заснять на фотоаппарат.

Во второй половине апреля Морозов вместе со старшим врачом Белиловским ездил в Дербент, чтобы купить лошадей. Но белье для лазарета и некоторые предметы инвентаря по-прежнему невозможно было нигде достать. 21 апреля Белиловский отправил в Петроград телеграмму уполномоченному комитета Красного Креста духовно-учебных заведений С. А. Родосскому, которого просил привезти все необходимое. А до его приезда Серафимовский лазарет не мог отправиться в район назначения.

В Тифлисе персонал лазарета пополнился еще четырьмя сестрами милосердия (П. Храбровой, М. Наумовой, Л. Ивановой, О. Жданко) и студентами-добровольцами Н. Ф. Жилиным (студентом IV курса Московского университета) и В. Н. Певцовым[225].

«Через 4-е дня отправляемся на позицию, – писал Морозов в начале мая И. А. Шляпкину. – Работать предстоит под огнем. Я верю в Бога. Что же, если суждено мне умереть славной смертью героя, в деле милосердия, то это будет лучшая для меня награда и утешение за все земные горести. Должен же я быть полезным св. Церкви и родине. Надо стряхнуть с себя застой монастыря, где я чувствовал умирание жизни. Я один там был, не было людей, с которых я мог брать пример и ободрение к труду. Здесь все работают на благо ближних, все относятся к делу с любовью, а где любовь к делу, там истинная жизнь. Дорогой Илья Александрович, утешьте хоть Вы несколькими строками письма. Никто не пишет. Скука»[226].

Предположения Морозова на скорый отъезд, однако, снова не оправдались. Родосский приехал в Тифлис только 9 мая, привезя для лазарета белье и кое-какие предметы хозяйства. Но и после его приезда пришлось задержаться еще на неделю.

Когда лазарет, наконец, был укомплектован и готов к отправке, 14 мая экзарх Грузии архиепископ Питирим (Окнов) совершил для его персонала в Тифлисском военном соборе напутственный молебен. На нем присутствовала целая группа высоких гостей во главе с супругой наместника российского императора на Кавказе статс-дамой графиней Е. А. Воронцовой-Дашковой[227].

Еще почти сутки понадобились на погрузку имущества лазарета в специальный товарный поезд с одним пассажирским вагоном третьего класса для персонала. Грузились на станции Навтлуг.

16 мая Серафимовский лазарет отбыл в Карсскую область в распоряжение 2-го Туркестанского армейского корпуса. Из Тифлиса он направился в город

[225] РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 429. Л. 26 об.–27.
[226] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 43.
[227] Обзор деятельности учреждений… – С. 53.

Боржом, откуда по шоссейной дороге двинулся через Ахалкалаки на Ардаган. Там старший врач В. А. Белиловский должен был лично встретиться с командиром корпуса генерал-лейтенантом М. А. Пржевальским для получения дальнейших распоряжений. Переход оказался чрезвычайно трудным. Дороги были запружены войсками, к тому же оказались очень плохи, а местами совершенно отсутствовали. Кроме того, пришлось пробираться через высокие перевалы, горы, ущелья, переходить горные потоки и оползни, образовавшиеся из-за сильных ежедневных дождей. На склонах гор валялись трупы убитых турок. До них никому не было дела, тела никто не убирал и они разлагались, наполняя воздух тошнотворно-сладковатым запахом. Война дорогой чувствовалась все больше и больше…

Прибыв через десять дней в полуразрушенный Ардаган, отряд лазарета временно разместился в доме Бакаджарова. Лазаретный обоз, двигавшийся на 30-ти фургонах, из-за плохих дорог и «отсутствия перевозочных средств на этапных пунктах» сильно отстал. И хотя он еще как-то продвигался благодаря исключительно содействию полковника Жеребцова, его скорого прибытия ожидать было нельзя. Пока дожидались обоза, Белиловский побывал у генерала Пржевальского. Как выяснилось, окончательного решения о месте размещения Серафимовского лазарета принято еще не было. Первоначально командир корпуса хотел отправить его в селение Соляные Ломки, однако командующий армией предложил направить его в Пеняк, так как в Соляных Ломках не имелось для лазарета свободных помещений. Между тем их не оказалось и в Пеняке. Тогда решили разместить лазарет в Ольтах. Но, когда он уже готовился к отбытию, Белиловский в последний момент получил распоряжение отправиться в селение Коссоры Карсской области, где освобождалось место, занимаемое перед этим этапным лазаретом Всероссийского Земского союза. Селение это находилось на полпути между Мерденеком и Ольтами, рядом с большой шоссейной дорогой, по которой шла эвакуация больных и раненых из Ольтинского района.

Сопровождавший отряд Серафимовского лазарета С. А. Родосский распрощался в Ардагане с персоналом и отправился обратно в Петроград. С ним Ф. М. Морозов передал для К. К. Буллы пачку фотопленок, отснятых на Кавказе. Через некоторое время Морозов писал именитому фотографу: «Карл Карлович, я с библиотекарем Петроградской Духовной Академии С. А. Родосским послал Вам пачку пленок для того, чтобы Вы выбрали то, что подходит для журнала. Если получили, сообщите, пожалуйста, доставил ли он их Вам. Если нет, то напомните ему по телефону или пошлите к нему в Духовную Академию. Пожалуйста, мои негативы никому не отдавайте, особенно те, которые у Виктора Карловича. <…> Храни Вас Господь. Всем привет»[228]. Насколько можно судить, Морозов довольно тесно общался с семьей Буллы, но, к сожалению, других материалов об их сотрудничестве разыскать не удалось.

[228] Из личного архива Михаила Анатольевича Парталы (Санкт-Петербург).

Три недели в общей сложности понадобилось Серафимовскому лазарету, чтобы добраться из Тифлиса к месту назначения. Во время этого путешествия Ф. М. Морозов наблюдал, как богатый растительностью красочный кавказский пейзаж постепенно сменялся однообразными видами Армении. Ее обширные холмистые поля навевали монотонную скуку. Можно было проехать десятки верст, а перед взором простирался все один и тот же зеленовато-серый ковер – ни деревца, ни кустика. Редко-редко встречались селения такого же цвета, как поверхность этого необъятного поля, неприметные, теряющиеся на общем ландшафте. Похожие на глиняные бугры жилища часто совершенно не имели вокруг никакой растительности, и лишь кое-где высились груды свеженарезанного кизяка. Среди селений вплотную к саклям ютились кладбища, издали казавшиеся стадами тесно лежащих рыжих и черных коров. Крестов на могилах не было, их заменяли большие камни, обтесанные в виде гробниц. Единственным украшением Армении были горы с их крутыми обрывами, бездонными пропастями, ущельями, сосновыми лесами, горными реками и ручьями[229].

Прибыв 3 июня на место, Серафимовский лазарет буквально за пару дней развернулся на 100 кроватей, начав прием больных и раненых. Расположился он в восьми палатках, две из которых служили перевязочной и аптекой, а остальные предназначались для больных и раненых. Помимо палаток из досок были построены часовня для совершения богослужений, столовая для персонала, барак для команды санитаров, вещевой цейхгауз и навес для прачечной. Персонал разместился в восьми палатках разной величины и двух юртах[230]. Отец Иннокентий и Федор Морозов устроили для себя «палаткообразные шалаши из брезентов».

Селение Коссоры находилось на левом берегу маленькой речки Агундирки, высоко в горах, спускавшихся к ее долине множеством искусственных террас. Однако место это, несмотря на прекрасный горный воздух, оказалось не очень удачным для размещения лазарета. Из-за отдаленности от шоссейной дороги сюда было сложно доставлять больных и раненых. Хотя комендант Коссор устроил к селению хороший подъездной путь, подъем все же был очень крутой и в дождливую погоду ни повозки, ни автомобили не могли по нему проехать, так что больных и раненых приходилось выгружать внизу и нести к палаткам на носилках. Кроме того, работа в лазарете затруднялась тем, что его помещения располагались на нескольких террасах, лежащих на различной высоте.

Впрочем, лазарет в первое время был не сильно загружен, приняв за июнь–июль не многим более 200 человек. Еще в самом начале корпусный врач предупредил, что в Коссоры лазарет направляется временно и скоро будет передвинут ближе к позициям, в горный район. А пока порекомендовал укомплектовать

[229] *Шавельский Г. И., протопресвитер.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. – Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. – Т. 2. – С. 187.

[230] О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 2. – С. 67.

его вьючными носилками, о приобретении которых и завязалась переписка с комитетом Красного Креста духовно-учебных заведений. Однако к огромному огорчению Морозова уже в начале июля деятельность лазарета омрачилась скандалом, возникшим вокруг старшего врача В. А. Белиловского и некоторых сестер. Их предосудительное поведение стало известно и дошло до начальства. Массу нареканий в свой адрес вызывал и заведующий хозяйством В. В. Шишов. Вместе с тем слабая загруженность работой негативно отражалась на персонале: дисциплина упала, начался флирт, интриги и другие неприглядные вещи. Все это выглядело особенно неблаговидно, так как лазарет был сформирован духовным ведомством, носил имя преподобного Серафима Саровского, а также августейшее имя цесаревича Алексея Николаевича.

Одной из первых, не выдержав пошлой жизни Белиловского и опасаясь за репутацию лазарета, забила тревогу сестра милосердия Ольга Храповицкая – племянница архиепископа Антония (Храповицкого), иерарха, широко известного в церковных и светских кругах. Она написала дядюшке письмо, в котором сообщала о происходящих безобразиях и просила повлиять на ситуацию.

Когда известия о нестроениях в лазарете дошли до комитета Красного Креста духовно-учебных заведений, в Коссоры для выяснения обстановки немедленно выехал уполномоченный С. А. Родосский. Положение дел там действительно оказалось «весьма печальным», сообщения о внутренних беспорядках подтвердились. Уполномоченный пришел к неутешительному выводу, что пребывание лазарета на Кавказском фронте бесперспективно. По его мнению, часть персонала необходимо было уволить, а лазарет перевести на Западный фронт, прикомандировав к передовому санитарному транспорту.

Получив сообщение С. А. Родосского, комитет предпринял решительные меры. Белиловский «за несоответствующее его званию поведение» был отстранен от управления лазаретом[231]. Вместе с ним увольнялся и Шишов, правда, оставленный пока при лазарете до прибытия нового завхоза. Уволили также некоторых сестер милосердия и двух вольнонаемных санитаров (С. Н. Занфирова и В. Н. Певцова). Руководство лазаретом временно поручили младшему врачу Ф. К. Феофилактосу, которого уполномоченный аттестовал как человека «высокой честности и нравственности»[232].

Несмотря на принятые меры, дисциплина в лазарете оставалась расшатанной. 17 августа старшая сестра направила архиепископу Сергию (Страгородскому) телеграмму с просьбой убрать из лазарета некоторых сестер. «Не имею права допускать безобразия, которые делают они мне по ночам, гуляют с офицерами, ночью хохот, топот и крики мне делают неприятность. Мои замечания пренебрегают», – писала она[233]. В результате из лазарета отправили еще нескольких сестер и вольнонаемных санитаров.

[231] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 390.
[232] Там же. Л. 372.
[233] Там же. Л. 379.

С отъездом в начале августа части персонала жизнь в лазарете практически замерла: из-за малого количества больных и раненых он почти пустовал. Будущее его оставалось неопределенным. Такое положение дел угнетающе действовало на Морозова, жаждавшего работы, причем работы кипучей. В числе немногих он оказался непричастен к внутренним скандалам и ссорам и очень сильно переживал из-за развала лазаретной жизни. Предполагая, что лазарет в скором времени будет реорганизован и переведен на Западный фронт, Морозов написал письмо архиепископу Сергию (Страгородскому) с просьбой прикомандировать его в качестве брата милосердия в передовой санитарный транспорт. Он, в частности, отмечал, что год работает в лазаретах и имеет хорошие отзывы врачей. «Наконец я мог бы оказывать услугу своей фотографией, – писал Морозов, – запечатлевая беспристрастно жизнь и тем самым деятельность Комитета Духовных Учебных Заведений в нынешнюю отечественную войну, что могло бы быть лучшей ее иллюстрацией. Владыка, Вы меня знаете. Я, как объявлена война, покинул мирную обстановку Лавры, оставил свой архив, а главное занятия в университете, где они последние годы шли успешно. Все это я сделал исключительно для того, чтобы не быть безучастным к жизни родины в настоящее время. Воспитанный Церковью в любви к ближнему я добровольно избрал путь милосердия, не гнушаясь его тяжестью и вот теперь очутившись в бездеятельном лазарете, печально покончившим дни на Кавказе, я остаюсь непричастен ни к какой стороне его, исключительно желая работы и работы, а таковой вовсе нельзя ждать на Кавказе, где бои бывают раз в 2–3 месяца, умоляю Ваше Высокопреосвященство перевести в передовой санитарный транспорт, где я надеюсь принести делу пользу и оправдать Ваше доверие»[234].

Предполагая, что вскоре придется покинуть Кавказ, Морозов сожалел вместе с тем, что не сможет теперь осуществить еще одну заветную мечту – попасть в Константинополь, где он надеялся оказаться вместе с русским десантом, который по слухам планировало командование. Не зная, впрочем, как именно он сможет попасть в десант, Морозов, тем не менее, жил этой мечтой. Он обращался за содействием к секретарю Русского археологического общества Б. В. Фармаковскому, который обещал помочь с устройством в санитарный транспорт при предполагаемом десантном отряде. Однако никаких новостей об этом не было[235].

В бывшую столицу Византийской империи Морозов стремился попасть как археолог-фотограф. Город этот, изобилующий древними христианскими памятниками, завораживал его воображение. И вот теперь мечта, казалось, ускользала безвозвратно…

Желание попасть в Константинополь было не случайным. Отправляясь на Кавказский фронт, Ф. М. Морозов получил от Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины поручение вести регистрацию памятников

[234] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 373 об.–374.
[235] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1828. Л. 1.

церковной старины «путем фотографирования, зарисовывания и определения состояния их сохранности»[236]. Буквально с первого дня пребывания на Кавказе он использовал для этого всякую возможность. Уже за несколько месяцев Морозову удалось сделать самому, а также приобрести у фотографов-профессионалов и любителей много фотоснимков древностей Сванетии, главным образом церковных. Многих памятников, запечатленных на этих фотографиях, к тому времени уже не существовало – они были безвозвратно утеряны. Большинство приобретенных снимков принадлежало, видимо, к фотоработам замечательного русского фотографа Дмитрия Ивановича Ермакова (1845–1916), сделанными им во время поездки по Сванетии в 1912 году. Их можно было приобрести в Тифлисе, где у Ермакова имелись собственные фотоателье. Неутомимый фотограф и путешественник, побывавший в различных уголках Грузии, Армении, Азербайджана, Персии, Турции и северного Кавказа, Д. И. Ермаков создал к тому времени обширные фотографические серии, часть из которых – более 25 тысяч негативов – была опубликована в 1896 и 1901 годах[237]. Одни только церковные древности Кавказа, включающие ландшафтную съемку и репродукции фресок, каменной резьбы в интерьерах и предметов церковного обихода, насчитывали порядка 20 тысяч негативов. По сравнению с таким богатым собранием коллекция Ф. М. Морозова выглядела довольно скромно, составляя в это время около 500 снимков. Впрочем, его задачей была именно регистрация памятников, а фотосъемка являлась лишь одним из средств для этого.

Собственные фотографии развалин храмов и крепостей Морозов сделал, в основном, в окрестностях Ольт, куда выезжал с лазаретными двуколками за ранеными. Снимал он и в Карсе, где также бывал по делам лазарета. Это был чрезвычайно унылый и мрачный на вид город. Низкие каменные домишки, почти сакли, разбитые ухабистые мостовые, полуразвалившиеся длинные стены-заборы, десятка два убогих лавчонок вместо магазинов – вот и все, что именовалось областным городом Карсом, уже почти сорок лет находившимся во владении России. Мрачную картину дополняло отсутствие какой-либо зелени и темные голые скалы хребта, возвышающегося над городом. Согласно местной легенде именно здесь Каин убил своего брата Авеля. Единственное, что могло привлечь в Карсе внимание Морозова, это армянский собор X века и старинная турецкая цитадель, имеющая вид обширного замка с несколькими полукруглыми выступами стен.

Сообщая в это время о своем собрании фотографий профессору С. Ф. Платонову, Морозов писал, что среди «работы делу милосердия» всячески старается

[236] Отчет о деятельности общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1914 и 1915 гг. – Пг., 1916. – С. 10.

[237] *Ермаков Д. И.* Каталог фотографических видов и типов Кавказа, Персии, Европейской и Азиатской Турции: Коллекция из 18-ти тысяч. – Тифлис: Паровая Тип. Штаба Кавказ. воен. округа, 1896. – 333 с.; *Ермаков Д. И.* Каталог фотографических видов и типов Кавказа, Персии, Европейской и Азиатской Турции: Продолжение каталога 1896 года: Коллекция состоит из 25 тысяч видов. – Тифлис: Паровая Тип. Штаба Кавказ. воен. округа, 1901. – 137 с.

быть полезным делу археологии – «помочь настоящим ее труженикам»[238]. Сожалея о том, что его надежды попасть в десант на Константинополь или пройти Армению, фотографируя «богатые развалины храмов», рушатся, он высказывал одно робкое предположение. Морозов спрашивал у профессора, нет ли возможности устроить его при штабе 2-го Туркестанского корпуса, располагавшегося в Ольтах, для работы исключительно по регистрации памятников. В случае же неосуществимости этого, просил помочь с устройством в передовой перевязочный пункт или санитарный транспорт. «Там я могу лишь быть полезен, – писал он. – В тыловых учреждениях много сестер и жизнь там нашему брату очень и очень тяжела, тяжела не в смысле работы, а личная, как мужчины; там на нас смотрят как на лишний элемент. Работать я готов на западе или на Кавказе не щадя жизни лишь бы была работа, а не сиденье и ожидание особых больных как это было у нас в Коссорах, где старший врач приехал не работать, а наслаждаться воздухом, за что правосудие его жестоко хоть и чрез пол года наказало»[239].

Своими переживаниями Морозов делился в это время и с профессором И. А. Шляпкиным. Он писал, что по-прежнему надеется попасть на передовую, что «плохо работать, где много сестер», что сестры «неопрятны и самолюбивы» и большинство врачей свидетельствуют об их непригодности в передовых и этапных лазаретах. Морозов сообщал, что подумывает поступить в школу прапорщиков, но не знает, что для этого нужно и куда обратиться. «Лучше испытать боя за родину, – заключал он, – чем интриг лазарета… Слава Богу, что Бог хранил меня от всех историй..!»[240]

Между тем 20 августа в должность старшего врача лазарета вступил доктор Гергард Фридрихович Холлман – человек серьезный и энергичный[241]. Прибыли новые сестры милосердия. В это же время к лазарету был прикомандирован в качестве зауряд-врача[242] студент Юрьевского университета Александр Михайлович Ткаченко. В его лице Морозов вскоре приобрел хорошего товарища, с которым суждено было в будущем пережить вместе немало невзгод и трудных ситуаций. А вот иеромонах Иннокентий (Тихонов) оставил лазарет. Он отпросился в шестинедельный отпуск, так как с наступлением учебного года ему необходимо было выехать в Петроград для выяснения своего положения «как студента духовной академии». Кроме того, какие-то семейные обстоятельства звали его в Пензу и Томск, где проживали мать-вдова и брат. Перед отъездом он договорился, чтобы вместо него все требы исполнял священник стоявшего по соседству лазарета 5-й Туркестанской стрелковой бригады – иеромонах Иоасаф

[238] ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С. Ф.). Оп. 1. Д. 3593. Л. 1–1 об.

[239] Там же. Л. 2–2 об.

[240] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1828. Л. 1.

[241] Г. Ф. Холлман являлся доктором медицины Юрьевского университета.

[242] **Зауряд-врач** (правильно: «зауряд-военный врач») – аналог воинского звания для наименования зауряд-военно-медицинских чиновников в Российской империи. Звание зауряд-врача присваивалось студентам 4 и 5 курсов мединститутов, медицинских факультетов университетов и Императорской военно-медицинской академии с 1894 г. при назначении к исполнению должности младшего врача при мобилизации войск и в военное время.

со своим церковником. Но богослужебные предметы, принадлежавшие Серафимовскому лазарету – антиминс, дарохранительницу и икону «со святыми мощами», отец Иннокентий отвез в Тифлис, передав на временное хранение Горийскому епископу Антонию (Георгадзе), викарию экзарха Грузии[243]. Выезжая на время, на Кавказ иеромонах Иннокентий уже не вернулся. С его отъездом Морозов потерял единомышленника, с которым сближали не только духовные идеалы, но и общие интересы – как выпускников Археологического института.

Оставил лазарет и Ф. К. Феофилактос, не пожелавший снова переходить на должность младшего врача[244].

С назначением доктора Г. Ф. Холлмана лазарет быстро наполнился больными, и работа в нем оживилась. Старший врач вскоре сообщил в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений, что не видит смысла в переводе Серафимовского лазарета на Западный фронт. По его мнению это было сопряжено с большими трудностями организационного характера, серьезными материальными затратами и громадной потерей времени. Он указывал, что работы хватает и здесь. Если нет раненых, то очень много больных, «которые не менее тех вправе рассчитывать на медицинскую помощь»[245]. И действительно, располагавшиеся по соседству в Коссорах лазареты 5-й Туркестанской бригады и Всероссийского Земского союза буквально не знали отдыха. Больных у них было так много, что даже не хватало помещений. И когда доктор Холлман стал принимать больных в Серафимовский лазарет, врачи-соседи ему были за это очень благодарны. Его предшественник, Белиловский, принимал преимущественно раненых, а больных только по крайней необходимости, и то лишь хирургических. Именно поэтому при Белиловском лазарет большую часть времени пустовал. Но теперь все изменилось – он был полон[246].

Позицию Холлмана поддержал и отец Иннокентий (Тихонов), описав в Петрограде положение дел. В результате лазарет оставили на Кавказе.

В начале сентября старший врач получил телеграмму главноуполномоченного, в которой тот, указывая на распоряжение военного начальства, просил спешно расширить лазарет на 200 коек для принятия тифозных больных. Уже через два дня все необходимое было получено из Карсского склада Красного Креста: два больших госпитальных намета из крепостного госпиталя, дополнительное оборудование и пр. Кроме того, военное ведомство прислало 15 нижних чинов – санитаров, а управление Красного Креста обещало командировать женщину-врача[247]. Вскоре в штате появился и фельдшер – Георг Степанович Погосян.

---

[243] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 107.

[244] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 372.

[245] Там же. Д. 247-р. Л. 385–385 об.

[246] Там же. Л. 385 об.

[247] С 10 сентября по 19 ноября 1915 г. в Серафимовском лазарете работала врач **С. Л. Стояновская**. 7 ноября 1915 г. к лазарету была прикомандирована врач **Хана Шмерковна Шехтер-Ревуцкая**; 29 февраля 1916 г. переведена в 9-й Кавказский передовой отряд младшим врачом; 29 июля 1916 г. командирована в 4-й Кавказский подвижной лазарет; 9 ноября 1916 г. оставила службу по собственному желанию.

Ввиду расширения лазарета доктор Холлман решил перенести его на новое место, несколько ниже, туда, где незадолго до этого располагался ветеринарный лазарет. Его по настоянию Холлмана переместили еще в августе, так как вокруг животных разводились «неимоверные рои мух, грозившие разнесению заразы по всем окрестностям». Новое место оказалось более удобным, так как вся его площадь лежала на одном уровне без значительных уступов, а кроме того, находилось гораздо ниже, что облегчало подвоз больных.

В разгар работ по перенесению и расширению лазарета Ф. М. Морозову пришлось временно принять обязанности заведующего хозяйством. Занимавший эту должность В. В. Шишов, как говорилось, уже в Тифлисе показал себя совершенно бездеятельным человеком. Еще тогда старший врач В. А. Белиловский обратил на это внимание приехавшего из Петрограда С. А. Родосского и просил заменить Шишова другим лицом. Комитет Красного Креста духовно-учебных заведений обещал прислать нового человека и даже называл кандидатуру, однако пока так никто и не появился. По прибытии в Коссоры, во время разворачивания и обустройства лазарета, завхоз тоже практически ничего не делал. И теперь, когда снова начиналась напряженная работа, подобная бездеятельность становилась совершенно недопустимой. Не желая терпеть этого, доктор Холлман обратился к главноуполномоченному Л. В. Голубеву с просьбой принять какие-либо меры. «С Шишовым работать невозможно, буквально ничего не делает», – констатировал старший врач. 10 сентября Голубев отправил в Петроград телеграмму, в которой, свидетельствуя о бездеятельности Шишова, требовал его удаления. Он просил комитет духовно-учебных заведений незамедлительно сообщить, будет ли командирован новый заведующий хозяйством. «В интересах дела необходимо, чтобы таковой срочно выехал, – говорилось в конце телеграммы, – в противном случае буду вынужден заменить Шишова из имеющихся у меня кандидатов»[248]. Из комитета ответили, что новым заведующим назначен выпускник Петроградской духовной академии кандидат богословия Борис Тимофеевич Винник[249], который через несколько дней выезжает на Кавказ.

Пока ожидали нового завхоза ведение хозяйственных дел поручили Ф. М. Морозову, который уже успел зарекомендовать себя человеком ответственным, энергичным и дельным, на которого действительно можно было положиться. Это назначение, хотя и временное, обрадовало Морозова, так как давало поле для деятельности, чем он и поспешил воспользоваться. Занимаясь вопросами переустройства лазарета, Морозов одновременно привел в порядок и лазаретный обоз, пришедший в крайне плачевное состояние. Отсутствие своего кузнеца и плотника, а главным образом бездеятельность Шишова стали

[248] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 64–65.

[249] Перед отправкой на фронт Б. Т. Винник служил преподавателем Мариупольского епархиального женского училища.

причиной того, что большая часть обоза вышла из строя – из трех санитарных двуколок годна была только одна, а из 12 хозяйственных фургонов – половина. Колеса рассохлись и требовали перетягивания, некоторые деревянные части поломались, почти треть лошадей была не подкована и стояла без дела. Благодаря нанятым Морозовым в соседних воинских частях кузнецам и плотникам обоз быстро был приведен в более-менее пригодное состояние. А с появлением собственных кузнеца, плотника и шорника он без проблем начал снабжать лазарет продуктами и топливом[250].

Исключительную энергию и распорядительность Морозов проявил во время переноса и расширения лазарета. Уже 17 сентября лазарет расположился на новом месте, развернувшись на 200 коек, что позволяло выполнять функции терапевтического госпиталя. Однако начать работать в полном объеме он пока не мог, так как из-за спешности больничные палатки были поставлены на землю, без фундамента, и требовали дальнейшего обустройства. Впрочем, пока лазарет переносили, больных в нем находилось немного, а новых почти не поступало.

«У нас полнейшее затишье, – писал Морозов в это время профессору Шляпкину. – Скука страшная. Больные лишь тифом; были холерные, теперь прекратились. О Западном фронте нет ни слуха. Ради Бога, если не затруднит, вышлите для лазарета какие-нибудь старые газеты и побольше журналов. Скоро совсем разучимся читать. Хоть мне здесь уже и хорошо (ныне занимаю должность, кроме брата милосердия, заведующего хозяйством), все же с удовольствием перевелся бы опять на Западный фронт, ближе к огню, в передовой отряд»[251]. Морозов жаловался, что очень болеет душой за лаврский музей и архив. Переживания его были вызваны газетными сообщениями о пожертвованиях монастырей на нужды войны церковных предметов из золота и серебра. Он опасался, что монастырские начальства по невежеству могут погубить «древние церковные вещи». При чтении подобных сообщений, Морозову всякий раз казалось, что монастыри отдают «наиболее ценные исторические археологические памятники, чем те, которые стараются уберечь». Думая о редких экспонатах лаврского музея, он воздыхал: «Как поступят монахи с древностями!? Для них это мусор. <…> Спаси Господи, от уничтожения все древности»[252].

В конце сентября в лазарет прибыл новый заведующий хозяйством Б. Т. Винник, и Морозову пришлось отойти от хозяйственных дел. Несколько недель он томился от скуки, пока снова не нашлось дело, захватившее его. Еще в начале сентября управление Красного Креста предложило Серафимовскому лазарету открыть пункт питания для проходящих между Коссорами и Мерденеком войск. Для размещения пункта было выбрано селение Агундир,

[250] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 256.
[251] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 37.
[252] Там же. Л. 37 об.

находившееся в 19 верстах от лазарета на шоссе Мерденек–Ольты. Место это предпочли неслучайно: селение располагалось у начала огромного подъема, около восьми верст длиной, и проходящие транспорты, напраляющиеся на Мерденек, обычно делали здесь привал, чтобы дать передохнуть лошадям. Кроме того, здание, не требующее больших затрат для оборудования пункта, имелось только в Агундире. Это был каменный дом с каменной оградой вокруг двора, занимаемый отрядом летучей казачьей почты и несколькими стражниками, которых по договоренности с военным начальством перевели в другие помещения. После освобождения здания руководство Серафимовского лазарета немедленно приступило к его обустройству. Помещение, довольно грязное и запущенное, быстро отремонтировали и побелили. Выбитые оконные стекла, за неимением целых, заменили промасленным холстом, часть коридора отделили деревянной перегородкой, устроив помещение для заведующего.

Снабженный необходимым хозяйственным инвентарем и продуктами, питательный пункт уже в конце сентября начал обслуживать проходящие отряды. В нем работали сестра милосердия и три санитара. Уже через несколько недель стало ясно, что пункт находится в нужном месте и его срочно необходимо расширить. Тогда старший врач назначил его заведующим Ф. М. Морозова, которому и поручил переоборудование пункта. С удивительной ревностью принялся Федор Михайлович за это дело, даже взяв на себя часть финансовых расходов. К строительным работам он привлек, кроме санитаров, солдат одного из артиллерийских дивизионов, прикомандированных штабс-капитаном В. И. Мороховцом, «принявшим живейший интерес в деле сооружения пункта». Не прерывая деятельности пункта ни на один день, Морозов сумел в сравнительно короткий срок завершить строительные работы. Теперь пункт стал местом не только для питания, но и для отдыха приболевших в пути воинов. В нем имелись амбулатория с пятью койками-нарами для больных нижних чинов и спальня со столовой для офицеров. На дворе был выстроен деревянный навес для кухни, походного кипятильника и вещевого склада, а также кладовая-погреб для продуктов. Позади дома, между ним и откосом горы, поставили деревянное помещение для ночлега проходящих нижних чинов, в котором могли разместиться до 10–12 человек.

Питательный пункт стал настоящей отрадой для воинов. Здесь проходящие на позиции солдаты, помимо питания, снабжались бельем, брошюрами религиозного содержания, табаком. Больные дополнительно получали галеты и белые сухари. Чтобы представить объем оказываемой помощи, достаточно взглянуть на цифры: со дня открытия 25 сентября до 21 декабря пункт раздал 25 206 порций чая и хлеба. Кроме русских солдат, здесь кормились и пленные курды. Вообще, Серафимовский лазарет никогда не отказывал в помощи местным жителям – курдам и грекам, которые нередко обращались туда со своими просьбами.

Между тем не заладились отношения у старшего врача с новым завхозом Винником. Трения начались, в основном, из-за несогласованности действий.

Винник пытался проявить самостоятельность, а в результате возникал конфликт. Он то без спроса брал себе в помощь санитаров, то самовольно, не уведомив Г. Ф. Холлмана, начинал какие-нибудь работы или неверно выполнял его указания. В общем, с первых же дней вызвал в свой адрес нарекания. Назревавший конфликт достиг кульминации в середине ноября. Причиной стало происшествие, возмутившее практически весь персонал лазарета.

Как-то в отсутствие доктора Холлмана Винник дал старшему санитару распоряжение застрелить двух собак, обитавших в расположении лазарета. По мнению завхоза, они, «будучи сами по себе совершенно бесценны», приносили лазарету вред – «раздражали по утрам и ночью своим лаем, часто наполняли сворою столовую персонала и неутомительно натаскивали в лазарет тряпки и кости падали». Чтобы положить этому конец, Винник приказал вывести собак далеко за территорию лазарета и там пристрелить. Но все случилось иначе. Старший санитар пристрелил одну собаку «на границе лазарета», а другую стал убивать прямо в его расположении, что «произвело весьма неприятное и тяжелое впечатление на некоторых из персонала». Впрочем, вторую собаку ему не удалось убить сразу, и раненое животное со страшным воем убежало с территории. Утром следующего дня собака прибрела в лазарет, видимо по привычке, в надежде, что ей больше не причинят зла. Обнаружив ее, старший санитар вынес собаку далеко за лазарет и четырьмя выстрелами добил. Эти сцены расправы над безобидными дворнягами, к которым все уже давно привыкли, вызвали возмущение и слезы сестер, оставив тяжелый осадок.

Когда старший врач вернулся в лазарет и узнал о происшедшем, он был вне себя. Мало того, что Винник ни с кем не посоветовался, учинив расправу над несчастными собаками, оказалось, что одна из них, та которую добивали на второй день, являлась собственностью Холлмана. В негодовании он заявил Виннику, что служить с ним больше не может и что «вследствие огорчений», полученных им от заведующего хозяйством, сам вынужден оставить лазарет. Кроме того, доктор потребовал, чтобы завхоз написал рапорт на имя главноуполномоченного Л. В. Голубева, с объяснением всех своих проступков, вызывавших нарекания.

В рапорте Винник, хотя и писал откровенно, все же старался несколько оправдать себя, и в частности в связи с последними событиями. Указывая на «бесценность» и «вредность» убитых собак, завхоз также старался подчеркнуть и излишнюю привязанность к ним персонала. Он лукаво замечал, что солдаты, видя слезы сестер милосердия, громко говорили: «А когда в лазарете солдаты умирали, то никто не плакал». Если даже кто-то из солдат и говорил так, то это было просто глупо и нисколько не свидетельствовало о жестокосердии сестер. Просто женщины более чувствительны и эмоциональны, а животных всегда жалко за их беззащитность и беспомощность. В трудных условиях полевой жизни, в которых работал персонал, в соприкосновении с человеческими

страданиями и смертью естественным было искать хоть какую-то отраду в окружающей обстановке. И, наверняка, добродушные, доверчивые собаки, крутившиеся рядом, доставляли немало приятных эмоций. И когда их взяли и убили, да еще у всех на глазах, естественно, это вызвало огорчение и слезы.

Винник, видимо, все-таки чувствовал в душе вину, да и всеобщее отчуждение способствовало этому. В конце рапорта он просил главноуполномоченного уволить его из Серафимовского лазарета и предоставить место «в одном из передовых отрядов, находящихся в самых худших жизненных условиях»[253].

Холлман тоже написал Голубеву, что собирается оставить лазарет, и просил перевести в другое место. Но его просьбу, вызванную эмоциями, главноуполномоченный отклонил.

В начале декабря Винник покинул Серафимовский лазарет и его обязанности снова принял на себя Ф. М. Морозов, оставив в связи с этим заведование пунктом питания[254]. В это время все еще продолжалось обустройство лазарета и подготовка его к зимовке. С приближением холодов число коечных мест уже в начале октября пришлось сократить до 140, так как не хватало печек и материалов для утепления всех палаток и жилых помещений. Еще до приобретения железных походных печек и войлока персоналу пришлось некоторое время померзнуть. Хотя дни стояли теплые, ночной холод становился все более чувствительным, и уже в конце октября по ночам стала замерзать в палатках питьевая вода. Чтобы поддержать тепло, печки приходилось топить непрерывно, но стоило дровам выгореть, как сразу же становилось холодно. Положение немного улучшилось после утепления палаток войлоком: температура стала размереннее, и топлива расходовалось меньше. Тем не менее на нужды лазарета в общей сложности в сутки уходило около 30 пудов дров. До конца октября военные власти разрешали разбирать на топливо разрушенные дома в курдских селениях, но затем пришлось покупать дрова или каменный уголь, добываемый в каменноугольных копях в верстах 15 от Коссор по направлению к Ольтам.

Чтобы довести число коечных мест до требуемых 200, решено было построить дощатый барак. Именно этим и занялся Морозов, вступив в должность завхоза. Все работы производились исключительно своими силами, при помощи санитаров. Завхозу самому приходилось добывать необходимые материалы и лично руководить стройкой. Из-за покатой местности барак пришлось сооружать тремя уступами. Сперва был устроен фундамент, таким же образом, как и у остальных палаток: высотой в пол-аршина, окопанный вокруг неглубоким рвом, чем достигалась относительная теплота и безусловная сухость земляного пола. Фундамент складывался из камней, промежутки между которыми засыпались щебнем и землей, выкопанной изо рва. Затем, после трамбовки и поливки водой, фундамент обсыпали слоем сухой глины и плотно утрамбовывали. Чтобы

[253] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 84–84 об.
[254] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 269.

барак был теплым, Морозов устроил в нем двойные стены, заполнив полость древесными опилками, а брезентовую крышу утеплил изнутри войлоком. Работы, однако, продвигались довольно медленно из-за недостатка рабочих рук, так как лазарет был загружен больными. Лишь к концу декабря постройка была завершена.

Между тем занятый хозяйственными делами Морозов теперь огорчался, что «отдалился от служения раненому солдату, далек стал от работы по перевязочной» и вообще от всего, к чему стремился. В это время началось наступление на турецкий город-крепость Эрзерум, и в Серафимовский лазарет хлынул поток раненых и хирургических больных. Работа в нем носила в основном этапный характер: приходилось перевязывать, кормить и поить, давать уход и ночлег, а затем эвакуировать дальше – в Мерденек. Тяжелораненых и больных, которые не могли перенести дорогу, оставляли в лазарете, некоторым делали операции. Причем, благодаря прекрасному оборудованию операционной и перевязочной, а также присутствию хорошего врача, тяжелораненых иногда оставляли в лазарете на длительное время – вплоть до выздоровления.

До середины февраля приток раненых в лазарет был чрезвычайно интенсивным. Военно-санитарный транспорт доставлял их буквально день и ночь. Привезенных первым делом направляли в перевязочную для осмотра. Некоторые шли сами, других поддерживали санитары, третьих несли на носилках. У каждого нужно было спросить и записать на листок бумаги имя и фамилию, возраст, название воинской части, куда и когда ранен. Этим занимались сестры милосердия. Они же осматривали прибывших и при помощьи санитаров переодевали в чистое лазаретное белье. Поражало, насколько солдаты были завшивлены. Санитар снимал рубаху, а она казалась «живой», столько по ней ползало паразитов. Грязную одежду сворачивали в узел, прикалывали записку с фамилией, названием полка, роты или сотни и выносили в особую кладовую. Затем кому-то делали перевязку, кому-то накладывали гипс, лубок или компресс, кого-то готовили к операции…

Едва успевали разобраться с одними, как уже поступали новые раненые, которых также надлежало опросить, переодеть, осмотреть и обработать раны, проводить к койкам или в операционную. И так, сменяя один другого, проходили вереницей искалеченные, изуродованные страдальцы. У одного ужасная рана – вырван из тела громадный кусок мяса, у другого – перебита кость, третий едва дышит, посинел, весь забинтован, так что сестры не знают, как к нему и подступиться, четвертый обморожен – развязывают ногу, а там синее мертвое мясо. Казак сменяет солдата, солдат – казака… На полу всюду кровавые бинты, вата, разрезанная и разорванная одежда: штаны, гимнастерки, рукава шинелей, распоротые во всю длину сапоги. А в воздухе запах загнившей крови, йода, лекарств, грязного белья и пота.

В палатках, где размещались больные и раненые, шло круглосуточное дежурство. Ночью неспокойно: раненые часто зовут и просят пить, кому-то нужно подложить судно, кто-то, исстрадавшись, просит подсунуть вату под больную ногу или перевернуть его на другой бок, у кого-то начался жар, и он мечется на постели, бредит. Проходит беспокойная ночь, начинается утренний обход, измеряется температура. Плохо спавшие раненые спят теперь. Сестры тихо ставят термометры, а они даже не пошевелятся, измученные бессонной ночью. Но сон их недолог и мало приносит облегчения. Все бледные, глаза загноились, губы сухие, потрескались. Трижды в день необходимо всех накормить. Причем у каждого свой рацион: у тяжелых – один, у легких – другой. Некоторые не могут самостоятельно есть и их нужно кормить с ложки или из специального поильника. А раненых сотни…

Через день-два их отправляют дальше. В палатки приносят обмундирование: сапоги, гимнастерки, романовские полушубки, папахи, башлыки. Санитары вновь переодевают раненых, суетятся, кто-то разыскивает запропавший сапог, шаровары или папаху. Затем спешно меняют постели: все грязное и окровавленное снимают и постилают чистое, чтобы уложить на них до очередной отправки вновь прибывших.

С осени эвакуация из Серафимовского лазарета производилась двуколками 121-го и частично 120-го военно-санитарных транспортов. Легкораненые эвакуировались на мажарах – четырехколесных молоканских фургонах. Однако с наступлением зимы заснеженная и обледеневшая дорога стала опасной, особенно от Агундира до Мерденека, где был очень тяжелый подъем с крутыми поворотами. Зимой этот подъем при скользкой дороге стал почти не преодолим для колесного транспорта да и небезопасен: нагруженные фургоны могли сорваться с кручи, и при этом могли погибнуть или покалечиться люди и лошади. Тогда, в конце декабря, начальник 121-го транспорта доктор Лубо обратился через Г. Ф. Холлмана к главноуполномоченному Красного Креста Голубеву с просьбой о предоставлении в распоряжение транспорта 50 саней, по числу двуколок. Ходатайство удовлетворили, но дали лишь 25 саней, из-за чего транспорту пришлось работать почти без передышки. Шесть саней получил и Серафимовский лазарет. Их оставили на питательном пункте и также использовали для эвакуации. Лазаретные двуколки и фургоны довозили раненых до Агундира, где происходила перепряжка и перегрузка в сани. Когда было необходимо, Морозов по хозяйственным делам ехал с ранеными до Мерденека. Там, в интендантском магазине, закупал продукты и фураж, грузил все на освободившиеся сани и возвращался в Коссоры[255].

Порой раненых пребывало так много, что персонал лазарета не спал по двое-трое суток, буквально выбиваясь из сил. Уже нет мест не только на кроватях,

[255] РГИА. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 270.

но и на полу, а раненых все везут и везут. Только и слышно со всех сторон: «Сестра! Сестра! Санитар!» А у всех усталость, едва ноги передвигают. Но нельзя ни сесть, ни отдохнуть, а нужно идти и помогать несчастным. Вот почему Морозов так переживал, что не мог быть рядом с ними. Впрочем, работы хватало и у него. Нужно было заниматься закупкой и распределением продуктов, фуража, топлива, приобретением медицинских материалов и многим, многим другим. Когда раненых прибывало слишком много, он приспосабливал для ночевок запасные палатки. Еще в конце января Морозов оборудовал под операционное помещение палатку с деревянным полом. Работал он всегда энергично и оперативно, стараясь, чтобы лазарет ни в чем не имел недостатка. А между тем на фронте нередко случалось так, что в госпиталях и лазаретах из-за бездеятельности, равнодушия или воровства завхозов гибли от недоедания и холода раненые, не говоря уже о расстройстве хозяйства вообще[256].

Следует упомянуть, что в январе–феврале 1916 года Тифлис переживал серьезный продовольственный кризис. Особенно остро стоял вопрос с мясом. Чтобы обеспечить мясными продуктами больных и раненых в городских госпиталях и лазаретах, военным властям пришлось прибегнуть к реквизиям: полиция устраивала обыски у торговцев, изымала припрятанное мясо и другие продукты. Вместе с тем возникли перебои с доставкой керосина, несмотря на то, что относительно недалеко находился Баку. Это было связано главным образом с неразберихой на железных дорогах[257]. Естественно, что из Тифлиса продовольствие с перебоями и не в полном объеме поступало и на полевые склады. Между тем Серафимовский лазарет, благодаря Морозову, обеспечивался продуктами прекрасно. Он сумел наладить хорошие отношения с заведующим Карским полевым складом Н. Н. Тарновским и его помощниками, которые высылали лазарету необходимые предметы и продукты хорошего качества без задержек.

В дни эрзерумских боев работа в лазарете была настолько тяжелой и напряженной, что доктор Холлман во второй половине января 1916 года вынужден был «ввиду переутомления» покинуть лазарет. Его место занял врач Николай Константинович Чикаревский – хирург, исполнявший до этого обязанности старшего врача 4-го подвижного Кавказского лазарета имени Забайкальской области. Назначался он с мыслью преобразовать впоследствии Серафимовский лазарет в чисто хирургическое лечебное заведение. Вместе с Чикаревским к лазарету на должность агента для поручений был прикомандирован его родственник Михаил Максимович Миронов. Прибыл и новый заведующий хозяйством – Алексей Михайлович Айгустов, который, впрочем, как и его предшественники, недолго задержался в лазарете. Во время приема у Морозова материальной части Айгустов обратил внимание на то, что до этого не велись инвентарные

[256] *Семина Х. Д.* Трагедия Русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 1-я. – Нью-Мексико, 1963. – С. 128.
[257] Продовольственное совещание // Кавказ. – 1916. – № 33. – С. 4.

и материальные книги. Тогда с ведома Чикаревского начали составлять описи имущества и материалов, имевшихся в наличии на ответственности персонала и санитаров. К 1 февраля описи были закончены, хотя большинство не имело подписей лиц, у которых имущество находилось на руках. Совместно с Ф. М. Морозовым новый завхоз составил акт, в котором отметил, что на имеющееся имущество составлена опись, а до этого книг вовсе не велось. Но с такой формулировкой подписывать акт Морозов отказался, не желая брать на себя ответственность за порядок, или беспорядок, заведенный до него прежними завхозами. Об этом он сообщил Чикаревскому. Тогда старший врач немедленно явился в канцелярию и заявил Айгустову, что приостанавливает сдачу дел и бумаг, находя, что последний «держит себя не как заведующий хозяйством, а как контролер».

В ответ Айгустов попросил Чикаревского письменно уведомить его, отстранен ли он от исполнения своих обязанностей. На это старший врач в официальном отношении ответил: «От таковых Вы не устранены уже потому, что в исполнение таковых еще не вступили, отстранение Вас от должности заведующего хозяйством Серафимовского лазарета может последовать по распоряжению Главноуполномоченного; мною лишь приостановлена сдача Вам лазаретного хозяйства и дел по причинам, о которых мною донесено Главноуполномоченному впредь до распоряжения Главноуполномоченного по сему предмету»[258].

Айгустов так и не вступил в управление хозяйством лазарета, уволившись оттуда вскоре по собственному желанию. Обязанности завхоза продолжил исполнять Ф. М. Морозов. Но ему, как уже говорилось, в это время хотелось работать по санитарной части, среди больных и раненых. Федор Михайлович даже написал в управление Красного Креста, чтобы его освободили от хозяйственных дел, зная, что есть много желающих занять подобную должность «даже из местных князьков кавказских».

В то же время, Морозов, как и прежде, все еще хотел попасть в передовой отряд на Западный фронт, в частности в лазарет Высших учебных заведений. «Самое лучшее работать в передовых отрядах, тех районах, где идут бои, – писал он И. А. Шляпкину. – В тыловых подвижных лазаретах однообразие, скука, ссоры персонала, недовольство – все отравляет всякую трудоспособность, а главное, когда нет работы, начинается флирт. В жизни своего лазарета я много видел перемен и разных неприятных картин, повлекших 3 раза полную смену всего состава лазарета с врачами и лишь я один, как камень залег, и ничто не сдвинет. Единственно, что меня еще держит здесь – развалины храмов и крепостей. На Ольтинском направлении осталось снять 7 церквей-развалин, из них особенно интересен храм в Ишханахе – это в пределах Турции, занятой нами. Думаю через месяца 1 ½ побывать в России, а потом переехать на Эчьмиадзин, там переснять предметы музея и библиотеки Патриарха (каталикоса). Я собрал

[258] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 98–98 об.

700 фотографических снимков с древностей Кавказа, особенно церковных древностей Сванетии»[259].

Бывая в разных местах по делам лазарета, Морозов неизменно расспрашивал местное население о древних архитектурных памятниках, главным образом христианских. Получив информацию о том или ином памятнике, он при случае ехал туда, делал фотоснимки и записи, отмечая предположительное время постройки, особенности архитектуры и пр. Снимки некоторых храмов он пересылал С. Ф. Платонову, И. А. Шляпкину и другим знакомым, интересующимся древностями. Так, в одном из писем профессору Шляпкину Морозов писал: «Вот снимок развалин древнего храма – общий вид и внутренний. Есть дата, хоть и поздняя – 420 г. по магометанскому летоисчислению. План храма – круглый; состоит из 2-х вписанных один в другой кругов; промежуток между которыми образует галерею. Красивые римские колонны украшают апсиду и другие части храма. Есть еще несколько храмов; из них очень интересен Ишханах. Еду туда, сниму, если по пути не попадутся турки, так как они находятся близко. Ишханы богатое турецко-греческое селение. Есть мечеть и развалины храма. Пробовал спрашивать у курдов и греков какие-нибудь древности – ничего не оказалось»[260]. Храм Ишханак в одноименном селении, о котором упоминал Морозов, являлся действительно замечательным памятником древнего зодчества, привлекавшим некогда своей красотой множество паломников. Возведен он был в VII веке местным князем Нерсесом, ставшим впоследствии главой Армянской церкви и прозванным потомками за любовь к храмовому зодчеству Строителем.

В начале февраля Морозов побывал и в Эрзеруме, только что занятом русскими войсками. Это был важнейший город Азиатской Турции, считавшийся «ключом» к восточным областям Оттоманской империи. Своего значения и цветущего состояния он достиг благодаря тому, что находился на главном сухопутном торговом пути между Востоком и Западом, служа основным местом для склада товаров и привала караванов. Расположенный в лощине между гор, покрытых большую часть года снегом, окруженный двойной стеной и глубокими рвами, город считался почти неприступным. В южной его части находилась древняя цитадель, в которой до прихода русских жил паша. Турки возлагали на Эрзерум большие надежды в стратегическом отношении, поэтому его падение стало для них настоящим потрясением.

Едва город был занят нашими войсками, как Морозов поспешил туда с каким-то делом, чтобы осмотреть его древности. Путь в Эрзерум оказался нелегким и занял немало времени. По дорогам в обоих направлениях двигался нескончаемый поток обозов. Гремя колесами, катили запряженные лошадьми высокие военные телеги, парные двуколки, молоканские фургоны, тяжело нагруженные

[259] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 17–18.
[260] Там же. Д. 1828. Л. 2.

ящиками, связками и тюками, двуколки с красными крестами на бортах, важно шагали длинные караваны верблюдов в цветных расшитых имитацией бирюзы и коралла недоузках, колесили со скрипом всевозможные повозки, арбы, запряженные буйволами, ослами и мулами. Ехали верхом, обгоняя транспорты, бородатые казаки в бараньих папахах, шагали солдаты, возвращавшиеся к частям из госпиталей или присланные для пополнения рядов. Вся эта масса людей, повозок, животных с раннего утра до поздних сумерек двигалась бесконечной лентой по большому эрзерумскому тракту. С наступлением темноты движение начинало замирать. Транспорты десятками сворачивали на этапы в развалины турецких селений или становились таборами у обочин там, где их застигала морозная ночь. Обозники раскладывали костры, ставили походные треноги, набивали снегом котелки, варили чай или кашу. У костров слышалось похлопывание рук, смех, говор, крепкое русское словцо. Но постепенно шум стихал и все погружались в сон, чтобы с рассветом снова двинуться в путь…

Хваленые эрзерумские дороги, между тем, оказались чрезвычайно плохи. В особенности трудно было пробираться через перевалы, где лежал глубокий снег и было очень холодно. Вообще, эрзерумский климат отличался большой суровостью, особенно в зимние месяцы, так что его даже называли малоазийской Сибирью.

Дороги, по которым шли обозы, представляли собой сплошное кладбище животных. По обочинам валялись трупы верблюдов, лошадей, ослов, рогатого скота и овец, погибших частью от пуль, частью от истощения и холода, а еще чаще от страшного напряжения сил. И чем ближе к Эрзеруму, тем трупов становилось больше, причем не только животных. «Склоны гор покрыты трупами замерзших турок, – делился впечатлениями Морозов. – Раненых нет, а все мерзлые. Что с ними? Правда, они совершенные оборванцы; теплого нет ничего на них. Раздевают наших убитых или раненых и одеваются сами»[261].

Немало в горах лежало засыпанных снегом и русских солдат, погибших от холода и ран во время эрзерумских боев. Но сейчас было не до них. Лишь весной, когда стает снег, выкопают огромные ямы и свалят туда всех, известных и неизвестных. А в деревнях тем временем будут ждать весточки от сына или мужа, в надежде, что он лежит где-то в госпитале или, быть может, едет теперь домой…

Сопровождаемые этими молчаливыми жертвами войны, обозы въезжали в мрачные тоннели Карсских ворот в высокой стене Эрзерума. Сам город выглядел угрюмо и неприветливо. Угрюмость ему отчасти придавала своеобразная архитектура: приземистые дома с маленькими окнами и плоскими, покрытыми дерном, крышами, а отчасти цвет камня, из которого строились здания. Первое, что бросалось в глаза и поражало приезжих, это то, насколько город был загажен – он

[261] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 18 об.

буквально утопал в навозе и мусоре. Морозов чрезвычайно дивился, как турки могли жить в такой невероятной грязи. Складывалось впечатление, что дворы, улицы, площади не очищались десятилетиями, а то и веками.

Такое ужасное санитарное состояние города вызывало серьезные опасения у военных властей. Скопление войск и транспортных отрядов, расквартированных в грязных домах Эрзерума, угрожало развитием эпидемий. Пока стояли морозы, заболеваний не наблюдалось, но с наступлением весны можно было ожидать их широкого распространения. Тем более что в минувшем году в Эрзеруме переболела сыпным тифом чуть ли не большая часть населения. Ввиду этого военно-санитарная служба незамедлительно начала принимать энергичные меры по очистке города и дезинфекции помещений. И вот, вместо отдыха после изнурительных боев, нашим солдатам приходилось целыми днями заниматься уборкой дворов и улиц.

Морозов бродил по Эрзеруму, осматривая, в первую очередь, мечети, так как турки устраивали их, как правило, переделывая христианские храмы. В городе насчитывалось более сорока мечетей, самая большая – Улайяма-Джами с тонкими и стройными минаретами. До VI века город принадлежал грекам, поэтому Морозов рассчитывал найти в нем остатки древних христианских памятников.

В поисках приходилось полагаться исключительно на профессиональное чутье, так как расспросить о древностях особо было некого. На улицах, кроме русских солдат, почти не встречалось местных жителей. Эрзерум казался обезлюдевшим. Из почти 100-тысячного населения к приходу русских в нем осталось всего 20–25 тысяч. Да и оставшиеся сидели, большей частью, за массивными дверями своих угрюмых жилищ, под охраной наклеенных у входа записок, за подписью русских военных властей: «Мирный житель такой-то». Остальное население либо бежало, либо было выселено еще в середине минувшего года. Выселили, естественно, армян. Их собралось и отправилось в путь почти 20 тысяч – мужчин, женщин, стариков, детей, взявших с собой лишь самое необходимое имущество и драгоценности. Однако до места назначения дошли немногие, большинство погибло в дороге, в основном от рук турок и курдов[262]. В армянской части города все лавки были разрушены, а на главной улице дома представляли собой сплошные почерневшие от пожарищ развалины. Не уцелели от разгрома и турецкие магазины, в чем постарались уже русские солдаты. От этого торговая жизнь в городе совершенно замерла, а вместе с ней и всякое оживление.

Поиски Морозова все же не остались бесплодными. Он обнаружил две любопытные мечети, бывшие ранее христианскими храмами, причем один из них относился ко времени императора Феодосия Великого (IV в.). В мечети, которая располагалась во дворе артиллерийских казарм, Морозов нашел очень

[262] Эрзерум. (Из бесед с князем А. М. Аргутинским) // Кавказское слово. – 1916. – № 45. – С. 2.

красивый рельефный декор. Однако вся постройка была в ужасной грязи, стояла в запустении и близ нее выливали помои[263]. Когда-то на этом месте размещался древний христианский монастырь, обращенный турками в арсенал, а его церковь – в мечеть.

По пути из Эрзерума, имея, видимо, больше свободного времени, Морозов заходил в попадавшиеся селения, где также разыскивал древности. В одной из армянских церквей он обнаружил старое греческое Евангелие, предположительно конца XVI века, писанное на бумаге в два ряда и имевшее заставки в виде плетеного орнамента. Особенно любопытной находкой в развалинах одного храма оказалась «колонна святых», с восьмью фигурами, среди которых имелось редкое изображение святого Христофора с собачьей головой. Немалый интерес представляли и надмогильные фигуры на курдских кладбищах.

Все виденные памятники Морозов фотографировал. К этому времени его коллекция уже насчитывала 800 снимков: 200 собственных и 600 приобретенных или специально заказанных – целый фотографический музей, по его собственному выражению. Он мечтал по приезде в Петроград устроить из собранных фотоматериалов выставку в Археологическом институте.

По дороге из Эрзерума Морозов писал профессору Шляпкину: «Здесь нельзя приобрести ничего из вещевых памятников, так как их нет. Турки не придают значения памятникам старины, а если попадется какой-нибудь памятник в руки армян, в особенности, если он грузинский и имеются надписи – сейчас армяне собьют надпись и впишут свою. Страшное желание армян все памятники старины присваивать себе, хоть и не имеют на то никаких исторических оснований. Хорошо бы еще так, но зачем разрушать»[264].

Эти строки Морозов писал, находясь в большом турецком селении Ида, где вынужденно провел несколько дней. Прошедшие обильные снегопады сделали непроходимым перевал через Гей-даг, поэтому нужно было ждать, пока дорогу расчистят.

Вскоре после возвращения Морозова из Эрзерума решился вопрос с заведующим хозяйством. В конце февраля на эту должность управление Красного Креста назначило М. М. Миронова[265].

Во время наступательного продвижения 2-го Туркестанского корпуса вглубь Турции Серафимовский лазарет значительно отдалился от места боев, поэтому раненые часто поступали уже в таком состоянии, что оперировать их было поздно. Это обстоятельство показывало, что расположение лазарета в глубоком тылу лишало его возможности выполнять специальные задачи.

В конце февраля 1916 года бои затихли, но вспыхнула эпидемия сыпного и возвратного тифов. Причиной, как и опасались, стало занятие русскими частями

[263] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 39.

[264] Там же. Л. 39 об.

[265] О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 30. – С. 754.

инфицированных помещений в завоеванных областях и общее утомление наших войск. В это время в Серафимовском лазарете усиленно работало инфекционное отделение на 50 коек. Однако, когда сыпным тифом заболели врач Лизета Моисеевна Котлер, сестра милосердия Лина Кляустин-Звирба и два санитара, один из которых умер, Чикаревский в конце марта закрыл тифозное отделение. Это было сделано еще и потому, что подобное отделение имелось в лазарете Земского союза в Ольтах.

К апрелю, когда дороги подсохли и стали легко проходимыми, эвакуация раненых и больных из Ольт в Мерденек установилась, минуя Коссоры, так что лазарет оказался совсем мало загружен. Это привело к тому, что имея 200 коек, будучи хорошо оборудован, располагая обозом и достаточным количеством санитаров, но оказавшись далеко в тылу, он нес большие затраты на ничтожную работу. Такое положение воспринималось руководством лазарета как весьма прискорбное. Оставаться в Коссорах и обслуживать 20–30 человек, при том, что рядом стоял этапный лазарет Земского союза на 100 коек, а на других направлениях ощущалась нужда в лечебных заведениях, было, по меньшей мере, странным. Старший врач Н. К. Чикаревский специально даже ездил в штаб корпуса, где просил корпусного врача Максимовича о предоставлении лазарету «возможности наиболее продуктивно использовать свои силы работой в более оживленном месте, например, Ольтах или Зарданесе». Однако, по убеждению Чикаревского, его приезд не очень понравился корпусному врачу – «прием его нельзя было назвать теплым, а отношение к учреждениям Красного Креста благоприятным». Во время разговора Максимович дал понять, что больше расположен к лечебным заведениям Земского союза. «От этой поездки у меня на душе остался горький осадок и тяжелое впечатление, – вспоминал Чикаревский, – однако я примирился с установившимся положением и продолжал работу»[266]. Но, когда началось массовое передвижение лазаретов и врачебно-питательных отрядов, он снова решил поднять вопрос о перемещении Серафимовского лазарета на другой участок.

На этот раз Чикаревский решил обратиться напрямую к главноуполномоченному Красного Креста на Кавказском фронте Л. В. Голубеву. Он просил его приехать и убедиться на месте, что дальнейшее пребывание лазарета в Коссорах оправдывается слишком ничтожной необходимостью и что передвижение в другой район явилось бы более целесообразным. «В районе расположения 2-го корпуса, по моему мнению, – писал Чикаревский, – нуждающимся в нашей помощи районом является или Зарданес или Ольты. Но было бы лучше, если бы лазарет покинул совершенно район 2-го корпуса. Кроме того, прошу Ваше Превосходительство обратить внимание на то, что постановка одного богатого оборудованием лазарета в тылу у другого менее оборудованного лишает его

[266] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 101 об.

выполнения возложенных на него специальных задач»[267]. Мнение и желание Чикаревского целиком поддерживал Морозов.

В середине апреля главноуполномоченный обратился к командующему 2-м корпусом с вопросом, не найдется ли возможность передвинуть Серафимовский лазарет дальше вперед, где его хирургическая помощь могла бы быть использована. На это корпусный врач Максимович ответил, что лазарет в ближайшее время будет продвинут в долину реки Тормум-чая[268].

В конце апреля Чикаревский писал Голубеву: «Вчера я ездил в Ольты, где узнал от старшего врача 2[-го] лазарета, что нас собираются двинуть куда-то очень далеко, но Максимович – корпусный врач – не воздержался от нареканий по адресу моему, Красного Креста и Вашему за то, что мешаем ему бездельно держать нас в Коссорах. Мне очень хочется, чтобы Серафимовский лазарет делал во много раз больше, чем он делает, и это возможно. Поэтому-то я очень хочу видеться с Вами лично и переговорить о делах лазарета»[269].

В то время, когда Чикаревский настойчиво добивался перевода лазарета у местного медицинского и военного начальства, Морозов, выехавший 28 марта в Петроград, информировал о сложившейся ситуации комитет Красного Креста духовно-учебных заведений. Тогда в комитете возникла идея перевести лазарет в только что завоеванный Трапезунд (ныне Трабзон). Этот турецкий город, расположенный на берегу Черного моря, находился недалеко от зоны боевых действий и служил на Анатолийском побережье узловым пунктом эвакуации больных и раненых. Инициатором идеи, видимо, стал бывший врач Серафимовского лазарета грек Феофилактос, который до войны имел в Трапезунде собственный дом и теперь, после изгнания турок, на радостях был готов уступить его под лазарет.

Так как появилась реальная перспектива передвижения Серафимовского лазарета, Морозов попросил комитет приобрести и прислать походную церковь с холщовым иконостасом. Он также начал переговоры о покупке для лазарета рентгеновского оборудования и переносной динамо-машины. Приобрести рентген для лазарета просил еще доктор Белиловский, однако после его отстранения от должности старшего врача вопрос больше не поднимался. Теперь же Морозов вновь инициировал его, узнав, что комитет выделил отцу Николаю (Муравьеву) деньги на приобретение рентгеновского кабинета в Минск. Морозов уведомил телеграммой о своих намерениях Чикаревского, однако тот отнесся к идее скептически[270]. По всей видимости, и в комитете не имелось необходимых средств. Тогда Морозов стал просить, чтобы рентгеновский кабинет забрали у отца Николая и передали кавказскому Серафимовскому лазарету[271]. Мотивировал он это тем, что в Минске провести рентгеновское обследование раненого несложно,

[267] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 101–101 об.
[268] Там же. Л. 102–103.
[269] Там же. Л. 104–104 об.
[270] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 326.
[271] Там же. 247-с. Л. 324.

так как рентгеновские кабинеты имелись там в других лечебных заведениях, например в Земской больнице. А вот в условиях походной жизни отсутствие рентгена являлось действительно большой проблемой, особенно для хирургического лазарета.

«Вырвался на неделю в Петроград, – писал в эти дни Морозов профессору И. А. Шляпкину, – и первая мысль была посетить Вас. Масса поручений по делам лазарета не дала возможности осуществить намерение. Очень жалею, но я теперь покоен, узнав, что Вы здоровы. <…> Наш лазарет переводят в Трапезунд – вот где поработаю по археологии! <…> Общество защиты памятников старины в России хлопочет о переводе меня в Штаб Кавказской армии на предмет охраны старины в занимаемых нашими войсками городах и местностях»[272].

Больше года Морозов не был в Петрограде. Город за это время изменился даже внешне: как-то погрязнел, опустился. Народу в нем заметно поприбавилось. В трамваи попасть было возможно лишь с большими усилиями, а извозчиков стало до того мало, что можно было пройти две-три улицы и не встретить ни одного. Цены на все поднялись неимоверно. Изменилось и общее настроение публики: она стала злобнее и революционней. О войне говорили мало, в основном о государственных проблемах, ругали царскую власть, особенно царицу, без конца пересказывали всевозможные слухи и сплетни.

«Узнать нельзя нашу публику в городах, – делился впечатлениями вернувшийся на Кавказский фронт из отпуска один из офицеров. – Все какие-то взвинченные! Говорят совсем не то, что говорили раньше, до войны. Всюду пьянство, разврат! Куда ни придешь, мужья и жены или разводятся или уже развелись! Дети в семьях стали лишними, матерям смотреть за ними некогда! А рестораны полны веселой, нарядной публикой. У всех деньги без счету. Походил я по кабакам и ресторанам (для этого и поехал!). И насмотрелся!! Одеты, как модные картинки или под восточного бандита – с целым арсеналом оружия на нем… Это все спекулянты – коршуны, питающиеся и жиреющие на трупах жертв войны!.. Прямо скажу я вам, господа: я рад, что вернулся сюда, в тихое, святое место!»[273]

В «тихое» и «святое место» 25 апреля выехал из Петрограда и Морозов с различными грузами для Серафимовского лазарета. Среди прочего он вез подарки, пожалованные лазарету от имени цесаревича Алексея Николаевича: портрет царственного наследника, 24 экземпляра Евангелий и серебряных образков для служебного персонала, 450 экземпляров Евангелий, металлические образки и папиросы – для санитаров и раненых воинов[274].

---

[272] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 24.

[273] *Семина Х. Д.* Трагедия Русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 2-я. Поход на Мосул. – Нью-Мексико, 1964. – С. 54–55.

[274] РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 803. Л. 18-а.

27 числа Морозов был уже в Тифлисе, где в тот же день встретился с новым экзархом Грузии архиепископом Платоном (Рождественским). В беседе с владыкой он, в частности, рассказал о жизни Серафимовского лазарета, о его теперешнем положении и о желании перевести его в Трапезунд. Экзарх пообещал похлопотать об этом.

Из Тифлиса Морозов железной дорогой выехал в Карс, откуда по «дековильке»[275] добрался до Мерденека. Селение в это время года утопало в грязи, поскольку располагалось на краю широкой плоской долины реки, разливавшейся весной на десятки верст вокруг. Во время разлива улицы и дворы превращались в сплошную грязевую жижу, а плотина, по которой проходила единственная дорога на Ольты, становилась временами почти непреодолимой для животных и пешеходов. Здесь постоянно образовывался затор: в жидкой и липкой грязи, доходившей порой до колен, застревали сбивавшиеся в несколько рядов десятки двуколок, обозных фургонов, пешие и конные люди, навьюченные животные. Пока затор ликвидировали, над плотиной стоял невообразимый стон от ругани и криков. И, несмотря на все усилия саперных команд, участок этот все равно оставалась проблемным, доставляя немало хлопот обозникам.

Дорога от Мерденека до Коссор Морозову была хорошо знакома. Сколько раз он ездил по ней по лазаретным надобностям! Сразу за плотиной дорога поднималась в гору и шла через большой сосновый лес, настолько густой, что даже днем в нем было темно, как в сумерки. Огромные сосны высились у самой обочины. В воздухе пахло сыростью и грибами. Постепенно дорога расширялась, и начинался крутой извилистый спуск с холмов. Вскоре лес оставался в стороне справа. Вот и питательный пункт Серафимовского лазарета в Агундире: знакомые лица, приветствия, расспросы. За Агундиром дорога плавно спускалась в долину реки. С одной ее стороны оставались высокие горы, покрытые лесом, с другой тянулись цветущие фруктовые сады и небольшие селения. Весной здесь было необычайно красиво: всюду цветы и свежая зелень. Река почти вплотную подходила к дороге – широкая, стремительная, но не глубокая. Ее мутно-красные воды бурлили, пенились, с шумом бились о камни, омывали плоский берег, отрывали с корнями деревья и, ломая ветки, несли их дальше, пока где-нибудь не выбрасывали изуродованные остовы[276].

Вернувшись в Коссоры, Морозову пришлось снова вступить в управление хозяйственными делами, так как завхозу М. М. Миронову понадобилось срочно уехать на короткое время в Харьков, навестить тяжелобольную сестру, перенесшую операцию[277].

Вместе со старшим врачом Морозов продолжил энергично добиваться перемещения лазарета на более оживленный участок фронта. Совесть и христианский

[275] **Дековилька** – так называли легкую конно-железную дорогую (по имени изобретателя – французского инженера Decauville).

[276] *Семина Х. Д.* Трагедия Русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 1-я. – Нью-Мексико, 1963. – С. 214–216.

[277] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 104.

долг звали обоих к активной деятельности, туда, где лазарет, а значит и они сами могли бы принести больше пользы. В этом Морозов и Чикаревский были единомышленниками. Будучи близкими по духу людьми, да к тому же почти ровесниками, они с первых же дней знакомства нашли полное взаимопонимание. Нравственные идеалы Чикаревского, видимо, имели корни в его воспитании: он был сыном священника Казанской церкви города Борисоглебска Тамбовской губернии. О том, что Чикаревский был действительно совестливым и порядочным человеком, может свидетельствовать хотя бы такой факт: он стеснялся брать наградные деньги, считая их для себя незаслуженными из-за малой загруженности работой[278]. Чикаревский искал работу ближе к передовой, в то время как многие его коллеги, наоборот, использовали любую возможность (протекции, взятки и пр.), чтобы перевестись из действующей армии в тыловые лечебные заведения, в спокойную и безопасную обстановку.

О положении лазарета Морозов и Чикаревский писали в Петроград архиепископу Сергию (Страгородскому). Писали они и военно-санитарному инспектору Кавказского военного округа, указывая, в частности, что корпусный врач Максимович из-за нерасположения к учреждениям Красного Креста умышленно держит их на месте.

10 мая архиепископ Сергий (Страгородский) обратился к Л. В. Голубеву с письмом относительно судьбы Серафимовского лазарета. Он указывал на то, что с продвижением русских войск вглубь Турции лазарет оказался тыловым учреждением и, не имея непосредственной связи с действующей армией, стал исполнять функции «преимущественно учреждения терапевтического». Между тем наличие в нем опытного хирурга и специального оборудования указывало на желательность использования лазарета на оживленном участке фронта. Владыка Сергий сообщал, что доктор Ф. К. Феофилактос готов предоставить лазарету свой дом в Трапезунде, «вполне пригодный для помещения лечебного учреждения». Он просил Голубева переместить Серафимовский лазарета в Трапезунд или «вообще в район, находящийся ближе к театру военных действий»[279].

Письма такого же содержания были одновременно направлены в Главное управление Российского общества Красного Креста и экзарху Грузии, которого владыка Сергий просил взять лазарет духовно-учебных заведений под свое покровительство. Экзарх со своей стороны предпринял какие-то ходатайства о переводе лазарета, но безрезультатно.

Между тем Л. В. Голубев ответил архиепископу Сергию, что в настоящее время передвинуть Серафимовский лазарет из Коссор не представляется возможным, так как Ольтинский район «очень нуждается в лечебных заведениях, в то время как Трапезундский район ими обеспечен». Он обещал в дальнейшем иметь в виду желание владыки Сергия и при первой же возможности его

[278] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 338 об.
[279] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 115–115 об.

исполнить[280]. Окружного военно-санитарного инспектора Л. В. Голубев уверял, что главный врач 2-го Туркестанского корпуса Максимович «всегда относился в высшей степени доброжелательно ко всем учреждениям Красного Креста». Отмечая горячее желание Чикаревского быть в той обстановке, где его знания, как опытного хирурга, были бы наиболее полезными, он, тем не менее, замечал: «Во всех таковых случаях считаю, что учреждения Креста должны руководствоваться теми указаниями, каковые получаются от корпусных врачей, которым обстановка и необходимость расположения отрядов более известна, чем отдельным начальникам отрядов Красного Креста»[281].

Пока шла эта официальная переписка, Морозов продолжал настойчиво обращаться в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений с горячими просьбами о переводе лазарета. «Во что бы-то ни стало, – умолял он, – спасайте лазарет от его бездеятельности, которая порождает праздность и порок и породит главное, позор лазарету духовного ведомства. <…> Люди от безделья ухищряются на все и подчас не проверяют своих мыслей и поступков, а это очень вредно для лазарета, ибо лица, думая, что они действуют в своих рамках и их действия касаются лишь их лично, забывают, что часто наносят позор учреждению, в котором живут и служат. Так вот ради благополучия, ради славы лучшей, лазарета духовного ведомства, а их так мало, надо дорожить всем, и чуть заметив недоразумение, которое влечет за собой неприятности для лазарета, надо их изъять. Дайте работы, дайте работы, чтобы не было времени для праздных мыслей и последствий и тогда будет благополучие. Работы никто не страшится, все добровольно шли к ней, а кому под тяжесть, тот оставит то учреждение, где нужны работники, а не празднолюбцы»[282].

Неприязненное отношение корпусного врача к учреждениям Красного Креста и его симпатии к Земскому союзу Морозов объяснял тем, что Максимович искал популярности в «народных организациях». Очевидно, корпусный врач симпатизировал Земскому союзу и Союзу городов исключительно по политическим пристрастиям. Эти общероссийские организации, образованные в начале войны с целью оказания помощи больным и раненым воинам, стали символом либеральной общественности. В годы войны между ними и Российским обществом Красного Креста, символизирующим «официальную власть», возникла своеобразная конкуренция, так что либеральная пресса предпочитала больше писать об успехах Земского и Городского союзов, чем об успехах Красного Креста. Однако, как справедливо замечал Морозов, под флагом Красного Креста тоже работало немало лазаретов, сформированных народными организациями и содержащихся «на гроши народа», жертвующего свои лепты для помощи раненым воинам. К тому же медицинская часть Земских лечебных заведений,

[280] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 116–116 об.
[281] Там же. Л. 120–120 об.
[282] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 322–322 об.

как правило, была слабо оборудована, а в Ольтинском округе ни одно из них не имело хорошего хирурга. Это обстоятельство у многих вызывало недоумение, почему такой «богатый лазарет» как Серафимовский, имеющий опытного хирурга, бездействует в тылу, когда у передовых позиций в подобном заведении чувствуется острая нужда.

Морозов рассказывал, в каких «выходках» выражалось отношение к ним корпусного врача. Так, например, когда к лазарету были прикомандированы двуколки для эвакуации больных и раненых, Максимович распорядился передать десять из них земцам. Сделано это было для того, чтобы дать возможность Земскому лазарету, а не Серафимовскому, пропустить через себя в период затишья большее число больных и раненых. В то время на фронте многие медицинские учреждения стремились принять по возможности большее количество людей и зарегистрировать поменьше смертных случаев. Но при этом, к сожалению, внимание зачастую обращалось не на качество оказанной помощи, а исключительно на количество принятых пациентов. Из-за этого святой труд превращался в нездоровую конкуренцию, погоню за цифрами. Морозов писал, что трудно работать в таких условиях особенно тогда, «когда создают, некоторые, конкуренцию, создают мелочи жизни в ущерб делу, а все это потому, что начальство занято не делом, а личными счетами и страстью человеческою – в поисках наград забывая, что благосостояние учреждения – есть награда». Так было и в деле с двуколками, которые отобрали у Серафимовского лазарета и передали земцам лишь для того, чтобы те могли рапортовать о своих «успехах», а следовательно, получать награды. Только после настойчивых и убедительных требований Чикаревского Серафимовскому лазарету дали возможность пользоваться двуколками от Земства, причем в первую очередь удовлетворялся Земский лазарет, а затем уже Серафимовский. К счастью, Чикаревский не страдал погоней за цифрами, а старался честно выполнять свой долг. Указывая комитету, что желает работать «не для рекламы, а для пользы», он писал: «…больше обращаю внимания на качество, а не количество, и при приеме больных и раненых не делаю выбора между теми и другими»[283].

Трижды Чикаревский представлял к наградам персонал лазарета, среди которого были, между прочим, и те, кто перенес сыпной тиф, подорвав здоровье, как сестра Кляустин-Звирба, заработавшая порок сердца. Морозов также представлялся к награде – золотой медали на Анненской ленте[284]. Но корпусный врач игнорировал все рапорты.

«Я пишу об этом, – продолжал свое повествование Морозов, – ибо мне, прожившему среди духовенства, знающему эту жизнь и отношение к нему гражданской власти, больно за лазарет Духовного ведомства. Мне обидно, что

[283] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 303.

[284] К этому времени Ф. М. Морозов по представлению комитета Красного Креста духовно-учебных заведений уже был награжден «за отлично-усердную службу» серебряной медалью на Станиславской ленте.

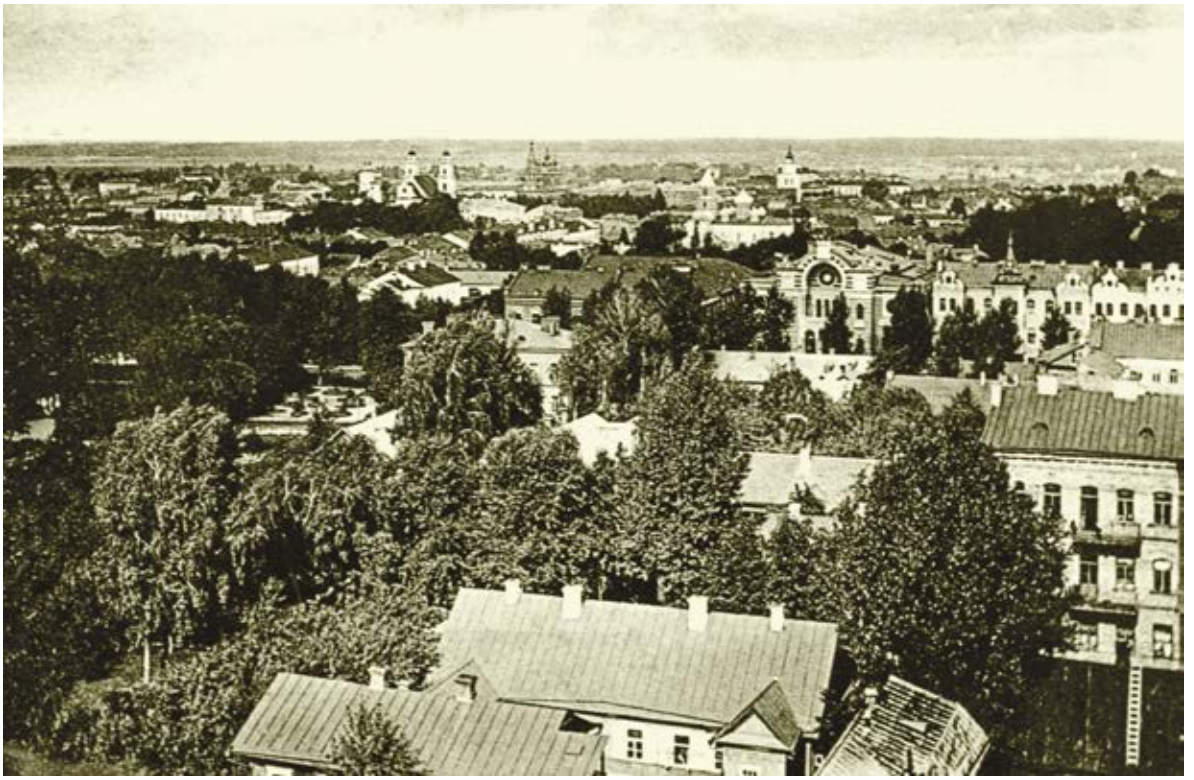
никто не идет навстречу преподавателям духовных учебных заведений, которые несут свои лепты на алтарь отечества в годину испытаний, желая облегчить страдания раненых защитников; на поле брани уврачевать их, дать им первую и самую существенную помощь… <…> Лазарет, как ребенок, оставленный всеми, кричит, а его не слышат. Я ведь здесь один, который может поведать тем, кому дороги интересы лазарета»[285].

Организации, формировавшие лечебные заведения, как правило, имели при них своих представителей. Серафимовский же лазарет, несмотря на огромную удаленность от своей организации, не имел. Уполномоченным комитета Красного Креста духовно-учебных заведений при лазарете считался старший врач. Однако занятый обязанностями по медицинской части и управлению, он практически не имел возможности заниматься внешними и внутренними проблемами лазарета. Ему нужен был помощник – помощник уполномоченного, с которым он мог бы «обсуждать жизненные вопросы», и которому мог бы поручать переговоры с властями и комитетом. На эту должность Морозов, как человек заинтересованный, предлагал себя. «Иной раз надо поехать лично, – писал он в комитет, – приглядеться к отношениям других, а не судить понаслышке; неимение времени отлагает благой порыв и новые начинания, и так “завтра” остается на год, а мысль, как птица, показалась и улетит. Жизнь военного лазарета вовсе не то, что мирного времени, где некуда спешить. Здесь день идет за неделю, упустишь случай – не вернешь. Мое двухгодовое пребывание на фронтах показало, чем живы люди и как надо с ними ориентироваться, дабы из-за личных недоразумений не вышел вред всему учреждению»[286].

Указывая на необходимость перевода лазарета в Трапезунд, Морозов сообщал, что эвакуация больных через Коссоры скоро совершенно закроется и что уже сейчас в лазарете всего 15 больных «хроников», требующих тылового госпитального или санаторного лечения. В Трапезунде же, как было слышно, кроме передовых отрядов да лазаретов Земского союза, не было ни одного лечебного заведения Красного Креста. «От Вас зависит дать нам работу, – писал он, – поставить лазарет там, где он должен быть, а не делать из него питательный пункт, кормить кочующих из лазарета в лазарет лишь бы продолжить время отлучки из окопов, а таких здесь много, особенно казаков донцов, кубанцев. Довольно томиться, зря тратить деньги лишь на уплату персоналу и подчас излишнюю кормежку прохожих. Надо же дать работу такую лазарету, чтобы это было чувствительно и оставило достойный след в истории участия Церкви в отечественной войне»[287].

Помимо малой занятости, в лазарете накопилось много и других серьезных проблем, которые решать приходилось, главным образом, Ф. М. Морозову.

[285] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 319 об.–320.
[286] Там же. Л. 320 об.
[287] Там же. Л. 322.



Минск. Фотография начала XX в.

Минск. Александровский сквер.
Фото А. Н. Павловича, 1900-е гг.

Здание Минской духовной семинарии.
Фото А. Н. Павловича, 1900-е гг. (ИИМК РАН. 0288-15)

Минск. Персонал и раненые в одной из палат 1-го Серафимовского лазарета.
Фото 1914–1915 гг. (ЦГАКФФД СПб. Г-6992)

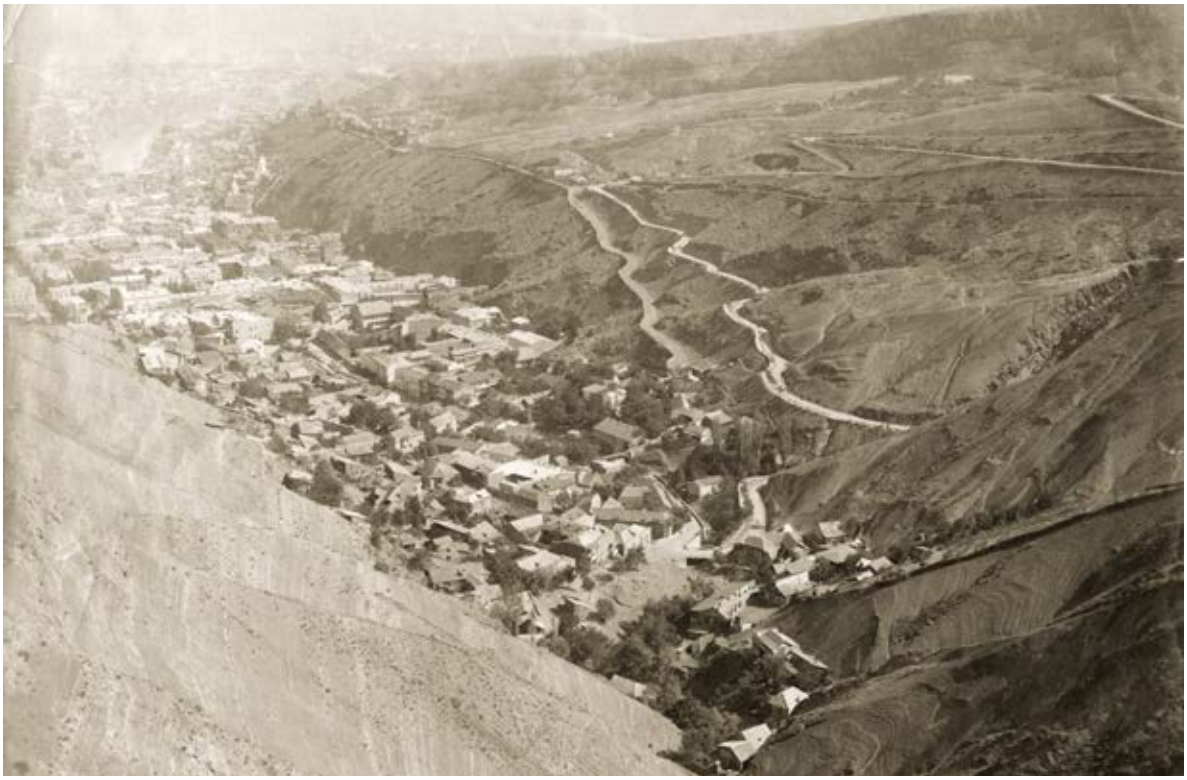
Минск. Перевязочная Серафимовского лазарета. Слева Ф. М. Морозов.
Фото 1914–1915 гг. (ЦГАКФФД СПб. Г-6997)

Минск. Перевязочная Серафимовского лазарета. Справа Ф. М. Морозов.
Фото 1914–1915 гг. (ЦГАКФФД СПб. Г-6998)

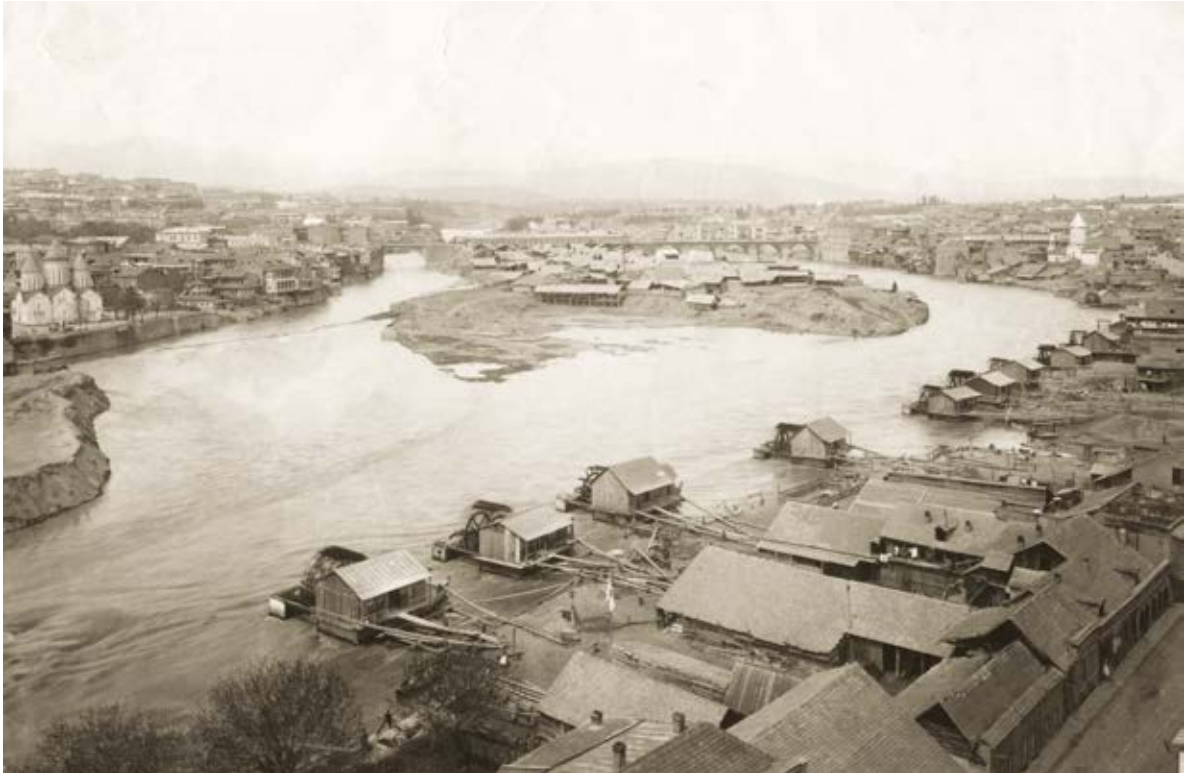
Крестный ход на Невском проспекте у Екатерининского сада.
Фотография ателье Буллы, июль 1915 г. (ЦГАКФФД СПб. Д-3122)

Патриотическая манифестация в Петрограде в поддержку сербов.
Фотография ателье Буллы, 1915 г. (ЦГАКФФД СПб. Г-778)

Молебен о победе у Казанского собора.
Фотография ателье Буллы, июль 1915 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-2218)



Тифлис. Лощина Сололак, Старый город, район Авлабар и Навтлуг.
Фото начала XX в.



Тифлис. Ванский собор, Николаевский мост, река Кура, Пески и Чугуреты.
Фото начала XX в.

Тифлис. Развалины крепости, старая таможня и греческая церковь.
Фото начала XX в.

Вид на Тифлис.
Фото начала XX в.

Отряд 2-го Серафимовского лазарета с представителями управления Красного Креста.
Пятый во втором ряду – Ф. М. Морозов. Март–май 1915 г. (ЦГАКФФД СПб. Г-6090)

Тифлисский полевой склад Красного Креста. Двор перед матерскими, 7 июня 1916 г.
(РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 450. Л. 17)

Тифлисский полевой склад Красного Креста. Разгрузка вагонов перед амбарами продуктового отдела, 7 июня 1916 г.
(РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 450. Л. 1)

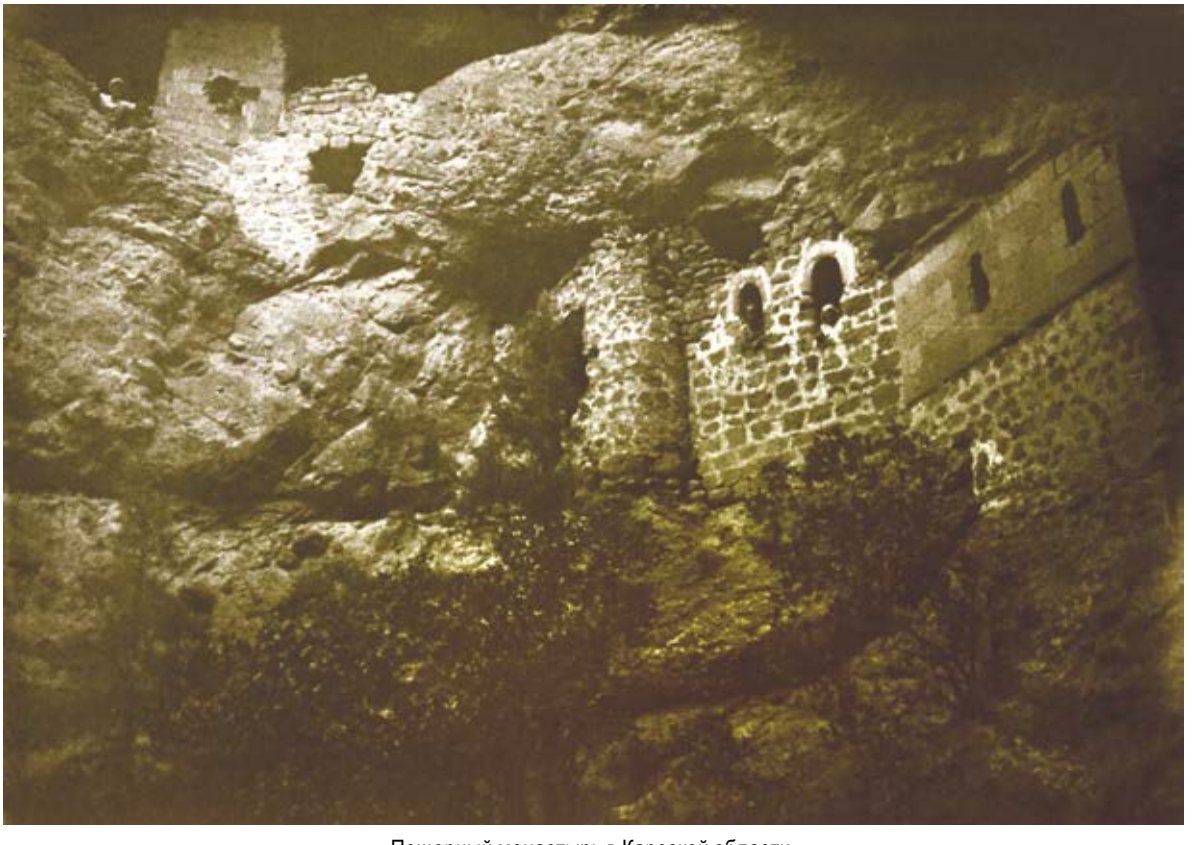
Тифлисский полевой склад Красного Креста. В лаборатории Медицинского отдела, 7 июня 1916 г.
(РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 450. Л. 4)

Отряд 2-го Серафимовского лазарета: в первом ряду сидят иеромонах Иннокентий (Тихонов) и старший врач В. А. Белиловский; первый во втором ряду – С. Н. Занфиров, третий – В. В. Шишов, пятый – младший врач Ф. К. Феофилактос, седьмой – Ф. М. Морозов. Фото 1915 г. (ЦГАКФФД СПб. Г-6500)

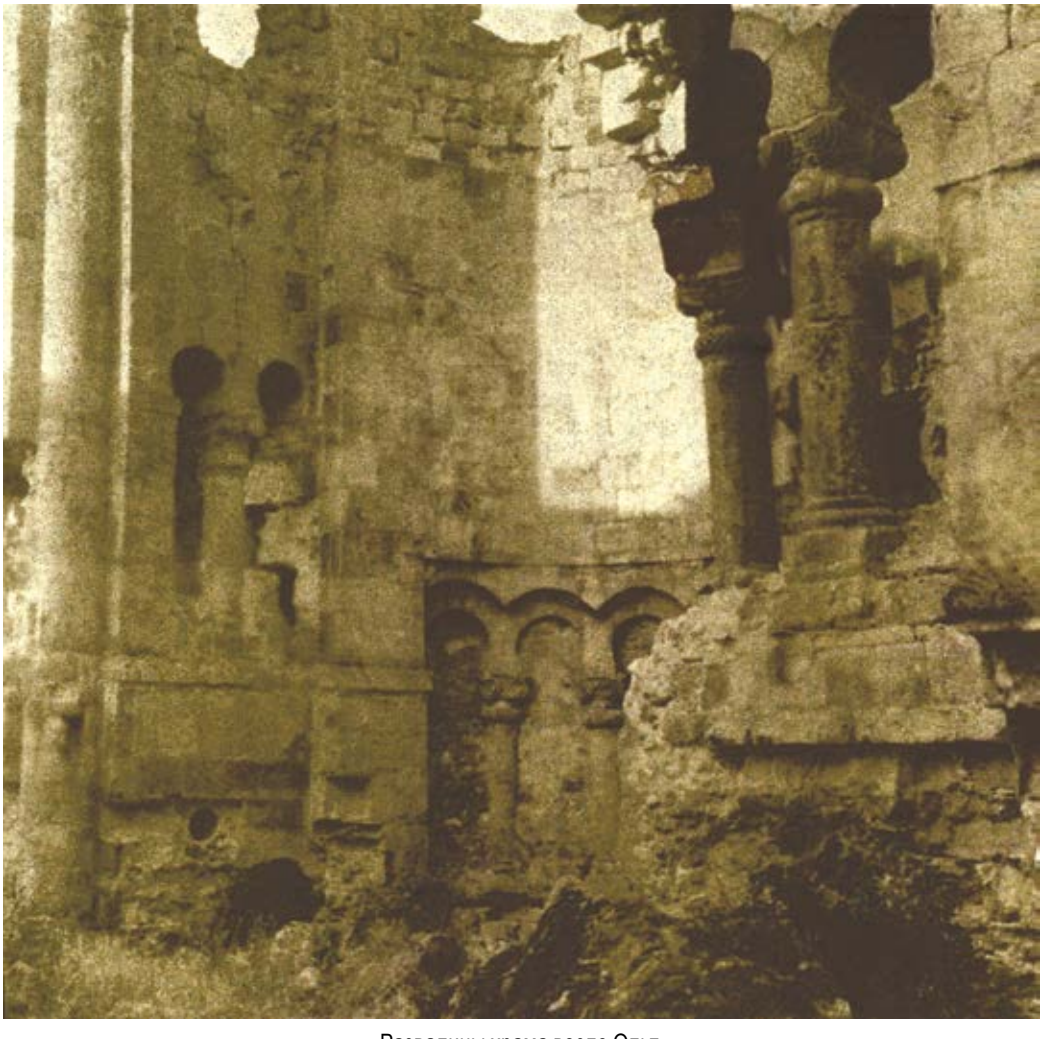
У мельницы. Фото Ф. М. Морозова, май–июль 1915 г.
(ИРЛИ РАН. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1828. Л. 1 об.)

В турецкой деревне. Фото Ф. М. Морозова, май–июль 1915 г.
(ИРЛИ РАН. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1828. Л. 1 об.)

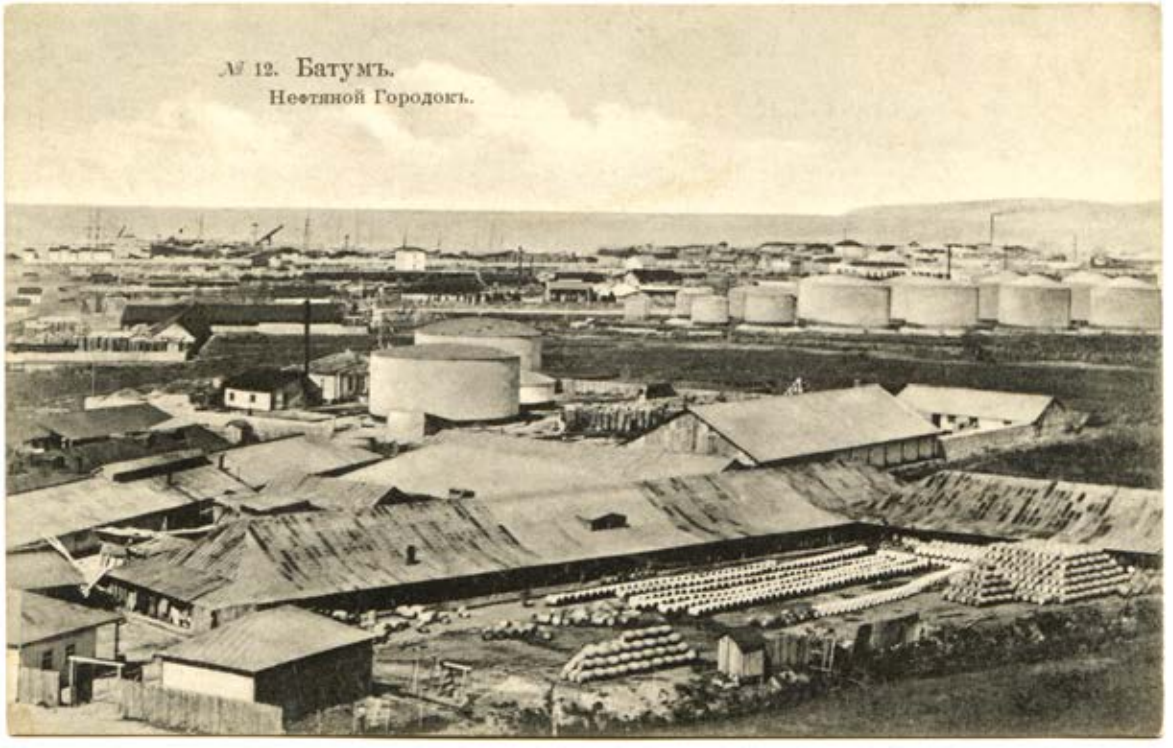
Общий вид Карса



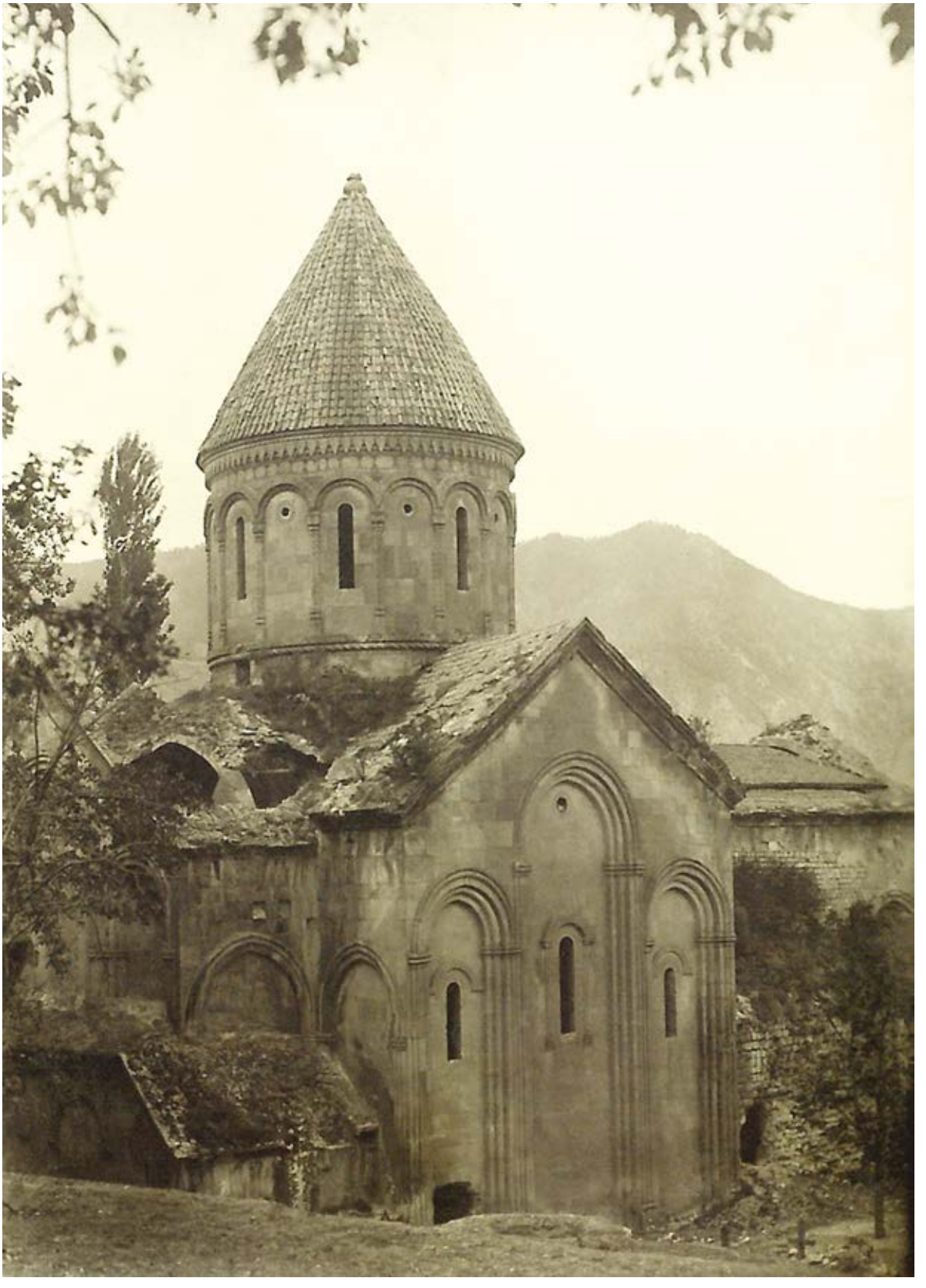
Пещерный монастырь в Карсской области.
Фото Ф. М. Морозова, июнь–июль 1915 г. (ИРЛИ РАН. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1828. Л. 9 об.)



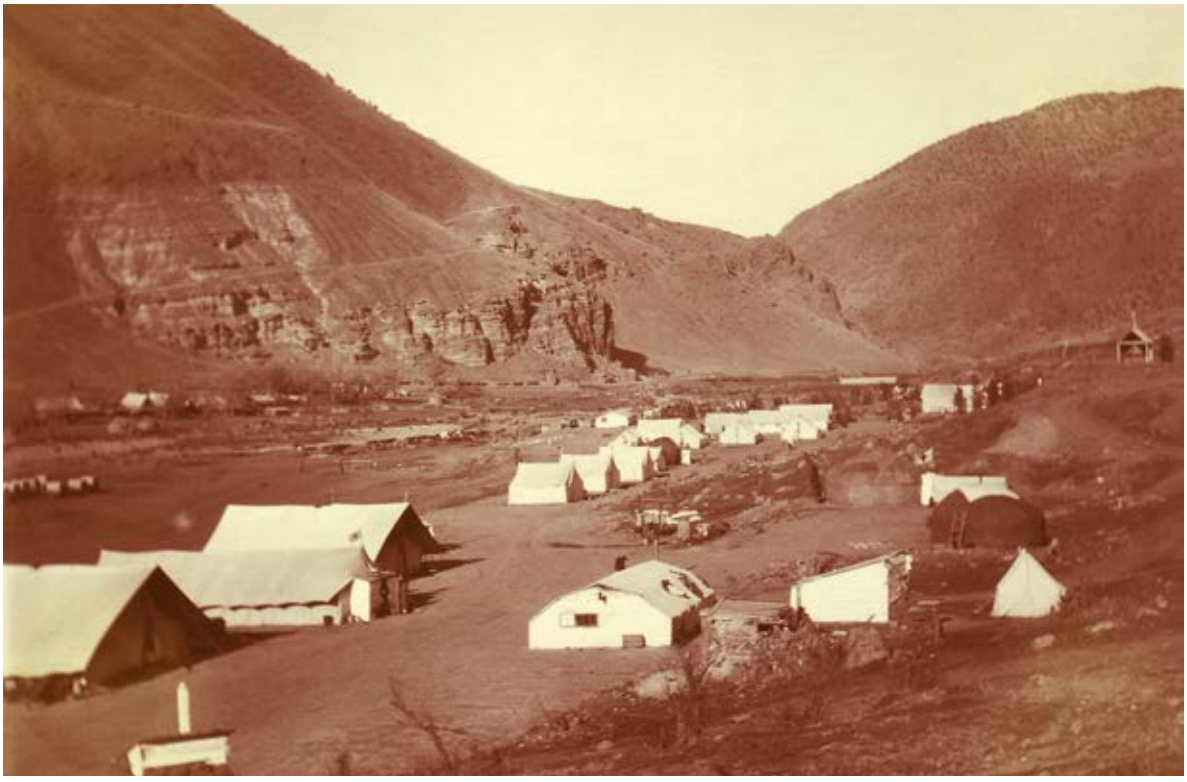
Развалины храма возле Ольт.
Фото Ф. М. Морозова, 1915–1916 гг. (ИРЛИ РАН. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1828. Л. 2 об.)



Открытка Ф. М. Морозова фотографу К. К. Булле, май 1915 г.



Малая Армения, окрестности Байбурта. Храм Шихан-ваин.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 3. Д. 60. Л. 7)

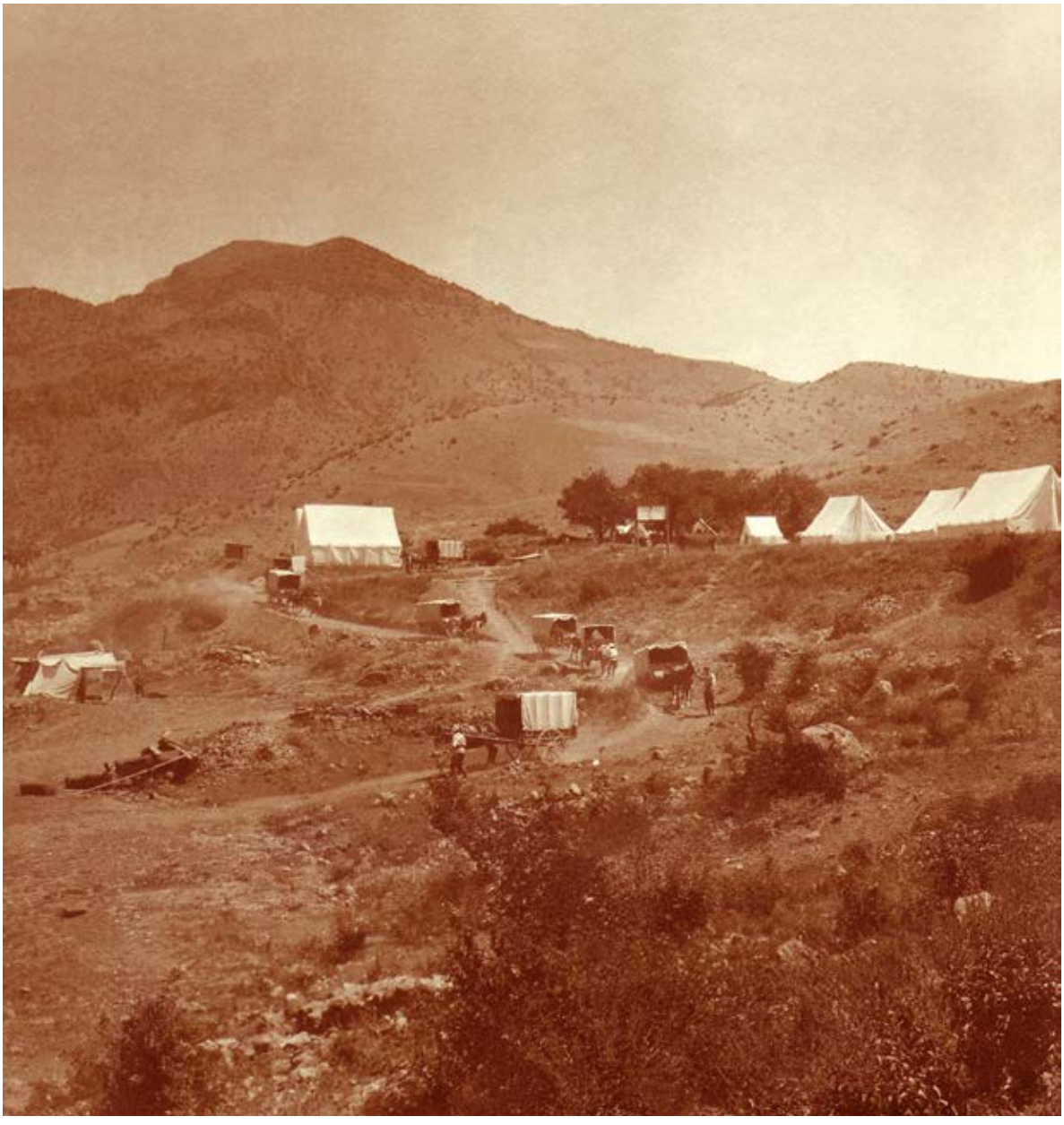


Коссоры. Вид на Серафимовский лазарет. Фото Ф. М. Морозова, 1915–1916 гг.
(РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 25)

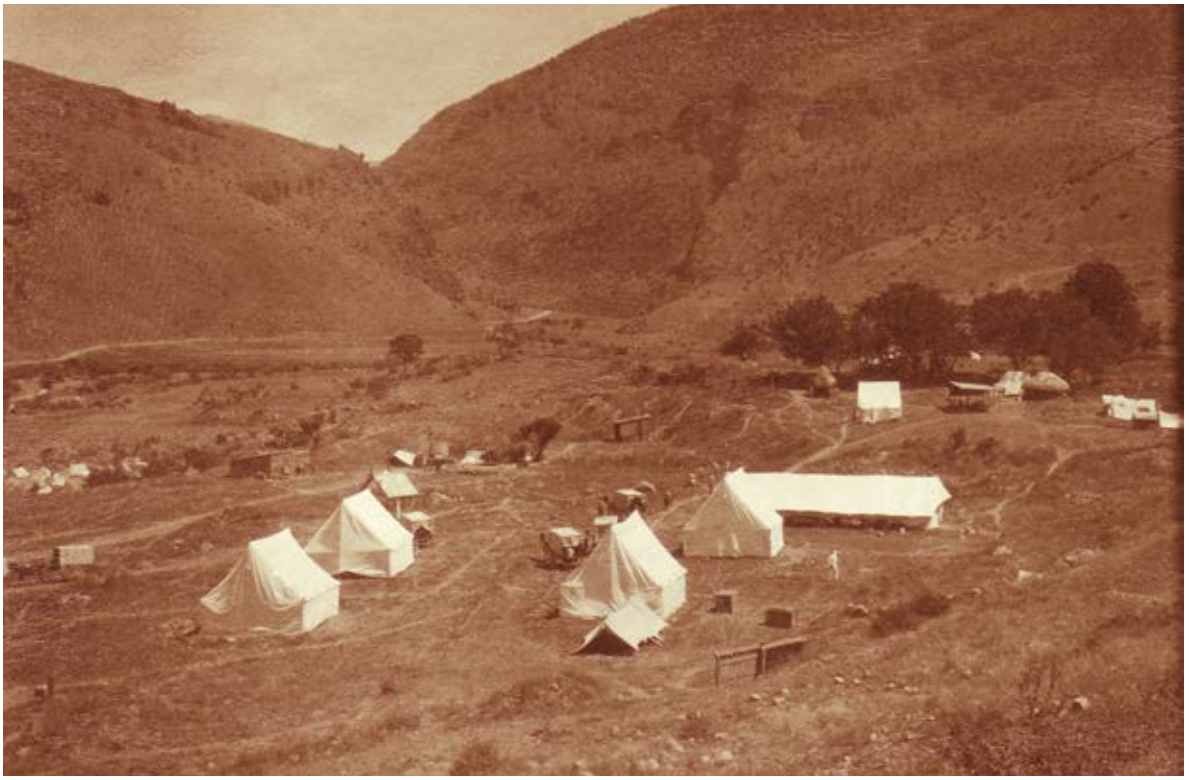
Коссоры. Серафимовский лазарет. Раненого принесли в операционную.
Среди персонала в гимнастерке стоит Ф. М. Морозов.
Фото 1915–1916 гг. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 26)

Коссоры. Серафимовский лазарет. Прибытие раненых на автомобиле Земского союза.
Фото Ф. М. Морозова, июнь–июль 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 2)

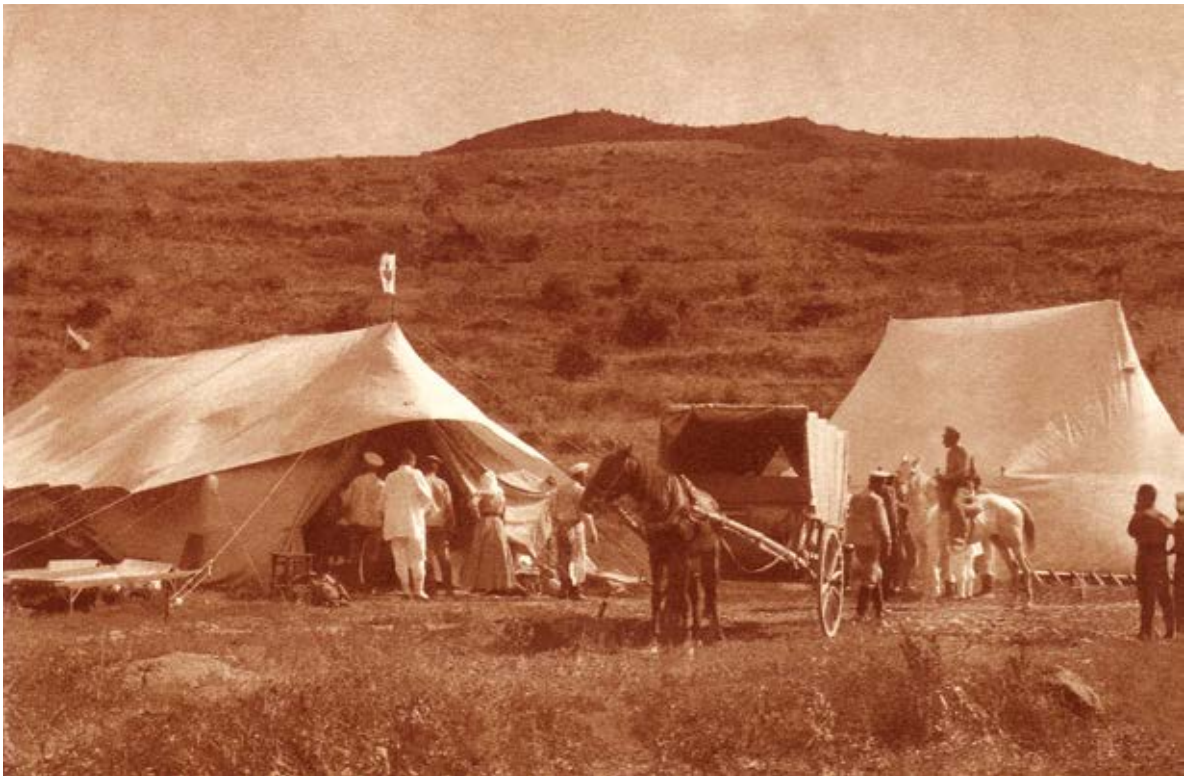
Коссоры. Серафимовский лазарет. Санитары поднимают тяжелораненого для посадки в двуколку.
Фото Ф. М. Морозова, июнь–июль 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 4)



Коссоры. Отправка санитарного транспорта из Серафимовского лазарета.
Фото Ф. М. Морозова, июнь–июль 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 6)

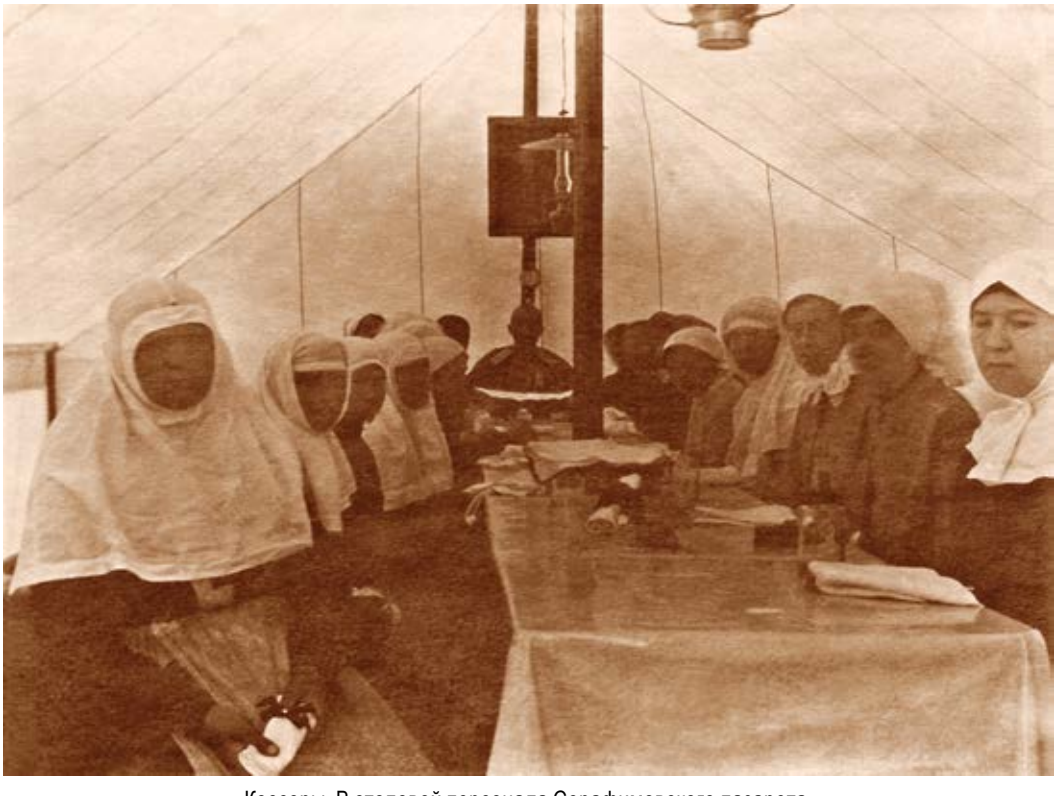


Коссоры. Вид на Серафимовский лазарет.
Фото Ф. М. Морозова, июнь–июль 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 17)



Коссоры. Эвакуация раненых из Серафимовского лазарета в Мерденек.
Фото Ф. М. Морозова, июнь–июль 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 3)

Коссоры. Вид Серафимовского лазарета. В отдалении видны палатки лазарета 5-й Туркестанской стрелковой бригады.
Фото Ф. М. Морозова, 1 августа 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 254 об.)



Коссоры. В столовой персонала Серафимовского лазарета.
Снимал иеромонах Иоасаф, октябрь 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 259 об.)

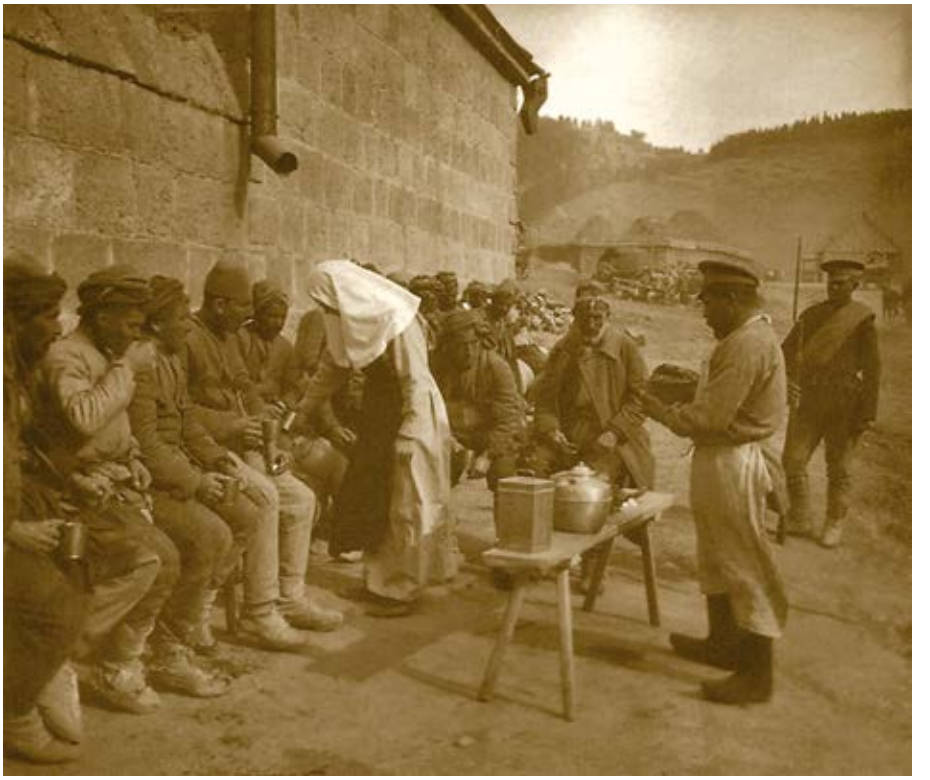
Коссоры. Вид Серафимовского лазарета. Фото Ф. М. Морозова, июнь–июль 1915 г.

Вид с горы на питательный пункт Серафимовского лазарета в селении Агундир.
Фото Ф. М. Морозова, 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 29)

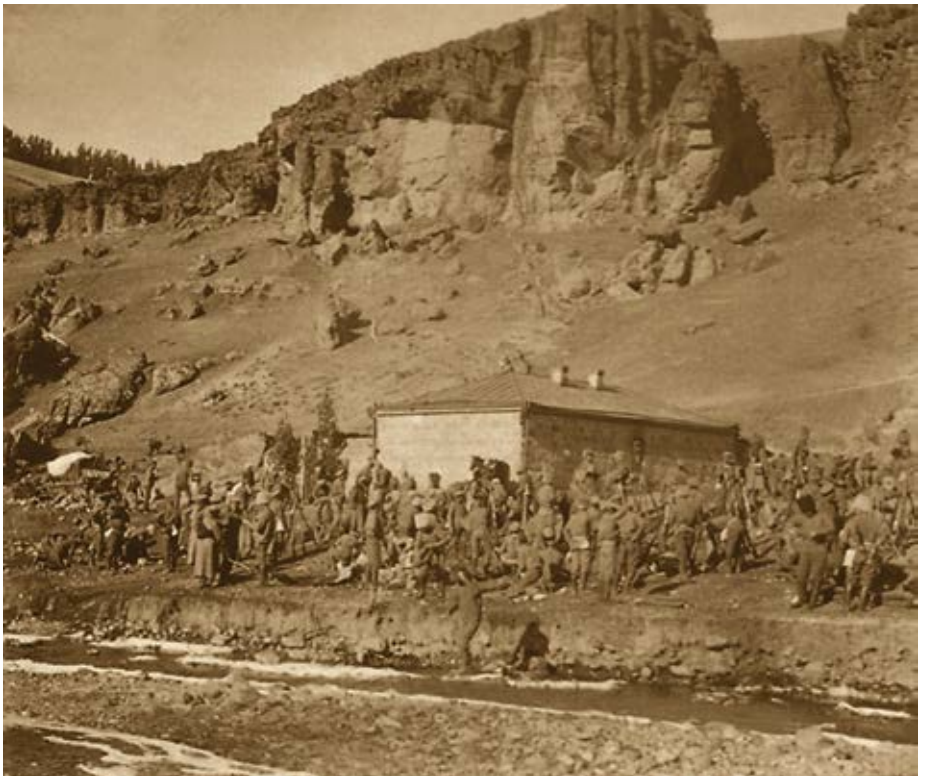
Питательный пункт Серафимовского лазарета в селении Агундир. Солдаты идут «попить чайку и отдохнуть».
Фото Ф. М. Морозова, 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 268 об.)

Дорога на Мерденек. Верблюжий транспорт у питательного пункта в селении Агундир.
Фото Ф. М. Морозова, 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 268 об.)

Транспорт с раненными и больными у питательного пункта в селении Агундир.
Фото Ф. М. Морозова, 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 268 об.)

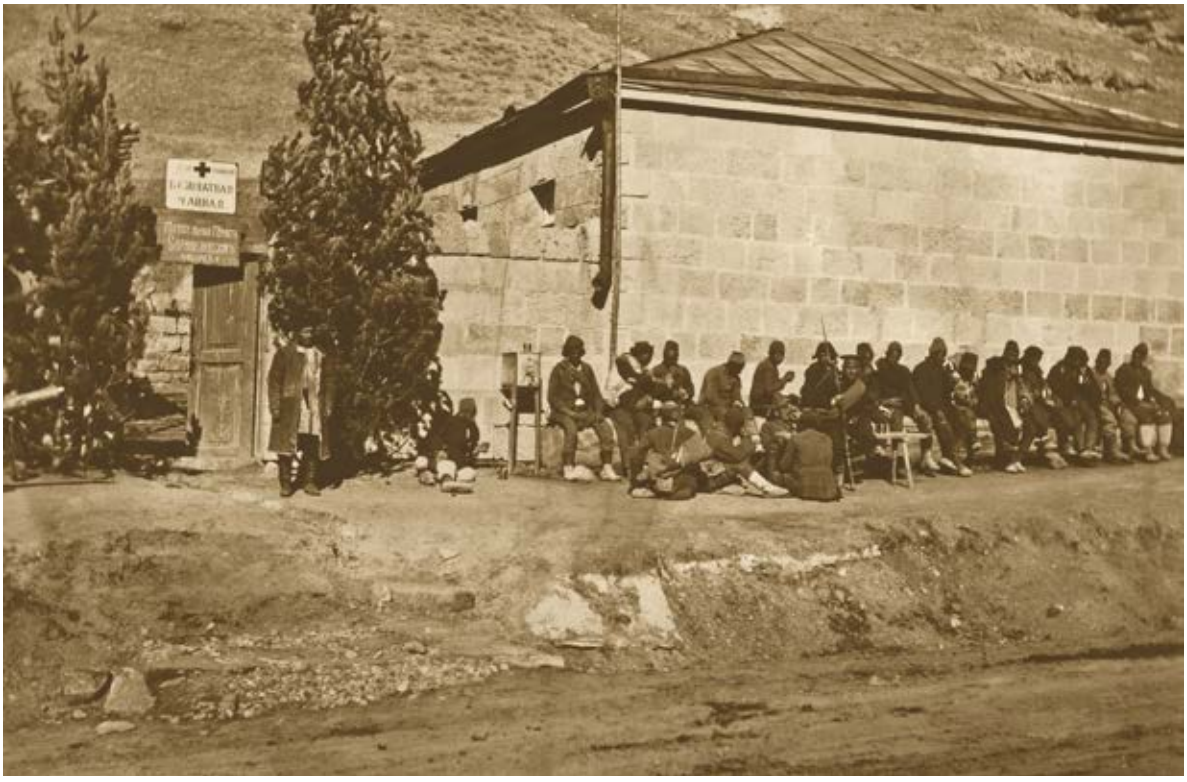


Питательный пункт Серафимовского лазарета в селении Агундир. Раздача чая и хлеба пленным туркам.
Фото Ф. М. Морозова, 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 268 об.)



Питательный пункт Серафимовского лазарета в селении Агундир. Получение чая и хлеба проходящим эшелоном.
Фото Ф. М. Морозова, 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 268 об.)

Прием больных и раненых у питательного пункта Серафимовского лазарета в селении Агундир.
Фото Ф. М. Морозова, 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 268 об.)

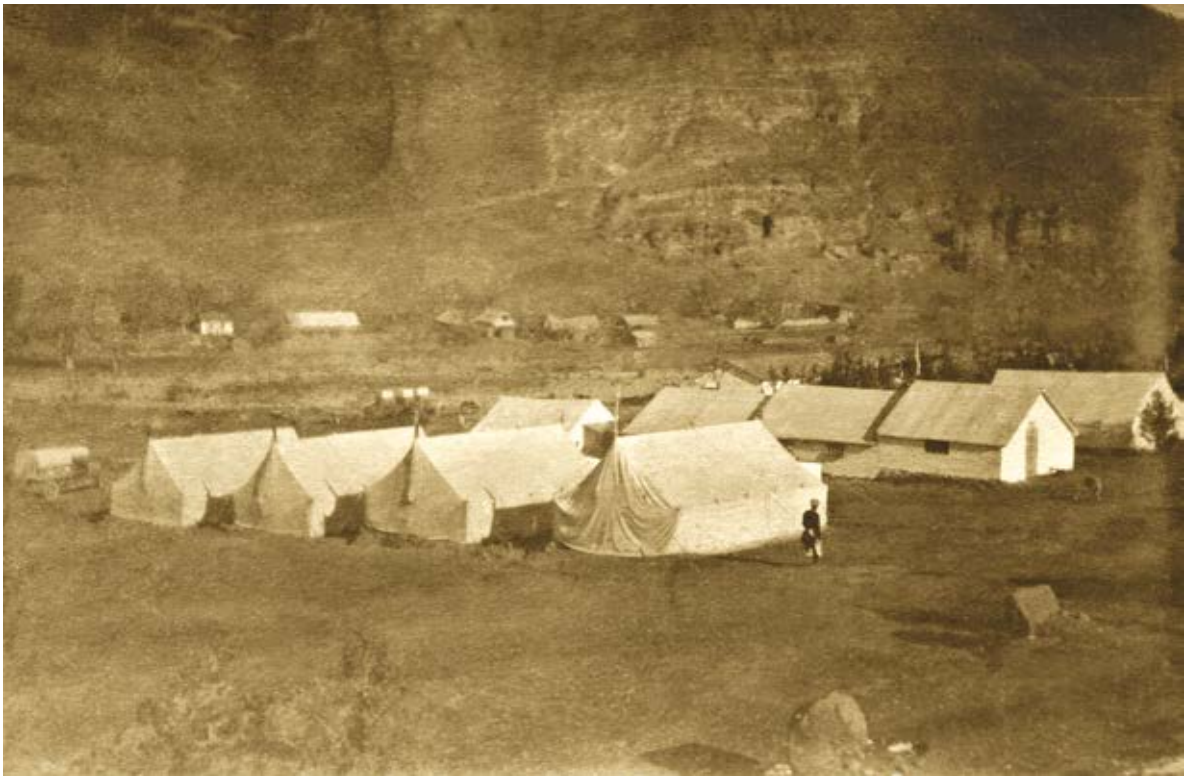


Пленные турки у питательного пункта Серафимовского лазарета в селении Агундир.
Фото Ф. М. Морозова, 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 267 об.)

Русские военные и пленные турки у питательного пункта в селении Агундир.
Фото Ф. М. Морозова, 1915 г. («Летопись войны» за 1915 г.)

Серафимовский лазарет. Выдача белья солдатам, возвращающимся на позиции.
Фото Ф. М. Морозова, 1915 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 268 об.)

Коссоры. Персонал Серафимовского лазарета: крайний слева Ф. М. Морозов, сзади фельдшер Г. С. Погосян, посередине в папахе доктор Г. Ф. Холлман, крайний справа зауряд-врач А. М. Ткаченко.
Фото конца 1915 начала 1916 г. (ЦГАКФФД СПб. Г-15076)



Коссоры. Серафимовский лазарет: незаразное отделение и столовая.
Снимал Г. Ф. Холлман, 1 января 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 256 об.)

Коссоры. Серафимовский лазарет: юрта сестры-хозяйки, хлебопекарня, юрта сестер,
барак младшего врача при незаразном отделении.
Снимал Г. Ф. Холлман, 1 января 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 256 об.)

Коссоры. Вид Серафимовского лазарета.
Снимал Г. Ф. Холлман, 1 января 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 257 об.)

Коссоры. Серафимовский лазарет: кухня для персонала и тяжелобольных, барак кухонных санитаров, кухня команды и кипятильник, хлебопекарня и погреб.
Снимал Г. Ф. Холлман, 1 января 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 259 об.)

Коссоры. Серафимовский лазарет: аптека, амбулатория-перевязочная, операционная, палатка заведующего хозяйством, канцелярия.
Снимал Г. Ф. Холлман, 1 января 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 258 об.)

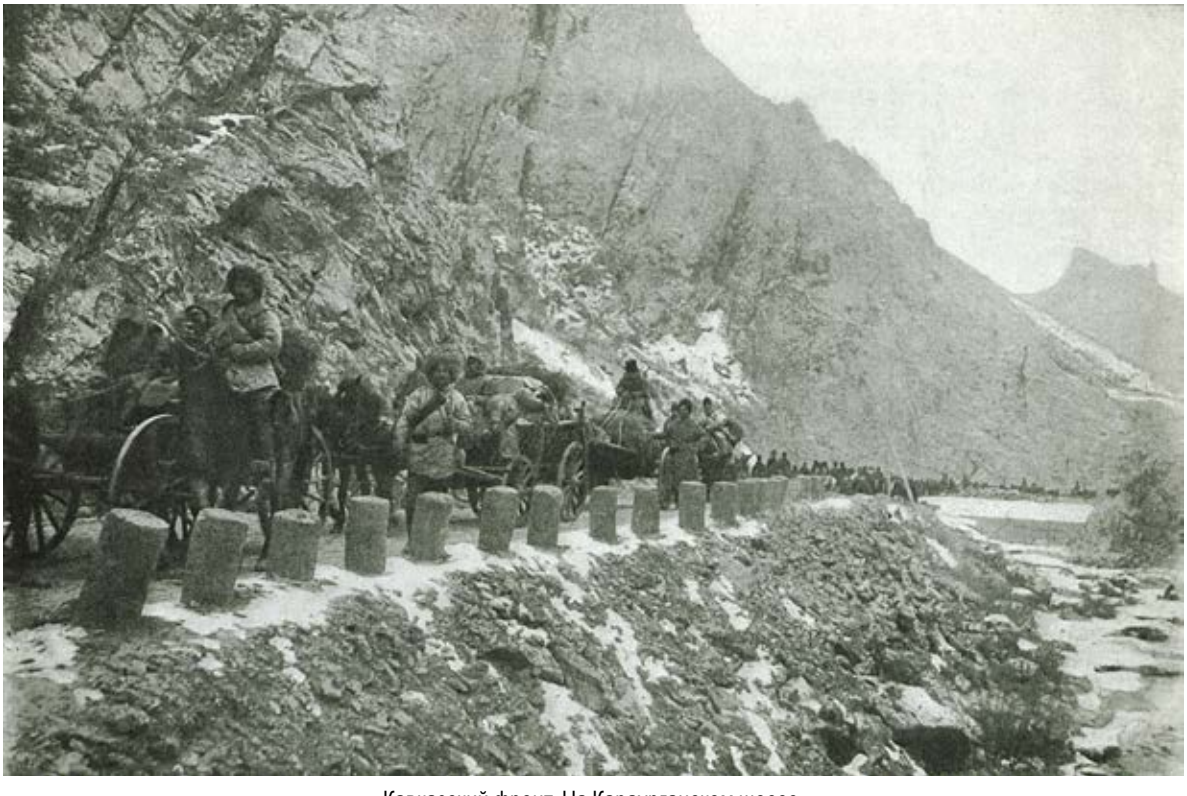
Коссоры. Аптека Серафимовского лазарета.
Снимал иеромонах Иоасаф, 1 января 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 258 об.)

Коссоры. Серафимовский лазарет: юрта сестер, барак младшего врача, барак санитаров заразного отделения.
Снимал Г. Ф. Холлман, 1 января 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 257 об.)

Коссоры. В перевязочной Серафимовского лазарета: на переднем плане доктор Г. Ф. Холлам,
справа от него зауряд-врач А. М. Ткаченко проводит осмотр раненого.
Снимал иеромонах Иоасаф, 1 января 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 258 об.)

Кавказский фронт. Группа русских военных у входа в блиндаж.
Фото 1914–1916 гг. (ЦГАКФФД СПб. Г-15847)

Кавказский фронт. Солдаты после боя на Эрзерумском направлении.
Фото 1915 г. (РГАКФД. 4-44)



Кавказский фронт. На Караурганском шоссе.
(«Летопись войны» за 1914–1915 гг. № 34. С. 541)

После боя.
Фото 1914–1916 гг. (РГАКФД. 2-48819)

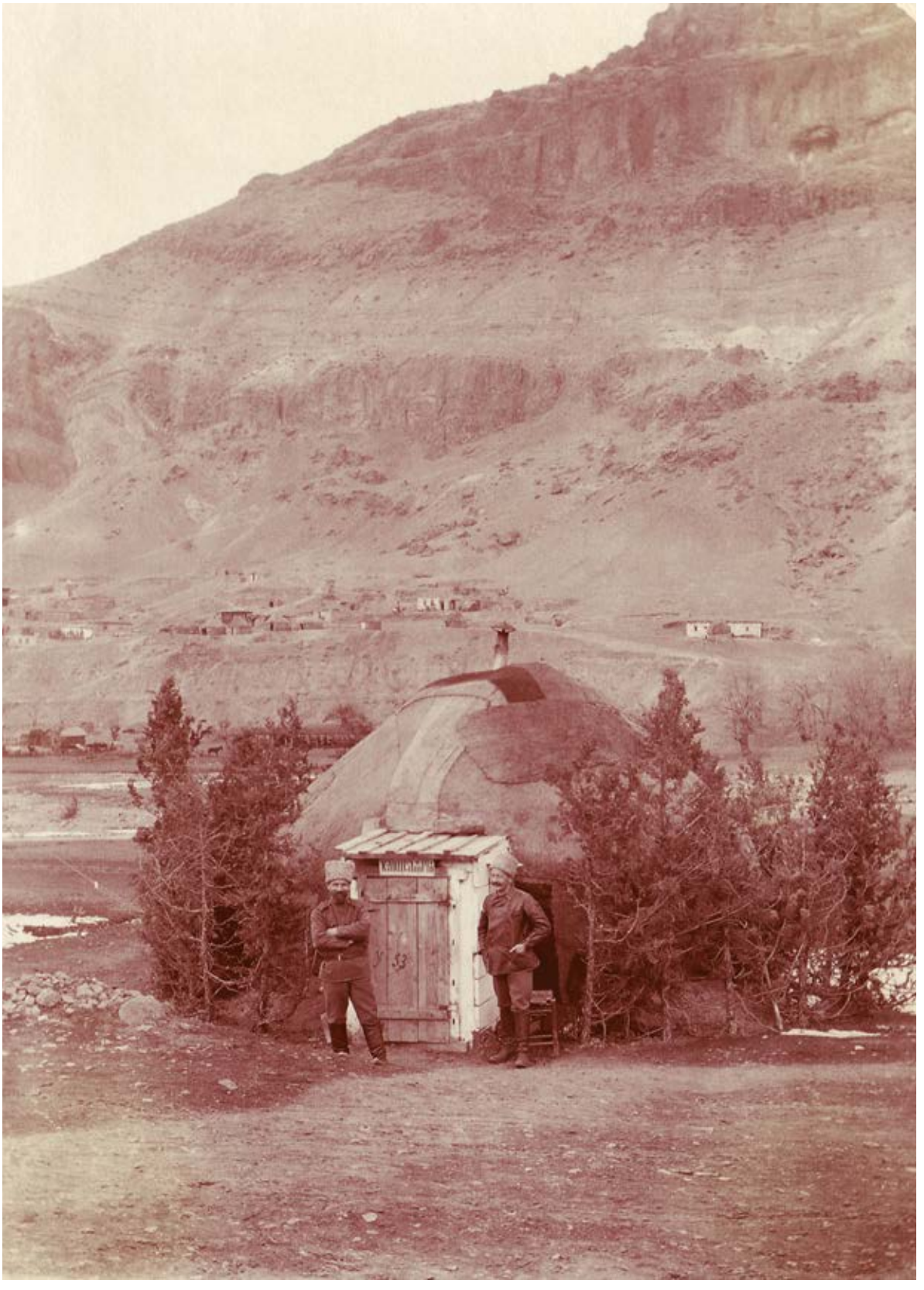
Эрзерум.
Фото Ф. М. Морозова, 12 февраля 1916 г. (ИРЛИ РАН. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1828. Л. 6 об.)

Византийская рельефная плита времен Феодосия Великого, встроенная в одну из мечетей Эрзерума.
Фото Ф. М. Морозова, 12 февраля 1916 г. (ИРЛИ РАН. Ф. 341. Оп. 1. Д. 1828. Л. 5 об.)

Окрестности Карса

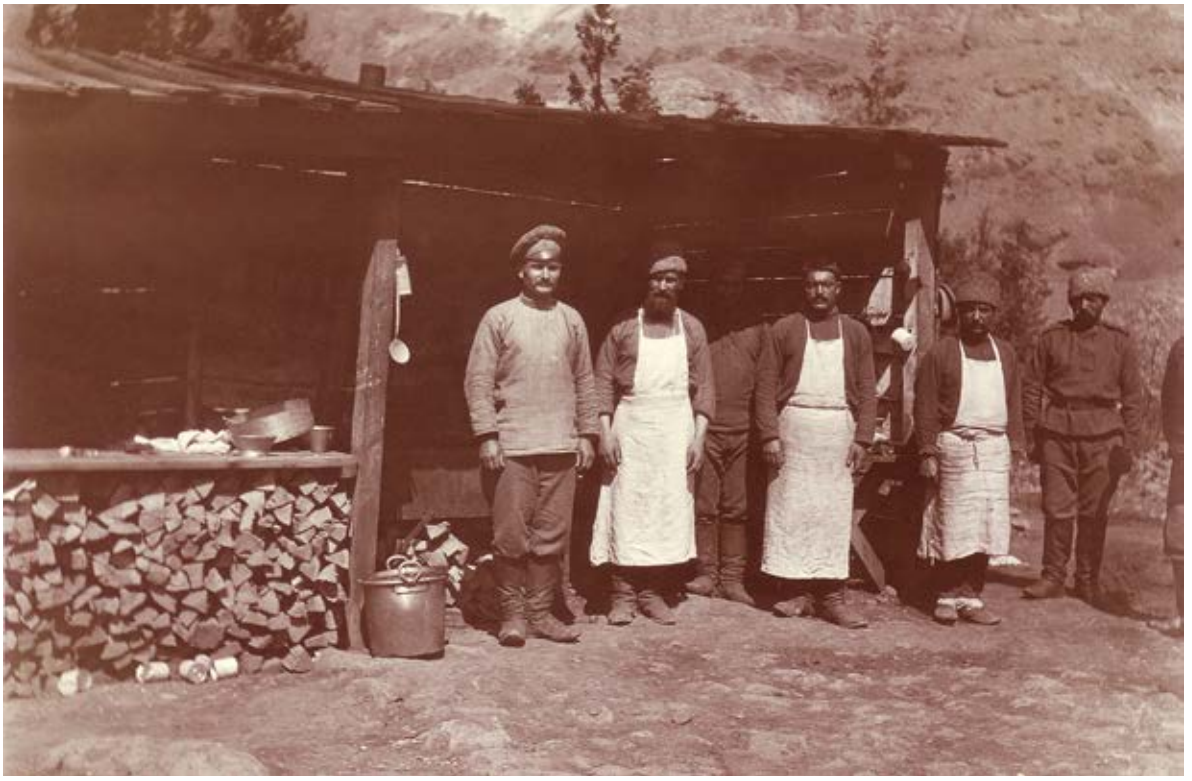
Вид улицы Эрзерума, занятого русскими войсками.
Фото 1916 г. (РГАКФД. 4-43)

Коссоры. Ф. М. Морозов и доктор Н. К. Чикаревский (в белом халате) среди санитаров Серафимовского лазарета.
Фото 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 16)



Коссоры. Канцелярия Серафимовского лазарета.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 20)

Коссоры. Серафимовский лазарет. Кухня для санитарной команды и больных, получающих простой стол.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 22)



Коссоры. Серафимовский лазарет. Кухня для персонала и тяжелобольных.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 27)

Коссоры. Серафимовский лазарет. Работа в прачечной.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 23)

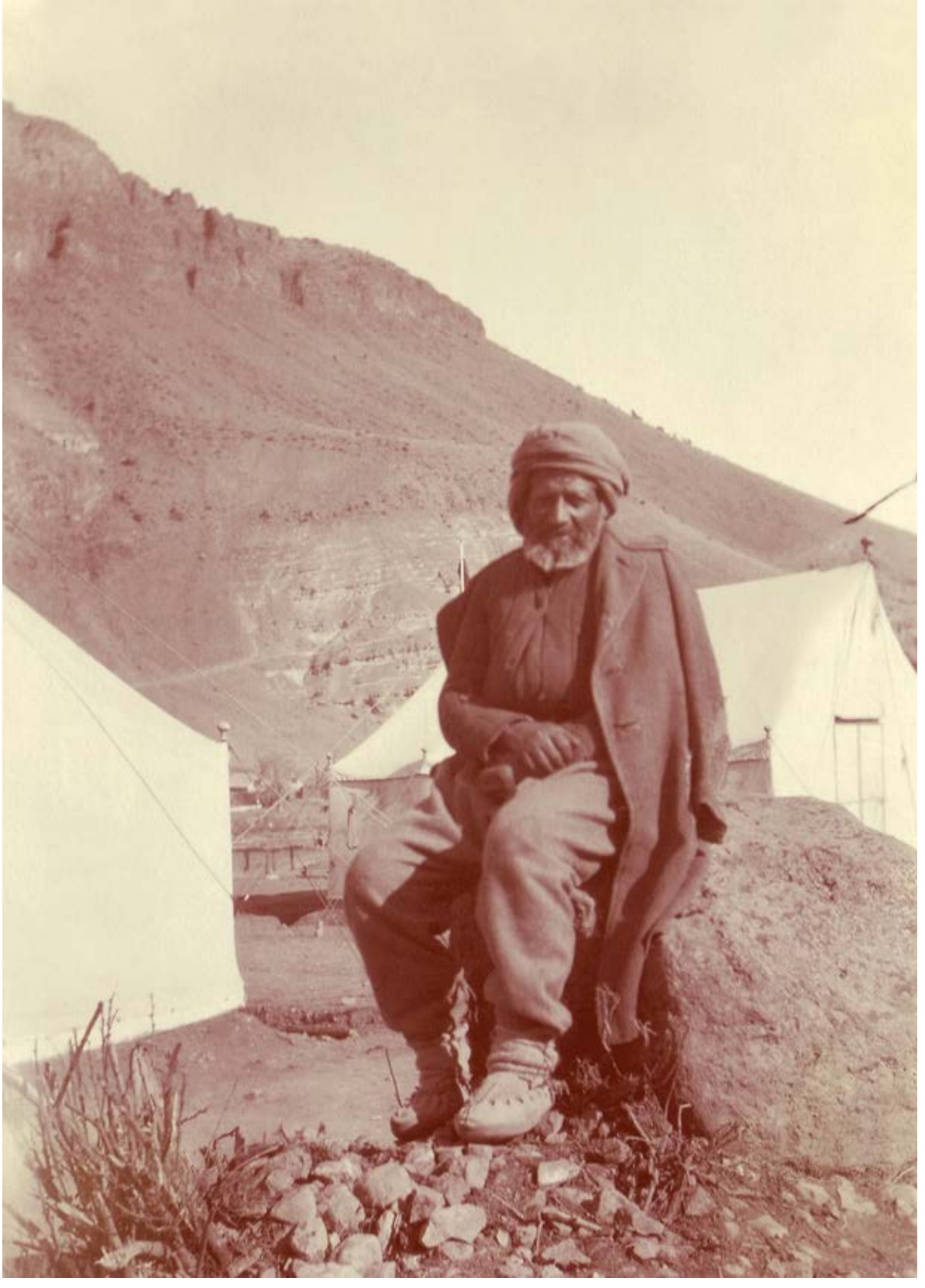
Коссоры. Серафимовский лазарет. Сестра милосердия и Ф. М. Морозов делают перевязку курдским детям.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 10)

Коссоры. Серафимовский лазарет. Доктор Н. К. Чикаревский делает санитару Штейнбаху операцию – торакотомию.
Фото Ф. М. Морозов, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 19 а)

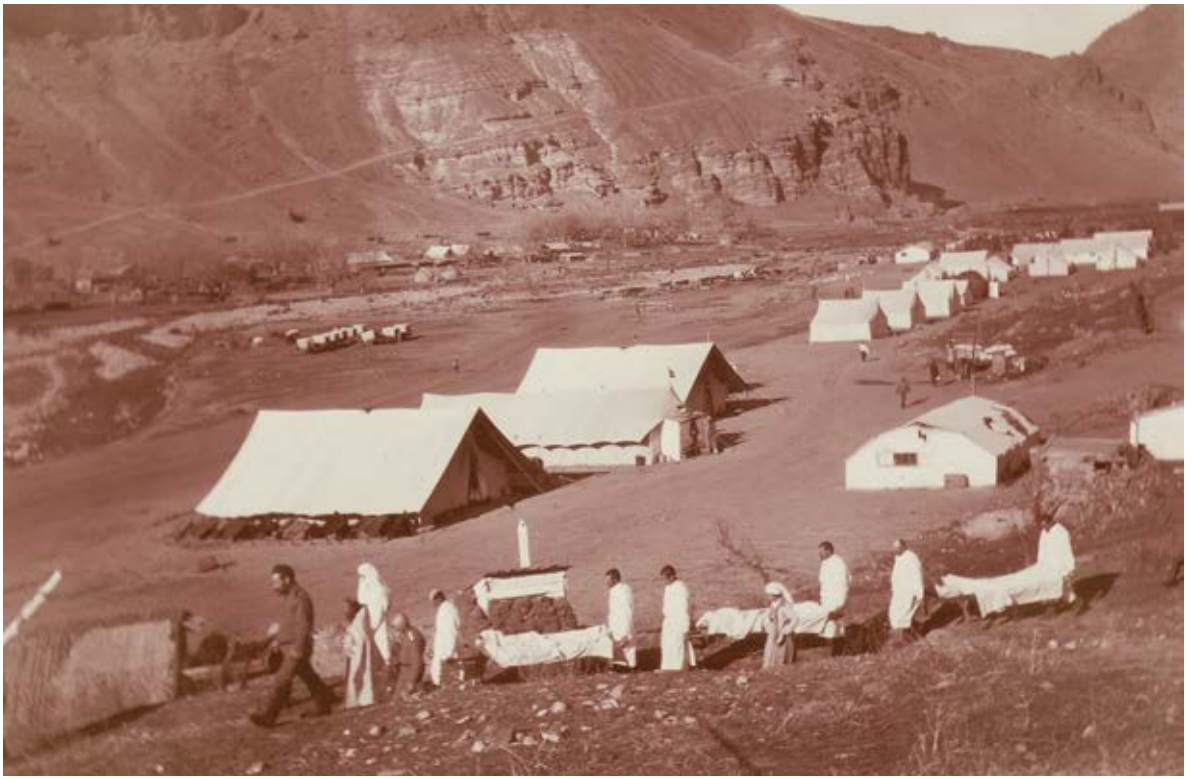
Коссоры. Аптека Серафимовского лазарета.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 19 б)

Коссоры. Около перевязочной Серафимовского лазарета.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 24)

Коссоры. Серафимовский лазарет. Курдские женщины в ожидании амбулаторного приема.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 17 а)



Коссоры. Серафимовский лазарет. Курд в ожидании амбулаторной помощи.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 18)



Коссоры. Серафимовский лазарет. На лазаретное кладбище несут умерших от сыпного тифа.
Фото 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 21)

Коссоры. Серафимовский лазарет. Отпевание умерших от сыпного тифа. С венком (второй слева) стоит Ф. М. Морозов.
Фото 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 28)

Коссоры. Серафимовский лазарет. Погребение умершего.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 266 об.)

Коссоры. Серафимовский лазарет. Больные и санитары «на досуге».
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 261 об.)

Чувствовалась большая потребность в новом белье, но особенно острой была нужда в палатках, так как старые сильно износились, а две из них разорвала буря. Пока стояла хорошая погода, жизнь в ветхих палатках была еще сносной, но когда начинались дожди, становилась просто невыносимой. «Сидишь в палатке, – писал Морозов, – а вода, словно чрез решето дождем, пробивается сквозь холст; в сырости проживаем так недели. Сестры живут в юртах, в которых после дождя не продохнешь. Войлок промокает и пахнет псятиной, да к тому, то там, то здесь просачивается вода, вся одежда промокает»[288]. Порванные бурей палатки были самые большие, и с их потерей почти вполовину сократилось число коечных мест в лазарете. Хотя на ближайших складах Красного Креста и имелись палатки, покупать их из-за крайне плохого качества даже на короткое время не имело смысла. Подходящие большие палатки, например палатки Гессена, можно было приобрести лишь в Петрограде. Хотя они и стоили очень дорого, зато служить могли долго. Рассчитывать же на какие-либо помещения в случае передвижения лазарета в другое место, было трудно, так как в Закавказье и Турции постройки очень редко подходили для размещения лечебных заведений.

Другой серьезной проблемой в лазарете являлся вопрос хлебопечения. Интендантский хлеб, как правило, был низкого качества, нередко сырой или залежавшийся, и естественно не подходил для больных, особенно желудочных (тифозных и др.). Пшеничного хлеба в интендантстве вовсе не выпекали. Поэтому для нужд лазарета приходилось самим печь пшеничный хлеб, качеством которого, к сожалению, трудно было похвалиться. Причиной этому являлось неимение хорошей печи из-за отсутствия кирпича. Если где и продавался кирпич, то за него просили огромные деньги – 30 копеек за штуку. Местный камень, из которого складывали лазаретную печь, был рыхлым и рассыпался от жара, так что нередко случалось, что после «сажания» хлеба в печь он выпекался «не только жаром, но и ветром»[289]. Когда Ф. М. Морозов был в Петрограде, то специально посетил выставку внеочередного Пироговского съезда, проходившего 15–18 апреля. Там его внимание привлекла походная печь на двуколке, представленная Российским обществом Красного Креста. За один раз она могла выпекать 5 пудов хлеба, а в день – 50 пудов. Хлеб выходил хорошо пропеченный и «вполне полезный». Стоила, правда, такая печь довольно дорого – 2800 рублей, но зато исключительно подходила к условиям полевой жизни. Поэтому Морозов сразу же обратился в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений с просьбой приобрести такую печь для лазарета[290]. Ответа, впрочем, не последовало. Рекламный проспект печи он привез с собой в Коссоры, передав Чикаревскому. Тот, оценив достоинства походной хлебопекарни, да и сам нередко слышав о ней положительные отзывы, со своей стороны также просил комитет приобрести эту печь. Однако из комитета так ничего и не ответили.

[288] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 321 об.
[289] Там же. Л. 327–327 об.
[290] Там же. Л. 337.

Исключительно остро стоял вопрос и с лазаретным обозом. Если раньше еще можно было как-то исправлять возникающие поломки, с чем Морозов в свое время довольно успешно справлялся, то теперь это стало почти невыполнимым. Причина была в том, что тифлисский склад Красного Креста почему-то перестал приобретать повозки. А кроме того, отказывал, по неимению, в отпуске ремонтных частей: колесных ступок, спиц, ободьев, а главное – шинного железа, которого ни в Карсе, ни в Тифлисе не стало после проведенной военными властями реквизиции. В виду сложившегося положения Чикаревский просил комитет Красного Креста духовно-учебных заведений «в первую очередь» прислать 50 пудов шинного железа. Такая экстренность диктовалась тем, что вопрос исправности обоза был жизненно важным, так как от него зависело передвижение и снабжение лазарета[291]. Морозову, однако, каким-то образом удалось достать железо на месте, о чем он и поспешил уведомить комитет[292].

Во время последней его поездки в Петроград комитет обещал переслать в лазарет переданные начальником отряда Японского Красного Креста профессором Снисиро Уэно материалы, пожертвованные японскими христианами: марлю, вату, материю для косынок. Но груз по каким-то причинам до места назначения не дошел. Также бесследно затерялись и книги, посланные лазарету петроградским Обществом духовно-нравственного просвещения. Когда Морозов пытался выяснить их судьбу, на тифлисском складе Красного Креста ему заявили, что книги, очевидно, вытащили еще в дороге.

А вот походная церковь пришла в сохранности, только холщовый иконостас комитет почему-то не прислал[293]. Теперь можно было позаботиться об организации регулярных богослужений. Еще в конце марта доктор Н. К. Чикаревский принял в лазарет на должность штатного священника иеромонаха Филарета (Панфилова)[294], служившего ранее при 1-м Сибирском казачьем полку. До него службы в лазаретной часовне со времени отъезда иеромонаха Иннокентия никто не совершал, а за исполнением треб обращались к священникам ближайших лазаретов или воинских частей. Среди таковых, видимо, и оказался отец Филарет, попросивший старшего врача принять его на штатную должность. Свою просьбу он мотивировал тем, что при верховой езде во время передвижения полка сильно утомляется и, кроме того, опасается «получить тяжелые повреждения вследствие падения с лошади»[295]. Хотя личные качества иеромонаха Филарета не

[291] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 327 об.–328.

[292] Там же. Л. 338.

[293] Там же. Л. 323 об.–324.

[294] **Филарет** (Панфилов; 1875 – после 1931) – иеромонах. Монашеский постриг принял в 1906 г. в Свенском монастыре г. Брянска Орловской губернии, затем состоял насельником Казанского монастыря Ставропольской епархии. В сан иеромонаха рукоположен в г. Тюмени Тобольской губернии. С начала Первой мировой войны служил священником 1-го Сибирского казачьего полка 2-го Туркестанского армейского корпуса. 29 марта 1916 г. прикомандирован к 2-му Серафимовскому лазарету на Кавказском фронте. После войны проживал в Ставрополье. В 1931 г. арестован и осужден по делу «церковно-монархической организации “Истинных тайных христиан”». Дальнейшая судьба неизвестна.

[295] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 290.

были известны Н. К. Чикаревскому, он, тем не менее, переживая, что в лазарете не совершаются богослужения, ходатайствовал за него перед комитетом Красного Креста духовно-учебных заведений. Вернувшись из Петрограда, Морозов сразу же предложил получить назад принадлежащие Серафимовскому лазарету антиминс, дарохранительницу и икону с мощами, которые хранились у Горийского епископа Антония. Для этого в Тифлис командировали иеромонаха Филарета, который и получил названные предметы[296].

После возвращения в конце мая из отпуска М. М. Миронова и передачи ему хозяйственных дел Морозов совсем приуныл. Числясь теперь помощником заведующего хозяйством и медбратом, он остался почти без работы. Во время эрзерумских боев, при наплыве в лазарет раненых, Морозов сожалел, что за хозяйственными делами отдалился от обязанностей брата милосердия. Когда больных и раненых стало очень мало, должность завхоза, напротив, давала возможность хоть какой-то деятельности. Теперь же и эта возможность исчезла.

Желая вырваться из сложившейся ситуации, он искал всевозможные варианты. В комитет Красного Креста духовно-учебных заведений Морозов обращался с просьбой о предоставлении ему места в передовом санитарном транспорте, сформированном комитетом весной 1915 года для Юго-Западного фронта. Транспорт этот, прикомандированный к 101-й дивизии генерала К. Л. Гильчевского – одной из самых героических частей русской армии, за год работы в боевых условиях успел снискать себе заслуженное уважение. Узнав в Петрограде о самоотверженной деятельности его персонала, Морозов захотел перевестись туда. Он просил комитет в случае переформирования администрации транспорта, если понадобится заведующий хозяйством или помощник начальника, иметь его в виду[297]. Обращался Морозов и к Л. В. Голубеву с просьбой о переводе в 10-й передовой отряд, уполномоченный которого «очень хлопотал» о назначении его своим помощником. Голубев, однако, ценя Морозова, ответил, что он «нужен в Серафимовском лазарете»[298].

До середины июня работы в лазарете по-прежнему было немного, и носила она все тот же этапный характер – большинство больных эвакуировалось в тыл. Оставались наиболее тяжелые и наиболее легкие, подлежавшие скорой выписке в часть. Однако, когда в середине июня начались бои за укрепленный турецкий город Байбурт, в Серафимовский лазарет вновь хлынул поток раненых. В конце июня корпусный врач предложил руководству лазарета организовать хирургический отряд-летучку и выступить в город Испир для оказания помощи раненым на позициях. В отряд вошли старший врач Н. К. Чикаревский, Ф. М. Морозов, сестры милосердия М. Иглина и Э. Лейтланд и шесть санитаров. Имущество, необходимое для персонала и раненых, – палатки, белье, одеяла, мешки для сенников, медикаменты, сгущенное молоко, галеты, крупы,

[296] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 106–107.
[297] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-с. Л. 324.
[298] Там же. Л. 339.

чай, сахар, посуду – погрузили на несколько санитарных двуколок. Рано утром 30 июня отряд выступил в направлении Ольт, а оттуда двинулся через Эрзерум на Байбурт.

Сбывалась, наконец, заветная мечта Морозова попасть в передовой отряд. Хотя путь к месту назначения был нелегкий, и отряду предстояло преодолеть верхом на лошадях под палящим солнцем по горным дорогам более 200 верст, Морозов воспринимал все это с огромным энтузиазмом. По пути он фотографировал все, что находил достойным внимания.

2 июля части 2-го Туркестанского корпуса заняли Байбурт. В тот же день Морозов писал профессору Шляпкину: «Шлю привет из Байбурта, куда я пришел со своим летучим отрядом; турки бегут. Бог даст, побываю и в Трапезунде. <…> Вот история, я вполне живу походной жизнью, терпя всякие лишения. По пути видел и фотографировал бывший монастырь Хохульской Богоматери; очень интересные памятники, там сохранился соборный храм, где местами есть следы фресок; что особенно интересно – рельефы при входе в храм; там же интересная галерея, где колонны с резными капителями и рисунками. <…> Здесь всюду турки бегут. Вначале окажут сопротивление, а после, если отступают, то отступают умело – долго их не разыщешь в горах. Скоро конец Понтийского хребта… Зверствам турок нет предела… Имею много снимков»[299].

Недолго, однако, пришлось Морозову восторгаться походной жизнью. Летучка не успела даже дойти до места назначения, как корпусный врач вызвал ее по телеграфу обратно. А так как ко времени байбуртских боев позиции отодвинулись от Коссор на 250 верст, то летучка, проведя в дороге в общей сложности почти двадцать дней, не принесла никакой пользы. Во время странствования заболел возвратным тифом Н. К. Чикаревский. Из-за того, что доктор провел почти все время болезни верхом на лошади, он вернулся окончательно обессиленным и через четыре дня скончался. Смерть его стала большой потерей для персонала лазарета. Отпели Николая Константиновича в лазаретной церкви, а для погребения отправили на родину в Борисоглебск.

Незадолго до этого корпусный врач приказал передвинуть Серафимовский лазарет из Коссор в Ольты, чем и было вызвано решение вернуть летучку. Однако после взятия Байбурта эвакуация раненых и больных, в результате изменения стратегического расположения наших войск, теперь осуществлялась по направлению Эрзерум–Сарыкамыш, а тракт Ольты–Коссоры–Мерденек потерял значение. Поэтому переводить лазарет в Ольты стало бессмысленным. Тогда, наконец, благодаря хлопотам комитета Красного Креста духовно-учебных заведений и очередному настойчивому ходатайству Ф. М. Морозова лазарет все же решено было отправить в Трапезунд. Исполняющим должность старшего врача временно назначили зауряд-врача А. М. Ткаченко. Вынужденно приняв управление лазаретом и не имея необходимого административного опыта, он

[299] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 25–25 об.

немедленно отправил архиепископу Сергию телеграмму с просьбой о назначении Морозова уполномоченным комитета. В складывающейся ситуации это назначение становилось все более актуальным.

Получив предписание о переводе, лазарет быстро свернулся и через Карс–Тифлис по железной дороге направился в Батум, откуда 9 августа морем прибыл в прибрежный Трапезунд, или как его называли в то время – Трапезонд. Переправа из Батума прошла благополучно, несмотря на то, что транспорт попал в сильную бурю и его изрядно качало. Куда опасней было наткнуться на немецкую подводную лодку. Хотя русские военные корабли и контролировали Черное море, такая опасность всегда оставалась и время от времени подводные лодки противника давали о себе знать.

Древний Трапезунд

Трапезунд заметно отличался от тех городов, которые Ф. М. Морозову уже довелось видеть в Армении и Турции – он выглядел красивым и диковинным азиатским городом. Располагался он на высоком берегу, откуда уступами к самой воде спускались белые с красными черепичными крышами дома, окруженные садами и цветниками. Над городом возвышались остроконечные белые минареты и темно-зеленые величавые кипарисы. С моря город, по выражению современника, выглядел «почти волшебным». Однако первое, что привлекло внимание Морозова при приближении к Трапезунду, это величественные развалины древней крепости с грозными зубчатыми башнями. Воображение его разыгралось: с археологической точки зрения город обещал открыть много интересного.

Трапезунд был действительно богат древними памятниками. Один из старейших городов мира, он долгое время оставался глухой провинцией Римской империи. Однако в начале XIII века приобрел особое политическое значение, сделавшись столицей так называемой Трапезундской империи – небольшого греческого государства, образовавшегося на юго-восточном побережье Черного моря в процессе распада Византии. В 1204 году здесь утвердилась династия Комнинов, в течение двух с половиною веков правившая этой призрачной империей. Исторически она стала последним византийским оплотом и осколком византийской культуры на черноморском побережье Малой Азии. Вот почему Морозов писал профессору Шляпкину о том, что хочет побывать в Трапезунде. «Трапезунд довольно хорош, если бы его почистить от грязи; даже великолепен…», – делился он первыми впечатлениями[300].

На приморском участке Кавказского фронта этот город имел для русской армии огромное стратегическое значение, он был, по выражению современника, *все – начало и конец*. Город служил основным перевалочным пунктом. Так как

[300] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 17 об.

обеспечение наших войск в этом районе осуществлялось почти исключительно морским путем, в Трапезунд постоянно приходили и уходили транспортные суда, сопровождаемые военными кораблями. Целыми днями по главной улице, переименованной в Ляховскую в честь генерала В. П. Ляхова[301], тянулись повозки, обозы, двуколки с ранеными, мчались мотоциклеты и автомобили, одним словом – жизнь кипела.

Прибыв в Трапезунд, Серафимовский лазарет, к удивлению Ф. М. Морозова и А. М. Ткаченко, был почти с безразличием встречен уполномоченным Красного Креста в Приморском районе Н. П. Племянниковым, который отказался размещать лазарет в городских помещениях, мотивируя это тем, что его могут в скором времени передвинуть в другой район. Он приказал расположиться в палатках за городом (в пяти верстах) – в неудобном глинистом месте. Ввиду того, что лазарет так и не получил новых палаток, он развернулся всего на 135 коек вместо 200. Прием больных начался уже с середины августа, причем почти все время в нем лежало от 150 до 250 больных[302].

Разместиться в доме Ф. К. Феофилактоса, как предполагалось изначально, лазарет не смог из-за того, что доктор сам теперь жил в Трапезунде, занимая должность старшего врача городского лазарета. Морозов повидался с ним. Феофилактос необычайно обрадовался встрече. Узнав, что в Серафимовском лазарете нет старшего врача, он выказал желание занять эту должность, будучи рад снова поработать в том заведении, с которого начал свою деятельность во время войны. Феофилактос лишь просил позволить ему уделять два часа в день городской больнице, связь с которой не хотел терять, потому что планировал после войны остаться там работать. На должность старшего врача он, по мнению Морозова, подходил и по своей специальности как хирург – «специалист головы» (учился в Париже, а также держал экзамен в России). Однако на перемещение Феофилактоса в лазарет нужно было согласие начальства, о чем и завязалась переписка с комитетом и управлением Красного Креста[303].

Осваиваясь на новом месте, Морозов ждал из комитета ответ на просьбу о своем назначении уполномоченным при лазарете. В это время управление Красного Креста при Кавказской армии планировало дать ему должность в другом лечебном заведении, однако теперь он уже не хотел оставлять Серафимовский лазарет, где так «много поработал и хлопотал о благополучии его». Долгое время Морозов жил мечтой перевестись в какой-нибудь передовой санитарный отряд, чтобы работать вблизи боевых действий. И вот теперь, когда этот вопрос вроде бы решался, он почувствовал, что не хочет оставлять лазарет, с которым

[301] **Ляхов Владимир Платонович** (1869–1920) – генерал-лейтенант Генштаба. Весной 1916 г. возглавлял Трапезундскую операцию. 5 апреля 1916 г. вместе с прибывшим на миноносце главнокомандующим Кавказской армией генералом Юденичем вошел в г. Трапезунд и отправился по узким улочкам города в православный греческий собор, где греческий митрополит совершил молебен об освобождении христианского населения от турецкого владычества.

[302] РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 635. Л. 6–6 об.

[303] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 17–19 об.

сроднился душой и с жизнью которого был теперь неразлучно связан. С другой стороны он, наверняка, хотел задержаться на некоторое время в древнем Трапезунде, так много обещающем археологу.

Оказавшись здесь, Ф. М. Морозов вскоре узнал, что в городе находится академик Федор Иванович Успенский (1845–1928) – известный русский византист, прибывший в Трапезунд для обследования и охраны древних памятников. До войны он бессменно возглавлял Русский археологический институт в Константинополе (Стамбуле). Открытый в 1895 году, институт занимался исследованием монументальных памятников древности и искусства, изучением древней топографии и географии, описанием древних рукописей, эпиграфикой и нумизматикой, исследованиями быта и обычного права, языка и устной словесности народностей, входивших в состав Византийской империи. За время существования институт проделал огромную работу по изучению древних памятников. Однако в 1914 году с началом Первой мировой войны, когда турецкие власти разорвали дипломатические отношения с Россией, институт был закрыт, вынужденный перенести свою деятельность в Россию. Основное имущество института, вместе с музейными коллекциями и библиотекой, осталось в Стамбуле, и было частично утрачено. Ф. И. Успенский, несмотря на то, что война и прочие обстоятельства разрушили дело его многолетнего труда, надеялся, что институт все же возродится. Когда в апреле 1916 года русские войска заняли Трапезунд, академик поспешил организовать туда археологическую экспедицию. Впрочем, считал ее занятием временным, так как был уверен, что скоро русские возьмут Константинополь.

Вопрос об охране памятников в районе Трапезунда был поднят еще до занятия его русскими войсками. 11 февраля 1916 года члены Археологического общества А. А. Дмитриевский и Я. И. Смирнов сделали на заседании Русского отделения Общества доклад «Древности Трапезунда» – о необходимости охраны его памятников. На основании этого доклада было решено немедленно возбудить перед военными властями вопрос «о заблаговременном принятии мер к тому, чтобы памятники г. Трапезунда, а впоследствии всей приморской области поставлены были под действительное наблюдение и попечение ученых специалистов по возможности с самого начала занятия соответствующих городов нашими войсками, дабы предотвратить те возможные повреждения, которые могут потерпеть эти памятники как от случайностей первых моментов военной оккупации, так и от хищений торговцев древностями и любителей и, наконец, от слишком поспешного и недостаточно осмотрительного возвращения некоторых мечетей к их прежнему церковному назначению»[304]. Буквально через две недели аналогичное постановление было принято на собрании Историко-филологического отделения Академии наук.

[304] Цит. по: *Басаргина Е. Ю.* Историко-археологическая экспедиция в Трапезунд (1916) // Вспомогательные исторические дисциплины. – 1991. – Т. XXIII. – С. 301.

В начале марта военные власти дали согласие командировать в Кавказскую армию представителей Русского археологического общества и Академии наук. Так как обе организации ставили сходные задачи, было решено объединить их усилия и организовать совместную экспедицию, в состав которой вошли: академик Федор Иванович Успенский, профессор Федор Иванович Шмит (1877–1941) и Николай Карлович Клуге (1867–1947), приглашенный как художник и фотограф. Финансировалась она за счет средств, ежегодно выделяемых Министерством народного просвещения на содержание Русского археологического института в Константинополе.

Главной задачей экспедиция ставила описание и консервацию памятников старины, раскопки же предполагалось производить лишь по мере возможности. Однако, когда археологи в середине мая прибыли в Трапезунд, они нашли город совершенно разграбленным греками и русскими. Осмотр древних памятников произвел удручающее впечатление, повсюду виднелись следы грабежа и разорения. Тогда ученые решили сосредоточить внимание на обследовании и охране древних христианских храмов, обращенных турками в мечети, главным образом трех: Св. Софии, Св. Евгения и Богородицы Златоглавой. Все названные церкви по распоряжению властей были закрыты для мусульманского культа и предоставлены для проведения в них археологических работ.

Морозов подключился к работам Ф. И. Успенского приблизительно в середине августа, то есть буквально через неделю после прибытия в Трапезунд. Академик весьма обрадовался его появлению, так как в это время работал уже один, оставшись без помощников: Ф. И. Шмит и Н. К. Клуге вернулись в Россию. Причиной их скорого отъезда отчасти стали недоразумения, возникшие между Успенским и его коллегами. Особенно у академика не заладились отношения с профессором Шмитом, представлявшим Русское археологическое общество. Конфликт начался еще в Тифлисе, куда ученые съехались в начале мая для получения необходимых документов от военных властей. Шмит полагал, что командирован в Трапезунд Археологическим обществом как лицо самостоятельное, однако к своему большому неудовольствию узнал, что должен поступить под начало Успенского, объявленного руководителем экспедиции. Для Шмита, ехавшего в Турцию с собственным планом охраны памятников на обширной территории Малой Азии, известие это оказалось крайне неприятным. Он пытался отстоять свою самостоятельность, однако Успенский добился того, чтобы Шмит поехал в Трапезунд под его руководством. В канцелярии штаба, по словам Н. К. Клуге, очень удивлялись, что Успенский так настойчиво добивался того, чтобы поставить Шмита в полную зависимость от себя. Между тем Шмит не счел возможным отказаться от участия в экспедиции, хотя его и не устраивали условия работы[305].

[305] *Басаргина Е. Ю.* Историко-археологическая экспедиция в Трапезунд (1916) // Вспомогательные исторические дисциплины. – 1991. – Т. XXIII. – С. 303.

Следует сказать, что Ф. И. Успенский с самого начала повел себя по отношению к коллегам довольно странно. Он не посвящал их ни в свои замыслы, ни в планы экспедиции. Естественно, такая скрытность выглядела не совсем нормально. Клуге вспоминал, что ни Шмит, ни он сам не могли добиться в Тифлисе от Успенского, какие же цели и задачи ставит экспедиция. Только при отъезде из Тифлиса Клуге узнал из свидетельства, выданного начальником штаба Кавказского военного округа, что отправляется в Трапезундский регион «для исследования, регистрации и учреждения охраны памятников старины»[306].

По прибытии в Трапезунд Шмит и Клуге так и не смогли выяснить у академика, что именно надо понимать под словом «памятники» и в чем конкретно должна заключаться их охрана. Из-за этого произошло немало курьезов. Клуге вспоминал: «Из мечетей свозили куда-то старые подсвечники и лампады, а архивы в мечетях и библиотеки в частных домах и учреждениях были оставлены на полный произвол. Что не успели разграбить раньше, то продолжали грабить при нас. Успенскому мы со Ф. И. Шмитом неоднократно указывали на то, что местные греки и русские солдаты, главным образом матросы, продолжают грабить мечети и разбивать теке, но он на это отвечал: это не мое дело»[307].

Изначально ученые решили при исследовании памятников вести работы так, чтобы не «подводить» местное христианское население на случай, если турки снова отвоюют Трапезунд: в мечетях-церквях не снимать со стен штукатурку и по возможности избегать всего того, что могло бы оскорбить религиозные чувства турок. Поэтому было решено заняться составлением планов трапезундских церквей, которые хотя и были изданы французами, однако имели много неточностей. Вместе с тем никаких определенных задач, на что конкретно обращать внимание и чем заниматься при исследовании храмов, намечено не было. Это сейчас же сказалось при работах в Св. Софии, с которой начались археологические исследования. Успенский решил «не церемониться с ней» на том основании, что она была якобы заброшена самими турками, хотя это было неверно.

Перед началом работ в Св. Софии не было сделано ни одного фотографического снимка внутри мечети, которую археологи застали «в прекрасном порядке». Исследования начались со снятия дощатого турецкого настила, под которым сохранилась средняя часть древнего мраморного пола. При сбивании со стен штукатурки обнаружились фрески. После этого решено было сделать подробный план храма, а также фотографии открытых фресок – отдельно каждую композицию и в большом масштабе детали выдающихся частей, скопировать акварелью несколько голов, рук, ног, часть драпировок одежд, чтобы дать представление о характере живописи. Однако, когда пришло время фотосъемки, выяснилось, что почти нет фотографических пластин. О причинах этого следует рассказать более подробно, так как из-за отсутствия необходимых материалов

[306] ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 372. Л. 50 об.
[307] Там же. Л. 51 об.

Клуге практически не смог выполнить задачу фотографа экспедиции. И если бы не появление в Трапезунде Ф. М. Морозова, то экспедиция имела бы в своем распоряжении совсем незначительный фотоматериал. Картина в общих чертах выглядела так. Успенский и Клуге выезжали из Петрограда вместе. При отъезде Успенский настолько заторопился, что Клуге удалось достать лишь полторы сотни обыкновенных пластин Веллингтона размером 13×18, за качество которых магазин не ручался. Взять пластины русского производства он не решился, так как качество их было настолько плохое, что в магазинах прямо говорили об их непригодности. Тогда Клуге попросил Успенского поручить магазину Иохима выслать в Трапезунд партию пластин Ильфорда, которые магазин должен был получить недели через две после отбытия их из Петрограда. Перед отъездом Клуге указывал Успенскому, что полутора сотен пластин далеко недостаточно, так как кроме исследования памятников Трапезунда планировалось посетить несколько монастырей в его окрестностях. Однако супруга академика – Надежда Эрастовна, собиравшаяся в поездку вместе с мужем, решила, что имеющихся пластин вполне достаточно, а если понадобится еще или купленные окажутся негодными, то можно будет приобрести их в Тифлисе. Впрочем, в день отъезда из Петрограда Успенский в телеграмме Ф. И. Шмиту, находившемуся в Харькове, просил захватить 60 пластин 13×18. Однако в Харькове Шмит пластин не нашел. В Тифлисе их тоже не оказалось. Тогда Шмит и Клуге стали настаивать, чтобы Успенский сделал заказ Иохиму, но тот отказал, уверяя, что в Трапезунде можно будет найти все, что нужно. Не найдя, однако, в Трапезунде пластин, они снова стали просить академика заказать их в Петрограде. Вместо этого Успенский написал в Тифлис супруге, чтобы она захватила с собой 60 пластин. «Можно было заподозрить, – вспоминал Н. К. Клуге, – что Успенского совершенно не интересовало, будут ли нами сделаны снимки или нет, так как он безразлично относился к этому делу. Только благодаря любезности моряков, давших нам 2 дюжины пластин 10×15 и свой фотографический аппарат, можно было сделать кое-какие снимки в Св. Софии»[308]. Моряки действительно очень помогли археологам. Во время морского перехода в Трапезунд часть фотоматериалов оказалась подмоченной водой. Узнав об этой неприятности, офицеры-моряки решили выручить ученых и подарили им 24 пластины Ильфорда и фотоаппарат в придачу.

Трения между археологами обострились еще больше, когда Ф. И. Успенский заявил, что с 15 июня Н. К. Клуге должен будет работать с ним. Это означало, что в самый разгар работ в Св. Софии их необходимо будет остановить. У Ф. И. Шмита опустились руки, и 17 июня он уехал из Трапезунда. 5 июля город покинул и Н. К. Клуге.

В Трапезунде находился еще один специалист, чьей помощью поначалу воспользовался Успенский, однако вскоре вынужден был от нее отказаться. Это

[308] ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 372. Л. 52–53 об.

был Сергей Рудольфович Минцлов – «скифский гробокопатель», как язвительно «окрестил» его Н. К. Клуге. Читающей России он больше был известен как писатель, а в узких кругах – как страстный библиофил. В Трапезунде Минцлов состоял чиновником для поручений при генерале А. В. фон-Шварце – начальнике Трапезундского укрепрайона. Хотя главной стихией Минцлова были книги, археология в его жизни занимала не последнее место. Тем более что он имел в этой области профессиональное образование, будучи выпускником Нижегородского Археологического института. Ввиду этого, Шварц, обладавший полномочиями генерал-губернатора, поручил ему охрану памятников старины на территории укрепрайона и разрешил заниматься раскопками, предоставив полную свободу действий[309]. С первых же дней прибытия археологической экспедиции в город Минцлов был в курсе ее работ и довольно часто общался с Успенским, нередко появлявшимся на обедах у генерала Шварца.

Успенский пригласил Минцлова в помощники при исследовании церкви Св. Евгения (мечеть Йени Джума). Тот сразу стал уговаривать академика «предпринять настоящие, полные раскопки в храме», но Успенский не согласился, сославшись «на недостаток времени и рабочих рук»[310]. Во время обследования алтарной части археологи обнаружили под штукатуркой фрески, однако Минцлов повел их расчистку так грубо, что Успенский поругался с ним и «выставил». В Петрограде рассказывали, что Минцлов очищал фрески путем *рубки* покрывавшей их штукатурки[311]. Сергей Рудольфович, впрочем, нисколько не рассердился на академика, который неизменно пользовался его гостеприимством, а последние месяцы пребывания в Трапезунде даже жил в его доме. Кроме того, фрески и византийские храмы его мало интересовали, а больше привлекали дохристианские древности. К тому же Минцлов как раз в это время получил от Шварца поручение произвести статистическое обследование Трапезундского укрепрайона, составлявшего 300 квадратных верст, так что занятия археологией временно отошли на задний план[312].

Таким образом, к началу июля Ф. И. Успенский остался один. При таких обстоятельствах появление Ф. М. Морозова для него оказалось как нельзя кстати. Это была находка вдвойне: мало того, что Морозов имел профессиональные знания по археологии, он еще оказался и опытным фотографом, имеющим при себе все необходимые материалы.

К археологическим работам Морозов подключился в то время, когда академик обследовал церковь Богородицы Златоглавой (мечеть Орта Хиссар), служившую некогда кафедральным храмом митрополитов и местом царского захоронения. По просьбе Успенского храм предварительно очистили от хлама, грязи,

[309] *Минцлов С. Р.* Трапезондская эпопея. Дневник. – Берлин: Сибирское книгоиздательство, [1925]. – С. 29, 51.
[310] *Минцлов С. Р.* О бывшем храме св. Евгения // Трапезондский военный листок. – 1916. – № 18. – С. 3.
[311] ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 406. Л. 313.
[312] *Минцлов С. Р.* Трапезондская эпопея… – С. 51.

а также мусульманской обстановки и деревянных пристроек, обезобразивших юго-западную стену. Кроме того, по распоряжению генерала Шварца снесли деревянные жилые помещения и лавки, находившиеся между церковью и улицей.

Сделав в восточной части храма пробы, Успенский обнаружил под штукатуркой фресковую живопись, а по сторонам алтарной апсиды – великолепно сохранившийся мозаичный пол. Впрочем, работы по очистке мозаики и фресок проведены не были.

«Шлю Вам привет из Трапезунда, – писал в те дни Морозов профессору И. А. Шляпкину. – Здесь я недавно; работаю много по археологии, помогаю профессору Ф. И. Успенскому, который здесь один и был очень рад, что я приехал. Я фотографирую памятники Трапезундской старины; их довольно много. Самыми интересными являются храмы Св. Софии, а еще лучше храм Златоглавой Богородицы»[313].

Занимавшийся фотосъемкой Н. К. Клуге сумел сделать за время пребывания в городе всего около 40 снимков, признанных более или менее подходящими. Большая же часть фотографий, напечатанных с привезенных из Петрограда пластин Веллингтона, из-за плохого их качества, оказалась негодной[314]. Поэтому Морозову пришлось частично переснимать то, что уже фотографировал Клуге.

Кроме упоминавшихся трех храмов Морозов фотографировал и другие, правда, менее интересные в архитектурном отношении. Это были небольшие церковки, вроде часовен, скрывавшиеся за многочисленными постройками внутри дворов, так что даже отыскать их было нелегко. Раньше они, вероятно, служили домовыми церквями, но теперь не функционировали. Фотографировал Морозов в Трапезунде еще два очень интересных храма – пещерных – видимых издалека при приближении к городу с моря. К ним вела белая мраморная лестница, сооруженная не так давно. Храмы эти обнаружил случайно попавший в Трапезунд ученый. В каждом имелись настенные росписи, емкости для воды и погребальницы (в некоторых хранились кости).

Кроме храмовых построек Морозов снимал древний кремль с остатками царского дворца, где, начиная с римской кладки, можно было видеть кладку вплоть до XIII–XV веков. Стены кремля тянулись поперек города до самого моря. Хотя во многих местах они уже претерпели значительные разрушения, тем не менее производили своим «царственным величием» большое впечатление. По убеждению Морозова древний кремль требовал «внимания, любви и изучения».

В городе у греков можно было купить кое-какие старинные вещи, например римские и византийские монеты. Морозов приобрел несколько монет времен императоров Калигулы, Тита и др. Разыскивал он и древние граффити, но безуспешно.

[313] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 26.
[314] ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 6. Л. 8.

Интересные в церковно-археологическом отношении памятники имелись и в селении Платана, расположенном на берегу моря в 12 верстах от Трапезунда. Это был небольшой, типичный турецкий городок, изрезанный кривыми и тесными улочками. От самой воды он поднимался по уступам гор на значительную высоту. На одном из таких уступов возвышался древний византийский храм, в котором сохранились фрагменты еще яркого чудесного мозаичного пола. Никаких предметов древности в нем не сохранилось, кроме мраморной капители языческих времен, используемой в качестве подставки для деревянного запрестольного креста. В Платане было еще четыре храма, один из которых имел фресковую живопись, к сожалению испорченную реставрацией XIX века[315]. Эти храмы Морозов также фотографировал. Однако вскоре ему пришлось отказаться от подробной съемки, что немало его расстроило. В Трапезунде, как уже говорилось, крайне трудно было достать фотоматериалы: если что и имелось, то стоило очень дорого, а многого вообще не обреталось. Безуспешно Морозов разыскивал и эстампажную бумагу, которая у него закончилась, а заменить ее было нечем. Ввиду дефицита материалов он вынужден был снимать выборочно, лишь то, что наиболее заслуживало внимания, хотя, по его мнению, «все заслуживало внимания»[316].

Очень скоро Ф. И. Успенский убедился, что Ф. М. Морозов оказался весьма ценным работником и еще в августе начал хлопотать через Академию наук о назначении его «сотрудником по работе регистрации памятников старины»[317]. Однако, несмотря на это, доверительных отношений между ними не складывалось – академик держал дистанцию и скрытничал. Во время совместных путешествий по городу и окрестностям Успенский многое утаивал от младшего коллеги. Он, например, говорил, что там-то «не интересно», или там-то «нет особенных вещей», а позднее Морозов стороной или от самого академика узнавал, что как раз в тех местах было много любопытного с археологической точки зрения. «Тяжело бывает работать при таких условиях, – делился он с профессором И. А. Шляпкиным. – Я откровенен, а ко мне нет…»[318]. На такое странное поведение академика, вызванное, видимо, научной ревностью и какими-то личными соображениями, указывал и Н. К. Клуге. Он, например, вспоминал, как Успенский «до неприличия бесился и ругался, когда до него доходили слухи (а их было много!), что Шмит открыл в Св. Софии замечательные фрески»[319]. Клуге также рассказывал, что в Трапезунде при военно-строительном отделе имелась прекрасно оборудованная фотолаборатория, заведующий которой предложил дать археологам пластины и аппарат для совместной фотосъемки памятников.

[315] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 28–29.
[316] Там же. Л. 29–29 об.
[317] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 18.
[318] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 29 об.
[319] ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 372. Л. 55 об.

Так как экспедиция испытывала большую нужду в фотоматериалах, такое предложение оказалось как нельзя кстати. Однако Успенский, узнав об этом, «свирепо отказался, заявив, что он никому не позволит фотографировать Св. Софию, Св. Евгения и Панагию Хризокефалос, исследования которых оставляет за собой»[320].

Впрочем, Ф. М. Морозов, несмотря ни на что, относился к Ф. И. Успенскому с большим уважением и доброжелательностью. Это видно из его писем к академику.

К своему огромному огорчению, Морозов во время путешествий по городу подхватил инфекцию и в конце августа слег с брюшным тифом. Болезнь быстро истощила его организм.

В Трапезунде среди русских болели многие, прежде всего малярией и желудочными инфекциями. Хотя военно-медицинская служба во главе с доктором Владимировым и пыталась бороться с эпидемическими болезнями, но вяло и малоуспешно – город оставался в санитарном отношении грязным и запущенным. Он был настолько загажен, что достаточно было «сунуть нос в любой двор или дом, чтобы тотчас же зажать его: нерукотворные памятники греко-солдатских визитов покрывали не только дворы и полы, но возвышались и на чудом уцелевших столах и комодах»[321]. В нечистотах плодились миллиарды мух, которые тучами вились повсюду. Вместо того чтобы заняться устройством городской канализации и чисткой отхожих мест, доктор Владимиров запретил жителям держать у себя лошадей и коров и назначил премию в 15 рублей за каждый фунт мух[322]. При этом город был переполнен больными солдатами. «Идешь по улице, – вспоминал очевидец, – и кажется, что навстречу без конца и без счета бредут только что вставшие из могил покойники; госпиталя переполнены по-прежнему донельзя и больные с температурой в 38° и выше валяются под дождем на открытых дворах»[323]. Причиной такого скопления больных была плохо поставленная и редко производившаяся эвакуация.

Пока Морозов болел, Ф. И. Успенский готовился к раскопкам находившейся рядом с алтарем храма Богородицы Златоглавой усыпальницы трапезундского императора Алексея IV Комнина, убитого в 1447 году по приказу своего сына Иоанна IV (Калояна). Впрочем, тогда академик полагал, что это могила императора Алексея III.

Исследование царского захоронения с самого начала оказалось делом непростым. Сперва необходимо было расчистить прилегающую территорию от различных мелких построек, о чем уже говорилось выше. Однако имелась и другая сложность – над царским захоронением турки устроили гробницу местного героя Хосоглана, сыгравшего важную роль при взятии Трапезунда[324]. Необхо-

[320] ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 372. Л. 56.

[321] *Минцлов С. Р.* Трапезондская эпопея… – С. 73.

[322] Там же. – С. 85.

[323] Там же. – С. 115.

[324] Согласно существовавшему преданию Хосоглан удачным выстрелом из пушки перебил цепь подъемного моста, благодаря чему мост опустился и турки ворвались в город. Сам же он погиб при штурме города.

димо было решить вопрос с могилой воина так, чтобы не рассердить турецкое население, питавшее большое почтение к герою. «Предоставив местному мулле найти другое место для этой гробницы со всеми благочестивыми приношениями и украшениями, при ней бывшими, – писал Ф. И. Успенский, – я озаботился немедленно приступить к исследованию усыпальницы»[325].

Раскапывать могилу начали 9 сентября, когда Морозов уже немного оправился и смог принять участие в этой работе. Бывал здесь и С. Р. Минцлов. Под полом тюрбэ[326] археологи обнаружили цементированную и обложенную штукатуркой могилу, частично заполненную водой и толстым слоем черной земли. Когда его сняли, открылась мраморная плита – верхняя часть саркофага, на котором и была устроена турецкая могила. Саркофаг заполняла жирная, влажная земля. При ее извлечении Успенский обнаружил скелет, предположительно воина Хосоглана.

По мере углубления в саркофаг туда стала прибывать вода, что значительно затрудняло работы. Поэтому, когда в грязи появились части еще одного костяка, Успенский приостановил раскопки.

Чтобы способствовать оттоку воды из саркофага, с его северной и восточной стороны пришлось прокопать траншеи. Однако цель достигнута не была: вода не стекала в глубокую канаву и после вычерпывания снова появлялась в саркофаге. «Со значительными трудностями, то, вычерпывая воду, то, выбрасывая землю, – вспоминал Успенский, – я, при помощи оказавшегося в Трапезунде Ф. М. Морозова, продолжал углубляться в могилу»[327]. Когда совместными усилиями удалось расчистить саркофаг, археологи обнаружили на дне его царские останки. Неправильное положение костяка и полное отсутствие погребального орната свидетельствовали о том, что могилу ограбили, причем, по мнению Успенского, вскоре после захоронения. То, что дно саркофага было пробито и через него поступала вода, наводило на мысль, что грабители попали в усыпальницу, сделав подкоп.

Найденный на дне могилы череп сохранился в целости, но при выемке из земли костяка части его отделились. Только позвоночник с ребрами и тазом удалось спасти от разрушения. Извлеченные кости имели любопытную особенность: они были как бы пропитаны жирным составом, который придавал им особый цвет. Успенский предположил, что это произошло из-за бальзамирования погребенного.

При деятельном участии Морозова кости были промыты, высушены и положены в ящик, который забили и опечатали. В этот день, 14 сентября,

[325] *Успенский Ф. И.* Усыпальница царя Алексия IV в Трапезунде // Византийский временник. – 1923. – Т. 23. – С. 10.

[326] **Тюрбэ** (арабск.) – усыпальница на Востоке для знатных людей.

[327] *Успенский Ф. И.* Усыпальница царя Алексия IV в Трапезунде // Византийский временник. – 1923. – Т. 23. – С. 12.

академик отметил в записной книжке: «Я натер мозоль при очищении костяка, а Ф. М. Морозов порезал палец»[328].

Еще до раскопок царской могилы Морозов предложил Успенскому организовать при храме Богородицы Златоглавой местный историко-археологический музей. Академик, хотя и «с недоверием, но все же согласился»[329]. Храм этот был выбран местом для музея неслучайно. Как уже говорилось, прибыв в Трапезунд, экспедиция обнаружила в мечетях-церквях следы разорения. Чтобы оградить памятники от дальнейшей порчи, Успенский распорядился заменить в храмах взломанные двери и оконные рамы, установить запоры и замки. Однако эти меры оказались тщетны: окна выламывали, с дверей сбивали замки, и в помещениях снова появлялись нежелательные посетители. Единственная мечеть, которую можно было хоть как-то защитить, был храм Богородицы Златоглавой. Он находился в центре города в бойком месте, да к тому же поблизости имелся полицейский пост. Здесь, как в сравнительно надежном помещении, и решено было сосредоточить собранные во время экспедиции предметы, имеющие церковную и археологическую ценность. Это были книги и рукописи, найденные в мечетях и частных домах, архитектурные фрагменты и т. п. Многие книги и рукописи, брошенные турками при эвакуации, члены экспедиции обнаружили в большом беспорядке, так как еще до прихода русских их тщательно и в то же время грубо пересмотрели греки, искавшие деньги и ценности. Множество рукописей было перенесено из соседнего с храмом помещения. Большую турецкую библиотеку Успенский забрал из частного дома, занятого 3-м лазаретом Государственной думы. Несколько книг и рукописей он нашел в оставленных жителями частных домах. Главный же и самый ценный рукописный материал был обнаружен в мечетях, секвестрованных администрацией, а также собранный и переданным С. Р. Минцловым.

При входе в передний (внешний) портик церкви Богородицы Златоглавой Ф. М. Морозов положил начало трапезундскому археологическому музею. Здесь он разместил предметы и архитектурные фрагменты, найденные вблизи храма, части мраморной облицовки из алтаря церкви Св. Евгения. Тут же находились кости из царского саркофага, а также череп и кости, найденные в верхнем слое земли в алтаре церкви Св. Евгения, принятые за кости самого святого[330].

Довольно полное представление о собранной коллекции дает краткая опись предметов музея, составленная Ф. М. Морозовым 10 сентября 1916 года:

«1. Белого мрамора капитель, полая внутри, где заметны в дне отверстия, сделанные для стока воды. <...> На двух противоположных сторонах капители – барельефный рисунок довольно глубокой и свободной резьбы, представляющий

[328] ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 310. Л. 62.

[329] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 29 об.

[330] *[Успенский Ф. И.]*. Сообщение и отчет о командировке в Трапезунд Ф. И. Успенского // Известия императорской Академии наук. – 1916. – Т. XI. – № 16. – С. 1659.

два широких листа лотоса; на других двух противоположных сторонах – тоже барельефный резной рисунок листьев лотоса… Эта капитель до поступления в музей находилась возле колодца, что близ церкви Богородицы Златоглавой.

2. Белого мрамора капитель… имеет по сторонам рисунок узких листьев. Эта капитель найдена при раскопках у могилы царя Алексея Комнина.

3. Белого мрамора плоская плита <...> имеет рельефный растительный орнамент; рисунок потертый. Этот кусок найден вместе с описанной малой капителью при раскопках разрушений близ домов у могилы царя Алексея Комнина 9 сентября 1916 г.

4. <...> остатки белой мраморной колонны найдены в земле при проведении траншеи при раскопках могилы Алексея Комнина.

5. Бронзовые часы с испорченным механизмом из храма Богородицы Златоглавой.

6. Две створки деревянной двери, взятые с проповеднической кафедры из храма Богородицы Златоглавой. Обе половинки створец инкрустационной работы – кость и цветное дерево. Дивный восточный рисунок времени Сельджуков.

7. Куски белого мрамора, фрагменты того же материала с орнаментом; несколько мраморных кусков мозаики, взятых с пола, и формы чаши сосуд, у которого низ литой бронзовый, а верх гладкий металлический. <…> Все сейчас перечисленное принесено из храма св. Евгения.

8. Из храма св. Евгения принесен костяк, найденный при раскопках в алтаре, и два черепа <…>, причем один довольно крупной величины; кости толстые, желтоватый светлый цвет всего костяка. Череп малого размера светло-желтого цвета с розоватым оттенком. Этот череп значительно выделяется от описанного, так он меньше в объеме, кость тонкая, нежная.

9. Кости, найденные при вскрытии могилы царя Алексея Комнина.

10. Мраморные куски; куски не то породы камня или металла с вкрапленными золотыми блестками; железный гвоздь; глиняные черепки – все найдено при вскрытии могилы Алексея Комнина.

11. Почерневшие кости черепа и других частей, найдены при проведении траншеи возле могилы царя Алексея Комнина.

12. Желтой меди круглая чаша с турецкими надписями, служившая для питья воды священной – из храма Богородицы Златоглавой.

13. Проповедническая кафедра, вся украшенная восточной резьбой с серебряной и костяной инкрустацией. В данное время она вся окрашена масляной краской.

14. Медный кувшин с турецкой надписью»[331].

Также среди предметов помещались две картины в деревянных золоченых рамах, писанные масляными красками – виды Мекки и Медины.

[331] ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 6. Л. 9–11 об.

Сообщая в одном из писем профессору И. А. Шляпкину об устройстве музея и собранных экспонатах, Морозов в частности прибавлял: «…Привел во внешний порядок архив турецкий при Златоглавой церкви, словом, посеянное семя Института и Университета несу с благоговением во славу науки и родины»[332]. Работа по разбору архива на самом деле оказалась не из легких, учитывая, что Морозов был еще не вполне здоров. Общий вес собранного археографического материала составлял около 30 тонн, поэтому можно представить, какие усилия пришлось приложить, чтобы привести его «во внешний порядок». Всю эту огромную массу рукописных документов Морозов уложил в 200 больших ящиков, разместив в пяти помещениях верхнего этажа – на хорах и гинекее[333].

В конце сентября академик Ф. И. Успенский покинул Трапезунд. Перед отъездом он пытался выяснить у генерала А. В. Шварца, насколько его администрация может гарантировать сохранность предметов, сосредоточенных в церкви Богородицы Златоглавой. Генерал ответил, что с этим могут возникнуть трудности, так как нет возможности установить здесь караульный военный пост, а полицейский надзор не в силах «обеспечить сохранности и неприкосновенности» обширного помещения. Получив такой уклончивый ответ, Успенский решил уложить наиболее ценные вещи в ящики на случай эвакуации. Особое значение он придавал некоторым рукописям. Упаковав их в четыре ящика и опечатав печатью Русского археологического института в Константинополе, академик оставил их в помещении устроенного Морозовым музея. Ключи от храма Богородицы Златоглавой и других мечетей-церквей Ф. И. Успенский передал по распоряжению генерала Шварца подпоручику С. Р. Минцлову, к тому времени уже начальнику Трапезундского округа.

Записывая в дневнике об отъезде академика, Минцлов иронично задавался вопросом: какой отчет о своей командировке тот представит в Академию наук? «Старец все путает и забывает», – замечал он. В качестве иллюстрации Минцлов приводил несколько примеров, и в частности такой. Изучая фрески, открытые на стенах Айя-Софии, Успенский заявил, что одна из картин изображает Евангельскую притчу о десяти девах, что и записал в отчет. «Между тем, – повествовал Минцлов, – Морозов, молодой археолог, работающий здесь вместе с нами и служащий в Серафимовском лазарете, влез по лестнице и убедился, что десять дев академика украшены бородами. Посмеялись мы и сказали Успенскому; тот поскакал в собор, убедился в своей ошибке и с большим неудовольствием исправил отчет свой»[334].

Вообще к деятельности академика Минцлов относился довольно скептически. Он считал, что Успенский слишком стар и Академия наук допустила большую ошибку, не учтя возраста главного распорядителя, «посылая экспедицию

[332] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 29 об.

[333] *Успенский Ф. И.* Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. // Известия Российской Академии наук. – 1918. – Т. 12. – № 5. – С. 212.

[334] *Минцлов С. Р.* Трапезондская эпопея… – С. 130.

на такое большое дело». Еще в июле он писал о намерении академика заняться осмотром древностей Трапезунда: «…толку из этого, как и из всей его командировки, конечно, не будет: и древен он и очень уж привыкли господа тайные советники пользоваться всем готовым! А здесь надо организовать все самому и забыть про нянек и про мамок»[335]. Любопытно, что точно такого же мнения об экспедиции был и ее участник Н. К. Клуге. В отчете Русскому археологическому обществу он замечал, что все раскопки Успенского «были такой ерундой, что о них не стоит говорить». По убеждению Клуге академик предпринимал раскопки лишь для того, чтобы показать местным властям, что он действительно занимается «охраной». «Много было разграблено и книг из мечетей и частных библиотек, – вспоминал художник, – все это прекрасно было известно Успенскому, но он ровно ничего не предпринимал к тому, чтобы положить этому конец»[336].

В начале октября в Петроград вынужден был уехать и Ф. М. Морозов. Брюшной тиф не прошел для него бесследно, вызвав осложнения: болезнь почки и расстройство нервной системы. По всей видимости, он просто-напросто не долечился и оставил постельный режим, боясь упустить возможность поучаствовать вместе с Ф. И. Успенским в раскопках царского захоронения. Чтобы поправить здоровье, Морозов отпросился на полтора месяца в отпуск[337]. В столицу он приехал в совершенно изможденном состоянии: сказалась тяжелая дорога. Две недели пришлось пролежать в больнице Александро-Невской лавры, практически не вставая с постели. Только после этого самочувствие стало улучшаться, и он начал выходить на прогулки. Поправляться помогали не только врачебный уход, но и монастырская молитва, родная обстановка лавры, участие знакомых. Как только силы немного вернулись, Морозов поспешил организовать в Археологическом институте для знакомых, интересующихся церковной стариной, показ «на экране» наиболее ценных памятников Трапезунда. К этому времени у него уже собралась солидная коллекция фотографий. Морозов рассказал о 12-ти трапезундских храмах XIII–XIV веков, «орнамент, мозаики, фрески, украшения которых носят следы византийского влияния». Он также сообщил о крепостных стенах и двух старинных дворцах, приписываемых постройке Комнинов[338].

Вместе с тем, наконец, решился вопрос о назначении Морозова уполномоченным комитета Красного Креста духовно-учебных заведений при 2-м Серафимовском лазарете. В удостоверении, выданном Главным управлением Российского общества Красного Креста, в частности говорилось: «Все начальствующие лица и общественные учреждения благоволят оказывать Ф. М. Морозову должное содействие»[339].

[335] *Минцлов С. Р.* Трапезондская эпопея… – С. 64.
[336] ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 372. Л. 54.
[337] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 166.
[338] Отражение войны // Старые годы. – 1916. – № 10–11. – С. 159.
[339] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 181.

Теперь он уже мог хлопотать о нуждах лазарета как лицо полномочное, чем сразу же и воспользовался. Морозов обратился в комитет с просьбой организовать «для тоскующих от скуки больных воинов» небольшую библиотечку. Хотя в лазарете и имелись книги религиозного содержания, этого явно было недостаточно. Чтобы разнообразить чтение, он попросил обеспечить лазарет книгами дешевых изданий русских классиков, одной-двумя газетами и журналом, а также религиозно-нравственными листками «для раздачи». Еще он просил закупить для лазарета финляндские галеты, так как интендантский хлеб, как уже говорилось, был плохого качества и не подходил для терапевтических больных – желудочных. Необходимо было и «жертвованное белье» для уходящих в часть выздоравливающих солдат. К празднику Рождества Ф. М. Морозов просил для больных подарки: рубашки, кальсоны, носки, табак, открытки для писем. «Все солдаты на позициях получают подарки к празднику, – писал он в комитет, – а эти, попавшие случайно в лазарет, бывают обделены, а они-то, для лазарета, особенно дороги»[340].

Пока Морозов находился в Петрограде, Серафимовский лазарет сменил месторасположение. Связано это было с начавшимися в октябре проливными дождями, которые очень скоро практически парализовали деятельность лазарета – он буквально утопал в грязи. Работать в таких условиях стало невыносимо, и прием больных пришлось временно прекратить. Тогда военное начальство отвело для лазарета помещения в селении Соук-су, в трех верстах от Трапезунда, где до прихода русских располагались летние резиденции трапезундской знати.

В это время в лазарет прибыл на должность старшего врача хирург Федор Павлович Андреади, так как Ткаченко, вынужденно принявший заведование лазаретом, просил управление Красного Креста «ускорить командирование солидного, старого врача»[341]. Феофилактос, о котором ходатайствовал Морозов, назначен не был. Как выяснилось, хирургия не являлась его специальностью. На запрос комитета Красного Креста духовно-учебных заведений главноуполномоченный Красного Креста на Кавказском фронте Л. В. Голубев ответил, что препятствий к назначению его не встречает, но в таком случае Серафимовский лазарет потеряет хирургическое значение. А вскоре и сам Феофилактос сообщил, что не сможет принять на себя обязанности старшего врача[342].

Перебравшись в Соук-су, Серафимовский лазарет занял три большие и три малые дачи. Но этих помещений оказалось недостаточно, поэтому пришлось развернуться всего на 100 коек. Впрочем, ввиду трудности подвоза больных из-за плохой дороги, он был загружен умеренно: операций проводилось немного, а среди пациентов преобладали больные возвратным тифом.

[340] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 45.
[341] РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 635. Л. 6 об.–7.
[342] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 27–29.

В начале ноября возникло предположение о переводе Серафимовского лазарета в Ардасу. На этом настаивали генерал Шварц и главный врач укрепрайона Владимиров, указывая на необходимость иметь лечебные заведения на линии Калкит–Дживизлик, «дабы не переполнять Трапезунд»[343]. Однако командир 2-го Туркестанского корпуса генерал М. А. Пржевальский находил перевод лазарета в Ардасу нежелательным. Решение этого вопроса было отложено до приезда в Трапезунд в конце ноября Л. В. Голубева.

Ко времени возвращения Ф. М. Морозова на Кавказский фронт в комитете Красного Креста духовно-учебных заведений появилась мысль преобразовать 2-й Серафимовский лазарет в госпиталь. Идея эта не встретила принципиальных возражений со стороны Российского общества Красного Креста, однако не имелось пока «подходящего врача». Исполняющего обязанности старшего врача Андреади Л. В. Голубев считал непригодным для госпитальной работы. Отклонил он и кандидатуру доктора Холлмана, предложенную архиепископом Сергием (Страгородским), указав, что тот «совершенно не может работать в климате, где есть малярия, специальность которого глазные болезни и как администратор не достаточно подготовлен для занятия должности начальника госпиталя»[344]. На дело не повлияло даже ходатайство заведующего канцелярией императрицы Александры Федоровны графа Я. Н. Ростовцева[345]. Тогда комитет духовно-учебных заведений предложил назначить на должность старшего врача иеромонаха Николая (Муравьева), возглавлявшего Серафимовский лазарет в Минске, а на его место – доктора Холлмана. Однако Ф. М. Морозов, как уполномоченный, указал на нежелательность назначения отца Николая, ссылаясь на то, что особоуполномоченный Красного Креста по Минской губернии К. А. Вальтер выражал недовольство его деятельностью[346]. Безусловно, Морозов имел по этому вопросу и свое личное мнение, причем, кажется, не очень лестное. Справедливости ради нужно сказать, что не только он критично относился к деятельности иеромонаха Николая. Так, например, студент Петроградской духовной академии Владимир Панасюк, с первого дня работавший в минском лазарете санитаром, подал в 1916 году в комитет Красного Креста духовно-учебных заведений докладную записку, в которой сообщал о финансовых злоупотреблениях и служебных нарушениях старшего врача[347].

Впрочем, сам отец Николай не желал покидать Минск, о чем сообщил начальству, узнав о предполагаемых перемещениях. Он также попросил и нового Минского епископа Георгия (Ярошевского) написать об этом архиепископу Сергию (Страгородскому). Ходатайствуя об оставлении отца Николая на прежней

[343] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 171.
[344] Там же. Л. 180.
[345] РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 803. Л. 22–24.
[346] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 185–186.
[347] РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 637. Л. 1–4.

должности, тот в частности писал: «Так как иеромонах Николай ведет свое дело очень хорошо, и поставил на должную высоту религиозно-церковный элемент в лазарете, в чем я убедился лично, то весьма желательно его дальнейшее оставление в Минском лазарете. Назначение светского лица на должность начальника лазарета, да еще с еврейской фамилией, едва ли будет соответствовать достоинству лазарета духовно-учебных заведений, носящего имя преподобного Серафима»[348].

Любопытен аргумент о «еврейской» фамилии…

В конце ноября Ф. М. Морозов вернулся в Трапезунд. В отличие от промозглого Петрограда, здесь стояла дивная погода: теплые ясные дни, и лишь по вечерам наступал небольшой мороз. В природе не замечалось резкой перемены к зиме: всюду виднелась зелень, даже цветы, на деревьях еще было много апельсинов, и лишь Понтийский хребет блестел на солнце снежными вершинами. Правда, море волновалось все чаще, что было одним из признаков приближающихся холодов.

Ознакомившись с обстановкой в лазарете, Морозов поспешил осмотреть трапезундские храмы и пещеры, взятые на учет русскими археологами. Как уже говорилось, академик Ф. И. Успенский перед отъездом из Трапезунда предпринял меры по их охране: в частности, везде, где было возможно, установили по его просьбе двери, окна, замки. И вот Морозов решил проверить сохранность древних памятников. В первую очередь он отправился осматривать пещерные храмы в скалах, так как именно они были наименее защищены «от разных случайностей» и «вандалов». Там взору Морозова открылась печальная картина. Запоры, устроенные им перед отъездом, оказались взломанными, а дверь в одну из пещер отсутствовала. Пройдя в первую пещеру, Морозов встретил праздношатающихся солдат. На первый взгляд все было как будто цело, но, войдя в притвор и заглянув в храм, он был «поражен и возмущен до глубины души». Пол в пяти местах оказался взломан и разрушен, а следы на стенах говорили, что неизвестные «кладоискатели» пытались сделать в них проломы. Отсюда Морозов перешел в другую пещеру, в которой исчезла дверь. Здесь он нашел опрокинутый на пол деревянный подсвечник, а отломанный от него большой рожок валялся в стенной погребальной нише.

Спустившись, Морозов осмотрел маленький храм, высеченный в скале рядом с кладбищем. В нем, правда, портить было нечего, так как внутри не имелось ни росписей, ни утвари. К тому же, там совершались богослужения – отпевания и панихиды, поэтому храм был все время под присмотром. Это все, что успел обследовать Морозов в первый день[349].

Назавтра он отправился в 3-ю строительную дружину, где хорошо знал заведующего, и попросил его «помочь горю» – дать мастера сделать запоры и

[348] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ц. Л. 95.
[349] ПФА РАН. Ф. 116 (Успенский Ф. И.). Оп. 2. Д. 493. Л. 1–2.

устроить железные двери в пещерных храмах. Заведующий охотно отозвался на просьбу и пообещал, что через два дня все будет готово. Между тем обнаружилось, что и в храме Св. Софии взломана дверь, о починке которой также пришлось позаботиться.

Присматривая за всеми работами, Морозов и сам не сидел без дела. Он раздобыл где-то доски и начал устраивать навес над фреской святого Евгения в крепостном храме. Так как верхняя его часть была разрушена, вскрытая археологами роспись оказалась под открытым небом. Фреску нужно было защитить от воздействия погодных стихий, чтобы она не оказалась окончательно потерянной для исследователей. Нижнее помещение храма находилось в лучших условиях – там лазарет Курского земства Красного Креста устроил покойницкую, установив двери и окна со стеклами, а боковые входы заложив кирпичом. Ничего, что имело археологическую ценность, в этом помещении повреждено не было, и старший врач лазарета заверил Морозова, что ничего археологического касаться не будут. Случайных же посетителей бояться здесь было нечего. Кому была охота вламываться к мертвецам?

Морозов продолжал осматривать трапезундские памятники. В храмах Св. Евгения и Св. Архистратигов Гавриила и Михаила все было благополучно – двери оказались целы и заперты.

Однако, как только наш археолог начал устанавливать на пещерных храмах новые двери, местный митрополит-грек Хрисанф (Филиппидис) выразил ему недовольство. Он попросил «не вмешиваться в дела церкви», заявив, что «сам сумеет охранить памятники и не нуждается ни в чьей помощи, ни в каких учреждениях интересующихся этим вопросом»[350].

О результатах осмотра памятников и столкновении с митрополитом Морозов поспешил сообщить Ф. И. Успенскому. Он просил академика разъяснить, как вести себя в сложившейся ситуации. «Странно, почему митрополит Хрисанф раньше не охранял вход в пещеры, – недоумевал Морозов, – предоставил делать разные взломы и кощунственные надписи на ликах святых?!, а нашел нужным заявить ныне, а не когда это он мог сделать Вашему Превосходительству – в бытность Вашу в Трапезунде. Странно заявлять свой протест против ученых учреждений, занявшихся охраной и изучением церковной старины Трапезунда? Когда мы работали, он лишь наблюдал, смотрел, как работают; видел, сколько труда пришлось положить Вашему Превосходительству на заботы об охране запущенных церковных памятников. Почему он не охранил фреску Св. Евгения в крепости и не дал повода о своем желании в этом направлении? – словом, – грек сказался во всем – русские ученые потрудились, а они на готовое тянут руки и требуют прав. Митрополит заявляет, пусть военная власть поставит полицейского, а охрану и изучение он сам будет вести. Вот с каким вопросом столкнулся я здесь, может быть явятся и другие…»[351].

[350] ПФА РАН. Ф. 116 (Успенский Ф. И.). Оп. 2. Д. 493. Л. 3.
[351] Там же. Л. 2 об.–3 об.

Протопресвитер Российской армии и флота Георгий Шавельский, приезжавший в Трапезунд за месяц до этого и встречавшийся с митрополитом Хрисанфом, сделал вывод, что митрополит не очень доброжелательно относится к русским. Такого же мнения о нем придерживались многие военные начальники и военные священники. Шавельский называл его «хитрейшим митрополитом». Однако к владыке Хрисанфу, человеку европейского образования и большого ума, с огромной симпатией относились наместник Кавказа великий князь Николай Николаевич и генерал Шварц, хотя и выражавший недовольство по поводу вмешательства митрополита в дела управления городом. Успенский также во время летней экспедиции нахваливал образованного митрополита и даже пользовался его гостеприимством.

Думается, что митрополит Хрисанф был большим дипломатом и не строил иллюзий в отношении русских. Будучи еще относительно молодым человеком, он объездил всю Европу, прекрасно говорил на французском и немецком языках, но не знал ни слова по-русски и ни разу не удосужился побывать в единоверческой России. Надо сказать, что с турками местные греки до прихода русских жили хорошо. И даже теперь держали в своих домах кроме русского флага еще и турецкий: один для изъявления радости по русским царским дням, другой – для патриотизма турецкого, «буде город опять перейдет в их руки»[352]. Трудно, конечно, обвинять греков за подобное двуличие: жизнь среди турок научила их приспосабливаться, но отчасти сказывался и национальный характер, выраженный некогда словами русского книжника, что «греки лукавы и до наших дней»[353]. Поэтому понятными становятся слова протопресвитера, назвавшего митрополита «хитрейшим». Досада генерала Шварца на то, что владыка Хрисанф постоянно вмешивался в дела управления городом, также была напрасной. В Турции у грека не было иного заступника, кроме архиерея, поэтому местные греки по всем вопросам в первую очередь обращались к митрополиту. А он в свою очередь зорко следил за положением дел и везде, где мог, старался оказать свое влияние.

Несмотря на выказываемое со стороны митрополита недовольство, Ф. М. Морозов, однако, продолжал делать свое дело: следил за сохранностью памятников и отыскивал новые. Уже в первые дни после приезда он обнаружил «несколько любопытных церквей», сделав с них фотографические снимки. Эти храмы не сразу можно было даже заметить, так как они скрывались за постройками, и разыскать их можно было лишь случайно. Впрочем, это было неудивительно, так как Трапезунд, практически не имея правильно распланированных улиц, состоял из бесчисленного множества маленьких узеньких переулков, представлявших собой настоящий лабиринт. Здесь все делилось на

[352] *Минцлов С. Р.* Трапезондская эпопея… – С. 30–31.
[353] Первые книги Святой Руси. – М.: ДАРЪ, 2005. – С. 126.

«улица» и «улица нет». Например, кто-нибудь из русских, приехав в Трапезунд, хотел навестить знакомого. Узнав приблизительно дорогу, он шел в указанном направлении, инстинктивно выбирая переулок пошире, почище. Но переулок вился, начинал постепенно сужаться, коварно поворачивал в сторону, и впереди вдруг оказывалась стена. Человек шел обратно, сворачивал в другой переулок, но и там повторялась та же история. Это значило – «улица нет». Так можно было блуждать очень долго, пока на счастье заплутавшего не встречался какой-нибудь грек, у которого можно было спросить дорогу. Приезжий показывал в ту сторону, откуда пришел, жестикулируя и крича: «Улица, улица?» Грек сразу понимал в чем дело, и участливо, качая головой, отвечал: «Улица нет!» Затем указывал на узкий просвет между домами шириной в полтора метра и авторитетно заявлял: «Улица!» Прохожий скрывался в этом темном коридоре, попадал в какую-нибудь зловонную лужу и, наконец, выбирался на свет.

Вот именно по таким лабиринтам и бродил Ф. М. Морозов, обследуя город, представлявший при близком рассмотрении довольно печальное зрелище. Здесь повсюду царила разруха: выбитые в домах стекла, вывороченные рамы и двери, везде следы грабежа, во дворах мерзость и запустение. Все было неимоверно загажено, что можно разбить – разбито, распорото, изорвано и раскидано. Все это являлось делом рук представителей разных обозных и тыловых частей, наполнявших город. Особенно отличались матросы, шнырявшие повсюду с мешками в поисках чем бы поживиться, и выламывавшие даже медные ручки, шпингалеты, словом, все, что представляло хоть маломальскую ценность. Обозники – те просто бессмысленно разрушали: разбить вазу, разодрать картину или книгу – было их излюбленным занятием. И от подобного варварства погибло много ценного, нужного, красивого, превратившись в груды бесполезного хлама, наполняющего заброшенные дома[354]. Еще бросалось в глаза отсутствие в городе собак и напротив – обилие кошек. Одичалые, худые, с длинной свалявшейся шерстью, они будто караулили опустевшие жилища своих хозяев.

Несмотря на то что каждый день Морозов находил что-то новое, он, тем не менее, не мог много времени уделять археологии. Его главной заботой все-таки оставался лазарет.

«Я живу, пока по-прежнему, – писал он в начале декабря Ф. И. Успенскому, – очевидно управлению Креста не нравится контрольное лицо Комитета [духовно-учебных заведений] и на меня поглядывают косо. О, как бы я желал от них отделаться и работать по призванию души – помогая страждущим – в этом мое стремление жизни, да еще любовь к археологии церковной побуждает поработать для науки! История с митрополитом, относительно охраны, меня немало волнует. Здесь нужен любящий глаз-надзор за сохранностью памятников старины, иначе они будут разрушены или искажены, как это сделано с некоторыми надписями, и чем поспешнее будут приняты в этом направлении меры, тем лучше спасутся

[354] *Минцлов С. Р.* Трапезондская эпопея… – С. 48.

интересные церковные памятники. Все мои усилия, хотя и достигают некоторой цели, все же это не дает прав выступить смело против вандалов; нужна поддержка ученых… <…> Познакомился с местными знатоками и как пчела отовсюду собираю крохи знания о том или ином памятнике. Нас навещают власть имущие, был А. И. Гучков[355], ждем и других высоких особ. Не весело живется – ощущается что-то вроде Петрограда… Бог даст все уладится»[356].

С первых же дней после возвращения из Петрограда Ф. М. Морозов навещал тяжело болевшую жену академика Ф. И. Успенского Надежду Эрастовну, работавшую в Трапезунде старшей сестрой в одном из госпиталей Красного Креста. Успенская – дама внушительных размеров, величественная и «оставляющая подозрение в немецком происхождении», – прибыла в город в середине июля. Это была, можно сказать, героическая женщина. В Трапезунд она плыла на пароходе «Вперед», который потопила немецкая подводная лодка. Надежда Эрастовна с совершенно флегматичным видом рассказывала, что, когда в пароход ударила торпеда и он начал медленно погружаться, она пошла в каюту, взяла пару чемоданов, уложила их в шлюпку, затем, приготовляясь плавать, сняла и уложила туда же туфли и уселась сама. По ее словам, никто не растерялся, не кричал и даже не испугался: все произошло словно на репетиции. Поэтому погибших было немного – всего семь человек. Между тем Успенская сетовала, что вместе с пароходом погибло все ее имущество, которое она везла с собой: решительно все платья, меха, кружева и шубы. В Трапезунде она решила остаться и после отъезда мужа. Морозов навещал ее во время болезни довольно часто, о чем писал академику. «Здоровье Надежды Эрастовны лучше, чувствует лишь слабость <…> просит Вас не волноваться, серьезного нет ничего…», – сообщал он 30 ноября[357]. Уже через неделю он извещал об улучшении ее здоровья: «Она немного встает; Бог даст к Рождеству наберет сил и станет ходить до лазарета. Вы не волнуйтесь, серьезного сейчас нет ничего…» В другом письме Морозов сообщал: «Навещал Надежду Эрастовну – ей значительно лучше, одно лишь – слабость, но Бог даст силы восстановятся, и вновь увидим ее здоровой и жизнерадостной. <…> Надежда Эрастовна ждет от Вас писем, беспокоится о Вашем здравии; она себя чувствует очень хорошо и уже ходит по комнате»[358].

К середине декабря Ф. М. Морозов завершил устройство дощатого навеса над фреской святого Евгения в дворцовой церкви. Навес теперь, хотя и временно, но все же защищал роспись от непогоды. В пещерных храмах он установил железные двери. Однако взломы их, к сожалению, продолжались. Во время вторичного посещения Св. Софии, в которой только недавно были отремонтированы

[355] Член Государственного совета Александр Иванович Гучков приезжал в Трапезунд в начале декабря в качестве представителя Красного Креста. – *Г. Щ.*

[356] ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 6. Л. 12–13 об.

[357] ПФА РАН. Ф. 116 (Успенский Ф. И.). Оп. 2. Д. 493. Л. 3 об.

[358] ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 6. Л. 12, 14, 19 об.

двери и запоры, обнаружилось, что храм снова вскрыт неизвестными. Цепь, замыкавшая входную решетчатую дверь, была разорвана. Внутри также все двери оказались вскрыты. В левом углу притвора кто-то взломал плиты пола, под которыми зияла пустота. Посреди храма лежала куча обугленных головешек и пепла от недавно горевшего костра. Исчезли доски от козел, а также доски, сложенные под западным порталом. «Я удивляюсь еще – Бог хранил фрески, – сообщал Морозов Ф. И. Успенскому, – их не отбили какие-то негодяи, которые дерзнули на святотатство; но самым тяжелым впечатлением было видеть небольшую пробоину в полу того места, где стоял, быть может, Св. Престол – это в дьяконнике, где находится неизвестное погребение, под которым плита как будто с легким барельефом, о которой в свое время Вам говорил. В колокольне двери опять унесены. Патруля нет, да он, как показал опыт, сам, очевидно, входит в сделку с хищниками, как тут охранить? Последний раз пытаюсь вешать замки и заколачивать. К кому обратиться за содействием – все чужие для меня, а я маленький человек – единственно свобода, независимость делает меня смелым и настойчивым, и я добиваюсь кое-чего. Надо что-нибудь сделать, подействовать на некоторых, чтобы памятники старины не разрушались»[359]. Как видно, у Морозова начали опускаться руки. Он осознавал, что его малых сил недостаточно для охраны памятников, а необходим постоянный надзор и, как минимум, авторитет столичных ученых учреждений.

Когда Морозов, возвращая ключи от храма С. Р. Минцлову, сообщил о виденном в Св. Софии, тот сказал: «Давайте вскроем могилу; все равно не мы, так грабители взломают, а интересно взглянуть, что там есть?» На это Морозов ответил, что не имеет права делать раскопки без разрешения Императорской Археологической комиссии и участвовать «в незаконном деле» не желает. Он пояснил, что его задача – охранять древности, регистрировать их и по возможности описывать, «но не разрушать и брать на себя то, в чем не компетентен». Морозов предупредил Минцлова, что, если тот все-таки вздумает производить раскопки, он вынужден будет сообщить об этом в Петроград. Это заявление, конечно, не могло понравиться Минцлову, и они расстались на не очень хорошей ноте. «Мне жаль, что такие дивные памятники старины не имеют защитников от рук вандалов…», – резюмировал Морозов, безусловно не имея в виду Минцлова[360].

Чему удивляться, если грабежом занимались не только простые солдаты и матросы, но даже высокие военачальники. Н. К. Клуге, например, вспоминал, что генерал Яблочкин «открыто грабил мечети, приказывая сносить к нему ковры и прочую утварь»[361]. Многие офицеры всех рангов, не стесняясь, везли из Турции не только мелочи, но и целые горы мебели, зеркал, ковров, шкафов,

[359] ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 6. Л. 14–15.
[360] Там же. Л. 15–16.
[361] ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 372. Л. 54–54 об.

стульев и пр. В огромных количествах вывозилась турецкая посуда из красной меди. Появился даже секретный приказ о том, чтобы имущество офицеров, приезжающих с территории Турции в Батум, строго досматривалось, и на каждую вывозимую из завоеванного края вещь имелось удостоверение от жандармских властей и счет, подтверждающие, что вещь куплена. Таковы были реалии. Впрочем, война есть война…

Побывал Ф. М. Морозов и в церкви Св. Анны, куда долго по разным причинам не мог попасть. Не смогли побывать в ней даже члены археологической экспедиции. Храм этот турки не закрывали, и в нем регулярно совершалось христианское богослужение. Говорили, что там занимается исследованиями ученый-грек Мелиопуло, который восхищается какой-то древней фреской якобы Богородицы Млекопитательницы и какими-то катакомбами. Узнав об этом, Морозов «изо дня в день горел нетерпением попасть в храм», чтобы увидеть то, о чем рассказывали. Сначала он встретился с самим Мелиопуло, который поведал ему о своем «открытии». Морозова, однако, удивляло настойчивое убеждение ученого в древнем происхождении фрески Млекопитательницы. Он объяснял греку, что на изображении, скорее всего, не Млекопитательница, так как этот сюжет – явление позднее, западное.

И вот, наконец, Морозов смог осмотреть церковь Св. Анны. Это был небольшой базиличного типа храм с двускатной крышей и несколько опущенными крышами боковых нефов. В восточной части выделялись три апсиды, на одной из которых, правой, были заметны остатки фресковой росписи, что «особенно придавало вид храму». Над входом была вделана в стену крупная, белого мрамора, плита с барельефным изображением женщины в полусидячем положении. У ее ног стоял воин в полный рост, держащий в правой руке копье, а в левой – круглый щит. Над мраморным барельефом в стену были вставлены камни с высеченными шестиконечными крестами, а внизу – каменный брус с плетеным орнаментом, заканчивающимся крестами. Эти фрагменты, «безвкусно вделанные в стену», принадлежали к разным эпохам, и представляли обычный способ греков пользоваться античными вещами для украшения храмов и домов. Стены внутри церкви кое-где сохранили фресковую живопись, под которой, однако, скрывалась более древняя роспись. Так, в алтарной части апсиды, под отбитой кем-то частью фрески, обнажился дивный, античный образ какого-то святого. «Этот лик мне очень напомнил фаюмские портреты, – делился Морозов, – и очень близок к мозаикам Ровенны; белый продолговатый лик с большими, открытыми черными глазами, под ними на нижнем веке лежит темная тень; красноватый румянец слегка лежит на щеках; темные волосы обхвачены узкой полоской-повязкой… Это изображение весьма ценно»[362]. Пораженный

[362] ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 6. Л. 17 об.–18.

находкой, он решил обязательно разыскать какого-нибудь художника, который бы зарисовал в красках древнюю фреску.

Что касается мнимого изображения Млекопитательницы, то Морозов действительно оказался прав – «господин Мелиопуло осмотрелся». На фреске была изображена святая Анна и возле нее отроковица Богородица. А вот рассказы о катакомбах подтвердились. Внутри церкви имелось несколько входов в подземелье, правда, закрытых досками и камнями. Греки рассказывали, что там сводчатый ход, ведущий к храму Св. Василия, а в стенах имеются loculi. «Я еще туда не ходил, – писал Морозов академику Успенскому, – но хоть и говорят, что там обвал, все же влезу. Мне сообщили, что во время бомбардировки города русскими в 1916 г. греки прятались в этом подземелье»[363].

Осмотрев церковь Св. Анны, Морозов пришел к выводу, что она заслуживает безотлагательного внимания и изучения со стороны ученых. В отличие от Св. Софии, иконографические формы здесь были более архаичны. Морозов сообщал Успенскому, что храм этот необходимо изъять из ведения митрополита, пока греки не испортили остатки фресок. «Чего доброго для “благолепия” замажут», – писал он.

Беспокоила Морозова и судьба церкви Богородицы Златоглавой, где находился музей и хранились собранные экспедицией книги и рукописи. Прошел слух, что митрополит Хрисанф хочет забрать ее под кафедральный храм, ссылаясь на то, что там издревле была митрополия. Сам же митрополит служил в небольшой церкви Св. Григория. Не зная отношения к владыке генерала Шварца, Морозов наивно просил Ф. И. Успенского обратиться к генералу с тем, чтобы тот не давал митрополиту ключи от древних храмов, особенно от Богородицы Златоглавой. Он советовал «для пользы дела» забрать ключи у С. Р. Минцлова и передать для хранения в канцелярию Шварца. Эта просьба была, видимо, вызвана его конфликтом с Минцловым и опасением, что тот попытается самостоятельно произвести раскопки. Вместе с тем Морозов высказывал предположение о том, что хорошо было бы ему самому устроиться при генерале Шварце – «заниматься охраной старины»[364].

К этому времени он уже сфотографировал и взял на учет почти все церкви в городе и некоторые находящиеся в 15–20 верстах от него.

О состоянии охраны трапезундских памятников Ф. М. Морозов, кроме Ф. И. Успенского, информировал и Русское археологическое общество через Николая Ивановича Веселовского (1848–1918) – известного русского археолога, востоковеда, многие годы изучавшего историю Средней Азии. В конце декабря он отправил Веселовскому письмо с описанием храма Св. Анны и фотографиями, которые, правда, из-за отсутствия фиксажа послал в «красном конверте» незафиксированными. Морозов спрашивал профессора, не будет ли признано

[363] ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 6. Л. 18–18 об.
[364] Там же. Л. 19.

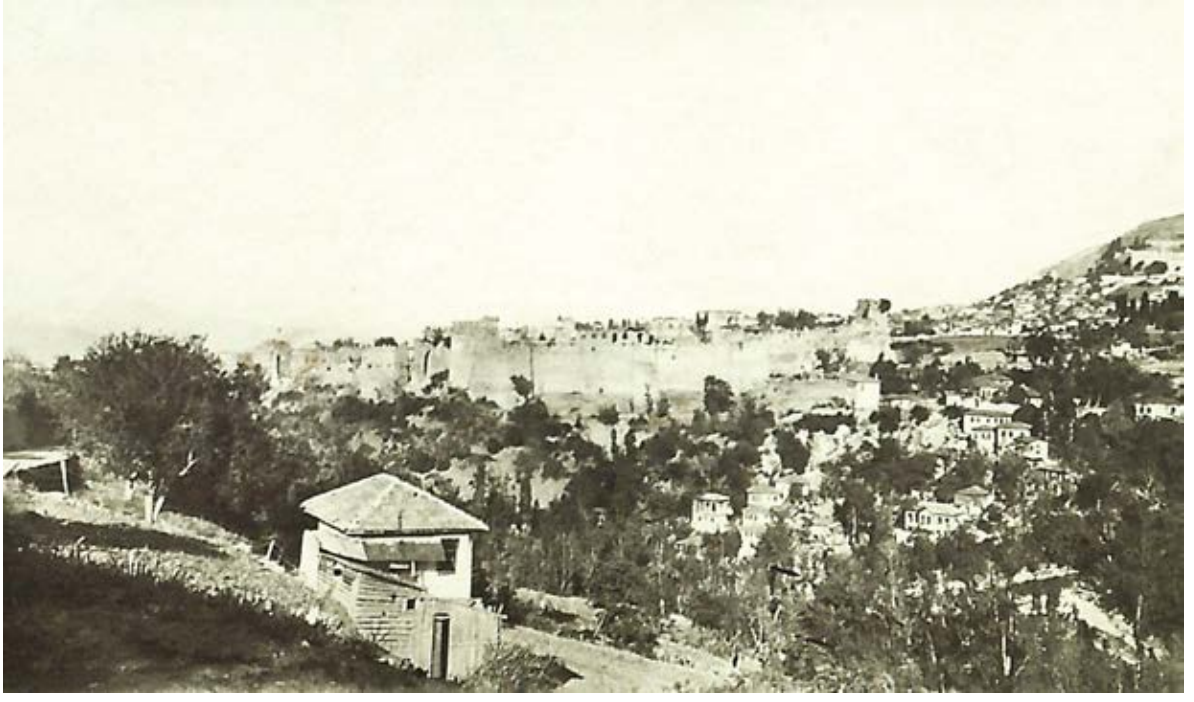
достойным поместить описание Св. Анны в «Известиях Императорского Русского Археологического Общества». Он писал также о необходимости назначить для Трапезунда и его окрестностей археолога, который бы ведал охраной памятников, прикомандировав его к канцелярии генерала Шварца или, лучше, к Штабу армии. Имея определенные полномочия, такой человек мог бы требовать, чтобы с ним считались при его ходатайствах о защите старины, и не допускал бы вмешательства в это дело никого, кроме Императорской Археологической комиссии. Морозов писал и о необходимости создания музея, сообщая, что греки, в случае его устройства, готовы передать «запрятанные у них памятники старины». Разумеется, речь шла об учреждении официального музея, а не частного, любительского, какой он уже устроил в храме Богородицы Златоглавой. «В качестве членов музея, – писал Морозов, – полезно для дела допустить и греков, чтобы выманить у них скрытые вещи. Сами греки говорят, если бы был в Трапезунде музей, мы бы дали много интересного. Местные знатоки обижаются, что русские начали охрану, а между тем не могут справиться с взломами, произведенными русскими солдатами, и мне кажется, не сами ли они подсылают этих взломщиков, дабы иметь, чем упрекать русских. Митрополит говорит: он сам охранит, а между тем ничего не делает, а только мешает»[365]. Морозов писал, что предпринимает все возможное и на упреки недоброжелателей сумеет достойно ответить. Он уверял, что никому без разрешения Археологического общества не позволит вскрывать и портить фрески, подразумевая, видимо, С. Р. Минцлова.

Итак, из этих сообщений Русскому археологическому обществу стало известно, что охрана древностей в Трапезунде неудовлетворительна. А как же могло быть иначе? Ведь, по сути, этим вопросом занимался лишь один человек – энтузиаст, «случайно» оказавшийся в городе – сам Морозов. Исходя из этих соображений, Н. И. Веселовский на одном из заседаний Археологического общества высказал мнение, что охрана памятников Трапезунда не может быть поручена экспедициям, носящим временный характер, а должна быть доверена лицам или учреждениям, имеющим постоянное пребывание на месте. Он также указал, что Ф. М. Морозовым сделаны прекрасные фотоснимки Трапезунда, негативы которых взял у него Ф. И. Успенский, но Морозов вновь переснял все памятники. К. К. Романов, подтвердив, что снимки Морозова отличные, отметил, что Ф. И. Успенский удовлетворительных снимков Русскому археологическому обществу не представил. К этому времени в Обществе, особенно после сообщений Ф. И. Шмита и Н. К. Клуге, пришли к выводу, что Русский археологический институт в Константинополе, представляемый Ф. И. Успенским, «едва ли хорошо охранит памятники древности в Трапезунде»[366].

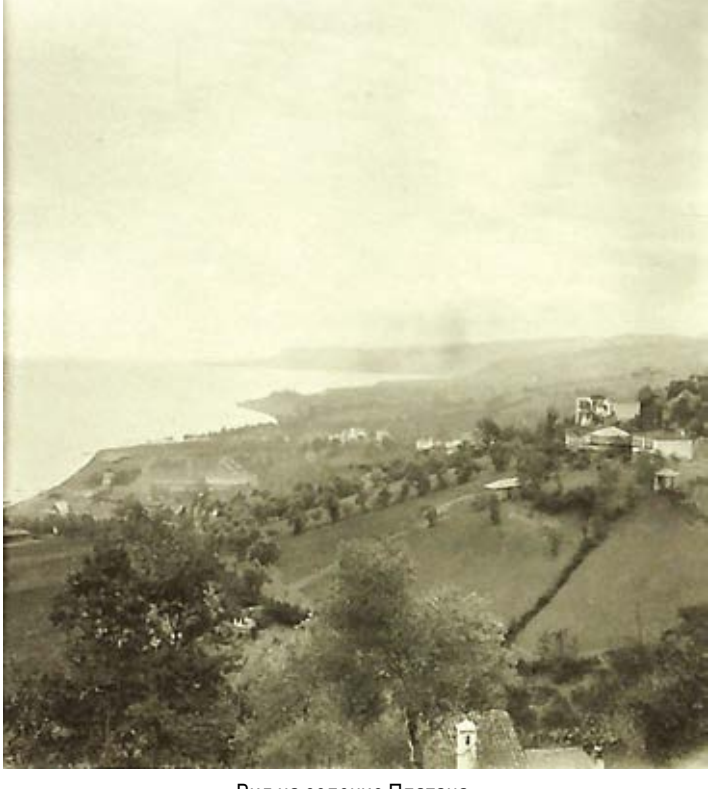
[365] ИИМК РАН. Ф. 18. Д. 351. Л. 9.
[366] ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 406. Л. 312 об.–313.

Трапезунд. Вид с моря.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 119)

Трапезунд. Вид со стороны пристани.
Фото начала 1910-х гг. (РГАКФД. Ал. 1007 сн. 38)



Трапезунд. Вид на крепость.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 102)



Вид на селение Платана.
Фото Ф. М. Морозова, 1916–1917 гг. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 118)

Храм Св. Софии в Трапезунде.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 38)

Рельефные изображения на храме Св. Софии.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 37)

Трапезунд. Вид с колокольни на храм Св. Софии.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 41)

Трапезунд. Внутренний вид храма Св. Софии.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 16)

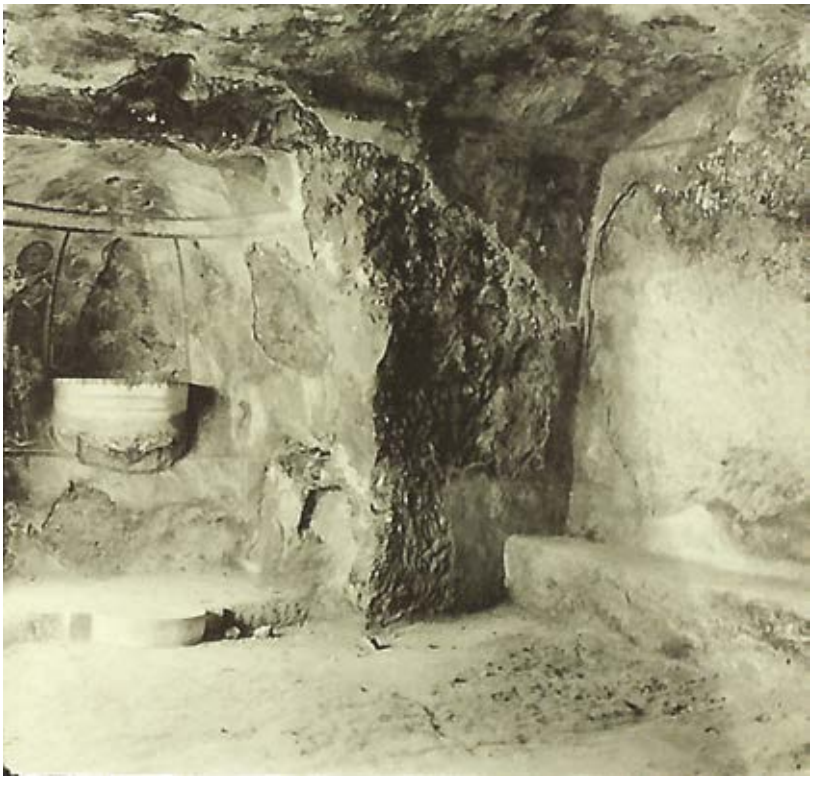
Колокольня храма Св. Софии.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 15)

Трапезунд. Храм Св. Софии.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 124)

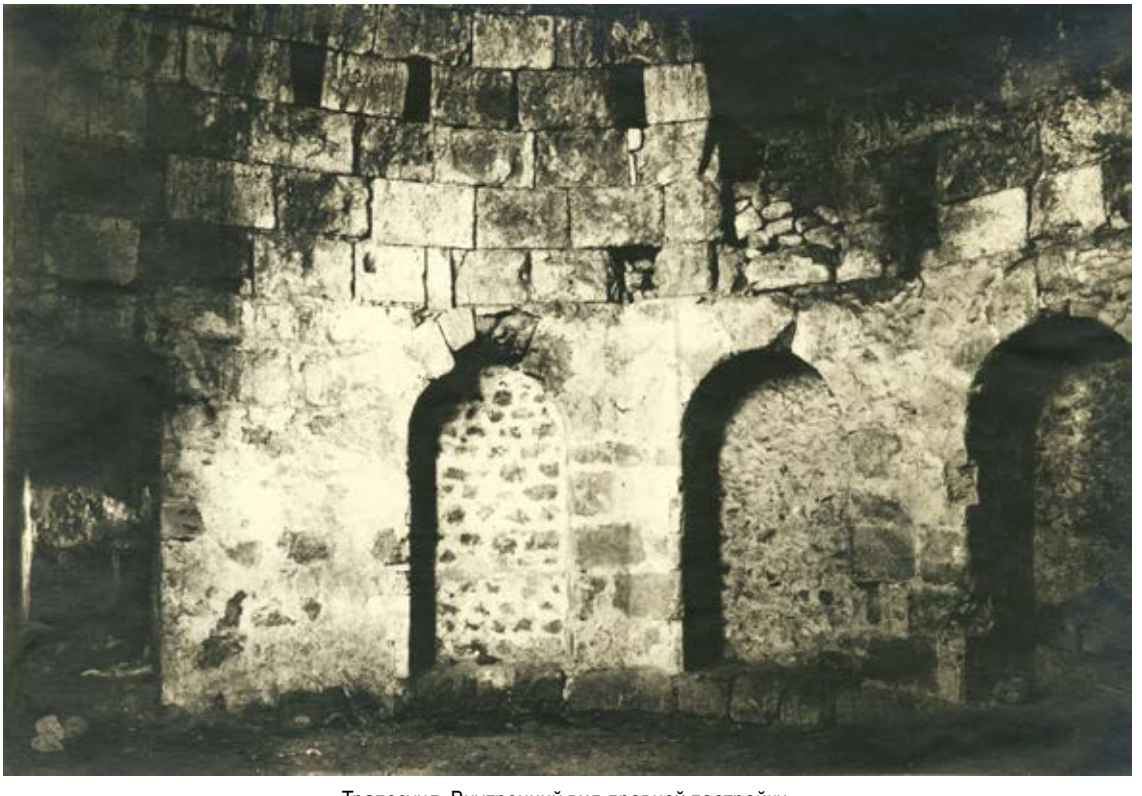
Трапезунд. Вид на древнюю крепость.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 102)

Трапезунд. Вид с северо-востока на стену верхней части крепости.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 58)

Трапезунд. Ворота восточной стены среднего города.
Фото Ф. М. Морозова, 1917 г. (ИИМК РАН. О-90-75)



Трапезунд. Внутренний вид пещерного храма Св. Саввы.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 121)

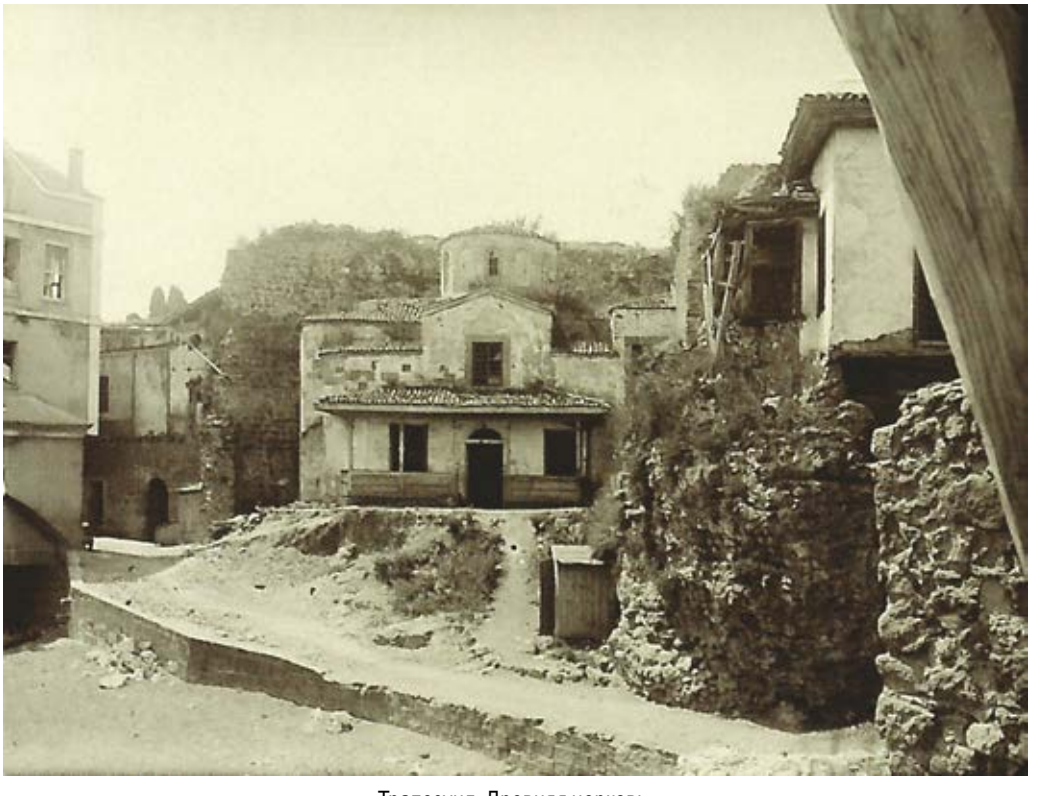


Трапезунд. Внутренний вид древней постройки.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ИИМК РАН. О-90-79)

Вид на храм с алтарной стороны в селении Платана.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 115)

Малый храм в селении Платана.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 122)

Трапезунд. Храм Преображения Господня.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 120)



Трапезунд. Древняя церковь.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9. Л. 125)

Трапезунд. Храм Св. Софии.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (Успенский Ф. И. «Очерки из истории Трапезундской империи», таблица III)

Трапезунд. Церковь Св. Евгения с восточной стороны.
(Успенский Ф. И. «Очерки из истории Трапезундской империи», таблица IV)

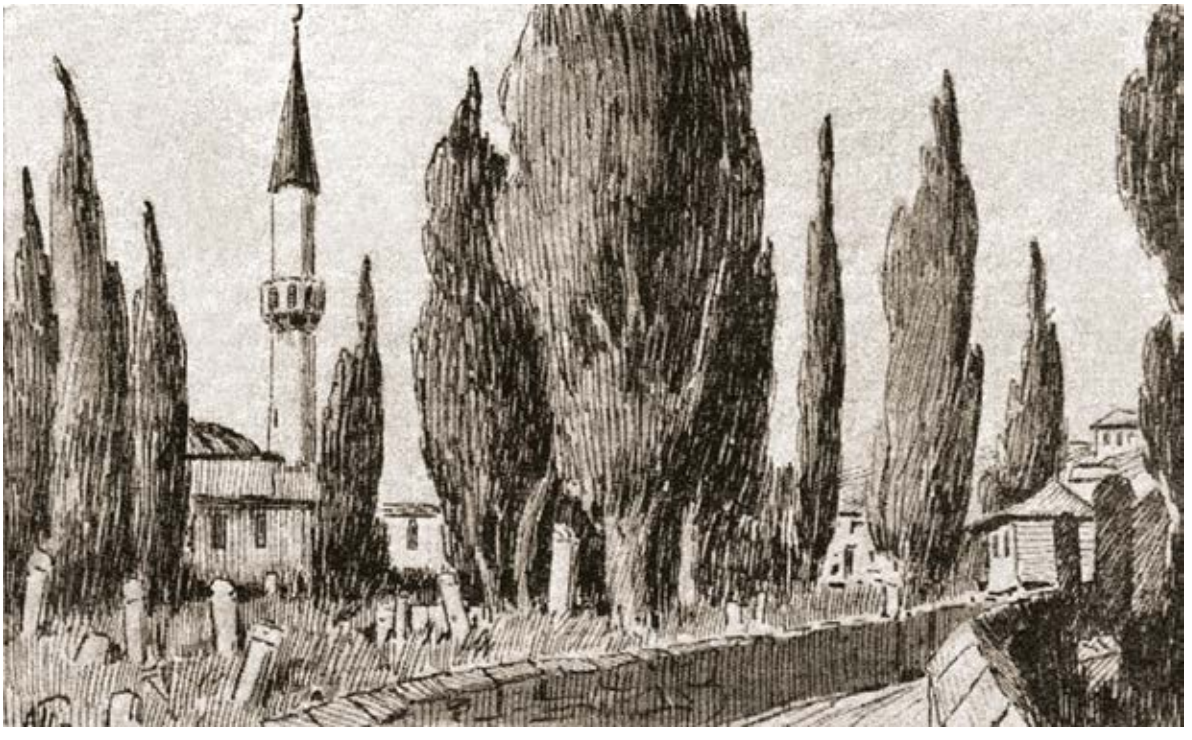
Трапезунд. Храм Панагии Златоглавой.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (Успенский Ф. И. «Очерки из истории Трапезундской империи», таблица IV)

Профессор Ф. И. Успенский и Ф. М. Морозов рядом с усыпальницей трапезундского императора Алексея IV Комнина.
Сентябрь 1916 г. (Успенский Ф. И. «Очерки из истории Трапезундской империи», таблица III)

Трапезунд. Развалины стен времен трапезундских императоров Комнинов.
Рисунок А. Пржецлавского, 1916 г. («Новое время». 1916. № 14457. С. 9)

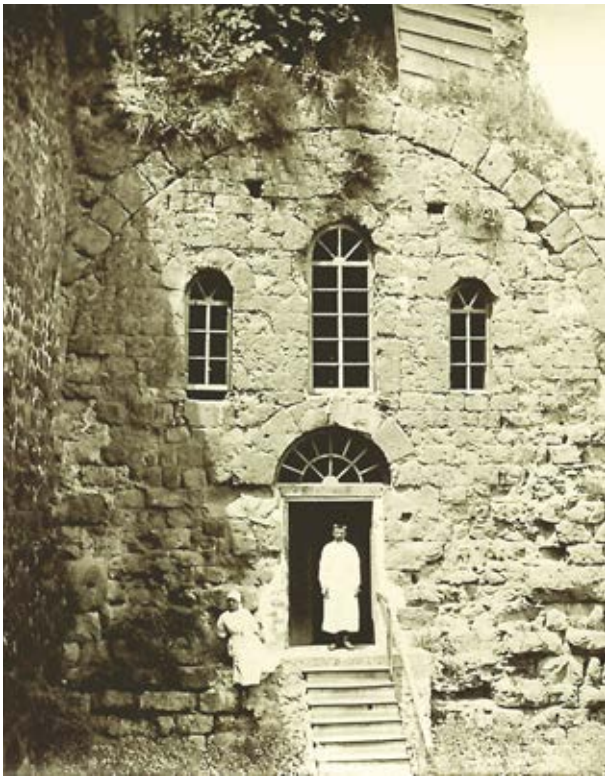
Аллея на греческом кладбище в Трапезунде.
(«Новое время». 1916. № 14457. С. 9)

Окрестности Трапезунда. Типичное турецкое кладбище.
Рисунок А. Пржецлавского, 1916 г. («Новое время». 1916. № 14413. С. 8)



Трапезунд. Дорога на Соук-су. Рисунок А. Пржецлавского, 1916 г.
(«Новое время». 1916. № 14457. С. 9)

Трапезунд. Дворцовая церковь Св. Евгения. Наверху деревянный навес,
устроенный Ф. М. Морозовым для защиты древних фресок.
Фото Ф. М. Морозова, декабрь 1916 г. (РА ИИМК РАН. Ф. 18. Д. 351. Л. 5)



Трапезунд. Дворцовая церковь Св. Евгения.
Фото Ф. М. Морозова, 1917 г.
(ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 9. Л. 76)

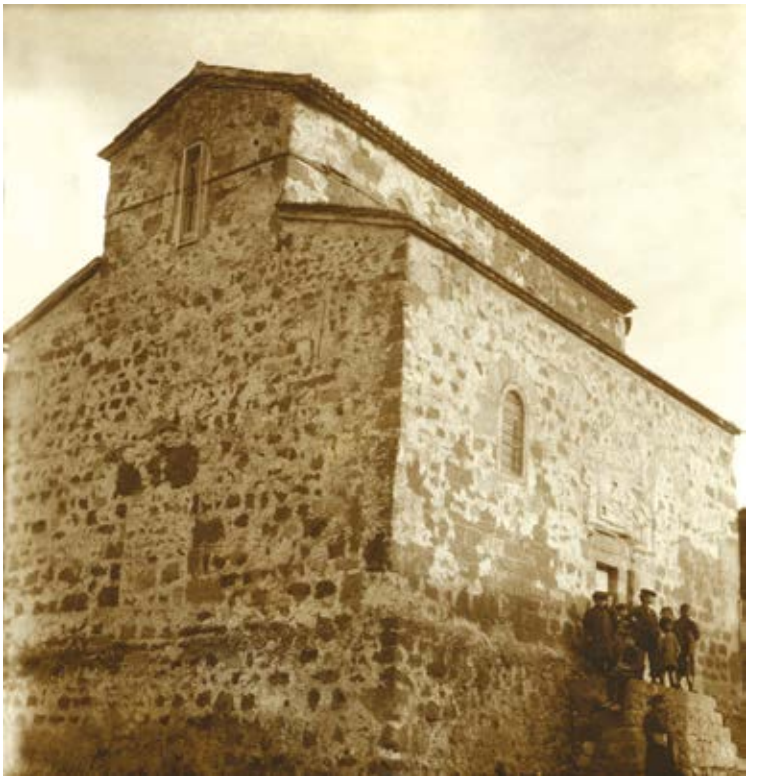
Вид с северо-восточной стороны на дворцовую церковь
Св. Евгения. Фото Ф. М. Морозова, 1917 г.
(ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 9. Л. 69)

Трапезунд. Часть внутреннего вида дворцовой церкви
Св. Евгения. Фото Ф. М. Морозова, 1916 г.
(ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 9. Л. 22)

Фреска Св. Евгения в дворцовой церкви.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г.
(ПФА РАН. Ф. 116. Оп. 1. Д. 9. Л. 79)

Трапезундский митрополит Хрисанф (Филиппидис). 1916 г.
(«Новое время». 1916. № 14427. С. 9)

Трапезунд. Общий вид церкви Св. Анны.
Фото Ф. М. Морозова, 1916 г. (ИИМК РАН. О-90-10)



Трапезунд. Церковь Св. Анны, вид с юго-западной стороны.
Фото Ф. М. Морозова, 1916–1917 гг. (ИИМК РАН. О-90-11)

Трапезунд. Южный фасад церкви Св. Анны.
Фото Ф. М. Морозова, 1916–1917 гг. (ИИМК РАН. О-90-12)

Внутренний вид церкви Св. Анны.
Фото Ф. М. Морозова, 1917 г. (ИИМК РАН. О-90-14)

Фреска на южной стене церкви Св. Анны.
Фото Ф. М. Морозова, 1917 г. (ИИМК РАН. О-90-16)

Фреска на северной стене церкви Св. Анны.
Фото Ф. М. Морозова, 1917 г. (ИИМК РАН. О-90-15)

Деталь фрески Положения во Гроб на южной стене церкви Св. Анны.
Фото Ф. М. Морозова, 1917 г. (ИИМК РАН. О-90-17)

Фрагмент фрески с изображением головы ангела в алтаре церкви Св. Анны.
Фото Ф. М. Морозова, 1917 г. (ИИМК РАН. О-90-13)

Трапезунд. Мраморный барельеф над входом храма Св. Анны.
Фото Ф. М. Морозова, 1917 г. (РА ИИМК РАН. Ф. 18. Д. 351. Л. 4)

Фрагмент колонны в церкви Св. Анны.
Фото Ф. М. Морозова, 1917 г. (ИИМК РАН. О-90-76)

Что делать с рукописями оставленными
Академиком Успенским и его археологи-
ческой кафедрой? Выдержать в настоящ.
время нет возможности — из этого обсто-
ятельства выводит ~~это~~ открытіе курсовъ
или Археологической Комиссіей. Пока
я работаю все, хотя и взламываютъ
двери какой (сумерки) грамот. и все уже и
тоже вновь работаю. Прибудетъ ли Комис-
сія? Жду какъ небудь укажутъ мѣ
работы.

Прости Мой Господь

Вашъ покорный слуга Ф. Морозовъ.

Р.S. Я, с[ем]ьи[ном], и Трой-
ница хочу не буду стоять
вечер 25 ст. Кержеца, а
раз 2 в неделю, буду в
Троицкуюдр. Какъ напишете
у себя до отъѣзда Комиссіи.

Ф. Морозов

Троицкуюдр

Отрывок из письма Ф. М. Морозова профессору Н. И. Веселовскому.
(РА ИИМК РАН. Ф. 18. Д. 351. Л. 3 об.)

Вольноопределяющийся фельдшер Федор Михайлович Морозов.
Фотография ателье Буллы, 1916 г. (ЦГАКФФД СПб. Г-11090)

РОССІЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
КРАСНАГО КРЕСТА,
состоящее
подъ Высочайшимъ покровительствомъ
ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
государыни императрицы
МАРІИ ФЕОДОРОВНЫ.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ.

Канцелярія.

Инспекторскій Отдѣлъ.

„ 7 октября 1916 г.
№ 47547

Петроградъ, Инженерная, 9.
Телефонъ 256-83.

+12/8 Вход 1036
24

Въ Комитетъ Краснаго Креста Духовно-Учебныхъ заведеній Россійской Имперіи.

Мобилизаціонный при Главномъ Управленіи Россійскаго Общества Краснаго Креста Совѣтъ, въ засѣданіи 6 сего октября, утвердилъ Завѣдывающаго Хозяйствомъ Серафимовскаго лазарета духовно-учебныхъ заведеній Федора Михайловича Морозова - Уполномоченнымъ Комитета Краснаго Креста духовно-учебныхъ заведеній.

Объ изложенномъ Канцелярія Главнаго Управленія имѣетъ честь увѣдомить Комитетъ Краснаго Креста Духовно-Учебныхъ заведеній на отношеніе отъ 20 сентября сего года за № 829.

Приложеніе: удостовѣреніе за № 2057

Начальникъ Канцеляріи

Начальникъ Инспекторскаго Отдѣла

Удостоверение о назначении Ф. М. Морозова уполномоченным комитета Красного Креста духовно-учебных заведений

Открытки Ф. М. Морозова профессору И. А. Шляпкину

Соук-су. Одна из дач, занятая Серафимовским лазаретом.
Фото Ф. М. Морозова, 1917 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 8)

Соук-су. Серафимовский лазарет. Санитарам зачитывают манифест
об отречении императора Николая II от престола и приказ нового правительства.
Фото Ф. М. Морозова, март 1917 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 9)

Соук-су. Серафимовский лазарет. Команду санитаров и персонал приводят к присяге Временному правительству.
Фото Ф. М. Морозова, март 1917 г. (РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639. Л. 5)

В заботах о лазарете

Получив должность уполномоченного комитета Красного Креста духовно-учебных заведений, Ф. М. Морозов активно занялся обустройством жизни Серафимовского лазарета. Теперь он мог более уверенно стать на стражу интересов комитета и жертвователей. По ходатайству Морозова в конце декабря с должности старшего врача был снят доктор Ф. П. Андреади. Специалист он был опытный, еще в годы Балканской войны заведовал хирургическим лазаретом, а в нынешнюю – состоял старшим врачом передового санитарного отряда на Юго-Западном фронте. Однако на новом месте Андреади оказался «невнимательным к лазарету», и, будучи по происхождению греком, «преследовал национальные интересы»: почти все время занимался амбулаторным приемом соотечественников. Некоторых он поместил в лазарет, предоставляя все необходимые средства. Кроме того, ведя частную практику в городе, выписывал в большом количестве медикаменты из лазаретной аптеки, на что не имел никакого права. Новая женщина-врач К. М. Хацревина[367] докладывала об этом даже районному уполномоченному Красного Креста. А Морозов сообщал в Петроград: «Доктор Андреади не позаботился даже устройством бани для больных – развел всюду грязь…»[368].

В должность старшего врача снова временно вступил А. Ткаченко.

Кроме удаления Ф. П. Андреади, Морозову «для пользы дела» пришлось отчислить из лазарета под предлогом сокращения штатов еще трех сестер. Это была вынужденная мера, так как после смерти доктора Н. К. Чикаревского и назначения старшим врачом студента Ткаченко дисциплина в лазарете заметно упала: усилились трения и разногласия среди персонала, поведение санитаров стало совершенно распущенным[369].

В конце декабря главноуполномоченный Л. В. Голубев вызвал Морозова в Тифлис. Во время встречи обсуждался вопрос о старшем враче и о передвижении лазарета по приморскому направлению за селение Эллеу. Однако, хотя нужда в лечебных заведениях в этом районе ощущалась крайне остро, проблема была в том, что из-за отсутствия дорог туда чрезвычайно трудно было добраться. Ничего утешительного Морозов не услышал и относительно старшего врача для Серафимовского лазарета. Ни главноуполномоченный, ни присутствовавший во время встречи заведующий медицинской частью профессор В. Ф. Чиж не смогли предложить со своей стороны ни одной кандидатуры. Они просили,

---

[367] **Хацревина Крейна Мовшевна** – врач, 13 июля 1916 г. прикомандирована к Серафимовскому лазарету (на службе состояла с 21 июня 1916).

[368] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 61.

[369] Там же. Л. 54.

чтобы комитет Красного Креста духовно-учебных заведений сам подыскал подходящего специалиста.

Нужно сказать, что в военных лечебных заведениях к тому времени сложилась довольно странная ситуация. Разделялись они на две отличные друг от друга категории: первая – казенные, военного ведомства, и вторая – Красного Креста. В лечебных заведениях военного ведомства было много докторов и зауряд-врачей, однако во всем остальном наблюдалось полное убожество и нищета. Медикаменты практически отсутствовали: не было ни хины, ни самых простых лекарств, даже касторки – главнейшей опоры солдатской медицины. Хирургические инструменты оставались такими старомодными, что молодые врачи порой не знали даже, как ими работать. В Красном Кресте же, напротив, всего имелось в изобилии, все было поставлено на широкую ногу, но… не было врачей.

Морозов, однако, прекрасно зная ситуацию, уже имел на примете двух специалистов, о которых сообщил главноуполномоченному. Первой кандидатурой был доктор Смиттен – хирург, профессор Харьковского университета, работавший в перевязочном отряде 5-й Туркестанской стрелковой дивизии. С ним Морозов познакомился случайно, и в разговоре выяснилось, что Смиттен тяготится бездельем в отряде и с удовольствием перевелся бы в Серафимовский лазарет. Но, как военный, он не мог самовольно перейти в Красный Крест без соответствующего за него ходатайства. Второй кандидатурой был доктор Евгений Александрович Флеров – старый, опытный хирург с 25-летним стажем, работавший до войны земским врачом в Московской губернии. Кроме того, он отлично знал Серафимовский лазарет и даже некоторое время работал в нем летом 1915 года, когда корпусный врач отстранил от должности В. А. Белиловского. В то время Е. А. Флеров заведовал дивизионным лазаретом, стоявшим по соседству в Коссорах. Л. В. Голубев естественно обрадовался предложенным кандидатурам. Обоих врачей он знал «как честных и хороших работников» и ручался, что если кто-либо из них возглавит лазарет, то работа в нем будет действительно продуктивной. Но для этого требовалось, чтобы комитет Красного Креста духовно-учебных заведений запросил разрешение на их перевод у главного инспектора военно-медицинского управления А. Я. Евдокимова. Получив, таким образом, одобрение главноуполномоченного, Ф. М. Морозов немедленно послал в Петроград телеграмму о возбуждении необходимого ходатайства[370].

Вместе с тем он просил комитет прислать в лазарет сибирское масло, украинское соленое сало, консервированные щи, борщ и пр., так как ни в интендантстве, ни на складах Красного Креста названных продуктов уже невозможно было приобрести. Не имелось на складах и многих медикаментов, которые также нужно было выписывать из Петрограда. Кроме того, Морозов вновь просил

[370] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 61–62.

прислать дешевые издания русских писателей, а также «дарственное» белье, нитяные носки, восковые свечи, венчики и молитвы для усопших.

Следует отметить, что обеспечение Кавказской армии в это время было действительно скверным, если не сказать – ужасным. Склады пустовали: не имелось ни фуража, ни провианта, ни медикаментов, ни горючего. Пополнялись они крайне редко и плохо. Такое положение дел катастрофически отражалось на состоянии армии. Оказавшиеся в чужой далекой стране, солдаты бессмысленно гибли от истощения и болезней – эпидемии буквально косили войска. Кавказская армия казалась заброшенной и забытой всеми… Среди офицеров бытовало мнение, что причиной тому стало нерасположение императора Николая II к великому князю Николаю Николаевичу, отстраненному в августе 1915 года от должности Верховного главнокомандующего и назначенному наместником на Кавказ и главнокомандующим Кавказской армией. Но проблема была не в этом. Подорванная и истощенная войной экономика уже не могла обеспечивать нужды армии. Страна стояла на пороге хозяйственной катастрофы.

Во время встречи с Л. В. Голубевым Ф. М. Морозов поделился также задумкой о введении в лазарете обучения грамоте выздоравливающих солдат, на что получил одобрение. В связи с этим он просил комитет прислать в лазарет сестер – учительниц или выпускниц гимназии, которые могли бы вести занятия с больными, а также назначить строгую старшую сестру «с рекомендацией». Незадолго до этого он даже писал профессору С. Ф. Платонову как директору Женского педагогического института о необходимости командировать в лазарет «педагогичек, заниматься обучением солдат в качестве ли сестер милосердия или специально учить»[371].

Вместе с тем Морозов ходатайствовал перед комитетом о денежном пособии работникам лазарета, перенесшим в разное время тяжелые инфекционные заболевания, и семьям умерших. Просить об этом он считал своим нравственным долгом, находя, что пособие доставит пострадавшим не только материальное, но и моральное удовлетворение[372]. Список таких лиц составил 27 человек. Себя внести в него Морозов постеснялся. Ходатайство его не осталось без внимания – комитет выплатил всем указанным лицам и семьям умерших единовременные пособия[373].

Еще в декабре 1916 года в лазарете началась подготовка к открытию специального отделения для больных врачей и сестер милосердия, необходимость в котором остро ощущалась среди лечебных заведений Трапезунда. 13 января отделение открылось, и в тот же день поступила первая больная сыпным тифом сестра. Однако 16 января от коменданта укрепрайона генерала А. В. Шварца неожиданно пришла телеграмма, предписывающая лазарету «немедленно очистить

[371] ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С. Ф.). Оп. 1. Д. 3593. Л. 7
[372] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 56–59.
[373] Там же. Л. 90.

помещения и перейти в Платану». За несколько дней до этого Л. В. Голубев предупреждал А. Ткаченко о желании военного начальства перевести туда лазарет, но при условии предоставления отремонтированных помещений и транспортных средств для переезда. Голубев, видимо, еще не знал тогда, почему местные власти решили убрать Серафимовский лазарет из Соук-су. На самом деле, кое-кому просто понадобились дачи… И затеял всю эту историю новый начальник штаба укрепрайона полковник Евгений Густавович Гриневич, всего за месяц пребывания в городе снискавший репутацию самодура и человека недалекого. Между тем он был давним приятелем Шварца и именно благодаря хлопотам генерала стал начальником его штаба. Гриневич пожелал обзавестись дачей в Соук-су рядом с шефом, а так как лучшую и ближайшую к шварцевской даче занимал Серафимовский лазарет, то полковник ничтоже сумняся решил забрать ее для себя. Делу, впрочем, попытались придать обоснованный вид, для чего через врача укрепрайона заявили о надобности лазарета в Платане. На самом же деле, там совершенно не было нужды в новом лечебном заведении, так как в городке уже функционировал лазарет Союза городов на 50 мест, могущий при необходимости развернуться на 100. Кроме того, он почти пустовал, так как доставка людей в него была крайне затруднительна. Больные, прибывающие с южного направления, чтобы попасть из Трапезунда в Платану, вынуждены были трястись лишние 12 верст, а с приморского направления туда вообще никого не доставляли наземным путем из-за плохого состояния дорог. Однако это никого не волновало – понадобились дачи.

Так как после выезда Серафимовского лазарета освобождалось несколько зданий, то, пользуясь случаем, их решили занять два других «приближенных» Шварца – начальник округа подполковник Николай Михайлович Дынга и городской голова Кефели. С первого же дня, как только поступило распоряжение лазарету «очистить помещения», эти господа стали наведываться в Соук-су, открыто заявляя, что лазарет выселяют, так как понадобились дачи начальству и им лично.

И Гриневич, и Дынга, и Кефели – один другого стоили. Подполковник Дынга, перед тем как был назначен начальником округа на место С. Р. Минцлова, возглавлял трапезундское жандармское управление. Он, по мнению сталкивавшихся с ним людей, страдал шпиономанией, был человеком подозрительным и несколько странным. В окружные начальники Дынга, как полагали, пробился, интригами и заискиванием перед Шварцем. Караим Кефели – по образованию врач – был поставлен городским головой в середине ноября 1916 года исключительно по настоянию Шварца. При этом он никогда ранее не занимал никаких административных должностей, да к тому же совершенно не знал города, так как приехал в Трапезунд из Карса. Местные греки не любили Кефели и страшно негодовали по поводу его назначения не только потому, что он был человек

пришлый, но и потому, что был еврей[374]. Даже митрополит Хрисанф пытался препятствовать его «силовому» назначению, но не сумел.

За несколько дней до появления приказа о выселении Серафимовского лазарета из Соук-су Кефели уже успел «отличиться» в городе. Подыскивая себе, как городской голова, лучшее помещение, он заявился в дом, занимаемый сестрами хирургического госпиталя Красного Креста. Кефели бесцеремонно обходил комнаты вместе с супругой, которая, при сопровождавшей их старшей сестре Н. Э. Успенской, громко заявляла: «Здесь будет наша спальня, здесь столовая и т. п.».

– Как это ваша спальня? – удивленно спросила Надежда Эрастовна.

– Да, – ответил Кефели, – этот дом я возьму себе, он очень удобен для меня.

– Но он также удобен и для нас! – возразила Успенская.

Произошел неприятный разговор, и Надежда Эрастовна наотрез отказалась исполнить требование Кефели о выселении. Только после вмешательства уполномоченного Красного Креста района Анатолийского побережья и Трапезундского направления Ильменского Кефели отказался от своих притязаний. Такое поведение нового городского головы выглядело крайне возмутительно, учитывая еще и то, что дом сестер был восстановлен из развалин на средства Красного Креста[375].

Самое печальное в истории с перемещением Серафимовского лазарета в Платану было то, что его выдворяли, совершенно не задумываясь о пользе общего дела. В то время, когда в России кто-то, жертвуя личным комфортом, уступал помещения для ухода за ранеными воинами, здесь, напротив, у лечебного заведения отбирали помещения для собственного пользования. И это уже было знамением времени…

Как только А. Ткаченко получил приказ свернуть Серафимовский лазарет, он немедленно уведомил об этом Ильменского. Тот, в свою очередь, телеграфируя о происходящем Л. В. Голубеву, сообщал: «В помещении белого дома Серафимовского лазарета открыт лазарет для персонала Креста и для сестер, а потому прошу срочно и настойчиво телеграфировать генералу Шварцу, чтобы лазарет сестер никуда не переводить. Лично видел, лазарет хорошо оборудован и будет служить украшением Красного Креста. Сегодня отправил в лазарет Джинчвеладзе, температура высокая. Имею сведения, что освобождением помещений заинтересованы лица для своих личных удобств. Для дела прошу твердого решения, иначе лазарет придется перевести в плохое помещение и лучше тогда совсем отказаться от лазарета для персонала»[376].

Между тем приказ коменданта укрепрайона нужно было исполнить. Полагая, что новое место для лазарета подготовлено, Ткаченко с Морозовым

[374] *Минцлов С. Р.* Трапезондская эпопея… – С. 179.
[375] Там же. – С. 224–225.
[376] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 222.

отправились 18 января в Платану осмотреть отведенные для него помещения. Комендант города штабс-капитан Васильев показал три небольших здания, на которые ему «издали» указал начальник округа подполковник Дынга. Но строения как минимум нуждались в месячном ремонте и, кроме того, не имели удобного подъезда для подвоза больных. Ремонт, обещанный штабом, даже не начинался. Было очевидно, что здания эти совершенно не годились для размещения лазарета, и Ткаченко с Морозовым решили поискать в городе другие помещения. Наиболее подходящим оказалось здание американского табачного склада. На следующий день они отправились к главному врачу укрепрайона Владимирову и доложили, что помещения, предложенные подполковником Дынгой, непригодны. Они сообщили, что присмотрели более подходящее здание – бывший табачный склад, в трех этажах которого можно развернуть лазарет полностью, на 200 коек, и просили, если возможно, уступить его. Владимиров сказал, что не может самостоятельно решить этот вопрос, и порекомендовал обратиться непосредственно к генералу Шварцу. При встрече тот, категорически указав на необходимость перейти в Платану не позже трех-четырех дней, пообещал, что здание склада за это время будет подготовлено для «удобного размещения лазарета». Больных, находившихся в лазарете, он приказал перевести в другие лечебные заведения Трапезунда. Но когда у него спросили, что делать с отделением для больных врачей и сестер, генерал был очень удивлен его существованием. Подумав недолго, он предложил перевести сыпнотифозных сестер в другое место, а отделение свернуть. В тот же день Ткаченко сообщил телеграммой коменданту Платаны о необходимости освободить намеченное для лазарета здание склада. Кроме того, телеграфировал о положении дел Л. В. Голубеву, который, в свою очередь, обратился к генералу Шварцу с просьбой временно оставить лазарет в Соук-су и перевести его в Платану лишь после оборудования нового места.

Пока Ткаченко и Морозов отсутствовали в расположении Серафимовского лазарета произошел крайне неприятный инцидент. Вечером 20 января врач Н. Я. Фрейман, возвращаясь из канцелярии, встретила у ворот лазарета автомобиль с двумя пьяными офицерами и двумя греками. Вокруг стояла толпа санитаров и больных. Один из офицеров, капитан Толмачев, стоя на автомобиле, отпускал в адрес сестер милосердия площадную брань, выкрикивая: «Я этих сестер вышвырну в 24 часа, этот дом мой, квартира моя, я имею право, вышибу их, вот увидите!» Не обращая внимания на то, что к автомобилю подошла женщина-врач, Толмачев продолжал, размахивая руками, ругаться. Видя, что компания изрядно пьяна, Фрейман поспешила уйти. Подойдя к дому, она обнаружила на дверях приклеенный лист бумаги, на котором от руки крупными буквами было написано: «Эта квартира-дача сдана районному Интенданту капитану Толмачеву с 25 января»[377].

[377] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 238.

Сестры потом рассказывали, что офицеры предлагали им прокатиться на автомобиле в город. А когда они, естественно, отказались, обозвали их при всех «развратницами». Событие это оставило у персонала очень неприятный осадок.

Ткаченко и Морозов были возмущены. Посоветовавшись, они решили не сворачивать лазарет до тех пор, пока помещения для него действительно не будут готовы. Тем более что недавний опыт побуждал к такой предусмотрительности. Опасения оказались небезосновательными. По прошествии четырех дней сообщения от коменданта Платаны о подготовке зданий не последовало, хотя Ткаченко просил об этом. Тогда он уведомил коменданта, что лазарет остается пока в Соук-су. Когда же, наконец, поступило известие о том, что помещения готовы, Ткаченко с Морозовым вновь выехали в Платану. Но каково же было их удивление, когда оказалось, что никакого ремонта здания не производилось, а из трех этажей для лазарета освободили лишь средний и половину нижнего. Ничего не оставалось, как самим заказать в районной строительной конторе ремонт и переоборудование помещений с расчетом на 80–100 коек, вместо желаемых 200. Об окончании ремонта Ткаченко просил уведомить заблаговременно, чтобы можно было подготовиться к переезду. Однако еще большее недоумение вызвала телеграмма, полученная в тот же день от врача крепости, извещавшая, что помещения готовы и необходимо принять меры к переезду в пятидневный срок. В ответ Ткаченко сообщил, что помещения им осмотрены и просил ускорить ремонт.

Лазарет продолжал функционировать по-прежнему. Между тем 1 февраля поздно вечером пришло предписание главного врача 158-го эвакуационного пункта, согласно распоряжению генерала Шварца, немедленно перевести находящихся в лазарете 105 человек в другие лечебные заведения Трапезунда, а лазарету 2 февраля перейти в Платану. Ничего не оставалось, как подчиниться приказу. Для его выполнения Ткаченко попросил у штаба автомобиль, который немедленно предоставили, и к четырем часам следующего дня больных вывезли из лазарета. В тот же день он съездил в Платану, предполагая, что здание более-менее подготовлено, но оказалось, что ремонт только начинался – работало всего три человека. Таким образом, переехать в указанный срок по объективным причинам не представлялось возможным. Чтобы разъяснить положение дел, Ткаченко написал генералу Шварцу «исчерпывающую докладную». Имея уведомление от строительной конторы о приблизительных сроках ремонта, он просил генерала предоставить перевозочные средства не ранее 12 февраля. В тот же день Ф. М. Морозов уехал в Тифлис, чтобы там искать помощи в сложившейся ситуации и по возможности добиться отмены приказа о переводе лазарета в Платану.

В дело снова пытался вмешаться местный уполномоченный Красного Креста Ильменский, но малоуспешно. Он послал в Тифлис несколько телеграмм, прося защиты, однако все они были задержаны в Трапезунде «клевретом

Шварца» – командиром роты связистов Н. А. Мелек-Парсадановым. Тогда Ильменскому пришлось посылать шифрованную депешу[378].

Более удачными в сложившейся ситуации оказались хлопоты Ф. М. Морозова. В Тифлисе он встретился с экзархом Грузии архиепископом Платоном (Рождественским), которому рассказал о положении лазарета, причинах его перевода, о том, что военные власти буквально вышвыривают лазарет из Соук-су, не предоставляя взамен подходящих помещений, и, наконец, о том, какие унижения пришлось претерпеть персоналу от пьяных офицеров. Морозов подчеркивал, что в случае перевода Серафимовского лазарета в Платану, он, как излишний там, будет бездействовать, а средства, жертвуемые на его содержание – пропадать втуне. Кроме того, в такой ситуации переоборудование лазарета в госпиталь, как планировал комитет Красного Креста духовно-учебных заведений, станет совершенно бессмысленным. Морозов просил владыку употребить свое влияние и связи, чтобы приостановить приказ генерала Шварца, а лазарет направить туда, где в нем действительно будет необходимость. Экзарх незамедлительно обратился за помощью к командующему Кавказской армией генералу Н. Н. Юденичу, с которым был в очень хороших отношениях, и в тот же день командующий распорядился отменить приказ Шварца. Уже 2 февраля командир 5-го Кавказского корпуса генерал-лейтенант В. А. Яблочкин направил на имя состоявшего при Верховном начальнике санитарной и эвакуационной части генерала Е. И. Бернова телеграмму: «В силу совершенно частных соображений Серафимовский лазарет передвигают из Трапезунда в Платану. Предназначенное помещение табачного склада без значительного ремонта совершенно неудовлетворительно. Серафимовский лазарет весной будет необходим корпусу для обслуживания приморского направления. Ходатайствую об оставлении Серафимовского лазарета до апреля в Трапезунде, а затем передвижении в Эллеу. Пока приготовим для него там помещение»[379]. Яблочкину лазарет был нужен для обслуживания одной из дивизий, «как приспособленный для борьбы с тифом».

В свою очередь к начальнику Санитарной части Кавказской армии обратился и Л. В. Голубев с просьбой оставить лазарет в Соук-су до весны, когда установятся дороги, и его смогут отправить в Эллеу. В то же время главноуполномоченный отправил телеграмму генералу Шварцу, чтобы тот дал согласие на перевод Серафимовского лазарета в Эллеу, «где он как хирургически оборудованный может принести большую пользу и что отвечает желанию Комитета духовно-учебных заведений, на пожертвования которых он содержится»[380]. Шварц, естественно, теперь не мог отказать в этом, но просил перевести лазарет как можно скорее. Он был крайне недоволен отменой своего приказа о переводе лазарета из Соук-су, но в еще большее негодование пришел, когда узнал, что

[378] *Минцлов С. Р.* Трапезондская эпопея… – С. 222.
[379] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 192–192 об.
[380] Там же. Л. 197.

причиной новых распоряжений стало ходатайство экзарха Грузии. Заместитель Л. В. Голубева граф Тышкевич писал своему шефу, что генерал Шварц «перенес весь свой центр тяжести на экзарха». Бессильный, однако, что-либо изменить, генерал решил выместить досаду на руководстве Серафимовского лазарета. 6 февраля он отдал приказ об аресте Ткаченко на семь суток с содержанием на гауптвахте. Мотивация была такова: тот обратился с запиской непосредственно к нему, нарушив субординацию, а главное – якобы позволил себе выражения, недопустимые по отношению к начальнику. На самом деле, докладная была написана совершенно корректно. Поводом же к обвинению, видимо, послужили слова: «Ко всему присоединяю, что двух сыпнотифозных сестер перевезти из лазарета без опасности для жизни невозможно ввиду тяжелого состояния их. Если будет приказано Вашим Превосходительством их эвакуировать немедленно, то я, как врач, снимаю с себя ответственность за дальнейший ход их болезни»[381].

Отправляясь на гауптвахту, Ткаченко передал исполнение обязанностей женщине-врачу Фрейман. Когда он вернулся в Соук-су, лазарет снова жил обычной жизнью, хотя и находился в полусвернутом состоянии, ожидая скорой отправки. Больных, впрочем, поступало немного. Связано это было не только с общим позиционным затишьем на Кавказском фронте, но и с отсутствием у лазарета перевозочных средств, которые у него отобрали еще раньше.

Перед отъездом Ф. М. Морозова из Тифлиса архиепископ Платон обещал Серафимовскому лазарету свое неизменное покровительство. Экзарх уверял, что если кто-нибудь сделает «обидное для лазарета», он непременно доложит об этом наместнику Кавказа великому князю Николаю Николаевичу. Вскоре поддержка владыки действительно понадобилась.

В лазарете все еще нерешенной оставалась проблема старшего врача, в лице которого хотели видеть авторитетного и опытного специалиста. Студент Ткаченко, вынужденно занимавший эту должность, тяготился ей, особенно после последних событий. Главный военно-санитарный инспектор А. Я. Евдокимов еще в начале февраля отказался назначать в лазарет Смиттена или Флерова, сославшись на «значительный некомплект врачей, как в действующей армии, так и внутри империи». Тогда Ф. М. Морозов вновь обратился за помощью к экзарху, который опять-таки благодаря личным связям сумел добиться назначения Е. А. Флерова.

К сожалению, появление опытного хирурга не изменило ситуацию в лазарете, и он по-прежнему почти бездействовал. Так, например, с 20 февраля по 20 марта – за месяц – больных поступило всего 87 человек, в то время как другие лечебные заведения Трапезунда были полны. Из-за плохой дороги и отсутствия транспортных средств больных из эвакуационного пункта направляли в Серафимовский лазарет пешком и то лишь тех, кто не был серьезно болен и мог дойти. В основном это были больные цингой и хроническими

[381] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 234–234 об.

заболеваниями – туберкулезом, анемией, малярией и т. п. Таким образом, в приспособленный для хирургических больных лазарет таковые больные просто-напросто не поступали[382].

На неоднократные обращения в управление Красного Креста и в управление районного уполномоченного дать лазарету работу слышались одни обещания, но ничего не менялось. Как выяснилось «по наведенным справкам», в Эллеу, куда намечали перевести лазарет, уже работало несколько лечебных заведений, поэтому подобные обещания выглядели довольно сомнительно. Тогда у руководства лазарета окончательно утвердилась мысль о необходимости перевода на другой фронт, например Румынский, куда легко можно было переправиться морским путем через Одессу[383].

Комитет по охране древних памятников Трапезунда

Несмотря на проблемы, возникавшие вокруг лазарета и требовавшие от Ф. М. Морозова большого внимания и сил, он, тем не менее, находил время для работы с древними памятниками, при всякой возможности возобновлял их поиски, фотографировал, описывал. Так, в конце марта, «случайно бродя по узким улицам Трапезунда», он наткнулся на остатки небольшого древнего храма, как позже выяснилось – Св. Георгия. Греки разъяснили, что этот храм когда-то был приписан к бывшему здесь одноименному греческому монастырю. Однако все монастырские постройки, в том числе и церковь, турки разрушили, перестроив в частный дом, находившийся в шагах трехстах от развалин. Поэтому следов главной монастырской церкви Морозов не обнаружил.

Храм Св. Георгия занимал площадь примерно четыре с половиной на три метра. Сохранилась его алтарная часть, и по остаткам фундамента можно было представить план всего храма. Тщательно осмотрев развалины, Морозов обнаружил, что алтарные пилоны украшены крестиками, расположенными правильными рядами в высоту. В их нижнем ряду имелся поясок, представляющий ряд кивориев со слабыми следами находившихся в них рельефов святых. Судя по кладке и убранству пилонов, можно было предположить, что на этот маленький храм, находившийся, очевидно, в богатом приходе, храмоздатели не пожалели средств – пригласили резчиков по камню для отделки колонн, а возможно и стен храма, барельефными украшениями. В Трапезунде этот храм оказался единственным в своем роде. Обнаруженные барельефные убранства побудили Морозова тщательнее обследовать развалины и даже дерзнуть, как он выражался, «немножко подкопать» под алтарным окном. Вскоре в земле обнажился

[382] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 99.
[383] Там же. Л. 99 об.

край каменной плиты, небольшая выпуклость которой навела на мысль: не барельеф ли на ней? Раскапывая плиту, наш археолог к своей великой радости увидел сначала человеческую фигуру, а затем фигуру лошади. Вскоре открылся и весь барельеф, изображающий всадника, по всей видимости, святого Георгия Победоносца.

Пока Морозов работал, вокруг него собралась группа греков и солдат, заинтересовавшихся раскопками. Солдаты помогали откидывать землю и чрезвычайно дивились: откуда он узнал, что здесь зарыта эта плита? Морозову, видимо, немного льстили эти наивные недоумения. Найденный барельеф, представлявший собой плиту размером приблизительно 105 на 85 сантиметров, он сфотографировал и, поразмыслив, что делать с находкой дальше, решил снова засыпать ее землей – для сохранности. Того, что барельеф могли унести, он не опасался, так как для этого нужно было вытащить его из кладки алтарной стены, что при неумении вызвало бы обвал, а вот повредить изображение могли.

Кроме описанной находки Морозов обнаружил еще одну каменную плиту архаичного вида с какими-то желобками. Знакомый архитектор высказал предположение, что это могла быть плита с языческого жертвенника, а желоба служили для стока жертвенной крови[384].

Археологической разведкой Морозов занимался и в других местах. Будучи по делам в городке Дживизлике, он осмотрел десять интересных пещерных храмов с фресковой росписью и монастырь Св. Иоанна. Особенно любопытным оказался дживизликский храм Св. Марии, высеченный в скале. Он был искусно расписан и имел прекрасно сохранившееся изображение Богородицы Млекопитательницы. В ближайшее время Морозов намеревался посетить знаменитые древние монастыри Сумела и Вазелон.

Горный монастырь Панагия Сумела был основан согласно преданию еще в IV веке. В нем хранилась знаменитая икона Божией Матери, приписываемая кисти апостола Луки. Монастырь, пользуясь покровительством нескольких поколений византийских императоров, стал самым влиятельным и богатым на территории Понта в эпоху Трапезундской империи. После ее падения привилегии, которыми пользовалась Сумелская обитель при византийских и трапезундских императорах, подтвердил султан Селим (1512–1520) и все последующие правители Оттоманской империи. К началу XX века монастырь достиг наибольшего расцвета. Расположенный высоко в горах, в массиве отвесной скалы, он производил на паломников огромное впечатление величественной архитектурой, а внутри – богатой фресковой живописью.

Монастырь Вазелон Св. Иоанна Предтечи, один из крупнейших на территории Понта, также располагался высоко в горах. Он назывался еще «императорским», будучи одним из наиболее известных монастырей в Византии.

[384] ИИМК РАН. Ф. 18. Д. 351. Л. 1–2 об.

Основанный чуть ли не в III веке, монастырь пережил бурную историю. Покровительствуемый не только византийскими и трапезундскими императорами, но и русскими царями, монастырь до начала Первой мировой войны находился в цветущем состоянии. Он так же, как и Сумелы, был украшен замечательными фресками.

С началом Первой мировой войны оба монастыря разграбили турки. Сумелская обитель успела лишь спасти икону Божией Матери, часть Животворящего Древа Креста Господня и рукописи, но лишилась всех богатств, и теперь влачила жалкое существование. Судьба Вазелона оказалась еще печальнее: он был разорен совершенно и нуждался в больших средствах, чтобы стать на ноги[385].

Вообще в районе от Дживизлика до Ардаса сохранилось множество удивительных памятников церковной старины: кроме названных монастырей, там имелось до 50 небольших храмов.

Бывая в разных местах, Морозов сожалел, что не имеет фонографа, на который мог бы записывать «местные былины, свадебные песни» и прочие памятники словесного творчества[386].

Между тем осуществлять поездки было непросто, так как лазарет, по сути, находился на его попечении. Особенно много хлопот доставляли вопросы обеспечения продовольствием и медикаментами. «Я должен выкраивать все свободное время, – делился он с профессором Н. И. Веселовским, – а его очень мало – все сильно отвлекает, от близкого сердцу дела охраны и описания памятников церковной старины»[387].

В это время Морозов снова напомнил Веселовскому о важности учреждения в Трапезунде музея и привлечения греков, «дабы узнать от них многое для пользы истории собранных памятников». В этом направлении он уже активно работал. Морозову удалось организовать местный Комитет по охране древних памятников, в который вошли образованные и богатые греки, а также русские офицеры, интересующиеся стариной.

Такая организация оказалась весьма своевременной. После Февральской революции резко изменилась психология солдатской массы. По отношению к начальству солдаты вели себя вызывающе, не желали подчиняться и оказывать должного уважения, отказывались выполнять приказы. Авторитет командования заметно упал, и ему приходилось смотреть на многие вещи сквозь пальцы. В результате все меньше и меньше становилось во всем порядка. На этом фоне произошли перемены в составе военной администрации Трапезунда. В первой половине марта занявший при Временном правительстве должность военного и морского министра А. И. Гучков приказал перевести генерала А. В. Шварца

[385] *[Успенский Ф. И.]*. Сообщение и отчет о командировке в Трапезунд Ф. И. Успенского // Известия императорской Академии наук. – 1916. – Т. XI. – № 16. – С. 1663.
[386] РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 258. Л. 7.
[387] ИИМК РАН. Ф. 18. Д. 351. Л. 1–2 об.

в Петроград начальником Главного военно-технического управления, куда тот забрал большинство своих «любимцев». Незадолго до него в Новороссийск на новое место службы выехал С. Р. Минцлов, травимый в последнее время «шварцевской кликой». Любопытно, что на следующий день после отъезда Шварца в Трапезунде произошел бунт. Город заполнили толпы разъяренных солдат, несколько офицеров были избиты, у других оборваны погоны. Толпа искала Шварца, Мелек-Парсаданова и других с криками, что они воры, растратчики 200 миллионов казенных денег. Если бы солдатам попались те, кого они искали, расправа была бы зверской. Оставшееся в Трапезунде начальство растерялось и безмолвствовало. Узнав, что тех, с кем хотели расправиться, нет в городе, солдаты потребовали, чтобы военному министру отправили телеграммы о смещении и отдаче под суд Шварца и Парсаданова. Трапезундский совет солдатских депутатов выполнил это требование. Парсаданова, например, обвиняли в грабеже турецкого имущества, в воровстве и пр. Остававшиеся в городе Дынга и полицмейстер по требованию Совета были арестованы, однако начальству удалось тайком отправить их в Батум. Греки, обозленные на полицмейстера за его постоянные запрещения и прижимы, потребовали от его жены, бравшей вместо мужа взятки, возврата денег. «Толстая баба плакала и уверяла, что денег при ней уже нет, и что она вернет их, возвратившись в Россию»[388]. По подсчетам греков, в кармане этой барыни уехало около 40 тысяч их денег.

Ничем определенным эта история так и не закончилась. Требование солдатского Совета А. И. Гучков, видимо, положил под сукно – ему нужны были «верные» кадры для подкрепления новой России.

Между тем в Трапезунде усилилась революционная пропаганда, рупором которой, как ни странно, стал считавшийся официальным изданием штаба «Трапезондский военный листок». Если под редакторством С. Р. Минцлова газета имела больше культурное направление, то теперь носила исключительно политический характер. В ней все чаще появлялись статьи против прежнего режима, военных начальников, духовенства. Происходило это, конечно же, не без ведома нового коменданта укрепрайона генерал-майора Д. П. Колосовского: либо с его согласия, либо с молчаливого попустительства.

Ко всему прочему, новая администрация оказалась совершенно не чуткой к нуждам ученых обществ, в частности, в отношении охраны памятников Трапезунда.

И вот, в то время, когда русская военная власть начала терять в городе авторитет, стало возрастать значение власти местной – необычайно поднялся престиж греческого митрополита. И ранее греки по всем важным вопросам обращались в первую очередь к владыке Хрисанфу, теперь же его авторитет для них стал безусловным. Многим было ясно, что русские здесь долго не продержатся и на

[388] *Минцлов С. Р.* Трапезондская эпопея… – С. 263–264.

смену им рано или поздно снова придут турки. А следовательно, нужно теперь устраивать свою жизнь независимо от русских.

В создавшейся ситуации естественным было опереться в деле охраны памятников на местных жителей. Ф. М. Морозов это понял и сумел направить деятельность своих единомышленников в нужное русло. Организованный им Комитет по охране древних памятников теперь получил покровительство митрополита. Комитет готов был взять на себя устройство местного музея. Городская управа после переговоров согласилась даже ассигновать 13 000 рублей на изучение памятников и устройство музея. Однако, чтобы поставить дело на твердую, так сказать законную почву, требовалось официальное согласие Русского археологического общества. «Необходимо представительство русского, но не грека, – писал Морозов профессору Н. И. Веселовскому, – и чем скорее Вы отзоветесь на мое предложение, т. е. учреждение музея, тем благоприятнее для науки – раскроются монастырские библиотеки и мир узнает, быть может, многое»[389]. Между тем задавался он вопросом и о том, что делать с оставленными академиком Ф. И. Успенским в храме Богородицы Златоглавой рукописями и проповеднической кафедрой. Вывезти их в Россию пока не представлялось возможным, но и оставлять в неопределенном положении в Трапезунде было небезопасно. Хотя Морозов и запирал храмы, вскрытия пещерных церквей по-прежнему продолжались, из-за чего постоянно оставалась опасность хищения или порчи памятников. Проблему как раз то и могло решить устройство музея или учреждение местной археологической комиссии, под охрану которых могли бы поступить трапезундские древности. По всем этим вопросам Морозов просил каких-нибудь указаний от Археологического общества, а также письменных удостоверений, без которых трудно было рассчитывать на содействие военных властей.

Письмо Н. И. Веселовскому он отправил с уезжающей в Петроград сестрой милосердия Натальей Павловной Миролюбовой из лазарета Союза городов. Он также просил ее передать письмо секретарю комитета Красного Креста духовно-учебных заведений А. И. Оранскому и рассказать ему о нуждах Серафимовского лазарета.

Морозов писал Оранскому, что из-за неопределенных распоряжений управления Красного Креста на Кавказе о перемещении Серафимовского лазарета на фронт, лазарет работает в полусвернутом состоянии, принимая по 70 больных, хотя мог бы развернуться на 200 и даже 300 коек. Но на все обращения к главноуполномоченному только и слышалось в ответ, что лазарет скоро передвинут вглубь Турции, однако это «скоро» длилось уже слишком долго. Морозов сожалел, что даром пропадают силы и оборудование лазарета, который мог бы «принести громадную пользу в бою», если не на Кавказе, то на Румынском или

[389] ИИМК РАН. Ф. 18. Д. 351. Л. 3.

другом фронтах. «Владыка экзарх, я знаю, – писал он, – не хочет выпускать лазарет с Кавказа, но если ему Красный Крест не дает работы, то ничего не остается – выйти из его подчинения и как самостоятельный лазарет работать при дивизии»[390]. Архиепископ Платон действительно хотел, для престижа, чтобы на территории Экзархата работал лазарет духовного ведомства, считавшийся, по мнению специалистов, лучшим на всем Кавказском фронте[391].

Вместе с Н. П. Миролюбовой Морозов отправил открытку и дорогому профессору И. А. Шляпкину. Эта открытка любопытна тем, что в ней Морозов выражал личное отношение к происходившим в обществе переменам. Поздравляя профессора, в то время серьезно болевшего, с праздником Светлого Христова Воскресения, он писал: «Воскреснут Ваши силы, здоровье на благо свободной России». «Я болею за Св. Церковь, – продолжал Морозов, – пусть ее не втягивают в мирскую политику, а дадут свободу, отделят от правительства, довольно принуждать Церковь искажать Евангельское учение и проповедовать только с тем, что по духу правительству. Христос воскрес, и проповедь его учения пусть воскреснет со свободой народов; довольно распинать Христа»[392]. Вот так четко и емко он выражал свое убеждение: Церковь страдает, будучи в зависимости от мирской власти она несвободна, и более того – этим «распинается» Христос! Такой взгляд на церковную действительность, безусловно, сложился у Морозова под влиянием митрополита Антония (Вадковского). И теперь падение монархического строя воспринималось им, в первую очередь, как возможность освобождения Церкви, оздоровления ее внутренней жизни.

Уже через несколько дней Ф. М. Морозов и Е. А. Флеров снова писали А. И. Оранскому.

«Приветствую Вас с новым временным правительством и свободой!!! – начинал письмо доктор Флеров. – Но жаль, что свобода понята не в том виде, как о ней проповедуют; эгоизм, личное *я* народных масс, вмешивается в жизнь с невоспитанной демократией и делает вред правде свободы»[393]. Высказав негативное отношение по поводу выступлений и требований петроградских рабочих, он затем затронул вопрос религиозной жизни Серафимовского лазарета. По его мнению, миссия лазарета в это время состояла не только в том, чтобы лечить, но и в том, чтобы идти на помощь духовно осиротевшим воинам в их религиозных запросах. «Вы представьте, – писал доктор, – солдаты, привыкшие дома ходить в храм Божий, слышать слово Божие, они здесь вовсе отрываются от церкви, ее здесь нет; кругом мечети… Наш лазарет единственный имеет церковь; приходят молиться солдаты, послушают безграмотного иеромонаха, который Евангелия

[390] РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 12 об.
[391] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 79 об.
[392] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1828. Л. 13.
[393] РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 6–6 об.

читать не умеет, не услышав от него слова проповеди – походят-походят, да и отстают»[394].

К сожалению, то, о чем писал старший врач, было явлением не случайным, не единичным. Состав священнослужителей, окормлявших воинские части в годы Первой мировой войны, часто действительно был мало удовлетворительным. Современники отмечали крайне низкий не только богословский, но и общеобразовательный уровень военного духовенства. Если штатные полковые священники в общей массе еще как-то соответствовали необходимому уровню и нередко встречались среди них пастыри весьма высоких качеств, то со священнослужителями, прибывавшими из епархий, дело обстояло иначе. С началом войны ряды военного духовенства пополнились епархиальными священниками, качественный состав которых практически не контролировался. Особенно печальное зрелище представляли присылаемые из монастырей в войска иеромонахи. Как правило, выходцы из крестьянской среды, они, по словам князя Н. Жевахова, отличались «от своих собратьев крестьян только тем, что вместо шапок носили клобуки, вместо свиток – рясы». Эти полуграмотные пастыри, нередко уступавшие в развитии простым солдатам, конечно же, не могли служить авторитетом для паствы и оказывать на нее положительное влияние. Показательны слова Уфимского епископа Андрея, сказанные на одном из заседаний Поместного Собора 1917–1918 годов в ответ на предложение о привлечении к просветительской работе насельников монастырей: «Вы хотите заставить монахов, чтоб они проповедовали. О чем же они будут проповедовать? Их надо просить не о том, чтобы они проповедовали, а о том, чтобы они не смели проповедовать»[395].

Неподготовленность многих священнослужителей к работе в военных условиях приводила к тому, что они часто сводили свою деятельность на фронте и в госпиталях лишь к требоисполнению: совершению молебнов, панихид и иногда литургий. Таким образом, в то время, когда воины особенно нуждались в профессиональной проповеди, достойных проповедников оказывалось очень мало. Особенно остро нужда в живом пастырском слове встала в 1917 году, когда после Февральского переворота в войсках усилилась революционная пропаганда. Но, к сожалению, ситуация так и не изменилась. По свидетельству генерала А. И. Деникина голос пастырей с первых же дней революции замолк, и всякое участие их в жизни войск прекратилось[396].

«Теперь надо высоко поднять знамя Православия, – писал Флеров, – знамя Св. Церкви… Нам нужен священник; будет ли он иеромонах, но нужен с академическим образованием, человек, который бы мог собрать солдата и сказать

[394] РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 6 об.–7 об.
[395] Цит. по: *Кострюков А. А.* Военное духовенство и развал армии в 1917 году // Церковь и время. – 2005. – № 2 (13). – С. 146.
[396] Там же. – С. 153.

ему слово Божие; назидать его в сомнениях жизни; толковать жизнь во Христе. Был у нас о. Иннокентий, умел говорить проповеди – вот пришлите опять студента-монаха, пусть он здесь послужит ближним; прольет свет истин Христовых в жаждущую этого света душу христианина. Солдат, огрубевший в окопах от походной жизни, услышав истину Христову, как от солнца растает и так будет в церкви, волки иной церкви не похитят его… Работы истинному проповеднику Слова Христова много здесь»[397].

Как видно, доктор Е. А. Флеров невысоко оценивал деятельность и способности иеромонаха Филарета. Его мнение целиком разделял и Ф. М. Морозов. Впрочем, они относились к отцу Филарету терпимо, чего тот, к сожалению не понимал. В феврале 1917 года протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский переслал архиепископу Сергию (Страгородскому) выписку из рапорта, поданного иеромонахом Филаретом трапезундскому благочинному священнику Александру Климентовскому. В рапорте отец Филарет, в частности, писал, что повсюду понемногу заводятся библиотеки, почти во всех госпиталях имеются походные храмы, но сожалел, что «не во всех госпиталях медицинский персонал одинаково сочувственно относится к религиозным нуждам воинов». И в качестве примера приводил свой Серафимовский лазарет. Подчеркнув, что лазарет содержится на средства духовно-учебных заведений, он указывал, что «среди персонала есть евреи, да и сами русские почти враждебно относятся к заботам батюшки о благолепии богослужения, называя все это “ерундой” и отнимая у него церковника-санитара, иногда после начала службы, и посылая его на почту или за молоком»[398]. Однако из сохранившихся в фонде комитета Красного Креста духовно-учебных заведений документов не видно, чтобы иеромонах Филарет проявлял какую-либо заботу «о благолепии богослужения». Сохранились лишь его рапорты, в которых он хлопочет о своих гонорарах, не более. Всеми вопросами всегда занимался Ф. М. Морозов, искренне болевший душой за дело и престиж лазарета духовного ведомства. Узнало ли о рапорте руководство лазарета, неизвестно, тем не менее отношение к его автору уже сложилось определенное.

В дополнение к письму старшего врача Ф. М. Морозов продолжал настойчиво просить о переводе лазарета. По его мнению, в случае затруднения переброски в Румынию лазарет можно было бы почти беспрепятственно перевести с правого фланга Кавказской армии на левый – в Месопотамию, придав русской или английской армии.

Умоляя комитет дать лазарету возможность работать «всей полнотой силы и знания хирургии», он писал: «Жаль, что такое богатство средств и сил теряется в тыловой, мало полезной жизни лазарета в Трапезунде. Скажете, что сами просились в Трапезунд – да, мы просились, когда там ощущалась надобность, но нас поставили туда очень поздно; мы все, я говорю от лица всего лазарета, хотим

[397] РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 7–7 об.
[398] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 88.

заботы, а я лично желаю оправдать Ваше доверие ко мне, как уполномоченный Комитета, которому поручили наблюдение за деятельностью лазарета; о моей работе может подтвердить и врач, и Владыка Экзарх. Постоянно стремление вперед – желание работать. Тыл в настоящее время тяжелым ярмом ложится на лазарет. Вот уже год как обещают перевести лазарет в Эллеу, но в Эллеу, как сообщил уполномоченный Всероссийского Земского Союза, вполне достаточно лазаретов; там на одну дивизию – 4 лазарета и наш будет пятым; был в Фоле лазарет Всероссийского Земского Союза; отсутствие больных, лишняя трата вынудили их закрыть лазарет и уйти с приморского направления»[399].

Действительно, обстоятельства на этом участке фронта складывались таким образом, что никаких операций не предвиделось, поэтому передвигаться куда-либо уже не имело смысла. Иначе дело обстояло в Месопотамии, где соперничество между союзниками подвигало их к активным действиям. К тому же 2-й Туркестанский корпус, в расположении которого работал Серафимовский лазарет, из-за крайней нужды в продовольствии переживал в это время настоящий голод. О боях никто не думал, и части уходили на кормежку. Лечебных же заведений в корпусе хватало, нужны были лишь перевязочные средства и продукты. Прося о переводе, Морозов подчеркивал, что Серафимовский лазарет, имея опыт позиционной жизни, мог бы раскинуть палатки где угодно. «Конечно, и там где нас поставят, мы будем работать, но желательна работа в подаче первой и важной для спасения раненого воина, т. е. на позиции, надо пользоваться тем, что имеем прекрасного хирурга и лазарет создаст себе достойное имя», – писал он[400].

Морозов так же, как и Е. А. Флеров, выражал надежду, что комитет пришлет в распоряжение лазарета священника-проповедника. Кроме того, он напоминал о наградных деньгах: «Мне совестно пред санитарами за Вас; обещали наградные еще к Рождеству; присылали несколько телеграмм, а денег все нет и нет, что это значит?» «Я пишу это письмо, лежа в постели; вот уже 6-й день – поймал малярию – трясет невыносимо; чем только я не переболел в этой проклятой стране. Просился у Вас в Румынию, во Францию, Месопотамию и в результате, дальше того, где сижу – никуда»[401].

Вместе с тем Морозов выражал опасения по поводу слухов о том, что Красный Крест может слиться с Земским и Городским союзами. «В Земстве-то еще ничего, – писал он, – но в Городском союзе полный беспорядок – воровство…, пусть мы останемся самостоятельной единицей; общий склад пусть снабжает нас лишь медикаментами и продуктами. Пришлите на помощь студента Панасюка[402],

[399] РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 8 об.–9 об.

[400] Там же. Л. 9 об.

[401] Там же. Л. 10.

[402] **Панасюк Владимир Антонович** – выпускник Холмской семинарии, в 1913–1917 гг. – студент Петроградской духовной академии. С 1914 г. месте с Ф. М. Морозовым работал в качестве санитара в 1-м Серафимовском лазарете в Минске. – *Г. Щ.*

Егорова[403] или кого знаете; бывает, что надо командировать за покупками, а некого; самому выехать нельзя… У нас все новые сестры, нет даже монахинь; будете присылать наградные или добавочные к жалованию, укажите кому их давать, прежним ли сестрам, уволенным за неподчинение дисциплине и дурное поведение (мне кажется им не следует давать) или новым; но новые так еще мало работают, что достаточна им лишь добавка к жалованию, а только к следующему празднику – наградные. Врач Хацревина, как и сообщал, уволена, она недостойна получения наградных денег. Пусть эти деньги пойдут на лишнюю кровать, на приобретение лазарету нужных медикаментов, чем давать их тем, кто не заслужил»[404]. Врача К. М. Хацревину Морозов уволил «по ходатайству коллег и врачей» еще в марте и с ней еще четырех сестер. Монахинь он также «для пользы дела» попросил перейти в другой лазарет[405].

«Вот мое краткое послание, – заканчивал Морозов, – не браните за него, а помогите делу; мне жаль понапрасну тратить деньги учителей, а жить и работать для того, чтобы лишь бы делать что-нибудь, мало утешает, я знаю о нужде позиций, знаю, что там мы нужны, но не там, куда нас ставят… Храни Вас Господь. Ваш Ф. Морозов»[406].

На основании присланных сообщений комитет сделал соответствующий запрос в Главное управление Красного Креста, высказав пожелание о переводе Серафимовского лазарета на Месопотамский театр действий[407]. Однако к этому времени переводить туда лазарет становилось бессмысленным. Активные боевые действия на левом фланге Кавказской армии начались в январе 1917 года, когда главнокомандующий генерал Н. Н. Юденич организовал наступление на Месопотамию. Активизация русских вынудила турецкое командование перебросить часть войск на этот участок фронта, ослабив оборону Багдада, который вскоре заняли англичане. Русское наступление продолжалось до весны, однако трудности со снабжением войск, падение дисциплины под воздействием революционной агитации и рост заболеваемости малярией заставили Юденича прекратить Месопотамскую операцию и отвести войска в горные районы.

Таким образом, надеждам Ф. М. Морозова на скорый перевод лазарета в зону боевых действий опять не суждено было сбыться. Между тем на его письма откликнулся Н. И. Веселовский: 8 апреля на заседании Русского археологического общества профессор сделал доклад об энергичной деятельности Морозова по охране памятников Трапезунда. Он сообщал, что в городе образован Комитет по охране древних памятников, который готов сотрудничать с

[403] Имелся в виду **иеромонах Гурий** (Вячеслав Михайлович Егоров) – студент Петроградской духовной академии (1912–1917), сокурсник В. А. Панасюка и товарищ Ф. М. Морозова по 1-му Серафимовскому лазарету. – *Г. Щ.*

[404] РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 10 об.–11.

[405] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 85.

[406] РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 636. Л. 11 об.

[407] РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247-ч. Л. 100–102.

Археологическим обществом. В результате было постановлено: выразить благодарность Ф. М. Морозову за его труды по охране памятников Трапезунда и просить продолжать работы совместно с трапезундским Комитетом в качестве представителя Русского археологического общества. «Посему, – говорилось в заключение протокола заседания, – предложить в ближайшем же общем собрании избрать Ф. М. Морозова в члены-сотрудники Общества»[408].

Пока в Серафимовском лазарете ожидали известий из Петрограда, работа в нем с начала апреля стала стремительно нарастать – число больных доходило до 300 в сутки. Это было связано с тем, что по открывшимся от снега горным дорогам командование начало массовую эвакуацию больных с позиций. Суровая зима 1916/17 года губительно отразилась на состоянии наших войск, особенно в горных районах. Несмотря на то что еще в сентябре, закрепившись на позициях, войска занялись подготовкой к зимовке и устройством дорог, природные условия вскоре практически свели на нет все предпринятые усилия. Декабрьские снегопады сделали дороги почти непроходимыми, в особенности на перевалах, из-за чего подвоз продовольствия и фуража оказался чрезвычайно затруднен. По долинам, хотя и с большим трудом, продукты еще можно было перевозить на повозках. В горы их уже доставляли вьючным способом, складывая в поставленных в тылу позиций юртах. Затем пешие команды переносили груз на позиции. Нередко обозы с продовольствием стояли на перевалах, занесенные снегом. В результате, войска начали голодать. За зиму во многих частях съели обозных лошадей, ишаков, кошек, собак. Нередки были случаи, когда голодные солдаты варили падаль, выкапывая ее даже из земли. Истощенные лошади объедали друг у друга гривы и хвосты[409].

Кроме недостатка продовольствия войска сильно страдали от холода. Один из офицеров, зимовавший со своей частью на хребте Шайтан-даг, вспоминал: «В конце ноября дожди сменились снегом. Казаки, размещенные в юртах и палатках, терпели страшную стужу, так как сильный на верху ветер постоянно переворачивал эти жидкие и легкие жилища, гасил печи. Были случаи, когда ночью бешеным порывом ветра палатки уносились куда-то и бесследно засыпались снегом. Ежедневно часовые и подчаски, в лучшем случае, возвращались с поста с отмороженными конечностями и больными; потом зачастую стали совсем засыпаться снегом и полевые караулы. Выстрелы, которыми замерзавшие пластуны хотели дать весть своим станичникам о постигающем их несчастье на посту, таяли в свисте и заунывной песне метели и бесследно, никем не услышанные, разносились в воздухе»[410]. Бывали случаи, когда ночью снегом заносило целые сотни пластунов, которые к утру оказывались обмороженными. Весной под снегом нередко находили замерзших на боевом посту отдельных казаков

[408] ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 406. Л. 315 об.

[409] *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг. Стратегический очерк. – Париж: Изд. «Возрождение», 1933. – С. 404–405.

[410] *Масловский Е. В.* Указ. соч. – С. 406.

и целые группы при полном снаряжении. У одного пластуна-линейца нашли в стволе винтовки записку: «Долго стрелял и никто меня не услышал. Погибаю за родину, как часовой»[411].

В начале весны, во время таяния снегов, доставка продовольствия затруднилась еще более. Голод достиг угрожающих размеров, грозя армии катастрофой. Истощенные люди страдали от разных болезней, особенно от цинги. Обессиленных людей изъедала вошь. Началась эпидемия тифа. Болезни уносили десятки тысяч жизней, и ничего нельзя было сделать. Только с конца марта, когда дороги более-менее установились, обеспечение войск улучшилось, а с позиций началась экстренная эвакуация больных в тыловые лечебные заведения.

Наплыв эвакуируемых в Трапезунд оказался настолько велик, что военные власти распорядились выделить для размещения больных все пустующие помещения, в том числе и мечети. Как бывшая мечеть был занят и храм Богородицы Златоглавой, где находился устроенный Ф. М. Морозовым музей и хранились ящики с имуществом Академии наук. Храм приспособили под питательно-врачебный пункт, разместив в нем больных солдат – всюду, где только можно было их положить.

Узнав лишь через день о занятии храма, Морозов немедленно поспешил туда, чтобы «предупредить возможные недоразумения». В первую очередь он переговорил с медицинским персоналом, прося его не использовать на топливо находящиеся в храме леса, древнюю проповедническую кафедру и неразобранные турецкие бумаги, сложенные кипами на галереях. Просил не взламывать дверей «архива», где хранились в ящиках рукописные Кораны, кости императора Алексия Комнина и святого Евгения, а главное – «не отбивать штукатурку в храме», под которой находилась фресковая живопись и «вообще не производить каких бы то ни было перестроек и ремонтов». Обращался он и к солдатам, умоляя не вбивать в стены гвозди и не ковырять открытые мозаики. Переживая за храм и хранившиеся в нем предметы и рукописи, Морозов ежедневно посещал его, убеждая солдат «относиться к памятникам старины с благоговением, не разрушать ничего и не выносить из галерей бумаг – рукописей, быть может, ценных для науки…»[412]

Не получая по каким-то причинам от Н. И. Веселовского ответа на свои письма, Морозов обратился к секретарю Русского археологического общества Б. В. Фармаковскому. Сообщая о сложившейся ситуации, он просил оказать поддержку со стороны Общества, а также дать инструкции по организации охраны трапезундской старины. Морозов подчеркивал, что если бы имел полномочия, то «смелее бы действовал на пользу дела археологии». «В настоящее время, – писал он, – охранить памятники искусства и старины крайне необходимо, ибо

[411] *Масловский Е. В.* Указ. соч. – С. 406.
[412] РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 258. Л. 4–5.

здесь, в Трапезунде и Турции, человеческий поток льется с сильным напором и быстротой, разрушая все на пути, не придавая ценности научному и историческому материалу – остаткам прошлого, а также и создаваемому новому, новой жизнью. Здесь необходим человек, который бы наблюдал за событиями и собирал для истории ценные сведения и охранял старину…»[413]. Он признавался, что сам бы с удовольствием отдался этой работе, если бы она была единственной. Но был еще лазарет. А, кроме того, не имея официальных полномочий, трудно было бороться в деле охраны старины с людьми, которые не понимали ее ценности. И все же Морозов боролся, и иногда даже «в ущерб своему служебному положению». «Мое постоянное стремление, – писал он, – охранить, зарегистрировать для ученых исторический материал, где бы я его не встретил и если вижу, что с ним обращаются грубо, вступаю в защиту»[414].

Морозов указывал на необходимость создания полевой военно-археологической комиссии, которая бы занималась разысканием, фотографированием и изучением древних памятников. Она, по его мнению, могла бы «в целях плодотворной работы» устраивать на местах музеи, из которых более ценное передавалось бы в Академию наук.

Вместе с тем, не получая пока никакой поддержки и даже ответов на письма, Морозов задавался вопросом: для чего нужны его усилия? «Я многое собрал, – писал он Фармаковскому, – но жаль, что не знаю, для кого я работаю и полезна ли моя работа? Работаю, конечно, и для себя, но свое я давно пожертвовал для других. Извиняюсь, что, быть может, этим письмом отвлекаю Вас, но к кому обращусь как не к Вам, здесь и далеко от всего, да и нет людей, могущих понять стремления моей души…»[415] Морозов неслучайно задавался этим вопросом. Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, по поручению которого он начинал регистрационную работу на Кавказском фронте, к этому времени уже практически прекратило существование. Когда началась война и многие члены совета Общества ушли на фронт, встал вопрос о временном прекращении его деятельности, однако решено было по возможности продолжать работу, хотя это и стоило больших усилий[416]. К 1917 году деятельность Общества, как организации, совершенно сошла на нет. Грустные настроения Ф. М. Морозова усиливало еще и чувство одиночества, забытости: со времени его приезда в ноябре 1916 года из Петрограда, почти за полгода ему никто не написал ни одного письма[417].

---

[413] РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 258. Л. 5 об.

[414] Там же. Л. 6 об.

[415] Там же. Л. 7 об.

[416] Отчет о деятельности общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1914 и 1915 гг. – Пг., 1916. – С. 11.

[417] «Я вот как выехал из Петрограда, ни от кого не поучал писем, все забыли…» – писал Ф. М. Морозов 29 марта 1917 г. профессору И. А. Шляпкину (ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1828. Л. 13).

Вопрос с храмом Богородицы Златоглавой через некоторое время решился сам собой. К середине мая наплыв больных солдат в Трапезунд пошел на спад и располагавшийся в церкви врачебно-питательный пункт ликвидировали. Правда, после этого помещения заняла одна из воинских частей, но ненадолго. Несмотря на то что Ф. М. Морозов неустанно уговаривал солдат ничего в храме не трогать и не портить, пребывание случайных постояльцев все же оставило разрушительный след. Помещения оказались чрезвычайно замусоренными, повсюду валялись тетради и листы бумаги, мозаичный пол в некоторых местах был испорчен, мраморные плиты разбиты, исчезла шитая золотом бархатная занавеска. Находившиеся в верхних помещениях ящики с рукописями были все опрокинуты, перерыты, документы приведены в полнейший беспорядок и частично утрачены, скорее всего, употреблены на солдатские нужды – самокрутки и пр. К счастью, солдаты не пытались открывать на стенах древнюю живопись, также не был вскрыт «древний пол и не снята с него деревянная настилка». Оказались нетронутыми и боковые помещения, где в ящиках хранились предметы, принадлежавшие Академии наук[418]. Морозову удалось уберечь от хищения этот ценнейший археологический и археографический материал. Впрочем, Богородица Златоглавая оказалась единственным храмом, где он смог в сложившейся обстановке хоть что-то предпринять для сохранения памятников и как-то контролировать ситуацию. Другие же храмы почти беспрепятственно подвергались взломам, разграблению и самое ужасное – осквернению.

В Св. Софии все запоры выломали и двери оставались незапертыми, стекла во многих местах разбили, на стенах «красовались» надписи «посетителей». Охотники за топливом унесли из храма все деревянное: амвон близ михраба, галерею, настил с пола. Выломанными оказались двери и на колокольне близ Св. Софии, а ведущую на нее лестницу испортили до такой степени, что она в любой момент могла рухнуть. Разорению подверглась и церковь Св. Евгения. В ней, кроме кражи всего деревянного, кто-то сбивал штукатурку, под которой виднелись фрагменты фресок. И хотя Морозов забил взломанный вход досками, в храм можно было попасть через окно, в котором были «выгнуты железные болты».

Общую печальную картину дополняло кощунство, проявленное русскими солдатами по отношению к христианским святыням. В квартале Дере-махале имелась небольшая мечеть под названием Измаил-баба, бывшая некогда церковью. Ее здание по-прежнему сохраняло все архитектурные признаки христианского храма и даже фрагменты церковной живописи. Еще в сентябре 1916 года академик Ф. И. Успенский перед отъездом в Петроград постарался привести эту запущенную и разграбленную церковь-мечеть «в благопристойный вид», устроил двери и запоры, передав ключи коменданту укрепрайона. Теперь же

[418] *Успенский Ф. И.* Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. // Известия Российской Академии наук. – 1918. – Т. 12. – № 5. – С. 209.

она представляла собой совершенно жалкое зрелище. Мало того, что двери в церковь выломали и унесли, солдаты устроили в ней «публичное отхожее место». Недалеко от Измаил-баба, на морском берегу, находился еще один храм, именуемый греками Панагия Керула, а турками – Карабет-джами. Здание его также сохраняло все признаки христианской церкви: апсиду, колонны, следы священной живописи. Однако и оно было превращено в отхожее место[419]. Можно представить, какими глазами смотрели на все это греки и турки!

Однако винить исключительно солдат в том, что они растаскивали отовсюду, откуда могли, древесный материал «на дрова» и устраивали, где не должно, отхожие места, было бы несправедливо. Огромную ответственность за это несли городские военные власти. Помимо того, что Трапезунд был переполнен больными, в нем скапливались тысячи уезжающих из армии здоровых солдат. Вынужденные неделями дожидаться транспорта для отправки, они проводили все это время под открытым небом, нередко под дождем и снегом, или ютились в разоренных турецких лачугах без дверей и окон. Никто и не думал позаботиться об устройстве для них бараков и ретирадных мест. Не было даже организовано питание. Брошенные на произвол судьбы, озлобленные, солдаты вынуждены были сами заботиться о себе, и, естественно, делали это как могли. «Город запакощен чудовищно, – с горечью отмечал один из военных начальников, – водопроводы наполовину испорчены, оставшиеся действуют скверно; везде и во всем полная разруха… <…> Вся наша “городская деятельность” заключалась в том, что мы буквально три четверти города разрушили, главным образом на дрова, а остальную четверть запакостили до невероятия. Каждая развалина, каждый закоулок, – это сплошная клоака»[420]. Неудивительно, что в городе распространялись эпидемии: особенно свирепствовал сыпной тиф и оспа, не прекращались заболевания брюшным и возвратным тифом, появлялась дизентерия, малярия же вообще не переводилась. Болезни косили людей массово, так что вокруг Трапезунда за считанные месяцы выросло несколько огромных солдатских кладбищ с лесом деревянных крестов. И складывалось тягостное впечатление, что транспорты привозили сюда тысячи здоровых русских солдат лишь для того, чтобы через некоторое время закопать их под Трапезундом.

В такой обстановке рассчитывать на содействие военной администрации города в деле охраны памятников было невозможно. Не мог практически ничего сделать и организованный Ф. М. Морозовым местный Комитет: формально он не имел ни официального статуса, ни полномочий.

Не радовало Морозова положение дел и в Серафимовском лазарете. С уменьшением притока больных в нем опять почти не стало работы. Среди находившихся на излечении солдат вновь преобладали «хроники» – в основном

[419] *Успенский Ф. И.* Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. // Известия Российской Академии наук. – 1918. – Т. 12. – № 5. – С. 210.

[420] *Минцлов С. Р.* Трапезондская эпопея… – С. 196, 245.

больные цингой и ревматизмом. Никакой хирургической работы не было и в помине. В середине мая лазарет покинул и доктор Е. А. Флеров, избранный в медицинский совет при главноуполномоченном Красного Креста на Кавказском фронте. Оставил лазарет и болевший иеромонах Филарет. Хотя в Серафимовском лазарете еще имелись запасы медикаментов и хирургических пособий, никакой серьезной работы не предвиделось. Да и само его существование с течением времени становилось все более затруднительным. Уже в начале лета практически прекратилась доставка продовольствия со складов Красного Креста. Лошади, из-за отсутствия фуража, обессилели. Морозову приходилось самому добывать продукты для лазарета. По-прежнему он вместе с А. Ткаченко просил руководство перевести лазарет на один из европейских фронтов, но в Петрограде, похоже, было теперь не до этого…

На Кавказском фронте военные действия уже не предпринимались. Дисциплина в войсках совершенно упала, солдаты не хотели воевать, митинговали, массово дезертировали. Революционная пропаганда шла полным ходом. Временное правительство настаивало на возобновлении наступления в Месопотамии, однако командующий Кавказским фронтом генерал Н. Н. Юденич, трезво оценивая обстановку, отказался это делать. 31 мая «за сопротивление указаниям» Временного правительства он был отстранен от командования, передав полномочия генералу М. А. Пржевальскому.

Вот в такое сложное время в начале лета в Трапезунд прибыла вторая археологическая экспедиция Академии наук во главе с Ф. И. Успенским. На этот раз она состояла из семи человек. Кроме Успенского в ней приняли участие: профессор Лазаревского института восточных языков А. Е. Крымский (со своим учеником П. Н. Лозеевым), профессор Московской духовной академии Н. Д. Протасов, археолог Н. Е. Макаренко, архитектор Н. Б. Бакланов, художник-акварелист генерал Г. К. Мейер и художник Н. К. Клуге, работавший здесь год назад. Так как члены экспедиции выезжали из разных городов, а передвижение по железным дорогам было чрезвычайно затруднено, в Трапезунд они прибыли в разное время.

Первыми приехали в начале июня петроградцы во главе с Ф. И. Успенским. Однако на этот раз академика встретило большое разочарование, когда ему пришлось столкнуться с безразличием к интересам и нуждам экспедиции со стороны местной военной администрации. Если в минувшем году при генерале Шварце ученые встречали хоть какую-то поддержку и внимание, то теперь и этого не было. Участникам экспедиции даже не предоставили «удобное помещение», поэтому им пришлось разместиться порознь в гостиницах или наемных комнатах. Городскую администрацию вновь нужно было знакомить с целями и задачами экспедиции, которые, впрочем, для нее оказались мало понятны. Но больше всего академика огорчило то, что сильно упал авторитет русской военной власти. Осмотр памятников также произвел удручающее впечатление.

Единственное, что порадовало – сохраненный от хищения «архив» в храме Богородицы Златоглавой.

Узнав о прибытии экспедиции, Ф. М. Морозов поспешил повидаться с Ф. И. Успенским, которому обрисовал общее положение дел. Однако отношение к нему академика стало уже довольно прохладным. Вызвано это было, вероятно, тем, что Морозов в течение зимних и весенних месяцев вел переписку с представителями Русского археологического общества. Зная о негативной оценке Общества своей деятельности и подозревая в этом отчасти Морозова, Успенский еще зимой изменил к нему отношение. Сначала довольно активно писавший ему, Морозов уже с начала 1917 года оставил переписку, то ли не получая от академика ответов, то ли, напротив, получив неприятное письмо. Скорее первое. Успенский вел себя, конечно, довольно странно, учитывая, что Морозов навещал его болевшую жену, писал о ее здоровье, выполняя роль некоего посредника между супругами (академик ведь даже не отвечал на письма Надежды Эрастовны).

Узнав от Морозова подробности о разорении храмов, Успенский попросил коменданта Трапезундского укрепрайона генерал-майора Д. П. Колосовского собрать специальную комиссию для освидетельствования памятников. В нее вошли представители коменданта, городской голова и один полицейский чин, однако участие в работе фактически принимали лишь Ф. И. Успенский, поручик А. М. Чепурский и комиссар 4-го отдела городской милиции подпоручик Карпов. Храмы, как уже говорилось, представляли зрелище малоутешительное. По результатам их осмотра был составлен рапорт, в конце которого академик взывал к коменданту укрепрайона: «Не найдете ли побуждений в Вашем сердце оказать этим памятникам внимание, дабы не говорили об нас со злорадством, что мы с православными христианскими памятниками поступаем как язычники»[421]. Успенский просил назначить трех рабочих для очистки зданий от нечистот и устроить двери с запорами.

К середине июня все члены экспедиции, наконец, собрались вместе. Работы между ними распределили согласно специальности каждого. Профессор А. Е. Крымский приступил к разбору и описанию рукописей, книг и архивных документов, сосредоточенных в храме Богородицы Златоглавой. Профессор Н. Д. Протасов занялся изучением архитектуры и живописи церквей, бывших мечетей, переданных в 1916 году в распоряжение ученых. Н. Е. Макаренко взялся за обследование стен города и трапезундского акрополя. Архитектор Н. Б. Бакланов составлял планы и чертежи «главнейших трапезундских церквей». Н. К. Клуге имел поручение снять красками копии с некоторых фресок, частью обнаруженных в минувшем году, частью вскрытых неизвестными зимой

[421] *Успенский Ф. И.* Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. // Известия Российской Академии наук. – 1918. – Т. 12. – № 5. – С. 210–211.

1916/17 года. Художник генерал Г. К. Мейер должен был заняться выполнением рисунков по указаниям Ф. И. Успенского с важнейших памятников Трапезунда и ближайших окрестностей. Чтобы не затруднять членов экспедиции в их деятельности, академик предупредил, что оставляет за собой общее наблюдение и предоставляет себя в распоряжение каждого, кто будет к нему обращаться.

Очень скоро Ф. М. Морозов познакомился со всеми членами экспедиции. Некоторых он даже сумел привлечь в местный кружок «любителей старины и искусства». Известно, что в него вошли профессор Н. Д. Протасов, Н. Е. Макаренко, архитектор Н. Б. Бакланов и, кажется, поначалу профессор А. Е. Крымский. Однако совершенно враждебно против кружка и лично Ф. М. Морозова оказался настроен Ф. И. Успенский, ревниво относившийся ко всему, что касалось трапезундских памятников, считая их изучение исключительно своим делом. Достаточно вспомнить категоричное заявление, высказанное им летом 1916 года, что он «никому не позволит фотографировать Св. Софию, Св. Евгения и Панагию Хризокефалос, исследование которых оставляет за собой». Поэтому неудивительно, что Успенского раздражало само наличие кружка, претендовавшего на контроль над памятниками, хотя бы даже и с целью их охраны. Масло в огонь подлило напечатанное в местной греческой газете «Логос» открытое письмо некоего Леонтидиса на имя академика. К сожалению, текст этого письма разыскать не удалось, но общий смысл его заключался в призыве к руководителю экспедиции заниматься охраной трапезундских памятников сообща с местными представителями. Обращение это очень не понравилось Успенскому, так как ставило его перед греческим населением в неловкое положение, и он заявил Ф. М. Морозову, что считает кружок антирусским. По убеждению же последнего академик сильно заблуждался, так как кружок не преследовал «политиканствующего намерения», а ставил строго научные цели – «спасти ученым и науке остатки еще живых свидетелей прошлой культуры человечества»[422].

Морозов, впрочем, теперь больше рассчитывал на поддержку Русского археологического общества, которое во второй половине мая избрало его своим членом-сотрудником, назначив официальным представителем в трапезундском Комитете охраны памятников старины[423]. «Работа кружка идет успешно, – писал он в начале июля Б. В. Фармаковскому. – На днях вышлю официальное письмо Обществу и устав. Сделать фотографии с клинописей, что близ Хохульского монастыря, мне сейчас не удается, так как очень много дела в Трапезунде и археологического, и главное много отнимает времени хозяйственная и административная работа в лазарете; хотелось бы скорее развязаться, но война затягивается; жду помощника и тогда, быть может, будет больше времени уделить археологии. <…> Кружком нашим разосланы письма всем греческим учителям, священникам с просьбой дать известные им исторические сведения о храмах

[422] РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 258. Л. 1 об.–2.
[423] ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 406. Л. 323.

или другом каком-нибудь археологическом памятнике, о его сохранности и преданиях о них, а также собирать народные греческие, турецкие песни и былины. Несмотря на все препятствия при любви к делу можно работать. Веря в Вашу поддержку, буду, как пчела собирать археологический мед со всех мест»[424].

Вместе с тем Морозов выражал озабоченность судьбой своих «археологических негативов», хранившихся в Александро-Невской лавре с его имуществом. Он спрашивал, не найдется ли возможность забрать их и перевезти в Археологический институт, а также просил Русское археологическое общество «иметь попечение над Антиминсом XII века», хранившимся в лаврском музее. «Жаль, – писал Морозов, – если нерадение монахов вновь затеряет его; теперь труднее сохранить; то же и об остальных предметах музея»[425].

Эти строки Ф. М. Морозов писал 7 июля, а через несколько дней произошел инцидент, окончательно настроивший академика Ф. И. Успенского против местного археологического кружка. В ночь с 9 на 10 июля неизвестные проникли в храм Богородицы Златоглавой и похитили оттуда часть рукописного материала. Работавший там профессор А. Е. Крымский отмечал в отчете, что ему приходилось встречать открытую неприязнь местных греков, «которые назойливо стремились проникнуть внутрь мечети и шпионить» за его работой. Профессор пытался «отражать их назойливость очень энергично», но один раз, как он выразился, ему это не удалось. Вот что он писал: «В начале июля (в четверг 6 июля) местный греческий археологический кружок самовольно назначил для трапезундцев осмотр мечети, и я, застигнутый врасплох, принужден был впустить в мечеть огромную разношерстную толпу, человек 200, которая бесцеремонно шарила всюду и, с особенным упорством, добивалась проникнуть в закрытую на замок архивную часть мечети. Я туда не пустил пришельцев, ссылаясь на отсутствие ключа у меня»[426]. Через три дня, придя в понедельник со своим учеником в храм, Крымский увидел, что наружная оконная решетка и дверь в архив взломаны. При осмотре обнаружилась пропажа нескольких сот книг и рукописей, а также нескольких мешков с документами.

Узнав о случившемся, Ф. И. Успенский предпринял попытки разыскать похищенное, но тщетно. Милиция составила протокол, однако дальше этого дело не продвинулось. Лишь 15 августа случайно в кустах нашли мешок с документами из храма Богородицы Златоглавой, «опустошенный наполовину и содержащий только незначительные, ни к чему уже ненужные документы».

Успенский был уверен, что непосредственное отношение к краже имел археологический кружок. Его убеждение строилось на том, что злоумышленники якобы знали, где что хранилось. Однако предположение это было неверным и

[424] РГИА. Ф. 1073. Оп. 1. Д. 258. Л. 2 об.–3 об.
[425] Там же. Л. 3.
[426] *Успенский Ф. И.* Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. // Известия Российской Академии наук. – 1918. – Т. 12. – № 5. – С. 216.

диктовалось, в первую очередь, эмоциями. На самом деле, похитители, проникнув в «архив», взяли не самое ценное. По всей видимости это были обыкновенные жулики, укравшие книги и рукописи с целью их последующей продажи коллекционерам. Но они действительно могли побывать накануне в храме вместе с экскурсией, в чем, конечно же, нельзя винить ее организаторов.

Вообще, отношение Успенского к грекам резко изменилось в отрицательную сторону, и напротив – стало «благожелательным» к туркам. Вызвано это было изменившимися политическими перспективами. Если год назад положение русских на Анатолийском побережье казалось весьма прочным, почти незыблемым, то теперь становилось очевидно, что завоеванные территории в скором времени придется оставить. Во время первой экспедиции Успенский, возможно, знал или догадывался о существовании планов по разделу территории побежденной Турции и созданию независимого государства с центром в Трапезунде. По свидетельству Н. К. Клуге, академик тогда открыто говорил о задачах своей будущей деятельности во вновь завоеванных областях Малой Азии, к которым прибавлял и Кавказ, «где ничего еще не сделано и который является непочатым краем в научно-археологическом отношении». Для этого региона он задумывал устроить вторую Археологическую комиссию с тем, чтобы возглавить ее, оставив за собой и место директора института в Константинополе[427]. Но кроме продвижения этой идеи в соответствующих инстанциях нужно было завоевать еще и симпатии местных греков, составлявших большую часть населения, в том числе и митрополита, о котором Успенский тогда довольно лестно отзывался. Поэтому летом 1916 года академик и повел определенную «политику», причем лишь после отъезда Ф. И. Шмита, представлявшего Археологическое общество: читал лекции у генерала Яблочкина и в местной гимназии, ходил по городу с ее воспитанниками и учителями, объясняя историческое значение памятников Трапезунда и т. п.[428] Клуге даже утверждал, что именно потому, что «предстояло иметь дело с греками», Успенский и привез в Трапезунд свою жену.

Одному из знакомых академик в то время писал, что имеет поручение от наместника выяснить церковные вопросы в завоеванном трапезундском регионе. Клуге вспоминал: «Местные учителя-греки натащили ему целую кучу книг, погрузившись в которые Успенский начал подготовляться для решения церковных вопросов». А заключались «вопросы» в том, что академик выяснял, какой тип одной из местных церквей наиболее подойдет для постройки подобной в долине Чороха, где жена сенатора Истомина, занимавшего в то время должность директора гражданской канцелярии наместника, адмирал П. И. Коськов и «компания» решили строить монастырь в память избавления Батума от нашествия турок[429].

[427] ИИМКА РАН. Ф. 3. Д. 372. Л. 55.
[428] Там же. Л. 53 об.
[429] Там же. Л. 54 об.–55.

Но это было год назад. Теперь же задуманное становилось неактуальным, планы рухнули, а следовательно, необходимо было менять и «политику». Успенский теперь решил воспользоваться наиболее ценным археографическим материалом, собранным в Трапезунде, для обмена на имущество Русского археологического института в Константинополе, изъятого турецкими властями в 1914 году. Для этого нужно было получить официальное разрешение на вывоз книг и рукописей из Трапезунда, а также заручиться на будущее расположением турок. Греческие интересы теперь не рассматривались вовсе. Чтобы получить разрешение на секвестр книг и рукописей, академик обратился в Особый Закавказский комитет, учрежденный Временным правительством для управления Закавказьем. В его юрисдикцию входила вся территория упраздненного Кавказского наместничества, включавшего и завоеванные области. Комитет составляли представители различных партий и национальных движений: кадет В. А. Харламов (председатель), дашнак М. И. Пападжанов, мусаватист М. Ю. Джафаров, меньшевик А. И. Чхенкели, социал-федералист К. Г. Абашидзе. Именно с этими людьми и нужно было решать вопрос о секвестре, который Успенский представил как дело исключительно государственного значения. Относительно правовых оснований для этого академик отмечал, что речь идет не об интересах греческой или армянской народности, а о религиозных учреждениях мусульманского культа – мечетях. Так как Трапезунд принадлежал Оттоманской империи, мечети рассматривались как государственное достояние турок, которое должно быть возвращено после окончания войны именно им, а не грекам, армянам и грузинам. Далее он указывал, что в начале войны турецкое правительство «не нашло никаких затруднений» секвестровать библиотеку и коллекции Русского археологического института в Константинополе, хотя он находился под защитой итальянского, а затем испанского посла. Турки вывезли из института 65 ящиков с книгами и коллекциями, приспособив здание под лазарет. Из этого Успенский делал вывод о не подлежащем сомнению праве русского правительства наложить секвестр на книги, рукописи и коллекции, находящиеся в Трапезунде. Хотя по стоимости они и не равнялись секвестрованному в Константинополе, но могли бы, по его мнению, служить «некоторым вознаграждением турецкому правительству» во время будущих переговоров о возвращении имущества института. Наиболее подходящим местом для хранения секвестрованных предметов Успенский считал Батум, а упаковку, перевозку и хранение их предполагал осуществить за счет средств института, выдаваемых Министерством народного просвещения[430].

Теперь понятно, почему изменилось отношение к грекам, которое академик не скрывал от членов Особого Закавказского комитета. Так, в одном из обращений, он сообщал об «исключительных затруднениях», встречаемых экспедицией. «Эти затруднения, – писал он, – исходят из враждебного направления, принятого

[430] *Успенский Ф. И.* Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. // Известия Российской Академии наук. – 1918. – Т. 12. – № 5. – С. 226–227.

по отношению к экспедиции некоторыми лицами местного греческого общества, имеющими поддержку в митрополии. Усвоив себе организацию археологического общества, эти лица агрессивно выступили против меня в местной прессе, пытаясь всячески тормозить успехи работ экспедиции, и, кончено, не без их подстрекательства произведено было похищение ночью значительной коллекции книг и рукописей из церкви Богородицы Златоглавой, которая служит временным складом древностей и музеем. В настоящее время, осведомившись о предстоящем окончании наших работ, эллинская партия стремится завладеть ключами от тех церквей, обращенных в мечети, которые были в моем распоряжении, и в особенности озабочена тем, что рукописи, акты и разные бумаги, собранные в церкви Златоглавой, после моего отъезда, попали в распоряжение греков»[431]. Это стремление Успенский объяснял тем, что в храме хранилось немало имущественных, земельных, юридических и других документов, принадлежавших мусульманскому населению Трапезунда и окрестностей. А так как после окончания войны возникала необходимость ликвидировать споры между турками и греками о правах владения, то последние якобы и старались захватить документы. Но если даже это предположение и соответствовало действительности, то почему было бы не поступить, как сделал евангельский «неверный управитель» (Лк. 1. 1–8), которого в конечном итоге хозяин похвалил за догадливость, а Христос призвал своих учеников поступать так же.

Вместе с тем Успенский просил Закавказский комитет поручить охрану мечетей специальной комиссии в составе коменданта укрепрайона, представителя городской управы и местного муфтия.

Обращения академика имели положительный результат. В конце сентября он получил разрешение вывезти из Трапезунда акты, «имеющие политическое значение», то есть то, что можно было в будущем обменять на имущество института. А генералу Д. П. Колосовскому поручалось образовать комиссию для охраны мечетей и содержащихся в них археологических ценностей. Однако вывезти секвестрованное имущество Успенский не имел возможности. Предприятие это требовало большого труда и затраты значительных средств, к тому же все члены экспедиции уже разъехались.

Уезжая в октябре из Трапезунда, он передал под расписку доверенным лицам митрополита Хрисанфа кости императора Алексея IV, вместе с другими костями, найденными в церкви Св. Евгения[432].

Вернувшись в Петроград, Ф. И. Успенский написал в Академию наук довольно подробный отчет, в котором не раз выражал отрицательное отношение к археологическому кружку, организованному Ф. М. Морозовым. «Трапезундские греки, – писал он, – в особенности принадлежащие к богатому купечеству, так

[431] *Успенский Ф. И.* Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. // Известия Российской Академии наук. – 1918. – Т. 12. – № 5. – С. 228.

[432] *Успенский Ф. И.* Усыпальница царя Алексия IV в Трапезунде // Византийский временник. – 1923. – Т. 23. – С. 14.

же учителя и адвокаты, подстрекаемые митрополитом, находили весьма желательным получить в свое заведывание оставленные турками мечети, бывшие до турецкого завоевания христианскими храмами. Как скоро, однако, ключи от этих зданий были переданы археологической экспедиции, начался ряд интриг и всяческих домогательств с целью заподозрить в глазах местного общества деятельность русских ученых. Образовано было даже общество из местных любителей, во главе коего поставлен, как мне потом передавали, один из членов экспедиции, которому и предлагалось вручить заведывание изучаемыми нами археологическими памятниками. На этой почве и происходили значительные затруднения…»[433].

Успенский надеялся вернуться в Трапезунд летом 1918 года, но планам его не суждено было осуществиться. Имущество же Русского археологического института в Константинополе все-таки удалось впоследствии обменять, правда, уже после смерти Ф. И. Успенского, на 15 ценных рукописных Коранов, вывезенных из Трапезунда в 1916 году.

Несмотря на враждебное отношение руководителя экспедиции, Ф. М. Морозов продолжал свою деятельность в археологическом кружке. Группировался он вокруг редакции газеты «Логос», располагавшейся на Туркестанской улице напротив управления Всероссийского земского союза. Именно там проходили собрания кружка[434]. Кроме того, через газету делались необходимые объявления, публиковались статьи краеведческого характера. Несколько публикаций об археологических находках в Трапезунде сделал в газете и Ф. М. Морозов[435]. Он сообщал об открытом им редком для истории древневизантийского права памятнике греческой письменности XII века – юридическом акте, высеченном на камне церкви Иоанна Скалистого в Трапезунде. Также он сообщал о фресковой росписи XV–XVI веков, обнаруженной им под штукатуркой в одном из крепостных зданий. Впоследствии в curriculum vitae Морозов указывал, что устраивал в Трапезунде периодические выставки памятников старины города и окрестностей. Скорее всего, на них экспонировались небольшие предметы, рукописные памятники, книги, монеты, а также фотографии из коллекции Морозова. В одной из таких выставок приняли даже участие члены экспедиции Академии наук[436].

Вскоре организованный Морозовым кружок преобразовался в настоящее общество, в которое, кроме греков, вошли местные турки и армяне. Цели общества оставались прежними – охрана памятников старины Трапезунда и окрестностей и «выявление таковых среди жителей»[437]. После Октябрьской революции общество получило официальный статус Комитета по охране памятников

[433] *Успенский Ф. И.* Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. // Известия Российской Академии наук. – 1918. – Т. 12. – № 5. – С. 208.

[434] Хроника // Трапезондский военный листок. – 1917. – № 184. – С. 2.

[435] ПФА РАН. Ф. 737 (Айналов Д. В.). Оп. 2. Д. 62. Л. 2.

[436] Там же. Оп. 1. Д. 75. Л. 4.

[437] Там же.

старины Трапезундского укрепрайона, а Ф. М. Морозов был назначен его секретарем. Эти полномочия он получил от Закавказского комиссариата – коалиционного правительства Закавказья, созданного в Тифлисе 15 (28) ноября 1917 года при участии грузинских меньшевиков, эсеров, армянских дашнаков и азербайджанских мусаватистов.

Между тем Морозов по-прежнему оставался привязанным к Серафимовскому лазарету, за который нес, как уполномоченный, полную ответственность. Так, во второй половине октября ему пришлось бороться с постановлением Кавказского санитарного совета о передаче лазарета в ведение Земского союза. Для этого понадобилось выезжать в Тифлис, где вместе с главноуполномоченным Л. В. Голубевым он сумел добиться, чтобы лазарет оставался в ведении Красного Креста[438].

В Тифлисе в это время было крайне неспокойно. В городе повсюду бродили или носились на грузовиках толпы расхлябанных солдат с винтовками, обвешанные крест-накрест патронными лентами. Вид у них был совершенно разбойничий: шинели нараспашку, рубахи без поясов, воротники не застегнуты, шапки на одном ухе или на затылке. Все грязные, небритые. Многие просто так, ради забавы, палили из ружей в воздух, и создавалось впечатление, что в городе идет бой.

Из-за огромного наплыва приезжих в городе практически невозможно было найти места для ночлега. Не хватало продуктов и все стоило неимоверно дорого. Повсюду у магазинов стояли огромные очереди. Процветала спекуляция, участились грабежи и убийства.

В Тифлисе скопилась масса врачей и сестер милосердия – без дела, без средств и без перспектив на будущее. Уже после Февральской революции в госпиталях стали происходить невообразимые явления. После объявления «свободы» в них появились какие-то подозрительные типы, проводившие с ранеными «беседы», результаты которых не заставили себя долго ждать. Солдаты начали составлять из своей среды комитеты, которые и стали распоряжаться в госпиталях всем. Первым делом они повыгоняли «неугодных» врачей, фельдшеров и сестер. В отношении к персоналу проявлялась откровенная грубость, солдаты отказывались исполнять предписания врачей, пьянствовали. «Делать операции солдаты никому не позволяют, – жаловался один из тифлисских врачей. – На перевязки приходят только тогда, когда от раны идет вонь… В перевязочной, во время перевязок, идет сплошной скандал… Раненые говорят сестрам грубости и пошлости… Многие из старых сестер больше не приходят в госпиталь, – не могут примириться с ужасным положением дела!»[439] Дошло до того, что госпитальные комитеты стали запрещать принимать новых больных и раненых, а

[438] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 251.

[439] *Семина Х. Д.* Трагедия Русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 2-я. Поход на Мосул. – Нью-Мексико, 1964. – С. 164–165.

то и вовсе объявляли о закрытии госпиталя. Медицинский персонал просто оказывался на улице. При этом денег никому не выдавали. Врачи с семьями и сестры милосердия съезжались в Тифлис в надежде найти работу или хоть какие-то средства к существованию, но напрасно… Даже те из врачей и сестер тифлисских госпиталей, кого не выгнали солдатские комитеты, работали без жалования, за одну только еду. И работали бессменно, день и ночь. При этом в госпиталях не имелось ни медикаментов, ни перевязочных материалов. Не было мыла, даже горячей воды. Продукты питания поступали нерегулярно и в недостаточном количестве[440]. Смертность среди больных и раненых была огромная!

Свой комитет, а вернее совет, из числа персонала был образован и в Серафимовском лазарете. К сожалению, о деятельности лазарета во второй половине 1917 года почти не сохранилось никаких сведений. Известно, что за короткое время в нем успело поменяться несколько старших врачей. В сентябре лазарет возглавлял доктор Мачаров, в октябре – доктор Перлис, в конце года обязанности старшего врача принял доктор Беллинг.

В неизвестность…

После Октябрьской революции Кавказский фронт окончательно развалился. 5 декабря 1917 года командования русских и турецких войск заключили так называемое Ерзинкайское перемирие, после чего начался массовый отход русских частей из Западной (Турецкой) Армении на территорию России.

Отход происходил, в основном, беспорядочно и стихийно. Зачастую солдаты, не дожидаясь приказа, в одиночку, группами, а то и целыми подразделениями бросали позиции и отправлялись на родину. С Анатолийского побережья эвакуация производилась, главным образом, из Трапезунда, который в это время вновь оказался до невозможности запружен солдатами. Эта вооруженная и малоуправляемая масса практически безраздельно хозяйничала в городе и окрестностях, устраивала грабежи и погромы, наводя ужас на местное население. Повсюду тут и там собирались стихийные митинги. Кто агитировал за «учредилку», кто за большевиков, кто за кого-то еще. Солдаты слушали, шумели, спорили, но у всех было лишь одно желание – поскорее уехать домой. Больше всего солдат скапливалось в ожидании «водоходов» у пристани. Сюда же стягивалось военное снаряжение, лошади, автомобили, орудия, боеприпасы и пр. Транспорты уходили, нагруженные до предела. А из города и пригородов с шумом и гамом пребывали все новые и новые толпы в серых шинелях. Солдаты

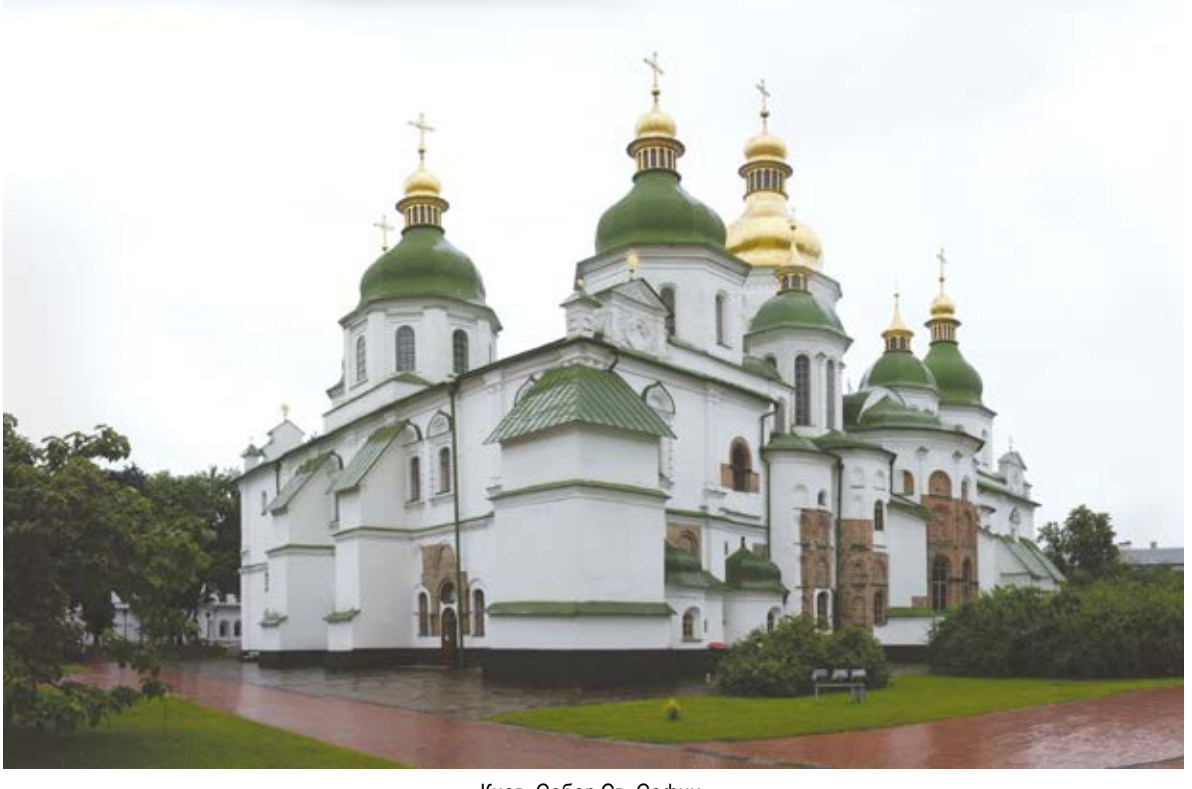
[440] *Семина Х. Д.* Трагедия Русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 2-я. Поход на Мосул. – Нью-Мексико, 1964. – С. 183–184.

Работники науки и культуры Украины у стен Киево-Печерской лавры.
На нижней фотографии: слева на лестнице Ф. М. Морозов (за человеком в шляпе).
Фото начала 1920-х гг. (ИИФЭ НАН Украины. Ф. 13 (Ф. Л. Эрнст). К. 6. Д. 494)

Скульптурные детали раки святого князя Александра Невского во время ее изъятия.
Фото В. К. Буллы, 1922 г. (ЦГАКФФД СПб. Др-1127)

Рака святого благоверного князя Александра Невского на грузовике.
Фото В. К. Буллы, 1922 г. (ЦГАКФФД СПб. Гр-5158)

Киево-Печерская лавра. Трапезная церковь, Большая лаврская колокольня и Успенский собор.
Фото Николая Иващенко, 2011 г.



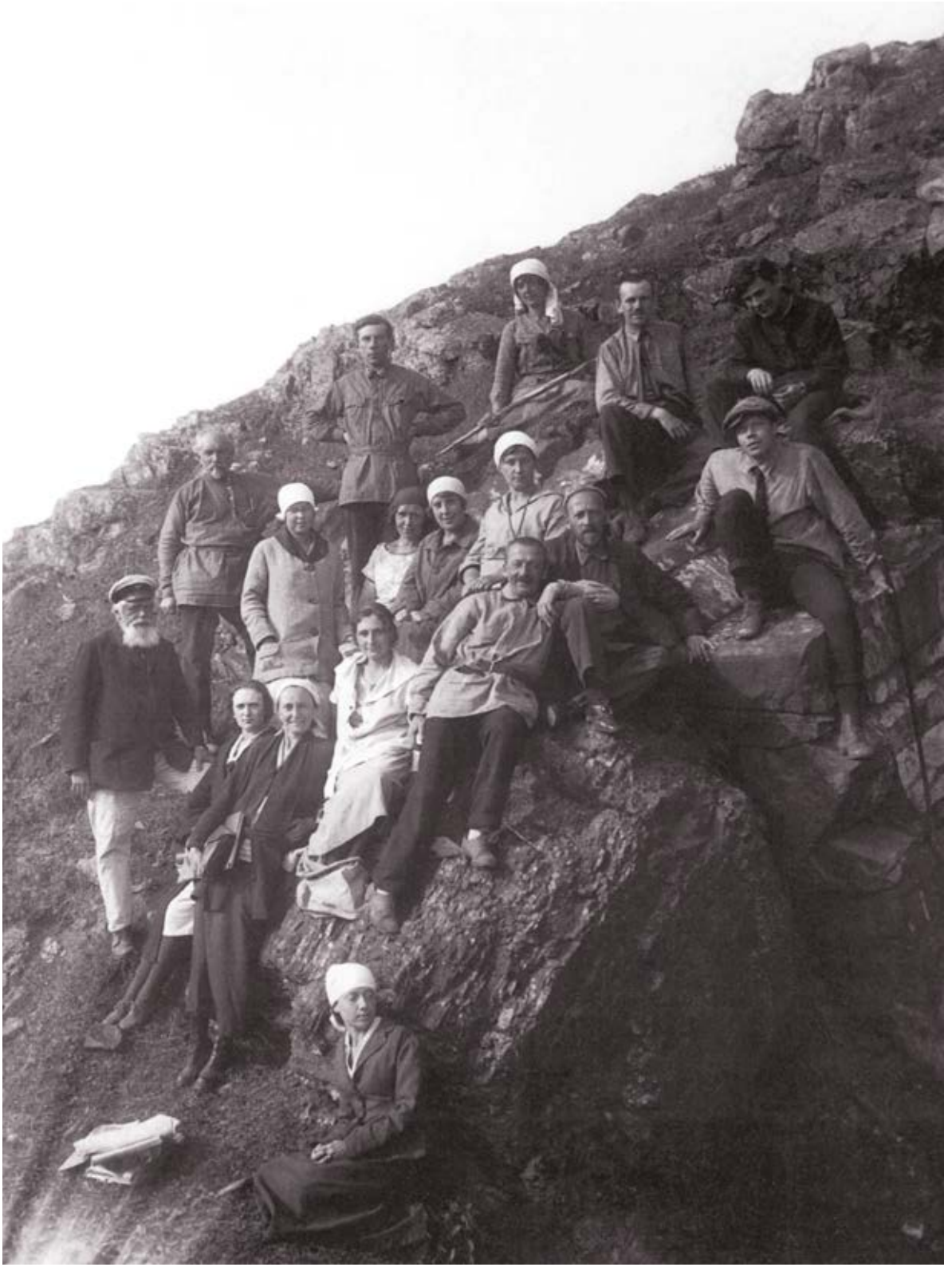
Киев. Собор Св. Софии.
Фото А. Е. Шабад, 2008 г.

Ленинград. Клашниковская пристань. Члены заонежской экспедиции на пароходе «Урицкий» перед отбытием.
Фото Ф. М. Морозова, 11 июня 1926 г. (ИИМК РАН. II-49134)

Члены заонежской экспедиции на пароходе «Урицкий».
Фото Ф. М. Морозова, июнь 1926 г. (ИИМК РАН. II-49134)

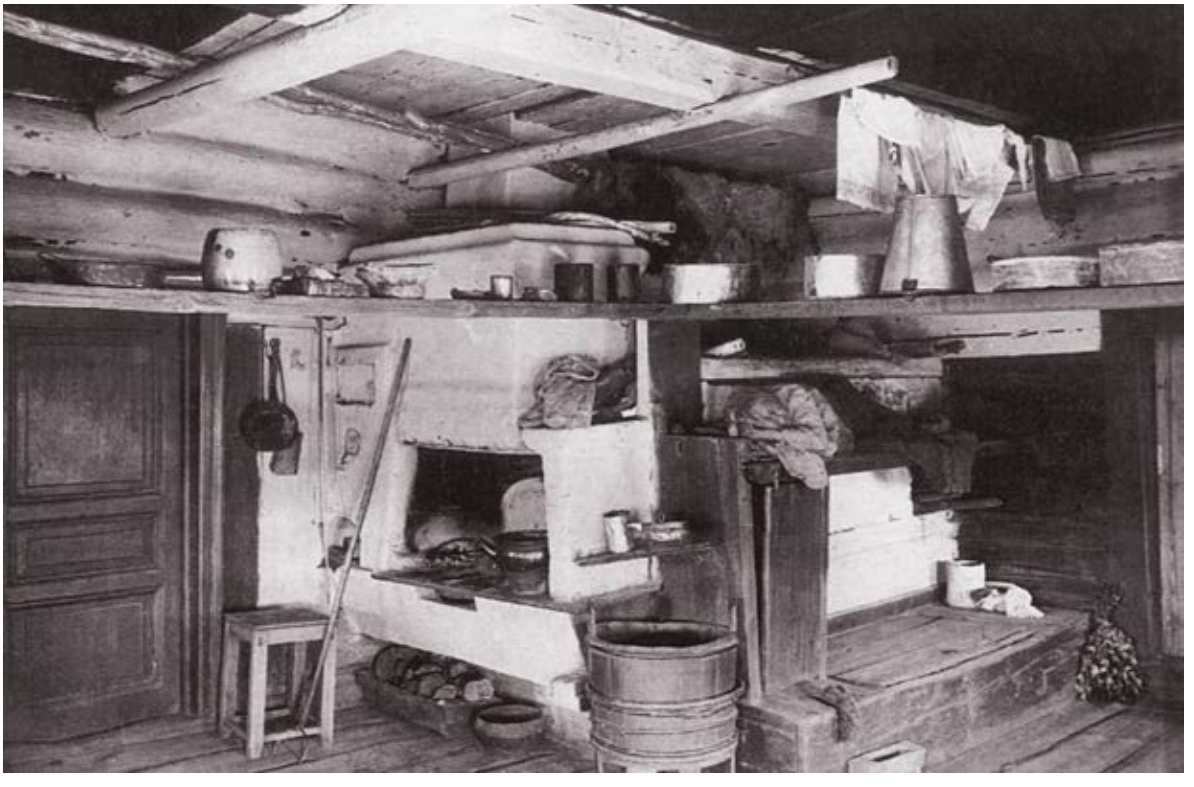
Петрозаводск. Круглая (Петровская) площадь. Бывший дом губернатора, где разместился Карельский областной музей.
Фото Ф. М. Морозова, июнь 1926 г. (ИИМК РАН. II-49133)

Петрозаводск. Члены заонежской экспедиции на пристани.
Фото Ф. М. Морозова, июнь 1926 г. (ИИМК РАН. II-49133)



Экспедиция Ленинградского института истории искусства в Заонежье. Шуньга, август 1926 г.
Вверху: Е. В. Гиппиус, Н. П. Колпакова, Ю. Н. Дмитриев, Р. Р. Суслович;
2-й ряд: К. К. Романов, А. К. Сытова, З. В. Эвальд, И. В. Карнаухова, А. М. Астахова, И. В. Писарев;
3-й ряд: В. В. Эвальд, Т. В. Попова, Е. Э. Кнатц, Л. М. Шуляк, Ф. М. Морозов, А. В. Финагин; внизу: К. А. Большева.
(Мильчик М. И. Заонежье на старых фотографиях. СПб., 1999. С. 11)

Заонежье. Деревня Тарасы. Дом с мезонином.
Фото К. К. Романова, Ф. М. Морозова, июнь 1926 г.
(Мильчик М. И. «Заонежье на старых фотографиях». СПб., 1999. С. 77)



Заонежье. Деревня Тарасы. Русская печь в доме Михеева.
Фото К. К. Романова, Ф. М. Морозова, июнь 1926 г.
(Мильчик М. И. «Заонежье на старых фотографиях». СПб., 1999. С. 77)

Заонежье. Деревня Верховье (район Великой Губы). Курная изба.
Фото К. К. Романова, Ф. М. Морозова, июнь 1926 г.
(Мильчик М. И. «Заонежье на старых фотографиях». СПб., 1999. С. 82)

Заонежье. Деревня Верховье (район Великой Губы). Дом Е. Костина, интерьер избы.
Фото К. К. Романова, Ф. М. Морозова, июнь 1926 г.
(Мильчик М. И. «Заонежье на старых фотографиях». СПб., 1999. С. 82)

Яндомозеро. Общий вид на церкви и кладбище с юга.
Фото К. К. Романова, Ф. М. Морозова, июнь 1926 г.
(Мильчик М. И. «Заонежье на старых фотографиях». СПб., 1999. С. 91)

Яндомозеро. Гулянье в Троицын день. Вид с колокольни.
Фото К. К. Романова, Ф. М. Морозова, июнь 1926 г.
(Мильчик М. И. «Заонежье на старых фотографиях». СПб., 1999. С. 94)

Погост Космозеро. Общий вид с юго-запада – со стороны Космозера.
(Мильчик М. И. «Заонежье на старых фотографиях». СПб., 1999. С. 99)

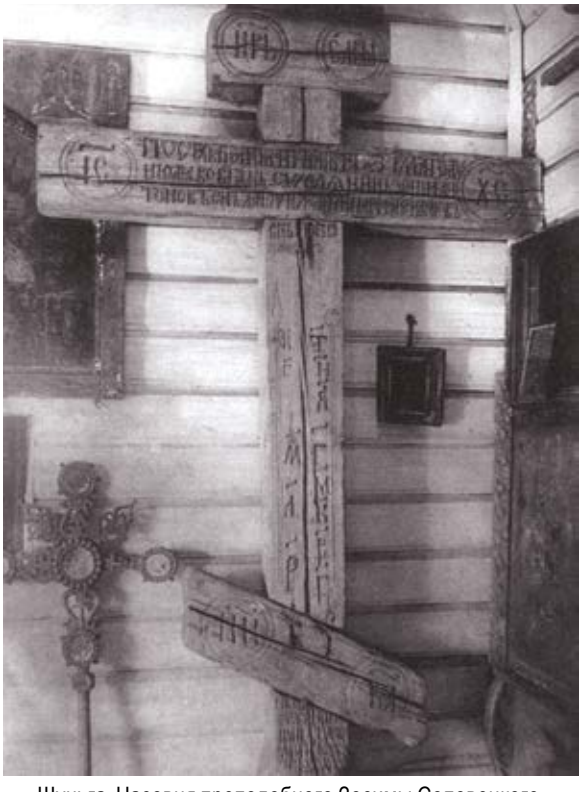
Мост между Погостом Шуньга и деревней Большой Двор.
Фото К. К. Романова, Ф. М. Морозова, июнь 1926 г.
(Мильчик М. И. «Заонежье на старых фотографиях». СПб., 1999. С. 128)

Шуньга. Гулянье на Погосте в Иванов день.
Фото К. К. Романова, Ф. М. Морозова, 6 июля 1926 г.
(Мильчик М. И. «Заонежье на старых фотографиях». СПб., 1999. С. 131)

Шуньга. Кладбище за деревней Большой Двор.
Фото К. К. Романова, Ф. М. Морозова, июль 1926 г.
(Мильчик М. И. «Заонежье на старых фотографиях». СПб., 1999. С. 129)

Заонежье. Расписной придорожный крест.
Фото Ф. М. Морозова, 1926 г. (ИИМК РАН. I-32869)

Заонежье. Резной придорожный крест.
Фото Ф. М. Морозова, 1926 г. (ИИМК РАН. I-32868)



Шуньга. Часовня преподобного Зосимы Соловецкого.
Резной крест. Фото К. К. Романова, Ф. М. Морозова, июль 1926 г. (Мильчик М. И. «Заонежье на старых фотографиях». СПб., 1999. С. 129)

Шуньга. Часовня Спаса Нерукотворного. Расписной крест.
Фото К. К. Романова, Ф. М. Морозова, июль 1926 г.
(Мильчик М. И. «Заонежье на старых фотографиях».
СПб., 1999. С. 129)

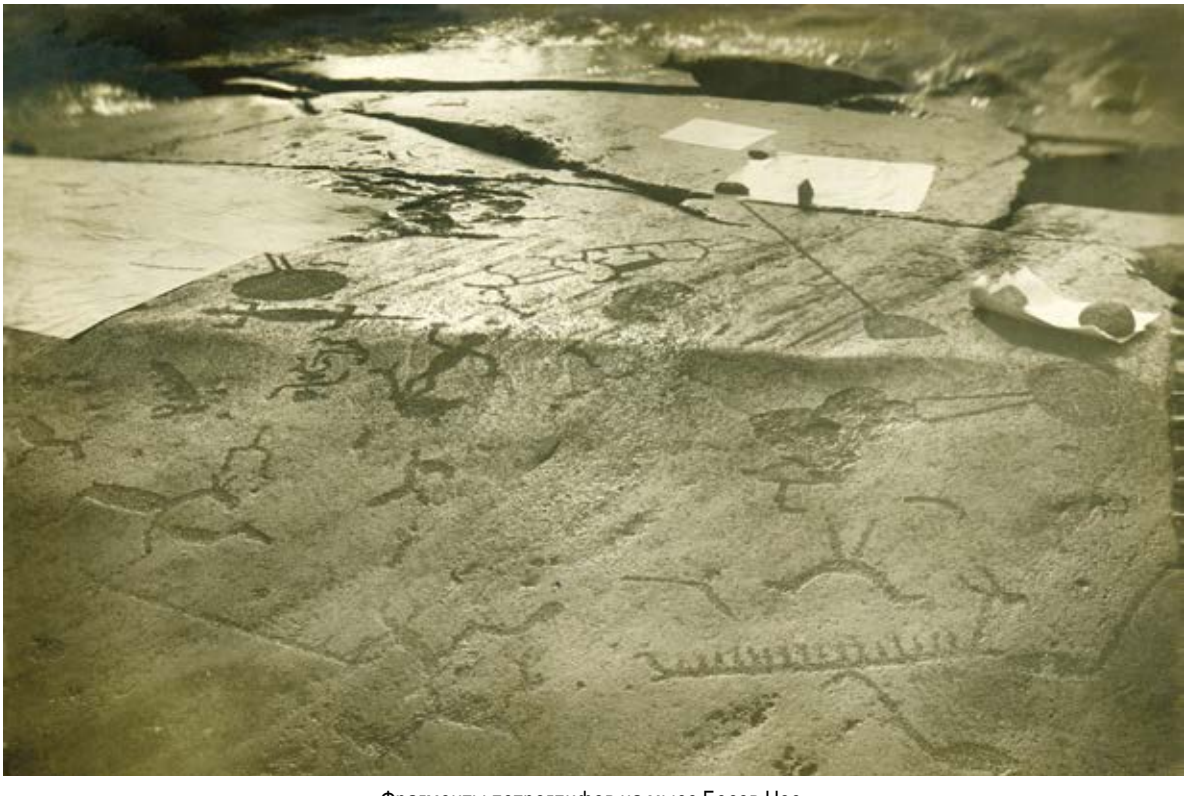
Заонежье. Двухэтажный дом с мезонином.
Фото Ф. М. Морозова, 1926 г. (ИИМК РАН. I-32865, I-32869)

Юстозеро
Палая Ламба
Юстозерская
Карпсельга
Лижмозеро
Федотова
Мянда
Тивдія
Кавъ-гора
О
Л
О
Н
Хель
Шильтя
Лижемская губа
Полуостровъ
Заонежье
Тереховская
Лижма
Сапохи
Великогубскій
Водлозеро
Талвуя
Сенная губа
Эзоранда
Пудожская гора
Ульяновская
Водлоз
Тамбицы
Челмужа
Кодозеро
Тамбицерская
Кондопога
Вороновъ
Кончозеро
Усть-Суна
Кондопожская губа
Нелгомозеро
Концезерскій
Гомселга
Суйсари
О. Суйсари
Уханозеро
Тамбоггъ
О. Климецкій
Климецкій монастырь
Марь-Наволока
Лукостровская
Шуя
Орловская
Логмозеро
Сулажъ
Половина
Петрозаводскъ
Лососинная
Оз. Лососинское
Машезеро
Оз. Машезеро
Святозеро
Деревянная
Онежское озеро
Педасельга
Шокша
Вехъ Ручей
О. Брусно
35 метр. надъ ур. Балт. м.
Ладвинскій
Тарженполь
Г
У
Б
Шелтозеро
Рыбрѣка
Вепсскій погостъ
Иванна
Острѣчино
Погостскій Берегъ
Ровская
Петропавловск. пог.
Вознесенская пристань
Онежскій каналъ
Гора Яковлева
Ранина
Семеновская
Теребовская
Оз. Купецкое
Оз. Тягозеро
Б. Костинская
Подпорожскій
Юковскій
Вознесенская
Демина
Оз. Силандозеро
Кузнинскій
Щелики
Куковъ конецъ
115
124
73
18
86
36
26
82
55
50
56
11
20
10
18

Деревня Бесоносовская. Крестьянский дом.
Фото Ф. М. Морозова, июль 1926 г. (РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1926 г. Д. 221. Л. 25)

Деревня Бесоносовская.
Фото Ф. М. Морозова, июль 1926 г. (РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1926 г. Д. 221. Л. 24)

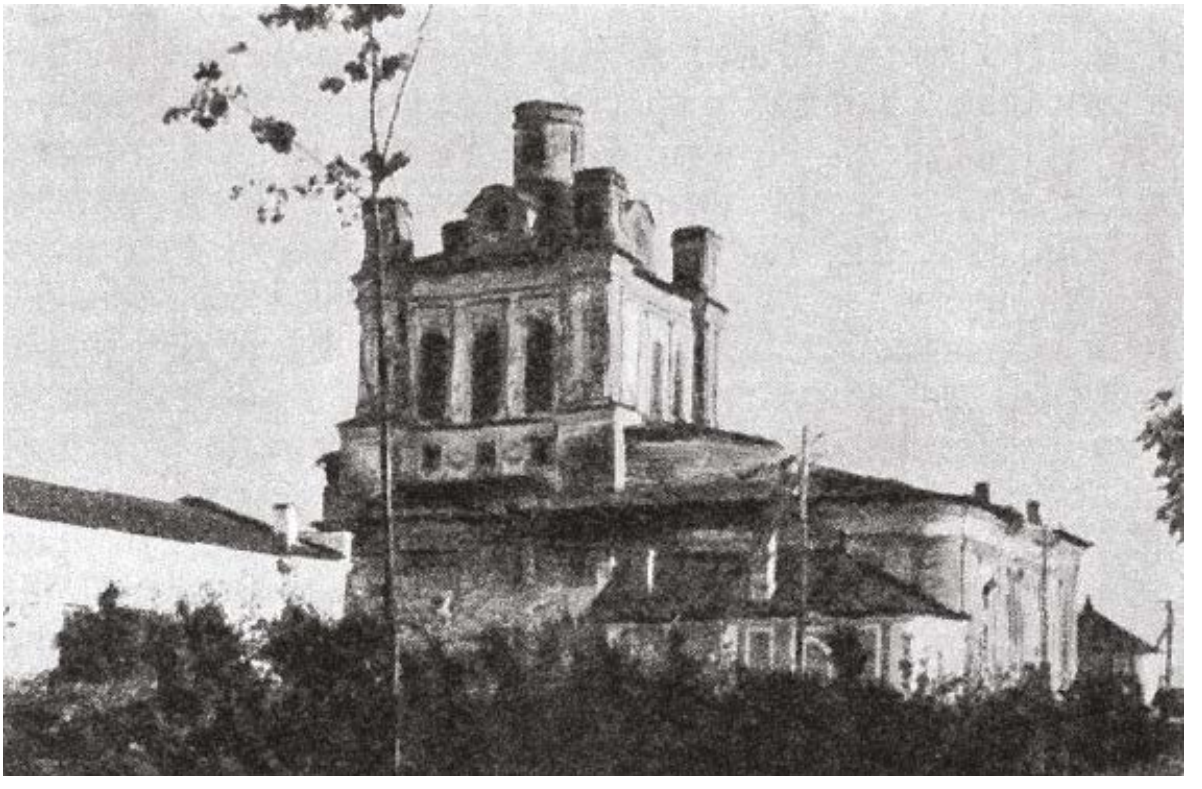
Мыс Бесов Нос.
Фото Ф. М. Морозова, июль 1926 г. (РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1926 г. Д. 221. Л. 22, 18)



Фрагменты петроглифов на мысе Бесов Нос.
Фото Ф. М. Морозова, июль 1926 г. (РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1926 г. Д. 221. Л. 20, 30)

Фрагменты петроглифов на мысе Бесов Нос.
Фото Ф. М. Морозова, июль 1926 г. (РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1926 г. Д. 221. Л. 28, 29)

Правительственный комиссар по делам дворцов и музеев Г. С. Ятманов.
Фото 1920-х гг.



Торопец. Корсунский собор. Фото середины XX в.
(Галашевич А. «Торопец и его окрестности». М., 1972. С. 30)

Фрагмент Торопецкой иконы Божией Матери.
Фото Ф. М. Морозова, 1930 г. (ОР ГТГ. Ф. 67. Д. 334)

Фрагмент Торопецкой иконы Божией Матери.
Фото Ф. М. Морозова, 1930 г. (ОР ГТГ. Ф. 67. Д. 334)

Торопецкая икона Божией Матери
(фото с сайта www.artpropoganda.ru)

Белозерская икона Божией Матери
(фото с сайта www.vvv.ru)

Спас Нерукотворный – мозаика из храма Спаса-на-Водах.
Фото Л. А. Киприч, 2011 г.

Лик Спасителя – фрагмент мозаики алтарного изображения из храма Спаса-на-Водах.
Фото Л. А. Киприч, 2011 г.

нахрапом, ругаясь, топча друг друга и сталкивая в воду, стремились во что бы то ни стало попасть на очередной отходящий транспорт, и, когда не было уже вовсе мест, висли на леерах, забирались на трубы. А те, кто оставались на берегу, страшно досадовали, кляли всех и вся, провожая в тоске уходящий «водоход». Транспорты же ходили не регулярно, так как с наступлением зимы море часто бывало неспокойным.

Во второй половине декабря Серафимовский лазарет получил распоряжение от Кавказского санитарного совета свернуться и готовиться к отправке морем в город Новый Афон на побережье Черного моря в западной Грузии (Абхазия). На базе лазарета предполагалось устроить военный санаторий, видимо, в зданиях Ново-Афонского монастыря. Еще в мае 1917 года Союз городов в целях скорейшей эвакуации больных воинов из трапезундских лазаретов решил организовать обширный госпиталь в Новом Афоне. Для получения инструкций и разрешения на реквизицию монастырских зданий в штаб армии выезжал уполномоченный Кавказского отдела Союза городов И. И. Немировский[441].

К началу января 1918 года Серафимовский лазарет свернулся, упаковал вещи и ожидал погрузки на транспорт. Телеграфируя об этом Л. В. Голубеву, старший врач Беллинг пытался выяснить, «на сколько мест предположена санатория, каков предположен штат врачей и сестер»[442]. Однако никаких разъяснений не получил. Лазарету надлежало переправиться сначала в Батум и там ожидать дальнейших указаний.

22 января Серафимовский лазарет в составе трех врачей, одного фельдшера (Ф. М. Морозова), 14 сестер и 83 санитаров погрузился на шхуну и в тот же день отправился в путь. Имущество его составляло 350 ящиков, 11 повозок и 22 лошади[443]. Через несколько дней лазарет прибыл в Батум, но здесь его судьба также осталась неясной. 26 января Л. В. Голубев прислал доктору Беллингу телеграмму, в которой просил до выяснения дальнейшего назначения лазарета сдать все имущество в батумский приемный пункт. Медицинскому же и хозяйственному персоналу, которому не нужно было присутствовать при сдаче имущества, предписывалось прибыть в Тифлис. «С санитарами благоволите произвести расчет, – писал Голубев, – и на месте направьте их непосредственно из Батума подлежащим воинским начальникам»[444].

28 января Ф. М. Морозов сдал все имущество лазарета в приемный пункт.

В начале февраля доктор Беллинг телеграфировал Голубеву: «Председатель ликвидационной комиссии в списках ликвидируемых учреждений не имеет Серафимовского лазарета. Ходатайствую об указании, могу ли приступить к

[441] К эвакуации больных из Трапезунда // Трапезондский военный листок. – 1917. – № 168. – С. 2.
[442] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 276.
[443] Там же. Л. 277.
[444] Там же. Л. 278.

сдаче имущества комиссии»[445]. Спустя три недели Л. В. Голубев сообщил Беллингу, чтобы он снова получил на приемном пункте имущество лазарета. Беллинг ответил, что в данное время в Батуме нет Ф. М. Морозова, без которого он не может принять имущество, которое примет лишь с его приездом[446]. Где и по каким делам находился Морозов, выяснить не удалось.

А в это время турецкие войска, воспользовавшись развалом русской армии, нарушили условия декабрьского перемирия и развернули под предлогом защиты мусульманского населения Западной Армении крупномасштабное наступление на Эрзерумском, Ванском и Приморском направлениях, почти сразу же заняв Эрзинджан.

23 февраля 1918 года Закавказский комиссариат созвал в Тифлисе сейм, в состав которого вошли депутаты, избранные от Закавказья во Всероссийское учредительное собрание, и представители местных политических партий. На первом же заседании развернулась горячая дискуссия о независимости Закавказья и отношениях с Турцией ввиду начавшегося широкомасштабного наступления турецких войск. Дашнакская фракция предложила оставить Закавказье в составе России на правах автономии, разделенной на национальные кантоны, а в отношениях с Турцией – настаивать на самоопределении Западной Армении. Азербайджанская делегация заявила, что Закавказье должно решать свою судьбу независимо от России, заключив мир с Турцией на основе отказа от вмешательства в ее внутренние дела. Грузинская сторона в основном поддержала азербайджанцев в вопросе о провозглашении независимости Закавказья и заключения самостоятельного договора с Турцией, поскольку у Закавказья не имелось сил для военного противостояния. Однако в связи с упорной позицией армян вопрос о провозглашении независимости был временно отложен.

Пока заседал Закавказский сейм, турецкие войска заняли Трапезунд, Ардаган и Эрзерум, фактически вернув себе контроль над всей Западной Арменией.

3 марта 1918 года Советская Россия подписала в Бресте мирный договор с Турцией, согласно которому последней передавались не только территории Западной Армении, но и населенные грузинами и армянами области Батума, Карса и Ардагана, аннексированные Россией после русско-турецкой войны 1877–1878 годов. С подписанием Брестского мира война с Турцией для России закончилась, что означало формальное прекращение существования Кавказского фронта и возможность возвращения на родину для русских войск, еще остававшихся на территории Турции и Персии.

Эти события вынудили Закавказский сейм 14 марта начать в Трапезунде сепаратные переговоры с турецким командованием. Турция, только что подписавшая на выгоднейших условиях мирный договор с Россией и уже фактически

[445] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 280.
[446] Там же. Л. 281–282.

вернувшаяся к границам 1914 года, потребовала от закавказской делегации признать условия Брестского мира. Однако делегация, претендуя на самостоятельность и не признавая Брестский договор, рассчитывала заключить сепаратный мир с Турцией на более выгодных условиях – восстановление государственных границ 1914 года и самоопределение для Восточной Анатолии в рамках турецкого государства. Имея военное превосходство, турецкая сторона отказалась даже обсуждать эти условия, предъявив один за другим два ультиматума с требованием признать Брест-Литовский договор и провозгласить независимость Закавказья. Однако, когда турки, воодушевленные победами, захотели перенести военные действия вглубь Закавказья, сейм прервал переговоры и отозвал делегацию из Трапезунда, официально вступив в войну с Турцией.

Оставаться в Батуме Серафимовскому лазарету теперь становилось небезопасно, так как турки со дня на день могли занять город. Поэтому лазарет под руководством Ф. М. Морозова вынужден был спешно эвакуироваться железной дорогой на территорию Грузии в город Самтреди Кутаисской губернии. И снова вокзал, давка, ругань, поиск вагонов. Трудно даже представить, как Морозову удавалось управляться со своим грузом. На станциях порядка было мало, люди с ревом штурмовали вагоны, лезли в окна, висли на подножках, мостились на буферах, крышах, забирались верхом на паровоз. Из Батума переполненные составы ползли вдоль Черного моря, затем, миновав станцию Натанеби, круто уходили вправо, оставляя море позади. На протяжении всего пути, то тут, то там по обеим сторонам насыпи валялись изуродованные паровозы, вагоны, цистерны – следы разгоравшейся Гражданской войны.

Уже в апреле турецкие войска заняли Батум, Озургети и всю Месхетию, дойдя почти до Боржома. На территории Грузии против турков сражался Грузинский корпус. Его командование, нуждавшееся в медицинских учреждениях, обратилось к главноуполномоченному Красного Креста Л. В. Голубеву с просьбой передать в распоряжение корпуса Серафимовский лазарет. Корпусный врач Мгеладзе планировал разместить лазарет в селении Ланчхуты, расположенном в Озургетском уезде Кутаисской губернии, и просил главноуполномоченного поторопить его развертывание. На это Л. В. Голубев ответил, что открытие лазарета в Ланчхутах задерживается ввиду сообщенного Джавоховым заявления командира Грузинского корпуса «об отсутствии в нем необходимости в означенном пункте»[447]. Но через несколько дней он уже сообщал телеграммой заведующему санитарной частью отдела снабжения при Верховном совете, что отдал «срочные распоряжения об открытии Серафимовского лазарета в Ланчхутах»[448].

Однако лазарет туда так и не выехал, оставшись на прежнем месте. Когда в начале мая вспыхнула эпидемия сыпного тифа, Кавказское правительство в лице министра внутренних дел обратилось к Л. В. Голубеву с просьбой

[447] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 286.
[448] Там же. Л. 271.

незамедлительно доукомплектовать лазарет врачебно-санитарным персоналом и открыть его для борьбы с эпидемией. Главноуполномоченный отдал распоряжение Ф. М. Морозову спешно развернуть лазарет в Самтреди для заразных больных пока на 50 коек. Медицинский персонал в ближайшие дни должен был выехать из Тифлиса[449].

Через некоторое время Ф. М. Морозов получил распоряжение оборудовать лазарет уже на 100 мест, для чего было предоставлено дополнительное помещение и запрошен персонал. Кроме того, Л. В. Голубев просил выделить из имущества Серафимовского лазарета оборудование для 30 коек и срочно выслать в город Сурам, где организовывался лазарет доктором Шалыгиным[450].

12 июня 1918 года к Л. В. Голубеву по поводу имущества Серафимовского лазарета обратился Закавказский русский национальный совет. Эта политическая организация была создана в том же году русскими кадетами и меньшевиками для отстаивания прав русского населения в Закавказье. Совет просил «ввиду крайней необходимости в организации хирургического лазарета на 100 коек для обслуживания беженцев», срочно отдать указание о предоставлении имущества лазарета в свое распоряжение. Совет добавлял, что его ходатайство усиленно поддерживает заместитель экзарха епископ Феофилакт (Клементьев)[451].

Думается, что инициатива по передаче имущества Серафимовского лазарета в ведение Русского национального совета исходила от Ф. М. Морозова. Видимо он не хотел, чтобы средствами лазарета распоряжалось грузинское правительство, в то время как тысячи русских людей, оказавшихся в бедственном положении на Кавказе, нуждались в медицинской помощи. К тому же нашелся и человек, к которому можно было обратиться за содействием – Елисаветпольский епископ Феофилакт, управлявший в это время Кавказским экзархатом. С ним Морозов познакомился еще в Минске, где владыка занимал тогда должность викарного епископа.

Отзываясь на просьбу Русского национального совета, Л. В. Голубев направил пространное ходатайство председателю грузинского Комитета снабжения Д. А. Топуридзе. Сложность была в том, что в Закавказье в это время остро сталкивались национальные, политические, религиозные, имущественные и прочие интересы. Поэтому необходимо было «договариваться». Сам Д. А. Топуридзе, известный меньшевик, после Февральской революции занимал в Саратове пост губернского комиссара, однако был изгнан в октябре 1917 года большевиками. Вернувшись на родину в Грузию, он вошел в состав местного меньшевистского правительства. Призванный защищать грузинские национальные интересы, Топуридзе, тем не менее, оставался человеком трезвомыслящим. В обращении к нему Л. В. Голубев, кратко изложив историю формирования и деятельности

[449] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 287–289.
[450] Там же. Л. 290.
[451] Там же. Л. 294.

Серафимовского лазарета, деликатно указывал, что его имущество и оборудование приобретены петроградским комитетом Красного Креста духовно-учебных заведений России на частные пожертвования, «имевшие специальное назначение», и составляют собственность этого комитета. Ввиду этого Л. В. Голубев просил предоставить имущество лазарета во временное пользование Русскому национальному совету для организации лазарета для беженцев, с тем «чтобы в будущем это имущество было бы возвращено его юридическому владельцу» – комитету духовно-учебных заведений[452]. Главноуполномоченный, конечно, умалчивал, что комитет к этому времени уже формально перестал существовать, как и многие духовно-учебные заведения, откуда поступали в свое время пожертвования на содержание лазарета. Но это было не главное…

Ссылался Л. В. Голубев и на ходатайство представителя Русской Церкви епископа Феофилакта. «Со своей стороны, – заключал он, – я считал бы возможным удовлетворить ходатайство Русского Национального Совета как ввиду принадлежности имущества Серафимовского лазарета Комитету духовно-учебных заведений России, так и ввиду того, что оказание помощи беженцам составляет также одну из задач Красного Креста»[453].

Комитет снабжения не стал удерживать имущество лазарета. Забрав его со склада и оформив необходимые бумаги, Ф. М. Морозов по железной дороге перевез полученный груз в приморский город Поти Кутаисской губернии. 18 июля он передал имущество во временное пользование Русскому национальному союзу для устройства врачебно-питательного пункта. Видимо, Морозов сам и организовал его, находясь при нем в качестве заведующего и распорядителя имуществом по должности уполномоченного комитета Красного Креста духовно-учебных заведений.

К этому времени относится очень важный, в буквальном смысле героический, эпизод жизни Ф. М. Морозова, а именно – эвакуация им с территории, занятой турками, двух эшелонов русских раненых. Организовал он и возглавил эту эвакуацию, воспользовавшись своим удостоверением уполномоченного комитета Красного Креста духовно-учебных заведений. Проходила она в чрезвычайно сложных условиях, так как на железных дорогах царила настоящая вакханалия. Однако, несмотря на все трудности, ему удалось вывезти раненых и тем спасти несколько тысяч русских солдат. К сожалению, подробности этого события неизвестны. О нем Ф. М. Морозов рассказывал лишь немногим близким знакомым[454].

Из рассказов Федора Михайловича известен и другой эпизод его биографии этого времени, едва не ставший для него роковым. Неизвестно, правда, когда именно, но можно предположить, что во второй половине 1918 года

[452] РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79. Л. 295–295 об.
[453] Там же. Л. 295 об.
[454] *Сапунов Борис.* Он всегда кого-то или что-то спасал… // Конкуренция и рынок. – 2008. – № 37. – С. 86.

Ф. М. Морозов был арестован в Тифлисе грузинскими националистами-меньшевиками. Обвиненный как шпион и агент русских большевиков, он был приговорен к смертной казни и заключен до времени в Метехский замок[455]. Замок этот – древняя цитадель и местопребывание грузинских царей, воздвигнутый в V веке на скалистом левом берегу реки Куры, за свою историю неоднократно разрушался и перестраивался. В начале XIX века на месте его старых укреплений построили тюрьму, в которой содержались политические заключенные. Политической тюрьмой замок оставался и при правительстве меньшевиков. Какое-то время Ф. М. Морозов провел здесь в ожидании казни. Условия содержания в это время были просто нечеловеческими. Арестантов почти не кормили, так как продукты отсутствовали. В переполненных камерах истощенные люди массово умирали от болезней и в первую очередь от «сыпняка» – сыпного тифа, свирепствовавшего повсюду. Вот что рассказывал побывавший в камере «смерти» примерно в то же время настоятель тифлисского Военного собора протоиерей Павел Смирнов: «В этой камере заключенные умирали почти поголовно. Она была заражена сыпным тифом. Совершенно почти темная, она вмещала в десять раз больше жильцов, чем предполагалось. Люди лежали на полу и под нарами. В крошечное оконце не проникал не только свет, но и воздух. В ней не всегда была даже вода для питья… Часто умершие лежали среди живых по суткам. На просьбы и мольбы заключенных дать воды, или вынести тело умершего, мы слышали только смех или угрозы расправиться с нами. О медицинской помощи и думать было нечего… Меня впихнули в эту камеру, смрадную и кишащую насекомыми, для того, чтобы и я разделил участь других обреченных, часто ни в чем не повинных людей… Нужно было чудо, чтобы не заболеть и не умереть там…»[456].

Чудо случилось и с Морозовым: благодаря вмешательству Красного Креста ему удалось выбраться из тюрьмы.

Он по-прежнему оставался при лечебных заведениях, организуемых на базе имущества бывшего Серафимовского лазарета. Несмотря на бурные события и тяжелую обстановку, Морозов и в это время не оставлял занятий археологией. Известно, что в 1919 году он имел поручение от Кавказского музея вести регистрацию и охрану памятников старины Кутаисской губернии и Сванетии[457]. К этому времени Морозов уже неплохо освоил грузинский язык, что помогало ему в работе.

Между тем развернувшееся на Кавказе белое движение втянуло его в кровавый водоворот Гражданской войны. К началу 1919 года Северный Кавказ заняла Добровольческая армия генерала А. И. Деникина[458], переименованная

---

[455] *Сапунов Борис.* Он всегда кого-то или что-то спасал… // Конкуренция и рынок. – 2008. – № 37. – С. 86.

[456] *Семина Х. Д.* Трагедия Русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 2-я. Поход на Мосул. – Нью-Мексико, 1964. – С. 281–282.

[457] АГРМ. Ф. ГРМ. Оп. 10. Д. 313. Л. 4 об.

[458] Кажется, Морозову лично довелось общаться с генералом Деникиным, к которому он до конца дней сохранял неизменное уважение. Будучи уже в преклонных летах Морозов позволял себе даже открыто

вскоре в Кавказскую Добровольческую армию и перешедшая под командование генерал-лейтенанта барона П. Н. Врангеля. В ее составе Ф. М. Морозов оказался вместе с лазаретом, имуществом которого заведовал. При Добровольческой армии он так же состоял как уполномоченный Красного Креста. Работал в городе Майкопе, занимаясь вопросами организации и обеспечения медицинских учреждений[459].

Первая конная

В начале 1920 года большевики поставили целью разгромить Добровольческую армию и занять Северный Кавказ. Начались упорные кровопролитные бои с переменным успехом. Однако вскоре ситуация изменилась в пользу Красной армии и «белые» постепенно стали терять позиции. В начале марта Добровольческая армия уже практически не могла сопротивляться стремительному натиску «красных» и отступила к Новороссийску для эвакуации морем в Крым.

22 марта части 1-й конной армии[460] С. М. Буденного заняли Майкоп. Морозов не ушел из города с остатками Добровольческой армии, а остался с ранеными. Здесь он попал в плен к красным и снова пережил ужас перед расправой, допросы. Однако вновь выручили документы уполномоченного комитета Красного Креста духовно-учебных заведений. Между тем красные крайне нуждались в госпиталях и медицинском персонале, поэтому Морозова назначили заведующим хозяйством 1-го хирургического госпиталя конармии, сформированного, по всей видимости, на базе имущества бывшего Серафимовского лазарета. Госпиталь находился при штабе С. М. Буденного[461]. Поначалу Морозов работал как военнопленный, но затем был мобилизован в состав Красной армии.

В связи с нападением Польши на Советскую Россию Реввоенсовет решил перебросить 1-ю конармию с Северного Кавказа на Украину и включить в состав Юго-Западного фронта. Туда же вместе с хирургическим госпиталем предстояло отправиться и Ф. М. Морозову.

Из Майкопа армия Буденного вышла 3 апреля. По дороге разгромила в Гуляйполе отряды батьки Махно и к северу от Екатеринослава переправилась через Днепр. Поход проходил в очень трудных условиях. Постоянно ощущался

высказывать симпатии к знаменитому генералу. Подобные «откровения» в советское время расценивались не иначе как идеологическое преступление, однако Федора Михайловича уже никто не трогал из-за его возраста.

[459] АГРМ. Ф. ГРМ. Оп. 10. Д. 313. Л. 4 об.

[460] 1-я конармия была создана по приказу Реввоенсовета Южного фронта в ноябре 1919 г. на базе трех дивизий 1-го конного корпуса С. М. Буденного, усиленных через некоторое время двумя кавказскими дивизиями, отдельной кавказской бригадой особого назначения, автобронеотрядом, несколькими бронепоездами, авиагруппой и другими небольшими частями.

[461] ОР ГТГ. Ф. 31 (Нерадовский П. И.). Д. 1006. Л. 2 об.

острый недостаток продовольствия и особенно фуража. Обильные весенние дожди совершенно испортили дороги. Осложняла поход и борьба с махновцами, дивизии находились в постоянном напряжении[462]. За месяц армия прошла около 1200 километров.

Появление Буденовской конницы на Юго-Западном фронте переломило ситуацию в пользу Красной армии.

После сосредоточения в районе Умани 1-я конармия приняла участие в Киевской операции, составив главную ударную группировку фронта. Сначала она вела бои с отрядами белого атамана Куровского, а затем с польскими войсками. Схватки шли ожесточенные, с большими потерями с обеих сторон.

Лишившись многих бойцов в первые дни сражений, Буденный решил изменить тактику: вместо лобовых атак, малоуспешных в данных условиях, он намеревался прорвать польский фронт в наиболее уязвимом месте и затем действовать в глубоком тылу противника. Но для этого требовалась от соединений большая маневренность, для чего решили освободить дивизии от лишнего груза. Разрешалось брать только обозы первого разряда с боеприпасами, продовольствием и санитарные отряды[463]. Вот именно в этих условиях особенно пригодились опыт и энергия Ф. М. Морозова. Известно, что он занимался организацией передовых санитарных отрядов и сам в них работал[464].

В тяжелейших условиях, в постоянном движении, часто находясь на пределе сил, 1-я конармия вела кровопролитные бои с польскими частями. После освобождения Киева она продолжала сражаться на западном направлении, заняла с боями города Новгород-Волынский, Ровно. Огромная, непосильная работа в условиях походно-боевой жизни лежала на плечах медицинской службы. При этом нужда самая острая ощущалась буквально во всем: не хватало подвижных госпиталей, врачей, перевязочных средств, медицинских инструментов, транспорта, постельных принадлежностей, продовольствия… В имеющихся госпиталях не хватало мест… Но главным бичом были инфекционные заболевания. Врачей, по свидетельству С. М. Буденного, не хватало из-за того, что большинство военных медиков после революции остались в лагере белых, а в Красной армии работали лишь немногие, вставшие на сторону советской власти, и «некоторые медицинские работники, захваченные в плен вместе с белогвардейскими госпиталями». Поэтому каждому медработнику конармии приходилось работать за троих, с невероятным напряжением сил. «Трудно подобрать слова, – вспоминал командарм, – в полной мере характеризующие героический труд наших врачей, фельдшеров, медицинских сестер, санитаров. Их работа была непрерывным подвигом. И все же им не хватало времени, чтобы

[462] *Буденный С. М.* Пройденный путь. Книга вторая. – М.: Воениздат, 1965. – С. 51–71.
[463] Там же. – С. 100–101.
[464] АГРМ. Ф. ГРМ. Оп. 10. Д. 313. 4 об.

оказать помощь всем пострадавшим. Кончался один обход, начинался другой. И зачастую так продолжалось до тех пор, пока врач не выбивался из сил или сам не заболевал»[465].

Когда-то Ф. М. Морозов мечтал попасть на передовую, в гущу событий. И вот желание его исполнилось. Он смог в полной мере прикоснуться к деятельности самоотверженной, жертвенной, требующей предельной самоотдачи. Но только раньше он мечтал послужить Родине, вступившей в противостояние с внешним врагом, теперь же она пылала в огне Гражданской войны. Множество непреодолимых причин разделило людей на враждующие лагери, и они со звериной яростью стремились уничтожить друг друга. Сколько ужасающих сцен за эти годы пришлось увидеть Морозову, сколько трагедий и неописуемых страданий…

В конце июля – начале августа конармия вела тяжелые бои под Львовом, но накануне взятия города получила приказ отступить в связи с ухудшением общего положения на Западном фронте. Армию сначала вывели в резерв, а затем направили на Южный фронт против белогвардейских войск генерала Врангеля. В этих боях Ф. М. Морозов уже не участвовал, оставшись в Киеве при госпитале, хозяйством которого заведовал. Видимо, он не хотел больше видеть, как убивают друг друга соотечественники, как гибнут те, на чьей стороне он еще недавно был и для которых организовывал медицинскую помощь. Он больше не хотел наблюдать кровавую драму братоубийственной войны.

Зимой 1920/21 года армия Буденного вела бои с частями махновцев в Левобережной Украине, а затем уничтожила повстанческую армию генерала М. А. Пржевальского на Северном Кавказе. В мае 1921 года 1-ю конную расформировали. Приблизительно в это же время или несколько раньше Ф. М. Морозов демобилизовался из Красной армии.

Так для Федора Михайловича завершился тяжелый период военного лихолетья. Эти годы стали для него суровой школой, закалившей его и давшей огромный жизненный опыт. Но, с другой стороны, война истерзала его душу и надломила здоровье…

В разгар революционных событий из жизни ушли два дорогих для Морозова человека, с которыми он даже не смог проститься и проводить в последний путь. В марте 1917 года умер профессор Н. В. Покровский. В апреле следующего года после продолжительной болезни в Белоострове скончался профессор И. А. Шляпкин. Морозов, видимо, даже не сразу узнал о кончине незабвенного Ильи Александровича, которому многим был обязан и которого искренне любил.

Незадолго до смерти И. А. Шляпкина из жизни ушел и Н. И. Веселовский, с которым Морозов вел переписку зимой–весной 1917 года.

Годы Гражданской войны окончательно размежевали «старую» и «новую» Россию. Старая уже отходила в область воспоминаний, а новая только

[465] *Буденный С. М.* Указ. соч. – С. 350.

нарождалась – в мучительных страданиях. Уже ничто не в силах было изменить ход истории.

Устанавливая повсюду свою власть, советское правительство, между тем, разворачивало широкомасштабную борьбу с религией и в первую очередь с Русской Православной Церковью. Еще до революции авторитет Церкви в народе заметно упал. Причины были разные, но одной из главных было слияние Церкви с государством – плачевная «симфония», ставшая для Церкви источником многочисленных бед. Церковь воспринималась уже не как народная, а как оплот монархического государства, против которого была направлена революционная борьба.

Теперь предстояло жить в новых реалиях, в атмосфере религиозных преследований и идеологического террора. Вместе с тем Морозова ждала впереди огромная работа по спасению памятников культуры, и в первую очередь церковных…

ГЛАВА 3
МУЗЕИ

Древний Киев

Оказавшись в Киеве, Ф. М. Морозов сразу же начал налаживать контакты с организациями, связанными с охраной памятников искусства и старины. Уже в январе 1921 года он стал научным сотрудником Всеукраинской академии наук[466], войдя вскоре в состав I отделения Археологического комитета (создан 1 февраля того же года). До этого главным учреждением при Академии, призванным заниматься защитой историко-культурного наследия Украины, являлся Комитет охраны древностей и искусств, образованный в мае 1920 года. Его председателем был академик Н. Ф. Беляшевский, помощником председателя – Н. Е. Макаренко, а секретарем – И. В. Моргилевский. Вскоре этот орган преобразовали в Археологический комитет под управлением профессора В. Е. Данилевича. Однако ни то, ни другое учреждение никак себя не проявили. Тогда был создан новый Археологический комитет под председательством Н. Е. Макаренко, который и ввел в его состав Ф. М. Морозова. Как мы помним, они довольно тесно общались летом 1917 года в Трапезунде, а знакомы, кажется, были еще раньше.

К этому времени Морозов уже состоял членом Всеукраинского комитета охраны памятников искусства и старины (Вукописа), организованного советской властью в 1919 году в Харькове. Его сотрудником он стал с 18 апреля 1920 года[467], видимо, сразу же после того, как оказался в городе вместе с передовыми частями 1-й конармии. Однако теперь как представитель Всеукраинской академии наук Морозов намеревался работать по охране памятников в Киеве, о чем хлопотал в Народном комиссариате просвещения (Наркомпросе) Украины. В результате, 10 февраля 1921 года Коллегия Вукописа постановила командировать его в распоряжение Киевского губернского комитета охраны памятников искусства и старины (губкописа). Но в это время Морозов еще оставался на службе в Красной армии, и стать полноценным сотрудником какой-либо гражданской организации мог лишь после демобилизации. Возможно, этим и объясняется то, что он обратился в Киевский губкопис лишь спустя два месяца, уведомив 23 апреля председателя, что командирован в его распоряжение. 4 мая Ф. М. Морозова зачислили инструктором в музейную секцию[468], которой заведовал Н. Е. Макаренко, еще в феврале отказавшийся от председательства в Археологическом комитете.

Одновременно Морозов стал членом Секции научных работников, а также научным сотрудником и уполномоченным Политпросвета по учету и охране памятников Киевщины и Украины[469].

В июне 1921 года в Киев из Харькова переехал профессор Ф. И. Шмит, избранный Всеукраинской академией наук действительным академиком. До

[466] АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 718. Л. 13.
[467] ГАКО. Ф. 4156. Оп. 1. Д. 19. Л. 130.
[468] Там же. Д. 18. Л. 22–23.
[469] АГРМ. Ф. ГРМ. Оп. 10. Д. 313. Л. 1 об.

1920 года он преподавал в Харьковском университете, возглавляя историко-филологический факультет. Кроме того, он принимал самое активное участие в организации охраны памятников искусства и старины, провел полную реорганизацию харьковских музеев. Морозов и Шмит сблизились сразу. Их объединяло многое: археология, музейное дело, охрана памятников и, конечно же, Трапезунд – оба не оставляли мысли вернуться туда, чтобы продолжить изучение местных древностей на Анатолийском побережье. Но в Киеве их сблизила еще больше деятельность по охране местных памятников и, главным образом, Киево-Печерской лавры – драгоценной жемчужины древнего Киева.

К сожалению, после Октябрьской революции в истории лавры наступил чрезвычайно тяжелый и драматичный период. Согласно декрету советской власти от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» все достояние Киево-Печерской лавры оказалось национализированным. Чтобы остаться в обители и сохранить земельные владения, печерские иноки вынуждены были сорганизоваться в Киево-Печерскую сельскохозяйственную и трудовую ремесленную общину. В ее состав вошли священнослужители, рядовые монахи, послушники и лаврские рабочие – всего тысяча человек.

Вскоре после отчуждения имущества лавры началось ее постепенное разорение. В июле 1919 года уполномоченный по созданию Всеукраинского исторического музея религиозного культа Н. В. Глоба и его помощник Г. Ф. Красицкий изъяли из ризницы Успенского собора, позолотной мастерской и чердачных помещений экклесиаршего корпуса множество ценных предметов религиозного культа.

В январе 1920 года, согласно приказу эмиссара Киево-Печерской лавры, все ее движимое и недвижимое имущество перешло в ведение Киевского губернского отдела социального обеспечения (губсобеса)[470]. Вместе с тем на собственность обители претендовали еще две организации – Киевский губернский земельный отдел (губземотдел) и Киевский губернский отдел народного образования (губнаробраз). В августе 1920 года вопрос о распределении имущества между тремя заинтересованными сторонами разрешился окончательно. Киевскому губземотделу досталось исключительно сельскохозяйственное имущество. Губнаробраз выдвинул притязания лишь на достояние научного значения (при этом не пояснялось, какое именно), а также библиотеку. Все же остальное целиком оказалось в распоряжении губсобеса, имевшего свое видение его последующего употребления. В обязанности губсобеса входила забота обо всех обездоленных: инвалидах, беженцах, пострадавших от погромов и тому подобных слоях населения, которым необходимо было дать убежище, накормить, обеспечить какой-либо работой. И как раз наличие в ларве большого количества жилой площади, значительного числа мастерских с разнообразным оборудованием и материалами

[470] Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника. – Киев, 1992. – С. 105.

позволяло, по мнению губсобеса, решить все эти вопросы. Вскоре на воротах обители появилась надпись «Инвалидный городок». Вслед за этим собес перевел туда ряд своих учреждений: инвалидных домов, домов для слепых и т. д. Кроме того, отдельным инвалидам предоставили квартиры. Лавра наполнилась всевозможными калеками: слепыми, хромыми, безрукими, дряхлыми.

Кроме Инвалидного городка на территории лавры в 1921 году разместились также воинские части, хлебозавод, протезный завод, общежития завода «Арсенал». Естественно, присутствие в древней обители посторонних организаций губительно сказывалось на ее культурных памятниках, подвергавшихся не только порче, но и уничтожению. Чтобы уберечь их от дальнейшего разрушения, необходимо было принять неотложные охранительные меры.

Уже в начале лета 1921 года начались служебные контакты Ф. М. Морозова с руководством Киево-Печерской лавры относительно взятия на учет ее культурных памятников. Известно, что 13 июня он принял от лаврского ризничего иеромонаха Евгения предметы, найденные в 1910-е годы А. Д. Эртелем во время раскопок пещер Китаевской пустыни. Согласно акту в губкопис передавались: «2 ящика дакалогенными, 1 малый дакалогенный, 2 вскрытых, кроме того, 1 узелок в платке, корзина с фрагментами керамической посуды и другая корзина с кирпичами и один ящик небольшой с фрагментами костей и черепков и др.»[471].

9 июля Киевский губкопис поручил инструкторам-экспертам Ф. М. Морозову и К. Д. Масляному обследовать и изъять – для хранения в одном из помещений лавры – художественные издания, гравюры на меди, клише, пуансоны и другие типографские материалы исторического значения[472]. Морозов имел также поручение забрать из лаврской типографии и передать Всеукраинской академии наук ряд книг: «Исторические записки Духовной Академии», «Зверинецкие пещеры в Киеве» И. М. Каманина, «Водяные знаки украинских бумаг» А. И. Витвицкой, «Южнорусские грамоты» В. Б. Розова и другие научные издания[473].

13 июля Морозов и Масляный в присутствии представителей местных Чрезвычайной комиссии (ЧК) и Полиграфического отдела обследовали содержимое лаврской типографии и, выделив все историческое и художественное, описали и опечатали печатью губкописа. Впрочем, шкафы с предметами, из-за их громоздкости и отсутствия рабочих рук, не перенесли в особое помещение, а опечатали на местах. Все опечатанные помещения типографии сдали под охрану заведующему типографией архимандриту Филадельфу.

21 июля Киевский губкопис взял на учет лаврские архив и библиотеку, размещавшиеся в колокольне, библиотеку митрополита Флавиана (печатные издания и рукописные книги на пергаменте и бумаге), а также предметы художественного значения. В акте указывалось, что эти ценности не могут быть

[471] ГАКО. Ф. 4156. Оп. 1. Д. 15. Л. 88.
[472] Там же. Л. 100.
[473] ГАКО. Ф. 4156. Оп. 1. Д. 17. Л. 120.

реквизированы, вывезены, отчуждены или перемещены правительственными или общественными учреждениями без ведома и согласия губкописа[474]. Через два дня Ф. М. Морозов принял обе библиотеки Киево-Печерской лавры по описи. Между тем обстановка в государстве вынуждала лаврское руководство обратиться во Всеукраинскую академию наук с просьбой принять архивы и библиотеки лавры в свое ведение, чтобы уберечь их от разворовывания и уничтожения[475]. 27 июля Академия обратилась в губкопис с просьбой передать ей лаврскую библиотеку, «очень нужную для текущего академического труда»[476]. Не исключено, что мысль о такой комбинации подсказал Ф. М. Морозов, понимавший, что ценная книжная коллекция будет в более надежном положении под охраной такого солидного учреждения как Академия наук. В данной ситуации именно он представлял в одном лице интересы трех сторон – лавры, как человек церковный, Академии наук и Киевского губкописа, как их сотрудник. 16 августа Морозов передал по описи лаврскую фундаментальную библиотеку и библиотеку митрополита Флавиана представителю Академии. Позже он передал и архив. Причем в актах указывалось, что библиотеки и архив передаются «с оставлением их на местах без права вывоза»[477].

В это же время академик Ф. И. Шмит организовал так называемую Софийскую комиссию Всеукраинской академии наук для исследования и охраны Софийского собора, в состав которой пригласил Ф. М. Морозова[478]. Комиссия, между прочим, предполагала подготовить капитальный труд об этом уникальном памятнике. Планировалось даже сделать издание международным, но этим планам не суждено было осуществиться из-за недостатка средств[479].

Об участии Морозова в работах комиссии известно, что он по поручению Киевского губкописа обследовал и взял на учет библиотеку Софийского собора[480]. Вот что он писал, в частности, в отчете: «…оказалось, что недостает 64 нумеров книг, частью утраченных или взятых для научных работ, но не возвращенных и по сие время. Оказалось две полки книг, вовсе не вписанных в каталог. Не вписаны в каталог грамоты числом <неразборчиво>, планы и фотографии. Вообще библиотека в образцовом порядке, сравнительно с другими церковными библиотеками. Кроме книг в библиотеке оказались дела архива Св. Софии, относящиеся к канцелярии Киевского митрополита. Так как дела архива сильно <неразборчиво>, пришлось их принять связками, а разбор и описание отложить. Помещение как архивное и библиотечное вполне соответствует хранению в нем названных сокровищ, требует лишь небольшого ремонта окон, а

[474] Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника. – Киев, 1992. – С. 108.
[475] *Удод Н. В.* Книжкова колекція митрополита Флавіана – історичне минуле і сьогодення // Історичний журнал. – 2009. – № 4. – С. 64.
[476] ЦГАВО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 705. Л. 91.
[477] Там же. Л. 90.
[478] АГРМ. Ф. ГРМ. Оп. 10. Д. 313. Л. 4 об.
[479] *Басаргина Е. Ю.* Ф. И. Шмит: материалы к биографии / Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 486.
[480] ГАКО. Ф. 4156. Оп. 1. Д. 17. Л. 187.

именно – остекления и заделки части подкупольного свода, пробитого через крышу снарядом. Для занятия помещение вполне пригодное. В настоящее время я занят составлением добавочного каталога. Было бы желательным напечатать хотя бы на машинке каталог библиотеки в двух экземплярах»[481]. Вместе с тем Морозов указал список лиц, не возвративших в библиотеку собора книги, с просьбой востребовать эти книги.

Все больше осваиваясь в Киеве, инициативный Ф. М. Морозов развернул широкую деятельность по охране памятников церковной старины. В течение августа он как представитель губкописа обследовал и взял на учет ризницы, архивы и библиотеки Михайловского Златоверхого, Выдубецкого, Флоровского и Покровского монастырей. Уже летом 1921 года Всеукраинская академия наук назначила его своим уполномоченным по заведыванию всеми библиотеками и архивами бывших монастырей и церквей города Киева и губернии[482]. Промыслительно, что во главе столь ответственного и важного дела стал человек не только знающий, но и преданный интересам Церкви. За короткое время Морозов ознакомился со всеми монастырями и храмами, входившими в круг его попечения, завел знакомства с настоятелями и настоятельницами. Осуществляя надзор за сохранностью библиотек и архивов, он старался вообще следить за состоянием памятников церковной старины. Так, например, 18 октября Морозов заявил в Киевский губкопис о проблеме, возникшей в Михайловском Золотоверхом монастыре. Настоятель обители сообщил ему, что по монастырскому двору и вокруг старинной соборной церкви ездят танки. От сильной вибрации грунта, во время езды, тряслись стены церкви, что угрожало древним мозаикам, которые и без того держались недостаточно прочно. «Считая это явление недопустимым с точки зрения охраны памятников старины, – писал Морозов в заявлении, – имею честь уведомить об этом Археологическую Комиссию В.У.А.Н. – прошу принять меры, чтобы подобные явления в дальнейшем не повторялись»[483]. По требованию Морозова Киевский губкопис действительно направил отношения видному партийному деятелю Украины В. П. Затонскому и начальнику танковых частей[484].

В поисках помощи

В конце октября 1921 года Ф. М. Морозов выехал в Москву, чтобы хлопотать в Главмузее[485] о получении десяти с половиной миллионов рублей для

[481] ГАКО. Ф. 4156. Оп. 1. Д. 15. Л. 151.
[482] АГРМ. Ф. ГРМ. Оп. 10. Д. 313. Л. 4 об.
[483] ГАКО. Ф. 4156. Оп. 1. Д. 14. Л. 196.
[484] Там же.
[485] **Главмузей** – Главный комитет по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, образован 28 мая 1918 г. при Народном комиссариате просвещения РСФСР. С 1921 г. входил в состав Академического центра Наркомпроса. В январе 1922 г. вместо Главмузея образовано Главное управление научными

Киевского губкописа. Средства требовались для перевозки из частных квартир музейных вещей – картинной галереи, предметов искусства и старины, подвергающихся порче от сырости и других неблагоприятных обстоятельств[486]. В Главмузее Морозов познакомился с возглавлявшей его Н. И. Седовой-Троцкой, относившейся с большим вниманием к вопросам сбережения памятников искусства и старины. Он обсуждал с ней проблемы охраны памятников киевщины, и в частности культурных сокровищ Киево-Печерской лавры. Зная характер Морозова, можно предположить, что он не преминул воспользоваться знакомством с Седовой-Троцкой, чтобы заручиться на будущее поддержкой этой влиятельной женщины.

Известно, что академик Ф. И. Шмит в это время пытался найти в Москве и Петрограде деньги для Софийской комиссии, рассчитывая на сочувствие тамошних научных организаций. Видимо, миссия эта и была возложена на Ф. М. Морозова, который, вернувшись из Москвы, в конце ноября выехал в Петроград, где не был уже пять долгих лет.

Город выглядел неприветливо. Пронесшиеся над ним политические бури заметно обтрепали и изуродовали его облик. Столичный лоск давно сошел, уступив место тяжелой гнетущей серости. Петроград задыхался от острого топливного и продовольственного кризиса. Угроза голода заставила многих жителей перебраться в деревни, отчего обезлюдевшие широкие проспекты и улицы выглядели непривычно пустынными.

Занимаясь вопросами, ради которых приехал в Петроград, Морозов, между тем, навещал старых знакомых. Побывал он и в Александро-Невской лавре, где оставалось его детище – Древлехранилище, за судьбу которого он последние годы особенно тревожился. Формально обитель была упразднена еще в 1918 году, хотя продолжала действовать «явочным» порядком. Музеем в это время заведовал иеромонах Иннокентий (Тихонов). После отъезда в сентябре 1915 года с Кавказского фронта он остался при духовной академии в качестве профессорского стипендиата кафедры церковной археологии и христианского искусства, изучая русскую церковную вещевую археологию. В июне 1917 года отец Иннокентий поступил в состав братии лавры. Не оставил он научные занятия и после закрытия академии, приобретя уже к тому времени уважение в ученой среде. В январе 1919 года Русский отдел Государственной археологической комиссии[487] избрал отца Иннокентия на почетную должность ученого секретаря по секции церковных древностей и быта[488]. То, что Древлехранилищем заведовал профессионал, было замечательно, однако монашествующая братия не

и научно-художественными учреждениями (Главнаука), в состав которого вошел Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины.

[486] ГАКО. Ф. 4156. Оп. 1. Д. 14. Л. 195, 219.

[487] Так в 1918–1919 гг. называлось бывшее Русское археологическое общество.

[488] *Сорокин Владимир, протоиерей.* Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). – СПб.: Изд. Князь-Владимирский собор, 2005. – С. 577.

могла оградить музей от посягательств грабителей, которые уже неоднократно проникали в его помещения. К сожалению, в той сложной обстановке, которая царила в стране, сделать что-то для церковного музея было довольно трудно. Даже попечительство государственных организаций не могло полностью гарантировать его неприкосновенность.

Морозов, видимо, пытался как-то решить эту проблему. По крайней мере, лаврский музей через некоторое время взяло под защиту молодое Общество изучения, популяризации и художественной охраны Старого Петербурга и его окрестностей – «Старый Петербург»[489]. У истоков его стояли: А. Н. Бенуа, П. П. Вейнер, В. Я. Курбатов, И. А. Фомин. В состав Общества входили ученые, архитекторы, художники, историки искусства, коллекционеры, педагоги. Среди них было немало знакомых Ф. М. Морозова, в том числе и академик С. Ф. Платонов, возглавлявший в то время Археографическую комиссию и Археологический институт. Безусловно, Морозов говорил с ним о судьбе Древлехранилища. С Платоновым он обсуждал и другой весьма важный вопрос – о возобновлении научной работы в Трапезунде и на Малазийском побережье. Туда Морозов хотел вернуться для охраны и изучения памятников старины в качестве сотрудника Академии наук, или Археологического общества, или института. Он пытался реанимировать давнюю идею об учреждении Археологической комиссии или научной станции в Трапезунде либо на границе с ним, что считал чрезвычайно важным для науки. Морозов просил С. Ф. Платонова помочь в организации экспедиции на Малазийское побережье, сообщив, что с ним туда «с большим удовольствием» готов ехать академик Ф. И. Шмит.

Время, однако, для этого предприятия было крайне неподходящее. На экспедицию необходимы были средства, а их у научных организаций катастрофически не хватало. Реальней всего, конечно, решить вопрос можно было через Академию наук, так как именно она в свое время организовала две экспедиции в Трапезунд. Академию в это время фактически возглавлял известный востоковед академик С. Ф. Ольденбург, которому Морозов подал докладную записку, изложив суть дела. Обсуждал он возможность возобновления экспедиции и с академиком Ф. И. Успенским, с которым говорил также и о турецком архиве, секвестрованном в 1917 году в Трапезунде и предназначавшемся для обмена на имущество Русского археологического института в Константинополе. Насколько можно судить по имеющимся отрывочным данным, ящики с архивным материалом находились в Батуме, по всей видимости, вывезенные туда Морозовым в 1917 или 1918 году. Судьбу этого ценного археографического материала

[489] Официально Общество «Старый Петербург» было зарегистрировано 29 января 1922 г., поступив в ведение Главного управления научных и научно-художественных учреждений (Главнауки) Наркомпроса в Москве. С 1925 г. Общество называлось «Старый Петербург – Новый Ленинград». Ликвидировано властями в феврале 1938 г., а его архивы и собрания переданы Музею истории города и другим научным учреждениям и организациям.

необходимо было выяснить и, в случае его сохранности, перевезти в Россию. Конечно, Ф. И. Успенский чрезвычайно обрадовался такой возможности, однако был очень недоволен, узнав, что Морозов сотрудничает со Шмитом.

В Академии наук предложением Морозова заинтересовались, поручив ему «выяснить судьбу и сохранность памятников старины и росписей стен древних храмов, вскрытых экспедицией Академии Наук в городе Трапезунде»[490]. С. Ф. Ольденбург обещал выслать ему в Киев через Ф. И. Успенского необходимые бумаги, в том числе и на право вывоза турецкого архива. Планировалась даже командировка Морозова в Константинополь[491].

Возвратившись в начале декабря в Киев, Морозов рассказал Ф. И. Шмиту о своих переговорах по поводу возобновления экспедиции в Трапезунд. Воодушевленный Шмит вскоре писал академику Н. Я. Марру: «Вернувшийся из Петербурга сотрудник нашей Археологической комиссии при ВУАН Ф. М. Морозов, к моей величайшей радости, сообщил мне, что в ученых кругах Петербурга мысль об исследовании памятников в Трапезунде не оставлена. В 1916 и 1917 гг. было уже затрачено столько сил, времени и материальных средств на это исследование, что если бы не совершенно исключительные организаторские, административные и дипломатические таланты главы экспедиции академика Ф. И. Успенского, мы бы имели, несомненно, уже вполне конкретные наличные данные хотя бы о главнейших памятниках. Жаль бросить начатое – очень важное и нужное дело. И так как я думаю, что, если теперь состоится новая экспедиция в Трапезунд, то ак. Ф. И. Успенский уже не будет стоять во главе ее, то я надеюсь на успех. А потому я решаюсь напомнить Вам о себе как о кандидате на участие в новой экспедиции: мне очень бы хотелось довести до конца начатые мною еще тогда, в 16 г., изыскания над росписью Св. Софии. Правда, ак. Успенский, как я вижу из его отчетов в Известиях РАН, именно работы в Св. Софии поручил в 1917 г. Н. Д. Протасову, и я предполагаю, что Н. Д. Протасов часть работ исполнил, так как вся работа по очистке памятника была уже мною исполнена в 1916 г.; но я уверен, что с Н. Д. Протасовым мы ссориться не станем, ибо в Трапезунде дела на всех хватит – сговоримся»[492]. Однако планам этим так и не суждено было осуществиться…

Не удалось добыть и денег для осуществления работ Софийской комиссии. В том же письме к Н. Я. Марру Ф. И. Шмит писал: «Была у меня надежда на Москву и Петербург. Я абсолютно был уверен в том, что московские и петербургские ученые учреждения сумеют правильно посмотреть на научное значение памятника, сумеют стать на должную высоту и не станут придавать чрезмерного значения чисто политическим привходящим обстоятельствам.

[490] АГРМ. Ф. ГРМ. Оп. 10. Д. 313. Л. 4.
[491] АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 5.
[492] Цит. по: *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. – СПб., 1999. – С. 116.

Совершенно верно, что здесь в Киеве довольно ярки и сильны националистические увлечения»[493].

Из-за отсутствия средств деятельность Софийской комиссии в конце 1921 года фактически прекратилась.

Новый музей

9 декабря 1921 года Ф. М. Морозов получил от Киевского губкописа специальный мандат № 704 с поручением обследовать, взять на учет и составить подробную опись всего художественного и историко-археологического имущества Киево-Печерской лавры, находящегося в ризнице, церквях и других помещениях. Вместе с тем губкопис обращался к совету общины лавры с просьбой оказать Морозову «содействие при выполнении им возложенного на него поручения»[494]. Впрочем, у Морозова с лаврским руководством к этому времени уже сложились довольно хорошие отношения. В обители, надо полагать, он был своим человеком.

Почти месяц шла кропотливая учетная работа, во время которой Морозов обследовал и зарегистрировал огромное количество предметов большой научной и художественной ценности, как церковно-археологического, так и бытового характера. Вместе с тем он понимал, что все это уникальное культурно-историческое достояние, с одной стороны, необходимо уберечь от расхищения, с другой – сохранить в едином комплексе, не допустив дробления и передачи в разные музеи. Морозов знал, что на коллекции Киево-Печерской лавры претендуют киевский Первый государственный[495] и московский Государственный исторический музеи. Поэтому сохранить ее достояние можно было, лишь создав музей в самой обители. Так у него возникла идея организации «Музея культа и быта», доступного не только для специалистов науки, но «и для широкой публики, как учреждение образовательное, находящееся в ведении Губполитпросвета». Разумеется, лавра представлялась наилучшим и естественным местом для хранения и научно-популярного использования ее коллекций, так как в совокупности со своими древними церквями, пещерами, типографией, библиотеками, архивом и многочисленными памятниками искусства и старины представляла своего рода «музейный городок»[496].

«Воссоздать далекое прошлое Украины в целях научного обследования его и в видах популяризации путем обследования результатов для широкой

[493] Цит. по: *Басаргина Е. Ю.* Ф. И. Шмит: материалы к биографии / Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 486–487.

[494] ГАКО. Ф. 4156. Оп. 1. Д. 10. Л. 91.

[495] **Первый государственный музей** – художественно-промышленный и научный музей, с 1924 г. – Всеукраинский исторический музей им. Т. Г. Шевченко, с 1965 г. – Государственный исторический музей УССР, с 1991 г. – Национальный музей истории Украины.

[496] ЦГАВО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 192. Л. 41.

публики всего лучше, полнее, нагляднее и естественнее – не в виде вывезенных из Лавры и помещенных в шкафах и витринах музеев разрозненных коллекций, памятников древнего искусства и быта, а именно в виде всего комплекса древних храмов, пещер и других зданий Лавры в их неприкосновенном виде со всею их обстановкою», – рассуждал Морозов[497]. Киево-Печерская лавра, по его мнению, представляла для изучения истории Украины то же, что для истории Италии римские катакомбы и Ватикан. Видевший их изумительные памятники воочию, Морозов писал: «И как была бы странна для культурного европейца мысль: для лучшей сохранности для науки и для более полного и наглядного воссоздания связанных с катакомбами и Ватиканом исторических событий и картин прошлой жизни римского народа – опустошить эти катакомбы и дворцы и содержимое их перевезти в музеи того же самого Рима, а тем более какого-либо другого научного центра». Так, по его мнению, нецелесообразно было бы извлекать драгоценные памятники киевского прошлого из той обстановки, в которой жили люди, «создавшие и пользовавшиеся этой обстановкой и в которой они являются, так сказать “живою стариною”, и поместить их в шкафах и витринах городского Киевского и Московского Исторического музея в виде мертвых коллекций»[498].

Своей задумкой Морозов поделился не только с коллегами-единомышленниками, но и с руководством обители. Его идею живо поддержал наместник лавры архимандрит Климент (Жеретиенко), который сам еще в 1918 году обращался к Духовному собору с предложением основать при обители церковно-археологический музей. Он планировал передать в ведение музея разнообразные остатки древних лаврских сооружений в виде надгробий, шиферных досок и т. п., печатные гравюры – металлические, каменные и деревянные, наиболее давние и замечательные достопримечательности лаврского письма и книгопечатания. Сюда же, по его мнению, могли быть выделены вышедшие из употребления старинные облачения, а также «замечательные в научном и археологическом отношении предметы церковного обихода»[499]. Для организации музея планировалось даже создать специальную комиссию во главе с известным церковным историком, исследователем лавры протоиереем Ф. И. Титовым. Однако по обстоятельствам времени идея эта развития не получила. Теперь же с подобным предложением, только уже при новых условиях, выступил представитель государственного учреждения. Бесспорно, для сбережения многовекового культурного достояния лавры создание музея представлялось делом исключительно важным.

Следует сказать, что определенные шаги к организации музея на территории Киево-Печерской лавры уже предпринимались научными учреждениями.

[497] ЦГАВО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 192. Л. 41 об.

[498] Там же.

[499] *Качан Роман, Хведченя Сергій*. Розвиток музейної справи на теренах Києво-Печерської лаври в 1918–1926 рр. // Історико-географічні дослідження в Україні. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. – № 8. – С. 41.

Еще в 1919–1920 годы Киевский губкопис взял на учет культовые предметы исключительно историко-художественного значения и формально открыл в верхней ризнице обители Музей лаврской старины. В июле 1921 года на заседании Археологического комитета Ф. И. Шмит поставил вопрос о перспективе развития этого музея в связи с реорганизацией Церковно-археологического музея бывшей Киевской духовной академии. Над его коллекциями в то время нависла угроза порчи: после реэвакуации они несколько лет лежали запакованные, без надлежащего досмотра. Обеспокоенный таким положением вещей, Археологический комитет создал комиссию в составе Ф. И. Шмита, Н. Ф. Беляшевского и Н. П. Василенко для переговоров с представителями бывшей духовной академии о путях спасения музея и возможности использования его экспонатов с научной целью. Вскоре к работе комиссии подключились Ф. Л. Эрнст, Г. Ф. Красицкий, И. В. Моргилевский, Ф. М. Морозов и др. Одновременно группа специалистов в составе Ф. И. Шмита, И. В. Моргилевского и Ф. Л. Эрнста получила от Археологического комитета поручение осмотреть Музей лаврской старины и подать предложение о его последующем функционировании как научного, а не церковно-исторического учреждения[500].

Между тем наиболее реальные шаги к организации научного музея на территории лавры предпринял именно Ф. М. Морозов. 8 января 1922 года он подал в губкопис заявление, в котором сообщал, что при описи историко-художественных предметов религиозного культа и быта Киево-Печерской лавры у него возникла мысль о создании здесь историко-бытового музея, «который явится наглядным показателем культурно-исторической, бытовой стороны определенной религиозной группы, издревле носившей традиционные формы старины»[501]. В музее он предполагал собрать предметы, разбросанные по разным помещениям обители и подвергающиеся, подчас, порче и гибели. «Произведения типографии, – писал он, – дадут наглядную картину просветительной деятельности и в то же время художественного творчества (клише и гравюры); предметы ризницы – ткани, платья, иконы – откроют скромное творчество бывшей иконописной мастерности». Прося губкопис дать разрешение на организацию в лавре музея, Морозов сообщал, что даже присмотрел подходящее помещение недалеко от Великой церкви, в котором до этого размещалась школа, теперь закрытая.

17 января председатель Киевского губкописа Ю. С. Михайлов наложил на заявление резолюцию: «Доручити тов. Морозову утворити музей Лаври, закликавши до праці і ідейного руководства проф. Шміта»[502]. Михайлов не случайно приглашал Ф. И. Шмита к идейному руководству при организации музея. Академик в то время был известен не только как глубокий теоретик музейного дела,

[500] *Нестуля О.* Доля церковної старовини в Україні 1917–1941 рр. У 2-х томах. – К., 1995. – С. 114–115.
[501] ГАКО. Ф. 4156. Оп. 1. Д. 14. Л. 141.
[502] Там же.

но и как открытый сторонник марксистских идей, за что искусствоведы старого поколения прозвали его «красной вороной»[503]. Вместе с тем Ф. И. Шмит был одним из тех, кто живо поддерживал идею создания музея в лавре.

29 января 1922 года Ф. И. Шмит и Ф. М. Морозов представили в губкопис соображения относительно учреждения в Киево-Печерской лавре Музея культа и быта[504]. Обосновывая в записке необходимость его создания, они предложили и приблизительную структуру музея, который должен был состоять из отделов: живописного, художественно-промышленного, печатного, исторического и фотографического. Разместить музей предполагалось в Митрополичьих покоях, однако это здание находилось в подчинении губсобеса, который устроил там «Инвалидный Дом Ученых и Литераторов», и предстояло еще добиваться освобождения помещений[505].

Теперь необходимо было дождаться официального разрешения руководящих органов на учреждение музея. Время, однако, для осуществления этого проекта оказалось крайне неблагоприятным. После Первой мировой, а затем Гражданской войны в стране повсюду царили разруха, экономический хаос и преступность. Тяжелое положение усугубила небывалая засуха, поразившая летом 1921 года Поволжье, Приуралье, Кавказ, Крым и юг Украины – важнейшие хлебные регионы. Общая разруха и неурожай стали причиной страшного голода, охватившего многие губернии, и своими масштабами превосходившего все голодные годы предшествовавших десятилетий. Уже к началу 1922 года голодало около 20 миллионов человек.

Продукты в Киеве приобрести еще было можно, но они обходились непомерно дорого. Фунт хлеба, например, в зимние месяцы стоил 25 тысяч рублей, фунт сахара, сала – 200 тысяч рублей, 4 грамма сахарина – 12 тысяч. И цены все время росли. К тому же, зима в этот год на Украине выдалась необычайно снежной и холодной, морозы доходили до 25–27 градусов. Тяжким бременем легло на жителей города отсутствие воды и дров. Замерзшие, обезлюдевшие дома разрушались буквально на глазах. Киев становился неузнаваем. «Ходим по улицам и опасаемся, как бы не рушился на прохожих тот или другой дом. Воровство, убийства учащаются. Истомленные такой жизнью граждане ждут – когда же этому царству будет предел; все возлагают большие надежды на Генуэзскую Конференцию – всюду терпенье и терпенье», – писал в эти дни из Киева Ф. М. Морозов[506]. Наука, по его свидетельству, замерла, так как ученые были заняты поисками пропитания для себя и своих семейств. Сам же он, давно привыкший к лишениям, считал, что только теперь и есть время «собирать мате-

[503] *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. – СПб., 1999. – С. 117.
[504] Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника. – Киев, 1992. – С. 109.
[505] *Качан Роман, Хведченя Сергій*. Указ. соч. – С. 44.
[506] ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С. Ф.). Оп. 1. Д. 3593. Л. 9.

риалы и спасать памятники старины»[507]. Нужда в подобной деятельности была исключительно острая, ведь в вихре гражданской смуты безвозвратно гибло и расхищалось культурно-историческое достояние страны, переживавшей в это время не только экономическую, но и культурную катастрофу.

А между тем дело охраны памятников старины на Украине находилось в крайне плачевном состоянии. В одном из писем профессору С. Ф. Платонову Морозов делился грустными впечатлениями о положении здесь, в частности, архивного дела. В Харькове, например, еще с 1920 года работала Архивная секция губкописа, главной задачей которой была охрана и регистрация архивов Харьковской губернии. Однако, несмотря на то, что в состав ее сотрудников входили квалифицированные работники, секция, по мнению Морозова, бездействовала. Причину он видел в том, что ее председатель профессор Д. И. Багалей не выделял денег и не помогал охране архивов. А в это время харьковское бумажное предприятие «Югбум» массово уничтожало архивные материалы, поглощая их в качестве сырья. В ужасном положении архивы находились в Чернигове и других местах: власти не помогали работникам архивных комиссий, не хватало денег. Власти в Украине смотрели на дело охраны архивов и памятников искусства очень недоброжелательно. «В Киеве, что удалось первоначально спасти – то еще спасено, – писал Морозов. – Киевская Архивная Комиссия до последнего дня была в ведении Губернского Комитета охраны старины, который вовсе не содействовал помощи архивным работникам; лишь теперь кое-как архивная комиссия стала самостоятельной; во главе дела стоят Мияковский и Василенко»[508].

А в это время надвигалось новое зло. Ища выход из тяжелого продовольственного кризиса, советское правительство решило воспользоваться ситуацией в политических целях и нанести удар по Русской Православной Церкви. Именно она, являясь самой массовой организацией в огромной крестьянской стране, воспринималась теперь большевиками как главная политическая угроза. Под видом помощи голодающим был выработан план по ограблению православных храмов, главными идеологами которого стали Ленин и Троцкий. 23 февраля 1922 года Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) издал декрет о порядке изъятия церковных ценностей. Ширмой для этой акции стала Центральная комиссия помощи голодающим (Помгол) при ВЦИК, жестко контролируемая Государственным политическим управлением (ГПУ) и Политбюро. Так началась беспрецедентная по размаху кампания по ограблению Церкви, сопровождавшаяся в отношении ее представителей шумными судебными процессами с суровыми и нередко расстрельными приговорами.

Еще до начала изъятия церковных ценностей во главе с Троцким действовала комиссия, осуществлявшая руководство экспроприацией ценностей у самых

[507] ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С. Ф.). Оп. 1. Д. 3593. Л. 9.
[508] Там же.

разных социальных групп населения. Среди главных ее задач было стягивание в Гохран реквизированных ценностей независимо от места их временного хранения. Для этого в губерниях работали специальные тройки, проводившие обследования всех хранилищ – складов ЧК, музеев, губернских финансовых отделов, закрытых монастырей и церквей[509]. Вместе с тем правительство выработало способ реализации экспроприированных ценностей за рубежом, через Наркомат внешней торговли (Внешторг).

Вот что писал по этому поводу в марте 1922 года Ф. М. Морозов: «Новым страшным злом для России явилось учреждение, так называемый Внешторг и Американский комитет <…>. В Киеве эти учреждения скупают памятники искусства, письменности и отправляют за границу. Эти учреждения, хорошо оплачивая сотрудников, привлекли на свою сторону специалистов (Рериха[510], Макаренко[511], Беляшевского[512], Прахова[513] и др.) и эти изменники родины истощают сокровища ее, отдавая врагам – иностранцам. Вместо того чтобы спасти для России, и так уже разграбленной, памятники ее прошлого величия – ее сами же терзают на части. Как, вот здесь, при таких условиях, работать по охране памятников старины и письменности!»[514]

Но, несмотря на тяжелое время, Морозов продолжал заниматься своим делом, и в частности организацией музея на территории Киево-Печерской лавры. Хотя официального постановления об учреждении музея еще не имелось, он все же приступил к его устройству. Работа велась почти исключительно на личном энтузиазме. Идейную и моральную поддержку оказывал Ф. И. Шмит, используя по возможности свой авторитет. В середине февраля академик в письме к наркому просвещения Украины Г. Ф. Гринько, описывая плачевное положение киевских музеев, просил помочь и с организацией музея в лавре. В частности, он просил наркома повлиять на ситуацию с передачей под музей Митрополичьего дома. «Поскольку дом состоит из огромных комнат и совсем не пригоден для проживания (для больницы, санатория или общежития), комендант соглашается, очевидно, отдать дом под музей. Ваше слово может склонить весы в ту или иную сторону – поможет музею родиться, спасти исторические и художественные ценности, которым угрожает непосредственная и серьезная опасность. Я уже не прошу о деньгах: тут мы справимся как-нибудь сами, поскольку и в Киеве,

[509] Подробно см.: Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. – М. – Новосибирск: «Российская политическая энциклопедия», «Сибирский хронограф», 1997.

[510] **Рерих Борис Константинович** (1885–1945) – архитектор, художник, педагог, брат Н. К. Рериха. С 1919 по 1923 г. жил в Киеве, был профессором Академии художеств, заведующим секцией Художественного образования Наркомпроса Украины, избран профессором Архитектурного института и Археологического института; в 1922 г. заведовал Художественной частью Днепросоюза и Художественной частью Внешторга. – *Г. Щ.*

[511] **Макаренко Николай Емельянович** (1877–1938) – археолог, реставратор, художник, музейный работник, историк искусства. – *Г. Щ.*

[512] **Беляшевский Николай Федотович** (1867–1926) – украинский этнограф, искусствовед, археолог и музеевед, с 1919 г. академик АН УССР. – *Г. Щ.*

[513] **Прахов Николай Адрианович** (1873–1957) – искусствовед и художник, сын известного археолога профессора истории искусств А. В. Прахова. – *Г. Щ.*

[514] ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С. Ф.). Оп. 1. Д. 3593. Л. 9 об.

как и в Харькове, есть самоотверженные работники»[515]. Нарком просвещения прислушался к обращению авторитетного ученого и вскоре лаврский музей перешел в ведение Наркомпроса Украины. Также на него была выделена и некоторая денежная сумма, впрочем, весьма незначительная[516].

Уже 1 марта 1922 года Ф. М. Морозов в присутствии инструктора-эксперта губкописа Ф. Л. Эрнста, представителей совета Церковной общины лавры – казначея архимандрита Анфима (Еленецкого), экклесиарха иеромонаха Евстратия (Грумкова) и ризничего иеромонаха Евфимия (Кириаченко) – составил акт о взятии на учет и выделении для создания Музея культа и быта Киево-Печерской лавры предметов, имеющих историческое и художественное значение[517]. Первоначально музей разместился в отдельном помещении на хорах Великой церкви – Успенского собора, куда начали сносить отобранные для него предметы. Большую поддержку в этом деле оказывал архимандрит Климент (Жеретиенко), исполняющий уже в то время обязанности настоятеля лавры. Для переноса и установки экспонатов он предоставил дармовые рабочие силы из числа братии, а также выделил материалы и рабочих для ремонтных работ[518]. Архимандрит Климент, боровшийся за существование лавры, прекрасно понимал, что организация на ее территории солидного музея существенно усложнит проведение в жизнь политического курса на уничтожение обители и ее духовных и художественных ценностей.

Вместе с тем Ф. М. Морозов продолжал регистрацию и учет церковных памятников искусства и старины Киева. Во второй половине марта он осмотрел и взял на учет предметы историко-археологического и художественного значения в Больничном Николаевском монастыре, располагавшемся в ограде Киево-Печерской лавры, Николаевском монастыре у Аскольдовой могилы, Флоровском женском монастыре, в церкви во имя Иоанна Златоуста на Еврейском базаре[519].

На страже церковных интересов

Помимо охраны памятников старины и устройства на территории Киево-Печерской лавры музея, Ф. М. Морозов в это время занимался еще одним чрезвычайно важным делом, связанным с защитой имущественных интересов Русской Православной Церкви.

В церковной жизни Украины в описываемый период происходили сложные и болезненные процессы. Уже в 1917 году здесь возникла угроза церковного

[515] Цит. по: *Нестуля О.* Доля церковної старовини в Україні 1917–1941 рр. У 2-х томах. – К., 1995. – С. 115–116.
[516] *Качан Роман, Хведченя Сергій*. Указ. соч. – С. 44.
[517] ГАКО. Ф. 4156. Оп. 1. Д. 15. Л. 202.
[518] ЦГАВО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 192. Л. 42.
[519] ГАКО. Ф. 4156. Оп. 1. Д. 15. Л. 198–201.

раскола, когда местные сепаратисты организовали Всеукраинскую церковную раду, ратовавшую за автокефалию. Борьба за «независимость» Украинской Церкви развернулась на Всеукраинском церковном Соборе 1918 года, однако ее приверженцам не удалось склонить на свою сторону соборян, поддержавших решение о церковной автономии. Когда в декабре того же года власть в Киеве захватил атаман Симон Петлюра, его правительство отменило соборное постановление и провозгласило автокефалию Украинской Церкви. Был составлен самочинный синод, который после прихода Красной армии распался. Однако во время оккупации Киева белополяками, несколько местных приходов объявили о создании новой Всеукраинской церковной рады, которая отвергла всех епископов как ставленников Москвы и вновь провозгласила автокефалию.

В сентябре 1921 года в Киев прибыл назначенный святейшим Тихоном патриарший экзарх Украины митрополит Михаил (Ермаков). К нему представители Церковной рады обратились с требованием экстерриториальности для своих «епископов», однако получили отказ.

В октябре руководители рады созвали в Киеве Всеукраинский церковный Собор, на котором преобладали убежденные автокефалисты. Владыка Михаил отказался от участия в деяниях лжесобора, однако явился на заседание с архипастырским увещеванием. К сожалению, его призывы услышаны не были. Не сумев убедить митрополита рукоположить епископов, раскольники 10 октября 1921 года совершили в Софийском соборе Киева действо, небывалое в истории Православной Церкви. Изверженный из иерейского сана Нестор Шараевский «посвятил» в «митрополита всея Украины» такого же, как и он, церковного преступника, лишенного сана Василия Липковского. Через день Липковский в архиерейском облачении, митре и с двумя панагиями на груди, сам «поставил во епископа» рукоположившего его накануне Нестора Шараевского. Потом Нестор и Василий вдвоем стали «рукополагать» других. Вскоре на Украине появилось 30 самосвятских епископов, среди которых были женатые и разведенные. Митрополит Михаил (Ермаков) обратился к православной пастве с призывом не поддаваться обману, не следовать за смутьянами, разорителями святой Церкви. Но самосвятам все же удалось вовлечь в раскол около полутора тысяч приходов и до трех миллионов прихожан[520].

«Церковная жизнь на Украине течет бурно, – писал Ф. М. Морозов академику С. Ф. Платонову. – Новая еретичествующая украинская церковь посвятила много епископов, разослала по провинции и там они занимаются провокацией русской церкви; местами встречают себе симпатии, а местами с дракой и убийством убегают опозоренные. Темный люд, ослепленный видимостью торжественного архиерейского служения, самим званием “архиерей”, думая, что видит пред собою истинного епископа церкви, рукоположенного по преемству

[520] *Цыпин Владислав, протоиерей*. История Русской Церкви 1917–1997 / История Русской Церкви. Кн. 9. – М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – С. 68–69.

Апостольской церкви, люди – бегут смотреть, и слушают его еретическое учение, сплошь провокационного содержания, против Русской иерархии и церкви и жаль этих диких людей, когда они разочаровываются, увидев, что пред ними еретик…»[521] Однако украинские лжеепископы за взятки пользовались поддержкой властей. «Всю свою пропаганду еретики ведут в селах, – сообщал Морозов. – Там они отнимают от Русской Церкви и вообще ведут себя неподобающе; украинцы намереваются украинизировать и Киево-Печерскую Лавру, но здесь им готовится отпор и первый уже дан»[522].

В этой сложной обстановке Морозов, пользуясь служебным положением и связями, старался защитить интересы Церкви. «Мне русскому здесь на Украине жить тяжело, – писал он С. Ф. Платонову, – ибо в силу сложившихся обстоятельств по охране памятников церковной старины на мою долю выпала честь защищать интересы Русской Церкви, вот за это-то и невзлюбили меня “щирыя” украинцы; мне удалось пока отстоять интересы русских монастырей и закрепить их за русским же духовенством; сначала украинцы не чувствовали моего участия в деле охраны русских церковных интересов, а потому терпели, – теперь поняли и начинают вооружаться»[523]. К сожалению, об этой деятельности Морозова не удалось обнаружить более подробных сведений, а она представляется исключительно важной в его биографии.

Судя по всему, Морозов внимательно следил за церковной жизнью на Украине и был в курсе многих важных событий. Например, он писал академику С. Ф. Платонову о судьбе мощей святителя Феодосия Черниговского, вскрытых в феврале 1921 года властями и помещенных в необлаченном виде в этнографический музей. Это кощунственная акция не только взволновала население Черниговщины, но скорбным эхом отозвалась в сердцах многих верующих. «Судьба мощей Святителя Феодосия Черниговского очень печальна, – писал Морозов в марте 1922 года. – Местный музей, не имея места, вынес их в помещение архива, а там вовсе ненадежное место… Я бы полагал лучшим бы мощи отдать верующим с условием погребсти их и не устраивать на могилу паломничества…»[524]. Это, по крайней мере, могло бы уберечь мощи святителя от выставления в неподобающем виде напоказ посетителям музея. Возможно, Морозов писал об этом в надежде привлечь к проблеме внимание крупной научной интеллигенции, небезразличной к судьбам Церкви. В это время верующие черниговцы во главе с епископом Пахомием (Кедровым) пытались добиться возврата мощей в храм, но безуспешно. Вскоре нетленное тело святителя Феодосия было вывезено в Москву для демонстрации, а затем в конце 1920-х годов – в Ленинград[525].

[521] ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С. Ф.). Оп. 1. Д. 3593. Л. 8 об.
[522] Там же.
[523] Там же. Л. 9.
[524] Там же. Л. 8 об.
[525] Только в 1946 г. мощи святителя Феодосия вернулись в Чернигов, однако до середины 1980-х гг. власти всячески старались ограничивать их религиозное почитание.

Весной 1922 года отношения между Церковью и государством приобрели еще более драматичный характер в связи с развернувшейся кампанией по изъятию церковных ценностей в пользу голодающих.

8 марта Всеукраинский ЦИК принял постановление «О передаче церковных ценностей в фонд помощи голодающим», в котором, между прочим, содержалось предупреждение, что сокрытие драгоценных вещей влечет за собой принудительные работы на срок до одного года и конфискацию имущества религиозных или церковных организаций. Как уже говорилось, изъятие церковных ценностей преследовало не только экономические, но и политические цели. Однако здесь затрагивался еще и культурный аспект, так как значительная часть предметов религиозного культа принадлежала к числу выдающихся памятников истории и культуры.

Вывоз памятников культуры для продажи за рубеж вызвал серьезную обеспокоенность представителей научной общественности Украины. 9 февраля 1922 года академик Ф. И. Шмит сообщил на собрании членов историко-филологического отдела Всеукраинской академии наук, что правительство приняло решение выделить часть предметов музейного фонда для закупок продовольствия за кордоном. В результате бурного обсуждения этого сообщения участники собрания решили обратиться к Киевскому губисполкому и губполитпросвету с предложением о том, что, во-первых, предметы особой научной и художественной ценности вовсе не должны вывозиться, а, во-вторых, предназначенное к вывозу обязана осматривать особая комиссия с участием представителей Академии наук, которые смогут определить научную или художественную ценность предметов[526]. Это обращение содержало конструктивную программу по предупреждению возможной утраты памятников культуры в ходе изъятия церковных ценностей.

3 марта 1922 года программа приобрела конкретность в принятом Археологическим комитетом проекте обращения Общих собраний Всеукраинской академии наук к Всеукраинскому ЦИК, Совнаркому, Наркомату просвещения УССР и Киевскому губисполкому. В нем говорилось: «Значительная часть РСФСР и УССР жестоко страдают от стихийного бедствия – голода. Правительство РСФСР решило для борьбы с бедой предпринять энергичные меры и, между прочим, приступить к изъятию всех тех значительных материальных ценностей, которые скопились за сотни лет в церковных ризницах. Однако не следует забывать, что в тех же ризницах, кроме золота, серебра и драгоценных камней, сохраняются и бесценные исторические и художественные памятники, которые нельзя принести в жертву, даже, невзирая на какую угодно материальную ценность. Хорошо зная, что социализм есть научное мировоззрение, основанное исключительно на изучении истории, ВУАН считает, что социалистическая Государственная власть не может пренебречь сбережением исторических документов. А потому ВУАН надеется, что отбор предметов в церковных ризницах будет проведен

[526] *Нестуля О.* Указ. соч. – С. 132.

соответствующими органами лишь в присутствии и при согласовании с представителями комитета научных заведений»[527].

Через три дня, 6 марта, с предложениями как «озаботиться о том, чтобы благородное дело помощи голодающим не стало злым делом разрушения культурного и художественного наследия» к Всеукраинскому ЦИК, Совнаркому и Наркомпросу УССР, Всеукраинской академии наук и губисполкомам республики обратились от коллектива киевского Археологического института его ректор Ф. И. Шмит и ученый секретарь Н. Д. Полоска. Поддерживая «энергичные меры» власти, направленные на борьбу с голодом, они подчеркивали необходимость того, чтобы из ризниц изымались действительно лишь те предметы, которые имеют при значительной материальной ценности малое историческое и художественное значение. Как видно, в обращении местной научной общественности к государственным органам власти даже не ставилась под сомнение необходимость или правомерность изъятия церковных ценностей для борьбы с голодом. Речь шла о привлечении к этому делу квалифицированных специалистов: искусствоведов, историков, музейных работников, ученых и сотрудников органов охраны памятников истории и культуры, а также форме их участия в работе комиссий по изъятию церковных ценностей.

К работе в комиссии губюста «по осмотру и учету церковного имущества церквей и монастырей Киева» был привлечен и Ф. М. Морозов. 16 марта 1922 года Киевский губкопис выдал ему соответствующий мандат с правом «взятия на учет и выделения предметов, имеющих историческое и художественное значение»[528].

Вскоре появились и нормативные положения, регулирующие работу комиссий по изъятию церковных ценностей. В связи с пожеланиями представителей научной и культурной общественности Всеукраинский ЦИК выработал 21 марта 1922 года специальную инструкцию «О порядке изъятия церковных ценностей», согласно которой, в частности, предполагалась передача памятников в ведение органов, занимающихся их охраной. Охранные меры разработала также и коллегия украинского Наркомпроса, утвердив 3 апреля соответствующий циркуляр комиссиям помгола, а 5 апреля одобрив представленные Главполитпросветом основные положения о межведомственной комиссии по изъятию ценностей художественного и культурного значения. В ряде других документов Наркомпроса Украины также регулировались вопросы изъятия церковных ценностей, требовалось обязательное участие в работе комиссий представителей музеев, научных организаций, органов народного образования. Однако практика работы комиссий по изъятию ценностей показала, что в большинстве случаев декретные положения, касающиеся охраны памятников, не учитывались. Ключевую

[527] Цит. по: *Нестуля О.* Доля церковної старовини в Україні 1917–1941 рр. У 2-х томах. – К., 1995. – Ч. 1. – С. 132.
[528] ГАКО. Ф. 4156. Оп. 1. Д. 21. Л. 116.

роль в работе комиссий в это время играли представители финансовых отделов, местных органов власти и Наркомата внутренних дел (НКВД). Зачастую комиссии вовсе не приглашали специалистов для определения культурной ценности изымаемых предметов, а если и приглашали, то нередко игнорировали их рекомендации и даже протесты. Не стала исключением и работа комиссии по изъятию ценностей в Киево-Печерской лавре.

Первые изъятия там проводились 5 и 8 апреля комиссией в составе заместителя наркома внутренних дел М. Серафимова, председателя киевской губернской комиссии по изъятию ценностей М. Михайлика, представителя от губфинотдела Д. Редчица, а также представителей духовенства и верующих: архимандрита Климента (Жеретиенко), архимандрита Антония (Лобова), иеромонахов Евстратия (Грумкова), Евфимия (Кириаченко) и Макария, мирян И. П. Мельникова, В. М. Тверского, В. Е. Совы, П. А. Нижникова, П. Л. Шулькевича. Кроме того, в состав комиссии вошли академик Ф. И. Шмит и представители Киевского губкописа Ф. М. Морозов и Ф. Л. Эрнст[529].

8 апреля комиссия по изъятию церковных ценностей осмотрела Музей культа и быта. Узнав накануне о намерениях комиссии изъять часть коллекции в фонд помощи голодающим, представители музеев Киева на своих собраниях приняли заявление, в котором, ссылаясь на соответствующие инструкции государственных организаций, обосновали неправомерность подобных изъятий. Заявление музейных работников поддержал и Киевский губкопис. Его представители Ф. М. Морозов и Ф. Л. Эрнст, а также ученый хранитель Первого государственного музея Д. Щербаковский заявили членам комиссии, что уступят лишь силе, если будет предпринята попытка вывезти часть экспонатов музея. Однако сила оказалась не на их стороне. Значительная часть музейного имущества культового значения была изъята, так как представляла большую материальную ценность. Среди предметов, вывезенных комиссией, были, например: перламутровая митра общим весом более трех с половиной килограммов, украшенная бриллиантами, смарагдами, сапфирами, рубинами; алмазно-перламутровая подвеска для золотой лампады с 224 диамантами; две митры XVII–XVIII веков; три золотых панагии; панагия П. А. Румянцева-Задунайского; чаши Анны Иоанновны и архимандрита Зосимы (Валькевича); Евангелия работы З. Брезгулова; золотой напрестольный крест (вклад Богдана Хмельницкого) и подножие к нему (Ивана Мазепы); наперсный крест (Александра I); икона – благословение Екатерины II князю Г. А. Потемкину; рама от иконы (Павла I) и др.[530]

Впрочем, необходимо отметить, что против изъятия предметов из Музея культов и быта не возражали даже представители органов по охране памятников и сотрудники музеев.

[529] Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника. – Киев, 1992. – С. 105.
[530] *Неступя О.* Указ. соч. – С. 135–136.

В эти дни в Киево-Печерской лавре изъяли: церковную утварь, оклады икон, подвески к лампадам, лампады, кресты, панагии, митры, столовые приборы из драгоценных металлов и другие ценности. Представители комиссии заверили, что в дальнейшем изъятия производиться больше не будут. Однако, несмотря на протесты со стороны духовенства, представителей интеллигенции и рабочих, а также председателя Киевского губкописа Ю. Михайлова, повторные изъятия ценностей в лавре проводились 27 апреля, 3 и 20 мая, 2 июня. При этом 27 апреля была изъята золотая, усыпанная бриллиантами и другими драгоценными камнями риза со знаменитой чудотворной иконы Успения Божьей Матери.

Накануне предстоящего изъятия, 26 апреля, представители научной и культурной интеллигенции Киева обратились с совместным письмом-протестом к правительству Украины, которое подписали: глава Киевского губкописа художник Ю. Михайлов, непременный секретарь Всеукраинской академии наук А. Крымский, академик С. Ефремов, председатель Археологического комитета Академии наук Ф. И. Шмит, профессор А. Грушевский, председатель комиссии Энциклопедического словаря Академии наук П. Стебницкий, В. Меллер, от Украинской государственной академии искусств В. Кричевский, директор Музея искусств Академии наук Н. Макаренко, заместитель председателя археологической секции Украинского научного общества К. Антонович, заведующий Музеем искусств при Украинской академии наук и музеем собора святой Софии Г. Красицкий, консерватор Первого государственного музея В. Козловская, хранитель Первого государственного музея Д. Щербаковский, заведующий Музеем Украинской академии художеств Ф. Эрнст, профессор С. Маслов, заведующий Музеем культов и быта Ф. Морозов, заведующий Губернским архивом Киевщины В. Мияковский, председатель Бюро изо Н. Прахов, преподаватель П. Филипович и др.

Подписавшиеся отмечали, что они горячо приветствуют мобилизацию всех сил на помощь голодающим и изъятие «лишних материальных ценностей» ради обращения их в хлеб для страждущего народа. Однако они считали своим нравственным долгом обратить внимание правительства Украины на то, что изъятие необходимо провести без «существенного ущерба для другой стороны вопроса – чисто культурной». В обращении указывалось, что ни одна страна в мире не пострадала в такой степени от Первой мировой и Гражданской войн, как Украина. Ни в одной стране не разрушено за короткое время столько культурных памятников, музеев, частных коллекций, библиотек, архивов, старинных усадеб и отдельных предметов искусства. «Единственными сокровищницами старинного народного искусства, – говорилось в обращении, – сравнительно мало пострадавшими, являлись до сих пор церкви и монастыри. Правда, и в них масса старины погибла в последние годы из-за нелепых эвакуаций 1915 года, из-за невежества духовенства, грабежей и бандитизма. И вот теперь мы видим, что при недостаточно осмотрительном проведении в жизнь дела изъятия

материальных ценностей – могут погибнуть редчайшие, невосстановимые памятники искусства, материальная ценность которых ничтожна по сравнению с ценностью художественной. Произведение искусства, раз погибнув, не может быть более восстановлено. Ясно, что крест Богдана Хмельницкого, изъятый из Музея Культа и Быта Киево-Печерской Лавры, или подарок Мазепы – царские врата, изъятые из Черниговского собора – не смогут быть сделаны наново. Ясно, что византийский браслет, взятый из Черниговского музея, в тысячу раз дороже того серебра, из которого он сделан. Сплавить в слитки или продать эти вещи заграницу было бы тяжким преступлением перед народом, которое темным пятном ляжет на имена деятелей, допустивших подобный факт»[531].

Представители культуры и науки просили правительство обратить внимание на эту сторону изъятия и вернуть музеям отобранные у них художественные ценности. Они также просили, чтобы было сделано распоряжение об обязательном привлечении в состав комиссий по изъятиям ценностей компетентных в искусстве людей и о непременном исключении из числа изымаемых предметов памятников, представляющих высокий художественный и исторический интерес. «Мы просим также о том, – говорилось в заключение, – чтобы в Харькове и во всех областных и губернских городах были образованы специальные комиссии, которые тщательно осмотрели бы все вывозимые предметы и выделили из их числа для будущего грандиозного Всеукраинского Музея Культа и Быта – все выдающееся, что характеризует собой прошлую жизнь и культурное творчество украинского народа»[532].

Против необоснованных изъятий церковных историко-культурных ценностей выступил и Наркомпрос республики. Он опротестовал перед правительством проведенные в Киево-Печерской лавре, Софийском соборе и Михайловском монастыре изъятия предметов, имеющих высокую художественно-историческую ценность, и ходатайствовал о немедленном возвращении их в музей[533]. Вместе с тем, чтобы подобное не повторялось, Наркомпрос настоял на внесении «Дополнения к инструкции о порядке изъятия церковных ценностей», в котором точно определялись признаки предметов музейного значения, не подлежащих передаче в фонд помощи голодающим. Одновременно Наркомат просвещения принял меры по привлечению к работе в состав комиссий по изъятию церковных ценностей ученых – краеведов, историков, сотрудников органов народного просвещения, охраны памятников истории и культуры, музеев.

Обращения Наркомпроса возымели положительный результат. Уже 6 мая 1922 года позитивные сдвиги констатировал Совет охраны памятников искусства и старины при Экскурсионно-выставочно-музейной секции Киевского

[531] Цит. по: *Білокінь С.* Втрати української культурної спадщини під час голоду 1922 року // Могилянські читання 2004: Зб. наук. праць. – К., 2005. – С. 77–98.
[532] Там же.
[533] *Нестуля О.* Указ. соч. – С. 141.

губполитпросвета. По поручению Совета большую работу в четырех районных подкомиссиях по изъятию церковных ценностей проводили С. Глевасский, Ф. Эрнст, Г. Красицкий, Н. Макаренко, Ф. Морозов, С. Сандальжи, А. Середа, М. Щеголева и Д. Щербаковский. За четыре месяца работы они передали в фонды Первого государственного музея около 500 уникальных художественно-исторических памятников, изъятых из храмов Киева и губернии[534]. Туда предметы передавались на временное хранение, для будущего распределения по другим музеям. Таким образом, представители научной общественности, сотрудники музеев и органов по охране памятников, работавшие в составе комиссий по изъятию церковных ценностей, приложили немало усилий, чтобы сохранить уникальные памятники украинского народа.

Несмотря на то что в Киеве было много ответственной работы, Ф. М. Морозов после Пасхи, которая в 1922 году пришлась на 16 апреля, планировал ехать в Батум – «за вещами». Между тем никаких известий из Российской академии наук относительно командировочных документов по-прежнему не было. Еще в марте он писал академику С. Ф. Платонову: «Я просил Ф. И. Успенского выслать мне открытый лист от Академии на право вывоза оставленных Ф. И. Успенским ящиков с турецкими архивами; он, наверное, на меня сердится за сотрудничество мое с профессором Ф. И. Шмитом, а потому умышленно забывает напомнить об этом С. Ф. Ольденбургу»[535].

Выехать на Кавказ Морозову, как он планировал, так и не удалось. Однако известно, что в начале мая он снова оказался в Петрограде. В это время в Александро-Невской лавре разворачивалась кампания по изъятию церковных ценностей, и Морозов вместе с представителями петроградской интеллигенции приложил усилия к сохранению от уничтожения культурного достояния обители.

Среди прочего из лавры городские власти намеревались изъять серебряную раку святого князя Александра Невского: планировалось переплавить этот уникальный памятник ювелирного искусства XVIII века для дальнейшей продажи за границу. Когда об этом стало известно, представители петроградской интеллигенции решили во что бы то ни стало спасти раку. Немаловажная заслуга в этом деле, как рассказывают в Эрмитаже, принадлежала Ф. М. Морозову, участвовавшему в мобилизации заинтересованных лиц на защиту уникального памятника. 10 мая 1922 года С. Н. Тройницкий (директор Эрмитажа), Н. П. Сычев (директор Русского музея) и А. Н. Бенуа отправили в Москву председателю ВЦИКа М. И. Калинину и главе Отдела по делам музеев, охраны памятников искусства и старины Наркомпроса Н. И. Седовой-Троцкой отчаянную телеграмму: «Государственный Эрмитаж и Русский музей просят срочного распоряжения приостановить разрушение иконостаса Казанского собора и раки Невской

[534] *Нестуля О.* Указ. соч. – С. 143.
[535] ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С. Ф.). Оп. 1. Д. 3593. Л. 9 об.

лавры – памятников мирового художественного значения»[536]. К сожалению, иконостас Казанского собора спасти не удалось, но рака была передана в Эрмитаж.

12 мая власти публично вскрыли раку с мощами святого благоверного князя Александра Невского. Мощи до времени оставили в лавре, а серебряную раку разобрали и вывезли на грузовиках в Зимний дворец. Профессор Б. В. Сапунов пишет, что Морозов присутствовал при вскрытии мощей как представитель Музейного совета Петросовета[537]. Однако почтенный автор ошибается. Именно в этот день Морозов находился в Киеве и участвовал в заседании совета охраны памятников искусства и старины при Экскурсионно-выставочной музейной секции Киевского губполитпросвета[538]. Под протоколами стоит его подпись.

В связи с изъятием ценностей Александро-Невской лавры вновь остро встал вопрос о судьбе Древлехранилища. Однако взявшее его под защиту общество «Старый Петербург» временно сумело отстоять лаврский музей от посягательств и разорения.

Как видно, в период изъятия церковных ценностей многие уникальные культурно-исторические памятники удавалось спасти благодаря вмешательству представителей научных и культурных организаций. В этом их огромная заслуга перед национальной культурой и будущими поколениями.

Музейный городок

В конце мая 1922 года организуемый Ф. М. Морозовым в Киево-Печерской лавре музей, наконец, получил официальный статус. Решением этого вопроса в соответствующих инстанциях занимались, главным образом, председатель Киевского губкописа Ю. С. Михайлов, а затем сменивший его А. В. Винницкий. Благодаря их поддержке Морозову удалось не только осуществить первоначальный замысел, но и значительно расширить его – устроить музей во всеукраинском масштабе. Для этого решено было передать лаврскому музею коллекции Церковно-археологического музея бывшей Киевской духовной академии, а также памятники церковной старины и искусства из закрываемых церквей Киева и Киевщины[539]. В 1917–1919 годах, с целью охраны достопримечательностей культуры, в Киеве при церквях стали образовываться местные музеи, формально. То есть музеями объявили ризницы наиболее крупных монастырей и церквей, в которых хранились ценные, как с художественной, так и исторической точки

[536] *Завадская Л. А.* Рака Александра Невского в собрании Эрмитажа / Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции. – Новгород: Изд. «Новгородский государственный объединенный музей-заповедник», 1996. – С. 90.

[537] *Бегунов Ю. К., Сапунов Б. В.* История мощей и рак святого благоверного Великого князя Александра Невского // Князь Александр Невский. Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг. – СПб., 1995. – С. 90.

[538] ГАКО. Ф. 4156. Оп. 1. Д. 20. Л. 25.

[539] ЦГАВО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 192. Л. 41 об.

зрения, предметы. Находились они под попечительством ответственных лиц религиозных общин. На 1919 год, кроме Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, музеи формально существовали еще при 32 монастырях и отдельных церквях, в том числе и в лавре[540]. В 1922 году над всем этим культурным богатством нависла угроза едва ли ни полного разорения, и, чтобы спасти его, Ф. М. Морозов решил сосредоточить коллекции в одном месте – в лавре, взяв под охрану Музея культов.

26 мая 1922 года Киевский губкопис, заслушав при Музейно-экскурсионно-выставочной секции Губполитпросвета вопрос «Об организации Музея культа и быта», принял постановление, предписывавшее «...все предметы культа музейного характера, находящиеся в различных храмах и других местах, перевести в музей». На этом же заседании для организации уникального музея была назначена комиссия в составе Ф. Л. Эрнста, А. Ф. Середы и Ф. М. Морозова. А так как в лавре пока не имелось подготовленных помещений, собираемые из других мест экспонаты решили временно разместить в помещении Первого государственного музея[541].

Началась кропотливая работа по выявлению ценных памятников старины, их регистрации и вывозу в музей. В этой работе Морозов по-прежнему занимал ведущее место. Вместе с тем он принял на себя заведование типографией Киево-Печерской лавры, которую Всеукраинская академия наук после длительных переговоров с властями смогла, наконец, заполучить в свое ведение. Для старинной лаврской типографии, считавшейся в свое время одной из лучших, это оказалось большим благом. Дело в том, что после национализации советской властью церковного имущества, типографию включили в состав треста «Бумполиграф», превратившего ее в склад типографских материалов. Через некоторое время лаврской печатне и вовсе стало угрожать полное разорение. Тогда, чтобы «сохранить одну из древних типографий в России», Всеукраинская академия наук стала добиваться ее передачи целиком в свое ведение. А между тем неумелая деятельность руководителей треста привела к разорению почти всех лучших типографий Киева, не говоря уже о провинции. Доживала свои дни и перегруженная непомерной работой знаменитая типография Стефана Кульдженко[542].

Лаврская типография вскоре была включена в состав музея, который по мере формирования менял не только название, структуру, но и масштаб. Первоначально Ф. М. Морозов задумывал свое детище как музей исключительно монастырского культа и быта. Затем, когда музей стал расширяться и в нем появились памятники не только христианской старины, его переименовали в «Музей *культов* и быта». По мере же поступления коллекций из других мест,

---

[540] *Качан Роман, Хведченя Сергій*. Указ. соч. – С. 40–41.
[541] Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника. – Киев, 1992. – С. 109.
[542] ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С. Ф.). Оп. 1. Д. 3593. Л. 8.

у Морозова окончательно оформилась мысль создания на территории лавры Музейного городка[543].

Между тем осенью 1922 года прозвучала идея организации, вне связи с Киево-Печерской обителью, нового Музея культов, который должен был бы поглотить и молодой лаврский музей. С такой инициативой выступил Ф. Л. Эрнст, сделав в конце ноября соответствующий доклад на кафедре Искусствоведения в Археологическом институте[544]. «В данный момент, – отмечал он, – в Киеве находятся в нескольких местах многочисленные и весьма ценные собрания старины, которые характеризуют религиозное творчество и церковный культ всех народов как Украины и России, так и Западной Европы, Ближнего и Дальнего Востока. Все эти собрания, через разные обстоятельства, находятся теперь в таком состоянии, что пользоваться ими целиком почти невозможно»[545]. В первую очередь, он называл собрания бывшего Церковно-археологического музея Киевской духовной академии; лаврского Музея культов, «который организован из бывшей лаврской ризницы, но еще далеко не законченный»; многочисленные собрания предметов, поступившие в распоряжение музеев во время изъятия церковных ценностей в Киеве и губернии, а также изъятые по всей Украине и вывезенные в Москву, но теперь возвращенные в киевские музеи.

«Целиком ясно, – продолжал Эрнст, – что все указанные собрания, в интересах науки и просвещения, необходимо объединить в стенах одной институции для научного изучения и для пользования людей науки и искусства. Такой институцией должен стать Музей Культов, который характеризовал бы религиозный культ всех народов»[546]. Это последнее выдвигалось в качестве руководящего принципа организации нового музея. Предметы, находящиеся в перечисленных собраниях и не относящиеся к религиозному быту, он предлагал «в интересах научной специализации» распределить между другими музеями Киева. Так, например, большую часть предметов бывшего Церковно-археологического музея Киевской духовной академии Эрнст советовал передать в распоряжение планируемого Музея культов, а «совершенно посторонние предметы» распределить по киевским музеям. По его мнению, в новый музей должны были перейти и все коллекции, «собранные в лавре во время изъятия церковных ценностей».

Эрнст называл даже конкретное место, где мог бы расположиться новый музей, оговорившись сразу, что он не может размещаться ни в здании бывшей духовной академии на Подоле, ни в Киево-Печерской лавре. По его мнению, мазепинский корпус упраздненной академии, хотя и представлял большую ценность как постройка начала XVIII века, абсолютно не годился «для современной музейной работы». Так же и здание Митрополичьих покоев в лавре

[543] ЦГАВО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 192. Л. 42.

[544] Возможно, доклад был сделан в Киевском институте пластических искусств, где Ф. Л. Эрнст заведовал музеем.

[545] ИИФЭ НАН Украины. Ф. 13 (Ф. Л. Эрнст). К. 5. Д. 309. Л. 1.

[546] Там же.

представлялось тесным, мало освещенным и слишком удаленным от центра Киева. «Это последнее, – подчеркивал Эрнст, – имеет огромное значение во время организации музея, поскольку музейным работникам, при тяжелых современных условиях жизни, абсолютно невозможно было бы ежедневно ходить в Лавру или на Подол, и выбор такого помещения значил бы отодвинуть организацию такого музея возможно на несколько лет»[547]. Наиболее приемлемым он видел размещение Музея культов в здании, принадлежавшем ранее родственникам известного сахаропромышленника Николы Терещенко на Бульваре Шевченко (бывшем Бибиковском) № 12, рядом с Всеукраинской академией наук и Национальной библиотекой, а также недалеко от Картинной галереи, Музея Ханенко, Университета и Пролетарского музея. Само здание, по мнению Эрнста, было и солидное, и достаточно большое (двухэтажное), и имеющее много светлых помещений. В то время им пользовалась какая-то авиачасть, но занимала всего две-три комнаты, остальные же площади пустовали. Впрочем, здание было сильно попорчено и требовало предварительного ремонта. В заключение Эрнст указывал на необходимость незамедлительного обсуждения затронутых в докладе вопросов с Советом охраны памятников искусства и старины, секцией искусств бывшего Научного товарищества и Политпросветом, чтобы до весны осуществить всю подготовительную работу[548].

Для Морозова новость о планах организации нового Музея культов стала, очевидно, неприятным известием. Трудно сказать, чем именно руководствовался Эрнст, выступая с подобным предложением. Возможно, им двигали исключительно научные интересы, возможно личные амбиции, а может то и другое, или еще какие-нибудь мотивы. А между тем он выступал как инициатор организации крупного киевского музея, что открывало перспективу стать его главным хранителем или даже директором. После прозвучавшего доклада столкновения интересов, и, в первую очередь, лично с Морозовым, избежать было невозможно, что видимо и имело место. Последний естественно должен был предпринять какие-то решительные шаги, чтобы защитить свое детище, причем сохранить его именно в лавре, что считал принципиальным моментом. Как помним, лавра, по мнению Морозова, представлялась наилучшим и естественным местом для хранения и научно-популярного использования ее коллекций вместе со всем комплексом древних храмов, пещер и других зданий «в их неприкосновенном виде со всею их обстановкою»[549].

Концептуально подход Морозова, бесспорно, был более верным. А вот основные аргументы Эрнста в пользу организации нового музея сводились, по сути, лишь к более подходящему зданию в центре города да неудобству сотрудников «ежедневно ходить в лавру или на Подол». К тому же, на устройство

[547] ИИФЭ НАН Украины. Ф. 13 (Ф. Л. Эрнст). К. 5. Д. 309. Л. 2 об.
[548] Там же.
[549] ЦГАВО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 192. Л. 41 об.

музея потребовались бы значительные средства, а их у научных организаций в это время крайне не хватало.

Как бы то ни было, но предложение Эрнста повисло в воздухе и, к счастью, не было реализовано, а деятельный Ф. М. Морозов тем временем продолжал заниматься развитием лаврского Музея культов.

К началу 1923 года музей был уже более-менее сформирован и открыт для обозрения[550]. Его первыми посетителями стали деятели науки, иностранцы, а также ответственные советские работники Украины. 15 февраля музей посетил председатель Совнаркома Х. Г. Раковский. Экскурсия, проведенная самим Ф. М. Морозовым, произвела на главу правительства Украины большое впечатление. Убедившись, что молодой лаврский музей имеет государственное значение, Раковский в книге почетных посетителей оставил следующее пожелание: «…художественные и исторические богатства, сохранившиеся в музеях Киево-Печерской Лавры, должны быть сохранены, как зеница ока, так как они составляют величайший вклад в историю культуры России и Украины»[551]. Во время общения с главой правительства Морозов поделился своими замыслами насчет развития Музейного городка, а также проблемами, которые предстояло еще преодолеть. Председатель Совнаркома обещал оказать поддержку. Встреча эта действительно имела большое значение для развития музейного комплекса на территории Киево-Печерской лавры.

О благопожеланиях Х. Г. Раковского Морозов немедленно сообщил академику Ф. И. Шмиту. Информация эта стала предметом обсуждения на заседании Археологического комитета 17 февраля, в результате чего было составлено обращение к Киевскому губисполкому с предложениями наиболее целесообразного использования архитектурных сооружений, организации управления и охраны территории Киево-Печерской лавры. Кроме того, предлагалось объявить старинные здания, окружавшие Соборную площадь обители, особым музейным городком, передав его под управление Киевского губполитпросвета. Научно-методическое руководство и контроль за состоянием памятников лавры рекомендовалось передать Всеукраинской академии наук. Планировалось также включить в подчинение музейному городку и церковь Спаса на Берестове.

Предложения Археологического комитета обсуждались членами первого отдела Всеукраинской академии наук. 15 марта 1923 года на его пленарном заседании академик А. П. Новицкий сделал доклад, в котором обосновал необходимость создания музейного городка как центра экскурсионной и научно-исследовательской работы по изучению архитектурных и других исторических памятников лавры. Присутствующие одобрили основные положения доклада,

[550] Первоначально Музей культов, как уже говорилось, располагался на хорах Великой церкви. Затем, при содействии домоуправления лавры, его перевели в бывший Наместнический дом, однако с увеличением коллекций и это помещение стало тесным.

[551] ЦГАВО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 192. Л. 44.

поручив Археологическому комитету осуществить контроль за музейным городком и обеспечить подбор высококвалифицированных кадров для комплектации его штатов. Это решение было конкретизировано на заседании первого отдела Академии наук 22 марта 1923 года.

Одновременно с поддержкой музейного комплекса Киево-Печерской лавры выступило и Главное управление научными и научно-художественными учреждениями (Главнаука) Наркомпроса РСФСР. Его руководитель Н. И. Седова-Троцкая в письме Х. Г. Раковскому от 21 февраля 1923 года выразила озабоченность тем, что эксплуатация помещений Киево-Печерской лавры может разрушительно отразиться на ее архитектурных и научных памятниках. Она, в частности, подчеркивала, что «вселение туда органов Собеса, совершенно посторонних делу охраны искусства, может самым печальным образом отразиться на общем состоянии Лавры». А единственный выход видела в безоговорочной передаче всей лавры в ведение Наркомпроса Украины с тем, «чтобы он сам нашел формы ее эксплуатации, гарантирующие ее сохранность»[552].

Разделяя данную точку зрения, Х. Г. Раковский в письме от 5 марта 1923 года на имя главы Киевского губисполкома Я. Б. Гамарника и наркома просвещения Украины В. П. Затонского писал: «В отношении Киево-Печерской лавры считаю необходимым, чтобы в административном отношении она находилась под управлением единого ведомства Наркомпроса “Губнаробраза”, для того, чтобы ответственность целиком была определена»[553]. Вместе с тем он высказал пожелание, чтобы в лавре «было сохранено известное количество монахов», которые уже доказали, что они являются лучшими охранителями богатств лавры – научных и художественных[554].

Затонский целиком соглашался с такой постановкой вопроса и 24 марта вместе со своим заместителем Я. П. Ряппо осмотрел лавру и Музей культов, узнав уже непосредственно от Ф. М. Морозова о проблемах сбережения ее культурного достояния. Вновь речь шла о необходимости передачи лавры в ведение украинского Наркомпроса, о желательности создания музейного городка и сосредоточении в нем культурных памятников из разных мест.

В результате Киевский губисполком постановлением от 28 марта 1923 года передал губнаробразу ряд лаврских строений, имеющих историческое значение: Великую церковь, Троицкие (святые) ворота, всю ограду с башнями, Экономические ворота с церковью, памятную башню над обрывом к Днепру, Никольскую церковь больничного монастыря, Митрополичий (настоятельский) дом, типографию, оба братских корпуса от Троицких ворот к Великой церкви, Клиротанский корпус между больничным монастырем и Экономическими воротами, колокольню, Наместнический дом, ампирные ворота и коридор к Ближним

[552] ЦГАВО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 192. Л. 45.
[553] Цит. по: *Нестуля О.* Доля церковної старовини в Україні 1917–1941 рр. У 2-х томах. – К., 1995. – С. 231.
[554] ЦГАВО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 192. Л. 45.

пещерам, Воздвиженскую церковь на Ближних пещерах, келью начальника Ближних пещер, церковь преподобных Печерских с ампирным портиком, ход на Дальние пещеры с ампирными павильонами, церковь Рождества Христова с колокольней на Дальних пещерах, аркады с павильонами под церковью Рождества, Дальние и Ближние пещеры[555].

Все эти строения губнаробраз предоставил для устройства музейного городка. Непосредственно для размещения музейных коллекций выделили Митрополичий дом с имевшейся при нем закрытой Благовещенской крестовой церковью. Однако в здании по-прежнему располагался «Дом отдыха ученого» и предстояло еще добиваться его выселения. Поэтому музейные предметы продолжали временно оставаться в прежнем помещении, и лишь коллекции Церковно-археологического музея духовной академии начали переносить в Благовещенскую церковь[556].

Вместе с тем визит в лаврский музей высокопоставленных лиц пробудил к нему интерес обывателей. С 25 марта его начали посещать экскурсии, в основном красноармейцы и учащиеся, а также многочисленные отдельные посетители. Экскурсиями руководила особая Музейно-экскурсионно-выставочная секция при губполитпросвете во главе с А. В. Винницким. Впрочем, музей был открыт только по воскресным дням[557].

Уже к лету 1923 года в Киево-Печерской лавре начал формироваться Музейный городок, представлявший собой комплекс памятников архитектуры – богослужебных и жилых зданий, а также разных монастырских учреждений научно-просветительного назначения. Каждое строение представляло как бы особый отдел музея: 1) Великая церковь XI века с чудотворной иконой Успения Богоматери, гробницами святых (с мощами), художественным иконостасом в стиле украинского барокко XVII века, склепом – подземной усыпальницей многих выдающихся исторических деятелей Украины и России и надгробными памятниками князя К. И. Острожского и фельдмаршала П. А. Румянцева-Задунайского; 2) пещеры Ближние Антониевы и Дальние Феодосиевы X и XI веков с подземными храмами, трапезной, затворами пещерных подвижников, гробницами с мощами, а также останками «варяжских пещер» еще более раннего времени; 3) церковь Св. Троицы над святыми воротами XII века с единственной в своем роде настенной живописью – драгоценным памятником украинского ренессанса конца XVII века; 4) Никольская церковь больничного монастыря эпохи гетмана Мазепы; 5) церковь на Экономических воротах, построенная Мазепой; 6) типография, построенная в 1702 году (ее драгоценные издания старого и нового времени хранились в самом музее); 7) лаврская колокольня 1731–1745 годов – одно из высочайших и красивейших зданий Украины, в котором помещались архив

[555] ЦГАВО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 192. Л. 43 об.
[556] Там же. Л. 43.
[557] Там же. Л. 44.

и фундаментальная библиотека лавры; 8) Трапезная церковь византийского стиля во имя преподобных Антония и Феодосия, 1893–1895 годов, с оригинальной настенной росписью художников Ижакевича и Попова в стиле модерн; 9) несколько зданий гражданской архитектуры XVII и XVIII веков; 10) ограда лавры с башнями и воротами, построенная на средства гетмана Мазепы. Вне лаврской ограды к Музейному городку принадлежала церковь Спаса на Берестове, представлявшая собой драгоценный архитектурный памятник, сохранивший архитектурные особенности X века. К церкви прилегала очень интересная в археологическом отношении площадь – место, где находился любимый загородный «княжий двор» великой княгини Ольги, Св. Владимира и Владимира Мономаха. Особый отдел составляли «архив старых дел» лавры и фундаментальная библиотека (с замечательным рукописным отделом), вмещающая до 30 000 томов, среди которых имелось много старинных изданий всех украинских типографий. Находясь в ведении Академии наук, архив и библиотека были объединены с Музейным городком «персонально в личности одного заведующего Морозова». Таким же образом к музею относилась и библиотека митрополита Флавиана, помещавшаяся в особом здании, пристроенном к Наместническому дому. Она насчитывала до 20 000 томов книг, среди которых имелось немало редких и дорогих отечественных и зарубежных изданий. В состав Музейного городка входили два самостоятельных музея. Первый – Музей культа и быта собственно лавры, имеющий отделы: 1) живописный; 2) художественно-промышленный (металлопластика, гравирование, чеканка, мебель, ткани, вышивка, переплетное дело и др.); 3) типографический; 4) исторический (гравюры, автографы, грамоты и др.); 5) фотографический и 6) рукописный[558]. Второй музей – Общецерковно-археологический, сложившийся первоначально из коллекций музея бывшей Киевской духовной академии[559], имел отделы: 1) памятников древних языческих культов Египта, Ближнего и Дальнего Востока, России, Крыма и Кавказа; 2) христианских древностей, как православных, так и инославных; 3) христианского искусства (иконописи, скульптуры, архитектуры, шитья и пр.).

При музее была также заложена библиотека «по истории всех культов, по археологии и истории искусств», в том числе и отделом антирелигиозной пропаганды, чего требовала официальная идеология. А при Флавиановской библиотеке в мае 1923 года открыта народная читальня «для всех жителей Печерского

[558] Наиболее ценными в собрании музея являлись коллекции богослужебных сосудов художественной работы, священнические облачения венецианской и французской парчи XVII–XVIII вв., коллекция напрестольных Евангелий и крестов высокой художественной ценности, коллекция художественных вышивок на плащаницах, воздухах и пеленах, коллекция современных портретов настоятелей лавры и других духовных и светских исторических деятелей, пожертвования некоторых из этих деятелей лавре, ценные и в техническо-художественном отношении (гетманов Украины, канцлера Н. П. Румянцева-Задунайского и др.), коллекция предметов, вывезенных митрополитом Флавианом (Городецким) из Китая в бытность его там миссионером.

[559] Часть коллекций этого музея, не имевших церковного характера, передали в Первый государственный музей.

района». Научными изданиями лаврских библиотек пользовались как сотрудники Всеукраинской академии наук и ее филиалов, так и отдельные ученые[560].

Формально Музейным городком руководил губинспектор политпросвета А. В. Винницкий, а его организатор Ф. М. Морозов значился главным хранителем. Канцелярскую работу в музее выполнял монах Митрофан (Поликарпов), состоявший одновременно секретарем библиотечной комиссии Академии наук, которая заведовала лаврскими библиотеками. Это был человек с солидным образованием, выпускник Киевской духовной академии и опытный канцелярист, в прошлом член-секретарь Воронежского епархиального училищного совета и сотрудник церковно-археологического комитета. Вместе с тем он был известен и как талантливый исследователь, автор статей и книг по истории Воронежской епархии.

Также из числа лаврской братии в музее, а именно в библиотеке, долгое время трудился послушник Иван Петрович Михайловский (в будущем архимандрит Феодосий). Выпускник Харьковской семинарии, он в 1918 году поступил в Киевскую духовную академию, но в связи с ее временным закрытием в декабре того же года подал прошение о зачислении в Киево-Печерскую лавру. В 1919 году Михайловский продолжил учебу в духовной академии на II курсе. Усиленно занимаясь самообразованием, он в 1923 году окончил полный академический курс[561]. Благодаря ходатайству Ф. М. Морозова И. П. Михайловский был официально назначен библиотекарем (научным работником) Всеукраинской академии наук. Его помощником некоторое время состоял молодой послушник Василий Филиппович, принявший в 1927 году монашеский постриг с именем Леонтий и ставший впоследствии архиепископом.

К 20 июня 1923 года Ф. М. Морозов составил первые сведения о музейном комплексе в Киево-Печерской лавре. Хотя в записке он уже и именовал его Музейным городком, официальное название пока оставалось – Музей культов. «Таким образом, – подводил итог Морозов, – в короткое время (год с небольшим) в пору всеобщей разрухи вокруг, при отсутствии творческой инициативы в современном обществе, внимание которого отвлечено к вопросам иного порядка, из ничего возникло чрезвычайно ценное научно-просветительное учреждение, которое могло бы сделать честь любому культурному центру, даже если бы оно было созданием какой-либо мощной ученой организации и устраивалось в течение десятилетий»[562].

В конце записки он указал целый ряд важных пожеланий для упрочения положения и дальнейшего развития Музейного городка. В первую очередь, Морозов обращал внимание на необходимость скорейшего и полного изъятия из

[560] ЦГАВО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 192. Л. 44 об.
[561] *Рилкова Л. П.* Біографічні відомості про братію Києво-Печерської Лаври, що постраждала за Православну віру в 20 столітті. – К.: Тип. Києво-Печерської Лаври, «Видавництво “Фенікс”», 2008. – С. 149.
[562] ЦГАВО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 192. Л. 44 об.–45.

ведения губсобеса остающихся в его распоряжении лаврских строений. Однако вопреки пожеланиям главы правительства Украины и руководства Наркомпроса РСФСР административная власть в лавре не только не была передана отделу народного образования, но произошла ее дальнейшая концентрация в руках собеса. Открывшееся в лавре домоуправление губнаробраза по каким-то причинам закрыли, и все управление оказалось окончательно сосредоточено в домоуправлении Инвалидного городка. Между тем нахождение на территории лавры посторонних учреждений, как уже говорилось, отражалось на ней самым пагубным образом. Администрация Инвалидного городка незаконно продавала церковные ценности, а инвалиды расхищали и уничтожали церковное имущество, мебель, посуду. Из письма заместителя наркома просвещения Украины Я. П. Ряппо генеральному прокурору республики известно, например, что заведующий Киевским собесом Бороденко вывез из дома Митрополита для собственного пользования два комплекта мебели из карельской березы. И это был не единичный случай[563]. Призреваемые собесом люди представляли собой далеко не спокойную публику. «Они были не обездоленными мирными инвалидами, – вспоминал профессор И. Н. Никодимов, – а морально мелкими людьми, озлобленными на всех, особенно на “буржуазию”, к которой относили и монахов. Они делали все, чтобы нарушить покой и мирную жизнь обители, и Лавра в этот период много страдала. Уже при входе в Лавру богомольцев встречали крики, пьяные песни, музыка, ругань, шум»[564].

Морозов прилагал усилия, чтобы собес подчинился распоряжению высшей власти и, в первую очередь, немедленно очистил Митрополичьи покои, где должен был расположиться Музей культов. В это помещение планировалось срочно перенести лаврский архив и фундаментальную библиотеку, которые, находясь в сырой, лишенной стекол колокольне, буквально погибали «от плесени и червя». Собес в данном вопросе игнорировал распоряжения Киевского губисполкома от 28 марта 1923 года о передаче Митрополичьего корпуса музею. А между тем Морозов надеялся воспользоваться летним временем, чтобы сделать внутренний ремонт уже довольно запущенного помещения: остеклить и обрешетить окна, устроить шкафы и витрины, а также заняться переносом из временного помещения музея его экспонатов и размещением их на новом месте. И хотя денег на все эти работы пока не имелось, Морозов неоднократно поднимал этот вопрос перед соответствующими инстанциями.

Созданный без средств и практически усилиями одного человека, Музейный городок нуждался для дальнейшего развития и правильного функционирования в формировании необходимого штата служащих, в назначении им окладов и ассигновании средств на содержание музея. Средства также необходимы были

[563] Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника. – Киев, 1992. – С. 112.

[564] *Никодимов И. Н., проф.* Воспоминание о Киево-Печерской Лавре. – К.: Святая Успенская Киево-Печерская Лавра, 2001.

на пополнение коллекций, на канцелярские расходы, на командирование работников музея в другие научные центры для ознакомления с новыми приобретениями музеев и других научных учреждений, новыми методами научной работы, а также «агитационно-просветительной работы в духе марксизма, для организации обмена дубликатами, имеющихся здесь и там экспонатами в видах того же пополнения коллекций и т. п.». Необходимы были также средства на пополнение существующей пока в зачаточном состоянии музейной библиотеки периодическими художественными изданиями, руководствами по музееведению, библиотечному делу и архивоведению, «изданиями других музейных учреждений, а также изданиями, выпущенными с целью антирелигиозной пропаганды»[565].

Морозов также добивался, чтобы Музею культов передали отобранные при изъятии церковных ценностей из лавры, монастырей, церквей и самого музея, ценные в художественном и историко-археологическом отношении предметы. Часть их уже была возвращена в Киев в фонд Первого государственного музея. Однако Морозов настаивал на скорейшем исполнении пожелания председателя Совнаркома Х. Г. Раковского, изложенного в отношениях председателю Киевского губисполкома Яку и наркому просвещения Затонскому: «Напоминаю Вам снова относительно ящиков ценностей, возвращенных из Москвы, потому, что они представляют исключительный художественный и исторический интерес»[566].

Высказывая пожелания относительно развития Музейного городка, Морозов вместе с тем указывал на открывшуюся возможность проведения раскопок и изучения древних Варяжских пещер, составляющих часть Дальних пещер. Он также говорил о желательности открытия мест затворов Печерских подвижников, куда до этого «не проникал глаз ни одного ученого человека», и изучения мощей. Морозов считал весьма важным проведение на территории Княжьего городка раскопок и других исследовательских работ, «представляющих колоссальный научный интерес и могущих пролить новый свет на первые столетия русской и украинской истории». Для этого он считал необходимым привлечь «лучшие научные силы Киевщины», отпустив на исследовательские нужды средства из государственного казначейства[567].

Большое влияние на развитие Музейного городка на территории Киево-Печерской лавры оказало участие Всеукраинской академии наук. Морозову удалось привлечь через академика Ф. И. Шмита к организации лаврского музея Археологический комитет, которому Академия наук поручила заниматься организационными вопросами. В заседаниях 4 и 9 мая 1923 года Археологический комитет принял ряд решений относительно организации лаврского музея. В первую очередь было признано, что развертывание музеев, библиотек и архивов Всеукраинской академии наук в ларве невозможно, пока вся верхняя часть лавры

[565] ЦГАВО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 192. Л. 45 об.
[566] Там же. Л. 45.
[567] Там же. Л. 45 об.

не будет передана в ведение губнаробраза для организации Музейного городка, «поскольку лишь таким путем могут быть созданы надежные гарантии для безопасности собраний». Планировалось настаивать на полном освобождении собесом зданий, намеченных для музея (Митрополичий дом, Трапезная, Экономический корпус, библиотека и др.). А также добиваться выделения помещений для музейного склада и реставрационной мастерской, выделения квартир для музейных и библиотечных работников, передачи Управлению музеями фотографической мастерской и митрополичьего сада. В связи с этим Археологический комитет постановил просить Наркомпрос ходатайствовать перед Совнаркомом об издании особого декрета о преобразовании лавры в Музейный городок[568].

Следует отметить, что в течение 1923 года в лавре были сосредоточены предметы из ризниц 33 киевских монастырей и церквей, нескольких музеев и частных коллекций[569]. Известно, что в лаврский музей поступили собрания Михайловского, Софийского, Флоровского, Брянского, Выдубицкого, Никольского, Случского монастырей, имущество некоторых киевских церквей, культовые предметы древнего Египта из Первого государственного музея.

9 мая 1923 года вопрос охраны Киево-Печерской лавры рассматривался президиумом научного комитета Главполитпросвета. В частности отмечалось, что присутствие в лавре губсобеса пагубно отражается на сохранности ее достопримечательностей, поскольку последний не уделяет никакого внимания их сбережению. Президиум принял решение поставить перед Главполитпросветом вопрос о передаче лавры в ведение Наркомпроса, для осуществления над ней специального контроля[570]. Дело межведомственного разграничения возложили на специальную комиссию Киевского губисполкома, которая 27 июля распределила лаврские помещения между губсобесом и губполитпросветом. Последний получил в свое распоряжение десять зданий, в том числе и Митрополичий дом. За губсобесом осталось 61 здание.

Таким образом, в результате предпринятых усилий, наконец, решился вопрос с помещениями для Музея культов и быта, которые, впрочем, на момент их передачи оказались в крайне плохом состоянии. В Митрополичьем доме, например, не оказалось электропроводки и люстр, исчезла вся мебель, половина стекол в дверях и окнах отсутствовала, водопровод и канализация были испорчены, крыша протекала[571].

Со временем почти все проблемы, обозначенные Морозовым в записке, в той или иной степени нашли разрешение. К началу 1924 года Музей культов и быта получил финансирование и сформировал небольшой штат – семь музейных работников и два внештатных лаборанта. К сожалению, поименно состав

---

568 *Качан Роман, Хведченя Сергій*. Указ. соч. – С. 45–46.
569 Там же. – С. 46.
570 Там же.
571 *Ернст Ф*. До кого має перейти колишня лавра? // Пролетарская правда. – 1926. – № 82. – С. 5.

сотрудников выяснить не удалось, но можно предположить, что в него входил и кто-то из насельников лавры. Правда, отец Митрофан (Поликарпов) к этому времени уже оставил музей. 9 ноября 1923 года он был рукоположен в иеромонаха и в конце декабря по распоряжению Патриарха Тихона выехал в Москву, где вскоре удостоился посвящения в сан епископа Бугульминского, викария Казанской епархии[572].

Сохранился список лиц, состоявших на службе Главполитпросвета при Музее лавры в качестве работников и сторожей, датируемый 1923 годом. Хотя в документе не указан месяц, он, вероятнее всего, относится ко второй половине года. Насколько можно судить, это монашествующие лица, насельники лавры, но так как указаны лишь имена и фамилии, идентифицировать удалось не всех. Итак, согласно списку, на службе в лаврском музее числились: иеромонах Евфимий (Кириаченко), иеродиакон Агафон (Соболенко), иеродиакон Арсений (Осадчий), иеродиакон Дометий (Супрунюк), монах Иустин (Таценко), Смарагд Комон, Авенир Мамулов, Дамиан Коптов, Иероним Шобин, Димитрий Низовой, Никанор Пирог, Стефан Горобец, Николай Борщин, Софроний Герасимов, Софроний Ступак[573]. Также известно, что с 1925 года сторожем Музейного городка работал монах Макарий (Шпак), несший до этого послушание сторожа на Ближних пещерах[574].

В 1924 году Киевский губликвидком поручил Ф. М. Морозову охрану древних пещер лавры. В выданном на его имя мандате говорилось, «что ему поручается охрана пещер Киево-Печерской Лавры и находящихся в них мощей и право требования мандатов от лиц, желающих произвести осмотр таковых со вскрытием», а всем чинам милиции предлагалось оказывать Морозову «надлежащее содействие»[575].

В 1924–1925 годы Музей культов и быта пополнялся за счет экспонатов лавры, кунст-кабинета Киевского университета, отдельных частных собраний и коллекций. Несмотря на небольшой штат, коллектив проводил значительную работу по пополнению и обработке фондовых материалов. Сотрудники заинвентаризировали 9462 экспоната, описали – 1031, смонтировали – 403. За два года музей приобрел 2170 экспонатов. Среди них особый интерес представляли художественные ювелирные предметы XVIII–XIX веков из стран Востока, украинское шитье XVIII века, образцы дорогих французских тканей XVIII века, а также изделия пошивочной мастерской Флоровского монастыря, золотые монеты боспорских царей, собрание буддийских богов, редкие издания украинских типографий.

572 *Рилкова Л. П.* Указ. соч. – С. 82.
573 ЦГИАУК. Ф. 128. Оп. 3. Д. 825. Л. 1.
574 *Рилкова Л. П.* Указ. соч. – С. 268.
575 ЦГИАУК. Ф. 128. Оп. 3. Д. 857. Л. 1.

В лавре разместили библиотеки и архивы Выдубицкого и Никольского монастырей. Губархив хранил здесь также военно-революционные архивы.

Сотрудники музея побывали в творческих командировках в Москве, Ленинграде, Харькове, в ряде областей Украины. В свою очередь, материалы Музея культов и быта изучали исследователи из Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева.

В этот период в музее были изданы «Словарь украинских граверов», «История лаврской интролигаторни», «Указатель отдела культов».

Вот что писал Морозов одному из знакомых: «Киево-Печерская Лавра объявляется “Музейным городком”; здесь мы, кроме обычных отделов музея, устраиваем и показы кельи монаха, устраиваются лекции и диспуты, и народ, несмотря на параллельно ведущиеся антирелигиозные диспуты, – охотно посещает музей и, видя, что памятники культа не презираются, а хранятся в достойном им месте, в ограде монастыря, даже помогают – приносят старые иконы, для хранения – сбережения»[576].

К 1925 году Киевский музей культов и быта стал одним из ведущих музеев республики. Его фонды, распределенные по восьми отделам, составляли свыше 82 тысяч экспонатов.

В отделе металлов были сосредоточены чрезвычайно ценные в научном отношении комплектные собрания гранильного искусства, финифти, ювелирные изделия XVI–XX веков, резьба по слоновой и моржовой кости, материалы по истории книжных металлических окладов.

Наиболее ценными экспонатами в отделе станковой живописи были Порфирьевское, Муравьевское и Сорокинское собрания. Всего в отделе хранилось 1500 экспонатов.

В 1925 году отдел ткани и шитья уже располагал 1200 экспонатами. Все они были в хорошем состоянии и имели описания. Это прекрасное собрание было представлено образцами различной техники вышивки: высоким шитьем, шитьем шелком, гладью, перлами (XVI–XIX вв.), бисером, крестьянским шитьем. Большую ценность представляла коллекция культовой одежды XVI–XIX веков из русских, французских, итальянских тканей.

В коллекциях отдела нумизматики на 1 февраля 1925 года насчитывалось 15 362 монеты, из них 122 золотых. В том же году отдел пополнился 45 000 монет из собраний Киевского университета.

Среди экспонатов отдела культов особый интерес представляли кипрские и египетские древности, материалы по иконографии буддизма, комплект «орудий шамана», а из местных материалов – голова Пасишнического бога.

В отделе истории лавры были представлены остатки внутреннего убранства Успенского собора периода Киевской Руси, предметы быта XVII–XIX веков, изделия сницарской, цинарской, живописной и финифтевой мастерских.

[576] ОР ГТГ. Ф. 31 (Нерадовский П. И.). Д. 1006. Л. 2.

В отделе манускриптов имелась коллекция греческих, еврейских, грузинских, абиссинских, армянских, арабских пергаментных и других рукописей; самые старинные датировались V–VI веками. Здесь же находились коллекции клинописных таблиц и папирусов. Всего в 1925 году в отделе насчитывалось 147 рукописей. Из выдающихся славянских рукописей здесь хранились «Киевские Глаголические листки» (X–XI вв.), украинская четья (XV в.), Горностаевское Евангелие (XVI в.), Никодимийское греческое Евангелие (XIII в.) и другие раритеты – всего 45 пергаментных рукописей X–XVI веков.

В отделе печати находилась коллекция старопечатных славянских и западноевропейских книг, в том числе издания Фиоля (1491 г.), Скорины (1519 г.), венецианские и др., всего 201 единица. В отделе хранились 6000 киевских и почаевских клише XVII–XIX веков, среди них оригиналы выдающихся украинских граверов Г. Левицкого, Л. Тарасевича, А. Козачковского, академика-гравера Л. А. Серякова и зарубежных мастеров XVII–XIX веков. Здесь же находилось собрание антиминсов, преимущественно печатных (начиная с 1621 г.).

В Музее культов и быта функционировали фотографический архив и портретная галерея. В архиве хранились 523 фотоснимка (среди них много уникальных) и 3000 негативов. В портретной галерее экспонировались 336 портретов XVII–XIX веков, написанных масляными красками[577].

В 1925 году началась организация отдела украинской книги и книгопечатания, а также отдела старопечатных изданий и строительной техники. Правда, почти ничего не известно о ремонтно-реставрационных работах в 1924–1925 годы: ни в опубликованных работах, ни в архивных материалах практически нет данных. Есть лишь сведения, что с 10 октября 1924 года по 1 октября 1925 года на содержание Музея культов и быта было израсходовано свыше 120 тысяч рублей.

Между тем крайне негативно продолжало отражаться на состоянии памятников лавры пребывание на ее территории Инвалидного городка. Почти все имущество, находившееся в его ведении, было роздано, продано, украдено, уничтожено. Погибла чудесная лаврская мебель работы местных мастеров: ее вывозили, продавали, дарили, из шкафов-витрин «выдирали стекла». Исчезли или были испорчены драгоценные ковры, на памятниках шитья сидели канцелярские служащие, хрустальные вазы использовались для питья. Из недвижимого имущества на кирпич разобрали четыре гостиничных корпуса и несколько хозяйственных помещений; сгорело чудесное здание, построенное в XVIII веке лаврским крепостным архитектором Стефаном Ковниром, в котором устроили пекарню; в Мазепиной башне расположились кожевенные мастерские. Со старинных стен вокруг пещер была содрана крыша, разрушены аркады Готфрида Шеделя, разбирались ведущие к пещерам галереи, пропало десять огромных

[577] Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника. – Киев, 1992. – С. 112.

образов XVIII века и много исторического имущества из церквей на пещерах. Кто-то пытался обокрасть лаврскую библиотеку и архив. С могил украли все чугунные ограды, редкие образцы литья, бронзовое надгробие генерала П. С. Кайсарова, с колоколен выкрали десять колоколов. «Чего не разрушила бесхозяйственность, систематически разрушают люди – временами с помощью агентов Инвалидного городка», – писал Ф. Эрнст[578].

Как видно, несмотря на то, что твердое основание для сбережения лаврского достояния уже было положено, еще многое предстояло сделать.

К сожалению, братии Киево-Печерской лавры так и не удалось отстоять обитель. В 1924 году обстановка вокруг нее резко осложнилась. Благодаря содействию ОГПУ усилилось стремление обновленцев завладеть лаврой. В октябре за организацию сопротивления обновленцам власти арестовали архимандритов Климента (Жеретиенко) и Макария (Величко). С 24 декабря 1924 года монастырь на территории лавры официально стал считаться закрытым. Продолжавшееся сопротивление обновленцам со стороны насельников обители и поступившие в ОГПУ доносы о сокрытии части монастырских ценностей дали повод произвести в декабре 1924 – январе 1925 года аресты некоторых лаврских насельников, среди которых оказались и отдельные работники Музея культов. В лавре и Китаевской пустыни чекисты провели повальные обыски. Во второй половине декабря архимандрит Климент, дабы уберечь братию от дальнейших репрессий, распорядился сдать в 24-часовой срок сокрытые лаврские ценности. Во время проводимых в 1922 году изъятий часть дорогостоящих предметов по нескольку раз перепрятывалась братией в Китаевской пустыни, в хозяйственных строениях лавры, в «погребце» Предтеченского придела Успенского собора и других местах. Во время сдачи обнаружилось и было изъято по акту более 350 сокрытых лаврских ценностей: 14 панагий, 22 наперсных креста и другие предметы. В феврале 1925 года из ризницы Успенского собора и других лаврских церквей изъяли ценности и передали их в музей. Из ризницы изъяли также 80 различных лаврских планов[579].

Все эти события, безусловно, оставляли тяжелый осадок в душе Морозова, человека близкого монастырской жизни и теперь еще довольно тесно общавшегося с монашествующими. Происходящее вокруг лавры, конфликты с коллегами-украинцами и тревожные предчувствия заставляли все чаще задумываться об отъезде из Киева. То, что ему было здесь не очень «уютно», сомнений не вызывает – он плохо вписывался в местную, зачастую националистически настроенную, среду.

Ярким примером тому может служить отрывок из письма хранителя Первого государственного музея в Киеве Д. Щербаковского к некой Нине. Письмо хотя и не датировано, но относится, судя по всему, к 1923 началу 1924 года.

[578] *Ернст Ф.* До кого має перейти колишня лавра? // Пролетарская правда. – 1926. – № 82. – С. 5.
[579] *Рилкова Л. П.* Указ. соч. – С. 92–93.

«…Первый государственный музей, – писал Щербаковский, – это самый большой музей на Украине, который дает широкую картину культурной истории всех народов, которые населяли Украину, и есть тем самым для Киева, что есть Исторический музей для Москвы, или Русский музей для Петрограда. И вот его должны уничтожить с тем, чтобы повысить Лаврский музей, где крепкую твердыню российского шовинизма устроила черная сотня со Шмитом и Морозовым (племянником патриарха Тихона) во главе»[580]. Как видим, в адрес обоих уже звучали политические обвинения, что неминуемо могло навлечь репрессивные меры со стороны известного ведомства. Не менее любопытно в этом письме и замечание о том, что Морозов «племянник патриарха Тихона». Следует сразу оговориться, что у святейшего Тихона племянников не было. Откуда же могло взяться подобное утверждение? Думается, что это просто-напросто трансформация старой сплетни, порожденной еще в Александро-Невской лавре недоброжелателями Морозова, что он якобы был незаконным сыном митрополита Антония (Вадковского). Однако, кто хоть мало-мальски знаком с биографией почтеннейшего владыки, сразу поймет всю абсурдность этой небылицы. Тем не менее сплетня эта в разных вариациях преследовала Морозова до конца жизни.

Итак, в Киеве оставаться было уже небезопасно. Первым уехал академик Ф. И. Шмит, сначала в Москву, а затем в Ленинград, где получил должность директора Российского института истории искусств. Возможно, через него Морозов начал подыскивать себе место работы в Ленинграде, куда давно хотел вернуться. Впрочем, он контактировал и с другими ленинградскими учеными, в частности с сотрудниками Русского музея, в котором надеялся получить место. Ища в этом деле помощи, Морозов, предположительно в конце 1924 года, написал письмо хранителю художественного отдела Русского музея П. И. Нерадовскому. Знаком он был с ним уже давно, но последний раз общался еще до революции. Кратко рассказав о своей деятельности в Киеве и об устройстве музея в Киево-Печерской лавре, Морозов писал: «Подобный музей хорошо бы устроить и в Петрограде, городе, стоящем на границе, чрезвычайно интересной, в смысле разнородности племен. Если бы при Вашем музее имелось место, то это было бы чрезвычайно любопытно устроить именно у Вас возле Этнографической коллекции»[581]. В случае же отсутствия места в Русском музее, Морозов обращал внимание на наличие совершенно пока свободного помещения бывших митрополичьих покоев Александро-Невской лавры, «там, где во весь период XVIII ст. и XIX ст. так живо кипела жизнь полная интересом церковности, там исторически проложили тропу цари соседних государств, неся поклон главе православия – первосвятителю России – в лице Петроградского митрополита, там хранится любопытный архив»[582].

[580] Документ этот любезно предоставлен главным хранителем Национального Киево-Печерского историко-культурного заповедника Григорием Васильевичем Полюшко.
[581] ОР ГТГ. Ф. 31 (Нерадовский П. И.). Д. 1006. Л. 1 об.
[582] Там же.

Как видим, у Морозова зрела идея развернуть религиозный музей в Александро-Невской лавре с последующим, возможно, преобразованием всего лаврского комплекса в Музейный городок. В этом он видел верный способ оградить лавру от разного рода разрушительных влияний, а вместе с тем сосредоточить в ней, как и в Киеве, памятники церковной старины Ленинграда. К сожалению, Древлехранилище в лавре к тому времени было уже ликвидировано. После отъезда Морозова из Петрограда в мае 1922 года положение лаврского музея стало все более ухудшаться. Общество «Старый Петербург» не могло долее гарантировать его сохранность в разоренной обители. Тогда 30 июня 1922 года Петроградское управление научных организаций приняло решение о ликвидации лаврского музея и передаче его экспонатов в государственные музейные хранилища. Для этого была образована специальная комиссия. Основная часть предметов Древлехранилища в июле и августе поступила в Русский музей[583]. Остальное имущество частью оставили в лавре, частью распределили между провинциальными музеями. К прискорбию, оставленные в обители предметы, оказались, по сути, брошенными на произвол судьбы, так как никому на хранение сданы не были. Иннокентий (Тихонов), в то время уже епископ Ладожский, находился под арестом по делу об Александро-Невском братстве. Среди остававшихся в лавре экспонатов оказались, например, старинные портреты церковных деятелей, не представлявшие, возможно, интереса в художественном отношении, но бесспорно имевшие историческое значение.

Между тем Общество «Старый Петербург» воспринимало перевозку имущества Древлехранилища в Русский музей как временную, охранительную меру, рассчитывая в дальнейшем восстановить лаврский музей. Уже осенью того же года оно начало предпринимать к этому определенные шаги. 26 октября его члены – архитектор И. Б. Михайловский, С. Н. Жарновский, В. Л. Денисов, С. Н. Наседкин и архитектор В. В. Данилов – осмотрели помещения лавры в поисках подходящего места для музея. Выяснилось, что прежнее помещение Древлехранилища в юго-западной башне монастыря имеет неудобное расположение как в смысле охраны, так и в пожарном отношении. Кроме того, помещению требовался серьезный ремонт. Там было слишком сыро, поэтому необходимо было заложить ниши и провести сложную систему отопления, чтобы обогреть все семь наружных стен. Единственно удобным представлялось отдельно стоящее трехэтажное здание, в верхнем этаже которого размещалась ризница, а в нижнем – архив и библиотека. Средний этаж пустовал. По мнению специалистов, его помещение идеально подходило для музея: полностью изолированное, сухое (с центральным отоплением), светлое и просторное. Кроме того, там имелась отдельная комната для сторожа музея[584]. В начале ноября Общество «Старый Петербург» обратилось к наместнику Александро-Невской лавры архимандриту

[583] АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 252. Л. 123, 125.
[584] РГИА. Ф. 815. Оп. 14. Д. 116. Л. 2.

Николаю с просьбой предоставить пустующий этаж для размещения экспозиции. Наместника также попросили закрыть на замок старое помещение музея, где хранились витрины, поскольку печать там была сорвана, а замки взломаны. Архимандрит Николай сделал соответствующие распоряжения[585]. И хотя Общество разработало целую программу возобновления и организации лаврского музея, дело дальше этого не пошло. Большинство экспонатов Древлехранилища по-прежнему оставалось в Русском музее, в том числе и антиминс XII века, некогда разысканный Морозовым[586].

Не исключено, что среди специалистов имелись серьезные разногласия относительно того, где лучше хранить предметы, вывезенные из Древлехранилища, и стоит ли вообще восстанавливать лаврский музей.

Морозову сложно было следить из Киева за судьбой Древлехранилища, а тем более влиять на его будущность. Конечно, будь он в те годы в Петрограде, ему с его энергией, возможно, и удалось бы сохранить, а затем преобразовать и расширить лаврский музей. Но… В сложившейся ситуации приходилось надеяться лишь на понимание других. «И вот теперь, – писал Морозов Нерадовскому, – в период переживания новых исторических моментов небесполезно было бы сберечь обстановку и следы религиозной культуры народа, долженствующего еще сыграть великую роль. Где, как ни в религиозных проявлениях сказывалась душа северянина, и которая подчас проявлялась в произведениях искусства. Ради всего культурного нужно спасти памятники культов; смотреть на них с точки зрения только искусства недостаточно – ведь они создавались не специально для искусства, а как произведения религиозной мысли, веры. Богу несли все лучшее и как они его представляли в своей мысли, так и творили, будь-то жители далекого севера или юга»[587].

Морозов признавался Нерадовскому, что, несмотря на «большое дело» в Киеве, он «как северянин» хочет поработать и быть полезным у себя на родине – в Ленинграде. Однако замечал, что одного лишь его желания недостаточно, «нужно желание других и нужна работа». А «желание других» отчасти зависело от одного лежащего «пятном» на его биографии обстоятельства: Морозов состоял на учете в ОГПУ как «бывший белый чиновник военного времени». Факт службы при госпитале в Добровольческой армии висел на нем, по его собственному выражению, «как ярмо», являясь определенным препятствием для переезда в Ленинград. В связи с этим Морозов пояснял Нерадовскому, что никогда политикой не занимался и военным, в полном смысле слова, никогда не был, а, будучи в Красном Кресте, «больше занимался охраной и регистрацией памятников старины в Турции (Малой Азии) и вообще археологией». Это, в

[585] РГИА. Ф. 815. Оп. 14. Д. 116. Л. 1.

[586] По-своему сложилась судьба библиотеки Древлехранилища. Сначала она была передана Обществом «Старый Петербург» в организованный им «Музей отживающего культа», но после его ликвидации в 1927 году перешла в Книжный фонд, а затем в Публичную библиотеку.

[587] ОР ГТГ. Ф. 31 (Нерадовский П. И.). Д. 1006. Л. 1 об.–2.

случае надобности, могли подтвердить в Ленинграде академики Ф. И. Шмит, Ф. И. Успенский, С. Ф. Ольденбург, А. Е. Крымский и др. «Если представится возможность дать мне работу по охране памятников церковной старины в качестве хранителя или кого другого в музее, я буду бесконечно благодарен», – заключал свою просьбу Морозов[588].

Чтобы заручиться расположением Нерадовского, он вместе с письмом прислал в подарок два редких издания из типографии Киево-Печерской лавры. Первое – книга «Русский царствующий дом Романовых в отношениях его к Киево-Печерской лавре. 1613–1913 гг.», изданная, но не поступившая в широкую продажу. Хотя по содержанию, как пояснял Морозов, книга подлежала «большой критике», ее иллюстрации представляли исторический интерес, так как после изъятия ценностей многого не стало. Другая книга – «Историческая записка Киевской Духовной Академии» – также представляла библиографическую редкость, так как готовилась к печати, но не была доведена до конца. В книге имелась «масса интересных портретов», наличие которых, по мнению Морозова, могло «принести некоторую пользу музейным работникам»[589].

Писал Морозов и непосредственно директору Русского музея Н. П. Сычеву, с которым знаком был еще с университетской поры. У него он также искал помощи в трудоустройстве – если не в музей, то хотя бы по охране памятников искусства и старины. Со своей стороны Морозов старался быть всячески полезным Сычеву: информировал его о реставрационных работах в Софийском соборе[590], присылал описания реставрируемых икон и фотографии[591].

В конец концов, Морозову удалось через знакомых найти место в Ленинграде, и уже весной 1925 года он начал готовиться к отъезду из Киева. 2 апреля Морозов писал Н. П. Сычеву: «Сейчас я занят реставрацией северно-русских икон собраний Киевских коллекций, с указанием сюжетов, что может выявить влияние тех или иных сюжетов на местное искусство и др. <…> Перед отъездом моим в Петербург я совершу поездку по губернии»[592]. Поездка планировалась, видимо, с целью фотосъемки редких памятников искусства и старины.

---

588 ОР ГТГ. Ф. 31 (Нерадовский П. И.). Д. 1006. Л. 2 об.

589 Там же. Л. 1.

590 В середине 1920-х гг. Н. П. Сычев входил в состав возобновленной Софийской комиссии.

591 Например, в письме от 2 апреля 1925 г. Ф. М. Морозов писал: «Многоуважаемый Николай Петрович. Считаю долгом послать Вам фотографический снимок с реставрированной иконы Св. Николая (Мокрого), что находится на хорах левого придела Софийского собора. Реставрировал Н. И. Касперович. Икона была сильно расписана, как полагают в начале XVIII ст., лик мало подвергся росписи. Настоящие цвета иконы: лазуревая фелонь, белый омофор с черными крестами, подрясник полосчатый – цвета: черный, киноварь, охра; глава каштанов., губы – киноварь; поручи украшены камнями и жемчугом; фон золото., нимб прочеканенный по левкасу, надпись смешанная – греко-славянская. Икона чрезвычайно эффектна при своем сочетании красок; в технике письма чувствуется большой мастер; как говорит Касперович “при процессе письма умевший комбинировать и краски и линии”. Теперь вопрос – откуда эта икона; кто ее мастер. По письму напоминает Новгород, да и некоторые исторические обстоятельства делают намек на Новгородское происхождение сей иконы. Собранные материалы я постараюсь Вам сообщить, а при свидании и лично рассказать» (РА ИИМК РАН. Ф. 51. Д. 195).

592 РА ИИМК РАН. Ф. 51. Д. 195.

В конце весны или начале лета 1925 года Ф. М. Морозов оставил заведование музеем Киево-Печерской лавры и уехал в Ленинград. Опасения его оказались небезосновательными. Год этот ознаменовался на Украине началом гонений на местных руководителей музеев. Вначале отдали под суд директора Екатеринославского краеведческого музея Д. И. Яворницкого, предъявив чудовищные обвинения, затем директора Полтавского музея М. Я. Рудинского и директора Киевского музея искусств Н. Е. Макаренко. Был смещен директор Киевского художественно-промышленного и научного музея Н. Ф. Беляшевский. Мотив, очевидно, был идеологический, на места отстраненных директоров власти ставили «политически грамотных» лиц – коммунистов.

Морозов покинул Киев, оставив после себя замечательное учреждение. Основанный его трудами в стенах Киево-Печерской лавры музей, несмотря на встречавшиеся трудности, продолжал развиваться, популярность его росла, увеличивался поток посетителей. Принимая во внимание огромное историко-культурное значение лавры, Всеукраинский ЦИК и Совнарком УССР приняли 29 сентября 1926 года постановление «О признании бывшей Киево-Печерской лавры историко-культурным государственным заповедником и о превращении ее во Всеукраинский музейный городок». Территория бывшей лавры в пределах древних и новых ее стен объявлялась историко-культурным государственным заповедником и передавалась в ведение Народного комиссариата просвещения для устройства в нем Всеукраинского музейного городка[593].

Благодаря этому, Киево-Печерская обитель в сложнейший период своего существования оказалась спасена, возможно, от полного разрушения, как это случилось, например, с Михайловским, Братским, Пустынно-Никольским монастырями. Правительственное постановление, установившее режим охраны «заповедник», положило предел разграблению и уничтожению лаврских святынь. Оно же определило приоритет Музейного городка среди прочих многочисленных учреждений и заведений, действовавших на этой территории. И как показало время, после неоднократных волн изъятий и уничтожения памятников истории и культуры, в том числе сакрального происхождения, спасенными оказались именно те, «которые находились на музейном учете и хранении»[594].

И еще, если бы в 1923 году начала реализовываться идея Ф. Л. Эрнста по организации Музея культов вне стен Киево-Печерской лавры, судьба древней обители сложилась бы не самым лучшим образом. Тем более что тенденция к ее разрушению эксплуатирующими лаврские площади организациями наметилась уже вполне определенно. И именно наличие в лавре музея, устроенного и сохраненного Морозовым, позволило бороться за саму обитель.

По сей день в многочисленных исследованиях, посвященных истории сбережения культурного достояния Украины в 1920-е годы или Киево-Печерскому заповеднику, неизменно вспоминается имя Ф. М. Морозова.

[593] Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника. – Киев, 1992. – С. 113.
[594] *Кролевец Сергей*. Хранители // Зеркало недели. – 2006. – № 42.

Музейный фонд

1 августа 1925 года Ф. М. Морозов стал научным сотрудником Музейного фонда Ленинградского отделения Главнауки Наркомпроса РСФСР. Сначала он занимал должность помощника хранителя, а затем – хранителя церковного отделения, получив квалификацию научного сотрудника I разряда[595]. Музейным фондом руководил Григорий Степанович Ятманов (1878–1949), человек, сыгравший важную роль в организации системы охраны культурных ценностей в послереволюционные годы. Происходил он из «саратовских лодочников». Окончив местное Боголюбовское художественное училище, продолжил образование в Петербурге, в школе при Обществе поощрения художников. Писал портреты, пейзажи «для себя» и занимался поновлением, то есть восстановлением потемневшей от копоти росписи в столичных церквях и соборах. После Февральской революции Ятманова избрали в Петроградский совет рабочих депутатов, поручив работу в военно-агитационном отделе, а в дни корниловского мятежа назначили комиссаром 3-го стрелкового полка[596]. Сразу же после октябрьского захвата власти большевиками, он вместе с Б. Д. Мандельбаумом явился в Смольный и предложил свои услуги по охране художественных ценностей города. Петроградский военно-революционный комитет принял их с радостью, назначив комиссарами по защите музеев и художественных коллекций. Немедленно новые комиссары обеспечили охрану Русского музея, а на следующий день, уже вместе с художником А. Н. Бенуа, взяли под контроль Зимний дворец, добились вывода из него солдат и матросов, помогли Петроградской художественно-исторической комиссии возобновить нормальную работу. А. Н. Бенуа вспоминал первую встречу с Ятмановым: «…[у него] вид был самый простецкий, и он мог бы без грима играть в какой-либо исторической пьесе или фильме роль клеврета Пугачева, а то и самого Емельяна. Как мы узнали потом, он был художником-богомазом – помощником Ральяна при росписи церквей. Но этой своей профессией, для революционера крайне неподходящей, он отнюдь не гордился, а скорее даже скрывал ее»[597]. По свидетельству А. Н. Бенуа, Ятманов был человеком честным и преданным делу. А вот что писал о нем директор Эрмитажа граф Д. И. Толстой: «…человек он от природы был очень неглупый, с характером, но малоразвитой и некультурный, но не лишенный апломба. Говорил он, как человек неинтеллигентный, употреблял, например, часто слово “лаболатория” к вящему удовольствию людей более его грамотных. Лицо у него было бритое, а волосы так стрижены, что казались париком. Одевался он в дешевенький, штатский костюм с ярким галстухом»[598]. «Это был честный,

[595] АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 5.

[596] *Жуков Ю. Н.* Сталин: операция «Эрмитаж». – М.: ВАГРИУС, 2005. – С. 160–161.

[597] *Бенуа А. Н.* Мой Дневник: 1916–1917–1918. – М.: Русский путь, 2003. – С. 200–201.

[598] Революционное время в Русском музее и в Эрмитаже: (Воспоминания графа Д. И. Толстого) / Вступ. ст. С. Г. Блинова, Д. И. Толстого; Публ. и примеч. С. Г. Блинова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. – С. 354–355.

прямой, весьма доброжелательный к музею человек, не злой, но упрямый и грубый...» – вспоминал о Ятманове В. П. Семенов-Тян-Шанский[599].

Совместно с Б. Д. Мандельбаумом Ятманов разработал план спасения художественных сокровищ Петрограда, после чего началась кропотливая работа по их собиранию и сбережению.

Таким образом, в Музейном фонде Ф. М. Морозов оказался под началом человека, искренне преданного делу охраны памятников искусства и старины. А Ятманов, в свою очередь, обрел ценного специалиста и близкого по духу соратника.

Вместе с тем Морозов вскоре стал старшим научным сотрудником Центрального архива и старшим научным сотрудником при Управлении уполномоченного Главнауки города Ленинграда[600].

Оказавшись в Ленинграде, Морозов сразу же возобновил контакты с бывшим Русским археологическим обществом, преобразованным в Российскую, а с 1926 года – Государственную Академию истории материальной культуры. Возглавлял ее в это время академик Н. Я. Марр, секретарем по-прежнему оставался Б. В. Фармаковский.

Известно, например, что Морозов неоднократно передавал в Фотографический отдел Академии негативы из собственных фотоколлекций[601].

В 1925 году Морозов, по поручению Музейного фонда, выезжал в Кингисеппский, Вытегорский, Лодейнопольский уезды Ленинградской губернии для принятия мер по охране и учету памятников старины. Там он регистрировал памятники, описывал их и фотографировал. Наиболее ценные предметы Морозов собирал и вывозил в Ленинград. Это была необходимая мера, так как на местах охрана памятников осуществлялась крайне плохо, а попытки организовать краеведческие музеи зачастую наталкивались на непреодолимые преграды. Так, например, в это время безуспешно пытался организовать местный музей исполком Кингисеппского уезда, идя навстречу стихийно развивающемуся движению «по организации на местах ячеек и музеев по изучению местного края». Однако уездное руководство сразу же натолкнулось на неразрешимую проблему – отсутствие в городе здания, хотя бы минимально удовлетворявшего потребности музея. Многие здания сильно пострадали во время штурма и оккупации Кингисеппа войсками белого генерала Н. Н. Юденича. Впрочем, в городе имелось помещение, совершенно неиспользуемое, но требующее значительного ремонта, – бывший манеж 146-го Царицынского полка, располагавшийся напротив сквера с могилами жертв революции. В конце декабря 1925 года заведующий уездным отделением Народного образования Недремский обратился в

[599] *Семенов-Тян-Шанский В. П.* Фрагменты воспоминаний / Публ. Ф. Благовещенского // Звенья: ист. альм. – М.; СПб., 1992. – Вып. 2. – С. 414.
[600] АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 1 об.
[601] РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1925 г. Д. 6. Л. 71; Ф. 2. 1926 г. Д. 7. Л. 9; Ф. 2. 1929 г. Д. 6. Л. 40 об.

Ленинградское отделение Главнауки, чтобы там посодействовали получению от Военного ведомства здания манежа и по возможности помогли материально делу организации музея. Откликаясь на просьбу, руководство Главнауки обратилось к командующему Ленинградским военным округом, который, в свою очередь, через начальника снабжения обратился к полномочному представителю ОГПУ в Ленинграде С. А. Мессингу. ОГПУ в передаче здания отказало[602], после чего начинание по организации музея заглохло на несколько десятилетий.

Заонежская экспедиция

Летом 1926 года Ф. М. Морозов принял участие в интереснейшей экспедиции по Заонежью, организованной Государственным институтом истории искусств. Задумана она была Секцией изучения народного искусства, возглавляемой крупным исследователем древнерусской архитектуры К. К. Романовым[603]. Своей задачей секция ставила изучение как традиционного, так и вновь нарождающегося народного художественного слова, музыки, театра, промыслов, зодчества. Это, естественно, требовало сбора свежего материала на местах. Наиболее привлекательным районом для исследования представлялся Русский Север, где сочетание традиции и новых форм народной жизни проявлялось особенно рельефно. Секция запланировала ряд экспедиций в Карелию и Архангельский край, первой из которых стала поездка на Заонежский полуостров, расположенный в северной части Онежского озера. Это было одно из любопытнейших мест Карелии, сохранявшее еще очень яркие самобытные черты местной культуры и, в то же время, испытывающее на себе влияние такого мощного культурного центра как Ленинград (Петербург).

Впервые исследователи планировали комплексно изучить основные виды словесного, изобразительного и музыкального творчества крестьян в связи с укладом их жизни на единой в историко-географическом и этническом отношениях территории. Поэтому в состав экспедиции вошли специалисты института всех четырех отделов искусств[604].

Незадолго до отъезда в район исследования К. К. Романов обратился к заведующему Ленинградским отделением Главнауки В. Б. Томашевскому с просьбой прикомандировать к экспедиции Ф. М. Морозова, которого давно знал еще по Русскому археологическому обществу и которого настоятельно

[602] ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1263. Л. 296–300.

[603] РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1926 г. Д. 260. Л. 1.

[604] Фольклористы – А. М. Астахова, Н. П. Колпакова, И. В. Карнаухова; специалисты по народному театру – В. Н. Всеволодский-Гернгросс, С. С. Писарев; по народной музыке – А. В. Фингарин, В. В. Эвальд, Е. В. Гиппиус; по изобразительному искусству – Ю. Н. Дмитриев, Л. М. Шуляк, К. А. Большева, Р. Р. Суслович; по тканям и вышивкам – Е. Э. Кнатц; по этнографии – Д. К. Зеленин, К. А. Сытова. Архитектуру изучал сам К. К. Романов.

рекомендовал директор института Ф. И. Шмит. Дав согласие, Томашевский посоветовал, однако, направить по этому поводу официальную бумагу на свое имя и на имя заведующего Музейным фондом Г. С. Ятманова. 7 июня такое обращение было написано, причем указывалось, что «все расходы, связанные с поездкой Ф. М. Морозова, будут приняты на счет экспедиции»[605], даже не смотря на то, что средства ее были весьма ограничены (на все снаряжение и выполнение работ было выделено менее 2000 рублей)[606]. Предполагалось, что Морозов примет участие в экспедиции как фотограф, однако Ятманов, отпуская своего сотрудника, поручил ему также сбор сведений о состоянии памятников искусства и старины в районе экспедиционных работ[607].

У Морозова оказалось всего пару дней на сборы. Но он, давно привыкший к походной жизни, легкий на подъем, мало переживал за себя. Главное было подготовить все необходимое для фотосъемки, а снимать предстояло много.

Ранним утром 11 июня участники экспедиции собрались на пристани Калашниковской набережной, откуда должны были начать путешествие на пароходе «Урицкий». Почти для всех это была первая экспедиционная поездка, поэтому воспринималась весьма волнительно, особенно молодежью. Никто, кроме ее руководителя профессора К. К. Романова и Ф. М. Морозова, не имел опыта экспедиционных работ.

В пятнадцать минут десятого пароход медленно отчалил от пристани. Через несколько часов он миновал Шлиссельбургскую крепость, и вскоре вышел из Невы на широкий, казавшийся бескрайним, простор Ладожского озера. Здесь было неспокойно – сильный ветер вздымал большие волны, пароход качало. Однако вечером «Урицкий» уже мирно скользил по тихим водам реки Свирь. «Ладожский воздух резко переменился: пахло зеленью, чуть-чуть – сыростью, болотной водой, соснами, березами, очень вкусными влажными запахами земли. За кормой матовым розовым золотом протянулась полоса заката. Под ней – темно-зеленая полоса леса. Все это опрокинулось в тихой речной глади, а по обе стороны парохода, у берегов, скользил и струился легкий туман», – записывала свои впечатления участница экспедиции Наталья Колпакова[608].

За ночь пароход не спеша преодолел большую часть Свири. Пейзаж вокруг уже заметно изменился. В низовьях, у Ладожского озера, берега реки были низкие, болотистые, почти безлюдные. Но дальше, вверх по течению, становились круче, живописнее и все чаще встречались небольшие деревеньки, заметно отличавшиеся от деревень под Ленинградом. Здесь был другой тип архитектуры: избы, как правило, все двухэтажные, причем первый этаж почти всегда без окон, так как зимой его заносило снегом и там не жили, а только держали

[605] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1263. Л. 149.
[606] *Романов К. К.* Предисловие / Искусство Севера. Заонежье. – Л., 1927. – С. 6.
[607] РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1926 г. Д. 221. Л. 1.
[608] *Колпакова Н. П.* У золотых рудников (записки фольклориста). – СПб.: Русское знамя, 2002. – С. 12–13.

скот. Около Пидьмы встретилась первая шатровая церковь. В Подпорожье внимание всех привлек любопытный фасад дома, расписанный фигурами вроде фантастических сирен.

В большом селе Вознесенье, расположенном у впадения Свири в Онежское озеро, пароход сделал пятичасовую остановку. Участники экспедиции поспешили воспользоваться свободным временем и обошли сначала один берег, а затем, переправившись на лодке, – другой. Там осмотрели церковь и бывший монастырь, вплоть до его архива и колокольни. Ф. М. Морозов сделал фотоснимки. На кладбище обнаружили интересный деревянный крест, датированный 1749 годом.

Путешествие продолжалось. Всю ночь «Урицкий» шел по Онежскому озеру, и к утру 13 июня прибыл в Петрозаводск – главный город бывшей Олонецкой губернии. Здесь участники экспедиции должны были пробыть до вечера, чтобы затем на пароходе «Бебель» отправиться к Заонежскому полуострову.

Так как в распоряжении был практически весь день, ленинградцы решили осмотреть город, раскинувшийся на множестве гор и пригорков. Со всех высоких мест хорошо просматривалось озеро, к которому скатывались улицы, проулки и тропинки. Город в основном был застроен небольшими деревянными особнячками с садами и сараями, особенно уютно смотревшимися над водой. В центре города имелись старинные каменные с колоннами здания, присутственные места и бывший губернаторский дом, в котором расположился Карельский областной музей. Его заведующий – Виктор Иванович Крылов, радушный человек, любезно познакомил гостей с экспозицией, увлеченно объясняя и рассказывая.

Особенно внимательно с устройством музея знакомился Ф. М. Морозов как специалист в этом деле и как представитель Музейного фонда. Впрочем, увиденное произвело на него довольно грустное впечатление. Музей был устроен крайне примитивно и походил скорее на комнату гоголевского Плюшкина. В здании бывшего губернаторского дома он занимал семь небольших комнат с низкими потолками, недостаточно освещенных и частью примыкавших к жилым помещениям. По содержанию музей имел, главным образом, краеведческий характер: в нем были собраны бытовые и художественные произведения края, образцы минералов и промышленности. Одну комнату занимал отдел археологии, изобиловавший грубо сделанными копиями, еще одну – отдел фауны, представлявший довольно неплохое собрание, остальные комнаты занимали предметы кустарного производства. Памятникам археологии, отражающим старинный быт края, было отведено наименьшее место, а кроме того, они просто терялись, «перемешанные с кустарными предметами краеведения». Так, например, в отделе церковных древностей наряду со станковой живописью помещались архитектурные модели, рукописи, гробницы, изъятые из монастырей, а также бюсты, собранные из различных учреждений и с площадей. Смешение экспонатов являлось следствием большого их скопления и недостатка помещений,

что в свою очередь лишало возможности придерживаться методологического плана при создании экспозиции[609]. В общем, все выглядело неумело, пестро и даже неряшливо…

Во дворе музея валялись два памятника: Петру I и Александру II работы академика И. Н. Шредера (1879 и 1885 гг.). Воспользовавшись случаем, В. И. Крылов попросил К. К. Романова дать свое заключение о музейной ценности этих памятников. По мнению профессора, фигура Петра «по историко-художественным соображениям, как прекрасная работа мастера», заслуживала сохранения. О фигуре же Александра II Романов отозвался, что она «исполнена менее художественно и представляет собою повторение фигуры (позы) Петра I», и посоветовал отдать ее на переплавку[610]. Впоследствии так и поступили – в декабре того же года памятник Александру II сдали в металлолом.

Морозов, в свою очередь, поделился с В. И. Крыловым собственными впечатлениями о состоянии музея, высказал пожелания, дал советы и, видимо, предложил свои услуги по подбору экспонатов. Впереди ведь предстояла многообещающая экспедиционная поездка. Помощь специалиста из Ленинграда, к тому же представителя Музейного фонда, не могла не обрадовать. Крылов поспешил представить Морозова руководству Карельского Наркомпроса, которое официально обратилось к нему с просьбой произвести «учет и собирание памятников народного творчества и старины» для местного краеведческого музея[611].

В восемь часов вечера ленинградская экспедиция покинула Петрозаводск и на кособоком «Бебеле» направилась в селение Великая Губа – первую базу, где должна была начаться полевая работа. По пути остановились в Кижах. Здесь, прежде всего, взгляд очаровывал изумительный архитектурный ансамбль деревянных церквей, необыкновенный по красоте и гармонии с окружающим пейзажем. Выйдя на пустынный берег, члены экспедиции осмотрели эти удивительные памятники северного зодчества. Морозов фотографировал, кто-то делал зарисовки. Впрочем, в Кижах пришлось пробыть недолго – через полчаса «Бебель» пошел дальше. «Вечер был розовым, ясным, – писала в своем дневнике Н. Колпакова. – Мимо парохода бежали живописные островки, поросшие нежной зеленью, широкие береговые луга; вдали вставали ветряные мельницы. Все мы, столпившись на палубе, с жадностью оглядывались и впитывали в себя всю эту прелесть незнакомого северного края. Удивительно хорош серебристо-серый оттенок здешних изб. На закате серенькие деревушки отсвечивают, словно шелковистыми отблесками. Мягкое сочетание бледно-розовых, светло-зеленых и серых тонов делало панораму легкой и прозрачной. Вдали тихо вертелись две мельницы, хотя ветра не чувствовалось. Тишина на воде была поразительная»[612].

[609] РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1926 г. Д. 221. Л. 2.
[610] *К[рыло]в В. И.* Изучение крестьянского искусства // Красная Карелия. – 1926. – № 133. – С. 4.
[611] АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 4 об.
[612] *Колпакова Н. П.* Указ. соч. – С. 18.

К десяти часам вечера, уже на закате, пришли в Великую Губу. Шумная, оживленная компания исследователей из 17 человек с рюкзаками и котомками на плечах дружно зашагала с пристани к зданию школы, сопровождаемая множеством ребятишек и дружелюбных собак. Местный учитель и его семья встретили ленинградцев, словно старых друзей, предоставив им для жилья три пустых класса в верхнем этаже школы, неограниченное количество соломы для постелей и два кипящих самовара. Такой теплый прием еще больше усиливал общее приподнятое настроение.

На ночлег разделились на дамскую и мужскую комнаты. Н. П. Колпакова записала в тот вечер: «В мужской комнате все спят на полу и только один предприимчивый Ф. М. Морозов, фотограф, разыскал где-то в сарае кусок ивового плетня, положил его на две табуретки и беспечно качается на нем, как в гамаке; а соседи с хохотом ждут, когда он провалится. В том, что он провалится, все уверены, потому что подобное сооружение долго просуществовать, очевидно, не может»[613].

На следующее утро члены экспедиции разошлись по деревням, входившим в состав Великой Губы, разузнав предварительно у школьного учителя все, что там могло быть для них интересно. Морозов как фотограф должен был все время сопровождать руководителя экспедиции К. К. Романова, занимавшегося, главным образом, изучением архитектуры. Он запечатлевал на фотоаппарат все, на что указывал профессор. Фотографировать приходилось много. Съемка началась еще на пароходе. Почти на каждой пристани, едва спускали сходни, по ним, а затем по берегу Морозов «лихо мчался» с аппаратом. За ним бежали местные мальчишки и собаки с пристани. Отсняв интересный дом или церковь, указанные ему еще с палубы начальником экспедиции, он «мчался так же прытко обратно и едва успевал взлететь на палубу, как пароход немедленно отчаливал»[614]. То же самое, только уже в замедленном темпе, происходило и в Великой Губе. Морозов повсюду сопровождал Романова.

Быт участников экспедиции был организован хорошо: утром, вечером и два раза днем хозяева ставили одновременно два огромных самовара, и раз в день дежурный по хозяйству варил в котелке кушанье на общий обед. Кроме того, в местной лавочке покупали хлеб, сахар, бублики (правда, очень твердые) и леденцы (с большим трудом растворявшиеся во рту). Настроение у всех было приподнятое и боевое.

18 июня к составу экспедиции присоединилось еще трое сотрудников Государственного института истории искусств, приехавших из Ленинграда. Таким образом, исследовательская группа теперь составляла 20 человек. В тот же день экспедиция в полном составе выступила к новому месту исследований в направлении погоста Яндомозера. Идти пришлось не очень далеко, всего пять-шесть

[613] *Колпакова Н. П.* Указ. соч. – С. 19.
[614] Там же. – С. 26.

километров. Весело шагали через каменистые кряжи и болотца. Добравшись до озера, погрузились в карбас, на котором, проплыв около трех километров, прибыли в седьмом часу вечера в погост одноименного названия с озером. Снова расположились в пустой школе и сразу же начали обследовать окрестности[615]. Здесь Морозов с Романовым осматривали и фотографировали замечательную древнюю церковь во имя святой великомученицы Варвары (XVII–XVIII вв.). Это был большой шатровый храм «восьмерик на четверике с трапезной» и шатровой колокольней. Трапезную с колокольней соединял открытый переход, объединенный с крыльцом-галереей.

В воскресенье 20 июня в Яндомозере «праздновали» Троицу. С самого утра по широкой сельской улице оживленно двигалась пестрая нарядная толпа местных жителей и приехавших на ярмарку гостей. После церковной службы ударили в колокола, двинулся небольшой крестный ход. Однако толпа к нему не примкнула. Новые атеистические веяния уже прочно входили в народный быт. Посреди гулянья на бревнышке восседал подвыпивший старик, «похожий всем обличьем на монаха расстригу», и под хохот толпы весело распевал вульгарные песенки про монахов:

Братия, братия,
Рассердились мы на отца нашего игумена,
Не пойдем мы ни к вечерне, ни к утрени,
А скажем, чтобы открыл он нам погреба глубокие
И вынес бочки толстобокие…
А мы, лю́бая братия бедная,
Возьмем черпала медная,
Выпьем по одной
И помо-о-лимся!..

Погост был оживлен весь день. Но того, что было бы естественно встретить на народном празднике прежде – песен, игр – не было и в помине. А вечером в школе показывали антирелигиозный спектакль.

Старые традиции ушли почти безвозвратно, и великий церковный праздник терял прежнее религиозное значение. Лишь старики, переплывавшие озеро на закате, поставили на носу лодки вместо паруса молодую березку, да придорожные кресты кое-где были украшены березовыми веточками.

Во время праздничного гульбища ленинградцы рассеялись по разным концам деревни, чтобы увидеть побольше. Морозов как всегда фотографировал.

24 июня экспедиция выдвинулась в район новой базы на Космозеро, где раскинулся одноименный погост. Это было удивительно красивое место – озеро узкое, длинное, очень синее, берега мохнатые, лесные. Вокруг поднимались каменистые кряжи и хвойный лес, у воды повсюду возвышались замшелые

[615] *Колпакова Н. П.* Указ. соч. – С. 27.

валуны. Часть деревенских построек – бани – стояла в маленьком заливчике на сваях, и жители разъезжали между ними на лодках, словно в гондолах.

Разместились ученые в большом чистом двухэтажном крестьянском доме у самого озера. Мужчины расположились на втором этаже, здесь же находилась и общая столовая. Быт был такой же, как и на прежних базах: мыться ходили к озеру, в лавке покупали те же бублики и паточные леденцы, воду кипятили в таких же огромных самоварах и были те же примитивные веселые обеды с самой фантастической сервировкой[616].

Работы в Космозере для исследователей оказалось очень много. Морозов с Романовым занимались обследованием, обмером и фотографированием двух замечательных шатровых церквей.

После работы ленинградцы наслаждались тихими чудесными вечерами. Иногда катались на лодках по озеру. Когда погода хмурилась, проводили вечера дома за общим рабочим столом. Романов переписывал клировые ведомости и другие архивные материалы, добытые у местного дьячка.

Утром 1 июля экспедиция закончила работу в Космозере и к вечеру переправилась в Великую Ниву. Добираться пришлось проселочной дорогой, на которой ученых едва не заели какие-то «гажьи клевальники» – не то оводы, не то шмели. По мере продвижения менялся пейзаж: сначала встречались невысокие каменные кряжи, затем они уступили место более крутым «сельгам», увенчанным вдали темной зеленью хвойного леса. Все чаще по обеим сторонам пути попадались громадные мшистые валуны. Иногда под ногами, на протяжении десятков метров, шла гладкая гранитная плита, отполированная ветром, дождем, колесами деревенских телег и подошвами прохожих.

Шагая с горы на гору по ложбинкам и болотам, ученые часа через три вступили в Великую Ниву. Уже самый вид ее говорил о том, что она находилась далеко от большой воды. Это была крупная красивая деревня с широкой, осененной кое-где деревьями улицей, посреди которой красовался под навесом колодец с громадным колесом. Около домов не было ни лодок, ни весел, ни снастей, как в озерных селениях. Вокруг колыхались хлеба, широко сбегавшие с многочисленных холмов. Вдали виднелась темно-зеленая горная цепь Сельги. Вообще в этих краях было очень мало пригодной для посева земли. Чем ближе к северу, тем чаще встречались каменистые утесы и каменные гряды. Хорошая земля имелась только у Великой Нивы – за что селение и получило свое название.

Жители здесь на первый взгляд показались куда более замкнутыми, чем приветливые и общительные великогубцы, яндомозерцы и космозерцы. Приезжих осматривали с любопытством, но не здоровались и не заговаривали. На вопросы отвечали не сразу, сдержанно. Только ребятишки беззастенчиво рассматривали незнакомцев и бегали за ними следом. Разместились члены экспедиции часть в школе, часть – на сеновале[617].

[616] *Колпакова Н. П.* Указ. соч. – С. 30–31.
[617] Там же. – С. 38–39.

На следующий день вечером ученые побывали в деревнях Палтоге и Якорь-Лядине, неподалеку от Великой Нивы. В Палтоге был праздник в честь Варлаама Хутынского, однако все торжества здесь ограничились гуляньем по деревенской улице в ярких нарядах. В Якорь-Лядине была обнаружена изба, весьма интересная и ценная по своей архитектуре, древности и по красоте деталей. Морозов сделал ее фотоснимки. Вообще избы в этой местности выглядели грандиознее и пышнее, чем в приозерных деревнях.

3 июля экспедиция выступила на новую базу – в погост Шуньгу, одно из самых крупных и древних поселений Заонежья, по названию которого и сам полуостров нередко называли Шуньгским. Сначала предстояло пройти десять километров до деревни Фоймо-Губы, а затем еще семь проплыть в лодке по озеру. По пути ученых застигла сильнейшая гроза. Едва успели они добежать до околицы Фоймо-Губы и укрыться в одном из ближайших домов, как налетел ураган с грозой и градом. Приветливые хозяева напоили гостей чаем и угостили домашней снедью[618].

После грозы ученые побродили немного по деревне, чтобы составить о ней представление. Затем раздобыли громадную рыбацкую лодку, вместившую всех членов экспедиции вместе с гребцами и вещами, развернули два больших серых паруса и пустились вдоль Путкоозера к Шуньге.

«Лодка была нагружена плотно, – описывала это путешествие Н. Колпакова. – Прижавшись один к другому, мы тихо сидели между тюками, любуясь ходившими мимо нас берегами и друг другом – озябшими, слегка посиневшими физиономиями. Плыть было долго – шесть часов. Кое-как доплыли – голодные, усталые от ветра. Еще за три версты от Шуньги принялись вопить:

– Бубликов! Колбасы! Чаю горячего!

Но это были одни мечты: мы приехали слишком поздно, вся Шуньга спала, и мы, ввалившиеся по обыкновению прямо в пустую школу, едва-едва раздобыли самовар и черный хлеб. Никакой соломы не было. С хохотом повалились прямо на пол и крепко заснули»[619].

Погост Шуньга представлял собой нечто среднее между большим селом и маленьким городом: городские дома стояли вперемешку с избами, жители, в основном молодежь, ходили в городских нарядах, и тут же по улицам, совершенно по-деревенски, бродили свиньи с поросятами. Шуньга была совсем не то, что ленинградцы встречали до сих пор, и в первые минуты даже засомневались – не напрасно ли они сюда приехали. Но уже к концу первого дня, когда все члены экспедиции, целый день работавшие в разных местах, собрались за вечерним самоваром, возбужденным рассказам не было конца. Сама Шуньга материала давала мало, но разбросанные вокруг нее деревни оказались настоящим золотым рудником для исследователей.

618 *Колпакова Н. П.* Указ. соч. – С. 40–41.
619 Там же. – С. 42.

Морозов с Романовым обнаружили любопытную часовню, в которой была собрана чрезвычайно интересная старина: резные деревянные кресты с датами XVII–XVIII веков, старинные иконы того же времени, иконы с пояснявшими сюжеты надписями и подписями жертвователей. Такие же старинные деревянные кресты с резьбой попадались в окрестностях на перекрестках дорог и тропинок. В деревенских избах обнаружили много интересной архитектурной резьбы, новые узоры вышивок, роспись предметов домашней утвари, предметы с надписями и пр.[620]

9 июля стало последним днем полевых занятий экспедиции. Следует сказать, что ее участники меньше чем за месяц проделали огромную исследовательскую работу, причем работу комплексную, никогда и никем еще в таком масштабе не проводившуюся. Небольшие группы и отдельные лица, собиравшие и изучавшие народное искусство Севера, приезжали сюда в прошлом нередко. Однако именно разносторонне к исследуемому району впервые подошла экспедиция К. К. Романова. В общей сложности она обследовала 72 селения в четырех волостях, собрав богатый материал по всем видам крестьянского искусства.

Морозов за это время сделал около 400 фотоснимков архитектурных и бытовых памятников. Его учетная работа заключалась в составлении описи всех памятников церковной старины в районе работ экспедиции. Особое внимание он обращал на древние деревянные церкви и часовни с сохранившейся старинной утварью, путные (придорожные) кресты XVI–XVII веков и другие памятники. Все это, по его мнению, заслуживало «внимания охраны для защиты их от разрушения».

К сожалению, состояние охраны памятников искусства и старины в Карелии было неудовлетворительное. Организованный весной 1926 года совместно с Карельским музеем Комитет охраны памятников старины так и не приступил к их учету и собиранию. Учет памятников велся случайно, главным образом приезжающими в Карелию экспедициями от различных учреждений и отдельными лицами. Между тем богатства края были многочисленны и разнообразны. Особого внимания, по мнению Морозова, заслуживала архитектура крестьянских изб – своеобразная своими украшениями, резьбой и разноцветными мезонинами – характерная лишь для Олонецкого края и нигде больше не встречавшаяся. Интересными были уже исчезающие курные избы, а также сохранившиеся в небольшом количестве с архитектурными формами XV–XVI веков церкви и некоторые амбары (с расходящимися верхними бревнами). Огромную историко-культурную ценность представляли и бытовые памятники крестьянского искусства – станковая живопись, резьба, вышивка, рукописи. Все это, по мнению Морозова, требовало большого внимания историков, археологов и искусствоведов, изучающих быт русского села с его народным самобытным творчеством, и в

[620] *Колпакова Н. П.* Указ. соч. – С. 42–43.

первую очередь принятия экстренных мер по охране и собиранию их в местные краевые музеи. «С этим надо спешить, – писал он в отчете, – так как архитектурные памятники, как то: деревянные церкви, курные избы – остатки седой старины, а также и дома с раскрашенными мезонинами уже ветхи, не поддерживаемые своими хозяевами разрушаются и обращаются ими же в материал для топлива. Прочие ценные памятники, как то: одежда, предметы обихода, рукописи – скупаются коллекционерами и случайными посетителями и вывозятся из края. Такое положение вещей не допустимо, поскольку оно совершенно разрушает работу созидания местных краеведческих музеев, лишая их ценных подлинников и обращая музеи в жалкие выставки моделей»[621]. Морозов призывал, пока еще не поздно, приступить к учету памятников: фотографировать их, зарисовывать, обмерять, передавать в музеи. Он считал желательным по одному экземпляру типичной курной избы со всей ее обстановкой, а также олонецкого дома с раскрашенными мезонинами сохранить и вывезти в Центральный краевой музей, как практиковалось подобное на Западе, например в Германии.

После официального окончания работ экспедиции всем ее участникам была предоставлена полная свобода. Распрощавшись друг с другом, исследователи небольшими группами разошлись в соответствии со своими интересами и желаниями. Одни отправились на Кивач, другие – домой в Ленинград, третьи – в Толвуй, четвертые – в Типенницы и т. д. У Морозова тоже был план: он собирался обследовать еще несколько мест Прионежья. Однако первым делом нужно было вернуться в Кижи, где во время получасовой остановки он успел сделать лишь несколько снимков деревянных церквей. Необходимо же было еще раз внимательно обследовать их и взять на учет все, имеющее культурно-историческую ценность.

Переправившись затем на восточный берег Онежского озера, Морозов осмотрел церкви Негижимской и Ваковской волостей Пудожского уезда, описав и взяв на учет предметы музейного значения. Правда, во время этого путешествия с ним произошел чрезвычайно неприятный случай, который едва не стоил Морозову, по меньшей мере, здоровья. По дороге в деревню Семеново, куда он добирался на телеге из села Негижмы, на него дважды нападали неизвестные. Первый раз, в километрах десяти от деревни, из придорожных кустов выскочили три человека, вооруженные дубинами, и с криками «Стой! Что везешь!?» бросились к телеге. Только благодаря тому, что телега ехала довольно быстро, так как Морозов торопился и всю дорогу просил женщину-возницу гнать побыстрее, удалось проскочить нападавших и избежать побоев. К тому же, едва увидев грабителей, крестьянка с испугу начала так стегать лошадку, что та понесла со всех ног. Не успели беглецы прийти в себя и успокоиться, как на них, уже в

[621] РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1926 г. Д. 221. Л. 1 об.

километрах четырех от деревни, снова напали. К счастью и на этот раз удалось избежать неприятностей благодаря все той же лошадке[622]. Случай этот заставил Морозова впоследствии побеспокоиться о своей безопасности, но об этом будет сказано позже.

На восточном берегу Онежского озера Федор Михайлович обследовал еще одно очень интересное место, где на двух гранитных мысах под названием Бесов Нос и Пери-Нос сохранились остатки древних изображений – петроглифов, относящихся к доисторическому периоду. Оба мыса представляли собой обрывистые пологие скалы, поросшие сосновым лесом, за которым, уходя вглубь материка, тянулись болота, питающие своими водами реки Черную и Гакуксу. В полукилометре от мысов находилась небольшая деревенька под названием Бесоносовская. Здесь Морозов первым делом пообщался с местными жителями, порасспросил о разной «досюльщине» – старине, сделал несколько снимков. Не забыл он и коллег по экспедиции, записав для фольклористов у бабки Петровны интересный вариант духовного стиха «О Михайле-архангеле»[623]. Затем с одним из крестьян отправился на Бесов Нос.

Здесь на гранитном плоском массиве, уходившем в озеро, взору Морозова предстали древние таинственные изображения. В центре их находилась большая, более чем двухметровая фигура человека с распростертыми руками и согнутыми ногами, как бы пляшущая. По сторонам фигуры и над ней в разных направлениях располагались многочисленные изображения: гуси, тритоны, елочка, разной величины птицы, фигурки людей, рыба с зубчатой спиной, лось и какие-то плохо сохранившиеся знаки. Имелись также два изображения семиконечных крестов, носивших уже более поздний характер. Сделаны они были, скорее всего, под влиянием находившегося недалеко Муромского монастыря, пытавшегося силой креста разрушить языческую традицию и бесовское влияние, приписываемое таинственным изображениям.

Приблизительно в полукилометре от Бесова Носа находился отделяемый губой под названием Чура мыс Пери-Нос, на котором также имелись остатки древних рисунков. Несмотря на то что он тоже был гранитным, изображения здесь сохранились гораздо хуже. Гранит покрывали многочисленные трещины, а так как изображения располагались ближе к воде и постоянно омывались волнами, контуры их изгладились и многие стали почти неразличимы. Хотя рисунки тянулись вдоль всего берега, лучше всего они сохранились лишь на одной из гранитных глыб в южной части мыса. Она вся была покрыта изображениями оленей, птиц, голов животных, фигур людей в различных позах и других фигур и знаков. Осматривая берег, Морозов чуть поодаль обнаружил фрагмент глыбы с сохранившимися изображениями оленей и двух лодок или саней, увенчанных

[622] Надо организовать борьбу с хулиганством // Красная Карелия. – 1926. – № 158. – С. 3.

[623] *Петрова Л. И.* Духовные стихи Обонежья (по материалам экспедиций 1926–1932 гг.) // Из истории русской фольклористики. Вып. 4–5. – СПб., 1998. – С. 484.

головами животных. Глыба эта нависала над водой настолько, что, по его предположению, скоро должна была обвалиться в воду.

В других местах на берегу также встречались остатки изображений, но их почти уничтожили волны.

Эти загадочные древние рисунки буквально заворожили Морозова, а вместе с тем вызвали сразу же тревогу за их будущее. Влияние климатических условий, проседание почвы, воздействие волн через какое-то время неминуемо должны были привести к их полному исчезновению. Отчасти это уже и произошло: подмытая порода сползла в озеро, и большую часть изображений смыло водой, а сам массив с оставшимися рисунками избороздили трещины.

С наиболее интересных изображений на обоих мысах Морозов сделал эстампажи и фотографии. Причем фотосъемку осуществлял при низком солнце, чтобы лучи, скользя по поверхности камней, подчеркивали рельеф рисунков.

Вернувшись в Ленинград, он занялся изучением вопроса о степени исследованности изображений на Бесовом и Перием мысах. Выяснилось, что подробным исследованием онежских петроглифов до этого никто не занимался, хотя в ученой среде о них начали говорить уже с середины XIX века. Эти уникальные и чрезвычайно интересные рисунки оказались даже должным образом не обследованы. Понимая, что изучение и сохранение изображений требует неотложных мер, Морозов забил тревогу, решив привлечь к проблеме внимание ученых. В августе он написал статью, в которой дал общую характеристику изображений и их состояния, указал имеющуюся о них литературу, а также высказал некоторые предположения о происхождении и значении сюжетов. Хотя его трактовка представлялась довольно спорной, не это было главным. Статья не имела строго научного характера, а преследовала другую цель: «…обратить внимание ученых и исследователей на необходимость принятия срочных мер охраны редкого памятника, который, несомненно, когда-нибудь заслужит особое внимание и раскроет мысли и настроения начертавших их»[624].

О судьбе онежских петроглифов Морозов говорил с заведующим Ленинградским отделением Главнауки В. Б. Томашевским и своим непосредственным начальником Г. С. Ятмановым. Обсуждалась возможность отделения части массива с изображениями и транспортировки таких фрагментов в Карельский музей и Ленинград. Для отделения фрагментов требовались подрывные работы, а значит, соответствующие специалисты. Морозов выразил готовность выяснить все на месте и просил разрешить ему снова выехать в Карелию. Начальство согласилось, но при условии, что на время поездки он возьмет двухнедельный отпуск в счет «причитающегося ему двухмесячного очередного отпуска»[625].

23 августа Ф. М. Морозов вновь покинул Ленинград. Впереди был уже хорошо знакомый маршрут: Нева – Шлиссельбург – Ладожское

[624] *Морозов Ф. М.* Изображения на скалах восточного берега Онежского озера // Экономика и статистика Карелии. – 1927. – № 1–3. – С. 145.
[625] ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1053. Л. 79.

озеро – Свирь – Онега – Петрозаводск. Здесь он снова встречался с директором музея В. И. Крыловым, общался с местными краеведами, побывал в редакции журнала «Экономика и статистика Карелии», куда отдал свою статью об онежских петроглифах. О его приезде и поднятой проблеме написала даже местная газета «Красная Карелия»[626]. Автор заметки выражал надежду, высказанную, по всей видимости, Морозовым, что вопрос сохранения наскальных изображений будет всесторонне освещен в печати и в разрешении его примут участие такие ученые, как Н. Я. Марр, А. А. Спицын и Б. В. Формаковский. В Петрозаводске Морозов встретился также с инженерами и мастерами треста «Карелгранит» по поводу подрывных работ на мысе Бесов Нос. С кем-то из них он выехал туда, чтобы осмотреть все на месте и прикинуть необходимые технические средства. В результате выяснилось, что для проведения работ не потребуется больших затрат, и специалисты согласны взяться за дело по расценке от 10 до 15 рублей квадратный метр (работа вместе с материалом).

Теперь необходимо было найти научную организацию, которую бы заинтересовали наскальные изображения и которая бы согласилась профинансировать работы по их отделению и транспортировке.

Вернувшись в Ленинград, Морозов подал записку о наскальных изображениях Онежского озера в Государственную академию истории материальной культуры. Рассмотренная 20 сентября на заседании президиума Академии, записка вызвала следующее постановление: «просить Ф. М. Морозова сообщить более подробные сведения члену Академии А. А. Спицыну и А. А. Миллеру»[627].

Не найдя особого сочувствия в ГАИМКе, Федор Михайлович 23 сентября направил заявление в Академию наук СССР, в котором сообщал о состоянии древних изображений на камнях и о необходимости принятия срочных мер к их сохранению для науки и истории[628]. Он считал, что наиболее целесообразным будет «путем подрыва снять часть гранита с остатками надписей» и перевезти их в Этнографический музей Академии наук или в Карельский музей.

К сожалению, он так и не был услышан. «Для петроглифов не оказалось ни средств, ни исследователя, – с горечью резюмировал этот эпизод А. А. Спицын. – Никого не манил этот отрывочный, слабый и трудный для понимания материал»[629]. Вопрос о древних наскальных изображениях Онежского озера до времени остался открытым.

Во время контактов с Академией наук Ф. М. Морозов передал туда отрывки пергаментных рукописей XIV–XV веков, найденные им в погостах Кижи и Пидьма[630].

---

[626] *Краевед.* Сохраним памятники седой старины. «Бесову носу» угрожает гибель // Красная Карелия. – 1926. – № 193. – С. 2.

[627] РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1926 г. Д. 7. Л. 70 об.

[628] Там же. Д. 221. Л. 17–17 об.

[629] Цит. по: *Савватеев Ю. А.* Залавруга: Археологические памятники низовья реки Выг. Ч. 1. Петроглифы. – Л.: Наука, 1970. – С. 13.

[630] ПФА РАН. Ф. 737. Оп. 1. Д. 75. Л. 5.

Как уже говорилось, неприятный инцидент, произошедший с Морозовым в Пудожском уезде, заставил его задуматься о собственной безопасности во время поездок по карельским озерным и лесным селениям. Вернувшись в сентябре из второй поездки в Прионежье, он подал начальству заявление, в котором писал: «Ввиду опасности, которой приходится подвергаться во время командировок по уездам с целью принятия мер охраны памятников искусства и старины Ленинградской губернии, а иногда и смежных с ней губерний, как со стороны бандитов, так и со стороны диких зверей (волков и медведей), прошу ходатайствовать о разрешении мне иметь оружие во время моих поездок»[631].

Упоминание о волках и медведях было сделано не просто для большей убедительности, а отражало реальную проблему. Лесные хищники в Карелии в этот год сделались для местных жителей настоящим бедствием. Особенно угрожающим было нашествие медведей, во множестве истреблявших домашний скот и этим наносивших огромный ущерб крестьянским хозяйствам. Нередко случалось, что медведи поодиночке или, сбившись в группы, приходили в селения средь бела дня и устраивали охоту прямо посреди села[632]. Жители же были вынуждены беспомощно наблюдать эти расправы над своей скотиной, не имея возможности предпринять что-либо. Дело в том, что у крестьян не имелось хороших нарезных ружей (изъяли после Гражданской войны), почему они и не могли защититься от дикого зверя. Случалось и такое, что волки заходили прямо в избы, как это произошло, например, в селе Святозере[633]. О медвежьем нашествии много писали на страницах газеты «Красная Карелия», призывая руководство края и правительство к принятию решительных мер. Но ситуация не менялась. Облавы Союза охотников, как правило, были малоэффективны, а снабжать крестьян оружием власти, по-видимому, боялись.

Чем закончилось ходатайство Ф. М. Морозова, неизвестно. Было ли ему разрешено иметь оружие или без оного приходилось на свой страх и риск путешествовать по глухим северным уголкам, выяснить не удалось. А в Карелию, и в частности в Прионежье, он возвращался еще не раз в 1927–1929 годы, где по просьбе Карельского наркомпроса занимался регистрацией памятников старины и собиранием их в краевой музей. Из наиболее ценных экспонатов, переданных им в Карельский музей, можно отметить «столбцы и свитки, писанные на бумаге», а также пергаменты со свинцовыми печатями XV века, обнаруженные в Палеостровском монастыре[634]. Кроме того, в музей Ф. М. Морозов передал составленное им «Описание памятников архитектуры и искусства Карелии» с приложением 200 фотографий.

---

[631] ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1263. Л. 234.
[632] В медвежьем окружении // Красная Карелия. – 1926. – № 157. – С. 3.
[633] *Деревенский.* Нашествие медведей // Красная Карелия. – 1926. – № 207. – С. 3.
[634] ПФА РАН. Ф. 737. Оп. 1. Д. 75. Л. 5.

Результатом его исследовательской работы в Карелии стал еще один труд – «Заонежские свадебные песни, записанные в 1927 году». Правда, судьба этой рукописи неизвестна[635].

Кроме того, в указанные годы Морозов «вел организацию краеведческих музеев в Ленинградской области и Карелии».

Дворцы и усадьбы

Особым этапом работы Ф. М. Морозова в Музейном фонде Главнауки стала его деятельность по учету имущества дворцов и усадеб. Началась она осенью 1926 года, когда во второй половине ноября его командировали в состав «ликвидационной комиссии по особняку-музею Архангельское» – бывшей парадной резиденции князей Голицыных и Юсуповых. Архангельское считалось одним из лучших мест Подмосковья. Ни один из прежних хозяев не жалел средств на украшение своего имения. Купивший усадьбу в 1810 году князь Н. Б. Юсупов не только превратил ее в образец дворцово-паркового ансамбля, но и стал основоположником семейного музея, собрав огромную коллекцию картин, скульптур, произведений декоративно-прикладного искусства, книг и пр. В годы революции бывшие служащие имения по собственной инициативе взяли усадьбу под опеку, добившись предоставления охранной грамоты от Военно-революционного комитета Москвы. В 1918 году усадьбу национализировали, а уже в следующем году открыли для посетителей.

Ликвидационная комиссия, организованная Ленинградским отделением Главнауки по взятию на учет и распределению художественных и других собраний бывшего Юсуповского особняка, была создана еще в августе 1925 года. Однако уже через год она практически прекратила деятельность, так как из ее первоначального состава остался всего один человек – сотрудник Музейного фонда Марк Мошков. Входившие в состав комиссии Г. А. Гордон был арестован, а С. Я. Маломанов – уволен. Тогда уполномоченный Наркомпроса в Ленинграде решил командировать в Архангельское Зиневича и Морозова, поручив завершить все работы до 15 декабря текущего 1926 года[636]. Благодаря участию в этой комиссии Федора Михайловича много ценнейших предметов из собрания Н. Б. Юсупова попало в Ленинград, в частности в Эрмитаж.

Кроме Архангельского Ф. М. Морозов по поручению Музейного фонда занимался проверкой и вывозом имущества бывших особняков Детского Села (хранящегося при дворце-музее). Занимался ревизией имущества усадьбы «Грузино», проверкой, приемом и ликвидацией имущества Аничковского дворца.

[635] АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 6.
[636] ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1053. Л. 33, 35.

Он выезжал также в Новгород для выяснения недоразумений, возникших в связи с изъятием из Софийского собора ценностей и переучетом ризницы. Участвовал в выработке мер по ее охране.

Перемены

30 января 1928 года Ф. М. Морозов подал заявление в Государственный Русский музей о зачислении его научным сотрудником[637]. Правда, к заявлению он приложил характеристику, написанную еще начальником Киевского губликвидкома в ноябре 1923 года, возможно в Музейном фонде его не хотели отпускать. В характеристике, в частности, говорилось, что Морозов, «как ученый археолог, так и архивист, является высококвалифицированным работником», что он «исключительно совестливо относится к своим обязанностям, любит свое дело и знает его, поэтому является очень ценным научным работником»[638].

Характеристика, впрочем, была формальностью. Директор музея Н. П. Сычев и так хорошо знал Ф. М. Морозова. Особенно часто им довелось общаться, когда Федор Михайлович стал сотрудником Музейного фонда Главнауки.

Конечно, Русский музей был заинтересован в таком сотруднике, как Морозов, однако в силу различных обстоятельств его смогли принять туда только лишь почти через полтора года.

А в это время произошли события, имевшие крайне негативные последствия для национальной культуры. 16 августа 1928 года Политбюро в поисках валютных средств для поддержания экономики приняло постановление об образовании комисии «для обеспечения срочного выделения для экспорта картин и музейных ценностей на сумму в 30 миллионов рублей»[639]. Торговля музейными предметами искусства шла уже не первый год, однако на этот раз она приняла угрожающие масштабы – внимание привлекли сокровища Эрмитажа. Вместе с тем началась ломка уже сложившейся, отлаженной и великолепно работавшей системы охраны культурно-исторических ценностей, теперь значительно мешавшая сотрудникам Наркомторга. Еще в начале года нарком просвещения Луначарский утвердил руководителем Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины вместо Н. И. Седовой-Троцкой Л. Я. Вайнера. В первых числах октября начальником Главнауки назначили М. Н. Лядова, который немедленно разработал оперативный план полной реорганизации главка, предусматривающий ликвидацию большинства структур Главнауки и прежде всего Музейного отдела. Лядов объяснял это якобы невозможностью эффективного учета и охраны ценностей в многочисленных музеях. Свою мысль он дополнил

[637] АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 718. Л. 12.
[638] Там же. Л. 13.
[639] *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. – С. 142–143.

три месяца спустя на коллегии Наркомпроса: «Ввиду резко обострившейся классовой борьбы, между прочим выразившейся в рецидиве религиозности известных слоев населения, особое внимание должно быть уделено так называемым историко-бытовым музеям (монастырям, церквям и т. д.). Там, где не хватает сил, умения и средств превратить их в антирелигиозные, они должны быть закрыты, а помещения должны быть использованы под культурные нужды»[640].

Реорганизацию Наркомпроса Лядов начал именно с Музейного отдела, являвшегося основной помехой при выполнении решения Политбюро об экспорте художественных ценностей. Уже к началу 1929 года Музейный отдел перестал существовать, превратившись в некий «музейный раздел» Главнауки, в свою очередь низведенной с уровня главка до отдела. Тогда же завершилась и ликвидация его местных органов.

В Ленинграде и Ленинградской области контроль над музеями (в том числе и над Эрмитажем) возглавлял Г. С. Ятманов, числившийся, правда, всего лишь инспектором по музейным учреждениям. Вместе с ним, хотя формально и не подчиняясь ему, трудилась в хранилище Государственного музейного фонда и реставрационных мастерских целая группа искусствоведов. Два опытных эксперта работали в отделе контроля за вывозом. И вот, исполняя распоряжения Москвы, уполномоченный Наркомпроса по Ленинграду Б. П. Позерн уволил почти всех. Из двадцати двух сотрудников он оставил лишь троих, в том числе и одного нового, только что принятого в отдел контроля, без подписи которого чиновники Внешторга пока еще не могли обойтись. Среди оставшихся оказался и Ф. М. Морозов.

Однако столь значительное сокращение сотрудников означало почти полную ликвидацию ленинградского отдела охраны памятников. Вместе с тем началась его дискредитация в центральной печати, формировалось общественное мнение, будто именно искусствоведы виноваты в изъятиях и расхищении лучших экспонатов из Эрмитажа и других музеев города.

6 апреля 1929 года «Комсомольская правда» опубликовала явно инспирированную свыше статью «Продаются за бесценок музейные сокровища. Ятманов “ликвидирует” предметы старины. Собольи палантины – женам начальства. Требуем немедленной ревизии»[641]. Статья, подписанная инициалами «В. Г.», была исполнена злобы и откровенной клеветы. Главный удар она наносила по основателю системы государственной охраны художественно-исторического наследия страны – Ятманову, двенадцать лет возглавлявшему ее наиважнейшую региональную структуру. Этот честный и принципиальный человек не мог пойти на сделку с совестью. Он не мог дать согласие на продажу за рубеж тех произведений искусства, которые в самые тяжелые годы революции и Гражданской войны бережно собирал и оберегал. Поэтому его нужно было очернить.

[640] Цит. по: *Жуков Ю. Н.* Сталин: операция «Эрмитаж». – М.: ВАГРИУС, 2005. – С. 156–157.

[641] Продаются за бесценок музейные сокровища. Ятманов «ликвидирует» предметы старины. Собольи палантины – женам начальства. Требуем немедленной ревизии // Комсомольская правда. – 1929. – № 79. – С. 4.

Газета обвиняла Ятманова во всех мыслимых и немыслимых грехах. Якобы он ликвидировал Шереметевский историко-художественный музей, тот самый, который именно он создал летом 1918 года и который был закрыт решением Межведомственной комиссии ВЦИК в конце 1928 года «в целях централизации музейного имущества». Ятманова обвинили также и в том, что экспозиционные материалы уникального собрания Госторг продал зарубежным антикварам. В связи с этим другое обвинение вовсе выглядело бессмыслицей. Автор статьи сообщал, что в августе 1928 года Ятманов посетил Музейный фонд и отдал распоряжение хранителю одного из отделов, Морозову, «немедленно перенести экспортное имущество из одного помещения в другое, не составляя списка и вообще никак не оформляя эту выдачу»[642]. Но Ятманов как раз так и поступил, чтобы спрятать предназначенные к продаже за рубеж произведения искусства.

Не менее абсурдным выглядело и обвинение в том, что Ятманов якобы нанес вред музеям, организовав выставку художественных предметов, предназначенных для экспорта, не в самом Ленинграде, а в Павловске, из-за чего «за полгода эту выставку посетил только один человек»[643].

«Если в качестве руководителя музейной жизни Ятманов был полным ничтожеством, – выносил свой вердикт анонимный автор, – то по части разбазаривания музея его таланты были весьма значительными». Впрочем, обвинял он не одного Ятманова. Статья заканчивалась словами: «Молчаливые музейные старички, видевшие всю вакханалию музейных воров, но не мешавшие раскрадывать музеи, – вся эта гниль и плесень наших музейных организаций требует хорошей чистки»[644].

После выхода статьи Ятманова незамедлительно уволили.

Вместе с тем кадровая чистка органов охраны памятников культуры, согласно плану Лядова, сопровождалась нужным Внешторгу массовым закрытием музеев. Ликвидировали их скрытно, без особой огласки. Так, в Москве и Ленинграде перестали существовать сразу семь музеев: Военно-исторический, мебели, Штиглица, Конюшенный, Интендантский, мемориальный музей Суворова, дворец Бобринских. Кроме них упразднили еще три провинциальных – усадьбы Покровское-Стрешнево и Караул, Оптину пустынь. С республиканского на местный бюджет перевели (что на деле означало прекращение их существования) еще пять музеев: подмосковные Архангельское, Кусково, Останкино, Симонов и Новодевичий монастыри, а дворцы Летний и Меньшикова передали Академии наук СССР. Однако на этом «лядовская чистка» не закончилась. К началу 1929 года перестали существовать Музей 40-х годов и Строгановский дворец, на местном бюджете оказались дворцы Шереметевский,

[642] Продаются за бесценок музейные сокровища. Ятманов «ликвидирует» предметы старины. Собольи палантины – женам начальства. Требуем немедленной ревизии // Комсомольская правда. – 1929. – № 79. – С. 4.
[643] Там же.
[644] Там же.

Елагин, Петергофа и Ораниенбаума, Боровский монастырь и Троице-Сергиева лавра, квартира композитора Скрябина в Москве и дом Чайковского в Клину.

Сокращение музейной сети сопровождалось и другим опасным явлением – изменением официального профиля, специализации ряда собраний. Хотя на государственном бюджете остались Эрмитаж, Русский музей и Оружейная палата, они, тем не менее, были переведены из разряда художественных в историко-художественные. Эта, на первый взгляд, пустяковая формальность на деле означала коренное изменение принципов построения экспозиций, а следовательно, и признание неприкосновенности лишь на основе значимости для просветительской и научной работы тех или иных коллекций, отдельных предметов из фондов[645].

Следует также отметить, что ломка устоявшейся за десятилетие музейной сети велась главным образом в Ленинграде, Москве и их окрестностях, то есть затронула самые богатые и широко известные собрания. А ликвидация ряда музеев означала распыление их фондов. «В условиях же реорганизации системы охраны памятников, массового увольнения специалистов художественные ценности перемещались из собрания в собрание без должного в таких случаях учета, составления описей, а потому вскоре оказывались в руках внешторговцев», – пишет, исследовавший этот вопрос, Ю. Н. Жуков[646].

Упразднение существовавшей системы органов охраны памятников стало необходимой прелюдией предстоящих изъятий музейных ценностей для продажи за рубеж.

После «расправы» над Ятмановым, Морозов оставался сотрудником Музейного фонда еще два месяца, до 25 июня, когда был уволен по сокращению.

Русский музей

5 июля 1929 года Ф. М. Морозов поступил в Государственный Русский музей на должность внештатного научного сотрудника первого разряда[647]. В музее он вел научно-исследовательскую работу по разделу древнерусского искусства. Работал старшим хранителем Художественного отделения, заведующим Музейным фондом, а также состоял представителем музея при Академии истории материальной культуры в комиссии по вопросам учета и охраны памятников старины Ленинградской области[648].

Работая в музее, Ф. М. Морозов по-прежнему часто выезжал в командировки. В разъездах прошли октябрь и ноябрь 1929 года. В это время он по

[645] *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. – С. 162–163.
[646] Там же. – С. 164.
[647] АГРМ. Ф. ГРМ. Оп. 10. Д. 313. Л. 7.
[648] ПФА РАН. Ф. 737 (Айналов Д. В.). Оп. 1. Д. 75. Л. 7.

поручению уполномоченного Наркомпроса по Главнауке занимался учетом, наблюдением и принятием мер охраны памятников искусства и старины, находящихся в церквях и усадьбах Северной области, а также «имущества, имеющего музейное значение, вплоть до вывоза его в хранилища Государственного Русского музея»[649]. В результате им было выявлено множество ценных предметов искусства, попавших в собрания ленинградских музеев, и в первую очередь Русского.

В начале декабря 1929 года Ф. М. Морозов выезжал в Псков и Торопец для осмотра и отбора церковных ценностей, имеющих художественно-историческое значение[650].

С этой его поездкой связана история поступления в Русский музей известной Торопецкой иконы Божией Матери (Одигитрии), называемой еще Ефесской и Корсунской, издревле почитаемой Церковью. Икона эта, согласно преданию, была принесена на Русь из Эфеса в 1162 году, по просьбе преподобной княжны-инокини Евфросинии Полоцкой. Приобретена икона была через посредство родственного полоцким князьям царствовавшего в то время греческого дома Комнинов. Со слугой Михаилом преподобная отправила богатые дары императору Мануилу и патриарху Луке Хризовергу с просьбой прислать список известной иконы Божией Матери, находившейся в Эфесе. Безусловно, образ, предназначенный для высокородной просительницы, был написан одним из лучших греческих мастеров. Когда икона по дороге на Русь прибыла в Корсунь, жители города не хотели ее отпускать сразу, удержав у себя для поклонения на целый год. Поэтому икону еще именуют Корсунской. В 1173 году преподобная Евфросиния, украсив образ золотом, серебром и драгоценными камнями, поставила его в храме Богоматери. Здесь икона пробыла более полувека. В 1239 году дочь Полоцкого князя Брячислава Александра, выходя замуж за святого благоверного князя Александра Невского, увезла икону из Полоцка в город Торопец Псковской епархии, где для нее со временем был выстроен Корсунско-Богородицкий собор. Отсюда ее основное название – Торопецкая. Икона несколько раз спасала город от набегов литовцев и эпидемий. В 1812 году, когда к Торопцу приближались французы, горожане вынесли образ на окраину города, и вскоре пришла весть о том, что войска Наполеона неожиданно изменили маршрут и обошли город стороной.

После закрытия в 1921 году советскими властями Корсунско-Богородицкого собора икона Богоматери стала достоянием Торопецкого краеведческого музея. Здесь ее и увидел Ф. М. Морозов.

Икона, естественно, была уже без драгоценного оклада. Ее живописная поверхность представляла сплошную запись XIX века с большими потерями и осыпями красочного слоя. Зная, однако, историю иконы, Морозов понимал, что под позднейшими слоями скрывается образчик византийской живописи XII

[649] АГРМ. Ф. ГРМ. Оп. 10. Д. 313. Л. 13.
[650] Там же. Л. 14.

века. Вместе с тем как человек церковный он осознавал, что перед ним одна из древнейших русских святынь, и именно ее древность позволяла сохранить икону в качестве редкого памятника старины. Показательно, что никто из торопецкого духовенства или благочестивых горожан не позаботился спрятать святыню. Ее просто отдали в местный музей. Видимо, к тому времени установилась атмосфера безразличия к некогда почитаемому образу.

Поскольку физическое состояние иконы оказалось неважным, она нуждалась в неотложной реставрации. Но в Торопецком музее соответствующих специалистов не имелось. В то же время Морозов понимал, что уникальному памятнику не место в провинциальном музее. Однако в том виде, в каком икона была, она не представляла интереса для Русского музея. Требовалось еще доказать, что это действительно достойный внимания древний памятник живописи. Морозов сфотографировал икону[651] и, вернувшись в Ленинград, поднял вопрос о ее перемещении в Русский музей, хотя бы для экспертизы и возможной реставрации. В первую очередь необходимо было провести пробные расчистки, чтобы выявить первоначальный слой. Об этом Морозов переговорил с сотрудником Русского музея известным реставратором Федором Антоновичем Каликиным (1876–1971), большим знатоком русской иконы, обладавшим уникальным даром – чувствовать икону. Несмотря на то что он был самоучкой, познания его были общепризнанными. Знакомые называли Каликина «живым рентгеновским кабинетом», так как он «видел икону насквозь»[652]. Несмотря на позднейшую запись, он мог каким-то внутренним чутьем определить, какая перед ним икона на самом деле, и его авторитетному мнению доверяли. Вот почему Морозов обратился за содействием к Каликину, который и поднял вопрос о необходимости реставрации иконы в мастерских Русского музея[653]. Впрочем, развитие это дело сразу не получило и имело продолжение лишь спустя несколько лет.

Вообще, благодаря Ф. М. Морозову в Русский музей попала не одна замечательная старинная икона. В его собраниях, например, имеются две иконы работы петербургского иконописца первой половины XVIII века Тимофея Семенова – Спас Нерукотворный и Богоматерь «Знамение» (список с одноименной новгородской иконы). Морозов обнаружил их в 1929 году при переучете имущества церкви Трех Святителей при соборе Андрея Первозванного на Васильевском острове. Там же находилась еще одна икона названного мастера – «Никола», хранящаяся ныне в Эрмитаже. На сегодняшний день это единственные известные подписные произведения Тимофея Семенова[654].

---

651 Фотография Ф. М. Морозова хранится в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи (Ф. 67. Д. 334).

652 *Любимов Л.* Среди сокровищ Эрмитажа // Новый мир. – 1960. – № 5. – С. 211.

653 АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 876. Л. 19.

654 *Сосновцева И. В.* Икона «Богоматерь Знамение» с подписью изографа Тимофея Семенова // Вопросы отечественного и зарубежного искусства. Вып. 6. Искусство Древней Руси и его исследователи. Сборник статей / под ред. Вал. А. Булкина. – СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та, 2002. – С. 150–165.

Из закрытого Кирилло-Белозерского монастыря Морозов вывез в Русский музей уникальную икону XII века – Белозерской Божией Матери, а также иконы XV–XVI веков[655]. Причем вывозить Белозерскую чудотворную икону Богородицы пришлось с риском для жизни. Местные жители, по свидетельству Ф. А. Каликина, сопровождавшего Морозова, хотели убить Федора Михайловича, однако ему удалось каким-то образом избежать расправы[656]. Возмущение верующих вполне понятно и объяснимо. Но! В годы гонений на Церковь безвозвратно погибло неисчислимое множество церковных памятников архитектуры, изобразительного и прикладного искусства – уникальных по своей художественной и исторической ценности. Известно, как иконами топили печи, настилали полы и просто сжигали целыми навалами. Безбожники не щадили даже особо чтимых святынь. В Восточной Белоруссии, например, в 1920–1930-е годы бесследно пропали практически все местночтимые Богородичные иконы, многие из которых считались чудотворными. Где они? Какова их судьба? Никто сегодня не в состоянии ответить на этот вопрос. Аналогичная картина, наверняка, сложилась и в России. Поэтому собирание икон в музеи оказалось великим делом не только в культурном, но и в сакральном смысле. Вывезя и передав в Русский музей Белозерскую икону Божией Матери, Морозов позволил не только сохранить для потомков один из шедевров древнерусской церковной живописи, но и спас народную святыню от возможного поругания.

Морозов объездил немало мест, собирая для Русского музея иконы и другие памятники церковной старины из закрытых храмов и монастырей. Нередко в качестве эксперта его сопровождал Ф. А. Каликин. В 1920-е годы по поручению Главнауки и Наркомпроса они совершили ряд поездок по Северу и некоторым русским городам с целью учета и приобретения для центральных государственных хранилищ произведений изобразительного и прикладного искусства, старинных рукописей и пр. В результате этих поездок многие ценнейшие памятники русской старины оказались спасены от верной гибели[657]. Оба были неутомимыми собирателями, но в то же время и соперниками в смысле того, кто разыщет что-либо более уникальное. Так как обоих звали Федорами, знакомые их нередко называли – Федор Тирон (Каликин) и Федор Стратилат (Морозов), по имени святых воинов-мучеников, чьи имена они носили. Что-то в этом было символическое…

В 1930 году в течение нескольких месяцев Ф. М. Морозов состоял уполномоченным Центрального музейного сектора Политпросвета по принятию мер охраны и учета памятников искусства и старины Ленинградской области[658].

В конце июня того же года он выезжал в Лодейнопольский округ Ленинградской области для просмотра и изъятия предметов музейного значения из

[655] ПФА РАН. Ф. 737 (Айналов Д. В.). Оп. 1. Д. 75. Л. 7.

[656] Из воспоминаний Бориса Викторовича Сапунова (Санкт-Петербург).

[657] *Малышев В. И.* Слово о Федоре Антоновиче Каликине // Труды Отдела древнерусской литературы. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974. – Т. XXVIII. – С. 425–426.

[658] АГРМ. Ф. ГРМ. Оп. 10. Д. 313. Л. 3 об.

церквей Шемениги и погоста Шижемского, чтобы перевезти их в хранилища Русского музея. Кроме того, Морозов должен был принять меры к охране древних деревянных зданий Шижемской и Шеменигской церквей, находящихся в угрожающем состоянии[659].

В сентябре по поручению Русского музея он работал в Комиссии по ликвидации имущества склада древностей при Академии истории материальной культуры[660].

С 18 октября 1930 года Морозов находился в двухмесячном профессиональном отпуске. В выданном удостоверении руководство Русского музея просило ответственных лиц предоставить ему возможность ознакомиться с музейными собраниями и постановкой музейного дела Украины и Белоруссии, а также право фотографирования памятников старины[661]. После возвращения из поездки он как уполномоченный Русского музея работал в Государственном Эрмитаже по приему предметов, выделенных комиссией Помгола[662].

В мае 1931 года Ф. М. Морозов занимался обследованием одного из старейших кладбищ Ленинграда – Фарфоровского, расположенного в восточном предместье города. Закрыто оно было в 1927 году по решению Володарского райсовета, после чего началось его постепенное разорение. Морозов осматривал кладбище совместно с председателем Бюро по охране памятников Н. В. Успенским и представителями Володарского райкома. Обследовав часть кладбища, расположенную около церкви на берегу Невы, проверяющие признали целый ряд памятников «подлежащими оставлению на их местах в полной неприкосновенности, с окружающими их решетками, как представляющие художественную и бытовую ценность». В акт были включены плиты 1780-х годов на могиле Татищевых, гранитный памятник А. П. Захарову (†1808), чугунная плита П. А. Лопатинского (†1828), колонна с мраморным рельефом Д. П. Резвого (†1823) и некоторые другие надгробия[663].

В начале июня Ф. М. Морозов по поручению уполномоченного Наркомпроса и Русского музея снова выехал в Лодейнопольский округ, на этот раз для обследования Яшезерской пустыни – одной из древнейших монашеских обителей на территории Карелии. Основан монастырь был еще во времена царствования Иоанна Грозного. В 1918 году его закрыли. Морозов должен был осмотреть монастырское имущество для выявления предметов музейного значения и передачи их в окружной краеведческий музей, а кроме того, определить историко-археологическое значение зданий обители.

Сохранившийся отчет о поездке позволяет представить в общих чертах, как проходили подобные командировки.

---

659 АГРМ. Ф. ГРМ. Оп. 10. Д. 313. Л. 15.

660 Там же. Л. 18.

661 Там же. Л. 16.

662 Там же. Л. 19.

663 Исторические кладбища Петербурга. Справочник-путеводитель / сост. Кобак А. В., Пирютко Ю. М. – СПб.: Издательство Чернышева, 1993. – С. 555–556.

Зарегистрировав свои документы в Вознесенском райисполкоме и получив пометку председателя об оказании содействия, Морозов отправился в Яшезерскую пустынь, расположенную в 80 верстах от местечка Вознесение на западном берегу озера Яше.

По дороге он заехал в погост Ивны, чтобы взять у председателя сельсовета ключи от монастырских зданий. Здесь он осмотрел две церкви: одну конца XVIII века – деревянную, другую – каменную, построенную в начале XIX века. Внутреннее убранство церквей, иконостасы, утварь не представляли музейной ценности, за исключением хрустальной люстры конца XVIII века и некоторых мелких предметов. Осмотрел он также и каменную церковь погоста Остречаны, построенную в середине XIX века. Здесь Морозов уже побывал в 1927 году и взял на учет часть предметов, однако теперь решил снять некоторые с учета, в том числе все иконостасы, не представлявшие художественно-исторического интереса. В Остречанах он попросил местного милиционера сопроводить его в Яшезерскую пустынь.

Во время осмотра обители Морозов обнаружил отсутствие облачений и части утвари, изъятых до его приезда Вознесенским районным финансовым отделом (райфинотделом). Поэтому основным объектом осмотра стали иконостасы с иконами и та незначительная утварь, которая находилась в двух церквях обители, оставленная райфинотделом как не имеющая материальной ценности. Несмотря на то что много ценных вещей было изъято из монастыря, Морозову удалось выявить целый ряд предметов, имеющих музейное значение. То, что не представляло интереса для агентов райфинотдела, оказалось ценным в культурно-историческом отношении. К списку таких предметов Морозов также добавил: тябло над вторым ярусом иконостаса с надписью о времени основания храма, гласящей: «При Государе Царе и Великом Князе Алексее Михайловиче всея России и при чадах его Федоре, Иоанне и Петре Алексеевичах»; царские врата с подзором[664] начала XVII века; икону Святителя Николая в рост начала XVII века и икону Благовещения в басменном[665] окладе.

При осмотре «металла», оставленного райфинотделом, Морозов обнаружил 13 предметов из серебра, общим весом более 20 килограммов. Серебро со временем почернело, поэтому никто не обратил на него внимания. Однако специалиста это не могло обмануть.

Также Морозов осмотрел монастырские постройки. Среди немногочисленных и довольно простых зданий интерес представляла лишь двухэтажная деревянная церковь во имя Благовещения, построенная при царе Алексее

[664] **Подзор** – декоративные деревянные доски с глухой или сквозной резьбой или металлические полосы с прорезным узором.

[665] **Басма** – один из видов техники тиснения рельефных рисунков с помощью специальных матриц – басманных досок. В древнерусском искусстве басма употреблялась для украшения икон, киотов и тела иконостаса. Особенно широко басменные оклады были распространены в иконописи в конце XIV–XVI веке. Басменный оклад на иконе закрывает только места, где нет иконописного изображения, органично дополняя художественную часть иконы.

Михайловиче. Другая – каменная церковь во имя Преображения, построенная в 1853–1855 годах, по мнению Морозова, не имела художественно-архитектурной ценности. Никакого интереса не представляли и шесть монастырских колоколов.

Все предметы музейного значения, включая и обнаруженные в погосте Ивна, Морозов изъял. Упомянутые выше иконы он передал на хранение председателю Ивненского сельсовета, с тем, чтобы тот отправил их в Лодейнопольский краевой музей. На хранение председателю были отданы и предметы из серебра, для передачи Вознесенскому райфинотделу. Остальное негромоздкое имущество музейного значения Морозов вывез и при проезде через Лодейное Поле передал под расписку в музей «Наш край».

Не сумел он забрать лишь хрустальную люстру XVIII века, находившуюся в каменной церкви погоста Ивны. Ее «забронировала» для своего клуба администрация Усллагеря «Остречаны» (впоследствии «СвирьЛАГ»).

Во время обследования погостских церквей и монастыря Морозов фотографировал здания, а также бытовые сцены[666].

К сожалению, монастырскую деревянную церковь Благовещения со временем полностью разрушили. В руинах лежат по сегодняшний день и другие монастырские здания, в том числе и каменный Преображенский храм. И лишь благодаря передаче части монастырского имущества в музеи, удалось сохранить хоть что-то.

Через две недели после возвращения из Карелии Морозов выехал в однодневную командировку в Кронштадт для осмотра имущества ликвидируемого Андреевского собора. Его задачей, как обычно, было выявление предметов музейного значения, а также осмотр колоколов и самого здания относительно его сохранности.

В Кронштадте Морозов сперва зарегистрировался в комендатуре (по гражданской части), а затем навел справки о том, где находится представитель Областного финотдела (облфинотдела). Узнав, что человек, занимающийся приемкой имущества, работает в восьми километрах от города, Морозов не стал его дожидаться и сразу же отправился в Андреевский собор. Этот величественный храм всегда вызывал в нем самые восторженные чувства. В отчете о командировке Федор Михайлович писал: «Андреевский собор своей постройкой, пропорцией архитектурных форм, внутренним убранством: барельефами и лепкой на портале и внутри на восточной апсиде, представляет исключительный по красоте памятник зодчества ранней Александровской эпохи, подчеркивающий особо русский классицизм от классицизма Запада»[667].

Осмотрев собор изнутри, он не нашел предметов, представляющих музейный интерес. Церковные ткани, утварь и прочие вещи местный горсовет давно передал Госфонду, причем без участия представителя музея. Знаменитого

[666] АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 16. Л. 19–20.
[667] Там же. Л. 17.

медальона с изображением святого апостола Андрея Первозванного из слоновой кости собственноручной работы Петра I, золотого крестика-мощевика и люстрочки слоновой кости, также работы Петра, представлявших исключительную историческую ценность, в соборе уже не оказалось. На полу грудами лежал разломанный иконостас, с которого работники утильзавода смывали позолоту. Из-под иконостаса торчали холсты с изображениями святых. Морозов извлек их из-под лома и просмотрел, но не нашел ничего достойного музейного собрания. «Вся живопись, – писал он, – заурядных живописцев и иконописцев ремесленников не говорит ни о чем; ни о народном самобытном творчестве, ни о хорошей даже копии – все лубок, подражание трафаретным сюжетам»[668]. Иконостас и живопись относились к XIX веку.

Затем Морозов осмотрел колокола и башенные часы-куранты, установленные в 1894 году фирмой «Фр. Бинтер». Интересна их история. Сооружены часы были на деньги странника по имени Антоний. Желая украсить собор, он заказал на колокольню великолепные часы-куранты с четырьмя циферблатами, на которых цифры располагались на черном фоне, что давало возможность различать время с довольно большого расстояния. Для курантов и боя при часах была устроена особая звонница из 12 небольших колоколов. Часы били каждый час и каждую четверть часа. Трижды в сутки куранты играли мелодии: в девять утра – «Коль славен наш Господь в Сионе», в полдень – «Боже царя храни» и в полночь – «Се жених грядет в полунощи». Впрочем, бой оказался уже испорчен.

После осмотра Андреевского собора Морозов поехал на Казанское кладбище, где встретился с представителем облфинотдела, передавшим металлические убранства могил «Металлолому». При осмотре старой части кладбища Морозов натолкнулся на интересное надгробие с надписью и датой «1721» или «1727» год. Очевидно, это надгробие было единственным «живым свидетелем персональных дней жизни города Кронштадта». По мнению Морозова, оно имело историко-бытовое и краевое значение, а следовательно, нуждалось в охране, о чем он и уведомил администрацию кладбища. К сожалению, с наступлением вечера Морозов не смог продолжить осмотр некрополя, хотя считал нужным обследовать еще и другие кладбища: монастырское, католическое и еврейское.

В отчете он обращал внимание на некоторые городские строения, особо отметив здание бывшего костела – круглое с колоннадой в виде греческой ротонды. Интересной постройкой Александровской эпохи, по его мнению, являлся гостиный двор, а также ряд других зданий. Отметил он и чугунную решетку раннего Николаевского времени, стройно тянувшуюся вдоль морского канала. Вообще Кронштадт, имевший вид «чистенького приморского портового города», произвел на него приятное впечатление[669].

[668] АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 16. Л. 17.
[669] Там же. Л. 18.

В конце июня 1931 года Морозов ездил в город Сестрорецк для обследования имущества ликвидируемого Преображенского собора, выявления предметов музейного значения и доставки их в Русский музей[670].

В том же году, по поручению уполномоченного Наркомпроса, он выезжал для осмотра имущества церкви села Иваново близ города Невеля, чтобы изъять и вывезти «в хранилища ленинградских музеев» предметы, представлявшие музейный интерес[671].

Село Иваново некогда являлось поместьем одного их богатейших вельмож Екатерининского века – генерала И. И. Михельсона, усмирителя Пугачевского бунта. Окруженное большим парком и живописными озерами, оно являло собой чудесный уголок. В общий вид красиво вписывались остатки большой барской усадьбы и замечательный по архитектуре и художественности каменный храм. Построен он был в 1805 году на деньги генерала, который хотя и являлся лютеранином, но с большим уважением относился к Православию, в которое и перешел незадолго до смерти. Впоследствии невежественные, лишенные всякого художественного вкуса, усердные не по разуму настоятели и ктиторы храма испортили его внутренний вид, навесив икон кустарной работы, аляповатых, совершенно не гармонировавших со стилем рококо и первоначальным убранством. Но даже и после этого храм представлял собой редкий для сельского захолустья памятник церковного зодчества[672].

Церковь, освященная в честь Рождества Иоанна Предтечи, имела в верхней части предел во имя Св. Великомученицы Екатерины. Входы в храм (центральный и боковые) украшали колонны, что придавало зданию некоторую помпезность. Вверху храм завершался восьмигранным куполом и четырехугольной изящной колокольней. Кроме симпатичного внешнего вида церковь была замечательна и внутренней отделкой с лепкой на капителях, кронштейнах и карнизах. До революции в ней имелось немало икон в серебряных окладах, висели серебряные чеканные лампады, в алтаре хранилась серебряная вызолоченная утварь. Но все это в начале 1920-х годов изъяли.

К тому времени, когда Морозов приехал в Иваново, власти уже закрыли церковь, а приход ликвидировали. Между тем это был не «рядовой» сельский храм, а потому нуждался в регистрации и охране. Прямо в притворе Морозов обнаружил два мраморных бюста – генерала И. И. Михельсона и его супруги Шарлотты, стоявшие по сторонам на деревянных подставках. Подписи на тыльной стороне указывали, что оба портрета изготовлены в 1785 году известным скульптором Ф. И. Шубиным. Принадлежа резцу выдающегося русского мастера, эти произведения, безусловно, представляли значительную музейную ценность.

[670] АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 856. Л. 228.

[671] АГРМ. Ф. ГРМ. Оп. 10. Д. 313. Л. 20.

[672] *Шавельский Г. И., протопресвитер.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Т. 1. – Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. – С. 82.

Впрочем, бюсты оказались не единственной замечательной находкой. Осматривая то, что еще оставалось внутри храма, Морозов обратил внимание на икону, вернее картину, явно принадлежавшую кисти какого-то европейского мастера эпохи маньеризма (XVI–XVII вв.).

Согласно дореволюционным описаниям в храме имелся низкий одноярусный иконостас с немногочисленными иконами «итальянской живописи», писанными на досках из красной меди[673]. Однако были ли эти иконы действительно итальянской живописи и представляли ли они художественную ценность, неизвестно. В верхней церкви также хранился «очень древний» образ Спасителя, но и его судьбу выяснить не удалось.

Под алтарем храма находился склеп-усыпальница Михельсонов, в котором раньше стояли два гроба – генерала и его беспутного сына Григория, промотавшего после смерти отца все состояние. Крышки гробов не были прибиты, поэтому при желании можно было заглянуть внутрь. Очевидцы отмечали поразительную сохранность тела генерала и большое сходство черт лица с бюстом. Зеленоватого сукна генеральский мундир и ботфорты также почти не были тронуты тлением. Тело сына сохранилось хуже[674]. Однако Морозову, кажется, не удалось увидеть останки знаменитого генерала. После закрытия храма тела вытащили из склепа, и над ними глумилась сельская детвора, пока кто-то не догадался предать их земле.

Церковь как замечательный памятник зодчества Морозов взял на учет. Обнаруженные в ней мраморные бюсты и картину он вывез в Ленинград, передав скульптуры в Русский музей, а живопись – в Эрмитаж.

О деятельности Ф. М. Морозова в 1932 году известно, что он по поручению Музейного фонда сектора Ленсовета и Ленинградского областного отдела народного образования (Леноблоно) занимался переучетом и регистрацией памятников старины в Череповецком, Кирилловском и Устюженском районах. Одновременно проверял имущество и условия его хранения в краевых музеях[675]. В том же году он в течение пяти месяцев на общественных началах, по совместительству, работал экспертом по прикладному искусству и культовым памятникам при Музее истории религии Академии наук СССР[676].

К этому же времени относится очень важное дело, осуществленное Ф. М. Морозовым и оставшееся загадкой даже для знавших его близко людей, а именно спасение мозаик взорванного собора Спаса-на-водах. Собор этот, возведенный на берегу Ново-Адмиралтейского канала и освященный в 1911 году, создавался как храм-памятник русским морякам, погибшим во время

[673] *Семевский М. И.* Путевые очерки, заметки и наброски. Поездка по России в 1890 г. // Русская старина. – 1890. – Т. 68 (декабрь). – С. 729.

[674] *Шавельский Г. И., протопресвитер.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Т. 1. – Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954. – С. 83.

[675] ПФА РАН. Ф. 737 (Айналов Д. В.). Оп. 1. Д. 75. Л. 7.

[676] АГРМ. Ф. ГРМ. Оп. 10. Д. 313. Л. 3 об.

Русско-японской войны 1904–1905 годов. Особенно памятной была трагическая Цусимская битва, в которой погибли тысячи моряков, приняв геройскую смерть в неравном бою. Строительством «Цусимской церкви», как называли этот храм, русские моряки хотели отдать дань памяти погибшим товарищам.

За архитектурный прообраз взяли древние храмы владимиро-суздальской земли: Покрова на Нерли и Дмитриевский собор во Владимире. Созданный по проекту архитектора М. М. Перетятковича, однокупольный храм, облицованный белым камнем, казался образом седой старины, творением мастеров далекого прошлого. Его монументальные входные двери, украшенные медными рельефами, являлись точной копией дверей суздальского собора Рождества Богородицы XIII века. Главку церкви покрывала золотая смальта.

По желанию моряков главным изображением в храме стала мозаичная картина в алтарной части – Спаситель, шествующий по водам, созданная по эскизу академика Н. А. Бруни. Мозаику выполнили в Германии на фабрике «Пуль и Вагнер». Доставили ее по железной дороге в виде фрагментов, которые затем с помощью цементного раствора и арматуры скрепили между собой и восточной стеной здания, превратив в единый монолит. Благодаря небольшому иконостасу, точно повторявшему иконостасы древних храмов, мозаика была хорошо видна молящимся[677].

Еще несколько мозаичных изображений по эскизам В. М. Васнецова выполнила его дочь Татьяна – три сюжета: «Несение Креста» и «Моление о Чаше» на колоннах внутри храма, а также «Нерукотворный Спас» над воротами звонницы.

Большинство образов в иконостасе и на стенах являлись копиями судовых икон российских кораблей, участвовавших в войне. Особую ценность представляли иконы, спасенные с крейсеров «Севастополь», «Варяг», «Баян» и «Ретвизан». Уникальным образцом искусства чеканки являлись царские врата, алтарной завесой которых служил Андреевский флаг. Росписи сводов и стен нижней церкви воспроизводили живопись старинных московских храмов. В стиле XVI века был сделан и бронзовый иконостас, чеканный, с ажурным орнаментом по кованой парче[678].

На стенах и пилонах храма-памятника помещались бронзовые доски с именами павших моряков – от матроса до адмирала – 12 тысяч имен. При храме был создан музей, в котором находилось собрание морских реликвий.

Когда началась Первая мировая война и на Балтике со всем экипажем погиб крейсер «Паллада», на стенах храма появились новые скорбные ряды имен.

После Октябрьской революции большевики запретили проводить в храме службы, неоднократно закрывали и опечатывали его, изымали, а то и просто разворовывали ценности, уникальную утварь и предметы убранства, арестовывали

[677] *Бельков В. А.* Сильнее смерти. Итоги русско-японской войны 1904–1905 гг. и судьба храма-памятника морякам Спаса-на-Водах. – СПб.: Агентство РДК-принт, 2007. – С. 43.
[678] *Крюковский А. П.* Петербургские храмы. – СПб.: Паритет, 2009. – С. 364.

священников. В 1931 году городские власти приняли решение о сносе храма-памятника. Хотя взрывы храмов в стране Советов уже давно стали не новостью, тем не менее уничтожение каждого из них, а тем более такого знаменательного, отзывалось в сердцах многих людей жгучей болью. Верующие, и не только, пытались спасти храм от уничтожения, обращаясь с жалобами в различные инстанции, однако правительство осталось глухо к их просьбам. Узнав о решении снести храм, Ф. М. Морозов сумел договориться о демонтаже трех мозаичных панно: «Несение Креста», «Моление о Чаше» и «Нерукотворный Спас». Сняв мозаики, он перевез их в Никольский собор – ближайший действующий храм.

Предположительно в июне 1932 года храм взорвали. Берег Невы вокруг руин усыпала драгоценная смальта. Восточная стена храма с изображением Спасителя, шествующего по водам, при взрыве обвалилась в неглубокий Ново-Адмиралтейский канал. В воде виднелся чудом уцелевший Лик Христа – голова с оплечным изображением[679]. Место, где стоял храм-памятник, вскоре закрыли глухим забором с колючей проволокой.

Узнав, что при взрыве уцелел упавший в воду фрагмент мозаики с изображением Лика Спасителя, Морозов решил непременно достать его из канала. Рассчитывать на помощь какого-либо государственного учреждения в таком деле в то время вряд ли было возможно. Поэтому, скорее всего, Морозов организовал подъем мозаики частным образом. А это было нелегко. Чтобы поднять со дна канала большую каменную плиту, весившую, как потом выяснилось, больше тонны, нужны были водолазы и специальная техника. Кроме того, для осуществления работ необходимы были деньги. Однако Морозов каким-то чудом сумел все организовать. Извлеченную из воды мозаичную плиту он так же, как и другие мозаики, отвез в Никольский собор. В начале 1933 года Морозов договорился о принятии спасенных мозаик храма Спаса-на-водах в хранилище Русского музея, куда и доставил их поздним вечером 9 февраля в сопровождении «сотрудника органов». Свидетельствует об этом единственный сохранившийся документ – «Акт передачи № 1243 от 9 февраля 1933 г.»[680]. Уже в музее поднятую из воды мозаику почистили и смогли более внимательно осмотреть. Выяснилась ее удивительная сохранность: на лике Спасителя не было ни царапины, хотя края сферического фрагмента представляли собой гребенку с кусками арматуры и бетонной основы. Простой случайностью назвать это трудно. До времени привезенные Морозовым священные изображения из разрушенного храма остались сокрытыми в музейных запасниках.

В конце 1980-х годов о храме-памятнике снова вспомнили, и в 1990 году в Ленинграде учредили Фонд восстановления храма Спаса-на-водах[681]. Близ места, где он ранее находился, стали служиться ежегодные «цусимские»

[679] *Бельков В. А.* Указ. соч. – С. 38.
[680] Там же. – С. 44.
[681] Там же. – С. 40.

панихиды, начались проектные работы, выходили публикации, радио- и телепередачи. В городских архивах отыскали чертежи вместе со всем основным собранием документов строительной комиссии храма. В 1994 году возникла идея сооружения рядом с местом бывшего собора часовни того же архитектурного стиля, что и храм. Это должно было стать первым шагом к возрождению морского мемориала[682]. В 1995 году в запасниках Русского музея отыскались подлинные мозаики из храма-памятника. Тогда же стало известно и имя их спасителя – Ф. М. Морозов.

С 1997 года мозаики обрели временный приют в здании Военно-Морской академии. В настоящее время они находятся в выставочном павильоне комплекса часовни Св. Николая Чудотворца храма Спаса-на-водах (Английская набережная, 76)[683] в составе открытой в 2007 году экспозиции «Святыни русского флота».

«Приют отшельника»

7 мая 1933 года Ф. М. Морозов стал старшим научным сотрудником Государственного Эрмитажа по Музейному фонду и учету музейных памятников северо-западного Европейского искусства[684]. Поступление в главный музей страны стало для него событием исключительной важности.

Наконец, бывший послушник обрел в долгих скитаниях постоянную «обитель». «Пустынное убежище, место уединения, приют отшельника» – именно так переводится французское слово ermitage, которым некогда Великая Екатерина назвала помещения для интимных встреч, откуда началась история великого музея. Впрочем, «пустынным убежищем» в прямом смысле Эрмитаж быть никак не мог. Принимая ежегодно миллионы посетителей, он вел огромную собирательную и научную работу. И Морозова здесь ждали большие труды…

В Эрмитаж Морозов попал в то время, когда музей переживал крайне тяжелый период, став для государства главным источником добычи денег за счет продажи памятников искусства. В 1928–1933 годах советское правительство массово вывозило эрмитажные сокровища для продажи за рубеж, основным местом сбыта которых стала Германия. В музее не осталось ни одного отдела, который бы не пострадал в эти годы. Распродавались картины и керамика, ювелирные украшения и стекло, художественные изделия из металла и оружие, гобелены и скульптура. Почти полностью была распродана крупнейшая в Европе коллекция

[682] *Бельков В. А.* Указ. соч. – С. 41.

[683] Следует сказать, что дело постройки памятной часовни далось с огромным трудом. Почти десять лет понадобилось на то чтобы добиться ее сооружения. Но, несмотря на трудности, часовня морского храма Спаса-на-водах в 2003 г. была построена и освящена. Огромная заслуга в деле организации восстановления храма-памятника принадлежит председателю Правления Санкт-Петербургского общественного Комитета восстановления храма Спаса-на-водах В. А. Белькову.

[684] АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 33 об.

рыцарских доспехов. Но больше всего пострадала Картинная галерея, потеряв несколько тысяч произведений, в том числе и шедевры мирового значения. Навсегда покинули Россию работы таких мастеров, как Рафаэль, Рембрандт, Тициан, Рубенс, Ян ван Эйк. Почти за бесценок уходили полотна Боттичелли, Перуджино, Веласкеса, Хальса, Веронезе, Ван Дейка, Шардена, Буше и др. Была распродана обширная коллекция нидерландской, фламандской и голландской живописи, собранная и завещанная музею П. П. Семеновым-Тян-Шанским. На одном из аукционов распродалось богатейшее эрмитажное собрание рисунков и гравюр[685]. Неоправданные ни с экономической, ни с политической точки зрения распродажи художественных ценностей наносили невосполнимый ущерб национальной культуре. Кроме того, начиная с 1932 года для поддержания престижа союзных республик сотни картин и памятников прикладного искусства передавались из Эрмитажа в картинные галереи и музеи Украины, Белоруссии, Кавказа и самой России.

Возглавлявший в то время Эрмитаж Б. В. Легран, не имея возможности открыто противостоять распродажам, курируемым НКВД, предложил своему заместителю Иосифу Абгаровичу Орбели написать письмо Сталину с просьбой о защите музейных сокровищ. Письмо главе государства было написано, однако касалось лишь отдела Востока, который возглавлял Орбели. Положительный ответ Сталина оградил отдел от посягательств агентов «Антиквариата», через который шел отбор произведений на продажу. Ободренный этим, И. А. Орбели пошел на уловку: он объявил все западноевропейские экспонаты связанными с Востоком по тому или иному признаку, например по изображениям на них восточных изделий, ковров и пр.[686] Таким образом, удалось спасти не только отдел Востока, но отчасти и Западноевропейского искусства. Однако остальное по-прежнему распродавали.

Вот в такое непростое для Эрмитажа время Ф. М. Морозов и стал его сотрудником, причем благодаря участию именно И. А. Орбели. Научные интересы Иосифа Абгаровича давно были связаны с историей Закавказья, откуда происходил его старинный княжеский род. Ученый дважды предпринимал археологические раскопки на территории древней Армении: в 1916 году – в районе озера Ван, на турецкой территории, занятой тогда русскими войсками, и в 1929 году – в Советской Армении. Безусловно, ему были весьма интересны и симпатичны труды Ф. М. Морозова по регистрации и охране памятников церковной старины Закавказья. Он, конечно, мог по достоинству оценить собранную Морозовым в годы Первой мировой войны коллекцию фотографий. Неизвестно, при каких обстоятельствах произошло их знакомство, но как бы то ни было, Орбели видел в Морозове человека, полезного для музея, человека, на которого можно

[685] *Мосякин А.* Продажа // Огонек. – 1989. – № 6. – С. 21.
[686] *Пиотровский Б. Б.* Записки моей жизни. – СПб.: Наука, 1995. – С. 107.

опереться и которому можно доверять в работе. Благодарный Федор Михайлович, в свою очередь, всегда старался всячески оправдать оказанное ему доверие и показать «свою значимость для Эрмитажа»[687].

Еще накануне поступления в Эрмитаж, видимо, когда решался об этом вопрос, Морозов передал музею ряд ценных предметов, имеющих большое художественно-музейное значение[688]. Наиболее важными были два произведения XVI–XVII веков: картина неизвестного художника-маньериста и деревянная скульптура северо-немецкого мастера – «Несение Креста». Картина была именно та, которую Морозов обнаружил в Предтеченской церкви села Иваново Невельского округа. Предполагаемым ее автором мог быть крупнейший представитель маньеризма – нидерландский художник Корнелис Энгельбрехтсен. Для эрмитажной экспозиции картина оказалась «самым характерным образцом нидерландского маньеристического направления», а деревянная скульптура – «единственным произведением низового демократического искусства» Германии XVI века[689]. Скульптуру Морозов нашел во время экспедиции по Заонежью в погосте Котлы Кингисеппского уезда тогда еще Ленинградской губернии[690]. Оба произведения принадлежали к направлениям практически не представленным в Эрмитаже, поэтому стали значимым вкладом в его собрание. В составленной по этому поводу справке говорилось, что музей «весьма заинтересован в высокополезной деятельности товарища Морозова»[691].

Приблизительно в это же время Федор Михайлович передал в дар музею фрагмент папируса[692].

Став сотрудником Эрмитажа, он одновременно занял должность инспектора-эксперта при уполномоченном Наркомпроса по учету и принятию мер охраны памятников искусства и старины в Ленинграде и Ленинградской области[693], а также ученого эксперта-консультанта при Музее истории религии Академии наук СССР.

Первым его заданием от Эрмитажа стала командировка в города Киев, Минск, Витебск, Полоцк, Смоленск, Торопец и их районы для ознакомления с собраниями местных музеев и для проведения переговоров с их руководством о взаимном обмене экспонатами[694]. Истощенный распродажами музей нуждался в пополнении фондов. Во время поездки Морозов также знакомился с работой по учету и охране памятников старины, а где было нужно, сам принимал необходимые меры[695]. Оказавшись вновь в Торопце, он осмотрел Корсунскую

687 Из воспоминаний профессора Абрама Давидовича Столяра (Санкт-Петербург).
688 АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1509 (ч. III). Л. 36.
689 Там же.
690 ПФА РАН. Ф. 737 (Айналов Д. В.). Оп. 1. Д. 75. Л. 5.
691 АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1509 (ч. III). Л. 34.
692 Там же. Л. 137.
693 АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 4 об.
694 ПФА РАН. Ф. 737 (Айналов Д. В.). Оп. 1. Д. 75. Л. 6.
695 АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 5.

икону Божией Матери, отметив, что ее состояние ухудшилось. 18 мая Морозов написал письмо директору Русского музея Н. П. Сычеву о необходимости принятия срочных мер по ее охране и реставрации. Сычев являлся большим знатоком русского искусства, оказавшим значительное влияние на формирование коллекций Русского музея и разработавшим его первые постоянные экспозиции. Возможно, он и намеревался решить вопрос о реставрации иконы в положительную сторону, но в сентябре его арестовали. В Русском музее тогда в сентябре–ноябре были арестованы многие сотрудники[696]. Среди них вполне мог оказаться и Морозов, и, возможно, не оказался лишь благодаря тому, что перешел на другое место работы.

Командировка Морозова оказалась весьма плодотворной. Так началась его собирательная деятельность для Эрмитажа.

В конце 1933 года распродажа сокровищ главного музея страны прекратилась. К этому времени зарубежные аукционные торги предметами искусства из Советской России достигли апогея, дойдя вместе с тем до абсурдно низких ставок. Зарубежные средства массовой информации писали: «Эрмитаж все сильнее истощается. Многие произведения искусства распродаются с минимальной для великого государства пользой по прихоти политиканов, которые мнят себя апостолами культуры»[697]. Ситуация действительно становилась настолько критической, что Эрмитаж мог просто перестать быть великим музеем. Но как ни парадоксально, распродажу прекратил приход к власти нацистов, запретивших иностранным представительствам выставлять что-либо на торги с аукционов по всей Германии. Так Внешторг лишился главного рынка сбыта предметов искусства[698]. С другой стороны, и сами советские вожди начали, наконец, осознавать бесперспективность этой безумной затеи. Итак, конец 1933 года принес Эрмитажу долгожданное облегчение, а вскоре произошла и смена его руководства – музей возглавил И. А. Орбели.

Перед новым директором Морозов не замедлил поднять вопрос о судьбе онежских петроглифов, рассказав об этих уникальных памятниках и о вопиющей проблеме их сохранности. По его мнению, они не только представляли исключительный интерес для науки, но и могли бы стать ценнейшим приобретением для собраний Эрмитажа. К этому времени петроглифы Карелии, и в частности Онежского озера, уже сделались объектом серьезного изучения. Не первый год их исследованием занимались А. М. Линевский и А. Я. Брюсов, начинал работу по их изучению В. И. Равдоникас. Морозов поделился с И. А. Орбели соображениями о том, как можно отделить от массива фрагменты с наиболее хорошо сохранившимися изображениями и доставить в музей. Он сообщил, что еще в

[696] Репрессированные этнографы / Сост. Д. Д. Тумаркин. Вып. 2. – М.: Изд. «Восточная литература» РАН, 2003. – С. 282.
[697] Цит. по: *Мосякин А.* Продажа // Огонек. – 1989. – № 6. – С. 22.
[698] *Жуков Ю. Н.* Указ. соч. – С. 317–318.

1926 году провел переговоры с инженерами и мастерами «Карелгранита», и те соглашались за умеренную плату провести необходимые работы.

Морозов сумел убедить – петроглифы заинтересовали Орбели. Тогда же, в 1934 году, Иосиф Абгарович командировал его вместе с профессором Л. А. Мацулевичем на Онежское озеро для обследования состояния наскальных изображений Бесова и Перия носов, а также для проведения переговоров с «Карелгранитом» о возможности поднятия и перевозки фрагментов глыб в Эрмитаж[699]. При обследовании мысов сотрудники музея решили, что нужно отделить гранитную глыбу южной части Пери-Носа, где изображения сохранились лучше всего, а также почти отколовшуюся и нависавшую над водой глыбу. Как выяснилось, доставка в Ленинград отделенных фрагментов являлась задачей вполне разрешимой, о чем и было доложено Орбели. Впрочем, сама операция была проведена лишь в следующем году. Ее осуществлением занялся Ф. М. Морозов – главный инициатор всего дела, к тому же имеющий большой опыт такелажных работ и транспортировки тяжелых грузов. В годы войны ему не раз приходилось заниматься перевозкой имущества Серафимовского лазарета: укладывать в многочисленные ящики, руководить погрузкой и разгрузкой. Под его руководством специалисты «Карелгранита» провели взрывные работы, отделив от скал намеченные фрагменты. Затем четыре из них погрузили на небольшую баржу, которую по предварительной договоренности взял на буксир транспорт, идущий в Ленинград с заходом в Неву. Таким образом, фрагменты скал с изображениями доставили к набережной напротив малого входа в Зимний дворец, где их и выгрузили. Профессор Абрам Давидович Столяр, в то время младший коллега Морозова по Эрмитажу, рассказывал, что «дядя Федя» три дня прождал И. А. Орбели, когда тот выйдет и сам оценит привезенные артефакты[700]. Иосиф Абгарович оценил. Камни были приняты на хранение в музей. Правда, на Морозова сетовал В. И. Равдоникас. Ознакомившись в 1934 году с петроглифами на восточном берегу Онежского озера, он предпринял какие-то шаги относительно вывоза в Ленинград почти отколовшегося фрагмента от массива на Перим-Носу, и был очень недоволен, что камни вывезли без его участия. «К сожалению, – писал он, – снятие этого камня с места, порученное Государственным Эрмитажем Ф. М. Морозову, было произведено без соблюдения должных мер предосторожности, с помощью взрывчатых веществ, вследствие чего некоторые фигуры пострадали»[701]. Однако нужно заметить, что, во-первых, ущерб для изображений при отделении каменных фрагментов оказался незначительным, а отчасти и неизбежным. А во-вторых, изображения эти уже неоднократно воспроизводились (зарисовывались и фотографировались). Конечно, Равдоникас

[699] ПФА РАН. Ф. 737 (Айналов Д. В.). Оп. 1. Д. 75. Л. 6.

[700] Из воспоминаний профессора Абрама Давидовича Столяра (Санкт-Петербург).

[701] *Равдоникас В. И.* К изучению нескальных изображений Онежского озера и Белого моря // Советская археология. – 1936. – Т. 1. – С. 35.

ревниво отнесся к тому, что его «обошли». Но ведь Морозов намного раньше его поднял вопрос о вывозе фрагментов с петроглифами в Ленинград и в итоге оказался более предприимчивым.

С тех пор эти ценнейшие историко-культурные памятники мирового значения обозревают многочисленные посетители Эрмитажа. Две плиты находятся в начале экскурсионного маршрута по Фондохранилищу, а самый большой фрагмент экспонируется в одном из залов Зимнего дворца. Разрушение петроглифов на берегах Онежского озера продолжается, и проблема их охраны, поднятая Морозовым в 1926 году, по сегодняшний день остается актуальной. Сам он сделал что мог, сохранив для истории и науки хотя бы часть их в подлинном виде. Остальное – дело настоящего и будущего…

В сентябре 1934 года Морозов по поручению Эрмитажа и Леноблоно выезжал в Новгород в качестве бригадира и руководителя работ по инвентаризации имущества Новгородского музея, собрания которого прекрасно знал. Там он выявил, как считал, подделку известной в научной литературе золотой византийской эмали, относимой к IX веку (Н. П. Покровский, Н. П. Кондаков), а именно эмалевый образок святого Ипатия. То, что он был выполнен очень грубо и к тому же не на золоте, а на меди, побудило Морозова сделать вывод о его поддельности[702]. Впрочем, сегодня это изделие считается подлинным произведением предположительно XII века, выполненным в технике перегородчатой эмали на золоченой меди.

В конце февраля 1935 года Эрмитаж командировал Ф. М. Морозова в Старорусский район Новгородской области выяснить судьбу клада, найденного близ деревни Подборовка у впадения реки Ловать в Ильменское озеро. Обнаружила его при вспашке поля крестьянка Лохина. Надеясь разбогатеть, женщина отправилась в Старую Руссу, в «Торгсин», где предложила купить у нее старинные монеты, думая, что они серебряные. Но там ей отказали, пояснив, что это не серебро, а низкопробные восточные дирхемы. Разочарованная крестьянка вернулась со своей находкой в деревню, где монеты быстро разошлись по рукам. Между тем «Торгсин» сообщил о кладе во Всесоюзную академию наук, а та, в свою очередь, известила Эрмитаж[703].

Уже в Подборовке Морозов выяснил, что клад состоял из медных персидских монет, предположительно IX века, весов и небольших гирек. Однако ему не все удалось собрать, часть клада так и осталась припрятанной деревенскими жителями. В Ленинград он привез 96 целых монет, 56 обломков и 10 гирек. На следующий день, 11 марта, о редкой находке сообщила «Комсомольская правда». Отмечая, что клад найден в районе древнего торгового пути «из варяг в греки», газета писала: «Надо полагать, – говорит товарищ Морозов, – что какой-то предприимчивый купец, опасаясь набега варваров, зарыл в землю кубышку

[702] ПФА РАН. Ф. 737 (Айналов Д. В.). Оп. 1. Д. 75. Л. 6–7.
[703] Клад монет X века // Красная газета. – 1935. – № 133. – С. 2.

с предметами своей меновой торговли»[704]. Более точно происхождение монет выяснили в Эрмитаже. Заведующий нумизматическим отделом Н. П. Бауэр установил, что относятся они к X веку, и большинство их вычеканено во время правления в Южной Персии и Ираке династии Бувейхидов[705].

Летом 1935 года в Эрмитаже началась активная подготовка к проведению III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. На предшествующем конгрессе 1931 года, проходившем в Лондоне в Академии художеств Берлингтонского дворца, Эрмитаж представил коллекцию сасанидского серебра, произведшую настоящую сенсацию. Зарубежные газеты восторженно писали, что Эрмитаж вновь открыл миру замечательное искусство, памятников которого почти не осталось вне пределов Советского Союза[706]. Завершая работу, конгресс постановил провести следующее заседание в Ленинграде, на базе Эрмитажа.

И вот Наркомпрос СССР решил организовать конгресс в сентябре 1935 года. Для его подготовки был создан специальный комитет, одно из центральных мест в котором занял И. А. Орбели, избранный вскоре академиком. С весны в Эрмитаже закипела подготовительная работа. Ожидался приезд многих известных зарубежных иранистов. В залах Зимнего дворца готовилась грандиозная выставка, на которой предполагалось представить, помимо богатой эрмитажной коллекции, экспонаты из музеев Советского Союза и из-за рубежа. И. А. Орбели, детищем которого был отдел Востока, хотел продемонстрировать его во всей красе и, в частности, показать богатейшее собрание сасанидского искусства. Даже в самом Иране, где когда-то правила могущественная династия Сасанидов, сохранилось не более десятка сосудов этой эпохи. А в Эрмитаже их было несколько десятков – несравнимое богатство, без которого почти невозможно было составить представление об искусстве Ирана III–VII веков. Многое из эрмитажной коллекции показывалось уже в Лондоне, поэтому нужно было что-то новое, еще невиданное иранистами других стран. Нужно было поразить участников конгресса. В Иране сасанидские изделия из серебра уже давно были переплавлены в монеты или расхищены. А у нас эти удивительной работы блюда и чаши с изображениями царей, охотящихся на львов, мифическими существами, скачущими лошадьми, пиршествами и прочими сюжетами, сохранились в кладах. Больше всего их находили в Приуралье, Прикамье и на Украине, куда в древности сасанидское серебро привозилось в обмен на меха и пшеницу. Чтобы украсить выставку новыми экспонатами, Орбели решил отправить в Приуралье Ф. М. Морозова. Только ему, человеку с исключительным чутьем, энергией и даром к разысканию памятников старины, он мог доверить эту миссию. И действительно, в подобных делах Морозову не было равных.

Так как времени на подготовку конгресса, как обычно, было отпущено мало, поездку пришлось ограничить несколькими городами. Морозов должен

[704] Монеты IX века // Комсомольская правда. – 1935. – № 58. – С. 4.
[705] Клад монет X века // Красная газета. – 1935. – № 133. – С. 2.
[706] *Любимов Л.* Среди сокровищ Эрмитажа // Новый мир. – 1960. – № 5. – С. 207.

был обследовать краеведческие музеи Перми, Свердловска, Чердыни, Кудымкара и Кунгура[707]. К сожалению, подробных сведений об этой поездке найти не удалось. Известно, что из Кудымкара Федор Михайлович доставил в Эрмитаж «предметы сасанидского искусства из серебра, представляющие большое музейное и историко-художественное значение»[708]. Это были предметы из клада, найденного в 1927 году у деревни Турушево Вятской губернии, включавшего сасанидские, византийские и средневизантийские серебряные изделия. Все привезенное было представлено на выставке Международного конгресса, проходившего в Эрмитаже с 11 по 16 сентября. И надо сказать, что Сасанидский зал занимал, несомненно, центральное место[709].

Это был первый Международный конгресс в Советском Союзе, поэтому все на нем постарались устроить роскошно.

Ученая степень

За два года работы в Эрмитаже Ф. М. Морозов успел зарекомендовать себя не только как исключительный «следопыт», но и как большой знаток искусства Древней Руси и Византии. Его познания и опыт вскоре нашли официальное признание. В конце 1935 года в музейных и других научных учреждениях Ленинграда работали комиссии по оценке квалификации научных работников для присуждения ученых степеней по соответствующим специальностям. Хотя подобная комиссия работала и в Эрмитаже, представления на ряд своих сотрудников, специалистов в области византийского и древнерусского искусства музей направил в Квалификационную комиссию при Академии художеств. В их числе оказался и Ф. М. Морозов. Помимо переданных Эрмитажем в комиссию необходимых документов, требовался еще отзыв авторитетного ученого в соответствующей области. Таким ученым, хорошо знавшим Морозова и его труды по охране и собиранию памятников византийского и древнерусского искусства, а также по организации музеев, был профессор Д. В. Айналов. К нему Морозов и обратился с просьбой написать отзыв для Квалификационной комиссии. Не имея возможности встретиться лично, по причине болезни профессора, Морозов послал ему письмо – времени оставалось мало, уже было 20 декабря, а отзыв требовалось предоставить до конца месяца. «Вы мой учитель и знакомы с моей музейной работой почти 20 лет, – писал он, – а потому я осмеливаюсь беспокоить Вас и просить дать, письменный, соответствующий моей

[707] АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 5.
[708] ПФА РАН. Ф. 737 (Айналов Д. В.). Оп. 1. Д. 75. Л. 8.
[709] *Стрелков А. С.* Третий международный конгресс по иранскому искусству и археологии // Советская археология. – 1937. – Т. 2. – С. 211.

научно-музейной собирательной работе отзыв, который я мог бы представить в Академию Художеств»[710].

Познакомившись с Айналовым еще на университетской скамье, Морозов на протяжении двух десятилетий не прерывал с ним общения, неизменно пользуясь его советами, консультациями, а порой и руководством. В свою очередь Д. В. Айналов высоко ценил Морозова, что и отразил в отзыве. «Морозов Федор Михайлович, – писал он, – известен мне как чрезвычайно деятельный, талантливый исследователь феодального искусства Византии и древней Руси. Он является редким в наше время искусствоведом по охране памятников искусства и письменности и по организации нескольких музеев, их снабжению и охране музейного искусства». Далее профессор называл устроенные им музеи, указывал на некоторые обнаруженные редчайшие памятники, переданные в Эрмитаж и Академию наук, перечислял печатные и рукописные труды. «Ф. М. Морозов работал под моим руководством более 20 лет и является не только знающим и опытным искусствоведом феодальной эпохи Руси и Византии, но и научным исследователем многих своих открытий», – писал в заключении отзыва Д. В. Айналов[711].

Квалификационная комиссия Академии художеств, рассмотрев документы Ф. М. Морозова, представила их в Москву в Высшую аттестационную комиссию (ВАК) Всесоюзного Комитета по делам Высшей школы при Совнаркоме СССР, для присуждения ему ученой степени кандидата искусствоведческих наук без защиты диссертации. Три года пришлось ждать решения по этому вопросу, и в 1939 году Всесоюзный ВАК присвоил Морозову кандидатскую степень[712].

Торопецкая икона Божией Матери

К началу 1936 года Ф. М. Морозову, наконец, удалось добиться решения о передаче Торопецкой иконы Божией Матери в Русский музей. Еще в июле минувшего года дирекция музея обратилась в Московский отдел Ленсовета к некоему Лебедеву, чтобы тот инициировал ходатайство о передаче иконы «из собора Торопца»[713]. Однако на этом уровне решить вопрос, видимо, не удалось, так как 8 января дирекция обратилась с той же проблемой в Москву к заведующему Музейным фондом Наркомпроса РСФСР Ф. Я. Кону[714]. Получив на этот раз разрешение, музей направил в Торопецкий райисполком официальную бумагу с просьбой передать икону в Ленинград. «Государственный Русский Музей, – говорилось в обращении, – несколько лет ведет научно-исследовательскую работу над указанной иконой, которая требует детального ознакомления с ней

[710] ПФА РАН. Ф. 737 (Айналов Д. В.). Оп. 2. Д. 62. Л. 1 об.
[711] Там же. Оп. 1. Д. 75. Л. 1–2.
[712] АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 11.
[713] АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1057. Л. 215.
[714] Там же. Д. 1152. Л. 1.

(реставрация и пр.). Кроме того, живопись иконы находится в угрожающем состоянии и требует срочной реставрации и укрепления ее»[715].

Получив предварительное согласие райисполкома, Русский музей командировал в Торопец Ф. М. Морозова. Хотя тот уже давно не был сотрудником музея, однако поехал именно он (как инспектор Музейного фонда Наркомпроса) – ведь это было его дело! Впрочем, икона по настоянию Торопецкого горсовета передавалась Русскому музею временно, лишь для «изучения и реставрации». Об этом 27 февраля Ф. М. Морозов и директор местного музея М. Ф. Солнцева составили соответствующий акт, причем на случай невозврата иконы была определена сумма неустойки в 30 тысяч рублей[716]. Неизвестно, правда, кто именно выдвинул условие о денежной компенсации, краеведческий музей или горсовет. Судя по документам, М. Ф. Солнцева не была против передачи иконы и даже договаривалась о предоставлении взамен каких-либо музейных предметов, что ей на словах и было обещано.

Итак, Морозов доставил знаменитую икону в Русский музей. В реставрационной мастерской ее почти полностью очистили от позднейших слоев записи. Из-за плохой сохранности не расчищенными остались личное письмо, руки Богоматери и ножки Богомладенца[717]. Сомнений больше не оставалось, икона действительно представляла памятник византийской живописи XII века. Ввиду его «исключительного исторического значения», в июне 1936 года Русский музей обратился во Всероссийский комитет по делам искусства при Совнаркоме СССР с просьбой оставить икону у себя на постоянное хранение. «Расчистка этого памятника, – говорилось в обращении, – <…> и исследование его показало, что икона представляет из себя редчайший образец византийской живописи, исполненный по заказу Полоцкой княжны Евфросинии в XII в.»[718]. Всероссийский комитет по делам искусства дал согласие, однако на этом дело не закончилась.

В середине декабря Торопецкий горсовет направил Русскому музею ультимативное требование вернуть икону в краеведческий музей или выплатить 30 тысяч рублей не позднее 20 декабря 1936 года[719]. Когда из Ленинграда сообщили, что вопрос о передаче иконы уже решен, горсовет категорически отказался признать это, настаивая на возвращении иконы или выплате неустойки[720]. Дело снова дошло до Москвы. Тогда Наркомпрос РСФСР распоряжением от 27 января 1937 года подтвердил, что Торопецкая икона остается в Русском музее. Заведующей же Торопецким музеем М. Ф. Солнцевой заместитель наркома просвещения Н. К. Крупская ответила: «Вопрос о передаче иконы Корсунской Божий Матери

[715] АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1122. Л. 57.
[716] Там же. Д. 1118. Л. 219.
[717] Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Редактор-составитель А. М. Лидов. – М.: Мартис, 1996. – С. 214.
[718] АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1152. Л. 113.
[719] Там же. Д. 1118. Л. 219.
[720] Там же. Д. 1119. Л. 71.

Вами поставлен неверно. О продаже иконы не может быть и речи – она должна быть передана безвозмездно, т. к. все ценности, находящиеся в любом музее, несомненно, принадлежат государству»[721]. Солнцева, однако, видимо под давлением горсовета, пыталась возражать и требовала возвратить икону. Она подала даже заявление в Арбитражный суд при Совнаркоме СССР. Но с государством спорить было бесполезно, суд постановил «оставить икону в Государственном Русском музее»[722].

Так, благодаря Ф. М. Морозову, в собрании Русского музея появился уникальнейший памятник древневизантийского искусства XII века, замечательный не только своим происхождением. Икона интересна и в иконографическом отношении – она передает черты византийского портрета. Вместе с тем Торопецкая икона Божией Матери является самым ранним образом Одигитрии, известным на Руси[723], а потому единственным памятником в свом роде. Она является выдающимся памятником не только русской, но и мировой культуры.

Следует заметить, что благодаря Морозову не только Русский музей обогатил свое собрание древних икон. Именно Федор Михайлович, как рассказывают, заложил основы эрмитажного фонда древнерусского искусства, работая в этом направлении с первого года поступления в главный музей страны[724].

Камень Тимура

Летом 1936 года Ф. М. Морозов снова выезжал в командировку на Урал, на этот раз, чтобы выяснить судьбу клада, найденного у деревни Большая Аниковская близ Чердыни (Пермская область). Клады в этих краях находили нередко, и вот – очередной. Обнаружил его бригадир колхоза «Батрак» Иван Степанович Могильников. Во время вспашки поля под названием «Узнайково» неожиданно из-под плуга вывалились три металлических блюда. Позже выяснилось, что это серебряные изделия Сасанидской эпохи[725]. По содержанию и технике исполнения блюда оказались редчайшими памятниками своего времени. Подобных не было в собраниях ни европейских, ни иранских музеев[726].

По возвращении с Урала Ф. М. Морозова ждала еще одна дальняя поездка – в Карсакпайский район Казахской ССР для разыскания и изучения наскальных изображений и надписей на горе Алтын-шокы, а также в долине рек Сорелы и

[721] АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1169. Л. 20.
[722] Там же. Л. 20–25 об., 48.
[723] *Никифораки И.* ЭОП и атрибуция произведений искусства // Искусство. – 1966. – № 10. – С. 51.
[724] *Сапунов Борис.* Он всегда кого-то или что-то спасал… // Конкуренция и рынок. – 2008. – № 37 (март). – С. 86.
[725] Клад состоял из двух блюд и ложчатой чаши. На одном блюде изображалась охота царя Пероза, на другом – орел, несущий женщину. На чаше был изображен «олень у дерева».
[726] ПФА РАН. Ф. 737 (Айналов Д. В.). Оп. 1. Д. 75. Л. 8.

Жетикыз. Впрочем, главной его целью был камень с надписями, сделанными, как сообщали местные ученые, по повелению легендарного эмира Тимура (Тамерлана) во время его похода против золотоордынского хана Тохтамыша[727]. В конце января 1391 года двухсоттысячное войско Тимура двинулось из Ташкента через суровую Голодную степь на север, и примерно через три недели достигло западных отрогов Улытау. Здесь великий завоеватель приказал своим воинам сложить на вершине горы Алтын-шокы пирамиду из камней и высечь памятную надпись о предстоящем военном предприятии. В 1935 году камень с надписью обнаружил известный казахский геолог Каныш Сатпаев. Один из его коллег вспоминал: «Мы с Шарипом нашли Каныша Имантаевича возле огромного камня. Настроение у него было приподнятое. “Давайте, джигиты, попробуем сдвинуть. На Алтын-Шокы мы нашли клад ценнее золота. Это, по-моему, бесценное сокровище!” – говорит он нам. Видимо, действительно оно было бесценное. Мы не смогли нанести царапину на камень даже крепким геологическим молотком. Втроем не смогли сдвинуть его с места. Такой он был тяжелый. Вернулись в палатку, попили чаю. А наутро отправились к камню. Я сфотографировал его “фотокором”. Чтобы снимок хорошо получился, набелил зубным порошком надпись на камне. Так родилась фотография, часто сопровождающая статьи об Улытауском камне, которые время от времени появляются в печати»[728].

Вернувшись после полевых работ в город Карсакпай, Сатпаев отправил фотографию в Москву в Академию наук. Через несколько месяцев о камне с надписями уже писали газеты. Когда известие об уникальной находке дошло до Эрмитажа, И. А. Орбели решил заполучить этот уникальный памятник для музея. В начале сентября 1936 года он написал в Карсакпай письмо К. И. Сатпаеву, в котором извещал о решении Академии наук направить в Улытау специальную научную экспедицию, а также о постановлении художественного совета сделать достоянием Эрмитажа мемориальный камень Тимура и просил указать его местонахождение[729].

Однако в Казахстан вместо экспедиции выехал один лишь неутомимый Ф. М. Морозов, в командировочном удостоверении которого говорилось, что ему «поручается сбор и вывоз материалов, представляющих всесоюзное значение, в частности эпиграфического памятника на горе Алтын-Шокы»[730].

В конце сентября, снабженный необходимыми бумагами, в которых руководство Эрмитажа обращалось «ко всем советским и хозяйственным органам» оказывать ему содействие, Морозов прибыл в Карсакпай. Первым делом он встретился с Сатпаевым. Затем в правлении Карсакпайских медных рудников договорился о предоставлении в его распоряжение специалистов по горно-подрывным работам[731], нанял грузовой автомобиль и отправился за камнем Тимура.

[727] ПФА РАН. Ф. 737 (Айналов Д. В.). Оп. 1. Д. 75. Л. 8.
[728] Цит. по: *Сарсеке М.* Сатпаев. Изд. 2-е, доп. – М.: Молодая гвардия, 2003. – С. 264.
[729] *Сарсеке М.* Указ. соч. – С. 264.
[730] АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1995. Л. 1–2.
[731] Там же. Л. 4–5.

Чтобы добраться до горы Алтын-шокы, пришлось проехать на грузовике 200 километров через Голодную степь. Морозов сообщал, что разыскать камень стоило больших трудов, «думали, что его сбросило и он погиб в массе каменных осколков горы», однако «после часового розыска камень удалось найти»[732]. Это был большой темный амфиболитовый массив. Чтобы отделить от него часть с надписями, пришлось сделать подрыв. Затем отделенную плиту, весившую более 600 килограммов, с помощью канатов и бревен медленно спустили с горы и погрузили на машину. По дороге Морозов узнал от Сатпаева, что где-то еще имеется наскальное изображение. Он задержал машину и предпринял поиски – «и тут повезло – изображение нашли». Однако забрать находку не удалось: надписи были нанесены на массиве, а специального инструмента с собой не оказалось, да и время было уже позднее. Морозов задержался лишь на день, чтобы сделать эстампаж. Вернувшись в первых числах октября в Карсакпай, он поместил каменную плиту в деревянный ящик и затем на телеге, запряженной волами, доставил ее на железнодорожную станцию в Кызылорды, отстоящую на 350 километров[733].

Во второй половине октября камень Тимура был уже в Эрмитаже. Его изучением занялись профессор Н. Н. Поппе и академик А. Маргулан, которые расшифровали надпись, состоявшую из одиннадцати строк. Три строки, написанные по-арабски, оказались кораническим текстом. Остальной текст, начертанный уйгурским шрифтом, гласил: «В стране семисот черных Токмак в год овцы, в средний весенний месяц султан Турана Темур бек шел с двумястами тысяч войска, имени своего ради, по кровь Тохтамыш хана. Достигнув этой местности, он воздвиг этот курган, дабы он был знаком. Бог да окажет правосудие! Если Богу будет угодно! Бог да окажет милосердие людям! Да вспомнит о нас с благословением!»[734]

Для собраний Эрмитажа это оказался чрезвычайно ценный экспонат, так как представлял собой единственный памятник эпохи великого завоевателя Тимура и редчайший памятник уйгурской письменности[735].

Каменная могила…

В 1937 году Ф. М. Морозов по поручению Музейного сектора Ленсовета вел работу по проверке учета и охраны музейного имущества музеев Наркомпроса в Ленинграде. Одновременно состоял инспектором-экспертом Управления

[732] АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1995. Л. 7 об.
[733] Там же.
[734] *Поппе Н. Н.* Карсакпайская надпись Тимура // Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. – Л., 1940. – С. 186.
[735] ПФА РАН. Ф. 737 (Айналов Д. В.). Оп. 1. Д. 75. Л. 8.

уполномоченного Комитета по делам искусства при Ленинградском совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов[736].

Хотя работа была привычной, в моральном отношении год этот оказался чрезвычайно тяжелым: сталинские репрессии достигли своего апогея. Коснулись они многих коллег, знакомых и друзей Ф. М. Морозова. В 1933 году в ссылке скончался академик С. Ф. Платонов. Отбывал 20-летний срок Н. П. Сычев. Томились в заключении и в 1937 году были расстреляны П. А. Горчинский, епископ Иннокентий (Тихонов), Н. Е. Макаренко, Ф. И. Шмит (правда, родным сообщили, что он отправлен в лагерь строгого режима на 10 лет без права переписки) и др.

В этот год, приходя в Эрмитаж, его сотрудники не досчитывались коллег, арестованных ночью. Весьма активизировались тайные осведомители НКВД, начались взаимные доносы среди эрмитажников. Люди боялись за свою судьбу, в отношениях чувствовались подозрительность и недоверие. Все понимали, что творится что-то чрезвычайное. Однако жизнь шла своим чередом, и, несмотря на нервозную обстановку, люди работали: «одни заменяли ушедших, затем их заменяли новые»[737].

В этот роковой для многих год едва не случилась беда и с Ф. М. Морозовым. Связано это было с инцидентом, произошедшим на первомайской демонстрации. Во время праздничного шествия с транспарантами и флагами, когда колонна эрмитажников, миновав трибуны, уже шла по Мойке, Морозов вдруг во всеуслышание сказал: «Снимайте красные тряпки, спектакль окончен»[738]. Это было очень и очень неосторожно, если не сказать глупо, учитывая общую атмосферу. И действительно, помощник ученого секретаря Эрмитажа Е. А. Лямина, шедшая впереди, с изумлением повернулась к Морозову и возмущенно воскликнула: «Что Вы с ума сошли?» В этот же день она доложила об «антисоветской выходке» Кузнецову, секретарю партийного комитета Михину, а затем заместителю директора Эрмитажа В. П. Кипарисову.

Никто, конечно, серьезного внимания на реплику Морозова не обратил, возможно, его лишь пожурили и просили быть поосторожней. Однако Е. А. Лямина никак не могла успокоиться, считая, что Кипарисов проявил в этом деле «довольно либеральный подход»[739]. Видя, что в отношении Морозова не предпринято никаких ощутимых действий, она решила сообщить о происшествии, правда уже через полтора месяца, в «соответствующие органы». Заявление об этом она передала начальнику спецчасти Эрмитажа Владимиру Яковлевичу Якубенко, через которого шли официальные сношения с НКВД. Проигнорировать донос Ляминой Якубенко не мог, но и к Морозову он относился хорошо. Поэтому, препровождая ее заявление начальнику спецотдела НКВД Городецкому,

[736] ПФА РАН. Ф. 737 (Айналов Д. В.). Оп. 1. Д. 75. Л. 8 об.
[737] *Пиотровский Б. Б.* Указ. соч. – С. 146.
[738] ЦГАЛИ СПб. Ф. 5. Оп. 1. Д. 55. Л. 68.
[739] Там же.

он, в частности, написал в сопроводительной записке: «Лица, знающие Морозова, характеризуют его как человека придурковатого и болтливого»[740]. Этим он хотел подчеркнуть несерьезность поступка Морозова: мол, не обращайте на него внимания, он человек с причудами. И действительно, обошлось: никаких катастрофических последствий донос для Морозова не имел. Лямина же вскоре добровольно напросилась быть осведомительницей НКВД. Видимо, эта несчастная женщина искренне верила в пользу подобной деятельности…

Имел место и другой случай, произошедший ранее. Как-то Морозова вызвали в НКВД и предъявили фотографию, на которой был запечатлен император Николай II, придворные, духовенство, а среди них и он сам. От Морозова потребовали объяснений, какое отношение он имеет к бывшему царю. Тогда пришлось пояснять, что в молодости, будучи послушником Александро-Невской лавры, он состоял «служкой» у Петербургского митрополита и бывал с ним на разных религиозных мероприятиях, в том числе и в присутствии царских особ[741].

Судьба к Федору Михайловичу в страшные 30-е годы оказалась благосклонной. Несмотря на то что его знали как бывшего «церковника» и «белого чиновника», человека, занимавшегося охраной и собиранием памятников религиозного культа, Морозову удалось избежать репрессий. И, может быть, неслучайно он оказался в 1938 году далеко от Ленинграда – на юге Украины, где участвовал в работах научной экспедиции Академии наук УССР по выявлению древних наскальных надписей Каменной Могилы[742]. Возможно, И. А. Орбели отправил его туда, как говорится, от греха подальше, до времени. А может, это было просто счастливое совпадение. Кто знает?..

Каменной Могилой издавна назывался небольшой массив песчаника естественного происхождения в долине реки Молочной недалеко от Мелитополя. Представлял он собой причудливое нагромождение каменных глыб с многочисленными пещерами и гротами, внутри которых имелись тысячи наскальных изображений начиная со времени позднего палеолита до бронзового и железного веков. Наскальная живопись и сотни петроглифов на стенках и сводах создали здесь своеобразную богатую историческую и художественную библиотеку древних народов. Возможно, это место использовалось древними людьми в качестве святилища.

Экспедицию по раскопке Каменной Могилы возглавлял известный археолог Отто Бадер. В результате ее работ было открыто более 30 новых мест с петроглифами.

Об участии Морозова в экспедиции известен такой эпизод. Археологам в работах помогали красноармейцы. Во время раскопок одной из пещер они

[740] ЦГАЛИ СПб. Ф. 5. Оп. 1. Д. 55. Л. 66.
[741] Из воспоминаний сотрудницы Эрмитажа Ирины Николаевны Ухановой (Санкт-Петербург).
[742] АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 7.

приостановили работу из-за опасности обвала. Опасения солдат подтвердили специалисты – копать дальше было рискованно. Тогда Морозов, сказав: «Нет, ничего, не опасно», продолжил работу в одиночку. Понимая, что рискует жизнью, он все же хотел извлечь из пещеры камни с интересными изображениями. Несмотря на опасность обвала, он-таки сумел с помощью лебедок вытащить каменные глыбы наружу, одну из которых впоследствии доставил в Эрмитаж[743].

В предвоенные годы

В конце весны – начале лета 1939 года Ф. М. Морозов выезжал в Западную Сибирь в районы рек Иртыш, Обь и Сосва для обследования памятников старины народов манси и хантов. Во время поездки он посетил молодой Краеведческий музей города Ханты-Мансийска, называвшегося тогда Остяко-Вогульском. Морозов имел поручение в порядке обмена отобрать экспонаты, которые могут иметь важное научное и художественное значение для выставки отдела Востока Эрмитажа. Для обмена предлагались копии этих предметов и литература. Из краеведческого музея Морозов вывез в Ленинград ряд экспонатов по этнографии и археологии, в том числе весьма ценные: серебряное навершие штандарта (сасанидского войска) в виде головы дракона, бронзовое зеркало и др. Обмен, правда, оказался односторонним – копии вывезенных предметов Эрмитаж так и не предоставил. Однако И. А. Орбели в благодарственном письме (за штандарт) руководству краеведческого музея просил предоставить Эрмитажу для изучения оставшиеся бронзовые зеркала с графическими рисунками, «определить которые на месте» Морозов не сумел. Впрочем, зеркала эти остались в музее Остяко-Вогульска, являясь по сегодняшний день одними из наиболее ценных экспонатов[744].

В конце ноября 1939 года началась война Советского Союза с Финляндией, граница с которой проходила почти под Ленинградом. Несмотря на то что боевые действия проходили довольно близко, в городе было спокойно. Введено было лишь ограниченное военное положение и полное затемнение в ночное время. Эрмитаж принимал воинские части, отправлявшиеся на фронт. В Министерском коридоре Зимнего дворца устроили галерею Героев Советского Союза, получивших это звание при боевых действиях[745]. Зиму 1939–1940 годов Ленинград провел в условиях войны, которая закончилась в марте с отходом к СССР части территорий.

[743] Из воспоминаний Бориса Викторовича Сапунова (Санкт-Петербург).

[744] *Приступа О. И., Туровинина В. Ф.* История формирования археологического фонда Музея Природы и Человека [Электронный ресурс]. – http://www.ugramuseum.ru/funds.html?funds=funds13. – Дата доступа 10.09.2010.

[745] *Пиотровский Б. Б.* Указ. соч. – С. 163.

Между тем обстановка в мире была неспокойной, особенно в связи с агрессивной политикой нацистской Германии. Нарастающая военная угроза выражалась в усилении мер противовоздушной обороны, в подвалах Эрмитажа и Зимнего дворца началось сооружение бомбоубежищ, был создан штаб гражданской обороны. Проводились учения, как на отдельных объектах, так и общегородские. Время от времени в залах Эрмитажа объявлялась тревога и всех посетителей сгоняли в убежище.

В июне 1940 года Эрмитаж отмечал 175-летие со дня своего основания. Юбилейные торжества прошли широко и торжественно. Действовала большая, прекрасно оформленная выставка, посвященная истории музея.

В начале августа Ф. М. Морозов выезжал на месяц в Бурят-Монголию[746] для участия в комиссии Академии наук СССР по отбору памятников искусства из ликвидированных дацанов. Во время поездки он обследовал развалины бывшего дворца Чингисхана близ селения Кондуп, откуда доставил в Эрмитаж архитектурные фрагменты.

Хотя жизнь главного музея страны шла своим чередом, тревожные симптомы продолжали проявляться. Помимо устройства бомбоубежищ в эрмитажных подвалах, началась подготовка материалов на случай эвакуации музейных ценностей: ящики, каждый со своим номером и списком предназначенных для него предметов, упаковочные материалы.

12 мая 1941 года Ф. М. Морозов по поручению И. А. Орбели снова выехал в месячную командировку на Урал для изучения фондов краевых музеев Перми, Нижнего Тагила, Тюмени, Тобольска и других городов. Основной объект его внимания по-прежнему составляли предметы сасанидского искусства. Известно, что из Пермского областного краеведческого музея он принял для Эрмитажа редчайшую сасанидскую чашечку V века, а из музея Нижнего Тагила – сасанидское блюдо[747]. У какого-то уфимского жителя Морозов приобрел частным образом сасанидское блюдо, из которого тот «любил есть пельмени»[748]. Кроме того, во время поездки им были найдены серебряная голова зверя и другие археологические предметы.

Возвращаясь в Ленинград, Морозов узнал страшную весть о том, что началась война.

Война

24 июня Федор Михайлович вернулся в Ленинград. Над городом уже висели аэростаты воздушного заграждения. На улицах появилось множество людей в военной форме.

[746] Бурят-Монгольская АССР – ныне Республика Бурятия.
[747] АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 5.
[748] *Любимов Л.* Среди сокровищ Эрмитажа // Новый мир. – 1960. – № 5. – С. 207.

С вокзала Морозов сразу же поспешил в Эрмитаж. Там уже шла напряженная работа по эвакуации музейных сокровищ. Залы и хранилища наполняли сотни деревянных ящиков всевозможных размеров и форм, рулоны упаковочной бумаги, кипы прессованной стружки и ваты, мешки с пробковой крошкой, километры полотнищ клеенки и пр.

Сдав привезенные вещи, Морозов включился в общее дело. Всего шесть суток было дано на то, чтобы подготовить к отправке из Эрмитажа первую партию наиболее ценных предметов. Сотрудники музея трудились день и ночь, однако рабочих рук не хватало. Тогда в помощь им были приглашены ленинградские художники, архитекторы, артисты, студенты, а также упаковщицы Ломоносовского фарфорового завода. Хотя в довоенные годы искусственного освещения в залах еще не было, белые ночи позволяли не прерывать упаковку ни на час. Лишь воздушные тревоги время от времени отвлекали людей от работы. Ящики с уже уложенными картинами и вещами со всех этажей музея стаскивали и сносили вниз, подтягивая к подъездам. Для их переноса и погрузки в Эрмитаж прибыли матросы и солдаты. От подъезда музея грузовики отвозили опломбированные ящики на товарную станцию железной дороги. Там эрмитажные сверхшедевры и сверхсокровища помещали в бронированный вагон, остальные сокровища музея грузили в четырехосные пульманы[749]. На рассвете 1 июля литерный эшелон отошел от товарной станции. Пунктом его назначения стал город Свердловск (Екатеринбург). Туда же во главе с В. Ф. Левинсон-Лессингом отправилась и большая группа сотрудников музея, научных работников, хранителей, специалистов-реставраторов.

Пока первый состав с сокровищами Эрмитажа двигался на Урал, в музее продолжалась упаковка экспонатов. С первым эшелоном вывезли всю эрмитажную экспозицию – 1118 ящиков, вместивших полмиллиона вещей. Однако в музее еще оставалось свыше миллиона единиц хранения, составлявших запасные фонды, которые предстояло уложить во многие сотни ящиков. Ухудшающаяся обстановка на фронте требовала эвакуации всего музея: танки фельдмаршала фон Лееба рвались к Ленинграду и уже приближались к его дальним подступам[750].

В середине июля над Ленинградом нависла прямая угроза вторжения, город все чаще бомбили. Эрмитажники продолжали готовить к отправке второй эшелон, а вместе с тем, так же, как и другие ленинградцы, делали все, что требовала от них война: оборудовали бомбоубежища, ездили рыть окопы под Лугу и Кингисепп, занимали боевые посты во время воздушных тревог. Ежедневно на оборонительных работах находилось три или четыре десятка эрмитажников, однако Ф. М. Морозов к таким работам не привлекался, видимо, по возрасту: ему шел в это время 59 год.

[749] Подвиг Эрмитажа. 1941–1945 [альбом]. – Л.: Изд. «Аврора», 1987. – С. 23–77.
[750] Там же. – С. 82–87.

20 июля на Урал отбыл второй эшелон, увозивший 422 ящика – более семисот тысяч эрмитажных предметов[751]. С этого же дня И. А. Орбели возложил на Ф. М. Морозова обязанности заведующего Музейным фондом Эрмитажа[752]. Кроме этого, ему поручалось вести работу по охране памятников искусства музеев Ленинграда, а также собирать предметы искусства из эвакуированных учреждений и ликвидируемых магазинов[753]. Так, например, 24 и 25 июля Морозов занимался приемкой предметов музейного значения из магазина Ювелирторга № 10 (ул. Герцена, 24). Подобная работа была сопряжена с немалыми трудностями. В первую очередь, не хватало транспортных средств для перевозки в Эрмитаж крупных предметов (скульптур, мебели и пр.)[754]. Приходилось всякими правдами и неправдами изыскивать способы их транспортировки.

В Эрмитаже в это время шла подготовка к эвакуации третьего эшелона, оказавшаяся самым трудным этапом эвакуационных работ. К августу упаковочные материалы, заготовленные еще до войны, иссякли. Правда, имелись еще доски для ящиков, но плотничать стало некому. Профессор Матье и другие именитые ученые часами обзванивали всевозможные торговые базы, магазины, справляясь, нет ли у них тары из-под яиц, папирос или из-под чего угодно.

Когда для третьего эшелона было уже упаковано более трехсот ящиков, И. А. Орбели 30 августа приказал приостановить работы. Накануне немецкие войска перерезали последнюю железнодорожную магистраль, соединявшую Ленинград со страной. Вскоре весь город оказался в кольце вражеских армий. 8 сентября немцы заняли Шлиссельбург, блокировав Ленинград с суши и парализовав движение судов от Ладожского озера по Неве. Началась девятисотдневная блокада города.

Вскоре были захвачены Ориенбаум, Петергоф, Пушкин – пригороды Ленинграда. Город готовился к уличным боям: его площади, проспекты, набережные ощетинились надолбами, противотанковыми и противопехотными сооружениями, дома превратились в доты, окна – в бойницы.

Остававшиеся еще на этажах музейные вещи эрмитажники принялись спешно стаскивать в залы первого этажа и подвалы, своды и стены которых могли выдержать удары самых мощных авиационных бомб и артиллерийских снарядов. Теперь приходилось заниматься такелажными работами: спускать по лестницам тяжелые мраморы, бронзы, громадные декоративные вазы, художественную мебель[755]. В этой ситуации опыт Ф. М. Морозова оказался незаменим.

Между тем вражеское кольцо вокруг Ленинграда все более сжималось. Не сумев захватить город штурмом, немецкое командование решило взять его измором, сломить упорство защитников голодом и холодом. К тому времени

[751] Подвиг Эрмитажа. 1941–1945 [альбом]. – Л.: Изд. «Аврора», 1987. – С. 96.
[752] АГЭ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 147. Л. 31.
[753] Там же. Оп. 13. Д. 571. Л. 14.
[754] Там же. 1. Оп. 5. Д. 2656. Л. 81.
[755] Подвиг Эрмитажа. 1941–1945 [альбом]. – Л.: Изд. «Аврора», 1987. – С. 112.

Гитлер уже отдал приказ стереть Ленинград с лица земли, поэтому город подвергался страшнейшим артиллерийским и авиационным ударам. Днем и вечером его обстреливала дальнобойная артиллерия, а по ночам совершались массированные авианалеты.

Вместе с тем стремительно снижалась норма выдачи хлебного пайка: в октябре рабочие уже получали 400 граммов хлеба, остальное население – по 200. Быстро истощались в городе и топливные запасы, а дни становились все холоднее и короче.

Несмотря на трудности начавшейся блокады, сотрудники Эрмитажа продолжали делать каждый свое дело: работали на сооружении оборонительных рубежей, продолжали упаковывать музейные вещи для хранения, несли вахты во время артобстрелов и авианалетов[756]. Ф. М. Морозов вошел в состав пожарной команды противовоздушной обороны Эрмитажа, организованной в самом начале войны. Командиром ее был А. Н. Болдырев, заместителем – Б. Б. Пиотровский. В дни дежурств (через день) команда находилась на казарменном положении, размещаясь в одном из музейных бомбоубежищ. Началась жизнь на крышах. Воздушные тревоги становились все более длительными, и в первые месяцы блокады члены пожарной команды буквально не слезали с крыш. Во время воздушных бомбардировок и артиллерийских обстрелов от чердаков во многом зависела судьба эрмитажных залов.

С начала войны в подвалах музея было оборудовано 12 бомбоубежищ, которые осенью уже населяло две тысячи человек. Эрмитажные бомбоубежища стали домом не только для сотрудников музея и их семей, но и для многих известных деятелей искусства и науки. Сюда же были приняты на хранение и некоторые ценности из пригородных дворцов и музеев, а также отдельные предметы от частных лиц[757]. В Эрмитаж перенес свою коллекцию и Ф. М. Морозов, уже довольно известную среди ленинградских коллекционеров и научных работников. Многолетняя собирательская деятельность, путешествия по разным уголкам страны позволили Морозову составить коллекцию довольно редких предметов, среди которых были иконы, церковная и бытовая утварь, картины, рукописи, фотографии и пр. Известно, что в собрании Ф. М. Морозова имелось десять ценных рукописных книг XVII–XVIII веков, среди которых были Сборник, содержащий «Звезду пресветлую», повести из «Великого Зерцала» и другие статьи (XVII в.), Сборник юридический начала XVIII века и «Роженец духовный на лютеры и кальвины» XVIII века. Самыми ценными в его коллекции являлись девять рукописных миниатюр начала XIX века, искусно выполненных пером и красками. На восьми были изображены поморские писатели XVIII – начала XIX века Даниил Викулин, Андрей Денисов, Мануил Петров, Иван Филиппов, Никифор Семенов, Андрей Борисов, Семен Титов и Архип

[756] Подвиг Эрмитажа. 1941–1945 [альбом]. – Л.: Изд. «Аврора», 1987. – С. 120.
[757] *Пиотровский Б. Б.* Указ. соч. – С. 185.

Дементьев. На девятой миниатюре было написано неизвестное лицо, но также, по-видимому, относившееся к видным деятелям Выговского общежительства того времени[758]. Много ценных предметов и рукописей приобрел Морозов во время поездок по Русскому Северу. У владельцев их можно было часто купить за совсем небольшие деньги. И так как семьи у Федора Михайловича не было, он мог тратиться на раритеты.

Если дорогие для него предметы теперь находились в безопасности, то со своим неизменным спутником, фотоаппаратом, Морозову пришлось временно расстаться. Еще в начале войны все граждане обязаны были сдать на государственное хранение фотоаппараты и радиоприемники. Оставались только работавшие бесперебойно общественные репродукторы трансляционной сети. А фотоаппараты имели по специальному разрешению лишь корреспонденты.

Постепенно все ощутимей давала о себе знать блокада. В октябре особых трудностей еще не наблюдалось, хотя продовольственные карточки отоваривались наполовину, а то и меньше. Работала эрмитажная столовая, где можно было купить суп за девять копеек, кашу[759].

Обстановка резко ухудшилась в начале ноября, когда пал Тихвин – важнейший железнодорожный пункт, через который доставлялись грузы к причалам на восточном берегу Ладожского озера, откуда они, хотя и под градом бомб, переправлялись водным путем в блокадный Ленинград. Теперь, чтобы растянуть скудные запасы продовольствия, хлебную норму снизили даже войскам первой линии. Рабочие уже с конца ноября получали суточную норму – 250 граммов хлеба, а служащие, иждивенцы и дети – 125 граммов[760]. Бойцы местной обороны, каковым являлся и Ф. М. Морозов, получали 200 граммов хлеба и изредка суп (по-прежнему за девять копеек), да бутылку соевого молока. Иногда «в качестве десерта выдавалась половина таблички столярного клея, а кусочек осетрового клея из реставрационных запасов казался верхом роскоши»[761]. Накануне войны Эрмитаж готовили к ремонту, поэтому на его склад завезли в больших количествах столярный клей и олифу. Полкило клея и литр натуральной олифы, выписанные главным инженером музея или главным архитектором, порой спасали жизнь его истощенным насельникам. Из столярного клея варили студень, считавшийся настоящим пиршеством, а на олифе жарили блокадные пирожки из где-то раздобытых очистков мерзлого картофеля[762]. Хотя у спекулянтов можно было купить за большие деньги или обменять на дорогие вещи много чего съестного, для многих хлебная карточка оставалась единственным источником пропитания.

[758] *Малышев В. И.* Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и других городов // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. – Т. 7. – С. 460.

[759] *Пиотровский Б. Б.* Указ. соч. – С. 187.

[760] Подвиг Эрмитажа. 1941–1945 [альбом]. – Л.: Изд. «Аврора», 1987. – С. 135–136.

[761] *Пиотровский Б. Б.* Указ. соч. – С. 191.

[762] Подвиг Эрмитажа. 1941–1945 [альбом]. – Л.: Изд. «Аврора», 1987. – С. 146.

Своеобразным местом культурной жизни Эрмитажа стало помещение пожарной команды. Здесь всегда топилась печка, и горел электрический свет от динамо-машины пришвартованного рядом с музеем судна «Полярная звезда», так что многие заходили сюда погреться. Нередко заглядывал И. А. Орбели, сотрудники музея, ученые и художники, нашедшие приют в эрмитажных бомбоубежищах[763]. Показательно, что в Эрмитаже не прекращалась научная и творческая работа: оставшиеся в музее научные работники продолжали заниматься исследованиями, художники рисовали, архитекторы создавали новые проекты, предназначенные для будущей мирной жизни. Это помогало переносить страдания, отвлекало от голода. Были даже устроены юбилейные торжества: в октябре – в честь 800-летия азербайджанского поэта и мыслителя Низами, в декабре – в честь 500-летия великого узбекского поэта Алишера Навои.

Пиотровский Б. Б. вспоминал об этом времени: «Научная работа облегчала нам тяжелую жизнь. Те, кто был занят работой, легче переносил голод. Чувство голода со временем обычно переходило в физическое недомогание, мало похожее на желание есть в обычных условиях. И так же, как всякое недомогание, оно легче переносилось в работе»[764]. Не сидел без дела и неуемный Морозов. Он энергично брался за все, что попадалось под руку. А дел хватало. Местная противопожарная команда выполняла работу столяров, грузчиков, слесарей и служителей морга. Голодная смерть, нещадно косившая жителей города, уносила и сотрудников Эрмитажа. Умирали прежде всего люди, жившие дома и перебиравшиеся в Эрмитаж уже в состоянии дистрофии. Основной причиной смерти была дистрофия нервов, уныние, нервный упадок сил и отсутствие сопротивляемости. Люди, трудившиеся в подразделениях местной противовоздушной обороны, держались коллективом. Даже в самые тяжелые дни они старались вести обычную жизнь: мылись, брились, рассчитывали на несколько порций дневные пайки, в свободное время спали, о еде не говорили – это было строжайше запрещено.

В дни дежурств, во время объявления воздушной тревоги, члены пожарной команды занимали определенные посты. Вечером бежать на них приходилось по совершенно темным залам Эрмитажа и Зимнего дворца, по маршрутам иногда очень длинным, более двух километров. Но маршруты стали для всех настолько привычны, что они могли пройти их с закрытыми глазами. Воздушные налеты иногда продолжались очень долго, до семи часов подряд, и все это время нужно было находиться на своих постах[765].

В середине декабря в городе остановились трамваи. Движение прекратилось неожиданно, поэтому некоторые вагоны застряли прямо на путях, не успев

[763] Подвиг Эрмитажа. 1941–1945 [альбом]. – Л.: Изд. «Аврора», 1987. – С. 146.
[764] *Пиотровский Б. Б.* Указ. соч. – С. 195.
[765] Там же. – С. 193–195.

дойти до парка, и долго стояли посреди улиц, с выбитыми стеклами, занесенные снегом. После прекращения работы городского транспорта на улицах появилось множество людей с детскими саночками, на которых перевозили всевозможную поклажу. Эти саночки значительно облегчали труд ослабевших людей. Улицы стали многолюдны, через мосты шла непрерывная толпа, белое ровное поле замерзшей Невы испещряли тропинки, по которым двигались вереницы людей, многие тянули саночки. Когда неожиданно начинался артобстрел и через Неву, завывая, летели снаряды, люди точно по команде ложились на лед[766].

Между тем голод и холод делали свое убийственное дело. С ноября смерть уже нещадно косила истощенных и обессилевших людей. 31 декабря начальник эрмитажной пожарной команды А. Н. Болдырев записал у себя в дневнике: «За эти несколько дней, что не был я в команде, разрушение людей голодом разительно продвинулось: Пиотровский, Богнар, Морозов, Борисов – находятся на пределе»[767].

Январь не проявил милосердия к Ленинграду. Осажденный город сковали тридцатиградусные морозы. Лед и снег навалились на дома, подмяли их под себя, завладели улицами и площадями, а пустынные набережные слились в одно арктическое поле с покрытой ледяными тросами Невой. Смерть и холод по-прежнему уносили десятки тысяч жизней.

К счастью, в это время благодаря освобождению Тихвина и установлению ледовой дороги через Ладожское озеро удалось организовать доставку продовольствия в блокадный Ленинград. Стала увеличиваться норма выдачи хлеба, и в январе рабочим выдавали уже 400 граммов, служащим – 300 граммов и 250 – детям и иждивенцам[768].

Однако лютая смерть не хотела сдаваться. Холод и голод настолько истощили людей, что еще несколько месяцев смертность в городе не сокращалась, а увеличивалась: в ноябре от дистрофии умерло 11 085 человек, в декабре – 52 881, а в январе и феврале еще больше…[769]

Смерть продолжала уносить эрмитажных работников. Несмотря на то что дорога жизни уже существовала, скорбный мартиролог все удлинялся.

В первых числах февраля в нижнем этаже Ламотова павильона Эрмитажа был устроен стационарный лечебный пункт на сто кроватей. Предназначался он не только для эрмитажников, но и для служащих еще четырех музеев. Пребывание в стационаре спасло жизнь многим музейным работникам, хотя немало было людей настолько истощенных, что ни усиленное питание, ни внутривенное вливание глюкозы уже не могли спасти их[770]. Двенадцать дней, с 10 по 22 февраля, в стационаре провел Ф. М. Морозов[771].

[766] *Пиотровский Б. Б.* Указ. соч. – С. 192.
[767] *Болдырев А. Н.* Осадная запись. (Блокадный дневник). – СПб.: Европейский дом, 1998. – С. 38.
[768] Подвиг Эрмитажа. 1941–1945 [альбом]. – Л.: Изд. «Аврора», 1987. – С. 161–163.
[769] Там же. – С. 165.
[770] Там же. – С. 166–173.
[771] АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2802. Л. 1.

Как только стала действовать дорога по льду Ладожского озера, Государственный комитет обороны вынес решение об эвакуации из Ленинграда полумиллиона жителей. И. А. Орбели наметил к отправке на Большую землю целый ряд сотрудников Эрмитажа, среди которых оказался и Ф. М. Морозов. Его отправляли в Свердловский филиал. Согласно выданному удостоверению Морозову поручалось собирание, учет и изучение памятников искусства и археологии, имеющих музейное значение. Кроме того, ему доверялось получение для Эрмитажа музейных предметов из государственных учреждений и от частных лиц, а также собирание сведений о находках. В связи с этим музей просил администрации научных учреждений, облфинотделов, Госбанка и других советских организаций и учреждений «об оказании всемерного содействия товарищу Морозову в его работе с разрешением фотографирования и зарисовок памятников искусства и археологии»[772].

В начале марта Морозов вместе с другими ленинградцами на транспорте по льду Ладожского озера покинул блокадный город. Дорога была проторенная, по сторонам повсюду стояли военные посты и зенитные установки, готовые при первой же необходимости открыть огонь по вражеским самолетам. Ленинградцев довозили до поселка Кобона, откуда начиналось железнодорожное сообщение. Здесь их кормили, а затем помогали выехать вглубь страны.

Путешествие до Свердловска оказалось довольно долгим. Потом пришлось лечиться от дистрофии, так что к работе Федор Михайлович приступил лишь 1 июня[773]. Хотя организм восстанавливался, истощение сказалось на здоровье – появилась гипертония[774].

В Свердловске Морозов занимался не только научной работой, но и состоял в командах пожарной, противовоздушной и противохимической обороны[775]. Кроме того, с весны 1943 года в порядке общественной нагрузки, как и другие сотрудники филиала, он периодически выезжал на сельхозработы в колхоз имени Свердлова в Арамильский район[776]. С этими поездками связан очень интересный случай. В деревне у какой-то древней старушки Морозов обнаружил серебряный византийский ковшик, служивший ей кормушкой для кур[777]. Теперь эта находка – одно из прекраснейших украшений Эрмитажа.

Известен еще один эпизод из свердловского периода жизни Ф. М. Морозова. 31 октября 1943 года во время дежурства по филиалу он, реставратор М. М. Семенов и милиционер Африканов предотвратили возникновение пожара в складах на Первомайской 24, обратив внимание на тлеющий в куче возле бункера уголь[778].

---

[772] АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2788. Л. 21.
[773] АГЭ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 150. Л. 11.
[774] АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 20 об.
[775] АГЭ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 150. Л. 25 об.–26.
[776] Там же. Л. 22 об.–25, 29.
[777] *Любимов Л.* Среди сокровищ Эрмитажа // Новый мир. – 1960. – № 5. – С. 207.
[778] АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 14.

К концу января 1944 года советские войска в результате ожесточенных боев сумели отбросить немецкие части от Ленинграда. Блокада города была снята. Вызванного в Москву академика И. А. Орбели предупредили, что в ближайшее время правительству потребуется детальный план капитального ремонта всех эрмитажных зданий и что уже в нынешнем году надо будет приступить к первоочередным работам по восстановлению основных экспозиционных залов и музейных хранилищ[779].

13 марта 1944 года Ф. М. Морозов, согласно телеграфному распоряжению заместителя председателя Всесоюзного комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР А. В. Солодовникова, вернулся из Свердловска в Эрмитаж[780]. Он нужен был теперь здесь. Одновременно Федор Михайлович работал и в Инспекции по охране памятников старины[781].

Пока готовилась смета необходимых материалов и средств для реставрации музея, его сотрудники задумали организовать временную выставку памятников искусства и культуры, остававшихся в осажденном городе. Для этого необходимо было отремонтировать хотя бы несколько залов, однако в Ленинграде в это время практически невозможно было найти ни штукатуров, ни маляров, ни стекольщиков, ни кровельщиков. Рассчитывать можно было лишь на свои руки. Было решено подготовить экспозиционное помещение для выставки на втором этаже Ламотова павильона, в Малом Эрмитаже. Уже к осени павильонный зал, Романовская и Петровская галереи, примыкающие к ним залы и лестницы, привели в порядок. 7 ноября выставка, представлявшая все отделы Эрмитажа, была открыта. «То, что вы увидите сегодня в нескольких залах Эрмитажа, – говорил И. А. Орбели на ее открытии, – это только первый шаг на пути к полному восстановлению величайшего музея нашей Родины»[782].

Самое деятельное участие в организации выставки принял Ф. М. Морозов, за что в благодарность попал на доску почета Эрмитажа[783]. Кроме того, Всесоюзный комитет по делам искусств наградил его «за работу по охране и изучению памятников искусств и долголетнюю работу в музее» почетной грамотой[784].

В 1945 году в Эрмитаже начались масштабные восстановительные работы. 29 августа было принято правительственное решение о реэвакуации его художественных собраний, которые уже в начале октября двумя литерными эшелонами вернулись в Ленинград. Снова в эрмитажных залах закипела работа, на этот раз по распаковке экспонатов. Опять на паркетных полах появились горы стружки, слежавшейся ваты, мятой бумаги, клеенки. Картины, скульптуры,

[779] Подвиг Эрмитажа. 1941–1945 [альбом]. – Л.: Изд. «Аврора», 1987. – С. 254.
[780] АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 5 об.
[781] Там же. Л. 30 об.
[782] Подвиг Эрмитажа. 1941–1945 [альбом]. – Л.: Изд. «Аврора», 1987. – С. 264.
[783] АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 13.
[784] Там же. Л. 3.

фарфор, майолика, художественное стекло, античные вазы, скифское золото – все размещалось на прежних местах, в педантичном соответствии с довоенными топографическими описями.

Открытие Эрмитажа хотели приурочить к годовщине Октябрьской революции, поэтому работа в нем буквально кипела. 4 ноября в вестибюле служебного подъезда был вывешен текст правительственной телеграммы, присланной на имя академика И. А. Орбели: «С чувством глубокой радости приветствуем вас и весь коллектив в день восстановления и открытия одного из крупнейших музеев мира – Государственного Эрмитажа. Примите сердечную благодарность за самоотверженную работу по сохранению ценностей, восстановлению и открытию музея в кратчайшие сроки. Ваши замечательные успехи достигнуты благодаря большой любви к своему делу, которая свойственна лучшим людям нашей страны. Эта любовь – залог дальнейших успехов в деле восстановления и развития Эрмитажа…»[785].

Сроки действительно оказались кратчайшие. Всего за три недели было подготовлено 69 залов. К воскресному утру 4 ноября 1945 года в них все выглядело так, как и воскресным утром 22 июня 1941 года. На следующий день в Эрмитажном театре состоялось торжественное заседание, директор музея И. А. Орбели выступил с докладом. 8 ноября восстановленные залы начали принимать посетителей, однако реставрация музея, в который попало 17 артиллерийских снарядов и 2 авиабомбы, продолжалась еще долго.

В победный год Ф. М. Морозов был отмечен двумя правительственными наградами: медалью «За оборону Ленинграда» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»[786].

Продолжалась огромная работа по восстановлению Эрмитажа, которой Федор Михайлович, как и многие другие сотрудники, отдавал все свои силы. Усердие его не осталось без внимания дирекции. В марте 1946 года ему объявили благодарность «за успешную работу по сохранению, реэвакуации художественных ценностей, а также восстановление Государственного Эрмитажа»[787]. В августе следующего года ему снова была объявлена благодарность и выдана денежная премия[788].

Сотрудник отдела Истории русской культуры

В 1948 году Ф. М. Морозов стал старшим научным сотрудником отдела Истории русской культуры – самого молодого в Эрмитаже. Его создали в апреле

[785] Подвиг Эрмитажа. 1941–1945 [альбом]. – Л.: Изд. «Аврора», 1987. – С. 270–273.
[786] АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 20 об.
[787] Там же. Л. 15.
[788] Там же. Л. 16.

1941 года, а через два месяца началась война. Только в 1946 году, когда все коллекции отдела были собраны в стенах музея, началась кропотливая работа по их разработке, систематизации и инвентаризации[789]. Вместе с тем началась активная собирательная деятельность, в которой огромная заслуга принадлежала Ф. М. Морозову.

В октябре 1949 года он по заданию И. А. Орбели выехал в Киев для переговоров с местным Комитетом политико-просветительных учреждений УССР относительно предоставления Эрмитажу из Львовского исторического музея доспехов польских крылатых гусар XVII века. Переговоры прошли успешно.

Одновременно Морозов возбудил ходатайство о передаче Эрмитажу из фондов исторических музеев Киева и Львова коллекций памятников, относящихся к истории культуры Киевской Руси XI–XII веков. В результате Эрмитаж получил комплексную коллекцию памятников, найденных в пределах Киевщины XI–XII веков и коллекцию предметов культуры Галицкой Руси из местечек Древнего Галича и Плесниска XI–XII веков.

В Археологической комиссии Академии наук УССР Морозов осмотрел небольшой клад XII века, обнаруженный при копании траншеи для газовых труб. Состоял он из серебряной чашечки, двух золотых колт, золотой цепи и гривен новгородских и киевских. Общаясь с директором Археологической комиссии академиком П. П. Ефименко, он попросил передать отделу Истории русской культуры Эрмитажа археологические материалы Райковского феодального городища XI–XII веков, находившиеся в комитете села Райки Бердичевского района Житомирской области.

В Киеве Морозов приобрел для Эрмитажа фотоснимки редкого портрета А. К. Нартова из Музея русского искусства.

Из города Жолквы Львовской области он вывез три вышивки XV века с изображением «Благовещения» и «Успения» – характерные для галицко-молдавского искусства.

Во Львовском историческом музее Морозов собрал сведения о находках кладов (нумизматических) в период Второй мировой войны и сделал пластилиновые слепки древнерусских свинцовых печатей XI–XII веков, найденных в Старом Галиче.

В Львове он посетил Полиграфический институт имени Ивана Федорова, где договорился, чтобы Государственный Эрмитаж включили в список заявок на доставку выпускаемых институтом трудов. Таким образом, музей теперь мог бесплатно получать все издания, печатаемые в институте.

Помимо прочего, Морозову разрешили ознакомиться с фондами музеев Киева и Львова, находящихся в ведении Комитета политико-просветительных учреждений, а также Музея украинского искусства и Этнографического музея Академии наук УССР.

[789] Эрмитаж: история и современность (1764–1988). – Л.: Искусство, 1990. – С. 258.

Первоначально он обследовал львовские музеи, отмечая то, чем наиболее интересны их фонды.

Львовский исторический музей, например, обладал ценными археологическими коллекциями, поступившими из разных музеев Украины после Второй мировой войны. Кроме того, в его фондах имелось множество предметов западноевропейского искусства: семейные портреты польских и украинских вельмож, жанровая живопись, картины художников-романистов XVIII–XIX веков, собрание портретов частных лиц (польских) XIX–XX веков, западноевропейская живопись XVII–XVIII веков, большое собрание гравюр, прикладного искусства и скульптур. В музее Морозов обнаружил и редкую коллекцию каменных плит и фрагментов с клинописью, принадлежавших ранее собранию профессора К. В. Хилинского.

Музей украинского искусства обладал немалым собранием галицийских икон и резьбы по дереву XV–XVIII веков, а также образцами искусства гуцулов (вышивка, керамика, орнамент по дереву).

Львовский этнографический музей Академии наук УССР имел редчайшую коллекцию народного искусства Закарпатской Руси и Галиции. По предварительному обсуждению, проведенному Морозовым с дирекцией, музей готов был уступить часть своих коллекций Эрмитажу взамен на памятники русского искусства.

Фонды Промышленного художественного музея были богаты памятниками прикладного искусства как западноевропейского, так закарпатского и галицийского, имелась ценная коллекция восточных, закарпатских и польских тканей.

В Львове, помимо музейных собраний, огромный интерес представляли историко-архитектурные и скульптурные памятники. Морозов, естественно, хотел ознакомиться и с ними. При содействии Отдела охраны памятников архитектуры он получил возможность осмотреть все объекты, находящиеся под охраной. Среди них были: Княжья Гора – место, где галицкий князь Даниил Романович построил в 1240–1250 годах княжеский город-замок, назвав его в честь своего сына Льва – Львовом; церковь и монастырь святого Онуфрия 1680 года (в ограде церкви был похоронен русский первопечатник Иван Федоров); церковь Николы – единственный памятник архитектуры, сохранивший в себе фрагменты XIII века; Старый рынок – бывший центр города с XIV–XV веков, обнесенный валами и стенами; Пороховая башня, построенная в 1554–1556 годах и др.

Из Львова Морозов снова вернулся в Киев, где также знакомился с древними памятниками архитектуры и осматривал собрания и фонды музеев.

Весь собранный материал он привез в Эрмитаж, передав в отделы Западноевропейского искусства и Истории русской культуры[790].

[790] АГЭ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 12. Л. 9.

К сожалению, практически никаких сведений не удалось разыскать о деятельности Морозова в 1950–1953 годы. Известно лишь, что в этот период он перевозил с Алтая в Эрмитаж предметы, найденные в Пазырыкских курганах[791]. Пять курганов в урочище Пазырык на южном склоне Чулышманского хребта в Восточном Алтае представляли собой могилы родовых или племенных вождей V–III веков до нашей эры. Исследования этого интереснейшего памятника скифской эпохи начались в 1929 году, когда под руководством М. П. Грязнова был раскопан первый «царский» курган. В 1947–1949 годы работы продолжил С. И. Руденко, раскопав остальные четыре кургана, нумеруя их по порядку вскрытия. Раскопки дали уникальные находки. Благодаря вечной мерзлоте в курганах хорошо сохранились тела погребенных людей, лошадей, множество изделий из металла, керамики, дерева, шерсти и пр. Наибольший интерес представляли находки самого большого, пятого Пазырыкского кургана. В нем были обнаружены прекрасно сохранившийся персидский ковер и еще один ковер, предположительно местного производства, с изображением всадника на коне, разборный шатер, фрагменты повозок, четыре упряжные лошади и китайская колесница, множество других предметов. Все извлеченные из курганов ценности, в том числе и одну из погребальных камер, состоящую из двух срубов, Морозов вывез в Ленинград. Думается, что это была непростая задача. Доставленные в Эрмитаж предметы поступили в отдел Первобытной культуры, расположившись в семи залах. Уже в наши дни в музее открылась постоянная экспозиция «Древняя Сибирь. Пятый Пазырыкский курган», рассказывающая об истории и культуре племен скифского времени Алтая.

Также известно, что в 1952 году по инициативе Морозова в Эрмитаж были переданы из Русского музея антиминс Новгородского архиепископа Нифонта (XII в.) и малахитовая ротонда из Александро-Невской лавры. О ней будет рассказано отдельно.

С 1954 года отдел Истории русской культуры Эрмитажа стал организовывать экспедиции по стране для сбора памятников древнерусского искусства, а также прикладного и народного искусства XVII–XIX веков. Активное участие в этих экспедициях принял и Ф. М. Морозов. В мае того же года он вместе с сотрудницей Эрмитажа искусствоведом-византистом А. В. Банк[792] отправился в города Вологду, Великий Устюг и Сольвычегодск. Целью поездки было выявление в местных музеях уникальных экспонатов для последующей передачи в Эрмитаж.

[791] АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 30.

[792] **Банк Алиса Владимировна** (1906–1984) – доктор исторических наук, специалист в области культуры и искусства Византии. Окончила ЛГУ и аспирантуру при историческом факультете. С 1931 г. работала в Гос. Эрмитаже, возглавляла (с 1940) отдел Византии и Ближнего Востока, более 30 лет руководила аспирантурой при Эрмитаже, была членом Ученого и Редакционно-издательского советов ГЭ, вела курс по истории византийского искусства в ЛГУ. Автор более 150 работ, среди которых наиболее выдающиеся: «Прикладное искусство Византии (IX–XII вв.)» (М., 1978); альбомы-каталоги «Прикладное искусство Византии в собрании Гос. Эрмитажа» (Л., 1960) и «Византийское искусство в собраниях Советского Союза» (Л.; М., 1966).

В Вологде искусствоведы осмотрели архитектурные памятники города, экспозиции и фонды краеведческого музея, картинную галерею. Согласно их заключению наибольший интерес для отдела Истории русской культуры представлял фонд древнерусской живописи, содержащий 2000 икон. Для Эрмитажа Морозов и Банк наметили свыше 50 икон XIV–XVII веков, среди которых имелись расчищенные, с пробами расчистки и много записанных (на старых досках). В их числе были и такие, которые могли скрывать живопись Дионисия и его школы. Впрочем, в список не был включен ряд интересных икон, особо связанных с историей города. Искусствоведы отмечали, что многие расчищенные иконы, как, например, икона Николая с житием на красном фоне XV века, требуют срочного закрепления, которое не под силу местному музею.

В результате предварительных переговоров выяснилось, что Вологодский краеведческий музей имеет директивные указания о передаче лучших икон в местную картинную галерею. Однако сотрудники Эрмитажа убедились, что в ней, как и в краеведческом музее, не имелось необходимой экспозиционной площади и соответствующих условий хранения. Все иконы, за исключением четырех представленных на экспозиции, находились в неотапливаемом помещении подвала на стеллажах. Наиболее ценные размещались в двух подвальных комнатах «в более удобных условиях для обозрения». Намеченные иконы Морозов и Банк считали целесообразным передать в Эрмитаж – главным образом записанные, имеющие пробы расчистки, а также те расчищенные, которые нуждались в срочном закреплении или имели близкие иконографические и стилистические аналогии среди остающихся в Вологодском музее. Его руководство, в принципе, не возражало против передачи большинства намеченных икон, однако хотело сохранить старые расчищенные образцы.

Помимо икон эрмитажники наметили для вывоза в Ленинград образцы деревянной скульптуры и резьбы, а также некоторые культурные предметы XVII–XVIII веков и единичные бытовые деревянные вещи, передача которых не встретила затруднений со стороны музея.

Кроме того, Морозов и Банк считали необходимым поднять вопрос о передаче в Эрмитаж для временной экспозиции всех наиболее интересных предметов «до того момента, пока Вологодский музей будет иметь для этого необходимые условия»[793].

В последних числах мая они осмотрели архитектурные памятники Великого Устюга, а также экспозиции и фонды краеведческого музея. Специально ознакомились с процессом производства артели «Северная чернь». Среди вещей, представлявших интерес для Эрмитажа, искусствоведы наметили около 20 икон, главным образом XVII–XVIII веков, в частности строгановского письма, образцы шитья XVII века, некоторые мелкие культовые предметы, сундуки просечного железа, образцы изразцов и пр. Морозов и Банк находили желательным

[793] АГЭ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 514. Л. 2.

со стороны Эрмитажа выделить в обмен на эти вещи образцы русских воинских доспехов XVII–XVIII веков (кольчуга, шлем и т. п.), а также изобразительный материал, касающийся истории Великого Устюга. С другой стороны, они считали целесообразным отреставрировать в Эрмитаже сильно пострадавшую от огня икону 1393 года, связанную с историей города.

И в Вологде, и в Великом Устюге ленинградские искусствоведы, знакомясь с местными музеями, попутно делились своими знаниями, давали консультации по устройству экспозиций, музейному хранению и оценке вещей. Кроме того, по просьбе руководства музеев и управления культуры Вологодского исполкома они принимали участие в выявлении икон и тканей, не имеющих музейного значения.

Во время осмотра в Великом Устюге зданий закрытого монастыря во имя Архангела Михаила (XVII в.) Ф. М. Морозов обратил внимание на весьма интересные двери главного храма, обитые медными листами с гравированными библейскими сценами, исполненными в технике золочения через огонь (XVII–XVIII вв.). Как специалист, он сразу же отметил огромную художественную ценность этого интереснейшего памятника церковного искусства, восходящего традициями к Васильевским и Суздальским вратам. К сожалению, крайне неблагоприятные внешние условия угрожали сохранности этого редкого памятника. Дело в том, что монастырский комплекс в то время находился в ведении трех организаций – щетинной фабрики, Коммунального отдела Горсовета и музея. Несмотря на наличие охранного паспорта, соборный храм подвергался порче, так как стекла в окнах почти полностью отсутствовали, и в преддверии храма находился склад щетинной фабрики. Кроме того, монастырские здания частично использовали под один из местных техникумов, учащиеся которого проникали в храм через окна по крыше. От этого страдала сохранность дверей – часть клейм уже была утрачена, а некоторые частично оторваны. Чтобы спасти уникальные двери, их необходимо было просто-напросто изъять из монастыря.

С 31 мая по 2 июня Морозов и Банк ознакомились с архитектурными памятниками и музеями Сольвычегодска. Здесь музейное дело оказалось в совершенно никудышном состоянии. Собрания краеведческого музея находились в одном из знаменитых Строгановских соборов. Экспозиция практически отсутствовала и представляла собой мало упорядоченное хранилище вещей, далеко не равноценных с художественной и исторической точки зрения. Среди них имелись памятники большой ценности, в частности вклады Строгановых (церковная утварь, шитые пелены, облачения и т. п.). Несмотря на это, большая часть этих вещей не экспонировалась и находилась в сундуках. В музее не имелось ни одного квалифицированного работника, способного изучать и пропагандировать исторические памятники. Обращало на себя внимание плачевное состояние Строгановского собора, представлявшего большой художественный интерес. Храм частично использовался под склад, частично – как действующая церковь.

Его богатое наружное убранство (изразцовые панно, наличники окон и пр.) подвергались разрушению и требовали реставрации.

Вернувшись в Ленинград, Морозов написал отчет о результатах командировки. Оценивая положение с охраной архитектурных памятников в Вологде и Великом Устюге, он отмечал более благополучное состояние этого дела в Вологде, где о памятниках заботился архитектурный отдел Вологодского облисполкома и, в частности, единственный инспектор по охране памятников А. К. Федоров. В Великом Устюге, напротив, дело охраны памятников вызывало большую тревогу. Так, например, церкви XVII века – Симеона Столпника (богато украшенная изразцами), Сретенская, Мироносицкая и др. сильно разрушились. В еще худшем, буквально катастрофическом состоянии находился выдающийся по художественному значению храм Вознесения 1648 года. Часть его сводов уже рухнула, поэтому требовались срочные меры по реставрации и охране памятника от дальнейшего разрушения.

Особо были упомянуты и церковные двери из Михайловского монастыря. Морозов считал крайне желательным «возбудить перед соответственными организациями ходатайство о передаче дверей в Эрмитаж, учитывая, в частности, полное отсутствие памятников этой техники в отделе Истории русской культуры». Кроме того, он обращал внимание на желательность передачи в музей шитой пелены с изображением святого Прокопия (XVI–XVII вв.), находящейся в то время в действующем Прокопьевском соборе.

Самые критические замечания были сделаны в адрес Сольвычегодского музея. «Учитывая отдаленность местонахождения музея, – говорилось в отчете, – его очень слабую посещаемость, условия хранения и отсутствие специалистов, нам представляется необходимым принять срочные меры по передаче значительной части дублирующих экспонатов в Эрмитаж (о чем есть предварительная договоренность), в частности из числа вкладов Строгановых. Одновременно желательно обратить внимание на состояние музея, необходимость уточнения его профиля, организации и пр.»[794].

Вскоре намеченные Морозовым и Банк предметы из музеев Вологды, Великого Устюга и Сольвычегодска были переданы в Эрмитаж. Туда же попали и церковные двери из великоустюжского Михайловского монастыря. За предметами ездил Морозов. Со временем о привезенных церковных дверях он написал статью, которая, правда, вышла уже после его смерти[795].

Из материалов архива Государственного Эрмитажа известно, что Морозов с ноября 1954 года по октябрь 1955 года выезжал в командировки шесть раз[796]. И связаны они были, по всей видимости, с собирательной работой.

---

[794] АГЭ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 514. Л. 4–5.

[795] *Морозов Ф. М.* Церковные двери из Великого Устюга // Сообщения Государственного Эрмитажа. Т. XXIII. – Л., 1962. – С. 24–26.

[796] АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 37 об.

Кроме того, в конце марта 1955 года на него были возложены обязанности инспектора отдела учета и хранения по наблюдению за выполнением хранительского режима в выставочных залах[797].

15 октября 1955 года в Ленинграде случилось одно из крупнейших наводнений в истории города. Вода тогда поднялась почти на три метра. В городе началась паника. Жертв, впрочем, не было, хотя квартиры многих жителей оказались затопленными. Какой ущерб вода нанесла Эрмитажу, точно сказать трудно. К счастью, наводнение было предсказано за семь часов, что позволило руководству музея подготовиться к надвигающейся стихии. Участвовавший в предупредительных мероприятиях Ф. М. Морозов позже был даже удостоен благодарности за образцовые действия в этот день[798].

Показательно, что в газетах, из идеологических соображений, о наводнении не было сказано ни слова.

Несмотря на почтенный возраст, Морозов продолжал ездить в командировки[799] и даже заграничные путешествия. В конце 1956 года или начале 1957-го он по рекомендации Эрмитажа ездил туристом в Сирию и Ливан. В характеристике, выданной музеем для оформления документов на загранпоездку, в частности говорилось: «Ознакомление с многочисленными памятниками эллинистической и византийской культуры Сирии и Ливана будет иметь для товарища Морозова не только общеобразовательный интерес, но и имеет непосредственное отношение специально к области его научных интересов»[800]. Сколько времени он провел за границей, какие именно посетил места, выяснить не удалось.

В 1957 году Федора Михайловича от имени Президиума Верховного Совета СССР наградили медалью «В память 250-летия Ленинграда»[801].

В следующем 1958 году ему исполнилось 75 лет. Руководство музея, «отмечая его долголетнюю работу в Государственном Эрмитаже и большие заслуги в деле музейного собирательства памятников культуры и искусства, а также в изучении и сохранении этих памятников», объявило ему благодарность. Вместе с тем по представлению общественных организаций музея имя Морозова вписали в «Книгу Почета». Отметило его заслуги и Министерство культуры СССР, вручив значок «За отличную работу»[802].

Очень тепло поздравили юбиляра коллеги, подарив ему, между прочим, замечательный дружеский шарж. На нем Морозов изображен сидящим в центре малахитовой ротонды в одеянии римского воина, по образу святого Федора Стратилата. Коллеги вокруг, облеченные в различные иронично-религиозные

[797] АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 38 об.
[798] Там же. Л. 24.
[799] С ноября 1955 г. по январь 1956 г. был в полуторамесячной командировке, правда, не удалось выяснить где. В сентябре 1956 г. выезжал в недельную командировку в Брест.
[800] АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 25.
[801] Там же. Л. 32.
[802] Там же. Л. 26–27.

образы, возносят ему хвалу. При всей шуточности картины в ней можно усмотреть вполне духовный смысл. Да и место, в котором изображен Федор Михайлович, тоже не случайное…

В июне дирекция Эрмитажа объявила Ф. М. Морозову благодарность «за хорошую организацию работы по восстановлению малахитовой ротонды»[803], установленной для всеобщего обозрения в аванзале Зимнего дворца. Этот шедевр русского декоративного искусства был создан по заказу владельца Уральских горнорудных заводов А. Н. Демидова и подарен им в 1836 году императору Николаю I. Изначально ротонда создавалась как парковое сооружение в виде круглой беседки, имевшей три метра в диаметре и девять метров в высоту. Все сооружение, за исключением каменного подиума, было выполнено из золоченой бронзы. В отделке беседки использовались лазурит, родонит, змеевик, дорогостоящие сорта итальянских мраморов. Главной же ее достопримечательностью была малахитовая мозаика в облицовке колонн. В 1862 году Александр II пожаловал ротонду Александро-Невской лавре, где она украсила Троицкий собор.

Уже на склоне лет бывший лаврский послушник Федор Морозов озаботился, чтобы этот уникальный памятник стал достоянием Эрмитажа. Неизвестно, какое будущее могло ожидать его в недействующей обители. Дело о передаче ротонды Морозов инициировал в начале 1952 года, проведя необходимые переговоры с соответствующими инстанциями. Уже в июле по ходатайству инспектора Государственной инспекции по охране памятников истории и культуры Ленинграда Р. Д. Морозовой ротонда была передана в Эрмитаж. Как говорилось, на вечное хранение. Шесть лет, однако, понадобилось, чтобы ее смогли увидеть многочисленные посетители музея. Ротонду необходимо было сперва демонтировать и перевезти в Эрмитаж, затем реставрировать, так как она имела небольшие повреждения и утратила некоторые элементы декора. Кроме того, нужно было подготовить место для ее установки: пол в аванзале взломали и укрепили. И только после этого ротонду вновь собрали в ее первоначальном виде. Ко всем этим работам в той или иной степени неизменно был причастен Морозов.

Сегодня малахитовая ротонда является одним из лучших и самых дорогих экспонатов Эрмитажа.

В августе-сентябре 1958 года Ф. М. Морозов вместе с сотрудниками Эрмитажа А. С. Косцовой, И. Н. Ухановой и К. К. Мамаевым принял участие в экспедиции по берегам Северной Двины в Архангельской области[804]. Экспедиция должна была обследовать памятники архитектуры и их внутреннее убранство, выявить и учесть произведения древнерусского искусства, изъять наиболее ценные художественные произведения, особенно находящиеся без надзора в недействующих церквях, для предотвращения их гибели. Обследованию подлежали

[803] АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 28.
[804] Там же. Л. 34.

архитектурные комплексы старых погостов, а также одиноко стоящие храмы XVII–XVIII веков, сооруженные обычно на месте более древних построек.

Проехав через Череповец и Вологду, сотрудники Эрмитажа начали исследовательскую работу от Архангельска. Как и планировалось, маршрут экспедиции шел, в основном, по берегам Северной Двины, лишь в отдельных случаях отходил от реки на несколько десятков километров, и закончился в Сольвычегодске. Морозов, как обычно, много фотографировал. Экспедиция вывезла большое количество икон, книг и предметов прикладного искусства XIII–XVII веков, требовавших принятия неотложных мер к их сохранению. Необычайно интересная икона Николы в житии на 18 клеймах была обнаружена в закрытом приделе действующей каменной церкви села Верхние Матигоры, в шести километрах от Холмогор. Однако вывезти икону в Эрмитаж можно было лишь с благословения местного архиерея – архиепископа Архангельского и Холмогорского Никандра (Викторова). За разрешением эрмитажники отправились в епархиальное управление в Архангельск. Переговоры, естественно, повел Ф. М. Морозов, так как его коллеги понятия не имели, как держать себя с духовенством, а тем более с архиереем. Ирина Николаевна Уханова вспоминала, что ей ни до, ни после не приходилось общаться с духовенством на таком высоком уровне. Между тем весь необходимый этикет, благодаря Морозову, был соблюден. Прежде чем получить разрешение на вывоз иконы, пришлось побывать в епархиальном управлении несколько раз. Федор Михайлович вел переговоры с владыкой Никандром очень деликатно, с большим знанием дела и «умением вести беседу с такими людьми». Для спутников Морозова это выглядело просто верхом дипломатии. Между тем все знали, что в молодости он сам принадлежал к духовной среде.

Уханова вспоминала, как в один из дней их пригласили в архиерейские покои – на чай. Общение проходило доброжелательно, с улыбками. Вообще, в епархиальном управлении для спутников Морозова все было ново, необычно: они с большим интересом рассматривали окружающую обстановку, встречавшихся там церковных людей[805]. Это был совершенно неведомый для них мир, как, впрочем, и для большинства их современников, воспитанных и живших в атеистической среде.

В конце концов, разрешение на вывоз в Эрмитаж намеченной иконы было получено. Как позже выяснилось, принадлежала она кисти псковского мастера XIV века. Дальнейшее раскрытие старой живописи собранных во время экспедиции икон позволило определить время их написания и происхождение. В большинстве своем они являлись образцами местных «северных писем» и только некоторые представляли новгородскую и другие школы живописи.

[805] Из воспоминаний сотрудницы Эрмитажа Ирины Николаевны Ухановой (Санкт-Петербург).

Привезенные из Северодвинской экспедиции предметы существенно пополнили небольшую в то время коллекцию произведений древнерусского искусства в Эрмитаже[806].

В июле 1959 года Ф. М. Морозов выезжал по делам музея на месяц в Калининград, и затем в сентябре еще куда-то. В декабре того же года он ездил в Пермский край[807]. Это была, кажется, его последняя командировка.

Будучи уже в преклонных летах, он все еще оставался деятельным и подвижным человеком. Побывавший в 1960 году в Эрмитаже журналист Лев Любимов писал о Морозове: «Он с юношеским воодушевлением говорил мне о том, как ему хочется еще много лет трудиться над разысканием и сохранением памятников старины. Объезды деревень Приуралья его особенно привлекают. Какая радость напасть на след давней находки, обладатель которой даже не знает, как она попала к нему и какую представляет ценность!»[808] Однако возраст брал свое. «Юношеское воодушевление» оставалось, а сил становилось все меньше.

Федор Михайлович по-прежнему отдавал Эрмитажу всего себя. Здесь для всех он был просто «дядя Федя». Всегда энергичный, общительный, полный юношеского задора, он пользовался большим уважением среди знавших его людей. Будучи человеком открытым, Морозов охотно делился с коллегами своим огромным профессиональным опытом и обширными знаниями. Вместе с тем «вокруг него роилась масса легенд, о которых он не говорил и которые, разумеется, никак не комментировал»[809]. Поводом для «легенд» служила его удивительная судьба, о чем сам Федор Михайлович, впрочем, мало распространялся.

По воспоминаниям современников, Морозов никогда не расставался с фотоаппаратом. Если в Эрмитаж приезжала какая-либо делегация, дядя Федя был тут как тут и снимал все происходящее. Был как бы внештатным эрмитажным фотографом.

Свободное время Федор Михайлович любил проводить на даче во Всеволожском районе. Когда сотрудники Эрмитажа зимой ездили туда кататься на лыжах, они пользовались неизменным гостеприимством дяди Феди – оставляли у него вещи, лыжное снаряжение, отдыхали, пили чай. Некоторые гостили у него там в летнее время подолгу.

Одна из старейших сотрудниц Эрмитажа вспоминала, что когда она пришла совсем еще юной практиканткой в музей, то ей иногда приходилось общаться с дядей Федей. Она рассказывала, что он, бывало, зайдет, начнет расспрашивать о делах, об учебе, а после его ухода находишь на столе конфетку.

Семью Федор Михайлович так и не создал, целиком отдав себя делу всей своей жизни – охране и собиранию в музеи памятников искусства и старины.

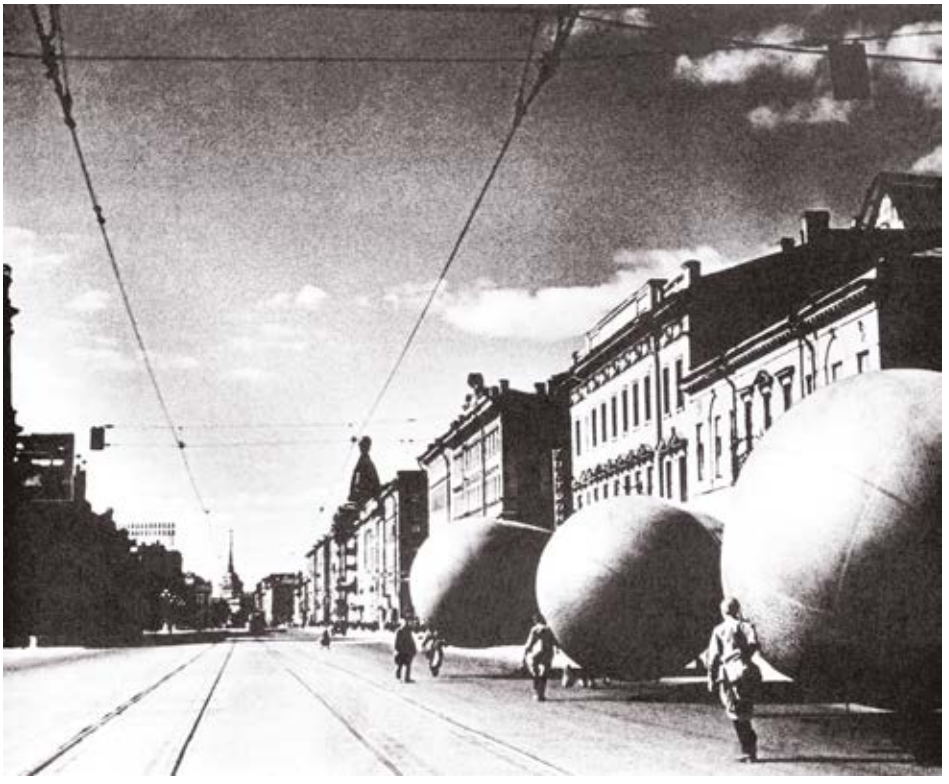
---

806 *Косцова А.* Беломорская и Северодвинская экспедиции // Сообщения Государственного Эрмитажа. XVII. – Л., 1960. – С. 74–77.

807 АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571. Л. 39 об.

808 *Любимов Л.* Среди сокровищ Эрмитажа // Новый мир. – 1960. – № 5. – С. 207.

809 *Сапунов Борис.* Он всегда кого-то или что-то спасал… // Конкуренция и рынок. – 2008. – № 37 (март). – С. 86.



Аэростаты воздушного заграждения на Невском проспекте
(«Подвиг Эрмитажа. 1941–1945». Л., 1987. С. 39)

Эрмитаж. Ящики с эвакуируемыми экспонатами.
Фото 1941 г. («Подвиг Эрмитажа. 1941–1945». Л., 1987. С. 115)

Эрмитаж. Шатровый зал в годы блокады
(«Подвиг Эрмитажа. 1941–1945». Л., 1987. С. 156)

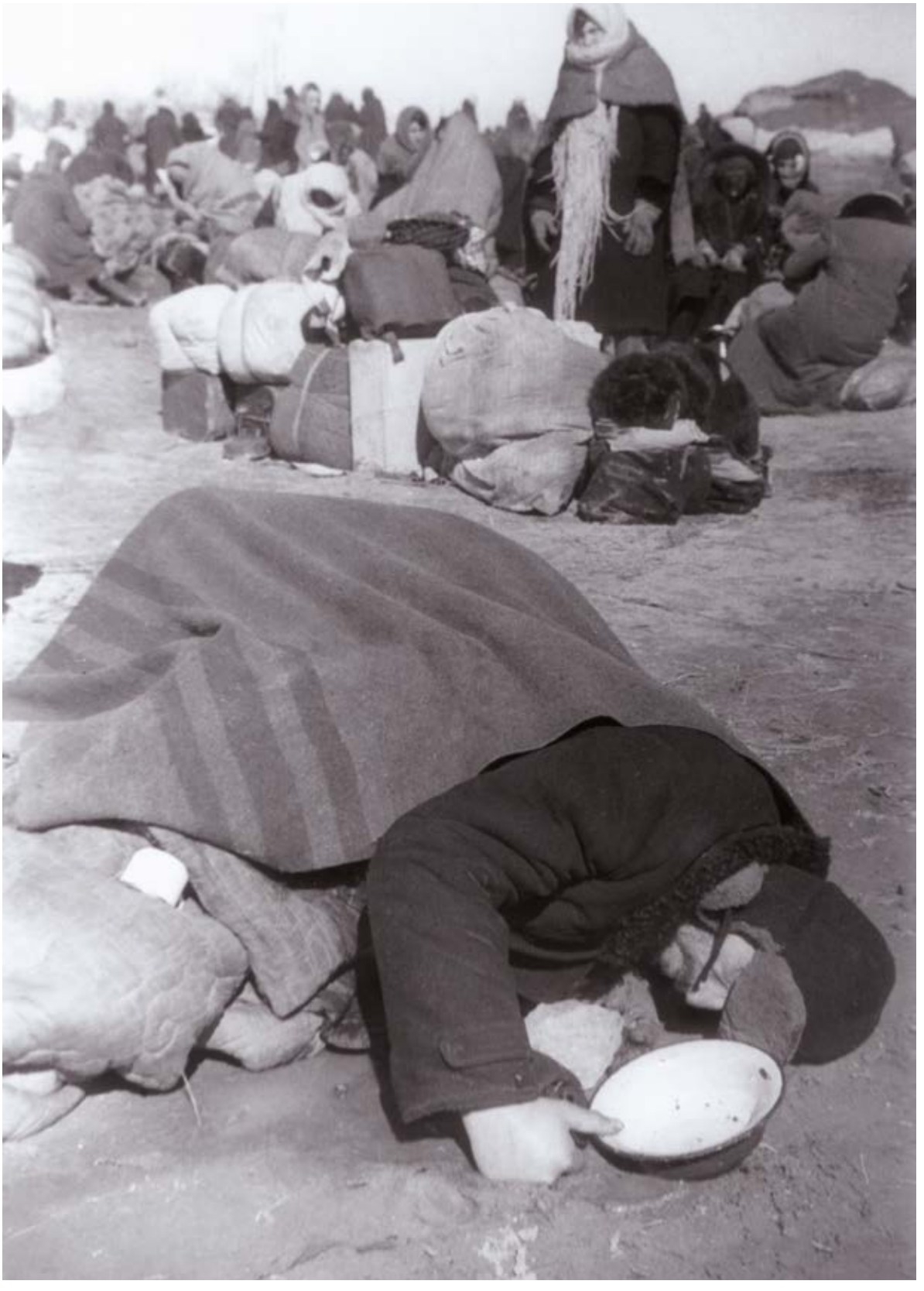
Эрмитаж, здание Зимнего дворца («Подвиг Эрмитажа. 1941–1945». Л., 1987. С. 48)

Малый просвет в Новом Эрмитаже.
Фото 1944 г. («Подвиг Эрмитажа. 1941–1945». Л., 1987. С. 60)

Хранилище западноевропейской скульптуры.
Фотография военных лет («Подвиг Эрмитажа. 1941–1945». Л., 1987. С. 110)

Ленинград. Блокадная зима 1941–1942 гг.
(«Подвиг Эрмитажа. 1941–1945». Л., 1987. С. 42)

Эрмитаж. Галерея истории древней живописи.
Фото 1944 г. («Подвиг Эрмитажа. 1941–1945». Л., 1987. С. 182)



Умерший от голода в ожидании эвакуации на станции Кобона.
Фото Р. А. Мазелева, 12 апреля 1942 г. (ЦГАКФФД СПб. Ар-16706)

Новый Эрмитаж. Над входом видны следы разрушения
(«Подвиг Эрмитажа. 1941–1945». Л., 1987. С. 47)

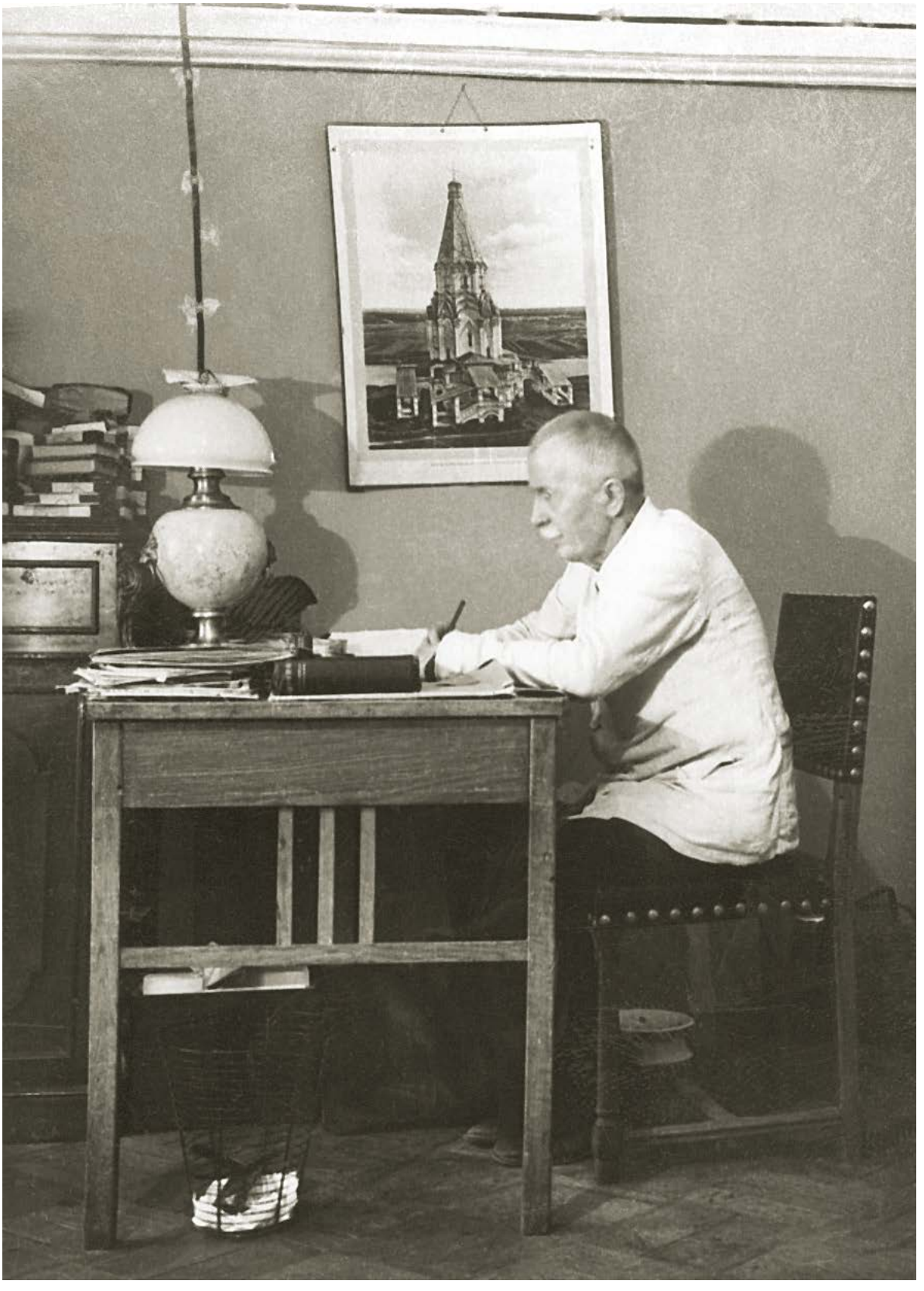
Эрмитаж. Реэвакуация музейных ценностей.
Фото 1945 г. («Подвиг Эрмитажа. 1941–1945». Л., 1987. С. 239)

Новый Эрмитаж
(«Подвиг Эрмитажа. 1941–1945». Л., 1987. С. 177)

Зимний дворец. Вид со стороны Адмиралтейства
(«Подвиг Эрмитажа. 1941–1945». Л., 1987. С. 234)

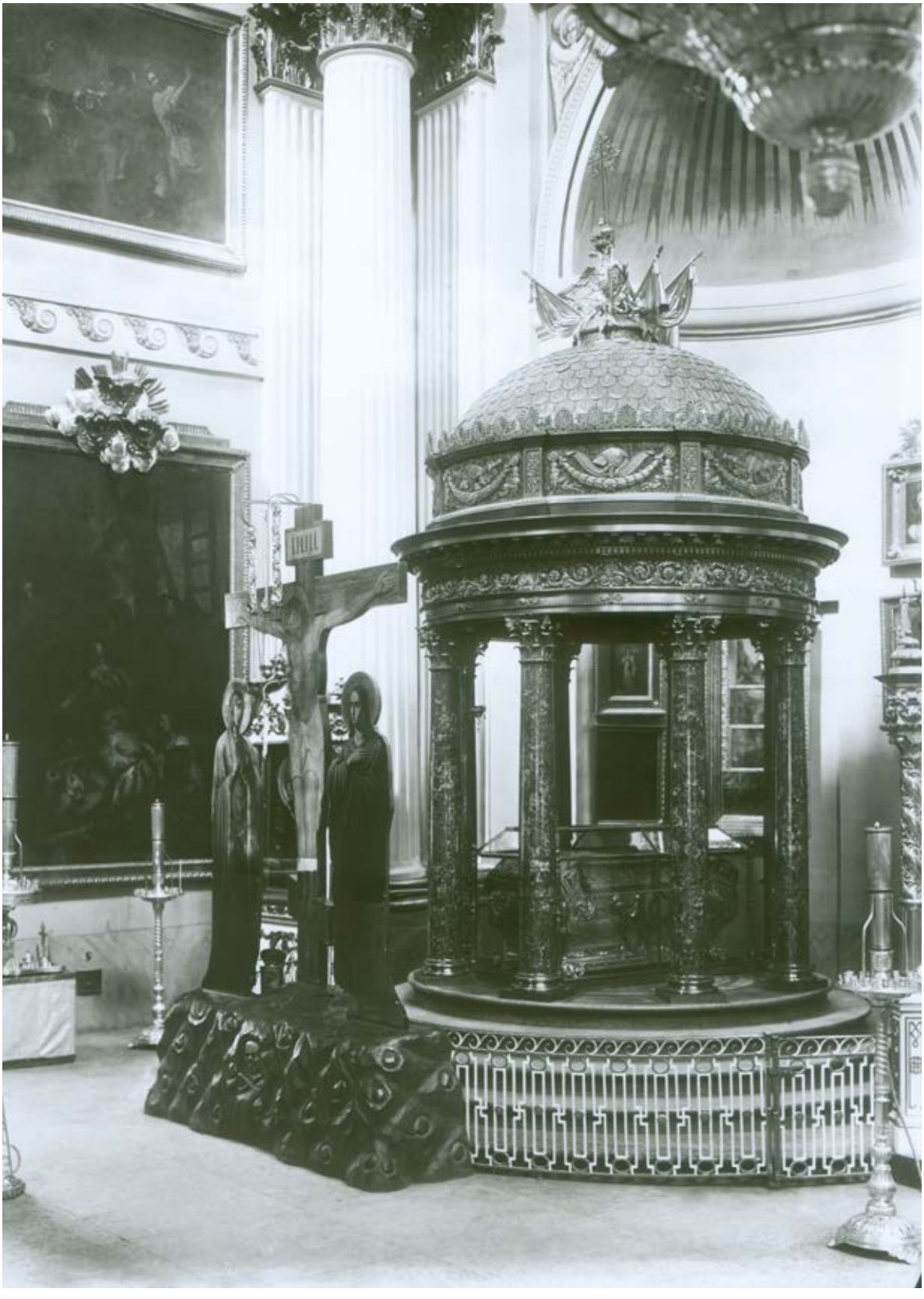
Сотрудники Отдела истории русского искусства Эрмитажа. Шестой в третьем ряду справа Ф. М. Морозов. 29 декабря 1956 г.
(Из личного архива Ирины Николаевны Ухановой (Санкт-Петербург))

На Большом дворе Зимнего дворца. Слева направо: Ф. М. Морозов, З. А. Бернякович, В. М. Глинка. Июль 1957 г.
(Фотоархив Отдела истории русской культуры Гос. Эрмитажа. Фотографию копировали К. В. Синявский, С. В. Суетова)



Ф. М. Морозов в рабочем кабинете в Эрмитаже. Фото 1956 г.
(Фотоархив Отдела истории русской культуры Гос. Эрмитажа. Фотографию копировали К. В. Синявский, С. В. Суетова)

Эрмитаж. Рака святого благоверного князя Александра Невского
(«Подвиг Эрмитажа. 1941–1945». Л., 1987. С. 267)

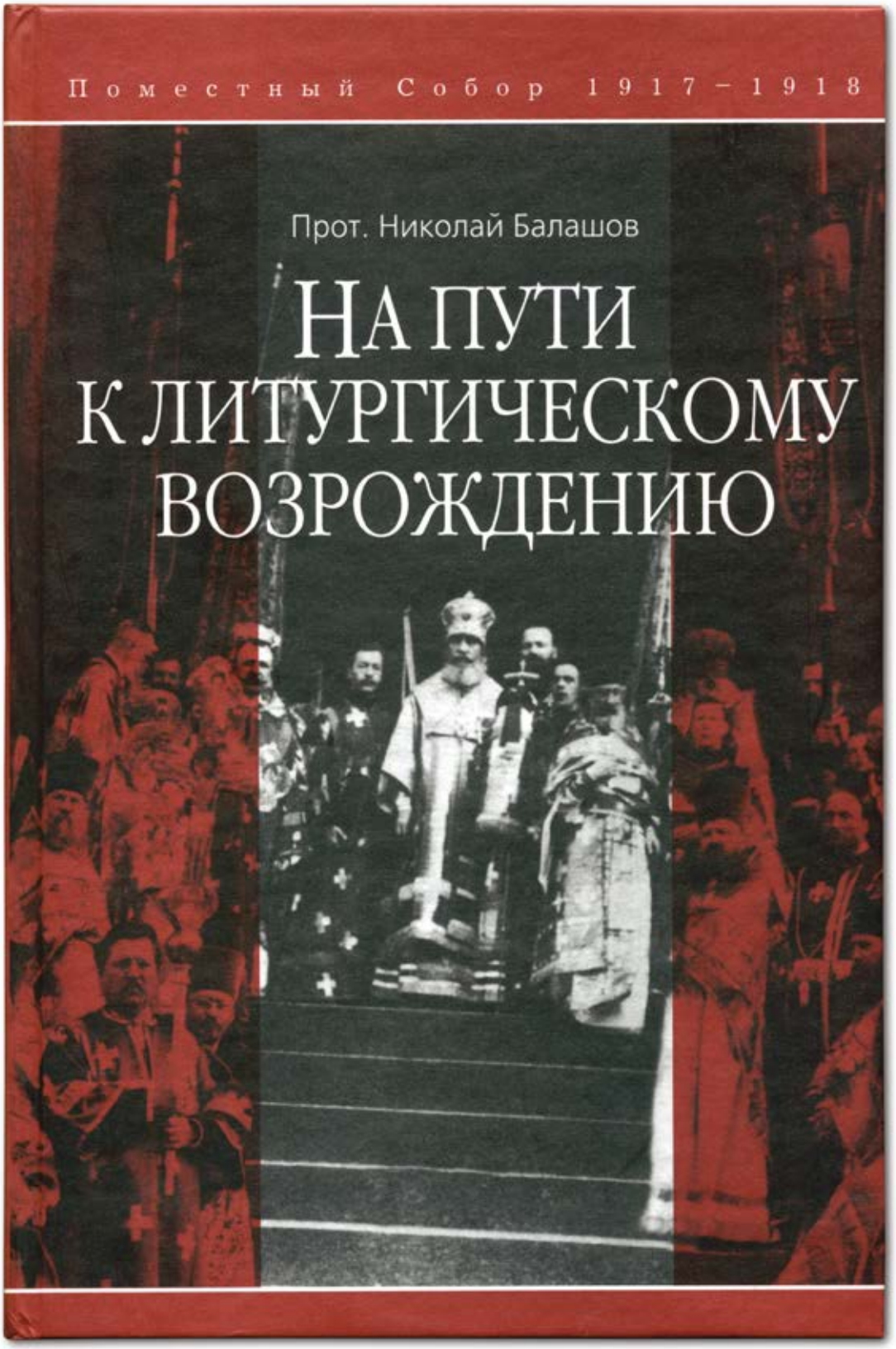


Голгофа и «миллионная» сень в Троицком соборе Александро-Невской лавры.
Фотография ателье Буллы, 1913 г. (ЦГАКФФД СПб. Е-11566)

Подарок сотрудников отдела Истории русской культуры Эрмитажа Ф. М. Морозову к его 75-летию
(«Труды государственного Эрмитажа». Т. 57. 2011. Ил. X)

Могила Федора Михайловича Морозова на Серафимовском кладбище в Санкт-Петербурге.
Фото Анатолия Зварича, январь 2012 г.

На фотографии справа от митрополита Владимира (Богоявленского) Федор Морозов.
Фото К. К. Буллы, 2 мая 1913 г.



На фотографии слева от митрополита Антония (Вадковского) Федор Морозов

В связи с этим вспоминаются слова В. А. Алексеева: «Странные люди эти коллекционеры, находящие интерес в изучении какого-то “прошлого”, в собирании его год от года исчезающих памятников! Вокруг них – одиноко стоящих – гудит толпа, которой нет дела ни до чего подобного, толпа, с холодной рассудительностью думающая лишь о практической пользе и смеющаяся в душе над непрактичными собирателями»[810].

С 1961 года Морозов стал все реже появляться в Эрмитаже. Обнаружившееся онкологическое заболевание подтачивало его здоровье и силы, требовало стационарного лечения.

В последние годы у дяди Феди был четвероногий друг – простая, безродная собака, к которой он сердечно привязался. Домашний любимец скрашивал его одинокую старость. В середине весны 1962 года собака умерла. Когда знакомые Морозова узнали об этом, многие решили, что эту утрату дядя Федя не перенесет. Так оно и случилось. 3 мая Федор Михайлович «после продолжительной и тяжелой болезни» скончался.

В Эрмитаже прошла немноголюдная гражданская панихида. Похоронили Федора Михайловича на Серафимовском кладбище, расположенном в районе Черной речки на северо-западе Ленинграда[811].

Как говорит псалмопевец: «Дней наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь» (Пс. 89. 10).

***

К сожалению, осталась невыясненной судьба личной коллекции Ф. М. Морозова: кто стал ее наследником или распорядителем? Насколько можно судить по отрывочным сведениям, коллекция, кажется, большей частью разошлась по рукам. Неизвестно также, что сталось с фотоархивом Морозова и архивом его личных бумаг, если таковой имелся. Кое-что из фотографического наследия Федора Михайловича сохранилось в архивохранилищах и музеях, но это лишь малая часть того, что было отснято им за многие годы…

[810] *Алексеев В. А.* Ф. М. Плюшкин и его музей // Исторический вестник. – 1916. – № 7. – С. 196.

[811] Могила Ф. М. Морозова находится на участке 36-2, в третьем «ряду» могил от аллеи между 36-1 и 36-2 участками.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В процессе работы над книгой мне посчастливилось общаться с людьми, знавшими Федора Михайловича Морозова. Главным образом, это сотрудники Государственного Эрмитажа – хранители, ученые, а в бытность Морозова только начинавшие свою музейную и научную карьеру молодые люди. Хотя минуло полвека, и многое позабылось, тем не менее, в их памяти сохранился светлый образ «дяди Феди» – живого, энергичного, жизнерадостного человека, отзывчивого товарища и редкого специалиста. Необычайно теплые воспоминания о нем сохранил Борис Викторович Сапунов – старейший сотрудник Эрмитажа, доктор исторических наук, профессор. С Морозовым его связывала не только общая работа в отделе Истории русской культуры, но и дружеские отношения. В разное время Б. В. Сапунов опубликовал несколько заметок о Федоре Михайловиче, который всегда оставался для него человеком исключительной судьбы, уникальным собирателем, человеком, который «всегда кого-то или что-то спасал»[812].

Когда в общении с коллегами Ф. М. Морозова я говорил, что пишу о нем книгу, то неизменно слышал: «Это достойный человек! Он заслуживает, чтобы о нем написали».

И вот… Книга написана…

Конечно, это лишь несовершенная попытка воссоздать образ человека – его жизнь, стремления, интересы. Можно только пожалеть, что сам Федор Михайлович не оставил воспоминаний. Его богатая событиями жизнь могла бы дать интереснейший материал не только о нем, но и о времени, в которое он жил, о людях, с которыми общался. Жаль, что мало сохранилось из того, что Морозов запечатлевал на фотоаппарат, а фотографировал он много…

Если говорить о личности Морозова в целом, то в первую очередь следует отметить, что главным в его жизни было служение – людям, науке, культуре. Служение до забвения себя. Вспомним, как он писал летом 1914 года профессору И. А. Шляпкину: «Ехать на войну, жертвовать всеми личными интересами, стремиться все время быть занятым одною лишь мыслью – помощи раненым братьям – вот дело всего»[813]. Или: «Если есть возможность быть полезным для раненых, я стараюсь быть духовно полезен вообще, для ближних»[814]. «О, как бы я желал, – писал он из Трапезунда, – работать по призванию души – помогая страждущим – в этом мое стремление жизни, да еще любовь к археологии церковной побуждает поработать для науки!»[815]

---

[812] *Сапунов Борис.* Он всегда кого-то или что-то спасал… // Конкуренция и рынок. – 2008. – № 37 (март). – С. 86.

[813] ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829. Л. 21 об.

[814] Там же. Л. 19 об.

[815] ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 6. Л. 12.

В этой реплике удивительно точно сформулировано жизненное кредо Морозова. Это неслучайная фраза, подобные мы находим и в других письмах. «Всячески стараюсь, среди работы делу милосердия, работать делу археологии – помочь настоящим ее труженикам», – писал он профессору С. Ф. Платонову[816]. Себя Морозов, как видим, даже не относил к «настоящим», но желал им «всячески» помочь – послужить.

Эти неподдельные свидетельства, почерпнутые из частных писем, говорят об искренности чувств и устремлений Морозова. И нужно сказать, что даже в самых сложных обстоятельствах он сохранял верность внутренним идеалам.

За свою жизнь, особенно в периоды военных и революционных потрясений, Морозов спас от разграбления и уничтожения немало шедевров искусства. Спасал он не только памятники «чуждого социалистическому обществу дворянского искусства», как говорили в советское время, но и памятники церковные, что могло навлечь политические обвинения. Однако, несмотря ни на что, Морозов старался сберечь церковную старину, которую любил. И именно это делание стало для него своеобразным служением Церкви – в годы религиозных преследований спасать гибнущее церковное историко-культурное наследие.

К сожалению, сегодня не все понимают, что в то исключительно сложное время спасти церковное достояние от уничтожения можно было зачастую лишь путем его музеефикации, чем Морозов успешно и занимался. Поэтому крайне огорчительно встречать публикации, в которых огульно чернятся люди и организации, занимавшиеся в 1920–1930-е годы пополнением музеев или их организацией на основе церковного историко-культурного наследия. Напротив, нужно с благодарностью вспоминать о деятелях, подобных Ф. М. Морозову, об их самоотверженном служении отечественной культуре.

В цивилизационном контексте к Морозову, без преувеличения, приложим евангельский образ «соль земли» (Мф. 5. 13). Такие люди, как он, не дают распадаться культурному достоянию народа даже в самые неблагоприятные, самые смутные периоды истории. Они бескорыстно и самоотверженно собирают и сберегают его художественное, историческое и интеллектуальное наследие. Хотя сами они порой ничего не создают, но сохраняют, они есть – хранители.

[816] ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С. Ф.). Оп. 1. Д. 3593. Л. 1 об.

БИБЛИОГРАФИЯ

Печатные труды Ф. М. Морозова

1. Антиминс 1149 (6657) года. – Пг.: Тип. М. А. Александрова, 1915. – [2], 13 с., 2 л. ил. (Оттиск из «Записок Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества». – 1915. – Т. 11).
2. Древлехранилище Свято-Троицкой Александро-Невской лавры. 1712–1910 гг. Краткая опись. – СПб., 1910. – 116 с., с ил.; 1 л. ил.
3. Изображения на скалах восточного берега Онежского озера // Экономика и статистика Карелии. – 1927. – № 1–3. – С. 142–145.
4. Церковные двери из Великого Устюга // Сообщения Государственного Эрмитажа. Т. XXIII. – Л., 1962. – С. 24–26.

Архивные материалы

5. АГРМ. Ф. ГРМ. Оп. 10. Д. 313.
6. АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 16.
7. АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 252.
8. АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 718.
9. АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 731.
10. АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 856.
11. АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 876.
12. АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1057.
13. АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1118.
14. АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1119.
15. АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1122.
16. АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1152.
17. АГРМ. Ф. ГРМ (I). Оп. 6. Д. 1169.
18. АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1509 (ч. III).
19. АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1995.
20. АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2656.
21. АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2724.
22. АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2739.
23. АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2788.
24. АГЭ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 2802.
25. АГЭ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 12.
26. АГЭ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 514.
27. АГЭ. Ф. 1. Оп. 13. Д. 571.

28. АГЭ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 147.
29. АГЭ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 150.
30. АГЭ. Ф. 1. Оп. 18. Д. 154.
31. АИИФЭ. Ф. 13 (Ф. Л. Эрнст). К. 5. Д. 309.
32. АИИФЭ. Ф. 13 (Ф. Л. Эрнст). К. 6. Д. 494.
33. ГАКО. Ф. 4156. Оп. 1. Д. 10.
34. ГАКО. Ф. 4156. Оп. 1. Д. 14.
35. ГАКО. Ф. 4156. Оп. 1. Д. 15.
36. ГАКО. Ф. 4156. Оп. 1. Д. 17.
37. ГАКО. Ф. 4156. Оп. 1. Д. 18.
38. ГАКО. Ф. 4156. Оп. 1. Д. 19.
39. ГАКО. Ф. 4156. Оп. 1. Д. 20.
40. ГАКО. Ф. 4156. Оп. 1. Д. 21.
41. ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1828.
42. ИРЛИ РАН. Ф. 341 (Шляпкин И. А.). Оп. 1. Д. 1829.
43. НИОР РГБ. Ф. 257 (Рункевич С. Г.). К. 12. Д. 19.
44. ОР ГТГ. Ф. 31 (Нерадовский П. И.). Д. 1006.
45. ОР ГТГ. Ф. 67. Д. 334.
46. ОР РНБ. Ф. 326 (Казанович Е. П.). Д. 18.
47. ОР РНБ. Ф. 585 (Платонов С. Ф.). Оп. 1. Д. 3593.
48. ОР РНБ. Ф. 865 (Шляпкин И. А.). Д. 101.
49. ОР РНБ. Ф. 865 (Шляпкин И. А.). Д. 102.
50. ПФА РАН. Ф. 116 (Успенский Ф. И.). Оп. 2. Д. 493.
51. ПФА РАН. Ф. 116 (Успенский Ф. И.). Оп. 3. Д. 60.
52. ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 6.
53. ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 9.
54. ПФА РАН. Ф. 169. Оп. 1. Д. 310.
55. ПФА РАН. Ф. 737 (Айналов Д. В.). Оп. 1. Д. 75.
56. ПФА РАН. Ф. 737 (Айналов Д. В.). Оп. 2. Д. 62.
57. РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1913 г. Д. 176.
58. РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1925 г. Д. 6.
59. РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1926 г. Д. 7.
60. РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1926 г. Д. 221.
61. РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1926 г. Д. 260.
62. РА ИИМК РАН. Ф. 2. 1929 г. Д. 6.
63. РА ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 372.
64. РА ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 406.
65. РА ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 416.
66. РА ИИМК РАН. Ф. 18. Д. 351.
67. РА ИИМК РАН. Ф. 51. Д. 195.
68. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 429.
69. РГВИА. Ф. 12651. Оп. 3. Д. 450.

70. РГВИА. Ф. 12685. Оп. 7. Д. 79.
71. РГИА. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1584.
72. РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 778.
73. РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (225/2747). Д. 803.
74. РГИА. Ф. 792. Оп. 1. Д. 15.
75. РГИА. Ф. 797. Оп. 83. III отд. IV ст. (1913 г.). Д. 179.
76. РГИА. Ф. 802. Оп. 11 (1914 г.). Д. 247.
77. РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 635.
78. РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 637.
79. РГИА. Ф. 802. Оп. 16. Д. 639.
80. РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 191.
81. РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1909 г.). Д. 98.
82. РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1911 г.). Д. 98.
83. РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1913 г.). Д. 70.
84. РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1913 г.). Д. 84.
85. РГИА. Ф. 815. Оп. 11 (1913 г.). Д. 113.
86. РГИА. Ф. 815. Оп. 14 (1910 г.). Д. 417.
87. ЦГАВО. Ф. 166. Оп. 1. Д. 705.
88. ЦГАВО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 191.
89. ЦГАВО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 192.
90. ЦГАЛИ СПб. Ф. 5. Оп. 1. Д. 55.
91. ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1053.
92. ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1263.
93. ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1319.
94. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 15. Д. 3329.
95. ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 312.
96. ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 326.
97. ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 331.
98. ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 348.
99. ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 1. Д. 377.
100. ЦГИАУК. Ф. 128. Оп. 3. Д. 816.
101. ЦГИАУК. Ф. 128. Оп. 3. Д. 825.
102. ЦГИАУК. Ф. 128. Оп. 3. Д. 857.

Литература

103. Акт в императорском петербургском археологическом институте // Исторический вестник. – 1912. – № 2. – С. 388–389.

104. *Алексеев А. А., Пирютко Ю. М.* Александро-Невская лавра в описаниях и исследованиях / Рункевич С. Г. Александро-Невская Лавра, 1713– 1913. – СПб.: Лига Плюс, 1997. – С. 3–26.
105. *Алексеев В. А.* Ф. М. Плюшкин и его музей // Исторический вестник. – 1916. – № 7. – С. 176–197.
106. *Арутюнян А. О.* Кавказский фронт 1914–1917 гг. – Ереван: Изд. «Айастан», 1971. – 415 с.
107. Архивы Кремля. В 2-х кн. / Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. – М.–Новосибирск, Российская политическая энциклопедия, Сибирский хронограф, 1997. – 594 с.
108. *Басаргина Е. Ю.* Историко-археологическая экспедиция в Трапезунд (1916) // Вспомогательные исторические дисциплины. – 1991. – Т. XXIII. – С. 295–306.
109. *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. – СПб., 1999. – 444 с.
110. *Басаргина Е. Ю.* Ф. И. Шмит: материалы к биографии / Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. – С. 478–496.
111. *Бегунов Ю. К., Сапунов Б. В.* История мощей и рак святого благоверного Великого князя Александра Невского // Князь Александр Невский. Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг. – СПб., 1995. – С. 85–90.
112. *Бельков В. А.* Сильнее смерти. Итоги русско-японской войны 1904–1905 гг. и судьба храма-памятника морякам Спаса-на-Водах. СПб.: Агентство РДК-принт, 2007.
113. *Бенуа А. Н.* Мой Дневник: 1916–1917–1918. – М.: Русский путь, 2003. – 704 с., ил.
114. *Білокінь С.* Втрати української культурної спадщини під час голоду 1922 року // Могилянські читання 2004: Зб. наук. праць. – К., 2005. – С. 77–98.
115. *Божанов.* Развлечения для раненых // Красный кавалерист. – 1920. – № 211. – С. 2.
116. *Болдырев А. Н.* Осадная запись. (Блокадный дневник). – СПб.: Европейский дом, 1998. – 368 с.
117. *Бороздин И. Н.* Международный археологический конгресс в Риме // Древности. – 1914. – Т. 24. – С. 275–278.
118. *Буденный С. М.* Пройденный путь. Книга вторая. – М.: Воениздат, 1965. – 390 с.
119. *Буш В. В.* Илья Александрович Шляпкин. (Некролог). – Пг.: Тип. Рос. Академии Наук, 1920. – [2], 16 с.
120. *Вадковский М. В.* Мои воспоминания о митрополите Антонии // Исторический вестник. – 1916. – № 1. – С. 195–220; № 2. – С. 475–495.
121. В древлехранилище Свято-Троицкой Александро-Невской лавры // Петербургская газета. – 1910. – № 73. – С. 3.

122. В медвежьем окружении // Красная Карелия. – 1926. – № 157. – С. 3.
123. *Галашевич А.* Торопец и его окрестности. – М.: «Искусство», 1972. – 134 с.
124. *Голубев С.* Торжество открытия Новгородского Церковно-Археологического Общества и древлехранилища при нем // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1913. – № 2. – С. 99–104.
125. *Гюзальян Л. Т.* Неизданные надписи Байбуртской цитадели // Византийский временник. – 1956. – Т. VIII. – С. 306–330.
126. День памяти св. благоверного великого князя Александра Невского // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1913. – № 49. – С. 2296–2297.
127. *Деревенский.* Нашествие медведей // Красная Карелия. – 1926. – № 207. – С. 3.
128. Дни светлого торжества в Москве // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1913. – № 21. – С. 961–974.
129. Древлехранилище в Александро-Невской лавре // Петербургский листок. – 1910. – № 76. – С. 4.
130. Древлехранилище Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры // Приходский Священник. – 1911. – № 20. – С. 7–8.
131. *Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний. – СПб.: Европейский дом, 1995.
132. *Ермаков Д. И.* Каталог фотографических видов и типов Кавказа, Персии, Европейской и Азиатской Турции: Коллекция из 18-ти тысяч. – Тифлис: Паровая Тип. Штаба Кавказ. воен. округа, 1896. – 333 с.
133. *Ермаков Д. И.* Каталог фотографических видов и типов Кавказа, Персии, Европейской и Азиатской Турции: Продолжение каталога 1896 года: Коллекция состоит из 25 тысяч видов. – Тифлис: Паровая Тип. Штаба Кавказ. воен. округа, 1901. – 137 с.
134. *Жуков Ю. Н.* Сталин: операция «Эрмитаж». – М.: ВАГРИУС, 2005. – 336 с.: ил.
135. *Ернст Ф.* До кого має перейти колишня лавра? // Пролетарская правда. – 1926. – № 82. – С. 5.
136. *Завадская Л. А.* Рака Александра Невского в собрании Эрмитажа / Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции. – Новгород: Изд. «Новгородский государственный объединенный музей-заповедник», 1996. – С. 84–92.
137. Заседание членов Высочайше учрежденной комиссии по разбору и описанию Синодального Архива // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1906. – № 10. – С. 513–514.
138. *Здравомыслов К.* О мерах к охранению вещественных и письменных памятников родной старины // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1906. – № 8. – С. 392–394.
139. *Здравомыслов К.* Пятидесятилетие Высочайше утвержденной Комиссии по описанию Архива Святейшего Синода // Приложение к Церковным Ведомостям. – 1915. – № 49. – С. 2446–2452.

140. *Зырянов П. Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. – М.: Вербум-М, 2002. – 320 с., ил.
141. Известия за месяц // Старые годы. – 1911. – № 11. – С. 48–49.
142. Искусство Севера. Заонежье. – Л., 1927. – 206 с.
143. Исторические кладбища Петербурга. Справочник-путеводитель / сост. Кобак А. В., Пирютко Ю. М. – СПб.: Издательство Чернышева, 1993. – 639 с.
144. *Качан Роман, Хведченя Сергій*. Розвиток музейної справи на теренах Києво-Печерської лаври в 1918–1926 рр. // Історико-географічні дослідження в Україні. – Київ: Інститут історії України НАН України, 2005. – № 8. – С. 37–49.
145. Клад монет X века // Красная газета. – 1935. – № 133. – С. 2.
146. *Колпакова Н. П.* У золотых рудников (записки фольклориста). – СПб.: Русское знамя, 2002. – 331 с.
147. *Корсун Н. Г.* Первая мировая война на Кавказском фронте: оперативно-стратегический очерк. – М., 1946.
148. *Косцова А.* Беломорская и Северодвинская экспедиции // Сообщения Государственного Эрмитажа. Т. XVII. – Л., 1960. – С. 74–77.
149. *Краевед.* Сохраним памятники седой старины. «Бесову носу» угрожает гибель // Красная Карелия. – 1926. – № 193. – С. 2.
150. Крестьянское искусство Севера. Об искусствоведческой экспедиции на Русский Север // Проблемы социологии искусства. Сборник Комитета социологического изучения искусств. Вып. 1. – Л., 1926. – С. 166–190.
151. *Кролевец Сергей*. Хранители // Зеркало недели. – 2006. – № 42.
152. *К[рыло]в В. И.* Изучение крестьянского искусства // Красная Карелия. – 1926. – № 133. – С. 4.
153. *Крюковский А. П.* Петербургские храмы. – СПб.: Паритет, 2009. – 432 с., ил.
154. *Кустодиева Т.* «Забытый» шедевр сиенской живописи XIV века // Сообщения Государственного Эрмитажа. Т. LIV. – Л., 1990. – С. 5–7.
155. К эвакуации больных из Трапезунда // Трапезондский военный листок. – 1917. – № 168. – С. 2.
156. *Лихачев Д. С.* [Предисловие к статье]: Мосякин А. Продажа // Огонек. – 1989. – № 6. – С. 18.
157. *Любимов Л.* Среди сокровищ Эрмитажа // Новый мир. – 1960. – № 5. – С. 179–213.
158. *Малышев В. И.* Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и других городов // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. – Т. 7. – С. 455–469.
159. *Малышев В. И.* Слово о Федоре Антоновиче Каликине // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974. – Т. 28. – С. 425–426.

160. *Масловский Е. В.* Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг. Стратегический очерк. – Париж: Изд. «Возрождение», 1933. – 503 с.
161. *Мильчик М. И.* Заонежье на старых фотографиях: альбом. – СПб.: Лики России, 1999. – 153 с.
162. *Мильчик М. И.* Иконография Заонежья и проблемы изучения изобразительных источников по архитектуре Русского Севера // Известия Вологодского общества изучения Северного края (2000-летию Рождества Христова посвящается). Выпуск VIII. – Вологда, 2000. – С. 142–148.
163. *Минцлов С. Р.* О бывшем храме св. Евгения // Трапезондский военный листок. – 1916. – № 18. – С. 3.
164. *Минцлов С. Р.* Трапезондская эпопея. Дневник. – Берлин: Сибирское книгоиздательство, [1925]. – 383 с.
165. *Миронов А. А.* Из жизни археологических учреждений // Исторический вестник. – 1913. – № 6. – С. 1097–1104.
166. *Модзалевский Б.* К истории «Гавриилиады» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. XVII–XVIII. – СПб.: Тип. Импер. Академии Наук, 1913. – С. 74–76.
167. Монеты IX века // Комсомольская правда. – 1935. – № 58. – С. 4.
168. *Мосолов А., генерал*. При дворе императора. – Рига: Изд. «Филин», [1938]. – 232 с.
169. *Мосякин А.* Продажа // Огонек. – 1989. – № 6. – С. 18–22; № 7. – С. 16–21; № 8. – С. 26–29.
170. *Мурзанова М. Н., Адрианова-Перетц В. П.* Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела библиотеки Академии наук. Т. 2. – Л., М.: Изд. Академии наук СССР, 1958.
171. *Мясников Л.* В Эрзеруме // Кавказское слово. – 1916. – № 49. – С. 3.
172. Надо организовать борьбу с хулиганством // Красная Карелия. – 1926. – № 158. – С. 3.
173. Напутствие и проводы этапного лазарета духовно-учебных заведений Российской Империи во имя преподобного Серафима Саровского Чудотворца // Церковный Вестник. – 1914. – № 33. – С. 1126–1127.
174. Неизданные материалы экспедиции В. М. и Ю. М. Соловьевых: 1926–1928: по следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2 т. – Т. 1: эпическая поэзия. – М.: Наука, 2007. – 629 с.
175. *Нестуля О.* Доля церковної старовини в Україні 1917–1941 рр. У 2-х томах. – К., 1995.
176. *Никифораки И.* ЭОП и атрибуция произведений искусства // Искусство. – 1966. – № 10. – С. 49–51.
177. *Никодимов И. Н., проф.* Воспоминание о Киево-Печерской Лавре. – К.: Святая Успенская Киево-Печерская Лавра, 2001. – 224 с.
178. *Никон [(Рождественский)], архиепископ.* На память о светлом торжестве // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1913. – № 21. – С. 936–938.

179. *[Никон (Рождественский), епископ]*. Светильники гаснут. (Из дневника епископа) // Приходское чтение. – 1910. – № 6. – С. 118–123.
180. Новгородская церковная старина. Труды Новгородского церковно-археологического общества. Т. 1. – Новгород: Губ. тип., 1914. – III, 198, LII с.
181. Обзор археологических находок за 1934–1935 гг. // Советская археология. – 1937. – Т. 2. – С. 235.
182. Обзор деятельности учреждений, состоящего под Высочайшим покровительством Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны, Российского Общества Красного Креста на Кавказском фронте за май, июнь и июль месяц 1915 года. – Тифлис: Электропечатня Тифлисской № 2 тюрьмы, 1915. – 101, 54, 24 с.
183. О деятельности Комитета Красного Креста духовно-учебных заведений // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1916. – № 1. – С. 23–24; № 2. – С. 65–67; № 3. – С. 96–101; № 5. – С. 155–157; № 10. – С. 289–290; № 28. – С. 698–700; № 30. – С. 753–754; № 39. – С. 961–963; № 47. – С. 1136–1137.
184. О пребывании сербского короля в России // Церковные Ведомости. – 1910. – № 12. – С. 559.
185. Открытие древлехранилища Александро-Невской лавры // Свет. – 1910. – № 72. – С. 3.
186. Открытие древлехранилища в Александро-Невской лавре // С.-Петербургские Ведомости. – 1910. – № 61. – С. 2.
187. Отражение войны // Старые годы. – 1916. – № 10–11. – С. 159.
188. Отчет о деятельности общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1912 год. – СПб.: Тип. Сириус, 1913. – 63 с.
189. Отчет о деятельности общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1913 год. – Пг., 1914. – 55 с.
190. Отчет о деятельности общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1914 и 1915 гг. – Пг., 1916. – 45 с.
191. Очерки истории Киево-Печерской лавры и заповедника. – Киев, 1992. – 288 с.
192. Памятная Книжка Минской губернии на 1915 год. – Мн., 1914. – 185, III с.
193. Первые книги Святой Руси. – М.: ДАРЪ, 2005. – 560 с.
194. *Петрова Л. И.* Духовные стихи Обонежья (по материалам экспедиций 1926–1932 гг.) // Из истории русской фольклористики. Вып. 4–5. – СПб., 1998. – С. 439–491.
195. *Пиотровский Б. Б.* Записки моей жизни. – СПб.: Наука, 1995. – 288 с.
196. Подвиг Эрмитажа. 1941–1945 [альбом] / Текст Варшавского С., Реста Б.; Сост. под рук. Пиотровского Б. Б. – Л.: Изд. «Аврора», 1987. – 303 с.: факс.
197. *Покровский Н. В.* Заметка о памятниках псковской церковной старины. – М.: Изд. журн. «Светильник», 1914. – 39 с.; 23 л. ил.
198. *Покровский Н. В.* Заметка о памятниках псковской церковной старины // Светильник. – 1914. – № 5–6. – С. 5–41.

199. *Покровский Н. В.* О мерах к сохранению памятников церковной старины // Христианское чтение. – 1906. – № 4. – С. 471–498.
200. *Покровский Н.* Из поездки по Италии // Светильник. – 1913. – № 4–5. – С. 3–15.
201. *Поппе Н. Н.* Карсакпайская надпись Тимура // Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. – Л., 1940. – С. 185–189.
202. Празднование двухсотлетия Александро-Невской лавры // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1913. – № 36. – С. 1606–1611.
203. Прибытие и пребывание в С.-Петербурге блаженнейшего патриарха Антиохийского Григория IV // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1913. – № 9. – С. 403–413.
204. *Приступа О. И., Туровинина В. Ф.* История формирования археологического фонда Музея Природы и Человека [Электронный ресурс]. – http://www.ugramuseum.ru/funds.html?funds=funds13. – Дата доступа 10.09.2010.
205. Продаются за бесценок музейные сокровища. Ятманов «ликвидирует» предметы старины. Собольи палантины – женам начальства. Требуем немедленной ревизии // Комсомольская правда. – 1929. – № 79. – С. 4.
206. Продовольственное совещание // Кавказ. – 1916. – № 33. – С. 4.
207. Путь к Эрзеруму // Кавказское слово. – 1916. – № 49. – С. 2.
208. Пятидесятилетие высочайше учрежденной комиссии по разбору и описанию архива Св. Синода 1865–1915. Ист. записка. – Пг.: Синод. тип., 1915. – VI, 454 с., портр.
209. *Равдоникас В. И.* К изучению нескальных изображений Онежского озера и Белого моря // Советская археология. – 1936. – Т. 1. – С. 9–46.
210. Революционное время в Русском музее и в Эрмитаже: (Воспоминания графа Д. И. Толстого) / Вступ. ст. С. Г. Блинова, Д. И. Толстого; Публ. и примеч. С. Г. Блинова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 1992. – С. 330–361.
211. Репрессированные этнографы / Сост. Д. Д. Тумаркин. Вып. 2. – М.: Изд. «Восточная литература» РАН, 2003. – 495 с.: ил.
212. *Рилкова Л. П.* Біографічні відомості про братію Києво-Печерської Лаври, що постраждала за Православну віру в 20 столітті. – К.: Тип. Києво-Печерської Лаври, «Видавництво “Фенікс”», 2008. – 288 с. (російською мовою).
213. *Романов К. К.* Крестьянское искусство Севера. Об искусствоведческой экспедиции на Русский Север // Проблемы социологии искусства. Сборник Комитета социологического изучения искусств. Вып. 1. – Л., 1926. – С. 166–190.
214. *Рункевич С. Г.* Александро-Невская Лавра, 1713–1913 / Ист. исслед. д-ра церков. истории С. Г. Рункевича. – СПб.: Синод. тип., 1913. – 17+999+62+45 с. – 277 снимков.

215. *Рункевич С. Г.* Александро-Невская Лавра, 1713–1913. – СПб.: Лига Плюс, 1997. – 686 с., ил.
216. *Рункевич С. Г.* Святой благоверный великий князь Александр Невский и его государственная деятельность на пользу родной земли // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1913. – № 47. – С. 2162–2169.
217. *Савватеев Ю. А.* Залавруга: Археологические памятники низовья реки Выг. Ч. 1. Петроглифы. – Л.: Наука, 1970. – 443 с., ил.
218. *Савинова И. Д.* Лихолетье. Новгородская епархия и советская власть 1917–1991 гг. – Новгород, 1998. – 112 с.
219. *Сапунов Б.* Ф. М. Морозов (некролог) // Сообщения Государственного Эрмитажа. Т. XXV. – Л., 1964. – С. 77.
220. *Сапунов Борис.* Он всегда кого-то или что-то спасал… // Конкуренция и рынок. – 2008. – № 37 (март). – С. 86.
221. *Сарсеке М.* Сатпаев / Пер. с каз. С. Плеханова и авт. Изд. 2-е, доп. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 548 [12] с.: ил. – (Жизнь замечательных людей: серия биогр.; Вып. 867).
222. Сборник старей, напечатанных в газете «Трапезондский военный листок» за 1916–1917 гг. – Трапезонд, 1917. – 125 с.
223. *Семевский М. И.* Путевые очерки, заметки и наброски. Поездка по России в 1890 г. // Русская старина. – 1890. – Т. 68 (декабрь). – С. 713–745.
224. *Семенов-Тян-Шанский В. П.* Фрагменты воспоминаний / Публ. Ф. Благовещенского // Звенья: ист. альм. – М.; СПб., 1992. – Вып. 2. – С. 395–423.
225. *Семина Х. Д.* Трагедия Русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 1-я. – Нью-Мексико, 1963. – 304 с.; Кн. 2-я. Поход на Мосул. – Нью-Мексико, 1964. – 300 с.
226. *С. З[арин].* Этапный лазарет духовно-учебных заведений Российской Империи во имя преподобного Серафима, Саровского Чудотворца // Прибавления к Церковным Ведомостям. – 1914. – № 38. – С. 1645–1651.
227. *Сиволап Т. Е.* Страницы биографии Ф. И. Шмита по архивным источникам // Собор лиц: Сборник статей / Под ред. М. Б. Пиотровского и А. А. Никоновой. – СПб., 2006. – С. 17–32.
228. *Сидоренко Леонид.* Крещенский парад Империи // Санкт-Петербургские ведомости. – 2005. – № 6. – С. 5.
229. *Сорокин Владимир, протоиерей.* Исповедник. Церковно-просветительская деятельность митрополита Григория (Чукова). – СПб.: Изд. Князь-Владимирский собор, 2005. – 736 с.
230. *Сосновцева И. В.* Икона «Богоматерь Знамение» с подписью изографа Тимофея Семенова // Вопросы отечественного и зарубежного искусства. Вып. 6. Искусство Древней Руси и его исследователи. Сборник статей / под ред. Вал. А. Булкина. – СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та, 2002. – С. 150–165.
231. Состав этапного лазарета духовно-учебных заведений и отбытие его к месту деятельности // Церковный Вестник. – 1914. – № 38. – С. 1139.

232. *Сохор Т. Е.* Владимир Константинович Мясоедов: письма другу // Вопросы отечественного и зарубежного искусства. Вып. 6. Искусство Древней Руси и его исследователи. Сборник статей / Под ред. Вал. А. Булкина. – СПб.: Изд. С.-Петербургского ун-та, 2002. – С. 222–251.
233. *Сперанский М.* Профессор Илья Александрович Шляпкин [Некролог] // Научные известия. – М., 1922.
234. *Срезневский И. И.* Антиминс 1149 г. // Христианские древности и археология. – 1862. – Т. I. Кн. 3. – С. 1–4.
235. *Старостин Дмитрий.* Археология... на фронте. Русские ученые в Трапезунде [Электронный ресурс]. – http://ricolor.org/rz/turzia/tr/history/5/. – Дата доступа 29.01.2010.
236. *Стрелков А. С.* Третий Международный конгресс по иранскому искусству и археологии // Советская археология. – 1937. – Т. 2. – С. 205–215.
237. *Тарасенко А. Ф.* Святитель Феодосий, архиепископ Черниговский [Электронный ресурс]. – http://horochkiewich.narod.ru/feodosij-09.htm. – Дата доступа 02.10.2010.
238. *Толстой А. К.* Собрание сочинений в 4-х томах. – М., 1969. – С. 295.
239. Труды государственного Эрмитажа: Т. 57: Балканский сборник: к XXII Международному конгрессу византистов. София, 22–27 августа 2011 года / Ред. В. Залесская, Ю. Пятницкий. – СПб.: Изд. Гос. Эрмитажа, 2011. – 394 с.: ил., VIII с. цв. вкл.
240. *Удод Н. В.* Книжкова колекція митрополита Флавіана – історичне минуле і сьогодення // Історичний журнал. – 2009. – № 4. – С. 59–70.
241. *Успенский Ф. И.* Отчет о занятиях в Трапезунде летом 1917 г. // Известия Российской Академии наук. – 1918. – Т. 12. – № 5. – С. 207–238.
242. *Успенский Ф. И.* Очерки из истории Трапезундской империи. – Л., 1929. – 160 с.
243. *[Успенский Ф. И.]*. Сообщение и отчет о командировке в Трапезунд Ф. И. Успенского // Известия императорской Академии наук. – 1916. – Т. XI. – № 16. – С. 1464–1480, 1490–1492, 1657–1663.
244. *Успенский Ф. И.* Усыпальница царя Алексия IV в Трапезунде // Византийский временник. – 1923. – Т. 23. – С. 1–14.
245. *Успенский Ф. И.* Хроника Византиноведения // Византийский временник. – 1923. – Т. 23. – С. 135–141.
246. *Фирсов С.* Николай II: Пленник самодержавия. В 2-х томах. – СПб.: Вита Нова, 2009. – Т. 1. – 464 с.: 167 ил.
247. Хроника // Трапезондский военный листок. – 1917. – № 184. – С. 2.
248. *Цыпин Владислав, протоиерей*. История Русской Церкви 1917–1997 / История Русской Церкви. Кн. 9. – М.: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 831 с., [16] л. цв. портр., фот.: портр.
249. *Черняев П. Н.* Третий Международный археологический конгресс // Гермес. – 1912. – № 19. – С. 489–498.

250. *Черняев П. Н.* Третий Международный конгресс классической археологии в Риме. [Отчет о заграничной командировке]. – Варшава: Тип. Варшавского учеб. окр., 1913. – [2], 37 с.
251. Чудотворная икона в Византии и Древней Руси / Редактор-составитель А. М. Лидов. – М.: Мартис, 1996. – 559 с.
252. *Шавельский Георгий, протопресвитер.* Русская Церковь пред революцией. – М.: Изд. «Артос-Медиа», 2005. – 510 с.
253. *Шавельский Г. И., протопресвитер.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. В 2-х томах. – Нью-Йорк: Изд. им. Чехова, 1954.
254. *Шехурина Л. Д.* Музейная деятельность общества «Старый Петербург – Новый Ленинград» // Собор лиц: сборник статей / Под ред. М. Б. Пиотровского и А. А. Никоновой. – СПб., 2006. – С. 191–198.
255. *Шкаровский М. В.* Петербургская епархия в годы гонений и утрат 1917–1945 гг. – СПб.: Лики России. 1995. – 207 с.
256. *Шляпкин И. А.* Иконография св. благоверного великого князя Александра Невского. – Пг.: Тип. М. А. Александрова, 1915. – [2], 21 с., 1 л. цв. ил.
257. *[Шляпкин И. А].* Старинные действа и комедии Петровского времени, извлеченные из рукописей и приготовленные к печати И. А. Шляпкиным // Сборник Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук. Т. XCVII, № 1. – Пг.: Академ. 12-я гос. тип., 1921. – [4], 212 с.
258. *Щеглов Г. Э.* Степан Григорьевич Рункевич (1867–1924). Жизнь и служение на переломе эпох. – Минск: ВРАТА, 2008. – 436 с., ил.
259. Эрзерум. (Из бесед с князем А. М. Аргутинским) // Кавказское слово. – 1916. – № 45. – С. 2.
260. Эрзерум // Кавказское слово. – 1916. – № 44. – С. 2.
261. Эрмитаж: история и современность (1764–1988). – Л.: Искусство, 1990. – 366 с.
262. Юбилейное собрание в лавре // Петербургский листок. – 1913. – № 324. – С. 9.
263. *טשרניחובסקי שאול [Черниховский Саул].* שלשים ושלשה ספורים [Тридцать три рассказа]. – תל-אביב: הוצאת שוקן [Тель-Авив: Изд. Шокен], 1942. – 224 с.
264. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. Ленинград, сентябрь 1935 г. – М.–Л., 1939. – XII, 301 с., ил., 123 л. табл.

АННОТИРОВАННЫЙ ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Абашидзе Кита Георгиевич (1870–1917), грузинский критик, публицист, общественный и политический деятель, член Временного правительства России по управлению Закавказьем – 184

Авель, второй сын Адама, убитый братом Каином из зависти – 101

Агафон (Соболенко; 1882 – после 1937), игумен – 236

Адриан (Публий Элий Траян Адриан; 76–138), Римский император (117–138) – 49

Айгустов Алексей Михайлович – 111, 112

Айналов Дмитрий Власьевич (1862–1939), исследователь раннехристианского и византийского искусства – 30, 53–55, 70, 284, 285

Аквилонов Николай Петрович (ок. 1860 – 1929), протоиерей – 52

Александр I Павлович (1777–1825), с 1801 г. император Всероссийский – 19–21, 23, 220

Александр II Николаевич (1818–1881), с 1855 г. император Всероссийский – 27, 73, 250, 310

Александр III Александрович (1845–1894), с 1881 г. император Всероссийский – 71–73

Александр Невский (1220–1263), великий князь Владимирский (с 1252); святой Русской Православной Церкви, благоверный князь – 18–24, 26, 63–67, 75, 223, 224, 266

Александра Брячиславовна, дочь Полоцкого князя Брячислава, супруга Александра Ярославича Невского – 266

Александра Федоровна (Алиса-Виктория-Елена-Бригита-Луиза-Беатриса; 1872–1918), дочь великого герцога Гессенского, супруга императора Николая II; в 1894–1917 гг. императрица Всероссийская; святая Русской Православной Церкви, мученица – 25, 89, 145

Алексеев В. А., автор статьи в «Историческом вестнике» – 313

Алексей III Великий Комнин (1338–1390), Трапезундский император (с 1349) – 138

Алексей IV Василий Великий Комнин (1382–1429), Трапезундский император (с 1412) – 138, 141, 185

Алексей Михайлович (1629–1676), второй русский царь из династии Романовых (с 1645) – 270

Алексей Николаевич (1904–1918), сын и наследник императора Николая II; цесаревич и великий князь; святой Русской Православной Церкви, мученик – 92, 99, 119

Алексий (Молчанов; 1853–1914), архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии; духовный писатель, проповедник, автор статей по богословским вопросам – 65

* В указатель включены имена лиц, упоминаемых в тексте книги и сносках (кроме библиографии и библиографических ссылок). Национально-государственная принадлежность отечественных деятелей не оговаривается. Указатель составлен автором.

Амвросий, архимандрит, в 1910-е гг. заведующий библиотекой Александро-Невской лавры – 35

Анастасий (Александров; 1861–1918), с 1913 г. епископ Ямбургский, викарий Санкт-Петербургской епархии, ученый-славист, профессор – 65–78, 79, 93

Андреади Федор Павлович, врач-хирург – 144, 145, 155

Андрей Первозванный, один из апостолов Иисуса Христа, брат апостола Петра (Кифы, бывшего Симона) – 267, 272

Андрей (князь Ухтомский; 1872–1937), архиепископ; русский церковный деятель, один из основателей и лидеров катакомбной церкви в СССР – 170

Аницет, один из учителей императора Нерона – 49

Анна Иоанновна (1693–1740), с 1730 г. императрица Всероссийская – 220

Анна Святая, мать Пресвятой Богородицы – 52–54

Антоний Печерский (983–1073), основатель Киево-Печерской лавры, почитаемый как «начальник всех Российских монахов»; именем Антония названы Ближние (Антониевы) пещеры лавры и пещеры черниговского Троице-Ильинского монастыря; святой Русской Православной Церкви, преподобный – 230, 231

Антоний (Александров), иеромонах, краевед – 30

Антоний (Вадковский; 1846–1912), церковный деятель, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (с 1898) – 12, 14, 15, 18, 21, 24, 26, 30, 35–37, 45, 53, 59, 63, 66, 68, 73, 74, 79, 92, 169, 240

Антоний (Георгадзе; 1866–1918), с 1912 г. епископ Горийский, первый викарий Грузинской епархии; с 1917 г. – митрополит Кутаисско-Гаенатский – 103, 127

Антоний (Лобов; 1894–1942), архимандрит – 220

Антоний, странник – 272

Антоний (Храповицкий; 1863–1936), крупный церковный деятель и ученый-богослов, с 1897 г. – епископ, с 1906 г. – архиепископ, с 1918 г. митрополит Киевский и Галицкий; первоиерарх Русской Православной церкви за границей – 55, 99

Антонин (Грановский; 1865–1927), с 1903 г. епископ Нарвский, викарий Санкт-Петербургской епархии, с 1913 г. – епископ Владикавказский и Моздокский; в обновленчестве – митрополит Московский (с 1922); один из лидеров обновленческого движения, глава Союза «Церковное возрождение» – 65

Антонович Катерина, заместитель председателя археологической секции Украинского научного общества – 221

Анфим (Еленецкий; 1862 – после 1928), архимандрит – 215

Аполлон, один из богов в греческой мифологии – 50

Апраксин Петр Николаевич (1876–1962), граф, гофмейстер, личный секретарь императрицы Александры Федоровны (с 1914) – 44

Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834), русский государственный и военный деятель, граф (1799), генерал от артиллерии (1807) – 71

Аргентов А. А., смотритель Александро-Невского Антониевского духовного училища – 77

Арсений (Осадчий; 1876–1938), иеромонах – 236

Арсений (Стадницкий; 1862–1936), русский церковный деятель и ученый; епископ Псковский (с 1903), архиепископ (1910–1917) и митрополит (1917–1933) Новгородский, в 1933–1936 гг. – митрополит Ташкентский – 53–55, 65

Арсеньева Эльвира Давидовна (род. 1936), специалист-химик, кандидат наук, ныне проживает в США – 7

Астахова Анна Михайловна (1886–1971), филолог, получила известность в связи с изучением фольклора Русского Севера – 247

Артюхович Александр Викторович – 6

Артюхович Ксения Владимировна – 6

Африканов, милиционер – 300

Бадер Отто Николаевич (1903–1979), археолог, видный специалист по археологии каменного века, создатель пермской школы археологии – 291

Багалей Дмитрий Иванович (1857–1932), украинский историк, общественный деятель, член Государственного совета (1906), ректор Харьковского университета (1906–1910), Харьковский городской голова (1914–1917), академик Академии наук Украины (с 1918) – 213

Бакаджаров, житель Ардагана – 97

Бакланов Н. Б., архитектор – 179–181

Банк Алиса Владимировна (1906–1984), специалист в области культуры и искусства Византии, доктор исторических наук – 305–308

Бауэр Николай Павлович (1888–1943), известный нумизмат, работал в Отделе нумизматики Эрмитажа (1912–1935), с 1930 г. – его заведующим – 283

Бахрушин Алексей Александрович (1865–1929), купец, меценат, собиратель театральной старины, создатель частного литературно-театрального музея – 45

Белиловский Вениамин Александрович, врач – 93, 96, 97, 99, 103, 104, 118

Белинский Виссарион Григорьевич (1811–1848), писатель, литературный критик, публицист, философ-западник – 40

Беллинг, врач – 188–190

Бельков Владимир Александрович, председатель Правления Санкт-Петербургского общественного Комитета восстановления храма Спаса-на-водах – 277

Беляшевский Николай Федотович (1867–1926), украинский этнограф, искусствовед, археолог и музеевед, с 1919 г. академик АН УССР – 201, 211, 214, 244

Бенкендорф Павел Константинович (1853–1921), граф, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, обер-гофмаршал Двора (1893–1917) – 14

Бенуа Александр Николаевич

(1870–1960), художник, историк искусства, художественный критик, основатель и главный идеолог объединения «Мир искусства» – 16, 44, 207, 223, 245

Бернов Евгений Иванович (1855–1917), генерал-лейтенант русской армии – 162

Берсенев Владимир Вячеславович (род. 1963), главный специалист Отдела научно-справочного аппарата Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург) – 7

Бобринские, русский графский и дворянский род – 264

Богнар Эрнест Иосифович (1892–1942), научный сотрудник Отдела истории западноевропейского искусства Эрмитажа, ученый секретарь – 299

Болдырев Александр Николаевич (1909–1993), востоковед-иранист, заслуженный деятель науки Таджикистана, профессор Ленинградского университета (с 1955) – 296, 299

Большева Кира Александровна (1893–194?), художник-искусствовед – 247

Бони Джакомо (1859–1925), итальянский археолог; руководил раскопками на римском форуме (1898–1907), вел раскопки на Палатине – 47

Борисов Андрей Яковлевич (1903–1942), семитолог, иранист, сотрудник Отдела Востока Эрмитажа – 299

Борисов Андрей, киновиарх Выговской обители (1780–1791), духовный писатель – 296

Боровиковский Владимир Лукич (1757–1825), художник-портретист, академик живописи (1795) – 23

Бороденко, в 1920-е гг. заведующий Киевским собесом – 233

Бороздин Илья Николаевич (1883–1959), историк, историограф, археолог, литературовед – 46, 47

Борщин Николай – 236

Боттичелли Сандро (Алессандро ди Мариано ди Ванни Филипепи; 1445–1510), флорентийский художник, приведший искусство кватроченто на порог Высокого Возрождения – 278

Браве Анна Яковлевна, сестра милосердия – 93

Брезгулов З. – 220

Бруни Николай Александрович (1856–1935), художник, академик (1906); сын академика архитектуры А. К. Бруни – 275

Брюсов Александр Яковлевич (1885–1966), археолог, профессор – 280

Брячислав Василькович († после 1241), с 1232 г. князь Полоцкий – 266

Бувейхиды (Буиды), династия государей, правившая в Западном Иране и Ираке в 935–1055 гг. – 283

Буденный Семен Михайлович (1883–1973), советский военачальник, участник Гражданской войны, командующий Первой Конной армией, один из первых Маршалов Советского Союза – 195–197

Булич Фране (1846–1934), хорватский археолог, специалист по античной археологии и хорватским древностям – 47

Булла Виктор Карлович (1883–1938), фотограф, один из пионеров отечественной кинематографии – 97

Булла Карл Карлович (1853–1929), известный русский фотограф и фоторепортер – 20, 63, 79, 97

Бургов Андрей Константинович, протоиерей; в 1898–1926 гг. настоятель церкви Св. Митрофана Воронежского на Митрофаниевском кладбище в Петербурге – 77

Буслаев Федор Иванович (1818–1897), филолог и искусствовед, академик (1860) – 32, 53

Буше Франсуа (1703–1770), французский живописец, гравер, декоратор, яркий представитель художественной культуры рококо – 278

Бычков Афанасий Федорович (1818–1899), историк, археограф, библиограф, палеограф, академик (1869), директор императорской Публичной библиотеки (1882–1899), член Государственного совета (с 1890) – 29

В. Г., автор статьи в «Комсомольской правде» – 263

Вайнер Л. Я., руководитель Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Главнауке Наркомпроса – 262

Вальтер Карл Антонович (1867 – после 1917), врач, в годы Первой мировой войны представитель Российского общества Красного Креста – 145

Ван Дейк Антонис (1599–1641), южнонидерландский (фламандский) живописец и график, мастер придворного портрета и религиозных сюжетов в стиле барокко – 278

Варлаам Хутынский (Алекса Михайлович Михалевич; †1192), основатель и игумен Спасо-Преображенского Хутынского монастыря; святой Русской Православной Церкви, преподобный – 254

Василенко Николай Прокофьевич (1866–1935), украинский историк, государственный и политический деятель, академик Украинской академии наук (1920) – 211, 213

Василий, монастырский служка – 21

Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926), выдающийся русский художник и архитектор, действительный член Академии художеств (с 1893) – 61, 62, 275

Васнецова Татьяна Викторовна (1879–1961), дочь художника В. М. Васнецова – 275

Вейнер Петр Петрович (1879–1931), искусствовед, общественный деятель, музейный работник, редактор-издатель, коллекционер и библиофил, член Академии художеств (1912) – 20, 21, 207

Веласкес Диего Родригес де Сильва (1599–1660), испанский художник, один из величайших представителей испанского золотого века – 278

Вениамин (Казанский; 1873–1922), с января 1910 г. епископ Гдовский, викарий Санкт-Петербургской епархии; митрополит Петроградский и Гдовский (1917–1922); святой Русской Православной Церкви, священномученик – 31

Вергилий Марон Публий (70–19 до н. э.), древнеримский поэт, автор «Энеиды» – 49, 50

Веронезе Паоло (1528–1588), один из виднейших живописцев венецианской школы – 278

Верхотуров Николай Иванович (1863–1944), художник, писавший портреты и жанровые сцены, член императорской Академии художеств – 16

Веселовский Николай Иванович (1848–1918), выдающийся археолог, востоковед, изучавший историю и археологию Средней Азии; профессор Петербургского университета (1890), член-корреспондент Петербургской Академии наук (1914) – 30, 43, 153, 154, 166, 168, 173, 175, 197

Ветвеницкий Константин Иоаннович (1845–1917), протоиерей – 77

Виктория Луиза-Прусская (1892–1980), дочь императора Вильгельма III, принцесса, супруга Эрнеста-Августа Ганноверского – 61

Виктория (Александрина Виктория; 1819–1901), с 1837 г. королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии, с 1876 г. императрица Индии, последний представитель Ганноверской династии на троне Великобритании – 19

Викулин Даниил (1653–1733), основатель Выгорецкой киновии, духовный писатель, один из авторов «Поморских ответов» – 296

Винник Борис Тимофеевич, выпускник С.-Петербургской духовной академии (1910–1914), кандидат богословия – 104–108

Винницкий Андрей В., с 1922 г. председатель Киевского губкописа – 224, 230, 232

Виталия (Егорова), монахиня – 93

Витвицкая А. И., автор книги «Водяные знаки украинских бумаг» – 203

Вишняков Александр Григорьевич (1836–?), публицист и историк, сенатор – 29

Владимир (Богоявленский; 1848–1918), церковный деятель, митрополит Московский (1898–1912), Петербургский/Петроградский (1912–1915) и Киевский (1915–1918); святой Русской Православной Церкви, священномученик – 56–60, 64–66, 78, 93

Владимир Всеволодович Мономах (1053–1125), великий князь Киевский (1113–1125), государственный деятель, военачальник, писатель, мыслитель; прозван Мономахом по названию рода матери, которая предположительно была дочерью или племянницей Византийского императора Константина IX Мономаха – 68, 231

Владимир Святой (ок. 960–1015), великий князь Киевский (980–1015), креститель Руси, почитается в лике равноапостольных – 53, 67, 231

Владимир (Сеньковский; 1845–1917), архиепископ, духовный писатель – 65

Владимиров, врач, в годы Первой мировой войны представитель военно-медицинской службы русской армии – 138, 145, 160

Войцеховский, чиновник – 28

Воронов Андрей Петрович (1864–1912), историк, выдающийся теоретик и практик архивного дела России; профессор Археологического института и преподаватель Александровского кадетского корпуса в Петербурге – 34, 36

Воронцова-Дашкова Елизавета Андреевна (1845–1924), была женой министра Императорского Двора и Уделов графа И. И. Воронцова-Дашкова, графиня; председательница Женского благотворительного общества Св. Нины, председательница Кавказского окружного управления Российского общества Красного Креста, статс-дама – 96

Врангель Николай Николаевич (1880–1915), барон, русский искусствовед, художественный критик – 21, 44, 72

Врангель Петр Николаевич (1878–1928), барон, русский военачальник, участник Русско-японской и Первой мировой войн, один из главных руководителей (1918−1920) Белого движения в годы Гражданской войны – 195, 197

Всеволодский-Гернгросс Всеволод Николаевич (1882–1962), театровед, доктор искусствоведения (1936), профессор – 247

Гагарины, русский княжеский род – 44

Гамарник Ян Борисович (наст. Гамарник Яков Пудикович; 1894–1937), советский военачальник, государственный и партийный деятель – 229

Гарин Николай Павлович (1861–1917), русский административный деятель, сенатор, тайный советник – 65

Гартонг Н. Н., шталмейстер Императорского двора – 26

Геннадий (Никифоров; 1860 – после 1932), архимандрит – 18, 19

Георгиевский Василий Тимофеевич (1861–1923), писатель-археолог, организатор иконописных школ; член Совета Общества возрождения художественной Руси – 16, 21, 26, 30

Георгий Михайлович (1863–1919), сын великого князя Михаила Николаевича, внук императора Николая I, великий князь, генерал-адъютант; с 1895 г. августейший управляющий Русского музея императора Александра III в Петербурге – 71

Георгий Победоносец (†303 или 304), христианский святой, великомученик – 58, 66, 164, 165

Георгий (Ярошевский; 1872–1923), церковный деятель, митрополит Варшавский и Холмский, патриарший экзарх в Польше; историк Церкви, экзегет – 145

Герасимов Софроний – 236

Гермоген, см. Ермоген.

Гильчевский Константин Лукич (1857 – после 1928), русский генерал-лейтенант, участник русско-турецкой войны (1877–1878) и Первой мировой войны – 127

Гиппиус Евгений Владимирович (1903–1985), музыковед-фольклорист, доктор искусствоведения – 247

Гитлер Адольф (1889–1945), основоположник и центральная фигура национал-социализма, вождь (фюрер) Национал-социалистической немецкой рабочей партии (с 1921), рейхсканцлер Германии (с 1933), фюрер и рейхсканцлер Германии (с 1934), верховный главнокомандующий вооруженными силами Германии во Второй мировой войне – 296

Глеваский Сергей Константинович (Глеваский-Гольдфарб; †1938), коллекционер, искусствовед – 223

Глоба Николай Васильевич (1859–1941), живописец и педагог – 202

Гнедич Петр Петрович (1855–1925), русский писатель, драматург, переводчик, историк искусства, театральный деятель – 44

Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848–1913), граф, русский поэт, прозаик, публицист – 15, 16, 19

Голенищев-Кутузов Павел Васильевич (1772–1843), граф (1832), генерал от кавалерии (1826), генерал-адъютант (1810) – 42

Голицын Дмитрий Борисович (1851–1920), светлейший князь, генерал, герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг., начальник Императорской охоты – 26

Голицыны, старинный русский княжеский род – 261

Голубев Лев Викторович (1875 – после 1920), общественный деятель, благотворитель, камергер Высочайшего двора; в годы Первой мировой войны главноуполномоченный Российского общества Красного Креста на Кавказском фронте – 94, 104, 107, 108, 110, 117, 118, 121, 122, 127, 144, 145, 155–160, 162, 163, 187, 189–193

Голубев Степан Тимофеевич (1848–1920), церковный историк, профессор Киевской духовной академии и Киевского университета – 53

Гордон Г. А. – 261

Горобец Стефан – 236

Горчаков Михаил Иванович (1838–1910), церковный и государственный деятель; митрофорный протоиерей, профессор церковного права Петербургского университета – 29

Горчаковы, русский княжеский род – 44

Горчинский Петр Антонович (1889–1937), филолог – 41, 290

Горталов Николай Константинович, член Общества археологии при Казанском университете, специалист по церковной истории – 46

Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960), художник, искусствовед, просветитель, музейный деятель – 44

Граббе Михаил Николаевич (1868–1942), граф, русский генерал, последний наказной атаман Войска Донского, герой Первой мировой войны – 26

Григорий IV (Хаддад; 1859–1928), патриарх Антиохийский и всего Востока (с 1906) – 56, 62

Григорий (Постников; 1784–1860), митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и

Финляндский (1856–1860); проповедник, богослов, исследователь и борец со старообрядчеством – 28

Григорий, святой – 153

Гриневич Евгений Густавович (1874–1937), полковник русской, а затем Красной армии – 158

Гринько Григорий Федорович (1890–1938), революционер, советский государственный деятель, нарком просвещения Украины (1920–1922) – 214

Гришин Никифор, солдат русской армии – 85

Грушевский А., профессор – 221

Грязнов Михаил Петрович (1902–1984), историк, археолог, антрополог – 305

Гурий (Егоров; 1891–1965), церковный деятель; митрополит Ленинградский и Ладожский (1960–1961) – 77, 173

Гурий (Охотин; 1828–1912), архиепископ Новгородский и Старорусский – 30

Гучков Александр Иванович (1862–1936), российский общественный и политический деятель, лидер партии «Союз 17 октября»; военный и морской министр Временного правительства (1917); в годы Первой мировой войны был особоуполномоченным Российского общества Красного Креста на фронте – 150, 166, 167

Даниил Романович Галицкий (1201 или 1204–1264), князь Галицкий и Волынский, великий князь киевский, в 1254 г. принял королевский титул – 304

Данилевич Василий Ефимович (1872–1936), русско-украинский историк и археолог, профессор Киевского и Харьковского университетов – 201

Данилов В. В., архитектор – 241

Джавохов – 191

Джафаров Маммед-Юсиф Гаджибаба оглы (1885–1938), азербайджанский политический и государственный деятель, один из основателей Азербайджанской Демократической Республики – 184

Джинчвеладзе – 159

Деберо Т. – 52

Дементьев Архип (1716–1809), киновиарх Выговской обители (1791–1809), духовный писатель – 297

Демидов Анатолий Николаевич (1812–1870), русский и французский меценат, князь Сан-Донато; большую часть жизни прожил в Европе, лишь изредка приезжая в Россию – 310

Деникин Антон Иванович (1872–1947), российский военный деятель, генерал-лейтенант; в 1918 г. командующий Добровольческой армией, затем (до 1920) – главнокомандующий Вооруженными силами Юга России; писатель, мемуарист и военный документалист – 170, 194

Денисов Андрей (1674–1730), основатель и первый киновиарх (1702–1730) Выговского общежительства – 296

Денисов В. Л. – 241

Димитрий Ростовский (Даниил Саввич Туптало; 1651–1709), церковный деятель, духовный

писатель, оратор; с 1702 г. митрополит Ростовский; святой Русской Православной Церкви, святитель – 71

Диоген Синопский (ок. 412 – 323 до н. э.), древнегреческий философ, ученик Антисфена, основателя школы киников – 80

Дионисий (ок. 1440–1502), выдающийся московский иконописец (изограф) конца XV – начала XVI в. – 306

Дионисий (Зобниковский; ок. 1570–1633), архимандрит Троице-Сергиевой лавры; святой Русской Православной Церкви, преподобный – 61, 75

Дмитриев Ю. Н. – 247

Дмитриевский Алексей Афанасьевич (1856–1929), византист, историк Церкви; профессор по кафедре церковной археологии и литургики в Киевской духовной академии – 30, 53, 131

Дометий (Супрунюк; 1883 – после 1950), иеродиакон – 236

Домицилия, святая мученица, по имени которой названы римские катакомбы – 47

Дьяконов Тимофей Семенов (†1736), новгородский иконописец, работавший в Тихвине и Петербургской губернии – 267

Дынга Николай Михайлович, подполковник русской армии – 158, 160, 167

Евгений, архимандрит Александро-Невской лавры – 26

Евгений, иеромонах – 203

Евгений Трапезундский (†303), мученик – 132, 135, 138, 140, 141, 147, 150, 175, 177, 181, 185

Евдокимов Александр Яковлевич, доктор медицины, главный военно-санитарный инспектор русской армии и почетный лейб-медик Двора – 156, 163

Евлогия (Михайлова), монахиня – 93

Евсеев Иван Евсеевич (1868–1921), специалист по истории церковнославянских переводов и изданий Библии – 30

Евстратий (Грумков) (фон Грумбков; 1883 – после 1932), игумен – 215, 220

Евфимий (Кириаченко; 1865 – после 1929), игумен – 215, 220, 236

Евфросиния Полоцкая (Предслава; начало XII в. – 1173), православная подвижница, дочь князя Георгия Всеславича; святая Православной Церкви, преподобная – 266, 286

Егоров Вячеслав, см. Гурий (Егоров).

Егоров Н. С., владелец типографии в Петербурге – 22

Егунов В. А. – 72

Екатерина II Алексеевна (София-Фредерика-Августа; 1729–1796), принцесса Ангальт-Цербская, супруга наследника русского престола великого князя Петра Федоровича, с 1762 г. императрица Всероссийская – 19, 20, 23, 220

Екатерина Александрийская (Доротея; 287–305), христианская великомученица – 52, 273

Елизавета Петровна (1709–1762), дочь императора Петра I и Екатерины I, с 1741 г. императрица Всероссийская – 23

Ермаков Дмитрий Иванович (1845–1916), известный фотограф, ориенталист, этнограф – 101

Ермоген (ок. 1530–1612), русский патриарх (1606–1612), национальный герой эпохи Смуты; святой Русской Православной Церкви, священномученик – 60–62, 75

Ефименко Петр Петрович (1884–1969), выдающийся русский и советский археолог, исследователь палеолита; доктор археологии, член Академии наук Украинской ССР (1945) – 303

Ефимова Зинаида Васильевна, жительница Петербурга – 11

Ефремов Сергей Александрович (1876–1939), украинский общественно-политический деятель, публицист, литературный критик и историк украинской литературы; академик Украинской академии наук (с 1919) – 221

Жарновский С. Н. – 241

Жданко Ольга, сестра милосердия – 96

Жевахов Николай Давидович (1874–1946), князь, церковный деятель, религиозный писатель и мемуарист – 170

Жеребцов, полковник русской армии – 97

Жилин Николай Федорович, санитар-доброволец – 96

Жуков Юрий Николаевич (род. 1938), историк, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук – 265

Жукович Борис Николаевич (1874–1938), архивист, историк – 38

Занфиров Сергей Николаевич, выпускник Кадетского корпуса, санитар-доброволец – 77, 92, 93, 99

Зарин Сергей Михайлович (1875–1935), российский и советский богослов, библеист; один из лидеров и идеологов обновленчества – 79

Затонский Владимир Петрович (1878–1938), украинский и советский политический и партийный деятель; академик Академии наук УССР – 205, 229, 234

Захаров А. П. (†1808) – 269

Здравомыслов Константин Яковлевич (1863–1933), церковный деятель, археограф, биограф, историк – 29, 38

Зеленин Дмитрий Константинович (1878–1954), российский и советский этнограф – 247

Зеньковский Павел, санитар-доброволец – 78

Зейнулин Биляалетдин, солдат русской армии – 85

Зиневич – 261

Злобин К. М., управляющий делами капитула Российских императорских и царских орденов, действительный статский советник – 65

Зосима (Валькевич; 1719–1793), архимандрит Киево-Печерской лавры – 220

Иван IV Грозный (1530–1584), великий князь Московский; первый русский царь (с 1547) – 269

Иванова Любовь, сестра милосердия – 96

Иглина М., сестра милосердия – 127

Ижакевич Иван Сидорович

(1864–1962), известный украинский художник, занимался станковой и монументальной живописью, книжной графикой – 231

Ильменский, в годы Первой мировой войны представитель Российского общества Красного Креста – 159, 161, 162

Иннокентий (Беляев; 1862–1913), с 1909 г. архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии – 65

Иннокентий (Тихонов; 1889–1937), церковный деятель; с 1937 г. архиепископ Винницкий – 93, 98, 102, 103, 126, 171, 206, 241, 290

Иоанн IV (Калоян; †1458), Трапезундский император (с 1447) – 138

Иоанн IV Грозный, см. Иван IV Грозный.

Иоанн (Иван) V Алексеевич (1666–1696), русский царь (с 1682), сын царя Алексея Михайловича «Тишайшего» – 270

Иоанн Иоаннович (1554–1581), царевич, сын Иоанна IV Грозного и Анастасии Романовны – 23

Иоанн Златоуст (ок. 347–407), архиепископ Константинопольский, богослов, выдающийся проповедник; святой Православной Церкви, почитается как один из трех Вселенских святителей и учителей вместе со святителями Василием Великим и Григорием Богословом – 215

Иоанн (Петин; 1813–1889), архиепископ Полтавский и Переяславский – 57

Иоанн Предтеча (Иоанн Креститель; † ок. 30), последний ветхозаветный пророк, крестивший Иисуса Христа и открывший Его избранному народу как Мессию-Спасителя – 165, 273

Иоанн Скалистый, святой – 186

Иоанникий (Дьячков; 1858–1923), с 1907 г. епископ Кирилловский, викарий Новгородской епархии, с 1916 г. епископ Олонецкий и Петрозаводский, в 1922 г. отправлен на покой; с 1922 г. занимал Калужскую обновленческую кафедру – 30

Иоанникий (Руднев; 1826–1900), митрополит Киевский и Галицкий (с 1891); богослов, основатель духовных журналов «Руководство для сельских пастырей», «Труды Киевской Академии», «Миссионерское Обозрение» – 28

Иоасаф, иеромонах; в годы Первой мировой войны состоял священником 5-й Туркестанской стрелковой бригады – 102

Иоасаф (Морза; род. 1970), архимандрит, профессор, ректор Минских Духовных Академии и Семинарии – 6

Иодко Анна Августовна, сестра милосердия – 93

Ионов Александр Сергеевич (род. 1980), священник, историк-архивист; клирик Петропавловского храма г. Лыткарино Московской области, преподаватель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и Коломенской духовной семинарии – 7

Иоселиани Платон Игнатьевич (1810–1875), исследователь истории Грузии – 95

Ипатий, святой – 282

Исидор (Никольский; 1799–1892), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (с 1860) – 22, 57

Истомин, сенатор – 183

Иустин (Таценко; 1888–1938), иеромонах; святой Русской Православной Церкви, священномученик – 236

Каин, старший сын Адама и Евы, убивший из зависти брата Авеля – 101

Кайсаров Паисий Сергеевич (1783–1844), русский военный деятель эпохи Наполеоновских войн, генерал от инфантерии – 239

Калачев Александр Александрович (1862–1938), протоиерей – 73

Калачов Николай Васильевич (1819–1885), историк, правовед, археограф, архивист, академик Петербургской академии наук (1883) – 32

Каликин Федор Антонович (1876–1971), иконописец, реставратор, коллекционер и знаток древнерусской живописи и рукописной книги – 267, 268

Калинин Михаил Иванович (1875–1946), советский государственный и партийный деятель – 223

Каллист, святой – 22

Каманин Иван Михайлович (1850–1921), историк – 203

Каракулин Сергей, солдат русской армии – 85

Карашевич Домникия Ивановна, сестра милосердия – 93

Карелин Андрей Андреевич (1866–1928), художник – 15–22, 24–26, 31

Каринский Николай Михайлович (1873–1935), филолог-славист, палеограф, диалектолог – 43

Карнаухова Ирина Валерьяновна (1901–1959), писательница, фольклорист, чтец-исполнитель народных сказок – 247

Касперович Николай Иванович (1885–1938), художник-реставратор – 243

Карпов, подпоручик русской армии – 180

Кедринский Николай Григорьевич (1853–1935), протоиерей, клирик ведомства придворного духовенства, в 1912–1913 гг. духовник царской семьи – 66

Кефели, врач – 158, 159

Кипарисов Виктор Павлович, в конце 1930-х гг. заместитель директора Эрмитажа – 290

Кирион (Садзагелов; 1854–1918), грузинский духовный и общественный деятель, ученый, публицист, борец за восстановление автокефалии Грузинской Православной Церкви; с 1898 г. занимал епископские кафедры Русской Православной Церкви; в сентябре 1917 г. Собором самопровозглашенной Грузинской автокефальной Церкви избран католикосом–патриархом всея Грузии – 78

Кирхер Афанасий (1602–1680), немецкий ученый-энциклопедист и изобретатель; в Риме, в Collegio Romano, хранится составленная им коллекция предметов естественной истории, древностей, физических и математических инструментов – 52

Климент (Жеретиенко; 1865–1950),

архимандрит, в 1917–1925 гг. управлял Киево-Печерской лаврой; во время Второй мировой войны принял схиму с именем Антоний – 210, 215, 220, 239

Климентовский Александр, священник – 171

Клипперсон Елизавета Петровна, сестра милосердия – 93

Клуге Николай Карлович (1867–1947), художник-реставратор, копиист – 132–137, 143, 151, 154, 179, 180, 183

Кляустин-Звирба Лина, сестра милосердия – 117, 123

Ковнир Стефан Демьянович (1695–1786), украинский зодчий, непревзойденный мастер украинского барокко – 238

Коген, английский антиквар – 72

Козачковский Аверкий Симонович, гравер резцом и черной манерой, работал в Киеве (1721–1787) – 238

Козловская В., сотрудник Первого государственного музея – 221

Колосовский Дмитрий Павлович (1862–1930), русский военный инженер, генерал-майор (1912), генерал-лейтенант Белой армии (1919) – 167, 180, 185

Колпакова Наталья Павловна (1902–1994), фольклорист – 247, 248, 250, 251, 254

Комнины, византийский аристократический род и императорская династия, правившая в Византии в 1057–1059, 1081–1185 гг. и в Трапезунде в 1204–1461 гг. – 129, 143, 266

Комон Смарагд – 236

Кон Феликс Яковлевич (1864–1941), общественный и политический деятель, член партии «Пролетариат», историк, этнограф, публицист – 285

Кондаков Никодим Павлович (1844–1925), русский историк византийского и древнерусского искусства, археолог, создатель иконографического метода изучения памятников искусства; член Петербургской академии наук (с 1898), действительный член императорской Академии художеств (1893) – 29, 30, 282

Кони Анатолий Федорович (1844–1927), русский юрист, судья, государственный и общественный деятель, литератор, выдающийся судебный оратор, сенатор и член Государственного совета – 44

Коптов Дамиан – 236

Коськов П. И., адмирал – 183

Косцова Александра Семеновна (1920–2006), искусствовед, научный сотрудник Эрмитажа – 310

Котлер Лизета Моисеевна, врач – 117

Котов Григорий Иванович (1859–1942), архитектор, педагог – 29, 30

Котяев Тимофей, солдат русской армии – 85

Кнатц Екатерина Эммануиловна (1878–1940), искусствовед – 247

Красицкий Георгий Федорович, в 1920-е гг. заведующий Музеем искусств при Всеукраинской академии наук и Музеем собора святой Софии – 202, 211, 221, 223

Крупская Надежда Константиновна (1869–1939), революционерка,

советский партийный, общественный и культурный деятель; жена В. И. Ульянова (Ленина) – 286

Крылов Виктор Иванович (1874–1928), краевед и общественный деятель начала XX в.; с 1925 г. директор Карельского государственного музея – 249, 250, 259

Крымский Агафангел Ефимович (1871–1942), украинский историк, писатель, переводчик, востоковед, тюрколог и семитолог, один из организаторов и академик Академии наук Украины – 179, 180–182, 221, 243

Ксенофонт, герой пьесы – 45

Кричевский Василий Григорьевич (1872–1952), украинский живописец, архитектор, график, художник кинофильмов – 221

Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921), князь, революционер, теоретик анархизма, географ, историк, литератор – 26

Крупенский Анатолий Николаевич (1850–1923), русский дипломат, посол в Италии – 48

Кузилов Александр, солдат русской армии – 85

Кузнецов Петр Иванович, диакон – 14

Кульдженко Стефан Васильевич (1836–1906), украинский издатель-типограф – 225

Курбатов Владимир Яковлевич (1878–1957), историк искусства и архитектуры, историк Петербурга, химик, инженер-технолог, коллекционер – 207

Куровский, петлюровский атаман – 196

Лалик Рене (1860–1945), французский ювелир и стеклянных дел мастер, один из выдающихся представителей ар нуво – 74

Лансере Евгений Евгеньевич (1875–1946), художник – 44

Лебедев – 285

Лев I Данилович (ок. 1228 – ок. 1301), второй сын Даниила Романовича Галицкого; князь Белзский (1245–1269), Холмский и Галицкий (1264–1269, вместе с братьями Шварном и Мстиславом) – 304

Левинсон-Лессинг Владимир Францевич (1893–1972), музейный работник, искусствовед, профессор; в 1941–1945 гг. директор филиала Эрмитажа в Свердловске – 294

Левицкий Владимир Иванович (1843–1923), протоиерей – 52

Левицкий Григорий Кириллович (1697–1769), священник, украинский художник, гравер, портретист – 238

Легран Борис Васильевич (1884–1936), советский дипломат, партийный деятель; в 1930–1934 гг. директор Государственного Эрмитажа – 278

Лееб Вильгельм Йозеф Франц (фон Лееб; 1876–1956), риттер (рыцарь), немецкий генерал-фельдмаршал, участник Первой и Второй мировых войн, организатор блокады Ленинграда – 294

Лейзерович, солдат русской армии – 85, 86

Лейтланд Э., сестра милосердия – 127

Ленин Владимир Ильич (Ульянов;

1870–1923), лидер партии большевиков, после октября 1917 г. председатель Совнаркома – 213

Ленц Э. Э. – 72

Леонтий (Филиппович; 1904–1971), деятель Русской Православной Церкви заграницей, с 1969 г. архиепископ Буэнос-Айресский, Аргентинский и Парагвайский – 232

Линдеман Иосиф Карлович (1860 – после 1928), историк; управляющий Московским учебным округом, ученый секретарь Московского археологического общества – 46

Линевский Александр Михайлович (1922–1985), писатель, историк, археолог, этнограф и фольклорист – 280

Липковский Василий Константинович (1864–1937), с его «хиротонии» в 1921 г. в киевском Софийском соборе начинается самосвятский церковный раскол в Украине; в 1921–1927 гг. «митрополит» Киевский и всея Украины – 216

Лихачев Николай Петрович (1862–1936), историк, специалист в области источниковедения, дипломатики и сфрагистики – 30

Лозеев П. Н., ученик профессора А. Е. Крымского – 179

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765), первый русский ученый-естествоиспытатель мирового значения, энциклопедист, химик и физик, астроном, приборостроитель, географ, металлург, геолог, поэт, утвердил основания современного русского литературного языка, художник, историк, поборник развития отечественного просвещения, науки и экономики – 45

Лопатинский П. А. (†1828) – 269

Лохина, крестьянка – 282

Львов Аполлинарий Николаевич (1848–1901), писатель, с 1889 г. начальник архива и библиотеки Святейшего Синода – 28, 29

Лубе Эмиль (1838–1929), французский государственный деятель, в 1899–1906 гг. президент Французской республики – 19, 73

Лубо, врач – 110

Лука Хризоверг, Константинопольский патриарх (1157–1170) – 266

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933), советский общественный и политический деятель, писатель, переводчик, публицист, критик, искусствовед; первый нарком просвещения (1917–1929) – 262

Любимов Лев Дмитриевич (1902–1976), русский и советский журналист, писатель, публицист, автор книги воспоминаний «На чужбине» – 6, 312

Лядов Мартын Николаевич (наст. фамилия Мандельштам, 1872–1947), советский партийный деятель – 262–264

Лямина Е. А., в 1930-е гг. помощник ученого секретаря Эрмитажа – 290, 291

Ляхов Владимир Платонович (1869–1920), генерал-лейтенант русской армии, участник Первой мировой войны и Белого движения – 130

Мазепа Иван Степанович (1639–1709), украинский государственный и политический деятель; с 1687 г. гетман Войска Запорожского Левобережной Украины, а с 1704 г. – Войска Запорожского обеих сторон Днепра – 220, 222, 230, 231

Макаренко Николай Емельянович (1877–1938), археолог, реставратор, художник, историк искусства – 179–181, 201, 214, 221, 223, 244, 290

Макарий (Булгаков; 1816–1882), знаменитый историк Церкви, богослов; с 1879 г. митрополит Московский и Коломенский, академик – 14, 28

Макарий (Величко; 1866 – после 1937), архимандрит – 239

Макарий (Невский; 1792–1847), миссионер – 64, 66

Макарий, иеромонах Киево-Печерской лавры – 220

Макарий (Миролюбов; 1817–1894), архиепископ, духовный писатель и историк, собиратель материалов об истории Великого Новгорода – 28

Макарий (Шпак; 1869 – после 1939), монах – 236

Маковский Сергей Константинович (1877–1962), поэт, художественный критик и организатор художественных выставок, издатель – 44

Максимович, врач – 117, 118, 121–123

Максимович Константин Клавдиевич (1849 – после 1917), военный и государственный деятель, генерал-адъютант (1904), генерал от кавалерии (1906) – 24

Маломанов С. Я. – 261

Мальберг Владимир Константинович, профессор Московского университета, историк, директор Императорского музея изящных искусств имени Александра III – 46

Мамаев Константин Константинович, старший научный сотрудник Эрмитажа – 310

Мамулов Авенир – 236

Мандельбаум Бернгард Давидович (1888–1953), в ноябре 1917 г. назначен старшим комиссаром-инспектором по охране художественных центров и Публичной библиотеки Петрограда – 245, 246

Мануил I Комнин (1118–1180), Византийский император (с 1143) – 266

Маргулан Алькей Хаканович (1904–1985), советский ученый-археолог, востоковед, историк, литературовед, искусствовед – 289

Мария, героиня пьесы – 45

Мария Александровна (1853–1920), дочь императора Александра II, великая княгиня, герцогиня Саксен-Корбург-Готская – 26

Мария Павловна (Мария-Александрина-Елизавета-Элеонора; 1854–1920), дочь великого герцога Мекленбург-Шверинского, супруга великого князя Владимира Александровича; в 1908–1917 гг. президент Академии художеств – 22, 25, 26, 35, 59, 60

Мария Федоровна (Мария-София-Фридерика-Дагмара; 1847–1928), дочь короля Дании, супруга российского императора Александра III, с 1881 г. императрица, с 1894 г. – вдовствующая императрица – 20, 33, 88, 94

Марков Алексей Константинович (1858–1920), хранитель Эрмитажа, преподаватель Петербургского археологического института – 31, 72

Марр Николай Яковлевич (1864–1934), востоковед и кавказовед, филолог, историк, этнограф и археолог, академик – 208, 246, 259

Мартинсон Василий Антонович, протоиерей, в начале 1910-х ректор Петербургской духовной семинарии – 77

Марукки Грацио, итальянский археолог – 47

Маслов Сергей Иванович (1880–1957), специалист в области истории книги, литературоведения, языкознания, истории письменности, фольклора; профессор Киевского университета – 221

Масляный Константин Данилович (1895 – после 1942), художник-график – 203

Матье Милица Эдвиновна (1899–1966), египтолог, искусствовед и историк – 295

Мацулевич Леонид Антонович (1886–1959), археолог, известный историк культуры и искусства Византии и всего Причерноморского региона в позднеантичный период – 281

Мачаров, врач – 188

Мгеладзе, врач – 191

Мейер Георгий Константинович (фон Мейер; 1896–1993), художник-акварелист, генерал, участник Белого движения, активный деятель русской эмиграции – 179, 181

Мелек-Парсаданов Н. А., офицер-связист русской армии – 162, 167

Мелиопуло, ученый-грек – 152, 153

Меллер В. – 221

Мельников И. П. – 220

Мессинг Станислав Адамович (1890–1937), один из руководителей советских органов государственной безопасности – 247

Миллер Александр Александрович (1875–1935), кавказовед, этнограф, археолог, лингвист – 259

Минкина Настасья, любовница графа А. А. Аракчеева – 71

Минцлов Сергей Рудольфович (1870–1933), писатель, автор ряда исторических романов, ценитель и знаток русской книги, библиограф, участник нескольких археологических экспедиций – 135, 139, 140, 142, 151, 153, 154, 158, 167

Миролюбова Наталья Павловна, сестра милосердия – 168, 169

Миронов Михаил Максимович, чиновник – 111, 116, 120, 127

Митьков В. Ф., штабс-капитан русской армии – 42

Митра, в древнеперсидской и древнеиндийской мифологии бог договоров и дружбы, защитник истины – 48

Митрофан, архимандрит – 57, 58

Митрофан (Поликарпов; 1871–1934), епископ Бакинсий и Прикаспийский – 232, 236

Митрофан (Краснопольский; 1869–1919), с 1912 г. епископ Минский и Туровский, с 1916 г. – Астраханский и Царевский (с 1918 архиепископ); святой Русской

Православной Церкви, священномученик – 88, 90

Михаил Архангел, Архистратиг – один из высших ангелов, принимающий самое близкое участие в судьбах Церкви – 23, 147, 257, 307

Михаил (Десницкий; 1762–1821), митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский (с 1818); богослов и проповедник – 20

Михаил (Ермаков; 1862–1929), митрополит Киевский, экзарх Украины – 216

Михаил, слуга преподобной Евфросинии Полоцкой – 266

Михаилов Михаил Иванович, житель Петербурга – 73

Михайлов Юхим (Ефим) Спиридонович (1885–1935), художник, в 1920–1921 гг. председатель Киевского губкописа – 211, 221, 224

Михайлик М., председатель киевской губернской комиссии по изъятию церковных ценностей – 220

Михайловский И. Б. (1864–1939), архитектор, профессор – 232, 241

Михайловский Иван Петрович, см. Феодосий (Михайловский).

Михельсон Григорий Иванович (1791–1817), сын генерала И. И. Мехельсона – 274

Михельсон Иван Иванович (1740–1807), российский военачальник, генерал от кавалерии, известен больше как усмиритель бунта Пугачева – 273

Михельсон Шарлотта Ивановна (1764–1835), вторая супруга генерала И. И. Михельсона, с 1804 г. кавалерственная дама ордена Св. Екатерины – 273

Мияковский Владимир Варламович (1888–1972), историк общественного движения (преимущественно на Украине); после революции возглавлял Киевский центральный исторический архив – 213, 221

Могильников Иван Степанович, колхозный бригадир – 287

Могилянский Николай Михайлович (1871–1933), антрополог, этнограф – 72

Модзалевский Борис Львович (1874–1928), генеалог, библиограф, редактор, литературовед-пушкинист, историк русской литературы, публикатор и комментатор сочинений А. С. Пушкина, один из создателей Пушкинского дома – 42

Моргилевский Ипполит Владиславович (1889–1942), историк архитектуры, профессор, член-корреспондент Академии архитектуры СССР (с 1941) – 201, 211

Морозова Любовь Ананьевна, крестьянка, мать Ф. М. Морозова – 11

Морозова Р. Д., инспектор по охране памятников истории и культуры Ленинграда – 310

Мосолов Александр Александрович (1854–1939), генерал-лейтенант, начальник канцелярии министерства Императорского двора (1902–1917) – 25

Мороховец В. И., штабс-капитан русской армии – 106

Мошков Марк, в середине 1920-х гг. сотрудник Музейного фонда Главнауки – 261

Муравьев Николай Назарьевич (1775–1845), новгородский губернатор (с 1815), статс-секретарь императора (с 1818); археолог, писатель – 42

Мясоедов Владимир Константинович (1885–1915), искусствовед, историк древнерусского искусства – 54

Навои Алишер (1441–1501), среднеазиатский тюркский поэт, философ суфийского направления, государственный деятель тимуридского Хорасана – 298

Назарий (Кириллов; 1850–1928), архиепископ Полтавский и Переяславский (1910–1913); с 1920 г. архиепископ Курский и Обоянский (с 1921 митрополит) – 58

Наполеон I Бонапарт (1769–1821), император Франции (1804–1815), великий французский полководец и государственный деятель, заложивший основы современного французского государства – 266

Нартов Андрей Константинович (1693–1756), русский ученый, механик и скульптор, изобретатель, член Академии наук (1723–1756) – 303

Наседкин С. Н. – 241

Наталья Алексеевна (1673–1716), царевна, любимая сестра Петра I, дочь Алексея Михайловича и Натальи Нарышкиной – 45, 46

Наттье Жан-Марк (1685–1766), французский живописец – 21

Наумова М., сестра милосердия – 96

Недремский, советский чиновник – 246

Немировский И. И., в годы Первой мировой войны уполномоченный Кавказского отдела Союза городов – 189

Неофит, архимандрит – 77

Нерадовский Петр Иванович (1875–1962), художник, профессор живописи, сотрудник Русского музея и Третьяковской галереи – 240, 242, 243

Нерон Клавдий Цезарь Август Германик (37–68), Римский император (с 54) – 49

Нерсес III Строитель, армянский католикос-халкидонит (641–661) – 113

Нижников П. А. – 220

Низами Гянджеви Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф (ок. 1141 – ок. 1209), классик персидской поэзии, один из крупнейших поэтов средневекового Востока, крупнейший поэт-романтик в персидской эпической литературе – 298

Низовой Димитрий – 236

Никандр (Викторов; 1891–1960), архиепископ Ростовский и Новочеркасский; в 1956–1961 гг. занимал Архангельскую и Холмогорскую кафедру – 311

Никандр (Феноменов; 1872–1933), митрополит Ташкентский; с 1908 г. епископ Нарвский, викарий Санкт-Петербургской епархии, с мая 1910 г. в течение трех с половиной месяцев во время отпуска митрополита Антония управлял Санкт-Петербургской епархией и заведовал Александро-Невской лаврой – 45, 65

Никита Бесогон (†372), великомученик, один из самых известных и почитаемых святых на Руси – 71

Никодимов Иван Н. (род. 1895), доктор права, профессор, мемуарист – 233

Николай I Павлович (1796–1855), с 1825 г. император Всероссийский – 23, 27, 69, 73, 310

Николай II Александрович (1868–1918), император Всероссийский (1894–1917); святой Русской Православной Церкви, мученик – 13, 14, 21, 56, 73, 87, 88, 157, 291

Николай, архимандрит, в начале 1920-х гг. наместник Александро-Невской лавры – 242

Николай (Зиоров; 1851–1915), с 1908 г. архиепископ Варшавский и Привисленский; член Государственного совета Российской империи – 22

Николай (Муравьев, с 1920-х – Муравьев-Уральский; 1882–1961), архиепископ Муромский; в 1914–1917 гг., будучи иеромонахом, возглавлял 1-й Серафимовский лазарет в Минске – 83, 87–89, 91, 92, 118, 145, 146

Николай Николаевич (1856–1929), сын великого князя Николая Николаевича (Старшего), великий князь, генерал от кавалерии, генерал-адъютант; в 1914–1915 гг. верховный главнокомандующий всеми сухопутными и морскими силами Российской империи в Первую мировую войну, в 1915–1917 гг. – наместник на Кавказе – 148, 157, 163

Николай Чудотворец, Николай Угодник (ок. 270 – ок. 345), христианский святой, архиепископ Мир Ликийских (Византия) – 54, 57, 71, 243, 267, 270, 277, 306

Никон (Минов; 1605–1681), шестой Московский патриарх (1652–1666) – 57

Никон (Рождественский; 1851–1919), церковный деятель, архиепископ Вологодский, публицист и издатель – 62, 65, 80

Нина – 239

Нина Святая, христианская просветительница Грузии, почитается в лике равноапостольных – 95

Нифонт (†1157), архиепископ Новгородский; святой Русской Православной Церкви, святитель – 57, 58, 67, 305

Новицкий Алексей Петрович (1862–1934), искусствовед, академик Академии наук СССР (1926) – 228

Нумеров Николай Васильевич (1876–1922), архивист, церковный чиновник – 38

Оболенские, русский княжеский род – 44

Оболенский Александр Дмитриевич (1847–1917), князь, русский государственный деятель и стеклозаводчик; обер-прокурор Святейшего Синода (1905–1906) – 29

Ольга Святая (в крещении Елена; †969), княгиня, правила Киевской Русью после гибели мужа князя Игоря Рюриковича; первая из русских правителей приняла христианство еще до крещения Руси, почитается в лике равноапостольных – 231

Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934), востоковед, один

из основателей русской индологической школы, академик Российской академии наук (1908), непременный секретарь Академии наук в 1904–1929 гг. – 72, 207, 208, 223, 243

Онуфрий Великий, раннехристианский святой, египетский пустынник IV в. – 304

Оранский Александр Иванович, синодальный чиновник, педагог – 168, 169

Орбели Иосиф Абгарович (1887–1961), армянский и русский востоковед и общественный деятель, академик Академии наук СССР (1935), академик Академии наук Армянской ССР и ее первый президент (1943–1947); в 1934–1951 гг. директор Эрмитажа – 278, 280, 281, 283, 288, 291–293, 295, 298, 300, 301–303

Острожский Константин Иванович (1460–1530), князь, староста брацлавский и винницкий, каштелян виленский, воевода трокский, гетман великий литовский (с 1497) – 230

Остроумов Николай, священник – 52

Павел I Петрович (1745–1801), император Всероссийский с 1796 г. – 23, 220

Пальмов Иван Саввич (1855–1920), ученый-славист, академик Петербургской академии наук (с 1916) – 77, 79

Палладий (Раев; 1827–1898), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский – 21

Панасюк Владимир Антонович, выпускник Петроградской духовной академии (1917), кандидат богословия – 77, 145, 172, 173

Панкеев Александр Сергеевич – 7

Панов Сергей Александрович – 7

Пападжанов Михаил Иванович (1865–1926), член партии кадетов, депутат IV Госдумы (1912) от Бакинской, Эриванской и Елисаветпольской губерний, член Особого Закавказского комитета, затем Закавказского комиссариата – 184

Пахомий (Кедров; 1876–1937), архиепископ Черниговский; святой Русской Православной Церкви, священномученик – 217

Певцов В. Н., санитар-доброволец – 96, 99

Перетяткович Мариан Марианович (1872–1916), архитектор и педагог – 275

Перлис, врач – 188

Перуджино Пьетро (1446–1524), итальянский живописец эпохи Возрождения, представитель умбрийской школы – 278

Петлюра Симон Васильевич (1879–1926), украинский политический и военный деятель, глава Директории Украинской Народной Республики (1919–1920) – 216

Петр I Алексеевич (Петр Великий; 1672–1725), царь (с 1682), император Всероссийский (с 1721) – 18–21, 23, 26, 34, 37, 38, 66, 250, 270, 272

Петр I Карагеоргиевич (1844–1921), первый сербский король из династии Карагеоргиевичей

(с 1903), с 1918 г. первый король Югославии – 24

Петров Арсений, крестьянин – 11

Петров Мануил (1691–1759), киновиарх Выговской обители (1744–1759), духовный писатель – 296

Пиотровский Борис Борисович (1908–1990), ученый-археолог, египтолог, в течение многих лет возглавлял Государственный Эрмитаж – 296, 298, 299

Питирим (Окнов; 1858–1921), церковный деятель; архиепископ Карталинский и Кахетинский и экзарх Грузии (с 1914), митрополит Петроградский и Ладожский (1915–1917) – 96

Питирим Тамбовский (Прокопий; 1645–1698), православный подвижник, епископ Тамбовский (с 1682); канонизирован Русской Православной Церковью в 1914 г., святитель – 76

Пий IV (Медичи; 1499–1565), папа римский (1559–1565) – 19

Пий X (Сарто; 1835–1914), папа римский (1903–1914); святой Католической Церкви – 52

Пирог Никанор – 236

Писарев С. С., исследователь народной музыки – 247

Платон (Рождественский; 1866–1934), церковный деятель; с 1915 по 1918 г. архиепископ Карталинский и Кахетинский, экзарх Грузии; в 1921 г. назначен управляющим Северо-Американской епархией; с 1924 г. вне общения с Московским патриархатом, подвергся церковному прещению – 120, 162, 163, 169

Платонов Сергей Федорович (1860–1933), историк, педагог, академик Российской академии наук (1920) – 68, 74, 101, 113, 157, 207, 213, 216, 217, 223, 290, 315

Племянников Н. П., в годы Первой мировой войны представитель Российского общества Красного Креста – 130

Плюшкин, персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» – 249

Плюшкин Федор Михайлович (1837–1911), русский предприниматель, коллекционер, собравший одну из самых больших частных коллекций в Российской империи – 70–72

Погосян Георг Степанович, фельдшер – 103

Позерн Борис Павлович (1882–1939), советский и партийный деятель – 263

Покровский Владимир Александрович (1871–1931), архитектор, градостроитель, реставратор, исследователь архитектуры, преподаватель, общественный деятель – 16

Покровский Николай Васильевич (1848–1917), историк, археолог, искусствовед, основоположник иконографического метода, церковной археологии в России; с 1898 г. директор Петербургского археологического института, профессор – 28–30, 32–34, 36, 38, 43, 45, 47, 49, 50–52, 54, 55, 58, 70, 72, 74, 77, 92, 197, 282

Покрышкин Петр Петрович (1870–1922), академик архитектуры, основоположник научной реставрации памятников культовой

архитектуры, сотрудник императорской Археологической комиссии, в последние годы протоиерей Лукояновского Тихоновского женского монастыря – 44

Полоска Н. Д., ученый секретарь Археологического института в Киеве – 219

Поляков В. В., художник – 73

Померанцев Александр Никанорович (1849–1918), архитектор, мастер последнего этапа эклектики в московской архитектуре, просветитель – 30

Попов Александр Андреевич (1852–1919), академик Петербургской академии художеств – 231

Поппе Николай Николаевич (1897–1991), лингвист и этнограф, специалист по алтайским языкам, монголоведению и тюркологии – 289

Поппея Сабина (30–65), вторая жена императора Нерона – 49

Потемкин Григорий Александрович (Потемкин-Таврический; 1739–1791), великий русский государственный деятель, граф, светлейший князь, генерал-фельдмаршал – 220

Прасковья Соловая, царевна, вторая жена царевича Ивана сына Ивана Грозного – 23

Прахов Адриан Викторович (1846–1916), историк искусства, археолог и художественный критик – 214

Прахов Николай Адрианович (1873–1957), искусствовед и художник, сын известного археолога профессора истории искусств А. В. Прахова – 214

Преображенский Михаил Тимофеевич (1854–1930), русский архитектор, академик архитектуры (1887), действительный член Академии художеств (1893) – 30

Пржевальский Михаил Алексеевич (1859–1934), участник Первой мировой войны, командующий Кавказским фронтом (июнь–декабрь 1917 г.), участник Белого движения, генерал от инфантерии – 97, 145, 179, 197

Придик Евгений Мартынович (1865–1935), петербургский филолог и эпиграфист, старший хранитель императорского Эрмитажа – 46

Принцип Гавриил (1894–1918), член организации «Молодая Босния», по заданию которой 28 июня 1914 г. убил эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника австро-венгерского престола – 75

Прокопий, святой – 308

Протасов Н. Д., профессор Московской духовной академии – 179–181, 208

Пугачев Емельян Иванович (1742–1775), донской казак, предводитель Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России, выдававший себя за императора Петра III – 245

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920), российский общественный и политический деятель; во время Первой мировой войны организовал санитарный поезд и был его начальником – 87

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), великий русский поэт – 42

Равдоникас Владислав Иосифович

(1894–1976), выдающийся советский археолог, крупный специалист в области изучения древнего монументального искусства, профессор – 280, 281

Раковский Христиан Георгиевич (1873–1941), советский политический, государственный и дипломатический деятель – 228, 229, 234

Ральян (Райлян) Фома Родионович (1870–1930), художник, иконописец, журналист – 245

Рафаэль Санти (1483–1520), великий итальянский живописец, график и архитектор, представитель умбрийской школы – 278

Редчиц Д., работник Киевского губфинотдела – 220

Резвый Дмитрий Петрович (1762–1823), российский командир эпохи Наполеоновских войн, генерал-майор – 269

Рем, в римской мифологии брат-близнец Ромула, легендарного основателя и первого царя Рима – 46

Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669), нидерландский художник, крупнейший представитель золотого века голландской живописи – 278

Рерих Борис Константинович (1885–1945), архитектор, художник, педагог, брат Н. К. Рериха – 214

Рерих Николай Константинович (1874–1947), общественный и культурный деятель России XX в.: автор идеи и инициатор Пакта Рериха, основатель международных культурных движений «Мир через культуру» и «Знамя Мира»; художник, писатель, путешественник, философ, мистик, ученый, археолог, поэт, педагог – 44, 214

Ричи, председатель распорядительного комитета III Международного археологического конгресса в Риме – 46

Родосский Степан Алексеевич, библиотекарь Петербургской/Петроградской духовной академии – 77, 79, 96, 97, 99, 104

Розов В. Б., автор книги «Южнорусские грамоты» – 203

Рома, в римской мифологии богиня, олицетворявшая Римское государство – 46

Романов Константин Константинович (1882–1942), историк архитектуры, искусствовед, археолог, реставратор – 44, 72, 154, 247, 248, 250, 251–253, 255

Романов, петербургский городовой – 13

Ромул, в римской мифологии брат-близнец Рема, легендарный основатель и первый царь Рима (753–716 до н.э.) – 46

Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952), русский и американский историк, филолог-классик и экономист – 46, 48

Ростовцев Яков Николаевич (1873–1931), граф, гофмаршал, заведующий канцелярией и личный секретарь императрицы Александры Федоровны, управляющий делами августейших детей – 89, 145

Рубенс Питер Пауль (1577–1640), выдающийся южнонидерландский

(фламандский) живописец эпохи барокко – 278

Руденко Сергей Иванович (1885–1969), археолог и антрополог – 305

Рудинский Михаил Яковлевич (1887–1958), украинский и советский археолог, доктор исторических наук, основатель Полтавского краеведческого музея – 244

Рукаль Михаил (род. 1958), протоиерей, настоятель Свято-Христорождественского прихода д. Большое Стиклево Минского района – 6

Румянцев-Задунайский Петр Александрович (1725–1796), русский военный и государственный деятель, граф, генерал-фельдмаршал – 220, 230, 231

Рункевич Степан Григорьевич (1867–1924), церковный деятель, историк Церкви, археограф, архивист – 29, 35, 37, 38, 63, 64, 66, 67, 75

Ряппо Ян Петрович (1880–1958), государственный деятель и педагог, организатор система народного просвещения УССР – 229, 233

Саблер Владимир Карлович (с 1915 – Десятовский; 1845–1929), русский церковный деятель, сенатор, член Государственного совета (1905–1917), обер-прокурор Святейшего Синода (1911–1915) – 52, 78, 79

Савельев Николай, мальчик, получивший в 1913 г. исцеление у мощей святителя Ермогена – 62

Самохин Владимир Егорович – 7

Самуилов Вячеслав Никандрович (1862 – после 1922), протоиерей, церковный деятель, писатель – 77

Сандальжи Селим Иванович, искусствовед – 223

Сапунов Борис Викторович (род. 1922), российский историк, доктор исторических наук, профессор, с 1950 г. сотрудник Эрмитажа – 7, 224, 314

Сатпаев Каныш Имантаевич (1899–1964), советский ученый-геолог, один из основателей советской металлогенической науки, основоположник казахстанской школы металлогении; Доктор геолого-минералогических наук (1942), профессор (1950), академик Академии наук Казахской ССР (1946) и ее первый президент, академик Академии наук СССР (1946) – 288, 289

Свердлов Яков Михайлович (1885–1919), деятель большевистской партии, председатель ВЦИК (1917–1919) – 300

Севастьянов Петр Иванович (1811–1867), археолог, путешественник, собиратель христианских древностей – 69, 70

Седова-Троцкая Наталья Ивановна (1882–1962), вторая жена Л. Д. Троцкого; в 1918–1927 гг. заведовала отделом по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения – 206, 223, 229, 262

Семенов, петербургский антиквар – 20

Семенов М. М., реставратор, сотрудник Эрмитажа – 300

Семенов Никифор (1684–1774), шестой киновиарх Выговского монастыря (1759–1774), духовный писатель – 296

Семенов Тимофей, см. Дьяконов Тимофей Семенов

Семенов-Тян-Шанский Вениамин Петрович (1870–1942), географ, автор фундаментальных работ по районированию, городскому и сельскому расселению – 246

Семенов-Тян-Шанский Петр Петрович (до 1906 – Семенов; 1827–1914), географ, ботаник, статистик, государственный и общественный деятель – 278

Серафим (Глаголевский; 1757–1843), митрополит Новгородский, Санкт-Петербургский, Эстляндский и Финляндский (с 1821) – 42

Серафим Саровский (Прохор Исидорович Мошнин; 1759–1832), подвижник веры и благочестия; святой Русской Православной Церкви, преподобный – 52, 77–79, 92, 93, 99, 146

Серафимов М., чекист – 220

Сербинович Константин Степанович (1795–1874), ученый, сотрудник Карамзина в работе над «Историей государства Российского» – 28

Сергий (Страгородский; 1867–1944), крупный церковный деятель первой половины XX в.; с 1901 г. епископ, ректор Санкт-Петербургской духовной академии, с 1905 г. архиепископ Финляндский, с 1917 г. митрополит Владимирский, затем Нижегородский, с 1925 г. фактически возглавлял Русскую Православную Церковь; с 1934 г. митрополит Московский, с 1943 г. патриарх Московский и Всея Руси – 55, 65, 77, 78, 92, 99, 100, 121, 129, 145, 171

Середа Антон Федорович, в начале 1920-х заведующий 3-м Государственным музеем Киева – 223, 225

Середонин Сергей Михайлович (1860–1914), историк, профессор Историко-филологического института (с 1901) – 42, 43

Серяков Лаврентий Авксентьевич (1824–1881), художник, академик-гравер – 238

Симеон Столпник (ок. 390 – 459), христианский святой, сирийский основоположник новой формы аскезы – столпничества – 308

Скрябин Александр Николаевич (1871–1915), композитор и пианист – 265

Смирнов Павел Иванович, протоиерей; до 1916 г. служил священником 154-го пехотного Дербентского полка, награжден Георгиевским крестом IV степени; с 1916 г. настоятель военного собора в Тифлисе – 194

Смирнов Яков Иванович (1869–1918), искусствовед, археолог, академик, хранитель императорского Эрмитажа – 30, 131

Смиттен, хирург, профессор – 156, 163

Соболевский Алексей Иванович (1856–1929), лингвист, палеограф, историк литературы, славист, член Императорской Академии наук – 29

Сова В. Е. – 220

Солнцева М. Ф., в 1930-е гг. директор Торопецкого музея – 286, 287

Солодовников Александр Васильевич, советский театральный деятель, директор МХАТа (1967–1970) – 301

Софроний (Дука), архимандрит; в начале XX в. служил настоятелем греческой посольской церкви в Петербурге – 72

Сперанский Михаил Несторович (1863–1938), филолог, фольклорист и византолог – 39

Спинаццола Витторио, археолог, самый деятельный из руководителей раскопок в Помпеях, профессор – 50

Спицын Александр Андреевич (1858–1931), археолог, профессор, крупнейший специалист по средневековым русским надписям – 30, 72, 259

Срезневский Вячеслав Измайлович (1849–1937), филолог, ученый в области научно-технической фотографии – 72

Срезневский Измаил Иванович (1812–1880), филолог-славист, этнограф, палеограф, академик – 57, 58

Сталин Иосиф Виссарионович (наст. фамилия Джугашвили; 1878–1953), деятель коммунистической партии и Советского государства, генералиссимус Советского Союза – 278

Стебницкий П., председатель комиссии Энциклопедического словаря Академии наук – 221

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911), крупный государственный деятель, гофмейстер, министр внутренних дел и председатель Совета министров (1906–1911), член Государственного совета (1907–1911) – 71

Столяр Абрам Давидович (род. 1921), историк, археолог, искусствовед, доктор наук, профессор Исторического факультета Петербургского университета (с 1964), член международных обществ по истории первобытной культуры – 281

Стояновская С. Л., врач – 103

Строгановы, русские купцы и промышленники, позднее бароны и графы Российской империи – 307, 308

Ступак Софроний – 236

Суворов Александр Васильевич (1730–1800), национальный герой России, великий русский полководец, один из основоположников русского военного искусства – 264

Султанов Николай Владимирович (1850–1908), архитектор, искусствовед и историк архитектуры, реставратор, преподаватель, директор Института гражданских инженеров (1895–1903); идеолог и исследователь византийского стиля в архитектуре – 29, 30

Суслов Владимир Васильевич (1857–1921), выдающийся исследователь русского зодчества, архитектор, художник, педагог, реставратор, один из инициаторов охраны памятников истории и культуры России – 44

Суслович Рафаил Рафаилович, ленинградский театральный педагог, режиссер театра и кино – 247

Суханина Анна Матвеевна, двоюродная сестра архитектора А. В. Щусева – 52

Сытова К. А., этнограф – 247

Сычев Николай Петрович (1883–1964), историк искусства,

музейный работник, реставратор, художник, педагог; директор Русского музея (1922–1926) – 223, 243, 262, 280, 290

Сюзор Павел Юльевич (1844–1919), граф, выдающийся русский архитектор, академик архитектуры, общественный деятель, педагог – 44

Таллевич Виктор Иосифович, граф – 52

Тарасевич Леонтий, украинский гравер по меди конца XVII и начала XVIII в. – 238

Тарновский Н. Н., чиновник – 111

Татищевы, русский графский и дворянский род – 269

Татьяна Николаевна (1897–1918), дочь императора Николая II, великая княжна; святая Русской Православной Церкви, мученица – 88, 89

Тацит Публий или Гай Корнелий (ок. 56 – ок. 117 н. э.), древнеримский историк – 49

Тверской В. М. – 220

Терещенко Никола Артемьевич (1819–1903), украинский предприниматель и благотворитель – 227

Тернов Иван Яковлевич (1859–1925), хоровой дирижер, регент хора Александро-Невской лавры – 67

Тиберий Юлий Цезарь Август (42 до н. э. – 37 н. э.), второй Римский император (с 14) из династии Юлиев-Клавдиев – 49

Тилло г. Э., нештатный русский вице-консул в Сан-Ремо – 52

Тимофеева С. С., начальница Петроградского Исидоровского училища – 77

Тимур (Тамерлан; 1336–1405), среднеазиатский завоеватель, выдающийся полководец, эмир (с 1370), основатель империи и династии Тимуридов со столицей в Самарканде – 287–89

Титов Андрей Александрович (1844–1911), археолог, этнограф, палеограф, предприниматель – 30

Титов Семен (†1791), учитель Лексинской обители, духовный писатель выговской школы – 296

Титов Федор Иванович (1864–1922), протоиерей, церковный писатель и историк, профессор Киевской духовной академии – 210

Тихон (Беллавин; 1865–1925), церковный деятель, патриарх Московский и Всея России (с 1917); святой Русской Православной Церкви, святитель – 216, 236, 240

Тициан Вечеллио (†1576), итальянский живописец эпохи Возрождения – 278

Ткаченко Александр Михайлович, зауряд-врач в годы Первой мировой войны – 102, 128, 130, 144, 155, 158–161, 163, 179

Толмачев, капитан русской армии – 160

Толстой Алексей Константинович (1817–1875), граф, русский писатель, поэт, драматург – 27

Толстой Дмитрий Иванович (1860–1941), граф, коллекционер живописи, директор императорского Эрмитажа (1909–1918) – 31, 70, 245

Томашевский В. Б., в 1920-е гг.

заведующий Ленинградским отделением Главнауки – 247, 248, 258

Топуридзе Диомид Алексеевич (1871–1942), журналист, издатель, грузинский социал-демократ; делегат II съезда РСДРП, меньшевик; весной-осенью 1917 г. комиссар Временного правительства в Саратовской губернии, после Октябрьской революции выехал в Грузию – 192

Торквато Тассо (1544–1595), крупнейший итальянский поэт XVI в. – 49

Торнаторэ, инженер – 52

Тохтамыш (†1406), хан Золотой Орды (1380–1395), хан Тюменского ханства (с 1400), один из потомков Джучи, старшего сына Чингисхана – 288, 289

Тройницкий Сергей Николаевич (1882–1948), известный геральдист и искусствовед, один из основателей журнала «Старые годы»; директор Эрмитажа (1918–1927) – 72, 223

Троцкий Лев Давидович (наст. фамилия Бронштейн; 1879–1940), деятель международного рабочего и коммунистического движения, теоретик марксизма, идеолог одного из его течений – троцкизма – 213

Тураев Борис Александрович (1868–1920), историк, создатель отечественной школы истории Древнего Востока – 46, 72

Тышкевич, граф – 163

Тюлин Матвей Васильевич, иконописец – 21

Успенская Надежда Эрастовна (1862–1942), супруга академика Ф. И. Успенского – 134, 150, 159

Успенский Василий Иванович (1870–?), археолог, хранитель музея Петербургского археологического института (1898–1912) – 21

Успенский Н. В., председатель ленинградского Бюро по охране памятников – 269

Успенский Федор Иванович (1845–1928), византинист, академик (с 1900), в 1894–1914 гг. директор Русского археологического института в Константинополе – 131–140, 142, 143, 146–151, 153, 154, 168, 177, 179, 180–186, 207, 208, 223, 243

Уханова Ирина Николаевна (род. 1927), заведующая сектором прикладного искусства Отдела истории русской культуры Эрмитажа, доктор исторических наук, академик Российской академии естественных наук (1992) – 7, 310, 311

Ушаков Симон Федорович (1626–1686), московский иконописец и график – 54

Уэно Снисиро, профессор – 126

Фаберже Агафон Карлович (1876–1951), сын знаменитого российского ювелира К. Г. Фаберже, с 1898 г. эксперт Бриллиантовой комнаты Зимнего Дворца, оценщик Ссудной кассы, оценщик Его Императорского Величества – 21, 72

Фармаковский Борис Владимирович (1870–1928), историк искусства и археолог – 100, 175, 176, 181, 246

Федор Алексеевич (1661–1682), русский царь (с 1676), брат Петра I – 270

Федор Стратилат (†319), христианский святой, великомученик – 11, 268, 309

Федор Тирон (†306), христианский святой, великомученик – 268

Федоров А. К., инспектор по охране памятников в г. Вологда – 308

Федоров Иван (ок. 1520 – 1583), считается «первым русским книгопечатником» – 304

Феодосий I Великий (346–395), последний император единой Римской империи, святой Православной Церкви – 115

Феодосий (Михайловский; 1897 – после 1932), архимандрит – 232

Феодосий Печерский (ок. 1008 – 1074), один из основателей Киево-Печерской лавры, ученик Антония Печерского; именем Феодосия названы Дальние (Феодосиевые) пещеры лавры и источник Феодосия на ее территории; святой Русской Православной Церкви, преподобный – 231

Феодосий Черниговский (в миру – Углицкий; †1696), архиепископ Черниговский; святой Русской Православной Церкви, святитель – 217

Феофан (Туляков; 1864–1937), с 1909 г. наместник Свято-Троицкой Александро-Невской лавры (архимандрит), с 1916 г. епископ Кронштадтский, викарий Петроградской епархии, с 1916 г. епископ Калужский и Боровский, с 1927 г. архиепископ Псковский и Порховский, с 1935 г. митрополит Горьковский и Арзамасский – 14, 15, 17–19, 21, 35, 58, 74, 78

Феофилакт (Клементьев; 1870–1923), в 1913–1918 гг. епископ Слуцкий, викарий Минской епархии, с 1918 г. – епископ Елисаветпольский, Кавказского Экзархата, с 1919 г. – епископ Прилукский, викарий Полтавской епархии; в 1922 г. уклонился в обновленческий раскол – 192, 193

Феофилактос Феофилакт Константинович, врач – 93, 99, 103, 118, 121, 130, 144

Филадельф, архимандрит – 203

Филарет (1850 – после 1914), архимандрит, духовник и эконом Александро-Невской лавры – 15–18, 21, 26, 32, 33

Филарет (Панфилов, 1875 – после 1931), иеромонах – 126, 127, 171, 179

Филипович П. – 221

Филиппов Иван Филиппович (1655–1744), историк Выговской пустыни – 296

Филиппович Василий, см. Леонтий (Филиппович)

Фингарин А. В., исследователь народной музыки – 247

Флавиан (Городецкий; 1841–1915), церковный деятель, духовный писатель; митрополит Киевский и Галицкий – 66, 203, 204, 231

Флеров Евгений Александрович, врач – 156, 163, 169–172, 179

Фомин Василий, диакон – 14

Фомин Иван Александрович (1872–1936), архитектор – 16, 207

Франц-Фердинанд (1863–1914), наследник австро-венгерского престола, эрцгерцог, племянник императора Франца-Иосифа – 75

Фрейман Н. Я., врач – 160, 163

Хальс Франс (1580 (1585)–1666), один из наиболее известных голландских живописцев так называемого золотого века голландского искусства – 278

Ханенко Богдан Иванович (1849–1917), промышленник, коллекционер, меценат – 227

Харламов Василий Акимович (1875–1957), политический деятель; депутат Государственной думы всех четырех созывов, член партии кадетов; возглавлял Особый Закавказский Комитет, глава правительства Юго-Восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей; активный участник Белого движения – 184

Хацревина Крейна Мовшевна, врач – 155, 173

Хилинский Константин Владимирович (1881–1939), специалист в области всеобщей истории, профессор – 304

Хлебников Иван Петрович (1819–1881), ювелир, владелец известной ювелирной фирмы, поставщик Двора – 61

Хмельницкий Зиновий Богдан Михайлович (1595–1657), гетман Войска Запорожского, полководец и государственный деятель – 220, 222

Холлман Гергард Фридрихович, врач – 102–104, 107, 108, 110, 111, 145

Хосоглан, турецкий воин, сыгравший важную роль при захвате Трапезунда турками – 138, 139

Храброва П., сестра милосердия – 96

Храповицкая Ольга Борисовна, племянница митрополита Антония (Храповицкого) – 93, 99

Хрисанф (Филиппидис; 1881–1949), митрополит Трапезундский и предстоятель Элладской Православной Церкви (1938–1941), один из церковных и политических руководителей греков Понта в начале XX в. – 147, 148, 153, 159, 167, 185

Целепи Леонид Николаевич (1856–1919), краевед, археолог-любитель – 67

Цицерон Марк Туллий (106–43 до н. э.), древнеримский политик и философ, блестящий оратор – 49

Чайковский Петр Ильич (1840–1893), композитор, дирижер, педагог, музыкально-общественный деятель, музыкальный журналист – 265

Чемезов (Чемесов) Евграф Петрович (1737–1765), гравер и рисовальщик – 21

Чепурский А. М., поручик русской армии – 180

Черниховский Саул Гутманович (1873–1943), выдающий еврейский поэт и переводчик, писавший на иврите – 84–87

Черняев П. Н., профессор Варшавского университета – 46, 51

Чиж Владимир Федорович (1855–1922 (1924 ?)), русский психиатр, доктор медицины, профессор, писатель – 155

Чикаревский Николай Константинович (1880–1916), врач-хирург – 111, 112, 117, 118, 121–123, 125, 126–128, 155

Чингисхан (собственное имя – Тэмуджин, Темучин; ок. 1155 или 1162 – 1227), основатель и первый великий хан Монгольской империи; полководец, организовавший завоевательные походы монголов в Китай, Среднюю Азию, на Кавказ и Восточную Европу – 293

Чириков Григорий Осипович (1880–1936), реставратор, коллекционер – 54

Чхенкели Акакий Иванович (1874–1959), грузинский политический деятель, один из лидеров грузинских меньшевиков, в 1917 г. представитель Временного правительства в Закавказье, с 1918 г. председатель временного Закавказского правительства, министр правительства Грузии – 184

Шавельский Георгий Иванович (1871–1951), церковный деятель, протопресвитер русской армии и флота (1911–1917), мемуарист – 148, 171

Шайла Александр Максимович (дю Шайла Арман Александр; 1885–1945), граф, православный француз, исследователь русской культуры и церкви, участник Первой мировой войны и Белого движения – 92

Шалыгин, врач – 192

Шараевский Нестор (1865–1929), деятель самосвятского церковного раскола в Украине; являясь клириком Киевской епархии в сане протоиерея, в 1920 г. запрещен в священном служении; в 1921 г. самосвятским «митрополитом» Василием Липковским посвящен в «архиепископа», «заместителя митрополита Киевского» – 216

Шарден Жан Батист Симеон (1699–1779), французский живописец, один из известнейших художников XVIII в. – 278

Шарип – 288

Шарлотта, см. Михельсон Шарлотта Ивановна

Шаховская Ксения Николаевна, княжна – 33

Шварц Алексей Владимирович (фон Шварц; 1874–1953), военный деятель, инженер, генерал-лейтенант; участник Русско-японской и Первой мировой войн – 135, 136, 142, 145, 148, 153, 154, 157–163, 166, 167, 179

Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861), украинский художник, поэт и прозаик; академик Российской императорской академии художеств (1860) – 209, 227

Шевяков Владимир Тимофеевич (1859–1930), известный зоолог; с 1910 г. работал в Министерстве народного просвещения, в 1911–1917 гг. – товарищ министра – 43

Шедель Готфрид Иоганн (ок. 1680–1752), российский архитектор немецкого происхождения, работал в стиле барокко в Санкт-Петербурге и Киеве – 238

Шереметев Б. С., граф – 52

Шереметев Павел Сергеевич (1871–1943), граф, русский государственный деятель, историк и художник – 26

Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918), граф, русский государственный деятель, коллекционер, историк – 29

Шехтер-Ревуцкая Хана Шмерковна, врач – 103

Шишов Василий Васильевич, чиновник – 93, 94, 99, 104

Шкловский Виктор Борисович (1893–1984), писатель, литературовед и мемуарист – 83

Шляпкин Илья Александрович (1858–1918), филолог, палеограф, историк древнерусского искусства, педагог – 38–46, 49, 51, 52, 55, 57, 58, 64, 66, 67, 73–76, 89, 90, 94–96, 102, 105, 112, 113, 116, 119, 128, 129, 136, 137, 142, 169, 176, 197, 314

Шмит Федор Иванович (1877–1941), византолог, археолог, музеевед, искусствовед, теоретик искусства; академик Всеукраинской академии наук (с 1921) – 132–134, 137, 154, 183, 201, 202, 204, 206–208, 211, 212, 214, 218–221, 223, 228, 234, 240, 243, 248, 290

Шобин Иероним – 236

Шредер Иван Николаевич (1835–1908), скульптор, автор ряда памятников в крупных городах Российской империи – 250

Штиглиц Александр Людвигович (фон Штиглиц; 1814–1884), барон, крупнейший российский финансист, промышленник, управляющий Государственным банком России (1860–1866), меценат – 264

Шубин Федот Иванович (1740–1805), великий русский скульптор – 273

Шулькевич П. Л. – 220

Шуляк Любовь Митрофановна (1896–1996), архитектор-реставратор – 247

Щеглова Ольга Валерьевна (род. 1987), культуролог, переводчик – 7, 84

Щеголева Мария Сергеевна, сотрудница Киевского губкописа – 223

Щербаковский Даниил Михайлович (1877–1927), искусствовед, археолог, этнограф, основатель двух национальных музеев в Украине – 220, 221, 223, 239, 240

Щусев Алексей Викторович (1873–1949), архитектор – 16, 30, 44, 52

Эвальд Виктор Владимирович (1860–1935), ученый, специалист в области строительных материалов, композитор и виолончелист – 247

Энгельбрехтсен Корнелис (1468–1533), нидерландский живописец – 279

Эрнст Федор Людвигович (1891–1942), историк украинского искусства – 211, 215, 220, 221, 223, 225–228, 239, 244

Эртель Александр Дмитриевич (1857 – после 1919), археолог, инженер, активный участник монархического движения в Киеве – 203

Юденич Николай Николаевич (1862–1933), военный деятель, генерал от инфантерии; один из самых успешных генералов России во время Первой мировой войны, во время Гражданской войны возглавлял силы, действовавшие

против советской власти на Северо-Западном направлении – 130, 162, 173, 179, 246

Юрий Долгорукий (1090-е – 1157), князь Ростово-Суздальский и великий князь Киевский, шестой сын Владимира Всеволодовича Мономаха; традиционно считается основателем Москвы – 68

Юрьев Сергей Владимирович (1881 – после 1917), церемониймейстер, старший помощник начальника отделения канцелярии Совета министров – 65

Юсупов Николай Борисович (1750–1831), князь, государственный деятель, дипломат, любитель искусства, известный коллекционер и меценат, владелец усадьбы Архангельское – 261

Юсуповы, русский княжеский род – 261

Яблочкин Владимир Александрович (1864–1931), русский военачальник, генерал-лейтенант; участник похода в Китай 1900–1901 гг., Русско-японской и Первой мировой войн – 151, 162, 183

Яворницкий Дмитрий Иванович (Эварницкий; 1855–1940), российский и украинский историк, археолог, этнограф, фольклорист, лексикограф, писатель – 244

Як, председатель Киевского губисполкома – 234

Якобсон Георгий Георгиевич (1871–1926), выдающийся русский энтомолог – 72

Якубенко Владимир Яковлевич, чекист, в 1930-е гг. начальник спецчасти Эрмитажа; директор научной библиотеки Академии художеств (1952–1953) – 290

Ян ван Эйк (ок. 1385 или 1390–1441), фламандский живописец раннего Возрождения – 278

Ятманов Григорий Степанович (1878–1949), государственный деятель, организатор охраны памятников истории и культуры в советской России; с 1917 г. комиссар Военно-революционного комитета по охране музеев, дворцов и художественных коллекций – 245, 246, 248, 258, 263–265

Яцемирский Александр Иванович (1873–1925), филолог-славист, один из авторов Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, специалист по истории Молдавии и Румынии – 53

Decauville Paul (1846–1922), французский инженер, придумавший переносные рельсовые железные дороги, имевшие обширное применение в сельском и лесном хозяйстве – 120

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА 5
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 8

ГЛАВА 1. ЛАВРСКИЙ ПОСЛУШНИК

Сирота 11
Лаврский архив 33
Добрейший профессор 38
В Рим! 46
Новгородская старина 53
Несбывшийся проект 59
Поездка в Москву 60
Лаврские торжества 63
Пополнение Древлехранилища 69
Грозовые тучи 74
Брат милосердия 76

ГЛАВА 2. НА ДОРОГАХ ВОЙНЫ

Минск 83
На Кавказский фронт… 92
Древний Трапезунд 129
В заботах о лазарете 155
Комитет по охране древних памятников Трапезунда 164
В неизвестность… 188
Первая конная 195

ГЛАВА 3. МУЗЕИ

Древний Киев 201
В поисках помощи 205
Новый музей 209
На страже церковных интересов 215
Музейный городок 224
Музейный фонд 245
Заонежская экспедиция 247
Дворцы и усадьбы 261
Перемены 262
Русский музей 265
«Приют отшельника» 277

Ученая степень 284
Торопецкая икона Божией Матери 285
Камень Тимура 287
Каменная могила… 289
В предвоенные годы 292
Война 293
Сотрудник отдела Истории русской культуры 302

ПОСЛЕСЛОВИЕ 314

БИБЛИОГРАФИЯ

Печатные труды Ф. М. Морозова 317
Архивные материалы 317
Литература 319

АННОТИРОВАННЫЙ ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 329

Духовно-просветительное издание

Щеглов *Гордей Эдуардович*

ХРАНИТЕЛЬ

Жизненный путь
Федора Михайловича Морозова

Редактор *Г. Э. Щеглов*
Компьютерный дизайн *Г. Э. Щеглов, Е. В. Шабад*
Компьютерная верстка *А. Е. Шабад*
Корректор *Л. В. Сутягина*

Подписано в печать 11.05.2012 Формат 72x102/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 59.5. Уч.-изд. л. 22.1+3.8 вкл. Тираж 300 экз. Заказ № 103.

Общество с ограниченной ответственностью «ВРАТА»
ЛИ №02330 / 0150259 от 08.04.2008.
Ул. Брестская, д. 34, комн. 34, 220099, г. Минск.
Т. [8-017] 212-85-16; e-mail: nebo@vrata.by.

Щеглов Гордей Эдуардович, магистр церковной истории, доцент Минских Духовных Академии и Семинарии.

Автор многочисленных статей и работ по истории Русской Православной Церкви, среди которых: «Год 1863. Забытые страницы» (2007); «Светильник Христов» (2008); «Степан Григорьевич Рункевич (1867–1924). Жизнь и служение на переломе эпох» (2008); «Сказание о Ельской (Васьковской) чудотворной иконе Божией Матери» (2008); «Печальник о благе народном. Жизнь и литературные труды Дмитрия Гавриловича Булгаковского» (2009) и др.

Лауреат премий: имени профессора В. В. Болотова 2008 года и имени митрополита Московского и Коломенского Макария (Булгакова) 2009 года.